

ЕВГЕНИЯ САФОНОВА

Смерть

и прочие неприятности

Ориг. 2

Annotation

Ева Нельская — типичная попаданка. Типичнее не придумаешь. Избранность — в наличии, некромант голубых кровей — в возлюбленных, будущий король в женихах — имеется, коварные враги плетут интриги, волшебный меч ждет, пока его владелица воплотит древнее пророчество.

Есть лишь один нюанс: Ева немножко, самую капельку мертва.

Ладно, на самом деле нюансов куда больше, но тшш...

- [Смерть и прочие неприятности. Opus 2](#)

- [Глава 1. Teneramente](#)
- [Глава 2. Con fuoco](#)
- [Глава 3. Dolente](#)
- [Глава 4. Irato](#)
- [Глава 5. Lacrimoso](#)
- [Глава 6. Attacca](#)
- [Глава 7. Affettuoso](#)
- [Глава 8. Martellato](#)
- [Глава 9. Cantabile](#)
- [Глава 10. Mosso](#)
- [Глава 11. Duetto](#)
- [Глава 12. Estinto](#)
- [Глава 13. Tremendo](#)
- [Глава 14. Lugubre](#)
- [Глава 15. Libero](#)
- [Глава 16. Vittorioso](#)
- [Глава 17. Magnifico](#)
- [Глава 18. Lamentoso](#)
- [Глава 19. Ripieno](#)
- [Глава 20. Divisi](#)
- [Глава 21. Silenzio](#)
- [Глава 22. Apotheosis](#)
- [Глава 23. Abschieds-Symphonie](#)

- [Глава 24. Fine](#)
-

Смерть и прочие неприятности. Opus 2
Евгения Сафонова
Цикл: Риджийский гамбит

Глава 1. Teneramente

(*прим.: Teneramente — ласково, мягко, нежно (муз.)

Поздравление Мэта с новым статусом (из решительного и твердого «не замужем» в романтическое «влюблена», которое стоило бы смешать с сомнительным «помолвлена», приправив задумчивым «все сложно») Ева получила в ночь после прелестного в своей спонтанности объяснения на лестнице.

Ночи предшествовал очень приятный вечер, в который они с Гербертом компенсировали отсутствие нового переведенного фильма для совместного просмотра другими совместными занятиями. В итоге провели время очень даже хорошо; но, как говорил один заботливый отец в фильме о небезызвестном паучке по имени Питер, «не слишком хорошо», ибо к столь быстрому развитию событий никто из них не стремился. События и так развились куда стремительнее, чем оба могли ожидать.

Не говоря уже о других причинах.

Занятия включали в себя совместное лежание продвинутой степени близости — на Евиной постели, куда они как-то незаметно добрались с лестницы, — разговоры обо всем и ни о чем, а также фейрипитие, которое им охотно организовал Эльен сразу по возвращении. Призрак явно был очень рад, когда, постучавшись в комнату к Еве (хотел вернуть Дерозе законной владелице), обнаружил там их обоих: не в смертельно переругавшемся состоянии, пусть и просто чинно сидящими рядом. Хотя, судя по его улыбке, их чинный вид сам по себе мог сообщить ему все, что нужно.

До Дерозе, вопреки Евиному обещанию, в тот вечер руки у нее так и не дошли. Хотя она не замедлила проверить, как инструмент перенес обратную дорогу в карете: брать его с собой, когда они с Гербертом перемещались магией, девушка не рискнула. Мало ли что.

— Почему все-таки ты выбрала меня? — спросил некромант незадолго до того, как отправиться спать.

На столике давно пустела глиняная кружка. Евина, сотканная призрачными нитями волшебства, исчезла еще раньше. Герберт

откинул голову на подушку, обнимая свою новообетенную слабость, рассеянно перебирая пальцами ее волосы; Ева — рядом, уютно устроив щеку у него на плече.

— Она его за муки полюбила, а он ее — за сострадание к ним, — хмыкнула она. Встретив непонимающий взгляд Герберта, явно без понимания отнесшегося что к Шекспиру, что к его легкому переименованию, посерьезнела. — Я не выбирала. Даже не думала выбирать.

— Потому что вы с Мираклом слишком мало знакомы?

— Потому что твой любимый Миракл вовсе не обязан быть моим любимым Мираклом. — Ева понадеялась, что это прозвучало достаточно терпеливо, ибо снова глупости о лиэре Совершенство она выслушивать не желала. — Если ты по каким-то причинам уверен, что любая девушка просто обречена упасть к его ногам, вынуждена тебя разочаровать. Не сомневаюсь в твоём чувстве вкуса... раз уж тебе хватило мудрости оценить такое сокровище, как я... но в том, какие мужчины нравятся мне, тебе положено разбираться похуже моего.

— Хорошо, почему ты... захотела со мной сблизиться? Я ведь не давал тебе повода. Скорее наоборот.

— Сама удивляюсь. Наверное, из-за кучи недостатков, которые так увлекательно выправлять.

Он наверняка расслышал иронию, сквозившую в ее последних ответах — но пальцы, скользившие сквозь золотистые волны ее волос, все равно замерли.

— Правда?

— Нет, — сказала Ева прежде, чем в комнате успело похолодать. — Я уже на лестнице сказала, почему. Хотя ты и правда далек от идеала. Но, как говорилось в финале одного хорошего фильма, «у каждого свои недостатки».

О том, что мириться с этими недостатками она все же не собиралась, Ева пока умолчала. Не хотелось портить настроение им обоим, руша с таким трудом достигнутое взаимопонимание. Даже если сейчас она поддавалась величайшему женскому заблуждению, имя которому «он изменится».

Хотя нет. Она не собиралась его менять. Собиралась просто разбить все то наносное, чем он привык прикрываться. Вытащить настоящего Герберта из кокона, в который загнал его отец, Айрес и

годы одиночества. Показать ему другой путь, на котором он сможет исполнить свои мечты. Потому что менять чужую суть, ломать ее под себя, оправдывая это любовью — значит любить иллюзию, мечту, мираж в своей голове: что угодно, кроме реального человека. И в конечном счете не любить вовсе.

Но аккуратно обтесать его сверху, сколов то неприятное, что мешает ему самому даже в большей степени, чем тебе — другое дело.

— Утешаюсь лишь тем, что ты тоже не идеал, — сообщил Герберт с усмешкой, смягчившей и без того не обидные для нее слова. — Знаешь ли.

— Да что ты говоришь. По-моему, я само совершенство.

Судя по усмешке, так и не покинувшей его губы, ее иронию он все-таки слышал прекрасно.

— Совершенство — статика, — сказал он затем. — Оптимальный результат. А результат всегда — нечто конечное. То, что достигло одной идеальной точки, застыло в одном идеальном моменте. Форме. Состоянии. А ты просто невероятно... живая.

Учитывая Евино состояние, слова здорово ее позабавили. Как и сама ситуация. Нормальная влюбленность непременно включает в себя период идеализирования и боготворения, когда свет любви (или того, что ты таковой считаешь) заслоняет для тебя все темные пятна на его источнике. С этого все начинается — и одновременно с ним чаще всего заканчивается. Слишком велико разочарование, когда свет блекнет, и ты вдруг видишь на своем личном солнце все то, чего предпочел бы не видеть.

Опыта отношений, начинающихся с того, что на носу у обоих сразу красуются прекрасные черные очки с надежной защитой от ультрафиолета, у Евы еще не было.

— Пожалуй, ты прав. Предпочту быть живой. — Она рассеянно поскребла кончиками пальцев по его груди, прикрытой тонкой тканью рубашки: каким-то кошачьим жестом, пытаясь найти в себе смелость задать рвущийся наружу вопрос. — А ты... когда в меня... — не решившись произнести то, что хотелось, по причине тошнотворной тривиальности последующего слова, она сдалась и произнесла другое — надеясь, что Герберт поймет. — Я до последнего не видела, чтобы я тебе нравилась. А тому, что видела, не хотела верить.

— И все равно решилась сделать то, что сделала?

— В наших сказках поцелуй традиционно превращает чудовищ в принцев. Я понадеялась, что трюк сработает и здесь.

Он тихо рассмеялся. Ничуть не обиженный на вновь золотившуюся в словах иронию. А Ева, гревшаяся его теплом — в прямом и переносном смысле, — понадеялась, что ему все же не слишком холодно. Она прекрасно помнила, как в свое время фырчала Динка, когда замерзшая Ева заползала к ней под одеяло, и как вопила сама Ева, когда сестра отвечала ей тем же: даже горячая сестринская любовь не могла компенсировать дискомфорт, возникающий, когда к твоим нагретым босым ногам прижимается нечто, по ощущениям сильно напоминающее снеговика. Ева не особо понимала тех девочек, что страстно вздыхали по прекрасным, сверкающим и холодным как лед вампирам; и мысли об ощущениях во время первой брачной ночи с тем, чей тактильный портрет похож на мерзлую статую, ее не особо прельщали.

Впрочем, сейчас между ними была одежда. Везде, кроме губ и ладоней. И, судя по всему, к холоду Герберт привык.

Профессия обязывала.

— Когда ты играла. Наверное. — Некромант задумчиво накручивал ее волосы на палец, обвивая ноготь бледно-золотистой шелковой прядью. — Может, раньше. Просто в тот момент понял.

— Так хорошо играла?

— И это тоже. — Он помолчал. — Когда ты играешь, ты... другая. И одновременно нет. Как будто суть пропустили сквозь хрустальную линзу, и вместо тихого мягкого света в глаза вдруг бьет слепящий луч.

Ева потупила глаза, изучая узор, черной шелковой ниткой вившийся по вороту его рубашки. Недоверчиво-польщенная — и тихо радующаяся, что, судя по всему, волшебное действие поцелуя не преуменьшали. Особенно когда за ним следует еще десяток-другой.

Может, завтра, проснувшись, он снова закроется. Может, завтра ей снова придется пробиваться сквозь стены. Но пока между ними царила та удивительная, безыскусная, почти невозможная степень откровенности, которой Ева не ожидала даже от себя.

Все черные очки виноваты. Не иначе.

— Никогда не любила смотреть, как я играю. На записях, — буркнула она, пытаясь скрыть смущение. — Всегда казалось, что я на сцене безумно смешная.

— Почему?

— Я за инструментом часто такая... насупленная. Хмурая. Когда мне трудно. А когда не трудно, улыбаюсь, как сумасшедшая.

— Ты просто погружаешься туда, где абсолютно забываешь о себе. Или возносишься. Растворяешься в том, что делаешь, в том, что любишь. Это прекрасно, а не смешно. И у тебя появляется такая трогательная морщинка на переносице... — позволив золотистой пряди размотаться и упасть на его рубашку, указательным пальцем Герберт коснулся ее подбородка, заставив Еву приподнять голову. — Вот здесь.

Когда он слегка коснулся губами ее лба — там, где на записях она и правда видела у себя складку, которую всегда мнила даже смешнее блаженной улыбки, — Ева поймала себя на том, что все еще не верит в происходящее. Что тот, кого она не так давно называла венценосным снобом, может быть таким. С другой стороны, он же был тем, кто совсем недавно на ее глазах так ласково трепал по меховому пузу своего кота... которого держал в стазисе несколько лет, потому что не хотел терять.

Была в нем и нежность, и чувствительность. До недавнего времени погребенная глубоко под слоем льда, которую он по различным причинам никак не готов был показать ей. Сама же когда-то думала: парень, который любит котиков, просто не может быть таким уж плохим.

Оставалось только надеяться, что их сказка и правда про красавицу и чудовище. А не про Золушку, которая снова обернется замарашкой, как только часы пробьют двенадцать.

— Хотя в чем-то ты права, — добавил Герберт. — Ты редко бываешь такой серьезной, как за инструментом.

— Имеешь что-то против?

— Кто-то же из нас должен быть несерьезным. Когда есть возможность. — Улыбка, наметившаяся в уголках его губ, погасла, на миг вернув в лицо отстраненность. — Скоро, полагаю, эта возможность тебе будет представляться не так часто.

Думать сейчас о королеве, восстании и мнимой помолвке Еве совершенно не хотелось. Как не хотелось, чтобы об этом думал Герберт. Так что она отвлекла его от этих мыслей тем же простым и действенным методом, что безотказно сработал на лестнице; и в итоге

Герберт, кажется, все же ушел от нее во вполне благостном расположении духа.

А посреди неизменно бессонной ночи, которую Ева коротала за чтением того же любовного фэнтези (сейчас казавшегося еще посредственнее, чем по пути к Гертруде, но тем более забавным), пытаясь как-то отвлечься от лихорадочных мыслей, не позволявших сосредоточиться ни на чем путном, она услышала стук в дверь.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ОТ 26.10:

К счастью, Ева заподозрила что-то еще прежде, чем открыла. Хотя бы потому, что вдруг вспомнила: она слишком давно не видела Мэта, а тот едва ли мог оставить все произошедшее без внимания.

Именно поэтому она не завизжала и даже не отшатнулась, увидев на пороге Герберта в окровавленной рубашке.

— Забыл самое важное, — проговорил тот, протягивая к ней руку.

На расправленной ладони лежало нечто, на первый взгляд напоминавшее кусок сырого мяса. На второй — то, что традиционно предлагают мужчины вместе с рукой.

— Мэт, хватит уже, — устало произнесла Ева, захлопывая дверь у него перед носом.

Естественно, это ничуть не смутило демона, пару секунд спустя спокойно пролетевшего сквозь дерево.

— И вот вся благодарность. А я так хотел исправить то, что наш малыш упустил. — Он был уже в привычном облики; в глазах плескался голубой огонь, искристая фиолетовая синь одежд не меняла оттенок под лучами волшебных кристаллов. — Спасибо.

— За что? — возвращаясь к кровати, уточнила Ева, не оборачиваясь.

— Что не разочаровала. Всегда считал девочек обманщицами от природы. Не хотелось менять свои убеждения спустя столько лет.

Это все-таки вынудило ее обернуться, непонимающе застыв в шаге от гобеленового покрывала, манящего мягкостью скрытой под ним пуховой перины.

— «Никакой принц, король, эльф или бог для меня не перевесит дом», — пропел Мэт, присаживаясь в изножье кровати, на резной спинке, спустив ноги на одеяло. Вернее, зависнув над спинкой, чуть не касаясь одеяла лаковыми туфлями — так что это вызвало у Евы возмущение куда меньшее, чем слова, озвученные точной копией ее

собственного голоса. — Кажется, так кое-кто говорил не так давно? Хотя, если подумать, некромант в перечень не входил, а принцем наш малыш является лишь формально.

— Я не...

— Что? Не собираешься отказываться от дома? Быть в ответе за тех, кого приручила? — в словах прорезалась какая-то кошачья интонация, издевательская в своей мурлыкающей вкрадчивой мягкости. — Ты же вроде так любишь эти слова, златовласка. Или для тебя словами они и остаются?

— Я не думала об этом, — совершенно честно отрезала Ева, падая на постель спиной назад.

— А если подумать?

Она промолчала. Потому что думать об этом ей тоже совершенно не хотелось. Не сейчас, не об одной из главных причин, по которой ей не хотелось сближаться с Гербертом; уж точно не так, как они в итоге сблизились. Ведь бросить его — значит предать, а не бросить — значит предать всех и все, что ждет по ту сторону прорехи.

Включая, возможно, саму себя.

Нет, только не поддаваться на провокации демонической кляксы. Гнать эти мысли из головы. Пока у них с Гербертом столько проблем, что о возвращении домой даже речи не идет. Начиная с той проблемы, что в своем текущем состоянии Ева от некроманта при всем желании никуда не денется.

И надо же было Мэту успешно отравить ей только-только обретенную радость... Впрочем, чего еще ожидать от демона.

— Не грусти, златовласка, — как раз сказал отравитель, пока она лежала, раскинув руки на кровати и старательно глядя в потолок. — Я мог бы разрешить дилемму. Позволить тебе не выбирать.

— Даже слышать не хочу.

— В моем мире я не только сумею тебя воскресить. Оттуда можно без труда открывать прорехи между вашими мирами. Мне это не под силу — законы Межгранья призваны держать нас взаперти, исключая зов извне. Но ты, полагаю, сможешь.

— Даже задумываться не собираюсь.

— Небольшая сделка, и через Межгранье ты сможешь странствовать туда-сюда по мирам не сложнее, чем на самолете. Быть везде как дома. На два дома, конечно, жить тяжело, но сама

возможность погостить у родителей... или, наоборот, навестить нашего любимого малыша...

— Даже не уговаривай.

— И не собирался. Это просто информация к сведению.

Он действительно замолчал. И, надо сказать, действительно изложил все вышесказанное без искушающих ноток. Просто, доброжелательно, как искренний дружеский совет. И, будь он проклят, в действительности Ева над информацией очень даже задумалась. Несмотря на то, что понимала: даже задумываться над любым предложением демона — очень, очень плохая идея.

Она могла отмахиваться от непрошенных мыслей сейчас, но ей придется решать что-то потом. Рано или поздно. А когда тебе предлагают возможность не взвешивать то, что тебе дорого, на разных чашах весов; не бояться обжечь холодом того, кого обнимаешь — Ева нет-нет да задумывалась об этом уже сегодня, а когда чуть подстынут эмоции, на лестнице снесшие ей все барьеры, подавляющие все доводы рассудка...

Черт. Так вот в чем был его интерес. Вот зачем Мэт хотел, чтобы они сблизились — помимо любопытства зрелища. Потому что таким образом у них обоих появились слабые места. То, на что можно давить, через что можно манипулировать.

И кто знает, что отныне он будет нашептывать Герберту.

— Я открою прореху, а ты со своими дружками-демонами радостно в нее кинешься. Веселиться в моем мире — согласно вашим представлениям о веселье, — вспоминая кое-какой мультик, где активно действовал треугольный демон, которого Мэт ей порой весьма напоминал, произнесла Ева зло: раздраженная на себя в той же степени, что и на него. — Так?

— У демонов не бывает друзей, — безмятежно откликнулся тот. — Лишь в ваших идеализированных мультяшных представлениях. Все, что мне нужно — свобода от цепей Межгранья. Таким сокровищем я не собираюсь делиться ни с кем.

— Тебя одного хватит, чтобы устроить локальный апокалипсис. Или глобальный, если я тебя недооцениваю. — Потянувшись за планшетом, Ева демонстративно уткнулась в недочитанную книгу. — Я не заключу с тобой сделку, Мэт. Даже не надейся.

Краем глаза она видела, как тот пожал плечами. Казалось, ни капельки не разочарованный. И это пугало Еву куда больше, чем если бы его лицо исказил гнев.

Он готов был просто терпеливо подождать другого, более подходящего момента. Вопрос, какого.

— Зачем ты так хочешь ожить?

Станный в своей элементарности вопрос все-таки заставил девушку поднять глаза: почти вопреки желанию, наградив демона недоуменным взглядом.

— Не хочу умирать. Разве не очевидно?

— Не хочу умирать, — безо всякого выражения повторил Мэт. — Одно и то же. Почти всегда. — Мерцающий лазурный свет его радужек странным образом потускнел, делая их почти человеческого оттенка. — Люди... Вы такие забавные. Приставь вам ко лбу пистолетное дуло, и вы закричите «я не хочу умирать», но лишь считанные скажут «я хочу жить». Вы боитесь смерти при том, что мало кто из вас действительно ценит жизнь. Некоторые умирают внутри задолго до того, как перестают дышать. И ходят, и дышат, и говорят... пустышки, медленно гниющие заживо, зачем-то еще существующие. Лишь для того, чтобы дышать, не понимая, что их дыхание само по себе удивительно. — Взгляд демона был устремлен куда-то сквозь нее. — Ваш мозг хранит тысячи терабайт информации. Ваше сердце перекачивает за жизнь миллионы литров крови. Вы рефлекторно совершаете действия, требующие идеально слаженной работы десятка мышц и миллиардов нейронов. Вы сами — филигранный шедевр генезиса, существующий в мире тепла, красок и невероятностей, способный позволить себе роскошь воспринимать все это нормой вещей. Докучливой обыденностью. И только и делаете, что ноете, и жалуетесь, и скучаете, и, подумать только, считаете жизнь надоедливой...

Ева поймала себя на том, что (вопреки всему, включая здравый смысл и чувство самосохранения) ощутила жалость. Потому что за шутовской маской вдруг проступило нечто бесконечно усталое — и столь же древнее, сколь вселенская тьма, открывавшаяся на дне его узких зрачков. Мэт мог сколько угодно прикидываться милым мальчишкой, но не стоило забывать, что на самом деле рядом с ними абсолютно нечеловеческое существо. Абсолютно сумасшедшее, если

брать за точку отсчета то состояние психики, которое люди привыкли именовать нормальным.

Абсолютно одинокое.

Его желание вырваться из холодной, безжизненной, бесформенной пустоты Межгранья, лишившей его даже толкового подобия облика, вполне можно было понять... если не учитывать, что Мэт определенно не смог бы мирно сосуществовать с теми, кто населяет миры вне этой пустоты. И вряд ли собирался.

— Но наш малыш прав. Ты не из таких, — заключил демон внезапно. — Даже сейчас ты живее многих, кто считает себя живыми лишь на основании бьющегося сердца.

Ева вспомнила, кого жалеет. Мигом вновь напряглась, как почуявший ловушку кролик:

— Зачем ты мне все это говоришь?

— Просто будет очень жаль, если в итоге ты так и останешься мертвой. Или не мертвой, но несчастной. Потому что не пожелала рискнуть и пойти ва-банк. — Мэт благостно улыбнулся; глаза его вновь полыхнули потусторонним фосфором. — Будучи мертвой снаружи, ты вскоре умрешь и внутри, ибо долго такое существование выдержать не сможешь. Не ты. Будучи живой и выбрав любой из миров, ты непременно будешь жалеть о том, который в итоге не выбрала.

К счастью, Ева неоднократно за жизнь досаждала своим недругам тем, что категорически не бралась «на слабо».

— Мы с Гербертом прекрасно обойдемся без твоей помощи. И что-нибудь придумаем, — очень уверенно сказала она. — Когда придет время.

Мэт лишь рассмеялся. Высоким залиvistым многоголосьем, нывшим в ушах перезвоном ржавых бубенцов.

Очень зловещим полным отсутствием в нем какой-либо зловещести, если не считать звонкую задорную безуминку.

— Посмотрим, златовласка, — прошептал демон, прежде чем раствориться за гранью зримого. Предоставляя Еве возможность хоть всю ночь невидящим взглядом смотреть на электронную вязь книжных строчек: теперь, в безнадежно испорченном настроении, резавшие глаза и чувство вкуса невыносимой тошнотворной бездарностью. — Посмотрим.

Глава 2. Con fuoco

(*прим.: Con fuoco — с огнем (муз.)

— Честно сказать, я удивлен, — задумчиво изрек Миракл, следующим вечером заглянувший в замок Рейолей.

— Чему, лиэр? — вышагивая рядом с ним по садовым дорожкам, осведомилась Ева.

— Мирк, — мягко поправил тот. — Даже при дворе нареченные зовут друг друга по имени. Привыкайте... вернее, привыкай. — Он вскинул руку чуть выше, освещая путь фонарем, внутри которого мерцал волшебный кристалл. — Удивлен, что вы с Уэртом все же сошлись.

Скрывая обескураженность, Ева сощурилась на белый свет фонаря, разгонявший сиреневую вечернюю мглу. Им Миракла заботливо снабдил Герберт, когда тот предложил Еве повторить прогулку по саду — наедине; и лишь абсолютная невыразительность лица некроманта в этот миг подсказала Еве, что восторга по поводу этой прогулки он отнюдь не испытывает.

Согласилась она на предложение, не особо пристойное после перемены в их с Гербертом отношениях, по одной причине: ей было, что обсудить с Мираклом без лишних ушей. Ему, как она подозревала, тоже.

— Это так заметно? — спросила Ева наконец, не видя смысла отрицать.

При посторонних они с Гербертом друг от друга не шарахались, но и вольностей себе не позволяли. Поутру некромант и вовсе встретил ее в тренировочном зале опущенными глазами, прохладным небрежным тоном и осторожными взглядами искоса. Всем своим видом безмолвно говоря «боже-что-я-вчера-творил», выдавая (как Ева и опасалась) жуткое похмелье после вчерашнего эмоционального запоя — и явно опасаясь в ее лице увидеть то же.

К счастью, разубедить его в этом удалось довольно быстро.

«Хватит так на меня смотреть», — потребовала Ева, вновь проявив инициативу приветственным поцелуем.

Немое «как?» она прочла в его пытливом и немного опасливом взгляде.

«Как будто я — объект жертвоприношения, которому бестолковые жрецы забыли в рот засунуть кляп. А ты — рогатое чудище, которое громкие вопли приводят в состояние неконтролируемой паники, не говоря уже о том, что напрочь отбивают аппетит. — Дождавшись, пока Герберт фыркнет, Ева удовлетворенно привстала на цыпочки, чтобы чмокнуть его в нос, окончательно разбивая тоненькую корочку бесчувственной наледи на его лице. — Я вчера была в здравом уме и твердой памяти, не сомневайся».

«Насколько вообще возможен здоровый ум в подобном состоянии», — пробормотал некромант.

«Неживом?»

«Неровно дышащем, скажем так».

«О, тогда тебе точно не о чем беспокоиться, — заверила его Ева, вновь коснувшись паркета невысокими широкими каблучками домашних туфель. — Мое дыхание по причине отсутствия смело можно считать самым ровным в мире. Ровнее не бывает».

Погасив мелькнувшую улыбку, Герберт посмотрел на нее почти сурово:

«Только спуска от меня по такому поводу не жди».

«И в мыслях не было».

Герберт слово сдержал: разучивание заклятия левитации на протяжении двух часов кряду оставило Еву совершенно без сил (и, если б не регенерация, оставило бы еще с разбитыми локтями, коленками и носом). Зато паутина неловкости, сотканная за ночь, больше между ними не возникала.

— Я научился замечать то, что люди стараются сделать незаметным, — сказал Миракл, потрескивая тонкой корочкой льда на лужах, бьющейся под его шагами. — Полезный навык для бойцов и королей.

— И шпионов. Уверен, что не ошибся с выбором профессии?

— С трона шпионить куда приятнее.

— А еще трон делает тебя куда заметнее. И куда... мишенистее.

Не сбиваться на «вы» пока стоило Еве немалых усилий. Тем необходимее было к этому привыкать.

— В том-то и дело, — произнес Миракл весело. — Беспечные люди смотрят вперед и не замечают того, что таится у них за спиной. Люди осторожные привыкли жить с оглядкой — и отвыкают всерьез относиться к тому, что нахально маячит у них под носом. — Он рассеянно оглянулся на окна замка, светившиеся за их спиной. — Значит, тебе удалось к нему пробиться.

— Будто это не ты способствовал тому, чтобы он закрылся, — аккуратно выкруливая на ту самую тему, которую ей хотелось обсудить, мягко заметила Ева.

— Не я. — Как и следовало ожидать, лицо Миракла разом стало жестким. — Он сам сделал выбор. Как я сделал свой, прекратив наше общение. Но это не значит, что я ни о чем не жалел.

— А почему не помириться, раз жалел?

— Есть вещи, которые нельзя простить. А если можно простить, то забыть — невозможно. Есть поступки, после которых ты уже не можешь относиться к человеку так, как относился раньше. Даже если захочешь.

— Ты даже не можешь быть уверен, что он действительно этот поступок совершил, — напомнила Ева. Расспросить Герберта о ссоре с братом она еще не успела — тема была слишком опасной, чтобы она рисковала нарушить хрупкое тепло их отношений; но подтолкнуть самого Миракла расспросить о том, что он так и не выяснил годы назад... — Не пробовал поговорить? Куда проще, чем шесть лет дуться в смертельном оскорблении.

— Мне кажется или ты хочешь сказать, что я дуюсь на ровном месте?

— Нет, конечно. «Я увидел вину в его глазах» — это ведь железное и неопровержимое доказательство свершенного предательства.

— Любовь к сарказму у вас обоих в крови, я вижу, — хмыкнул Миракл. — Ева, я знаю своего брата слишком хорошо, чтобы нуждаться в расспросах.

— Зато я знаю своего... некроманта слишком хорошо, чтобы верить в такое, — отрезала она. — Герберт не мог предать того, кого любит.

— Я знаю его с детства. Ты — меньше месяца. А теперь ты говоришь мне, чего он не мог сделать?

— Да. Именно это я и говорю. — Без труда прочтя в его снисходительном взгляде все то, что она сама думала о глупых девочках в стадии влюбленного идеализирования, Ева добавила: — Если резонируешь с кем-то, за месяц можешь узнать его лучше, чем иные — за сотню лет.

Миракл промолчал, мерно вышагивая под зимним небом, хрустальным в своей темной холодной прозрачности, коловшейся проступающими звездами.

— Уэрт рассказывал тебе, что стал самой молодой Звездой Венца за всю историю Керфи? — спросил он затем. — И самым молодым магистром?

Ева кивнула: рассказывал. Как раз вчера, пока они болтали обо всем, о чем не говорили прежде.

О Керфианском Колдовском Ковене, основанном Берндеттом, Эльен ей поведал уже давно. Эта организация объединяла всех магов и некромантов страны, обязанных вступить туда по достижении тринадцати лет — дабы предоставить возможность другим магам направлять и контролировать их деятельность. Над рядовыми магами стояли магистры (как поняла Ева, те маги, что защитили волшебную диссертацию), а управлял Ковеном так называемый Венец Магистров: восемь могущественнейших магов страны, почтительно называемых Звездами. Каждый из них избирался пожизненно, каждый обязан был совершить некое фундаментальное открытие в магической науке и доказать право зваться Звездой, пройдя череду сложнейших испытаний. Испытаний, которые могли убить тебя, если ты переоценил свои силы и замахнулся перескочить планку, до которой пока не дотягивал.

На данный момент Первой Звездой Венца являлась Ее Величество Айрес. Восьмой, избранной после смерти предыдущего обладателя этого звания — Герберт. Вступив в Ковен в положенные тринадцать, в четырнадцать он уже был магистром, а в пятнадцать заявил о праве на место в Венце; открытием, которое позволило ему это сделать, была регенерация мертвых, в свое время позволившая уцелеть Мелку, а впоследствии — Еве. До Герберта магическая регенерация была прерогативой исключительно живых: как только тело умирало, все попытки заставить его раны исцелиться оказывались бесполезны. Стазис с автоматической регенерацией, в котором ныне пребывали Ева

и Мелок, был вторым знаковым открытием Герберта, напрямую вытекавшим из первого: прежде стазис предохранял тела от разложения, но нисколько не способствовал заживлению полученных ими посмертно ран.

О третьем — чарам, благодаря которым Ева в итоге смогла вчера с интересом все это выслушать, а не бродить по замку покорным зомби, не заинтересованным даже в чужих мозгах — Герберт по некоторым причинам предпочел до поры до времени не распространяться.

Перспективы Герберта стать самой юной Звездой Венца за всю историю Керфи и были причиной, по которой покойный господин Рейоль так хотел подтолкнуть сына к скорейшему успешному воплощению его аналога «мертвой воды». Любыми способами, включая убийство его кота.

— Я так им гордился. В день, когда он получил звание Восьмой Звезды. Кричал, что мой брат — второй Берндетт... и подумать не мог, что однажды он действительно захочет им стать. — Когда Миракл вновь посмотрел на нее, Ева наконец поняла, почему он хотел поговорить с ней наедине. — Если у кого-то и получится отговорить его от этой затеи, то у тебя.

Обдумывая ответ, она посмотрела в небо.

Замерла.

Миракл проследил за ее взглядом как раз к моменту, когда золотистая точка в небе обернулась стремительно пикирующим драконом. Не говоря ни слова, одной рукой тут же поволок вяло упирающуюся Еву к замку, в другой сжимая молниеносно обнаженный меч. Впрочем, Гертруда аккуратно приземлилась на острые крыши замка Рейолей прежде, чем они преодолели хотя бы четверть пути, отделявшего их от арки внутреннего двора.

Драконица аккуратно склонилась к арке, выпустив из пасти яйцо, янтарем мерцающее в темноте. Когда то осторожно легло на брусчатку, с интересом воззрилась на Еву, виновато выглянувшую из-за плеча Миракла — тот с мечом наголо заслонял девушку собой.

— Здравствуй, золотце, — под аккомпанемент черепицы, бьющейся под ее когтями и глиняным дождем сыплющейся вниз, шелково пропела Гертруда; огненные прожилки жидким металлом разливались меж зелеными чешуйками. — Маленький некромант у себя?

ПРОДОЛЖЕНИЕ ОТ 02.11:

— Здравствуйте! — вежливо крикнула Ева, надеясь, что с такого расстояния ее услышат. Впрочем, для существа, привыкшего слушать песни душ и камней, расслышать человеческий голос за жалкую пару сотен метров — школьная задачка начальных классов. — Не ожидала вас увидеть!

Поскольку расстались они на том, что Герберт сам явится за ответом в драконий замок на другой день ближе к полуночи, то была чистая правда. Впрочем, Ева довольно быстро сообразила, чем может быть золотистая точка в небе — и ничего не сказала Мираклу лишь по одной причине: показать проще, чем рассказать.

Судя по тому, что лиэр Совершенство неуверенно опустил меч, выводы из происходящего он сделал правильные. Даром что о сделке о Гертрудой Миракл ведать не ведал — Герберт хотел рассказать все брату, лишь когда они с драконицей окончательно придут к согласию. Возможно, во избежание казусов стоило бы объяснить ему происходящее прежде, чем незваная гостья приземлилась; но объяснение все равно вышло бы слишком долгим, а бояться в случае казуса явно стоило скорее за Миракла, чем за Гертруду.

К счастью, тот был достаточно здравомыслящим, чтобы это понять.

— Решила прилететь сама. Все равно нужно было принести его сюда. — Тремя лапами держась за крышу, четвертой Гертруда заботливо прикрывала яйцо. — Вашей хваленой магии я такое путешествие не доверю... А это что за воинственный и подозрительно полифоничный юноша?

— Это Миракл Тибель. Кузен Гербеуэрта, будущий король, — невольно улыбнувшись формулировке, произнесла Ева, выступив из-за чужой спины. — Знакомься, Мирк — Гертруда. Тот самый дракон, которого вы с Гербертом собирались убить. Позже объясню.

— Да уж, буду благодарен, — слабым голосом проговорил тот, глядя в глаза драконицы, искрившиеся летом и солнцем, как вино из одуванчиков. — Польщен знакомством.

— Судя по отсутствию приветствия, не слишком, — вкрадчиво заметила Гертруда.

Миракл, на диво быстро взяв себя в руки, тут же слегка склонил стан, изящный даже в теплой зимней куртке.

— Простите мою неучтивость, — изрек он, почти незаметным в своей непринужденности движением вгоняя меч обратно в ножны. — До сего момента я не подозревал, что мой брат успел обзавестись такими... пылкими друзьями.

Гертруда, склонив голову набок, смерила его пристальным взглядом. Вернее, смерила бы, если б взгляд громадных драконьих глазищ не охватывал его с головы до пят без малейшего труда.

— Слишком много в тебе мелодий для милого мальчика. Впрочем, звучишь вполне консонансно, — вынесла вердикт она. — Доверять ему можно, но пусть эти красивые рыцарские жесты тебя не обманывают, золотце. Он тебя не любит.

Понять, куда именно драконица так насмешливо смотрит, было трудно, но Ева предположила, что на меч, теперь мирно висевший на поясе.

— Не любит в смысле «питает недобрые чувства» или в смысле «питает чувства исключительно добрые»? — уточнила девушка, косясь на Миракла, выдавшего ошеломление от подобного заявления разве что абсолютной непроницаемостью, вдруг застывшей на его лице.

— Его сердце не поет. Доброжелательный интерес, не более.

— Слава богу, — откликнулась Ева с нескрываемым облегчением.

Наверное, многие девушки на ее месте отреагировали бы прямо противоположным образом. Особенно попаданки. Но ей ко всем прочим проблемам не хватало только влюбленного принца — или Истинного Короля, невелика разница.

— А, так мелодия твоих чувств все же обращена не к нему? Надо же. — Драконица скучающе мотнула хвостом, едва не сшибив им острый шпиль ближайшей башенки. — Вчера по вам в жизни не сказала бы... впрочем, людей никогда не поймешь. У драконов все куда проще.

— К слову, о драконах, — произнес Миракл, следом за Евой медленно приближаясь к замку; юноша неотрывно глядел на яйцо, мутным янтарем золотившееся во тьме за драконьей лапой. — Его отец сегодня тоже осчастливит нас визитом?

Драконица ничем не проявила нежелание отвечать, — однако когда ответила, для огненного существа голос ее звучал на диво прохладно.

— Не беспокойся, мальчик. Его отец живет в горах. Очень далеко отсюда.

— Вот как. Огонь любви остыл?

Гертруда сощурилась, явно подозревая насмешку — но кристальной искренностью сочувствия, проявившегося в глазах и словах Миракла, можно было бы отделывать бальные платья, будь она капельку более материальной.

— Напротив, — изрекла она наконец. — Но без некоторой... встряски мы начинали скучать. И вот он все чаще улетает на охоту, а ты с досады вертишь хвостом перед молодыми дракончиками, а потом в один прекрасный день возвращаешься домой и вдруг обнаруживаешь в вашей сокровищнице какую-то писклявую костлявую принцессу... — драконица досадливо вздохнула, выпустив из ноздрей сноп рыжих искр. — В общем, когда после очередной ссоры я дотла спалила лес вокруг нашей пещеры, мы предпочли прелестям совместной жизни отношения на расстоянии.

— Грустно, — произнес Миракл с тем же искренним сочувствием. — Значит, чувства ваши были слишком... пламенными.

— Увы. — Гертруда перевела взгляд на Еву, наблюдавшую за беседой со смешливым интересом. — Запомни мой совет, золотце: дистанция — лучший залог вечной любви. А если к дистанции еще прилагается ранняя могила, тем лучше. Покойников любить куда проще.

Герберт соизволил появиться в арке именно в тот момент, когда Ева очень серьезно кивнула. В конце концов, показательно пренебрегать советом кого-то настолько великого (во всех смыслах) явно не стоило.

Оставалось надеяться, что некромант кивка либо не разглядел, либо отнесся к нему с пониманием.

— Приветствую, — произнес Герберт, аккуратно огибая яйцо и драконью лапу, вскинув голову к нависшей над ним чешуйчатой морде. — Как я понимаю, вы согласны на сделку.

— Если меня удовлетворит формулировка клятвы, которую ты собираешься принести, — прошелестела Гертруда.

— Дабы у вас не возникло сомнений в моей честности, формулировку мы обсудим вместе. — Приблизившись к Еве и брату,

застывшему с фонарем в опущенной руке, некромант выразительно кивнул в сторону внутреннего двора. — Без посторонних.

Первым порывом Евы было справедливо возмутиться тому, что он снова намерен все решать без нее. После чего девушка быстро сообразила, что присутствие Миракла в данной ситуации уж точно нежелательно (лучше обрадовать его свершенной сделкой постфактум, чем позволить вмешиваться в свершение) — и, покладисто кивнув, мягко потянула юношу в арку, откуда только что явился Герберт. Тот даже не сопротивлялся: видно, понимал, что о какой бы сделке ни шла речь, она им на пользу. Иную его брат заключать бы не стал.

К тому же возможность выпытать все у Евы, как только они останутся одни, определенно должна была прельщать Миракла больше, чем перспектива судорожно делать выводы из происходящего.

— Тебя здесь не обижают, золотце? — внезапно заботливо спросила Гертруда, когда они с Мираклом уже ступили на брусчатку внутреннего двора.

Подняв глаза, встречая участливый драконий взгляд, Ева недоуменно помотала головой.

— Если вчера ты смогла незаметно сбежать ко мне, за тобой явно не слишком хорошо приглядывают, — укоризненно косясь на некроманта, оставшегося по другую сторону арки, продолжила драконица, явно не убежденная ее правдивым молчаливым «нет». — Не хочешь все же перебраться в мою сокровищницу? Я со своих драгоценностей глаз не спускаю, уж поверь.

— Благодарю, но вынуждена отказаться, — как можно вежливее откликнулась Ева. — Люди — такие странные зверушки, знаете... любят всякие глупости вроде свободы воли, все такое.

Лишь сказав то, что она сказала, Ева подумала, что на сей раз свой сарказм можно было бы и сдержать. Пусть даже замаскированный любезностью так хорошо, насколько она вообще умела.

Тихий смешок Гертруды, раскатившийся по замку и темному саду вокруг, свалил с крыши еще несколько черепиц, легким вибрато отдаваясь в костях.

— Думаешь, мне неведомо, что есть свобода, золотце? Думаешь, неведомо, что это такое — отпускать? — гибкая драконья шея дрогнула: Гертруда, всматривавшаяся в людские фигурки во дворе, подняла голову, уставившись в темноту над замковыми крышами. —

Мне приходилось отпускать... того, с кем мы вместе летали в весенних танцах. Шестерых детей — все уже мертвы. Остались лишь те трое, что еще не родились, и отец их, с которым вижусь пару раз за век. — Когтистая лапа ласково огладила янтарную гладь яйца, под каменной скорлупой которого таился тусклый огонь. — Я бы всех их оставила при себе. Крохами, никогда не растущими, еще не умеющими летать. А приходилось отпускать, отпускать, одного за другим... потому что есть в жизни нечто большее, чем любовь, нечто большее, чем сама жизнь. То, что влечет и зовет нас. То, для чего мы рождены. — Желтые глаза поднялись кверху: к небу, манившему просторами, что были бескрайнее и глубже самого бескрайнего и глубокого из морей. — Если действительно любишь, ты не будешь держать его взаперти, пусть на прекраснейшей из привязей. Ты позволишь ему расправить крылья и ответить на зов.

Ева следила за драконицей: взгляд Гертруды зачаровывал нежной тоской и щемящей любовью к тому, на что он был устремлен. Потом посмотрела на Герберта — чтобы увидеть, как тот смотрит на нее.

У каждого из них было свое небо. И каждый прекрасно об этом знал.

— Даже если это означает, что ты можешь его потерять? — неотрывно глядя в бледное лицо некроманта, тихо спросила Ева.

— Даже если можешь потерять. — Драконица чуть сощурилась, прикрыв узкие зрачки слегка дрожащими веками. — Никто из нас не вправе отнимать у другого выбор. Не в том, что касается его счастья. Узлы любви хороши, лишь пока не заставляют и правда чувствовать себя связанным.

Когда Гертруда вновь опустила глаза, в сгущенном солнце ее радужек Еве почудился смешок понимания. Но откуда бы понимать ей, их обоих толком не знающей?..

— Помни об этом, золотце, — поворачиваясь к Герберту, закончила драконица. — Вдруг пригодится.

За процессом принесения клятвы они с Мираклом следили из окна тренировочного зала, удобно выходявшего прямо на место действия.

— Значит, спустя пять-десять лет мне придется кормить драконицу, веками разорявшую мое будущее королевство, и трех ее детенышей, — дорогой выслушав Евины пояснения к происходящему,

изрек Миракл: наблюдая, как тремя этажами ниже его брат кладет пальцы на черный драконий коготь. — Которые, насколько мне известно, на удивление быстро растут.

— Скажи спасибо, что не придется к тому же кормить их папу, — пожала плечами девушка.

— Пожалуй, убить ее было бы проще.

— Если не боишься рискнуть своей шкурой и попрощаться с какими-либо шансами получить от меня какую-либо помощь, еще не поздно.

— Я знал, конечно, что девушки любят зверушек, но думал, вы предпочитаете кого-то помельче и попушистее.

Ева лишь фыркнула, пока внизу Герберт расчерчивал левой рукой воздух, оставляя в нем вязь сиреневых рун. Расчерчивал до момента, когда его правую ладонь, лежавшую на драконьей лапе, пробило аметистовое сияние, пробежавшее вверх по рукаву — к сердцу.

Если верить библиотечным книгам, именно так выглядело свершение магической клятвы Эйф. Нарушение которой влекло за собой неминуемую и не самую быструю смерть.

— Теперь опционально сможешь попрощаться еще и с жизнью Герберта, — резюмировала Ева. За окном Гертруда, напоследок удовлетворенно перебросившись с некромантом парой слов, взлетела в темное небо, попрощавшись с обитателями замка вибрацией дрогнувших стен. — Возможно, этому ты будешь даже рад.

— Не думаю. Он не принес бы смертельную клятву, не предусматривающую случайную гибель вашей чешуйчатой знакомой по независящим от него обстоятельствам, — уверенно произнес Миракл — в тон ее собственным мыслям. — И нет, я не был бы этому рад. — Стоя бок о бок с ней, сложив руки на каменном подоконнике, юноша пристально посмотрел на нее; и Ева поняла, о чем пойдет речь, еще прежде, чем тот заговорил. — Ты должна убедить его не призывать Жнеца.

За окном Герберт исчез во тьме, окутывавшей внутренний двор. Драконье яйцо плавно плыло за ним по воздуху — куда бы некромант ни решил его перенести, он предпочел левитацию телепорту.

А ведь Миракл доверял ему. Даже сейчас, спустя все эти годы разлуки и обиды, он верил в своего брата. И ясно это

продемонстрировал, позволив Герберту заключить столь важную сделку в одиночку.

Что ни говори, это трогало.

— С чего ты решил, что у меня выйдет? — безнадежно сказала Ева.

— Тебе удалось договориться с драконом. Не сказать, что Уэрт намного безобиднее и сговорчивее, но после подобного опыта улестить его тебе все же будет несложно, надеюсь.

Ева отвела глаза, глядя вслед Гертруде, бесследно растворившейся в черной облачной выси.

Думая о том, что до разговора с ней не приходило ей в голову.

— А если это его небо?

Она не знала, поймет ли Миракл то, что было до боли понятно и близко ей самой. Но, судя по всему, понял.

В конце концов, у него тоже было то, что звало его к себе. Вопреки всему возможному риску.

— Магия — его небо. А это — его амбиции, привитые отцом и взращенные Айрес. Не более. — Миракл отвечал все с той же подкупающей уверенностью, что могла вселить сомнения в самое твердое сердце. — Я знаю.

Ева промолчала. Лишь подумала, что уже встречала примеры заботливых родственников, желающих тебе добра, уверенных, что они знают тебя лучше тебя самого.

И поняла, что очень не хочет брать в расчет вариант, при котором Миракл Тибель все же знает своего брата хуже, чем ему кажется.

Глава 3. Dolente

(*прим.: Dolente — жалобно, печально, скорбно, с болью (муз.)

Герберт вошел в комнату, когда Эльен проникновенно распевал «Балладу о лиоретте Риайне» под аккомпанемент Дерозе, тихо мурлыкающего короткие четырехзвучные арпеджио.

Баллада повествовала о нежной деве из простонародья, совершившей Финальный Обмен, чтобы спасти своего возлюбленного принца. И в основном базировалась на пяти несложных гармониях, так что подобрать инструментальное сопровождение для Евы труда не составило. Поскольку баллада приглянулась девушке еще с того урока, на котором Эльен впервые поведал об Обмене, теперь Ева с превеликим удовольствием вплетала звуки виолончели в пение призрака, нанизывая крупный бисер нот на бархатную нить влекущего голоса.

Надо сказать, скрип двери, сопроводивший появление Герберта, тоже прозвучал почти мелодично.

— Путь мой стелется под ноги, — пел Эльен в звенящей сдержанной нежности (они как раз дошли до кульминации, в которой в торжественном ре-мажоре и щемящем напеве, воспаряющем до самого ля первой октавы, свершался Обмен), — жизнь моя позади, смерть и любовь моя перед моим лицом... Ах, господин, это вы?

— Это так вы занимаетесь, значит, — устало произнес Герберт, когда Эльен поднялся с кровати, чтобы элегантно расшаркаться.

— Мы два часа разучивали танцы! Честно-честно, — запротестовала Ева, откладывая Дерозе на покрывало. — Теперь заслуженно отдыхаем от трудов.

— Неужели?

Вместо ответа она вслед за призраком поднялась на ноги, дабы присесть перед Гербертом в образцовом реверансе, каким керфианским дамам полагалось отвечать на приглашение к танцу: легкое неторопливое приседание, одна рука чуть не касается воображаемой юбки, другая — лифа воображаемого платья, прямо напротив сердца.

— О блистательный тир Гербеуэрт, Избранник Жнеца, покровитель Шейнских Земель, ярчайшая Звезда Венца Магистров, в сравнении с коей блекнут сами небесные светила... — взгляд, которым она одарила некроманта из-под ресниц, вышел весьма обольстительным в своей лукавой чопорной скромности. — Не осчастливите ли свое создание, озаренное величием вашей славы, покорное вашей воле, очарованное светом ваших очей, изволив станцевать со мной тильбейт?

В том, как тот поморщился, Ева без труда разглядела тщательно скрываемый смех. Впрочем, в глазах он все равно прорвался — и в том, как Герберт мельком поцеловал ее в макушку, когда она выпрямилась.

— Будь в меде твоей бессовестной лести чуть меньше патоки, я бы мог и поверить. — Когда некромант тяжело опустился на освобожденное ею место, Ева окончательно убедилась: чем бы Герберт ни занимался в часы, минувшие между утренним их уроком и этой встречей, оно здорово его вымотало. — Отдаю должное твоим заслугам, Эльен. Ты неплохо ее вышколил.

Дворецкий, наблюдавший за ними с умилением, сиявшим улыбкой на лице и бликами в серых с прозеленью глазах, лишь поклонился в знак признательности.

— Так ты не желаешь лично удостовериться в моих успехах? — самую капельку жалобно спросила Ева, в воображении уже расписавшая себе трепетную романтику первого танца влюбленных. А что: Он и Она, потрескивание поленьев в камине, Эльен, на заднем плане выводящий проникновенную песню в лучших традициях лирических хитов Диснея (в конце концов, чем призрачный дворецкий хуже поющего чайника?)... Правда, для каноничной Красавицы Еве недоставало многослойного бального платья и легкого налета провинциальности, а Герберту для Чудовища — парочки важных деталей вроде повышенной шерстистости и рогов; но три последних пункта были определенно к лучшему, а способствовать приобретению некромантом рогоносности Ева точно не собиралась.

И пусть нарисованная картинка была до прискорбного сладкой, в семнадцать можно изредка позволить себе навестить кондитерскую девичьих грез, в самом деле!

— Я не танцор. Ни разу, — сказал Герберт, окончательно подменяя сахарную вату розовых мечтаний сдержанной кислинкой реальности. — Но великодушно позволю сладкоречивой лиоретте упорхнуть к другому ее поклоннику, коли она так хочет порадовать меня наглядным воплощением своего прилежания.

Выразив разочарование демонстративной гримаской, Ева протянула руки Эльену, тут же с готовностью шагнувшему навстречу. Танцевать с призраком было забавно: ощущение его пальцев на талии — невесомых, осязаемых скорее мягкой колкостью ткани, чем реальными прикосновениями, однако определенно годных для опоры — могло и опытной танцовщицу сбить с толку. Но Ева уже привыкла.

С другой стороны, размышляла она, исполняя замысловатые па под мерный счет своего партнера (керфианский тильбейт, явно состоявший в дальнем родстве с земным менуэтом, танцевали на три восьмых), не приправленная кислинкой сладость быстро приедается. И приторности молочного шоколада Ева всегда предпочитала благородную горечь темного, а варенью — клюкву в сахаре.

Черт, как же все-таки она соскучилась по еде! Что за несправедливость: даже учась застольному этикету, не иметь возможности попробовать ни кусочка!..

— Неплохо, — великодушно бросил Герберт, когда они завершили танец и чинно расступились в ожидании вердикта. — Так и быть, поверю, что уроки вы посвящали не одному лишь отдыху от них. Эльен, буду благодарен за фейр.

— Как будто ты и в самом деле в нас сомневался, — сказала Ева, когда призрак оставил их наедине.

— Почему нет?

— Если б сомневался, устроил мне экзамен куда раньше. Ты слишком хорошо знаешь Эльена, чтобы позволить себе думать, будто он может тебя подвести.

— Пугающая проницательность, — отозвался Герберт с иронией. Откинулся на гобеленовое покрывало, расплескав светлые пряди по цветочному плетению пестрых нитей. — Иди сюда.

Эльен, о грядущем возвращении которого Ева успела благополучно забыть, застал их в обнимку по соседству с Дерозе: убрать виолончель пока было недосуг. И если Ева дернулась, когда

дверь открылась — невольно, пусть даже к тому моменту они уже просто лежали рядом, — Герберт даже не шелохнулся.

Впрочем, здесь аристократы привыкли не замечать слуг. А у тех, судя по неуловимости скелетов, встречи с которыми за все время своего пребывания в замке Рейолей Ева могла пересчитать по пальцам, умение быть незаметными за жизнь входило в плоть и крови. Ну и в кости, остававшиеся после утраты того и другого. Наверное, вскоре Ева тоже привыкнет... Привыкла же, к примеру, валяться на кровати прямо в туфлях — Эльен в свое время убедительно ей растолковал, что в светском обществе принято спокойно забираться с обутыми ногами и на диваны, и в кресла, и в застеленные постели. Туфли снимают исключительно перед сном, никак не для коротких отдохновений, а о чистоте полов, мебели и покрывал пусть заботятся слуги.

— Чем занимался? — поборов неловкость, спросила Ева, когда призрак безмолвно удалился, оставив фейр и печенье на прикроватном столике.

— Воскрешающей формулой, — пробормотал Герберт ей в волосы. Обнимая ее сзади, как дома Ева обнимала подаренного Динкой огромного плюшевого медведя: скорее сонно, чем страстно.

— Для меня?..

— Для кого же еще.

Новость была для Евы в новинку. Она-то уже свыклась с мыслью, что без посторонней помощи в деле ее воскрешения некроманту никак не обойтись.

Но, как выяснилось, он все-таки пытался.

— И как успехи?

— Не слишком хорошо.

Повернувшись в его руках, Ева кончиками пальцев обвела фиолетовые тени, кругами расползавшиеся у Герберта под глазами. Лишь сейчас задаваясь вопросом, сколько же, собственно, он спит. Вчера после ухода Миракла они разошлись довольно рано, но Герберт выглядел человеком, который высыпался разве что откуда-то. Да и когда бы ему нормально спать? Вся эта возня с пророчеством, уроки и другое времяпровождение с ней, забота о землях под его управлением, а тут еще и формула...

— Не расстраивайся. Даже для тебя изобрести такое с первого раза было бы слишком сказочно.

— Я работаю над ней неделю, — глядя в точку чуть выше ее бровей, проговорил некромант едва слышно. — Пока не вывел даже черновик, с которым можно было бы приступить к опытам. Слишком много сложностей. Слишком много факторов, которые нужно принять в расчет.

— У тебя сейчас слишком много других забот, чтобы ты мог как следует на ней сосредоточиться, — уверенно напомнила Ева. Искренне радуясь, что анализ собственных ощущений не обнаружил тревоги по этому поводу: меньше всего на свете Герберту сейчас были бы нужны ее расстройства и сомнения. — Как разберемся с пророчеством, дело пойдет на лад. К тому же Айрес может помочь, ты сам говорил.

— Да. Говорил. — Помолчав, он погладил ее губы нежным коротким поцелуем. — Сыграешь мне?

Ева, помедлив, села. Потянулась за Дерозе, думая о том, о чем предпочла бы не думать.

Она хотела, но не могла забыть некогда брошенные Гербертом презрительные слова о «мертвых прелестях». И иногда ей становилось интересно, были ли Герберту самому приятны его проявления нежности — или в первую очередь он проявлял их для нее. С одной стороны, полномерная приязнь при ее текущем состоянии была бы довольно странной — и папахивающей теми интерпретациями истории Белоснежки, где на поцелуй с девой в гробу (пусть даже красивейшей на свете) прекрасного принца толкнули вкусы даже более специфические, чем у почтенного господина Грея (не Дориана). С другой, Еве очень не хотелось чувствовать себя... ущербной. Каковой в некотором смысле она и являлась, пусть даже ущербность выдавала себя лишь пониженной температурой.

Герберт не хуже нее должен был понимать, как бы ранила ее демонстрация брезгливости с его стороны. Даже если и правда ее испытывал.

— Я не делаю того, чего сам не желаю, — слышалось с кровати, пока Ева устраивалась на стуле, выпрошенного у Эльена несколько дней назад. — Если вздумала переживать из-за всяких глупостей.

Дерозе замер между ее коленей, когда девушка невольно повернула голову:

— Ты что, еще и телепатией балуешься на досуге?

— Не тебе же одной быть проницательной. — Герберт сидел на постели, прислонив затылок к резному деревянному изголовью, глядя на нее с легкой необидной насмешкой. — У тебя все читается в глазах. Если только ты не стараешься что-то скрыть.

...«я прочел вину в его глазах»...

— Ты ведь не сдавал Айрес отца Миракла?

Вопрос вырвался импульсивно. В первую очередь потому, что он вот уже несколько дней очень хотел вырваться, — и сейчас, воспользовавшись расстроенностью Евиных чувств, наконец решился это сделать.

И Ева пожалела о нем сразу, как только увидела, как изменилось лицо Герберта: возвращая в его глаза голубой лед.

— А ты как думаешь?

Ответный вопрос прозвучал абсолютно бесстрастно. И пусть Ева не могла похвастаться слухом столь же тонким, как у Гертруды, она вполне расслышала другой вопрос, в действительности за ним скрывавшийся.

«Так ты тоже можешь от меня отвернуться?»

— Нет, — без раздумий ответила Ева. На оба вопроса разом, напряженными пальцами опущенной руки сжимая смычок. — Ты не предал бы его. Я в это не верю.

Он долго изучал взглядом ее черты. Словно выискивая ложь, притаившуюся в уголках глаз или изгибе губ.

Не находя.

— Я и не предавал.

Когда Герберт заговорил вновь, в глаза его уже вернулась жизнь. А вместе с ней — нечто, что помешало Еве с облегчением выдохнуть «я и не сомневалась». Печаль, слишком глубокая для простого сожаления о напрасности размолвки.

То, что Ева и сама назвала бы виной.

— Это был не я, — добавил Герберт. Так тихо, как прозвучало бы пианиссимо на струне под сурдиной. — Это была моя клятва.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ОТ 07.11:

Она лишь нахмурилась непонимающе. Наверное, потому что сложно было высказать вслух вопросы, еще больше бередающую его рану, за минувшие годы явно так и не затянувшуюся.

Но Герберт, естественно, и сам осознавал необходимость пояснений.

— Я принес Айрес клятву вассала. Магическую. Когда мне было пять. — Это он произнес уже в полный голос: спокойно, почти буднично. — Я тогда даже не понимал в полной мере, что делаю. И не боялся, ведь об этом просила моя милая, любимая тетя Айри.

Глядя в его лицо — в котором не проявилось ни капли сарказма, словами явно подразумевавшегося, — Ева на миг испытала жгучее желание встретиться с Ее Величеством Айрес прямо сейчас. И все-таки ознакомить ее с методами испанской инквизиции: чисто в образовательных целях.

О клятве вассала Ева тоже читала. Там же, где прочла о клятве Эйф. Ее усовершенствованную формулу вплетали в ритуал поднятия мертвых, и именно она создавала ту односторонне-подчиняющую связь, что существовала между некромантом и его слугами.

Ту, что установилась между Гербертом и Евой.

— Когда Айрес отдает мне приказ, я не смею его послушаться, — продолжил Герберт, решивший на всякий случай разъяснить суть дела. — В тот день Айрес велела мне рассказать все, что я знаю про дядино расследование. Про документы, которые он собрал, про тайник, в котором их прятал. Вопросы были слишком точны, чтобы выкрутиться недоговорками или полуправдой, а я — слишком растерян, чтобы как следует пытаться. Я не ожидал этого. Не от нее. — Он отсутствующим взглядом смотрел на виолончель, блестящим шпилем попиравшую пол. — Потом меня посадили под замок с запретом на телепорт. Чтобы я не смог предупредить Мирка. И выпустили, лишь когда с его отцом было покончено.

Ева вдруг поняла: она почти успела забыть, что отец Миракл — родной дядя Герберта. И родной брат королевы. Наверное, потому что ей сложно было уложить в голове, как можно столь хладнокровно расправиться с кровным родственником.

Впрочем, как можно взять со своего пятилетнего племянника клятву абсолютного подчинения, тоже.

Бедный, бедный Герберт. Выходит, он бы и не смог спасти Еву тогда, в лесу. Даже если бы хотел, даже если бы попытался. И самому свергнуть Айрес ему никак не по силам, лишь чужими руками. Он и так ходит по лезвию ножа — вместе с ней; ведь стоит королеве узнать,

кого ее наследник прячет в своем замке... Достаточно одного точно сформулированного приказа, чтобы немертвая Избранная Ева Нельская превратилась во вполне себе мертвую. Хорошо хоть клятва вассала, в отличие от власти некроманта над поднятыми слугами, не позволяла отдавать приказы мысленно и на расстоянии: «сюзерен» обязан был высказывать их вслух, начиная строго со слов «Силой клятвы твоей повелеваю тебе», «вассал» же в свою очередь должен был находиться достаточно близко, чтобы это услышать. В данной ситуации это немножко да ободряло.

Впрочем, обо всех возможных последствиях этого неприятного обстоятельства Ева предпочла не задумываться. Не сейчас. Сейчас она предпочла задать вопросы, напрямую связанные с тем, что подтолкнуло ее завести этот разговор.

Пусть даже в итоге они оказывались далеко не самыми актуальными.

— Миракл знает о клятве?

Герберт качнул головой, неотрывно изучая глазами изгибы лакированного деревянного корпуса.

— Никто не знает. Формулировка предполагает, что я не могу рассказать о ней ни одной живой душе. И не был уверен, что выйдет рассказать тебе. — Неживая безэмоциональность его голоса заставила Еву сжать в ладони смычок почти до неощутимой боли. — Сама понимаешь, почему ты все же являешься исключением.

Она понимала. И — как она полагала — исключением являлась не только потому, что не была живой.

Еще пару недель назад Герберт вряд ли стал бы ей это рассказывать. Даже если б она спросила.

— А Эльен?

— Он не знает.

— Почему?! — Ева сердито подалась вперед, чувствуя, как вжимается в шею теплое дерево грифа. — Ты мог бы рассказать ему, а он — все объяснить Мираклу! Передать...

— Айрес явно не желала, чтобы о клятве было известно кому-то, кроме нас двоих. Рассказать Мирку значило подставить его под удар. И раз он поверил в то, что я могу предать его... по своей воле... объяснять было незачем. — Герберт высказал это так равнодушно,

будто ему и правда было совершенно плевать. — Эльен, к слову, не поверил. Как и ты.

Подобный максимализм вызвал у Евы смутное желание огреть некроманта смычком по макушке. Впрочем, чего еще она хотела? Максималист в одном будет максималистом и в другом; а в том, что хотя бы один аспект своей жизни Гербеуэрт тир Рейоль измеряет исключительно абсолютом, Ева уже имела возможность убедиться.

— И твои родители... они поэтому погибли, да? — сопоставив факты, предположила она неуверенно. — Поэтому напали на Айрес тогда? Каким-то образом узнали о клятве, разозлились и...

— Я не знаю. Но это весьма вероятно.

Сухие слова просыпались, как канифольная пыль: так отстраненно, будто вовсе его не касались.

— Ты и Жнеца поэтому собираешься призвать? — ей почти удалось скрыть в голосе надежду, порожденную этой неожиданной мыслью. — Потому что Айрес тебе приказала?

— Нет. — Твердость ответа убила всю ее надежду на корню. — Это мое желание. Нужно хотеть этого всей душой, иначе ритуал просто не осуществится. — Герберт наконец встретился с ней взглядом; усталость, тускневшая в его глазах, болью щипнула душу — точно плохой музыкант играл на ней пиццикато. — Не думай об Айрес слишком плохо. То был единственный раз, когда она воспользовалась клятвой... иначе я бы никогда не решился пойти в тот лес, где нашел тебя.

Это отчасти объясняло то, о чем Ева задумалась минутой раньше. Будь для королевы привычным регулярно допрашивать племянника о его действиях, Герберт вряд ли рискнул бы связываться с настолько опасным предприятием.

Однако после всего, что Ева уже успела узнать о Ее Величестве, подобная щедрость с ее стороны представлялась маловероятной.

— Хочешь сказать, она не пользуется абсолютной властью над тобой? Почему?

— Потому что любит меня, — просто ответил Герберт. — И понимает, что пользоваться этой властью — значит заставить меня возненавидеть ее больше всех на свете. Ей же всегда хотелось, чтобы я ее любил.

— И ты любишь?

Ева понимала, что этим вопросом лезет на совсем уже запретную территорию. Но не задать его не могла.

Ответу предшествовала недолгая и довольно-таки тревожная пауза.

— Пожалуй, — сказал Герберт наконец. — В той же мере, что ненавижу. — Он сцепил руки, до того лежавшие вдоль тела; лишь этот страдальческий жест — не голос, оставшийся ровным, не лицо, оставшееся гладким — выдал, как тяжело далось ему признание. — Она была мне ближе родной матери, пока я рос. Она многое для меня сделала. И, полагаю, клятву в основном взяла, просто чтобы... обезопасить себя. Когда среди твоих родственников некромант такой силы, невольно начнешь думать о безопасности.

— Даже если ему всего пять?!

— В пять я уже был весьма многообещающим ребенком.

И он ведь ПОНИМАЕТ ее, с ужасом осознала Ева, услышав этот спокойный ответ. Понимает — что Айрес, что отца. Понимает, почему они делали с ним то, что делали, цели и причины, которые их на это толкнули. И не осуждает; или осуждает не больше, чем отец непослушного подростка — действия собственных родителей, в тяжелые годы его бунтарского отрочества доводивших дитятко до истерик запретом на сигареты, алкоголь и ночные загулы с друзьями. То есть приятного в этих воспоминаниях, конечно, мало, но «ну теперь-то я знаю, что они чувствовали» и «они же хотели как лучше».

— Она без раздумий устранила твоих родителей, — напомнила Ева, выбрав самое мягкое высказывание из всех, что просились на ум. — И отца Миракла. Родную сестру, родного брата.

Герберт лишь плечами пожал:

— Родственные узы для Айрес никогда не являлись священными.

— Значит, и ты для нее — ничто. И от тебя она избавится с той же легкостью, если будешь ей мешать. Если восстанешь против нее.

— Не думаю. — Задумчивость, скользнувшая в ответе, ясно дала понять: он размышлял о подобной перспективе, и не раз. — Для нее я... особенный. И я нужен ей.

Зная Герберта, Ева могла быть уверенной — им руководило не желание обманываться. Он действительно здраво взвесил все «за» и «против», которые могла учитывать Айрес при решении задачки о его

устранении. И пришел к данным выводам, самую малость утешающим.

Но недостаточно, чтобы Ева могла и правда позволить себе утешиться.

— А если она велит тебе рассказать о нас? — все же решилась спросить она. — О Миракле, о пророчестве, обо всем?

— О тебе она не узнает. Могу поклясться. — Это Герберт произнес с успокаивающей твердостью и капелькой раздражительности — как ни странно, тоже успокаивающей. Эта раздражительность говорила «естественно, я не мог об этом не задумываться; неужели ты такая глупенькая, что считаешь иначе?» — Она уверена, что ты мертва. Даже если у нее возникнут подозрения на этот счет, ты сама давно поняла, что клятву можно обмануть. Не говоря уже о том, что тогда Айрес застала меня врасплох, а после того раза я как следует продумал возможные методы сопротивления. — Ева хорошо различила мгновенные колебания, скользнувшие в его голосе перед заключающими фразами: — Но это одна из причин, по которой я не прошу Миракла рассказать мне о плане восстания. Не хочу знать ничего, что могло бы снова его подставить. На всякий случай.

— Тот случай, когда неведение уж точно благо, — пробормотала Ева, радуясь, что Герберт все же не побоялся беспокоить ее этим. Рассеянно поболтала смычок в пальцах, словно проверяя балансировку. — Должно быть, его страшно удивляет подобное отсутствие любопытства с твоей стороны.

— Должно быть, он считает, что после нашей ссоры я просто не решаюсь попросить его о чем-то подобном. Ибо он все равно не расскажет, а я не так глуп, чтобы излагать напрасные просьбы.

— Так вот почему Айрес ничего не боится. Если ты призовешь Жнеца, народ полюбит тебя. А раз ты беспрекословно подчиняешься ей, ты точно не воспользуешься этим в свою пользу... — размышляя вслух, она мысленно вернулась к самому началу разговора. — Но откуда она знала, о чем тебя спрашивать? Ты сказал, ее вопросы были слишком точны, а ведь...

— Думаю, Охрана давно следила за отцом Миракла. Айрес знала, что документы существуют. Знала, что есть тайник. Не знала лишь, где. А тут — такая удобная возможность... наверняка и за Мирком тоже следили. И когда тот вдруг в расстроенных чувствах, на ночь

глядя помчался ко мне, Айрес просто сделала правильные выводы. — Герберт помолчал. — Могу ошибаться, но по каким-то причинам ей было важно, чтобы именно я выдал эту тайну. Чтобы Мирк понял, что это сделал я.

— Зачем?

— Рассорить нас. Взрастить во мне чувство вины. Помешать нам в один прекрасный день объединиться и восстать против нее... не знаю. — Он вновь уставился в пространство отсутствующим взглядом. — Иногда мне кажется, ей очень хочется отдалить меня от всех, кроме нее самой. Возможно, она сделала это, чтобы я убедился: по-настоящему в меня не верит никто, кроме нее.

— Я верю.

Ева сказала это со всей возможной деликатностью. Не гордо, не настойчиво, просто напоминая. И когда Герберт вновь сфокусировался на ее лице, его собственное самую капельку смягчилось:

— Я знаю.

На миг Еве захотелось отложить Дерозе и, вернувшись на кровать, вытащить из несчастного замкнутого некроманта того Герберта, с которым они совсем недавно лежали в обнимку. Но вместо этого она наконец провела смычком по струне «ля», пробуя звук на вкус — и, найдя его тускловатым, вспомнила, что давно не канифолила смычок.

— Я сейчас, — бережно положив виолончель на пол, сказала она, под внимательным взглядом Герберта доставая канифоль из футляра.

Часто канифолировать смычок Ева не любила. Раз в неделю или две на ее взгляд было вполне достаточно: качественной немецкой канифолью хватало надолго, да и пыли при таком раскладе на струнах и корпусе оставалось меньше. Хотя она все равно не забывала после каждого занятия исправно протирать Дерозе мягкой тряпочкой.

Открыв пластиковый футлярчик, думая о своем, Ева методично водила смычком по смоляному бруску... пока — после четвертого движения — не заметила запоздало, как белый волос обретает коричневый оттенок, а пальцы ее осыпает нечто чужеродное.

Уставившись на канифоль, она удостоверилась, что вместо солнечной смолы пластиковый прямоугольник заполняет подозрительно знакомый порошок: чуть светлее и желтее какао. Втянула носом воздух.

— Мэт!!!

Демон проявился спустя пару секунд.

— Какой комплимент художнику — когда по творениям миглом распознают почерк творца, — с воистину лучезарным выражением мальчишеского личика отметил он.

— От твоих «творений» веет прискорбным однообразием, — констатировала Ева, переборов желание немедленно отряхнуть пальцы и смычок, перепачканные в иллюзорной корице. — Когда художник мусолит одну и ту же тему, это пахнет деградацией.

— Разве можно вменить мне в вину любовь к этюдам в коричневых тонах?

— Хватит пастись в моей голове! Верни мне канифоль!

— Просто хотел придать обстановке чуть больше подходящего романтизма. Или предпочитаешь естественным ароматизаторам воняющие свечи? — демонстративно тяжело вздохнув, Мэт изобразил позерский щелчок пальцами. — Скудный мещанский консерватизм, златовласка.

— Только одно меня и радует, — сморщила нос девушка, когда волос вернул себе подходящую белизну, а канифоль вновь обернулась положенным золотистым брусом. — Месяц на исходе, так что скоро мы с тобой попрощаемся.

В повисшем в комнате молчании, приправленном широкой улыбкой Мэта и хмыканьем Герберта, Ева припомнила уроки с Эльеном.

И простонала:

— Вот черт...

— Предпочитаю «демон», — услужливо откликнулся Мэт. — Не считай меня славянофобом, просто звучит более складно.

Проблема состояла в том, что в иномирье и время измеряли по-иному. К примеру, керфианский день делился на десять часов вместо земных двадцати четырех. А год — на шесть месяцев вместо двенадцати.

В каждом из которых вместо тридцати дней было примерно шестьдесят.

— Мы попрощаемся с ним вскоре после Дня Жнеца Милосердного, — сообщил Герберт с явным сожалением. — Если он не нарушит условий контракта раньше. На что я, откровенно говоря, надеюсь.

— Да брось, малыш, — проговорил демон с видом оскорбленной невинности. — Неужто я так тебе не мил? Неужели не помогаю капельку сбить твой удручающе повышенный градус серьезности? Разве не веду себя как пай-мальчик, не мешая вам миловаться и ворковать?

— Если вспомнить, что вытворяли тебе подобные, заполучив себе тело — пожалуй.

— О, что ты, — глядя на Еву, сказал Мэт. — О такой роскоши я и мечтать не смею.

Молча закончив с канифолью, Ева закрыла ее крышкой — и, вернув в футляр, подняла с пола Дерозе.

Она определенно предпочитала сконцентрироваться на музыке, чем на так некстати пришедших догадках о том, какую все-таки цену Мэт может запросить за ее жизнь.

Глава 4. Irato

(*прим.: Irato — гневно, разгневано, раздраженно, рассерженно (муз.)

Приятную весть Кейлус получил аккурат в другой приятный момент: когда выводил последний такт заключительной части новой сонаты.

— Он ждет, — заглянув в гостиную сразу после короткого предупреждающего стука, с порога сказал Тим.

Торопиться — даже ради такого знаменательного события, даже несмотря на предвкушение, заставившее опахало письменного пера в его пальцах задрожать — Кейлус не стал. Музыка, эта капризная и ревнивая возлюбленная, не любила, когда ей пренебрегают в пользу чего бы то ни было. Так что он аккуратно дописал финальный аккорд и прочертил завершающую тактовую черту; и лишь убедившись, что фиолетовые чернила не размажутся, позволил себе подняться с банкетки за клаустуром, лоснившейся песочным бархатом.

Пленник ждал в Сером зале, где хозяева дома издавна любили назначать деликатные встречи: туда легко было зайти с черного хода и спуститься по потайной лестнице, незаметно для всех остальных домочадцев. Охотники за головами, доставившие пойманную жертву, переместились из Шейна напрямик на задний двор имения — для надежности Кейлус велел им удостовериться, что по прибытии их никто не увидит. Когда он вышел из потайной двери, их в зале уже не было; зато ничком валявшийся на полу парень дернулся и замычал — помимо мешка на голову ему явно сунули в рот кляп.

Тим спускаться не стал. Слишком хорошо знал, что в случае спуска ему предстоит наблюдать, а у его золотого мальчика было золотое же сердце.

— Тише, — опускаясь на колени рядом с пленником, сказал Кейлус.

Конечно, те охотники за головами, к которым он обратился, вовсе не были пособниками законной власти, отслеживающими беглых преступников. Однако они предпочитали именовать себя «охотниками» вместо пошлого «наемники», а Кейлус всегда уважал

маленькие причуды тех, с кем имел дела. У него самого было слишком много маленьких причуд, чтобы он мог забывать о чужих; к тому же Кейлус имел все основания подозревать, что его охотники могли являть собой куда более достойных представителей рода человеческого, чем работающая на Айрес шваль. Даже если не касаться вырожденцев из Охраны — всех, в здравом уме поддерживающих режим сестрицы, Кейлус считал слишком безмозглыми и вульгарными, чтобы жить.

Нет, он безусловно понимал желание заставить персону, причинившую тебе муки (особенно если удар ее ранил чувство эстетизма), издохнуть как можно более долгой и мучительной смертью. Равно как и причинение боли к обоюдному удовольствию, в рамках изысканной любовной игры. Но пытаться по чужой указке, из врожденного садизма, наслаждаясь тошнотворным зрелищем льющейся крови?.. Фи.

Впрочем, Айрес всегда отличало дурновкусие. Неудивительно, что и разделявших ее взгляды на власть боги обидели тем же прискорбным качеством.

— Прошу извинить за столь нерадушный прием, — почти певуче произнес Кейлус, с улыбкой снимая плотную мешковину с головы пленника, притихшего на сером мраморе пола. — Обстоятельства вынуждают.

Кейлус ждал его со вчерашнего дня. С момента, как Тим сообщил, что охотники за головами наконец обнаружили в Шейне того, кто подошел под заданное Кейлусом описание. Что ж, вид лежащего на полу парнишки подтверждал предварительные сведения: противомagicеские браслеты над веревками, надежно сковавшими его руки за спиной, дешевая синяя мантия, непонимающее лицо под спутанными рыжими лохмами... Маг-недоучка, студент Шейнского Университета. В свободное от учебы время подрабатывавший продавцом в лавчонке «Книжное колдовство», приткнувшейся в переулочках в центре столицы.

Жаль. Если все было так, как предполагал Кейлус, мальчишке просто на редкость не повезло с рабочим расписанием. Зайди девчонка в другой день, в другой час — и застала бы в лавке кого-то другого. А теперь...

Одним взмахом руки он заставил развязаться узел на кудрявом затылке, удерживавший тряпку у пленника во рту. К помощи магии Кейлус Тибель прибегать не любил, однако порой она позволяла немало сэкономить время и силы.

— Ты знаешь, кто я? — спросил он, беглым взглядом отметив неряшливую щетину парнишки, плавно перетекающую в бледность щек и синеватые тени под усталыми глазами скорого выпускника (о, Кейлусу эти тени были хорошо знакомы: сам щеголял такими, на радость отцу изучая ненавистные магические науки — в том же Шейнском Университете, к слову).

— Лиэр Тибель, — пробормотал тот; улыбка, привычно игравшая у Кейлуса на губах, его явно не успокоила. Учитывая его далеко идущую славу, отнюдь не композиторскую, немудрено. — Какая честь, я... я никак не...

— Знаешь, что тебя сюда привело?

Парень нервно облизнул пересохшие губы, пока глаза его метались, оглядывая незнакомый зал: серый от серебра светильников на стенах, из которых сейчас горел только один, до мозаики тонущего во тьме потолка и бархата сдвинутых портьер. Вновь сфокусировался на лице Кейлуса, лихорадочно вычисляя, какое поведение в данной ситуации наиболее стратегически выгодно.

— Мой... приступ, лиэр? — рискнул он. — Меня расспрашивали о нем... до вашего прихода.

Логично — Тим говорил, что проверил ценность добытого свидетеля, прежде чем за него расплатиться. Умный мальчик... тем более жаль.

Ох уж эти иномирные девицы. Делают, что хотят, ведут себя так, будто все вокруг их вотчина — и хоть бы раз подумала о том шлейфе последствий, что за собой оставляют.

— Расскажи мне все, что рассказывал до этого, — попросил Кейлус мягко. — Об этом приступе.

Дважды просить не пришлось. Почти взахлеб паренек поведал, как в начале месяца во время работы потерял сознание, а очнулся почему-то со здоровенной шишкой на затылке и прибавкой денег в кассе; о припадке, приключившемся с ним десять дней назад во время лекции — после чего он день провалялся в отключке, а очнулся в медицинском крыле, куда в предыдущий раз заглянул с той самой

шишкой. Ну да, так его и выследили... Это Кейлус посоветовал начать поиски с университета: вероятность, что девицу могло так или иначе туда занести, он счел ненулевой. Тех иномирянков, о которых он слышал (с одной даже имел несчастье свести близкое знакомство), к магическим учебным заведениям тянуло с неумолимостью стрелки взведенного метронома.

Почти не ошибся.

— Мне нужно знать больше, — молвил Кейлус, когда под серой мозаикой воцарилась тишина.

— Это все, что мне известно, клянусь!

Когда ладони Кейлуса, склонившегося чуть ниже, легли ему на щеки, парень расширил глаза, в которых легко и ожидаемо читался брезгливый страх. И — ожидаемо — вовсе не перед тем, чего ему в действительности следовало бояться. Смешно... скудоумные, ограниченные представители нормы. Пребывают в твердой уверенности, что такие, как он, готовы наброситься на любого мальчишку и мужчину, оказавшегося в пределах досягаемости; и даже не думают примерить к ситуации чувства нормальных людей, в большинстве своем весьма разборчивых касательно того, с кем они проводят свой горизонтальный досуг. Не говоря уже о том, кого любить.

Хотя для вырожденцев вроде него любовь, конечно же, вещь дикая и совершенно невероятная. Испытывать которую они не умеют и не способны.

— Знаю. — Почти ласковым, почти неуловимым движением Кейлус сдвинул пальцы со скул мальчишки на его виски. — Но есть то, что тебе неизвестно. Это-то меня и интересует.

Прежде, чем тот сообразил, в чем дело, прежде чем начал рваться и кричать — прикрыв глаза, Кейлус Тибель зашептал слова заклинания, которое еще вчера удосужился освежить в памяти.

Да, к помощи магии Кейлус прибегать не любил. Как и причинять боль тем, кто сам того не желал — и ничего болезненного ему не сделал. А ментальный взлом мага, не доверяющего тебе целиком и полностью, для взламываемого даже у мастера неминуемо обращался пыткой. С весьма вероятным летальным исходом. Кейлус мастером не был, но все же не зря пять лет тешил отцовское самолюбие, облачаясь в опостылую университетскую мантию. Не только же затем, чтобы в

один прекрасный день швырнуть на родительский стол диплом бакалавра магических искусств.

И лучше этот мальчишка, чем Тим.

Падая в пестрядь чужих воспоминаний, он все же успел услышать дикий крик, эхом отразившийся от серой мозаики — и, захлебнувшись в барьере беззвучия на двери, бессильно затерявшийся в ранней зимней тьме.

— Это никуда не годится, золотце, — насмешливо заметила Гертруда, когда Ева снова рухнула в фонтан, так и не долетев до драконьего плеча. — Не смогу же я у всех на глазах просто вежливо подождать, пока ты соизволишь выплыть из озера и повторить попытку.

— И на озере помочь тебе я не сумею, — сурово добавил Герберт, опуская руки. — Разве что самую капельку.

Выпрямившись в каменном бассейне, по бедра утопая в чуть теплой воде, мокрая до нитки Ева уставилась на драконицу — вечер успел окутать сад чернильной темнотой, в которой тем ярче мерцали огненные прожилки, пробивавшиеся между плотно сомкнутой чешуей. Откинула с лица мокрые волосы: Герберт подстраховывал ее, притормаживая падение у самой воды, но неизменно требовал, чтобы приземлялась и держалась на поверхности она уже сама.

Что, как Ева имела возможность убедиться, пока получалось у нее далеко не всегда.

— Простите, но я Избранная, а не Спаситель. Без должной практики преспокойно гулять по воде не могу. — Она удрученно посмотрела на опущенный смычок, самую капельку сожалея, что в свое время немало ехидничала на тему супергероев с волшебными молотами как сомнительными символами мужских комплексов. Что ни говори, при всех преимуществах смычка (как и ждавшей своего часа Люче) в данной ситуации летающий молот был бы определенно полезнее. — Ладно, давайте еще раз.

Для репетиции ее грядущего сражения с Гертрудой Герберт еще три назад велел скелетам привести в порядок садовый фонтан. В России чистить и ремонтировать фонтан зимой, когда землю только-только выбелил торжествующий снег, наконец-то решивший задержаться до весны, было бы не самым умным решением; но здесь

капелька магии предотвращала возможные неприятные последствия. Нет, запускать фонтан Герберт нужным не счел, зато наполнить немерзнувшей водой каменный бассейн, площадью способный перещеголять очень просторную комнату — еще как.

По этой самой воде Ева и прогуливалась старательно последние три дня, практикуясь в непокорной левитации. По плану после постыдного поражения от Избранной Гертруде предстояло рухнуть в озеро, да еще «утонуть» на самом дне; следовательно, и сразиться они решили на этом самом озере. Которое из-за внушительной глубины всегда замерзало лишь незадолго до Дня Жнеца Милосердного, а в этом году из-за припоздавшей зимы обещало покрыться льдом и того позже.

И пусть Ева не могла не признать, что поединок с драконом в таких декорациях по эффектности обещал побить даже рекорды прославленных драконоборцев — расплатой за эффектность ожидаемо служила необходимость упорных тренировок и репетиций, способных довести до бешенства даже дзен-буддиста.

— Может, хоть одежду мне высушишь? — когда Герберт помог ей взобраться на грубый фонтанный бортик, Ева с несчастным видом пошевелила пальцами ног, удостоверившись, что сапожки до краев полны воды. — А то, знаешь ли, так и простудиться недолго.

— Я понимаю, что в ваших фантазиях на тему магии все проблемы решаются щелчком пальцев, но в реальности сушка одежды прямо на тебе грозит ожогами всей скрытой под ней поверхности тела. На что я, даже принимая во внимание твое состояние, пойти не готов. — Жестом сдержанной ласки некромант коснулся ее мокрого плеча: как раз в момент, когда Ева вспомнила — в действительности сейчас простуда была последним, что ей грозило. — Еще одна попытка, и пойдем домой. Там переоденешься.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ОТ 11.11:

Страдальчески сморщившись, Ева присела на бортике. Стянула с ног сапоги, выливая оттуда воду, кое-как натянула заново — и, убедившись, что те всего лишь благонадежно хлюпают, встала, чтобы вновь призвать в руку смычок.

Забавно, но порой — особенно в последние дни, валяясь с Гербертом на постели, пытаюсь не отвлекаться от просмотра анимешек на другие приятные занятия — она почти забывала, что мертва. И тем

больше раздражали следовавшие за этим моменты осознания: нет, она все еще та, кто она есть. Ева Нельская, немертвая Избранная, девочка, которой не повезло очутиться в неправильной сказке, где есть неправильные злодеи, которые делают неправильный мед. То есть фейр. То есть свершают неправильно успешные злодеяния.

Неудачница...

Подняв кверху злые глаза, Ева активировала щит. Занесла ногу над дрожащей поверхностью бассейна: левой рукой уже выплетая руну «воздух», с которой начиналась формула левитации.

— Фли варен, холл мэхь, — прошептала она, прежде чем сделать шаг.

Могло показаться, что круги, пошедшие по воде, расползались от подошв ее мокрых сапог. На деле же жидкого черного зеркала касался пузырь магического барьера, вплотную льнувший к ее ногам, а между Евой и темной водой осталась тонкая, почти невидимая глазу прослойка державшего ее воздуха. Должна была оставаться всегда — иначе не избежать ей нового падения в мокрые фонтанные объятия.

Ну, это было просто. А теперь...

Ева проследила, как Гертруда приоткрывает пасть, сверкающую белизной клыков и маревом катящегося по горлу пламени. Миг спустя точный огненный плевок с силой ударил в магический щит, расплескавшись по стенкам, разбрызгавшись в стороны. Сейчас драконий огонь Еву уже не пугал, а вот когда Гертруда пыхнула в нее впервые... Герберт, конечно, и тут страховал свою ученицу, под ее щитом поддерживая свой (Ева даже не сразу это поняла, настолько ювелирно некромант подогнал один волшебный пузырь к другому), но пока его страховка не пригодилась.

С чем с чем, а с щитами — хвала тренировкам некроманта, нещадно гонявшего ее весь месяц — у Евы все было в порядке.

Подпрыгнув и зависнув в воздухе, увернувшись от удара когтистой лапы, словно от монструозной скакалочки, подошвами сапог девушка коснулась оказавшейся под ней драконьей чешуи. Оттолкнувшись от нее, взмыла вверх: усиленно пытаюсь забыть о законах тяготения. Подумаешь, подпрыгнуть на каких-то пятнадцать-двадцать метров вверх! Достать до чешуйчатой шеи, где по всеобщему мнению (отрадно неверному, как со змеиной улыбкой заметила Гертруда) кроются уязвимые драконьи места — раз плюнуть! И пламя,

которым встречает ее драконица, ничем не может ей помешать. Пусть оно бьет в щит, словно сокрушительная струя из огненного брандспойта, неизбежно притормаживая полет, и эфемерный волшебный пузырь целиком тонет в широком потоке, опалявшем лицо даже сквозь защитную преграду — но Ева все же медленно и неуклонно продвигается вперед, и совсем не собирается падать, и...

Ее яростный вопль далеко разнесся по темному саду, пока Ева летела вниз, очень стараясь делать это ногами вниз. Хорошо хоть на сей раз сама смогла притормозить и благополучно «приводниться».

— А можно как-нибудь обойтись без огня, хотя бы пока я лечу? — безнадежно спросила девушка, выпрямившись на воде. Кто бы мог подумать, что однажды она пожалеет об ограничениях, некогда требуемых Гербертом с Мэта... Для демона наколдовать иллюзию озера (пускай кровавого или коричневого) наверняка пустяковая задача, а Еве сейчас не пришлось бы мириться с мерзким ощущением липнущей к телу одежды.

— Прости, золотце, — Гертруда, кое-как примостившаяся на наименее заросших участках сада, словно кошка на узкой полочке, неторопливо переминалась с лапы на лапу, — но не в драконьих привычках вежливо наблюдать, как твой убийца подбирается туда, откуда удобнее всего будет тебя прикончить. И без того сражаюсь едва ли в четверть сил.

Ева беспомощно уставилась на свои ноги, мокшие в сантиметре над жидкой вуалью молчащего фонтана.

На самом деле прогулки по воде давались ей куда проще, чем полет. Что заклятие, что рунная формула левитирования оказались просты: куда сложнее было забыть о земной аксиоме «рожденный ползать летать не может» и поддерживать внутри веру в то, что ты не можешь упасть. Все равно что играть в Питера Пэна и пытаться думать о хорошем, когда только вчера учеба и домашние проблемы заставляли тебя ловить сознание на мысли, что разбежавшись прыгнуть со скалы — не такая уж плохая идея.

Секстаккорд! Полный бекар, альтерируй твою терцию и еще тысяча музыкальных ругательства! Как Ева сумеет достать дотуда?! Это же почти недосыгаемая высота! На воде она может хотя бы воображать, что под ногами у нее опора в виде жидкого зеркала. Если

бы только в воздухе на пути к драконьей шее было что-то вроде ступенек или моста...

...мост...

— Хватит с тебя на сегодня, — сказал Герберт устало, ничем не выдав разочарования.

— Нет. — Ева призвала смычок, снова благополучно потерянный в процессе падения. Хорошо хоть щит на сей раз не исчез. — У меня идея. — Сосредоточенно щурясь, девушка вскинула голову, заглянув в сияющие драконьи глаза. — Повторим все сначала.

— Ева...

— Тебе понравится. Поверь, — не оборачиваясь, бросила она Герберту на уже приготовленные возражения. — Ты ведь мне веришь?

Награжденная молчанием, Ева кивнула драконице, в глазах которой плеснулось ленивое любопытство — и, вскинув смычок, приготовилась к наизусть заученной последовательности движений в этом танце атаки.

Огненный плевок. Взмах когтистой лапой. Прыжок. Ева полетела вверх, навстречу струе огня...

И за миг до того, как та расплескалась о прозрачную стенку щита, рывком взмыла еще самую капельку выше.

Почти касаясь ногами огненного золота, плещущего в воздухе под ней, девушка побежала вверх по мосту драконьего пламени: длинными легкими прыжками, перемахивая по несколько метров за каждый. Гертруда чуть задирала морду, направляя огонь выше, пытаясь ее достать — но Ева всякий раз прыгала раньше, чем ее усилия увенчивались успехом. И к моменту, когда у драконицы закончилось дыхание, уже была почти у самой драконьей пасти.

Когда плескучая золотая струя под ее ногами исчезла, Ева спланировала вниз, увернувшись от клыков, очень убедительно щелкнувших прямо над ней. Чиркнув смычком по чешуе на драконьей шее, оставив на ней россыпь голубых искр, с чистой совестью полетела вниз.

— Вот, — горделиво изрекла она, аккуратно приземлившись точнехонько на воду, не выпустив смычок из пальцев.

Со смычком они тренировались, ибо сочли его наилучшей заменой Люче, которую по понятным причинам лучше было приберечь (хотя бы до генеральной репетиции накануне прилюдного свершения

эпичного подвига). В конце концов, раз рапира управлялась так же, как смычок — силой мысли, — замена была действительно почти равноценной. Конечно, им еще придется подумать, как нанести удар достоверно, одновременно не поранив Гертруду; но со смычком Ева уже научилась фальсифицировать атаку. Если поначалу тот рвался ударить со всей волшебной силы, то сейчас позволял владелице после эффектного замаха коснуться цели почти неощутимо.

— Прощайте, небеса, песнь моя спета, — скучающе пророкотала Гертруда, не без театральности хватаясь лапой за задетое место. Тут же опустила ее: — Я бы рухнула наземь в предсмертной агонии, но тогда от этих милых... зарослей вокруг мало что останется.

— Нет причин сомневаться в вашем артистизме. — Герберт следил, как Ева приближается к нему; в призрачном свете смычка улыбка, проявившаяся на его губах, казалась еще неуловимее, чем на самом деле. — Зрелищно, ничего не скажешь.

— Я же говорила, что тебе понравится.

Принимая протянутую ей руку, Ева поймала себя на том, что ответила весьма и весьма довольно. Пожалуй, даже капельку самодовольно. Судя по усмешке Герберта, с которой он рывком втянул ее на бортик, от его внимания это не укрылось.

Но, судя по доброте этой усмешки, осуждать ее он даже не думал.

— Вы развлекли меня, ребятки, и приятно было вас послушать, однако мне пора в обратный путь, — когда они застыли друг против друга — в расстоянии самую капельку ближе приличного, в напряжении самую капельку ближе дозволенного — деликатно подытожила Гертруда. — Когда я снова вам понадобится, вы знаете, где меня найти.

— Не хотите проведать... детеныша? — спросила Ева, решив, что «яйцо» в данном случае будет не самым удачным словом.

— Ни к чему. Я слышу его отсюда. — Драконица смотрела на крыши замка, отделенного от него несколькими ярусами заснеженного сада; солнце в ее глазах затенила задумчивость. — Ему все нравится... считает это новым своим гнездом. И песня сокровищ, что его окружают, красива. — Когда Гертруда опустила взгляд на некроманта, взгляд этот был непривычно мягким. — Ты хорошо с ним обращаешься, избранник Жнеца.

— Его сохранность входит в условия моей клятвы, — сдержанно откликнулся тот. — Как вы и говорили, я отвечаю за него головой.

Ева, пятью днями ранее наблюдавшая, как любовно некромант обустраивает в одной из нежилых комнат «гнездышко» для яйца (в строгом соответствии всем инструкциям, полученным от его матери), промолчала. Она тогда пошутила, что Герберт будто кукольный дом для новой игрушки собирает — на что получила тот же равнодушный ответ. Заставивший Еву лишь пуще подозревать, что на деле Гербеуэрт тир Рейоль получает искреннее удовольствие от этой редкой и почетной возможности: присматривать за столь трогательной ценностью, как еще не рожденный драконенок.

И пусть Ева ничего не сказала, но Гертруда и так поняла все лучше нее.

— Ты боишься петь, мальчик. Боишься, что другие услышат твой истинный голос, — прошелестела она, с едва уловимой насмешливостью расправляя крылья. — Побори свой страх. Позволь другим слышать звук твоей души. — Выражение, возникшее на чешуйчатой морде, Ева рискнула бы назвать улыбкой, если б только у драконов были нормальные губы и они умели улыбаться. — Ваши мелодии прекрасны, их переплетение дышит гармонией, но когда две песни сливаются воедино в истинном бесстрашии, в истинном единстве и откровении...

— При всем уважении, наша сделка включала в себя сотрудничество по одному конкретному поводу. Никак не душеспасительные беседы.

В высшей степени любезным ответом Герберта можно было бы выморозить все кусты в округе, не будь они уже замерзшими; однако Гертруда в ответ лишь выпустила носом сноп смешливых искорок, тонкими росчерками каленых узоров прочертивших сумрак и тут же погасших.

— Береги себя, золотце, — сказала драконица, прежде чем подобраться перед прыжком ввысь. — И его.

Двое, оставшиеся стоять на широкой каменной полосе фонтанного бортика, провожали ее взглядом, пока мерцающая точка не скрылась в темной пелене пасмурного зимнего вечера.

— Ты и правда вся промокла, — заметил Герберт потом.

— Могу тебя обнять, — предложила Ева шутливо, заставив смывчок исчезнуть, — тогда ты ко мне присоединишься.

На миг оторопело замерла, когда некромант, ничуть не смущаясь этой прискорбной перспективы, прижал ее к себе — и, бережно убрав с ее лица растрепавшиеся влажные волосы, заправив их за уши, наконец вознаградил Еву за старания чем-то повещественнее улыбки.

Впрочем, учитывая царивший вокруг холод (немногим ниже нуля, но все же вполне ощутимый), вознаграждение вышло не слишком долгим.

— Молодец. Это и правда было здорово, — резюмировал Герберт, отстранившись. Когда Ева нехотя опустила руки, как-то незаметно успевшие обвиться вокруг его шеи, спрыгнул на кругом обрамлявшую фонтан заснеженную дорожку — и, легко подхватив девушку за талию, снял с бортика, поставив рядом с собой. Еще и покружил слегка, перед приземлением покрыв россыпью коротких поцелуев ее лицо: лоб, щеки, губы, безнадежно замерзший нос, которого Ева почти не чувствовала. — Пойдем, надо тебя переодеть.

Прильнув к нему, чувствуя его руку на плече, Ева позволила направить себя обратно к замку. Забавно, конечно — они вместе уже целую... почти неделю, а ей все еще слегка непривычно видеть Герберта таким. И пока у них так все хорошо, что даже слегка не верится.

Впрочем, учитывая, сколько у них проблем на повестке дня помимо отношений, может же у них хоть что-то быть хорошо, верно?

Тоже мне неудачница, думалось Еве беспечно, пока они поднимались по садовым ярусам: в обнимку, так, словно были самой обычной влюбленной парочкой, а не мокрым до нитки зомби и некромантом, чей плащ медленно намокал от ее одежды, словно в знак солидарности. С чего эти нелепые мысли о неудачниках вообще пришли ей в голову? Герберт обязательно найдет способ ее воскресить, и со всем другим они вместе справятся; а пока ее особое состояние — скорее преимущество, чем недостаток. И в другой истории Ева вряд ли встретила бы Эльена и Мэта (к которому, что ни говори, уже испытывала нечто вроде своеобразной привязанности), и мысль о переговорах с Гертрудой вполне могла не прийти ей в голову. Едва ли Миракл захотел бы устранить драконицу заранее, и тогда Ева впервые встретилась бы с ней лишь в назначенный пророчеством день —

врагами. А получить главную роль в пребанальнейшей пьесе о прекрасной Избранной, да с лиэром Совершенство в роли романтического героя, да разыгрывать это с серьезным лицом — вопреки заветам незабвенного барона, некогда за волосы вытащившего себя из болота...

Скукотища.

— Ты уверен, что никто не заметит, как Гертруда летает туда-сюда? — спросила Ева, встревоженная внезапной мыслью.

— Она летит в темноте, выше облаков. Никому ее не увидеть. В окрестностях замка посторонние не бывают, к тому же ограда заговорена так, что из-за нее в саду ничего не разглядеть. — Герберт помолчал, пока они возвращались по цепочкам их же следов, оставшихся в снегу на пути к фонтану; белизна пушинок, светлым сонмом укрывших кусты, дорожки и лестницы, соединявшие один ярус сада с другим, разгоняла тьму, смягчая непроглядную мрачность зимнего вечера. — Если и увидят по пути сюда, ничего страшного. В народе давно шепчутся, что чудищем с Шейнских земель вероятнее всего является дракон. Логично, если появлению дракона в Айдене будет предшествовать его появление где-то еще. — Некромант расчетливо и цепко смотрел перед собой. — Возможно, перед сражением ей стоит напасть на какой-нибудь городок в предместьях столицы... сжечь пару пастбищ, перекусить стадом коров.

— Но это наверняка насторожит Айрес. Вдруг после такого она захочет сама убрать Гертруду? — сообразив то, о чем она почему-то не думала раньше, Ева мигом вновь ощутила противную леденящую липкость мокрой одежды и хлюпающих сапог. — И вообще... если Айрес известно о пророчестве, если всем ясно, что чудище с Шейнских земель — это...

— Будь это так, она бы убрала Гертруду сразу после того, как расправилась с тобой. Нет, по тем или иным причинам угрозы в ней Айрес пока не видит... Может, верит, что, убив тебя, перечеркнула и все остальное. Или решила позволить событиям идти своим чередом, чтобы самой выступить в роли спасительницы.

— Или просто знает, что дракон — не чудище, о котором говорится в пророчестве.

Эта мысль тоже пришла в голову Евы впервые. И, наверное, заставила бы холодок пробежать у нее по спине, не будь та и без того

холоднее некуда.

Что, если все это время они заблуждались? Если в действительности в назначенный пророчеством день Еве все же предстоит сразиться с неведомым врагом — по-настоящему... и даже не с Айрес, потому что под «чудищем» пророчество явно подразумевало не ее...

...но тогда кого?

— Маловероятно. — Ее тревога от Герберта не укрылась: теплые губы успокаивающе коснулись ее мокрой макушки, теплое дыхание согрело кожу даже сквозь волосы. — Не знаю никаких других кандидатов, способных претендовать на столь смертоносную роль.

Запнувшись, холодными пальцами Ева ухватила за его плащ, чтобы не упасть. Может, и упала бы, не держи ее Герберт за плечи так бережно и крепко. Знать бы еще, что послужило причиной ее неловкости... выступающий камень, притаившийся под снегом, то, что мокрая одежда заставляла свою хозяйку потихоньку коченеть — без дрожи, без особого дискомфорта, но тем не менее — или еще одна догадка, всплывшая в сознании большими калеными буквами.

О которой по некоторым причинам Ева предпочла умолчать.

— Не беспокойся, — по-своему истолковав ее ответное молчание, сказал Герберт, когда Ева вновь засеменила рядом с ним, — в одиночку даже Айрес с драконом не справиться. Одна она к Гертруде не сунется, а о приготовлениях я узнаю загодя.

— Думаешь?

— Я бы на ее месте обставил такое дело с помпой, — пожал плечами некромант. — Следовательно, чем больше народу о нем прознает, тем лучше. Объявить обо всем заранее — хотя бы при дворе, прибыть в близлежащий городок с пышной свитой... Наверняка Айрес и меня захочет к этому привлечь. А, уже здесь...

Ева не сразу поняла, к чему относилось последнее изречение. Как и то, зачем Герберт приостановился, оглядываясь через плечо. Но, проследив за его взглядом, поняла, что смотрит он на ворота — и вспомнила: сегодня вечером к ним вновь должен был пожаловать Миракл.

— Твой жених, — с нескрываемым сарказмом констатировал некромант. — Эльен, не встречай. Я сам. — Отдав ментальный приказ призраку, наверняка уже спешившему исполнять свои дворецкие

обязанности по проводам дорогого гостя от ворот до замка, Герберт снял руку с Евиного плеча. — Иди домой.

— Хочу сама его встретить, — внезапно даже для себя самой изрекла она.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ОТ 14.11:

Герберт в ответ одарил ее взглядом настолько же непонимающим, насколько внимательным.

— Пусть привыкает ко мне в столь неприглядном виде, — беззаботно пояснила Ева: радуясь, что текущее состояние позволяет ей хоть постоянно врать и не краснеть. — Вдруг я решу искупаться в винном фонтане на торжественном приеме, а он возьмет да и посмотрит на меня с отвращением — и конец нашей легенде.

— В этих фонтанах у тебя вряд ли выйдет искупаться. Даже если б тебя вдруг таинственным образом подменили одной из твоих предшественниц. Им в отличие от тебя свойственно было эпатировать окружающих подозрительными танцами вокруг колонн и прочими шалостями, которые им казались проявлениями милой непосредственности. — В том, как некромант склонил голову набок, Ева прочла его привычную проницательность. — Ты же понимаешь, что Мирк не должен знать то, что знаешь ты?

«Я много чего знаю», хотелось ответить ей. Однако под его взглядом, еще чувствуя призрак его теплого дыхания на своих волосах, прекрасно понимала: косить под дурочку будет не только глупым, но в какой-то степени подлым.

Они оба прекрасно знали, о чем она может так жаждать поговорить с названным женихом. А еще Ева знала, что встретить Мирка сейчас будет проще, чем отпрашиваться на прогулку потом.

Если все пройдет так, как она надеется, необходимость в этих прогулках и вовсе отпадет.

— Я же обещала не причинять тебе боль, — произнесла она, тщательно подбирая слова. — И не сделаю того, что может ранить тебя.

Герберт вместо ответа со вздохом коснулся пальцами ее щеки — и, истолковав это как знак согласия и одновременно повеление поторопиться, Ева поспешила к воротам.

— Я буду во внутреннем дворе, — шелестяще бросили ей вслед.

Они с Мираклом пересеклись где-то на середине главной дороги к замку: той, что вела от ворот прямоком к дверям. В лазурном свете смычка, которым девушка освещала себе дорогу, снег искрился лавандовыми искрами.

— Нехорошо с твоей стороны лишать бедного Эльена работы, — весело заметил Мирк, когда Ева приблизилась. Разглядев мокрые блики на облепившей ее одежде, чуть умерил ширину своей улыбки. — Что с тобой стряслось? Если пыталась утопить Уэрта, вынужден заметить, что при всей... м... сложности его характера этого он все-таки не заслужил.

— Скорее он пытался утопить меня.

— Не его стиль. Для опостылевшей девы он предпочел бы яд. Или тихое быстрое испепеление. Он ведь благовоспитанный молодой человек, в конце концов.

Представив, как Герберт со своим обычным скучающим выражением лица щелчком пальцев аннигилирует визгливую надоедливую девицу (по канонам жанра, рыжую, наглую, в кожаных штанах и бронелифчике), Ева мысленно хихикнула.

— Мы репетировали сражение, — пояснила она, когда рвущийся смех перестал ей в этом мешать. — С Гертрудой.

— Вот как? Забавно, до сегодняшнего дня я полагал, что драконы способны облить тебя исключительно огнем или презрением.

— Они-то да. А вот фонтан — нет. — На передний план, оттеснив массовку в виде дружелюбных и ничего не значащих мыслишек и фраз, вновь решительно выступило решение, которое Ева уже приняла по пути к воротам — заставив смычок в ее пальцах нетерпеливо дрогнуть. — Знаю, тебе хочется узнать наш план, но это может подождать.

Слова заставили Миракла враз посерьезнеть.

— А что не может?

Прежде, чем высказать то, что Еве так хотелось высказать, она все же поколебалась. Потому что очень, очень не хотела снова солгать тому, кому лгать хотела меньше всего на свете.

Снова причинив ему боль.

Но ведь Герберт позволил ей встретить званого гостя. Хотя не мог не понимать, к чему это может привести. Или это очередная проверка? Я доверю тебе свой секрет, дорогая Ева, и даже предоставлю

возможность его разболтать, но если разболтаешь, пеняй на себя? И если сейчас она скажет Мираклу то, что так рвется — нет, считает необходимым сказать, то тем самым снова предаст его доверие? Ранив его, подставив под удар его брата, которого Герберт так не хотел подставлять...

Впрочем, иногда болезнь приходится лечить болезненными же методами. Сделать укол, чтобы убрать воспаление. Причинить боль меньшую, чтобы избежать большей. А из всего, что Ева успела понять о Герберте и всей этой прискорбной ситуации, она сделала один важный вывод: в действительности брата ему очень, очень не хватало. И Миракл Тибель был не тем человеком, который хотел бы, чтобы подобные решения — о его мнимой безопасности (какая вообще может быть безопасность для того, кто собирается узурпировать престол?) ценой нелестного мнения о том, кем даже сейчас он весьма дорожил — принимали за него.

И если Герберт слишком горд и категоричен, чтобы позволить себе пойти на примирение...

— Герберт будет очень зол, что я тебе рассказала, — предварив слова шумным вдохом, признала Ева наконец. — Но я считаю, что ты имеешь право знать.

— Знать что?

Когда несколькими минутами позже они вступили во внутренний двор, Герберт, как и обещал, ждал там: сложив руки за спиной, отстраненно перекачиваясь перед дверьми с мысков на пятки.

— Да что вы, могли бы и не торопиться, — с затаенной желчью заметил он, наблюдая за стремительным приближением брата. — Мое ожидание того не стоит.

По быстроте шага, которым Миракл устремился к замку после их непродолжительной беседы, и его глухому молчанию все время, пока Ева отчаянно пыталась поспеть за ним, не сбиваясь на бег — она так и не смогла толком расшифровать его эмоциональную реакцию на озвученные ею известия. Однако предполагала, что на встречу с Гербертом лиэр Совершенство спешит, распираемый желанием извиниться и заключить брата в покаянные объятия (а как же иначе?).

Так что удар кулаком по скуле, которым Миракл наградил некроманта вместо извинений или хотя бы приветствия, заставил ее оторопело охнуть.

— Семь лет, сволочь! — прошипел Мирк, когда Герберт без вскрика отлетел на шаг, не без труда удержав равновесие. — Семь лет — семь! — я считаю тебя предателем! А это, стало быть, просто выше твоего драгоценного достоинства — что-либо мне объяснять?! Высокомерная паскуда!

Сжатый кулак взметнулся вновь: экономным, скупым движением того, кто точно знал, как ударить с максимальной силой при минимальных усилиях. И удар наверняка вышел бы еще лучше первого, если бы в паре сантиметров от лица некроманта кисть Миракла не обвило темное щупальце.

— Интересный у тебя способ извинения, — прижимая ладонь к ушибленной скуле, констатировал Герберт, пока за спиной Мирка все отчетливее прорисовывалась безликая тень, оттащившая взбешенного юношу подальше.

— Что, по-твоему, я должен был думать?!

— Может, нечто помимо того, что я сразу же побежал к Айрес с докладом, спеша поскорее оставить тебя сиротой?

— Мальчи... ребя... лиэры, — очень постаравшись сделать голос как можно более примирительным, изрекла Ева, — давайте не будем больше ссори...

— Я спросил тебя! — свободной рукой обнажив меч, Миракл одним резким движением перерубил щупальце, высвобождаясь из пут. — Так сложно было попросить своего гребаного дворецкого дать ответ, который тебе дать было не под силу?

— Зачем? Ты ведь прекрасно ответил за меня. Ваше будущее Величество вообще всегда всех видит насквозь, а яблочко от яблони издавна гниет неподалеку. — Ирония распускалась в голосе Герберта, словно ледяные цветы. — К чему нашему блистательному чемпиону нужен был в друзьях скучный книжный червь, сын казненных изменников?

— А тебе, стало быть, блистательный чемпион в братьях был совершенно ни к чему? — это Миракл уже почти прорычал. — Завидовал?

Следующий удар — клинком плашмя по ногам — Герберт принял на щит. Ответное заклятие отбросило Миракла на добрую пару метров, и голубые искры отраженного заклинания затанцевали вокруг его плаща (неужели заговоренный?); уже две тени протянули к нему руки-

щупальца, но тот, разрубив их скользящими росчерками лезвия, скакнул вперед... чтобы замереть, когда на его пути решительно встала Ева, раскинув руки в жесте защиты.

Как будто некромант за ее спиной в этом нуждался.

— Лиоретта, буду весьма благодарен, если вы уйдете с дороги, — сквозь зубы процедил Мирк, от избытка чувств даже сбившись на «вы».

— Жди в гостиной, — отступая в сторону от дверей, коротко подтвердил Герберт. — У камина. И одежду сменить не забудь.

— Что вы делаете?! Это же глупо! Айрес — вот наш враг! А вы тут собираетесь переубивать друг друга вместо того, чтобы...

— Никто не собирается никого убивать. — Герберт вновь встал напротив брата, так, чтобы между ними больше не было досадных живых помех. Двери красноречиво открылись на щелку, необходимую, чтобы в нее без труда юркнула худенькая девушка. — Ева, иди. Это наше дело. Ты и так уже сделала все, что могла.

Ева так и не поняла, было это сарказмом или нет. Но, посмотрев на некроманта, отчетливо поняла, что на сей раз возражения не принимаются.

А если и принимаются, то не учитываются.

Не дожидаясь, пока Герберт повторит приказ, только на сей раз — подстегнув магией (выражение его лица ясно подсказало, что сейчас он на это вполне способен), Ева нехотя опустила руки. Развернувшись, скользнула в услужливо приоткрытые двери: тут же сомкнувшиеся за ее спиной, раскатив по холлу глухой рокот, призывавший входящих оставить надежду в лучших традициях классики.

Ну или так показалось Еве, пребывавшей в мучительных терзаниях о том, насколько грешным являлся ее очередной акт неповиновения.

Ладно. Не будут же они в самом деле друг друга убивать. И если уж им так надо выпустить пар, скопившийся за годы ссоры...

Ева поднялась в свою спальню, чтобы наконец избавиться от мокрого наряда, на морозе уже начавшего деревенеть. Пронаблюдав сквозь мелкий переплет коридорного окна, как вспышки заклятий расцветчивают две фигурки во внутреннем дворе и живые тени, пляшущие вокруг них, тихонько приоткрыла дверь, отделенную от ее спальни двумя другими.

Спустя несколько шагов ковер под ногами откликнулся на ее поступь звоном золота.

Этот визит снова противоречил заветам Герберта, велевшего ждать в гостиной. Но Еве хотелось немного согреться (холод она не особо ощущала, зато потерянную чувствительность носа и пальцев — вполне), а в «гнезде» будущего драконенка это сделать было удобнее всего. Так что Ева прошла мимо камина, исправно горевшего сутки напролет, к яйцу: покоящемуся среди золотистой россыпи монет, серебряных кубков, блюд с искусной резьбой вокруг зеркального центра, камней, пестрыми искрами сиявших в перстнях, серьгах и ожерельях... Должно быть, для сооружения драгоценной насыпи, окутавшей основание яйца подобием сверкающей шали-шарфа, Герберт опустошил все закрома с семейными ценностями Рейолей.

«Гертруда говорит, он уже слышит происходящее вокруг, — сказал некромант, когда Ева любопытствовала, зачем все это. — Камни помогут ему с комфортом перенести смену гнезда». Что ж, кто-то во время беременности усиленно слушает Моцарта, кто-то знакомит нерожденного малыша с песней камней... Трогательные причуды мам, заслуживающие уважения.

Помимо камина, в непосредственной близости от яйца полыхала жаровня, на дне которой Ева вполне могла бы свернуться калачиком, если б там не трещали угли. Дым клубился под миниатюрным защитным куполом, выпускавшем наружу один только жар, но не прочие продукты горения; в комнате наверняка царила жуткая духотища, однако не дышавшей Еве и это было нипочем. Опустившись на колени подле яйца — прямо в жесткую россыпь монет, постаравшись не напороться на кубок или украшение — она прижалась к гладкой, толстой, восхитительно теплой скорлупе: казалось, ее высекли из нагретого солнцем мрамора. Касаясь ее ладонями, чувствуя, как непрозрачный янтарь мгновенно прогревает тело даже сквозь одежду, Ева приложила к нему ухо.

Ощутила под щекой шелковистую гладкость камнеподобной скорлупы, под которой — где-то в светящейся непроглядной глубине — таился маленький драконенок.

— Не желаешь сделать ставку, златовласка? Петушины бои — что может быть прекраснее.

— Ненавижу азартные игры, — не соизволив даже обернуться, откликнулась Ева: блаженно жмурясь, пока замерзшее тело отогревалось теплом жаровни, камина и драконьего яйца. — И это не предмет для ставок.

— Жаль. Ты бы ведь поставила на малыша, а он определенно лидирует. — Она не видела Мэта, но кожей чувствовала его взгляд. — О своих догадках ты ему сообщить не удосужишься, как я понимаю.

— Каких догадках?

— Брось, златовласка. — Улыбку демона Ева прекрасно расслышала в призрачной полифонии его голоса. — Ты ведь смекнула, кто еще может претендовать на роль чудища, всем и каждому гибель несущего. Долговато соображала, но лучше поздно, чем никогда.

Ева лишь плотнее прижала пальцы к скорлупе. Забавно... если не знать, чего касаешься — можно подумать, что перед тобой просто круглое садовое украшение в виде идеально отесанного камня с подогревом.

Она и правда поняла то, что могла бы понять куда раньше. Что дракон вполне способен разрушить целый город, — но тот, о могуществе которого уже сейчас в народе отзываются с трепетом, сильнейший некромант со времен Берндетта, во власти которого было заставить десяток людей за минуту истлеть заживо, способен принести бед не меньше. А то и больше.

— Герберт никогда не причинит вреда невинным, — после долгого молчания все же сказала Ева.

— Ты ему предсказуемо льстишь, но не забывай, кому он дал клятву абсолютного подчинения. Один приказ королевы, этой прекраснейшей души женщины, как ты уже имела возможность убедиться — и наш малыш откроет в себе множество удивительных новых сторон... таланты превосходного палача, к примеру.

Ева не могла осуждать демона за то, что он говорит. Он озвучивал ее собственные мысли. И меньше всего ей хотелось обсуждать этот вопрос с ним, но других кандидатов в пределах досягаемости не было, а с кем-то обсудить его (и поскорее) Еве все же очень хотелось.

Не говоря уже о том, что кое в чем у Мэта перед Эльеном было одно неоспоримое преимущество.

— Скажи мне одну вещь, — открыв глаза, чтобы все же встретить фосфоресцирующий голубой взгляд, произнесла Ева. — Ты ведь пасешься не только в моей голове?

— Конечно, нет.

— А сам Герберт что думает по этому поводу?

На самом деле она ожидала ответа в духе «бесплатно справок не даю». На что ей, естественно, в очередной раз пришлось бы напомнить, что никаких сделок с Мэтом она заключать не собирается. Но тот, к ее удивлению, лишь осклабился довольноно:

— А-а. Догадалась все-таки. — Сидя в воздухе, Мэт скучающе отряхнул от невидимых пылинок ворот длиннополого одеяния, мерцающего звездными искрами на фиолетовой бархатной тьме. — Естественно, малыш тоже об этом задумывался. Но утешает себя тем, что нести гибель «всем и каждому» — для него все же слишком большой комплимент. Древний дракон на эту роль подходит определенно лучше.

— Только вот он собирается призвать бога.

— Всего на пару минут, если помнишь. — Во взгляде демона мелькнуло непонятное веселье. — В предыдущий раз все закончилось вполне благополучно. Это же бог, как-никак... не я и не кто-то из моей компании.

— Бог смерти.

— О, люди. — Демон закатил глаза. — Смерть бесстрашна и неподкупна. Смерть никому не желает зла. Она просто приходит, неизбежно, как зима. Великий Жнец же суть простая персонификация этого явления, которое жаждет убивать вас не больше, чем холод жаждет убивать цветы.

— Но тем не менее убивает.

— Но тем не менее когда Жнец вселился в Берндетта, бояться было нечего, м?

«...и едва молвил Берндетт последние слова, вспыхнули под ногами его руны колдовские, и сияние белое затмило взгляды всех, — всплыли в памяти слова из какой-то книги — летописи, написанной очевидцем первого призыва. — Когда же ясность взора обрели мы вновь, то узрели божественные крыла за его спиной, и сияние на руках его и одеждах, и свет неземной в лице его и глазах — облик, вселяющий трепет, бледные отблески коего открывают нам

избранники Его в Мертвой Молитве. И уста отверз Жнец, к нам сошедший, и молвил «Склонись предо мной, возлюбленная жатва моя»; и все, на площади собравшиеся, пали ниц пред величием Его, и сердца наши бились в страхе, но души пели в упоении — ибо свет, коим озарял Он нас, был светом любви...»

— А если Айрес в это время прикажет Герберту всех убить? — упрямо спросила Ева: очень надеясь услышать опровержение, которое окончательно развеет ее подозрения.

— А какое отношение вассальная клятва малыша может иметь к Жнецу?

— Но Жнец же вселится в его тело!

— Тело — фантик для сознания и души. Магию всегда творит то, что внутри. То, что на время сошествия Жнеца будет просто беспомощно наблюдать за происходящим из того угла, куда оно поспешит спрятаться. Не говоря о том, что по плану ко дню призыва королева уже будет за решеткой: наш малыш не такой дурень, чтобы проворачивать этот трюк, пока его милая тетушка восседает на престоле.

— Стало быть, Жнец тут ни при чем? — нехотя отстранившись от яйца, Ева напоследок погладила его по округлому боку. — А ты как считаешь, о ком говорится в пророчестве?

— Предпочитаю не задумываться. Если происходящему удастся меня удивить, тем лучше. — Мэт лениво потянулся. — Когда вычисляешь преступника на середине истории, половина удовольствия от концовки пропадает.

Слова показались ей знакомыми. Даже очень. Спустя секунду Ева вспомнила: конечно, они принадлежали ей самой.

И сказаны были, когда они с Динкой спорили о том, как нужно читать детективы.

«Ну скажи, какой смысл думать и гадать? — говорила Ева, сама предпочитавшая в процессе чтения о личности убийцы не задумываться — дожидаясь момента, когда разгадку преподнесут ей на блюдечке, заставив ахнуть от неожиданности. — Когда вычисляешь преступника на середине истории, половина удовольствия от концовки пропадает!»

«Ничего ты не понимаешь, дурилка, — фыркала сестра, засидевшаяся за своей любимой Элизабет Джордж. — Без

интеллектуальной тренировки серым клеточкам мозга свойственно отсыхать. А истинный талант проявляется не в том, что ты не можешь сказать, кто убил. Не в первую очередь».

«А в чем тогда? Это же детектив, что еще тут может быть важного?»

«Неожиданность мотиваций. Достоверность чувств, которые убийцей двигали. Хитрость того, как все это обставлено. — Динка потянулась: ровно теми движениями, которые сейчас точно скопировал Мэт. — И мастерство того, как это рассказано».

Тогда Ева лишь хмыкнула несогласно — но сейчас, в настоящем, резко вскочила, заставив сокровища под ногами отозваться рассыпающимся звоном.

— То, что порой твои навыки бывают полезны, не дает тебе права так нагло влезать в мои мысли.

— О, только не стоит теперь натягивать белые перчатки, златовласка. Не после того, как сама же этими навыками воспользовалась.

— А ты потому и позволил мне воспользоваться, да? Чтобы потом ткнуть меня в это носом?

— Просто хотел помочь. А то ты такая нервная, что решительно не соответствуешь гордому званию покойницы. — Мэт устремился из комнаты следом за ней, с донельзя укоризненным видом проплыв сквозь огонь в жаровне. — Сплошные подозрения с твоей стороны, сплошные подозрения... и на каком основании?

— На том, что ты чертов демон. А вами всегда руководят не самые добрые побуждения.

— Вопиющая дискриминация по расовому признаку. Немножко не вписывается в твой образ хорошей девочки, как считаешь?

К счастью, за дверью Ева нос к носу столкнулась с Эльеном, так что необходимость (и возможность) поддерживать дальнейшую беседу отпала.

— Что они творят?! — воскликнул призрак, всплеском рук указывая на окно.

— Мирялся, как я понимаю, — безнадежно откликнулась девушка.

Эльен посмотрел за ромбовидные стеклышки, объединенные в одно целое темным деревом переплета.

Внизу Миракл, как раз расшвырявший очередную порцию теней, прорывался к Герберту сквозь сноп зеленого пламени, зловещим фейерверком разбивавшегося о его клинок.

— Своеобразные у них, однако, методы.

— Герберт во всем своеобразен. — Ева устало прижала отогретые пальцы, еще хранившие постороннее тепло, к холодным щекам. — Эльен, у меня к вам будет одна просьба... хотя нет. Пожалуй, три.

Когда братья наконец ввалились в гостиную, Ева ждала там: отвлекаясь от нервозности тем, что выстраивала по высоте на чайном столике склянки, чашки и бутылки.

— Смотрю, продуктивно провели разумный разговор двух взрослых людей, — скрыв облегчение по поводу их относительно приличного состояния, прокомментировала она. Обвела ладонью дымящиеся кружки с фейром, бутылку с местным виски, два резных бокала, керамические миски и пузырьки с лекарствами. — У меня здесь богатый ассортимент. На выбор средство от синяков, ожогов и открытых ран... еще фейр и нечто покрепче, которое вроде называется рэйр. На названия напитков, уж извините, ваша фантазия оставляет желать лучшего. С чего начнем?

— Синяки, — выдохнул Герберт, опускаясь в кресло подле нее. — И здесь точно требуется что покрепче.

Пока Ева выливала в миску розоватый раствор из склянки, заботливо предоставленной Эльеном вместе с устной инструкцией, некромант молча и щедро плеснул рэйр в оба бокала. Так же молча протянул один Мираклу, занявшему кресло напротив — принявшему предложенное без промедлений и возражений.

Какое-то время оба просто пили: пока в камине стеклом позвякивали угли, а Ева хлопотала над лицом Герберта, устраивая целебный компресс ссадине на бледной скуле и зреющему над ней фингалу.

— Повезло тебе, что я был сегодня добрый, — изрек Миракл небрежно. — И не особо старался.

— Что-то мне так не показалось. Может, просто силенок не хватило?

— Не хотел портить грядущую коронацию твоими похоронами. К тому же, увы, с твоей жизнью напрямую связаны несколько не-жизней, а моя невеста мне пригодится неупокоенной.

— Как был в шестнадцать идиотом, таким и остался. — Герберт устало откинулся на спинку кресла: вынудив девушку, занявшую подлокотник, склониться чуть ниже. — Ева, мне разонравилась идея, что вместо меня престол займет тот, кто столь непочтительно обошелся с моим прекрасным ликом. Не против, если мы капельку перекроим планы?

— Против, — твердо сказала она, заботливо перемещая тряпицу с поджившей скулы на разбитую губу. — Король — очень вредная профессия. А тебя, в отличие от твоего брата, мне жалко.

Тихий смех Миакла раздался одновременно с тем, как губы Герберта дрогнули в улыбке — несколько искаженной от того, что улыбаться ему было больно.

— Вот она, любовь. — Глядя на красно-черное кружево огненного мерцания, которое жар ткал на прогорающих углях, Мирк снова поднес хрусталь к губам. — Я скучал.

Последнее было сказано просто и обыденно. Как ничего не значащее замечание о погоде за окном. И не было приправлено ни пафосом, ни слезами, ни трогательным обращением в духе «дорогой брат».

Но все и так прекрасно поняли и то, к кому оно было обращено, и то, сколько всего на деле за ним стояло.

— Я тоже, — после долгого молчания сказал Герберт.

Так же просто.

Наконец перестав выбирать для себя подходящий круг ада, Ева умиротворенно макнула тряпицу в целебный настой — лишь теперь позволив себе утвердиться в мысли, что все было не зря. Переключилась на прикидки, как придется потрудиться над лицом Мирка, сплошь покрытого нежным румянцем экстренного магического загара.

— И все-таки я бы тебя прикончил, если б хотел.

— Ага. Как только из щупалец моих теней выпутался, так сразу бы и прикончил.

Мальчишки, подумала Ева с нежностью.

Кейлус нашел Тима в кабинете. За разбором скопившейся корреспонденции, до которой последние дни его господину было совершенно недосуг.

Сейчас, конечно же, нужды в этой работе не было никакой, но Кейлус прекрасно понимал его желание чем-то занять руки и голову.

— Как интересно, — все еще вытирая руки платком, пытаюсь стереть с них ощущение чужой крови, произнес Кейлус. Жалея, что слишком мало похож на сестру, чтобы сейчас торжествовать, в полной мере радуясь достижению цели. — Бедные «коршуны»... ясно теперь, почему разведывательное заклятие ее не заметило.

Поднявшись из-за стола, Тим посмотрел на своего господина неуверенным взглядом побитого щенка — и Кейлус снова пожалел, что не мог устроить мальчишке из книжной лавки хотя бы нормальную могилу. Пришлось заставить плоть истлеть (элементарный фокус даже для такого посредственного некроманта, каким был он), после чего сжечь останки дотла: снова магией, на его взгляд предназначенной в первую очередь для решения самых пакостных задач. Слуги не выдали бы его, найди они свежее захоронение в саду, но Кейлус не хотел, чтобы они знали хоть что-то. Опасность подобных знаний подтверждало множество печальных примеров, помимо сегодняшнего.

Хоть розовым кустам в оранжерее, которые теперь подкормятся пеплом, повезло.

Забавно. Он ведь искренне старался, чтобы паренек остался жив. Даже зная, что в таком случае пришлось бы прикончить его своими руками — отпускать его после всего случившегося было бы безумием. Но...

— Ты видел ее? — спросил Тим.

В пасмурной серости его глаз Кейлус читал всю тяжесть осознания одного простого факта: мальчишка, которого сегодня привели в их дом, расплатился смертью за то, чтобы он, Тим, жил. И за минувшие дни Кейлусу несколько раз приходилось то вытаскивать своего секретаря из-за клаустрофобии, то на время занятий музыкой накладывать на двери гостиной чары безмолвия — Тим пытался снова вызвать в памяти воспоминания, которые помогли бы точно установить, кого он видел в замке Рейолей. Без жертв, исключая разве что его страдания.

Только вот Кейлус лучше него знал, как устроены музыкальные блоки. И перспективы, открывавшиеся Тиму вследствие этого, его решительно не устраивали.

— Да. Видел. — Подойдя к столу, Кейлус оперся ладонями на теплое старое дерево. Уставился на морской пейзаж в золоченой раме, окруженной шелковым узором изумрудных обоев. — Я знаю, где она. И у кого. Теперь уже точно.

Увиденное было туманными обрывками, вспышками эпизодов: словно книга, из которой через одну выдрали страницы. Воспоминания — не картина, совершенно отражающая реальность. Но все же память человеческая хранит куда больше, чем самим людям кажется. Больше даже, чем в привычных обстоятельствах они могут вспомнить.

А Кейлус все же был достаточно умен, чтобы сделать из увиденного определенные выводы.

Так вот почему милая сестрица была так спокойна всякий раз, когда речь заходила о пророчестве! И насколько же гениален малыш Уэрти, сумевший проверить такое! Айри впору пожалеть... даже не подозревает, какого змееныша пригрела на груди. Какой изящный план: позволить любящей тетушке учить тебя, позволить помочь тебе с подготовкой к ритуалу — и, взяв от нее все, что она может тебе дать, занять ее место. Выйти рука об руку с девой, обещанной Лоурэн, повторить подвиг Берндетта на глазах у тысяч восхищенных зрителей... После такого ни у кого не останется сомнений, что Гербеуэрт тир Рейоль послан в Керфи самими богами, дабы престол занял их законный избранник.

И что до того, что дева, подтверждающая его права на этот престол — поднятая марионетка, покорная воле хозяина?

Кейлус поймал себя на то, что кончики пальцев сами собой выстукивают на столешнице его последнюю траурную песню.

Нет, больше он не мог надеяться, что племяннику не под силу призыв Жнеца. Не теперь, когда видел величайшее его творение, непринужденно щебетавшее с продавцом книжной лавки. Перед глазами вновь встало милое личико девчонки, с нежной улыбкой выпытывавшей сведения о возможности воскрешения; потом — разочарование от выпитанного, которое ей почти удалось скрыть. А она явно не глупа... Особенно если учесть, что ей явно удалось на время сбежать от своего господина. Навсегда у нее бы и не вышло.

Что ж, коли она так хотела сбежать, прекрасный спаситель уже близко.

— Кажется, у меня будет новая работенка для господина Дэйлиона и его «коршунов», — молвил Кейлус. — Пусть и не совсем та, к которой они привыкли. — Впервые с момента, как он покинул проклятый серый зал с фарфоровой урной в руках, на губы его вернулась улыбка: за годы ношения маски успевшая к ним прирасти. — Придется тебе навестить нашего портного, Тим. Пора готовиться к визиту моей прелестной невесты.

Глава 5. Lacrimoso

(*прим.: Lacrimoso — жалостно, плачевно, печально, скорбно (муз.)

Их неприятности начались не с яблока. И даже не с того, что кто-то в памятную дату забыл подарить цветы.

А с того, что не забыл.

— Смотри! — воскликнула Ева, когда они с Гербертом шли через внутренний двор, возвращаясь с очередной фонтанной тренировки. Воодушевленно подтащив некроманта к замковой стене и отпустив его рукав, присела рядом с тем, что вызвало у нее всплеск эмоций. — Нет, только посмотри, какая прелесть!

Объектом ее восхищения оказался цветок. Одиноким, пушистым и желтеньким, как цыпленок, на тоненьком стебельке, обрамленном пучком перистых листьев. Он пробился сквозь брусчатку в том месте, где на ней с чего-то виднелась темная полоска начисто растопленного снега: благодаря усердию скелетов и, возможно, капельке магии весь двор был чист, но щели между камнями все же забивала зимняя белизна. А тут с чего-то — небольшой пяточок весны среди царства беспощадного холода.

— У вас что, есть цветы, которые распускаются зимой? — разглядывая маленькое чудо, похожее на помесь астры с одуванчиком, полюбопытствовала Ева.

— Нет. Это летоцвет, они отходят в самом начале лета. — Стоя рядом, Герберт сверху вниз следил то ли за цветком, точно тот мог куда-то убежать, то ли за ней. — Под замком горячие источники, вода оттуда течет в краны по трубам. Здесь как раз пролегает одна, вот семечко и пригрелось. Еще зима поздняя, немудрено...

Кончиками пальцев Ева погладила мягкое соцветие: ласково и бережно, как котенка. Ожидала увидеть желтую пыльцу на коже, но в отличие от одуванчика летоцвет не пачкался.

Когда она подняла глаза, то под нечитаемым пристальным взглядом Герберта почувствовала себя неловко.

— Что? — быстро выпрямившись, нелюбезно буркнула Ева, задним числом оценивая свое поведение на предмет вульгарности или

смехотворности.

— Впервые вижу, чтобы кто-то так радовался самому обычному цветку, — сказал тот; нежность в голосе мигом заставила Еву пожалеть о своих подозрениях. — Чаще видел тех, кто изысканный букет принимает как безделицу.

Еве хотелось сказать, что букеты ей тоже не особо нравятся. Это было довольно забавно, учитывая специфику избранной ею профессии — но она всегда жалела цветы, безжалостно срезанные лишь для того, чтобы завянуть в вазе за какую-то неделю. И хорошо, если неделю: чаще букеты держались пару-тройку дней, несмотря на все ухищрения вроде подрезания стеблей и подкормки сахаром. Да только зрителей не попросишь дарить тебе растения в горшках, так что приходилось принимать дары, а потом всякий раз грустить, пока скатерть на столе осыпало конфетти лепестков.

Однако, глядя в свет в глазах Герберта, ей расхотелось говорить что-либо. По крайней мере, словами.

— У нас нет цветов, которые распускаются зимой, — изрек некромант спустя объятия, которыми Ева сполна загладила вину за нелестные подозрения: все еще вжимая ее в стену чуть поодаль от цветка. — Но есть те, которые растут под снегом. В горах, у самых высоких вершин. Когда-нибудь покажу их тебе... раз уж ты у нас, как выяснилось, истинное дитя Великого Садовода.

— Бог весны и возрождения? — припомнив рассказы Эльена, Ева рассмеялась. — Да мы просто идеальная пара! Единство противоположностей...

В этот миг ее мозг, свеженький и выспавшийся после очередной ночной ванны, сплел ассоциации от гор, сцены и Жнеца воедино — и причудливым кульбитом окунул свою хозяйку в воспоминание, которого обычно та всеми силами старалась избегать.

«Хочу покорить Эверест», — говорила в нем Динка, мечтательно глядя на экран их стационарного компа.

Дело близилось к Новому Году, и то был один из последних вечеров, когда трое детей четы Нельских собрались вместе. Лешка настраивал телевизор — присоединяя к нему ноут, чтобы они могли с комфортом посмотреть оба фильма переснятого «Евангелиона», — пока Динка залипала в интернете, а Ева нетерпеливо следила за

приготовлениями с разложенного дивана, подворовывая печенье из стеклянной миски.

«Глупо, — изрекла Ева (два светлых хвостика, тридцать кило и сто сорок сантиметров от мыска до макушки) так важно, как только могла сделать это с набитым ртом и с высоты одиннадцати лет. — Это же очень опасно!»

«Еще как, — довольно подтвердила Динка, слегка дрожащим пальцем крутя колесико мышки. — Выше восьми тысяч метров вообще начинается «Зона смерти». Холод жуткий, ветрина, бури. Кислорода в три раза меньше, чем у нас сейчас. Пересекаешь восемь тысяч — начинаешь медленно умирать. Задержишься чуть дольше, чем нужно — все, привет. И никто тебе не поможет, если будешь замерзать: людям бы самим оттуда уползти, тащить тебя просто сил ни у кого не будет. — Азарт, с которым сестра обо всем этом говорила, мог напугать и менее впечатлительного человека, чем одиннадцатилетний ребенок. — А отметкой высоты в 8500 метров служат зеленые ботинки».

Ева непонимающе уставилась на монитор, силясь через полкомнаты разглядеть то, что на нем изображено:

«Зеленые ботинки?..»

«Тело индийского альпиниста в зеленых ботинках, — радостно пояснила Динка. — Тела из «зоны смерти» спустить практически невозможно. Так и лежат там, где умерли».

«Кошмар какой! — Ева тогда подскочила так, что едва не раскидала печенье по голубенькой замшевой обивке дивана, служившего Динкиным спальным местом, и не стукнулась головой о кровать-чердак, на которой спала сама. — Зачем люди туда вообще лезут?! Совсем психи?».

«Дурилка, ты хоть представляешь, что с тобой будет, если вернешься оттуда? Какой фигней любая проблема покажется после того, как ты полз по крыше мира наперегонки со смертью? И небо там так близко, что его можно рукой коснуться... — Ева и сейчас помнила мечтательность, звучавшую в голосе сестры: пожалуй, за всю жизнь она нечасто видела Динку такой. — А каково оттуда взглянуть на мир! Там все будет ерундой... мегаполисы, президенты с их возней, все глупые завистливые людишки, все неприятности...»

Уже много позже, когда они снова и снова говорили об этом (от своей безумной идеи Динка не отказалась, даже обретя новую профессию), Ева поняла, что тогда так воодушевило сестру. Лишившись и музыки, и вершины, к которой нужно стремиться — для Динки это был сольный концерт в Альберт-холле, — она отчаянно искала себе другую цель. Поскольку сестра по мелочам никогда не разменивалась, цель эта обязана была являть собой вершину грандиознее и достойнее прежней.

Тогда, открыв для себя идею с восхождением на Эверест, Динка впервые за долгое время вновь ощутила вкус к жизни. И смертельная опасность лишь подогрела ей кровь, в разлуке с фортепиано превращавшуюся в тихо загнивающую воду.

«Этот твой вечный оптимизм, — с внезапной злобой выдал Лешка, выпрямившись подле тумбочки, на которой ждал настроенный телевизор. — Может, хватит уже?»

Динка — семнадцатилетняя, как Ева сейчас, белокурое, светлое, неунывающее солнышко — непонимающе уставилась на младшего брата:

«Что хватит?»

«Может, признаешь наконец, что для нас все кончено?»

Ева мигом перестала жевать печенье, затихнув, страстно желая стать человеком-невидимкой — но Динка, внешне невозмутимая, лишь головой качнула.

«То, что с нами случилось, не конец света, Леш».

«Это конец моего света».

«Если не можешь жить без музыки, ты можешь стать теоретиком».

«Изучать, как играют другие? Вспоминая, как когда-то я делал это сам? Спасибо, Дин, отличная пожизненная пытка. — Брат плюхнулся в кресло, дрожащими руками прикрыв исхудалое лицо с красными глазами. — Я — это скрипка. Скрипка — это я. Она — центр моего мироздания. Если она не вернется... мне остается только умереть».

Тогда они еще не знали, что и вечная краснота глаз, и раздражительность, и суицидальные настроения — следствие той дряни, которую он последний месяц курил в подворотнях со своими новыми друзьями. Родители, стремясь скрасить Лешкино существование после трагедии, сломавшей ему руки и жизнь,

регулярно и без возражений давали сыну деньги то на кино, то на новую игрушку, то на посиделки в кафешках. Не зная, что в итоге тот тратит их совсем на другое.

Как выяснилось, с момента, как Алексей Нельский впервые попробовал наркоту, до передозировки прошло совсем немного времени. Это было обиднее всего. Наверняка врач, старавшийся максимально реабилитировать их с Динкой изувеченные руки, при очередном плановом осмотре понял бы, что один из его пациентов употребляет нечто, чего употреблять не следует... да только до очередного осмотра Лешка не дожил. И о том, что он был наркоманом, остальные Нельские узнали лишь в тот момент, когда услышали заключение судмедэксперта.

Евы там не было, естественно. Но Динка потом рассказала ей все, что ей нужно было услышать.

«Заткнись! — вскочив со стула, рывкнула сестра, все же выйдя из себя. — Заткнись, идиот! Только послушай себя! Пятнадцать лет пацану, еще в жизни ничего толком не видел, а уже умирать собрался? — она яростно ткнула пальцем в фортепиано, сейчас в основном служившее Еве подспорьем в уроках сольфеджио. — Скрипка — это просто кусок гребаного дерева, и мое фоно, и Евкина виолончель тоже! А ты — человек, чертов венец творения!»

Ева, считавшая свою виолончель отнюдь не заслуживающей подобного звания, слабо возмутилась, но промолчала. Лешка же, оторвав руки от лица, посмотрел на старшую сестру с ужасом: такой мог бы всплыть в глазах священника, которому только что предложили со злобным хохотом сжечь распятие, распевая гимны во славу Сатане.

«Как ты можешь... несешь такое... — облизав сухие губы, бессвязно пробормотал он, — я думал, для тебя музыка тоже...»

«Есть свершившийся факт. Мы больше не можем играть. Этого не изменить. Значит, нужно жить дальше. — Нависнув над креслом, в котором скорчился Лешка, Динка грозно воззрилась на него сверху вниз. — Ты — не приложение к инструменту. Ты сам — целый мир, ты — личность! Которая не рассыплется в прах и не разлетится по ветру, потеряв возможность извлекать звуки из железных прутиков».

Ответом ей была Лешкина кривая улыбка. И тишина со стороны дивана, на котором съежилась Ева: не зная, что можно сделать или сказать, чтобы помочь.

И имеет ли право говорить она, единственная из всех не потерявшая то, что потеряли они.

«Только послушай себя, — проговорил брат. — Кто мы? Я — скрипач. Ты — пианистка. Так мы отвечали всегда. А что нам отвечать теперь?»

«Я — Дина Нельская. Ты — Алексей Нельский».

«Нет. Мы всегда то, чем мы занимаемся. Скрипач. Пианистка. Бизнесмен. Адвокат».

«И много тебе скажут эти слова? Они включают в себя то, чему ты смеешься, что любишь, что ненавидишь? Имя тоже не включает, но оно хотя бы всегда остается с тобой. — Отвернувшись, Динка пнула валявшуюся на полу подушку, оставшуюся там с их утреннего с Евой боя. — Послушай. Мы сделали музыку своей жизнью — и забыли о том, что жизнь вообще-то не равна ей. Она украла наши жизни, заменила их собой, и теперь мы разваливаемся на куски, потому что слишком много думали о музыке, и слишком мало — о себе. Господи, да мы даже не знаем, кто мы такие на самом деле! Она влезла в наши личности, заменила наши души, и теперь, когда она бросила и отвергла нас, мы пустые внутри. Все равно что жить ради другого человека, делать его центром вселенной, а потом потерять его — и все, твой мир рухнул. Но пустоту всегда можно наполнить. Нужно просто... почистить себя, как луковицы. Снять верхние слои, вернуться к истоку. Мы ведь были и прежде, чем взяли в руки скрипку или сели за фоно. И я не готова признать, что это все, на что мы годились. — Глубоко, прерывисто вздохнув, она вновь повернулась к брату; и когда заговорила, голос ее был настолько мягким, насколько ей позволяли кипевшие внутри эмоции. В первую очередь — гнев, замешанный на отчаянии. — Мы занимались музыкой. Мы считаем, что жили ей, но живем мы и теперь, без нее. А ею — просто занимались. Только эти занятия свели все наше существование к одному-единственному аспекту, а этого делать нельзя. Нельзя сводить жизнь к одной музыке, одной цели, одному человеку, одной работе, одной семье. И за играми в новых Моцартов мы подзабыли, что помимо музыки есть в мире и другие вещи... много вещей, прекрасных и классных вещей, которые так глупо не узнать и не попробовать, пока ты еще здесь. Теперь мы можем заниматься этим другим. — Присев на корточки, Динка примиряюще накрыла искалеченные Лешкины руки своими — такими

же. — Почему бы тебе не понять это? Почему бы не начать наконец по-настоящему жить?»

Даже сейчас Ева помнила все в мельчайших деталях. К примеру, какими были глаза брата, когда, вдоволь насмотревшись на их пальцы, он поднял взгляд.

Взгляд, уже тогда принадлежавший мертвецу, которым он стал две недели спустя.

«А что, если я просто не могу?»

— ...Ева?

Она моргнула. Лишь сейчас осознав — память уволокла ее так глубоко в прошлое, что голосу Герберта далеко не сразу удалось вернуть ее оттуда. Лишь сейчас понимая, насколько ее собственные душеспасительные речи, которые она обращала к некроманту не так давно, напоминали давние интонации сестры.

И насколько слова их мертвого брата напоминали иные изречения Герберта.

— Скажи, зачем тебе нужен этот призыв Жнеца?

Резкий вопрос вырвался у Евы внезапно. Для него, но не для нее. И, конечно же, Герберт разом помрачнел: явно недоумевая, зачем нужно портить такими дурацкими вопросами такой хороший день, сыпавший на них с серых небес редкий снег.

Но не спросить Ева не могла.

Она обязана сделать то, что не попыталась сделать шесть лет назад. То, что так и не получилось у Динки. То, что толкало Еву читать проповеди колючему венценосному снобу, тогда еще бывшему ей никем. Или убедиться, что в действительности она снова не имеет на это права.

Только теперь — не из-за трусости.

— Ты и так сделал то, чего не удавалось никому до тебя, — не дождавшись ответа, продолжила она. — Изобрел новый вид стазиса. Посмертную регенерацию. Способ поднять разумное умертвие. Ты уже войдешь в историю. А если проживешь долгую жизнь вместо того, чтобы с немалой вероятностью погибнуть в двадцать три, и совершишь еще десяток великих открытий, прославишься еще больше. Укреплять власть королевской династии тоже ни к чему, учитывая грядущий переворот. Мираклу, конечно, не помешает

поддержка нового Берндетта, но в целом он явно может обойтись и без нее. Так почему ты так хочешь призвать Жнеца?

— Потому что могу. — Прижав ладони в перчатках к замковой стене, по обе стороны от ее лица, Герберт отстранился на расстояние выпрямленных рук. — У каждого свое предназначение. Мое — такое.

— Кто тебе это сказал? Отец? Айрес?

— Они. И я сам. Я верю, что мне неспроста даны такие силы. — Он отстраненно качнул головой. — Мало кто в народе помнит имена тихих некромантов-ученых. Даже открывших самые фундаментальные законы. Зато Берндетта помнят все.

— Значит, амбиции? Гордыня, жажда славы, мания величия — вот что тобою движет?

— Да, — ничуть не смутившись, сказал Герберт: подпуская в голос ту едкость, которую в разговорах с ней он уже давно себе не позволял. — И амбиции, и гордыня, и все остальное, чего не должно быть в хорошем правильном мальчике, каким, наверное, ты хотела бы меня видеть. Но не только. И не в первую очередь, пожалуй. — Резким движением отступив на шаг, он отвернулся: сложив руки за спиной, глядя в небо. — Ты можешь представить, что это такое — быть богом? Соприкоснуться с тем, кто вечен, мудр и стар, как сама вселенная? Ощутить бесконечную мощь в себе, убедиться, что ты и правда избран Им, достоин Его благословения? Все равно что на минуту стать солнцем. — Ева не видела его глаз, но их затуманившееся выражение без труда читалось в его голосе. — Это самое высокое, самое прекрасное, что кто-либо из наделенных Даром способен совершить. Самое волшебное, что он может ощутить. Возможность добиться этого стоит всего, чем ты можешь за нее заплатить.

Эверест... Ева снова вспомнила про тех, кто поднимается туда, прекрасно зная, что может не спуститься обратно. Кажется, на вопрос «зачем вам туда?» они отвечали «потому что Он есть». Просто затем, чтобы стать тем, кто его покорил. Просто затем, чтобы посмотреть на мир с той потрясающей кристальной высоты, куда способны забраться единицы.

Чтобы разделить свою жизнь на «до» и «после».

— Я могу сделать это, — продолжил Герберт. — Я один из тех немногих, кто может. И не прощу себе, если отступлю просто потому, что струсил. — Когда он оглянулся, на губах его был призрак

усмешки, от которой Еве стало больно. — Не беспокойся, о твоей безопасности я позабочусь. Даже если я погибну, тебе ничего не будет угрожать.

— Но это же невозможно, — машинально сказала она. Тут же испытала смутное желание треснуть себя по лбу: в ситуации, когда Герберт и без того смотрел на нее с этой горькой усмешкой, ясно выдававшей его привычку во всем видеть здоровый и нездоровый эгоизм, правильнее было сказать совсем не это. Тем более что о своих плачевных перспективах при данном раскладе Ева действительно думала в последнюю очередь. — И вообще, я не за себя беспокоюсь! Хотя не могу не напомнить, что обещание свое ты в таком случае нарушишь.

— Что сделаю все, чтобы тебя оживить? Не нарушу, — откликнулся Герберт прохладно. — Я делаю все, что в моих силах. Я каждый день бьюсь над формулой, которая сделала бы это возможным. Но я уже говорил, что воскрешать тебя в любом случае буду не я. Это не моя специальность. — Он вновь отвернулся, предоставив Еве сколько угодно смотреть на темную шерсть капюшона, скрывавшей бледное золото его волос. — Ты знала, кто я. Какой я. С самого начала.

Она бессильно опустила взгляд: на цветок, пушившийся над брусчаткой крохотным солнышком. Понимая, что ответы лишь подтвердили то, что ей самой страстно хотелось опровергнуть.

Нет, дело не только в амбициях, стремлении оправдать отцовские ожидания и прочей шелухе, которой Герберта окутали извне. Дело в том, что крылось под ней. В нем самом.

В призрачных крыльях, которые даровал ему Жнец.

...«если действительно любишь, ты позволишь ему расправить крылья и ответить на зов»...

Если однажды Динка всерьез соберется на Эверест, ставший ее мечтой — вправе ли будет Ева запретить сестре ее исполнить? Из страха, что это может стоить Динке жизни? Чтобы до конца своих дней та тоскливо смотрела в небо, думая, что не решилась подняться туда, где его можно коснуться рукой — ради того, чтобы остаться с теми, кто ходит по земле? Да, можно возразить, что это эгоизм: рисковать собой, не думая о тех, кому будет больно в случае твоей гибели. Но тот, кто подрезает крылья твоей мечте, эгоист не меньший.

Если не больший.

— Я поняла, — тихо сказала Ева. Сложив вместе холодные ладони, прижала их к губам молитвенным жестом. — Пообещай мне кое-что. Пожалуйста.

Когда Герберт обернулся, в его лице она различила удивление. Наверное, не ожидал, что она сдастся так быстро.

Да только он прав. Ева знала, какой он. Знала уже тогда, на лестнице, когда безмолвным признанием отрезала себе пути назад. И, наверное, не в последнюю очередь полюбила его за это — как он полюбил ее: за самоотверженную, самозабвенную любовь к тому, что ты делаешь.

И готовность идти до конца, не жалея себя.

— В нашем мире есть гора. Высочайшая. Которую, естественно, многие хотят покорить. — Все, когда-то рассказанное Динкой, всплыло в сознании так живо, точно текст был перед ней на экране. — И у людей, которые хотят это сделать, есть свои непреложные законы.

Эти законы Ева, отнюдь не собиравшаяся разделять цель и мечту сестры, запомнила потому, что они неизгладимо врезались в память жестоким расчетливым цинизмом. Особенно тот, который сейчас она не собиралась озвучивать: «Если не можешь идти дальше — умирай и не проси о помощи». Но на той высоте, где они рождались, не было места ни человечности, ни состраданию. Лишь логике, холодной, как ветер «зоны смерти», в клочья раздирающий одежду тех, кто навеки остался там; и если подумать, принцип этот прекрасно применялся не только на горных вершинах — везде, где ставки слишком высоки, чтобы игроки могли позволить себе такую роскошь как мораль.

Чем не альпинисты те, кто с той же леденящей расчетливостью карабкается на верхушку социальной лестницы? Или политики, играющие в престолы со своих сияющих высот?

— Если твоя цель — достичь вершины, ты погибнешь. Потому что вершина — это только половина пути. Если ты достиг вершины, но погиб на спуске, ты не покорил ее. Эверест покоряет лишь тот, кто вернулся обратно. — Под пристальным прищуром Герберта она судорожно сцепила соединенные ладони: в этом движении выплеснулись все эмоции, которым Ева не позволила прозвучать в голосе. — Так вот. Пообещай мне, что вернешься. Если не ради меня — хотя бы потому, что неудачника никто не запомнит.

Она не позволила своему облегчению улыбкой отразиться на лице. Ни когда его взгляд смягчился, ни когда Герберт, шагнув вперед, накрыл ее руки своими.

Да ей и не хотелось улыбаться.

— Я знаю. — Он коснулся губами ее пальцев: выдыхая слова так, точно пытался согреть их сквозь светлую замшу не гретых перчаток. — Верь в меня. Я не собираюсь умирать. Должен же я похвалиться тебе, как это было.

Последнее вновь сопровождала усмешка. На сей раз — без горечи. И, лишь увидев ее, Ева позволила себе выдохнуть. Фигурально, естественно.

Гербеуэрт тир Рейоль вновь уступил место Герберту, с которым они смотрели анимешки по вечерам. А тот никогда и ни в чем ей не лгал.

— Вот бы как-нибудь сбросить его от мороза, — невпопад произнесла Ева, кивнув на летоцвет. Наверное, просто очень хотела закрыть этот разговор. — Здесь он в любой момент погибнуть может, а так хочется, чтобы еще пожил и поцвел подольше...

— Я о нем позабочусь.

— Правда?

— Правда.

Свои чувства, лучше всего укладывавшиеся в банальности вроде «ты чудо», Ева выразила чмоком в нос; и спустя некоторое время они уже вернулись в замок, чтобы временно разбрестись по своим делам. Ева — для занятий с Дерозе и Эльеном, Герберт — наверное, для работы над воскрешающей формулой, заботы о судьбе своих верноподданных, наложения на цветок каких-нибудь тепличных чар (или что он там придумал для спасения рядового Летоцвета?) и еще парочки дел, на которые времени хватило бы только у Цезаря.

Впрочем, в данном случае занятость некроманта была даже к лучшему. При таком раскладе после уроков у Евы еще осталось время, чтобы приготовить ему подарок.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ОТ 20.11:

— Эльен сказал, завтра день твоего наречения, — застенчиво проговорила девушка, когда Герберт наконец вновь озарил своим присутствием ее обитель. Протянула ему маленькую плетеную

корзинку, украшенную бантом из бархатной алой ленточки, хитро обвитой вокруг одного из прутьев. — Это тебе.

Некромант воззрился на преподнесенные ему гнутые печенюшки, — и приятное изумление, написанное на бледном до изнуренности лице, изрядно согрело Еве душу.

— Я бы подарила завтра, но завтра ты на целый день уйдешь, — добавила она. Герберт еще утром известил ее об отлучке, но не удосужился объяснить, что помимо очередного урока с тетушкой во дворце намечается торжественный ужин: по словам Эльена, его господин ужасно не любил праздновать что-либо. Особенно все, что касалось дней рождения, наречения и других знаменательных событий, связанных с его появлением на свет. — К тому же внутри... в общем, лучше сегодня.

— Это печенье? — Герберт слабо улыбнулся. — Сама пекла?

— Именно. Разломай одно.

Послушно взяв хрупкую сладость в руки, некромант сел на кровать, позволив Еве опуститься рядом и отставить корзинку на прикроватный столик. Если напоминание о грядущей памятной дате и было ему неприятно, он ничем этого не выказал.

И хорошо. То, что человек не хочет отмечать свой день рождения — или день, когда отец дал тебе имя, без разницы, — Ева тоже считала неправильным. Пусть она сама не отмечала те же именины, но родился Герберт весной, а отучать его от вредных привычек нужно было уже сейчас; так что она с довольной улыбкой следила, как тот разворачивает крившуюся в печенье бумажку, собственноручно вырезанную Евой из нотного листка.

— «Завтра преподнесет тебе неожиданный подарок», — зачитал он, вглядевшись в керфианские буквы, нацарапанные шариковой ручкой. — Это что, предсказание?

— Печенье с предсказаниями, — довольно подтвердила Ева. — У нас их дарят на разные праздники... те, кто знают, что это. — Ева с Динкой, естественно, знали, так что время от времени пекли вкусные подарки окружающим и друг другу. Впрочем, это не мешало Еве сегодня долго шаманить с местными ингредиентами, пытаясь добиться от теста нужной консистенции, а затем благополучно спалить первую партию: приготовление в печке (да еще на непривычной посуде и при отсутствии таких благ цивилизации, как готовая бумага для выпечки)

сильно отличалось от приготовления в электрической духовке. Хорошо хоть Эльен помогал всем, чем мог, предоставляя необходимое по первому требованию. — Но там не только предсказания.

— А что еще?

— Съешь печенку, — уклончиво улыбнувшись, посоветовала она. — И возьми другую. Вдруг попадется нужная.

Нужная попалась лишь с третьей попытки. Сразу после «У тебя все получится». И, прочитав записку на узкой бумажной ленточке, Герберт поднял на нее долгий, без улыбки, взгляд.

— Я тебя тоже, — ответил он серьезно и тихо.

По плану в этом моменте Ева подкрепляла написанное действием. Но вместо этого, почему-то смутившись, опустила глаза.

— Я еще думала сложить тебе тысячу бумажных журавликов, чтобы ты мог загадать желание, — лишь полушутливо сказала она, взволнованно заправляя волосы за уши, пока Герберт жевал печенье — явно в первую очередь для того, чтобы освободить руки. — Но потом подумала, что ты все-таки должен делать их сам, чтобы оно сбылось, а тебя это вряд ли приведет в восторг.

— Что за бумажные журавлики?

— Как-нибудь покажу. В другой раз. — Она следила, как некромант бережно скатывает бумажку в тугой свиток, чтобы спрятать в карман штанов. — В моем мире делают журавликов из бумаги... не вырезают, просто складывают из квадратных листков. Говорят, если сложить тысячу штук и загадать желание, оно обязательно исполнится.

— И как, ты проверяла?

— Проверяла. Вроде бы сбылось.

На самом деле, складывая последнего журавлика и отчаянно желая «хочу, чтобы у Динки все было хорошо», Ева думала в первую очередь о том, чтобы какая-нибудь волшебная сила исцелила сестре руки. Но на вселенную, истолковавшую и исполнившую ее желание несколько иным образом, в итоге осталась не в обиде.

Возможно, сложи она журавликов годом раньше, и Лешка остался бы жив.

Да что с ней сегодня такое? Лезет в голову то, что хотелось бы раз и навсегда похоронить на самых дальних, пыльных и заброшенных чердаках собственной памяти...

— Вообще я не слишком в этом хороша. В оригами. Так называют фигурки из бумаги, — продолжила Ева, чтобы чем-то перебить нежеланные мысли. — Там ведь и других зверей складывают, не только журавлей. Птиц, кошек, лис... даже драконов. А я разве что журавлей да еще цветы умею делать.

— К слову, о цветах. — Отряхнув руки от крошек, Герберт вытянул ладони, подставляя их под что-то невидимое. — У меня для тебя тоже есть подарок.

Миг спустя невидимое стало очень даже видимым — и Ева увидела фонарик. Небольшой, с ее ладошку, стеклянный фонарь с шестью прозрачными гранями в серебряной оправе. У них дома на пианино стоял почти такой же, алюминиевый, купленный и используемый как декоративный подсвечник.

Только вот в этом вместо свечи внутри, окутанный колдовской розовой дымкой, на манер сказочной розы висел в воздухе срезанный летоцвет.

— Ты... сорвал его?

Ева сама немного удивилась тому, каким хриплым вышел вопрос.

— Естественно. — Кажется, Герберт искренне удивился и вопросу, и тому, что она не спешит выражать признательный восторг. — Я же обещал о нем позаботиться.

— Зачем ты его сорвал?..

— Ты же хотела, чтобы он не увял. Теперь не увянет, — в голосе некроманта тенью скользнула досада. — Он в стазисе. И навсегда останется таким. Свежим, цветущим, прекрасным.

Ева смотрела на маленькое желтое солнышко, заключенное в стекло. На длинный, очищенный от листьев (оставили лишь один, для красоты), беспомощно нагой и тонкий стебель, окруженный едва заметной кровавой вуалью чар.

И думала о том, как она могла быть такой дурой, чтобы забыть: некромантские представления о заботе не могли не отличаться от ее собственных.

— Только вот теперь он мертв.

— Он был обречен. Он все равно бы умер. Все мы умираем. Так есть ли разница, когда? — в том, как Герберт дернул плечом и отставил фонарик на стол, она прочла легкое недоуменное раздражение. — Я

подарил ему бессмертие. Как и тебе. Многие могут только мечтать об этом.

Наверное, не скажи он трех последних фраз, на том разговор бы и закончился. Ева бы выдавила улыбку и приняла подарок: чтобы потом, когда они посмотрят еще пару серий «Волчицы и пряностей» и разойдутся на ночь, погрузить и спрятать фонарик куда-нибудь в шкаф, подальше с глаз. Но он сказал — и слова ударили по тому, что уже месяц копилось на подкорке сознания. Тому, чему Ева обычно не давала хода, убегая от этих мыслей в дела, хлопоты, уроки, занятия музыкой и вечера с Гербертом; в тот же вечный оптимизм, что когда-то помогал держаться ее сестре.

Только вот убегать от себя — бесполезное занятие. Далеко не убежишь. И рано или поздно все равно догонишь.

— Посмотри на меня, — когда Ева, вскинув руки, развела их в стороны жестом, обведившим ее неизменно холодное тело, голос ее сбился почти в шепот. — По-твоему, это — бессмертие? Это то, о чем можно мечтать?

— Это лучше, чем то, что ждет любого из нас. — Герберт смотрел на нее с усталостью профессора, вынужденного растолковывать совершенно очевидные вещи глупой неблагодарной шестилетке. — Сколько себя помню, я имею дело со смертью. И как никто знаю истинную цену жизни. Люди — говорящий ходячий скелет, заключенный в оболочку медленно умирающей плоти. Кто-то из нас способен это отстрочить, но избежать — увы. И все, что остается от нас в итоге — тот самый скелет... безмозглый, безмолвный, бездушный. Вся наша жизнь, все наши мечты, желания, стремления — все умирает, истлевает в ничто, будто мы и не рождались вовсе. Оставишь после себя потомков, свою плоть и кровь — уже спустя пару поколений они дай боги имя твое вспомнят. Лишь тот, кто вошел в историю, кто оставил своей жизнью память настолько весомую, что она не сотрется мгновенно, как след на песке под волной — лишь того можно назвать истинно живущим. — Он задумчиво щелкнул пальцами по стеклянной цветочной тюрьме: матовые, коротко стриженные ногти глухо звякнули о серебро. — Вы с ним неподвластны ни смерти, ни жизни, ни времени с его неумолимым разрушительным течением. Вы обманули самих богов. Самого Жнеца. Разве это не повод радоваться или гордиться?

Ее смех разбился о стекла тягучим, скрипучим, хриплым звуком струн, дребезжащим скрежетом отозвавшихся на касание неумелого смычка.

— Так вот зачем тебе так нужен Жнец, — сказала Ева, когда Герберт обратил на нее непонимающий взгляд. — Вот почему ты не хотел любить, чувствовать, дружить... ты и правда трус, да? Ты думал не о том, помянет ли тебя кто добрым словом сейчас, а только о том, вспомнит ли кто-нибудь великого Гербеуэрта тир Рейоля через пару сотен лет. Ты так боишься смерти, что не можешь по-настоящему жить.

Глаза его сузились.

— Ты...

— Посмотри на меня! Я не живу, не чувствую боли, не дышу, не ем, не пью, не обоняю! Гребаная замороженная кукла, которую можно включить и выключить, как механизм, которая работает, пока не кончится завод! Это твое заветное бессмертие?! — Ева не заметила ни того, как вскочила, ни того, как перешла на крик, яростно комкая подол рубашки судорожно сжатыми пальцами. — Я существую за твой счет — и не могу тебя согреть, не могу заснуть с тобой в одной постели, не могу позволить себе и тебе делать все, что мне хотелось бы делать, даже обнять тебя нормально не могу, чтобы не думать о том, как ты это терпишь!

— Тише. Успокойся. Успокойся, слышишь? — встав следом за ней, Герберт вскинул руки осторожным жестом того, кто вдруг оказался наедине с разъяренным тигром или взбесившейся лошадью. — Я не терплю.

Та крохотная частичка Евы, что не растворилась в опьянении прорвавшегося отчаяния, сокрушительной пеленой захлестнувшего разум и чувства, еще успела отметить, насколько зло и истерично прозвучал ее хохот.

— Правда? Тогда давай прямо сейчас перейдем к делу, хочешь?

— Ева...

— Я же тебе не противна? Ни капельки? Тебе все равно, что я такая? — она рванула ворот рубашки, недрогнувшими пальцами расстегивая пуговицы. — Так давай, докажи! Уже столько знакомы, все, что нужно, ты в первый же день увидел, к чему дальше тянуть?

Герберт перехватил ее кисти, когда в открывшемся вырезе уже сверкнул багрянцем оголенный рубин:

— Ева, перестань! — он тряхнул ее руки — и Еву вместе с ними, глядя на нее в том же ошеломлении, что помешало ему сразу ее остановить. — Это не ты!

— Что? Не спешишь насладиться моими «мертвыми прелестями»? Правильно, потому что я долбанный труп! — она кричала ему в лицо, чуть не плача, бешено выкручивая тонкие запястья из стальной хватки его пальцев. — Как я такая домой вернусь?! Как мне дальше жить? Я не могу так жить, не могу вообще жить — я же мертва, мертва, мертвааа...

Руки выпустили в тот же миг, как она все-таки заплакала. Лишь для того, чтобы прижать ее, больше не сопротивляющуюся, никуда не рвущуюся, к теплему чужому плечу. И Герберт держал ее все время, пока она рыдала, безнадежно кусая собственные кулаки: держал молча, лишь гладил по волосам медленно и нежно.

Ева не помнила, в какой момент ее отнесли на постель. Но когда безумие истерики схлынуло, вернув способность нормально мыслить, они уже лежали. Герберт — мерно, успокаивающе, почти гипнотически скользивший пальцами по ее затылку, и Ева — зареванная, с мокрой солью на губах, щеках и ресницах, напрочь залившая слезами его рубашку. Плачь она кровавыми слезами — как нормальные вампиры, даже не думавшие сверкать, зато дававшие смертным пространное и любопытнейшее интервью — Мэт бы наверняка поразился подобному этюду в багровых тонах.

— Прости, — пробормотала она, когда на смену злобе тошнотворной волной пришел стыд. Жмурясь, уткнулась лбом в вымокший батист на его плече. — Я сорвалась.

— Немудрено. Ты еще долго продержалась. Я даже не думал, что тебе так... — Герберт коротко, рвано, покаянно выдохнул. — Я идиот.

— Ты не идиот. Ты некромант. У тебя свои представления о заботе... иногда. — Ева виновато потерлась щекой о его руку, словно просящая ласки кошка. — Мне следовало бы понять.

Герберт лишь снял эту самую руку с ее волос, чтобы слегка приподнять ей подборок и бережно вытереть щеки шелковым платком: взявшимся из ниоткуда, мягким, как улыбка. Когда повлажневшая ткань исчезла так же мгновенно и незаметно, как появилась, коснулся

ладонью ее скулы — и молча позволил уткнуться в его пальцы, спрятав в них сухое теперь лицо.

— Можешь усыпить меня? — тихо попросила Ева. — Очень хочу уснуть. Пожалуйста.

Она думала, Герберт станет возражать. В конце концов, она уже спала сегодня ночью, и следующая ванна планировалась лишь через три дня, а до сего момента вне целебного раствора Ева не засыпала ни разу. Но ей очень хотелось забыть все то, что вспоминалось ей сегодня. Начать завтра с чистого листа. И наконец заснуть не в аналоге формалина, а в постели, по-человечески — в его руках.

И возражать он не стал.

— Ты будешь жить, — сказал он только. — Чего бы мне это ни стоило. Клянусь.

Перед тем, как серебристый голос приказать ей спать, Ева еще успела повернуть голову, кинув взгляд на темное окно. Впервые увидев, как в чистом керфианском небе блеклыми кругами светятся сразу две луны: одна — голубоватая, которую Ева уже привыкла видеть в ясные ночи, и другая — розовая, как тающая в воде кровь, восходящая на четверть месяца раз в сотню лет.

Год двух лун, в который суждено было свершиться семьсот тридцатому пророчеству Лоурэн, наконец в полной мере оправдывал свое название.

Наутро Ева не уловила момента, когда ей отдали приказ проснуться. Но когда она открыла глаза, Герберта рядом не было. Равно как и фонарика с летоцветом на столе.

Зато там, слегка мерцая в полутьме, царившей вокруг из-за плотно сдвинутых штор, лежал пион.

Сев в постели — волшебные кристаллы в подсвечнике немедленно вспыхнули при движении, — Ева взяла в руки прохладный цветок: может, и не пион, но очень на него похожий. Провела пальцами по алым лепесткам, отзывавшимся на прикосновение пробегающими по кромке искрами... десяткам бумажных полукружий, соединенных в грубоватую рукотворную копию соцветия.

Слабо улыбнулась.

Она знала, что вместо простенького бумажного цветка Герберт наверняка мог бы сотворить иллюзию самого роскошного букета. И знала, почему не сотворил.

Что ж, пусть он и не умел складывать оригами — но ножницами, клеем и крошечной щепоткой магии определенно мог воспользоваться довольно умело.

Глава 6. Attacca

(*прим.: Attacca (атака) — указание в конце какой-либо части, предписывающее начинать следующую часть без перерыва)

Прием в честь дня наречения наследника удался на славу. Танцы были в нужной степени головокружительны, подарки — в нужной степени оригинальны, тосты — в нужной степени сладкоречивы, угощение — в нужной степени разнообразно. И пусть все присутствующие в зале знали, что меньше всего они нужны самому наследнику, это не мешало никому веселиться в меру своих возможностей.

Ее Величество танцевала лишь три танца. С братом и с обоими племянниками. Большую часть празднества она провела на троне, наблюдая за тем, что происходит у его подножия: все парадные залы дворца строили в классических традициях, и королевское место золотилось на возвышении, к которому вели пять широких ступеней.

Даже самый зоркий наблюдатель не смог бы определить, как королева относится к тому, что видит, и только он вычислил бы то, что теоретически могло вызвать ее неудовольствие. Схему передвижения гостей, помимо обычных танцев ткавших некий свой танец — вокруг Миракла Тибеля. Небольшие кучки гостей сходились и расходились по бело-золотому квадрату залы, чтобы образовать новые компании для новой ничего не значащей беседы; многим их перемещение показалось бы абсолютно хаотичным, но на деле все эти светские па вытанцовывались вокруг движущегося центра, являвшего собой одного-единственного человека. И вовсе не именинника.

Айрес задумчиво следила, как ее племянник — другой племянник — сходитя и расходится с теми, кто лоялен ей, и теми, чья лояльность была под сомнением. Ни с теми, ни с другими он не говорил больше или меньше, чем того требовал учтивый бальный разговор, избегавший каких-либо опасных тем — и, естественно, в первую очередь избегавший политики. Танец сталкивал Миракла Тибеля с министрами и советниками, аристократами и дельцами, вскарабкавшимися на ту высоту, где тебе открывалась дорога даже в королевский дворец; до Айрес это было немыслимым, но после ее

восхождения на трон... к чему предрассудки? Да, она упразднила Большой Совет, чтобы не допустить низшие сословия к правлению (чернь не знала и не могла знать, как управлять страной; иначе Айрес не получила бы королевство в том плачевном состоянии, до которого его успешно довел отец — заботами того самого Совета). Да, она не позволяла никому, и особенно народу, мешать ей вести свою страну тем курсом, который она считала нужным. Да, она вернула аристократии многие права, отобранные еще при ее деде — ибо аристократия веками держала власть в своих руках, так что куда лучше слуг знала, как с ней обращаться и как помочь с этим Ее Величеству. Тот же давно упраздненный закон «О наказании прислуги»... о, как кричали и брызгали слюной ограниченные поборники морали и человечности, когда Айрес дала ему вторую жизнь! Казалось бы, любой здравомыслящий человек поймет: ценными слугами дорожат при жизни не меньше, и в посмертии, и какой смысл судить аристократа за то, что он до смерти забил кнутом бесполезную ленивую горничную? Если виновный не круглый дурак, он и от закона за редким исключением успешно уйдет кривыми дорожками денег и связей. Но нет, ее — ее, подумать только — винят в узости мышления! Разве не проявила она к низшим сословиям щедрость не меньшую, чем к высшим? Разве не она презрела глупые условности, державшие ее подданных в клетках своего положения, не позволявшие достойным простолюдинам пробиться ко двору лишь потому, что Великий Садовод не дал им родиться в именитом роду? Разве она была жестока? Те, кого забирает Охрана, сами заслужили свою участь (хотя бы тем, что были достаточно глупы, чтобы позволить Охране прознать о своих мыслях и намерениях). Айрес могла бы уничтожать изменников семьями, кланами, родами, как в истории не раз делали до нее. Но она была милосердна — и всегда миловала детей, если те не разделяли взгляды отцов... тех, кто переживал допрос, позволявший точно выяснить это, конечно.

Допрос был обязателен для всех, кроме тех, кого по некоторым причинам Айрес считала излишним ему подвергать. К примеру, своих племянников.

Королева откинулась назад, в бархатные объятия мягкой спинки трона (что ни говори, вчерашняя вылазка здорово ее утомила — оставалось надеяться, что Уэрти понравится ее второй,

неофициальный подарок). Внизу под звуки музыки в изысканном веселье, обеспеченном ею, коротал вечер ее народ. Даже возжелай гости поговорить о чем-то, не предполагавшем веселья, Охрана быстро бы это пресекла — Айрес позаботилась о том, чтобы ничто не испортило Уэрту праздник. Особенно его брат.

Вообще проявления горячей «любви» одних представителей королевской семьи к другим она считала зрелищем смешным и любопытным, но не сегодня. К тому же семье позволено то, что нельзя позволять никому другому.

Все, что она делала, она делала, заботясь о других. Всегда. Кто-то пользовался высотой своего положения в своих интересах, обеспечивая себя недоступными ранее благами, и Айрес прикрывала глаза, считая это вполне допустимой ценой за верность — но не она. Она могла сорить деньгами, могла выйти замуж, скинуть бремя правления на мужа и советников, бесцельно прожигать жизнь, как делала это любимая сестричка; но Айрес обручилась с короной — и не брала благ больших, что могла позволить себе любая женщина высшего круга, зато по мере своих сил заботилась обо всех, кого эта корона препоручила ее заботам. Охрана и простая стража денно и нощно ищет среди ее стада больных овец — чтобы другие могли жить спокойно, не смущаясь их речей, не травя разум ненужными сомнениями. Она уже сделала Керфи богатым и сытым, страной, с которой считаются — и еще сделает сердцем мировой империи.

Под пение струн, выводящих одно из немногих сочинений Кейлуса, что сыскало одобрение приличного общества, Айрес нашла глазами своего наследника. Убедившись, что тот с отстраненным видом смотрит сквозь танцующих, делая вид, что пьет, прикрыла глаза, наблюдая за племянником из-под ресниц.

Какой бы юной чудеснице ни удалось сотворить с ним то, что ставило под угрозу весь план, в этом зале ее сегодня не было — его лицо ясно поведало ей об этом. И это делало все еще сложнее. Да и с братом Уэрти сегодня общается пусть холодно, но определенно без той степени ненавистного напряжения, что искрила между ними обычно. Как это некстати... а ведь обстоятельства складывались так прекрасно, но человеческие сердца — ненадежные механизмы, требующие тонкой и постоянной настройки. Топорные методы вроде вассальной клятвы Айрес предпочитала приберечь до самого последнего момента. По

этой же причине она не навязала Уэрти слежку — ограничилась простым маячком, не замечавшимся владельцем и защитой его замка по причине специфики работы: маячок активировался лишь тогда, когда владелец находился на грани гибели (в противостоянии Кейлуса и племянников, немало ее забавлявшем, Айрес уверенно ставила на последних, но предосторожности превыше всего).

Неужели неодобрение ее политического курса зашло у Уэрта так далеко, что заставило податься к братцу? Забыв о размолвке, забыв о гордости, так старательно в нем возвращенной? О, конечно, многие против той войны на уничтожение, которую Айрес планирует развязать (даже среди тех, кого она считала не только верными, но и умными); и, естественно, это дало недругам еще один рычаг давления на ту чашу весов, что склоняет народ против нее. Тот же Мирк знал обо всем задолго до того, как Айрес сказала ему об этом — она прочла это в его глазах: племянник был хорош во лжи, но не так хорош, как Айрес в видении правды. И все, кто пытается ей противиться, не понимают такой простой, очевидной истины — на войне нет места ни человечности, ни милосердию. В этом мире либо ты, либо тебя. Айрес тирин Тибель уяснила это давным-давно. Не на собственном примере, ибо лишь глупец учится на своих ошибках, но Айрес с детства охотно устраивала показательные и поучительные примеры другим. Люди — лучший испытательный плацдарм для любой теории, если ты располагаешь возможностью и умением дернуть их за нужные ниточки.

Нельзя оставлять в живых врага, который однажды обязательно восстанет. Ильденская Империя рухнула потому, что не сумела уничтожить всех, кого завоевала. Да она и не могла: любая империя нуждается в дешевой рабочей силе... любая, кроме той, что способна заставить порабощенного врага работать и после смерти.

Мертвый враг, исправно выполняющий задачи раба, но лишенный даже возможности помыслить о сопротивлении, куда безопаснее и полезнее врага живого.

Что ж, спасибо старой Империи за падение, не только вознесшее на трон Берндетта и основанную им династию, но и преподавшее его потомкам весьма полезный урок. Нет, Айрес чужих ошибок не повторит! Она выкосит тех, чьи дети смогут однажды поднять бунт, во славу Жнеца, и на землях, которые продолжают возделывать их останки,

взрастет новый урожай — керфианцев. У выходцев из одной страны не останется причин восставать ни против своей императрицы, ни против тех, кто унаследует ее империю. Маги живут долго: на ее глазах родится еще не одно поколение, и Айрес успеет позаботиться о том, чтобы эти поколения расселились по всему завоеванному ею свету. Привольная, сытая, вольготная жизнь, где слуги будут жить немногим хуже, чем господа — вот чего она хочет для них; а взамен просит такой малости — лояльности! Не мешать своей королеве делать то, что она считает нужным. Веры в нее, веры в то, что она лучше знает, как открыть им дорогу к счастливому будущему. Но куда там... если даже родная семья раз за разом восставала против нее. Указывала, строила козни, смела думать, что лучше нее знает, как править, что делать, как поступать с собственным племянником...

К слову о семье...

Из-под ресниц Айрес увидела, что ее племянника с нехорошо участливой улыбкой осаждают ее кузен — и, грациозно поднявшись с места, под шуршание бархатного шлейфа по ковровой дорожке спустилась вниз: странствующей звездой огибая танцующих по полукруглой орбите, пролегающей сквозь пестрые облака расступающихся придворных.

— Вижу, вся эта мишура тебе не по вкусу даже больше обычного, — тем временем задумчиво вымолвил Кейлус, прислонившись плечом к мраморной колонне рядом с Гербертом. — Может, тебе просто не терпится покинуть нас и поспешить куда-то еще?

— Не более обычного, — скушаясь откликнулся виновник торжества, держа в руках нетронутый бокал.

Кейлус, в отличие от него, свое питье пригубливал часто и охотно. Но сейчас не стал: лишь слегка поболтал бокал в ладони и поднес к лицу, наслаждаясь букетом тонкого сбалансированного аромата. В том, что касалось напитков, он был истинным гурманом, умевшим ценить не только вкус.

— А, может, и вовсе не куда-то, а к кому-то? Признайся, Уэрти, тут нечего стесняться. — Никто бы не различил за привычной улыбкой Кейлуса Тибеля некоего намека, но бронзовый взгляд из-под тяжелых век был, пожалуй, слишком пристальным. — Никогда не поверю, что

самый завидный жених Керфи до сих пор не обзавелся претенденткой в невесты.

— Не льсти мне, дядя. Вы с Мираклом женихи не хуже меня, — абсолютно невозмутимо и абсолютно равнодушно отвечал тот. — Хотя, учитывая некоторые обстоятельства — возможно, без «вы».

Кейлус в ответ хохотнул. Без тени гнева или смущения, глядя на Миракла, который чуть в стороне оживленно растолковывал что-то Кроу Соммиту: с товарищем по арене они были большими друзьями и в жизни.

— Если вы с Мирком решили пойти по моим стопам и заделаться убежденными холостяками, Айри этого не переживет, — заметил он, всматриваясь в лицо племянника, пока в зрачках его плескалось настораживающее веселье.

— Не знаю, чего именно я не должна пережить, но уверяю тебя, Кейл: я крепче, чем ты думаешь, — нежно прозвенело за его спиной. Скользнув к колонне, королева замерла подле беседующих. — Что за допрос с пристрастием?

Кейлус, после секундного колебания чуть склонив голову, улыбнулся шире прежнего.

— У нашего мальчика завелись от нас секреты, дорогая сестра. Вернее, еще больше секретов, чем водилось раньше, — доверительно понизив голос, сообщил он. — Он всегда был нелюдимым, но сегодня просто превосходит сам себя.

— Его секреты — это его секреты. Кажется, ты в его возрасте был бы совсем не против, если бы кое-какие твои тайны так таковыми и остались? — одарив окаменевшего Кейлуса улыбкой, гладившей собеседника лаской отравленного шелка, королева мягко подхватила племянника под руку. — Идем, Уэрт. У меня к тебе дело.

Они разошлись в разные стороны: королева с принцем — к выходу из зала, Кейлус, по завершении разговора одним глотком опустошивший свой бокал — в сторону лакея, разносившего напитки.

Даже Айрес не заметила в разыгранном перед ней немом возмущении ни нотки фальши.

На деле продолжать беседу в присутствии кузины Кейлусу и самому отнюдь не хотелось. Ее подозрения касательно новоявленной невесты Уэрта были бы совершенно лишними. Однако молча отстать от племянника (при его-то любви к словесным уколам дорогих

родственников) он счел действием куда более подозрительным, чем вынудить сестру защитить любимого птенчика. Атакой, в ответ на которую оскорбиться или хотя бы сменить тему было бы вполне естественно. Судя по всему, не прогадал.

Хотя ударила любимая сестричка и правда по больному, но у Кейлуса была масса возможностей привыкнуть к этой ее милой привычке.

Подхватив с серебряного подноса потный бокал, где в прозрачной кремово-желтой глубине жемчужным бисером рассыпались игристые пузырьки, Кейлус задумчиво застыл среди говорливого окружения танцующих, повернувшись спиной к одному хорошему знакомому.

— Страшная тут духота. Глоток свежего воздуха на балконе был бы не лишним, — рассеянно бросил он в пространство. Недостаточно громко, чтобы расслышал кто-либо из тех, кому слова не предназначались (особенно представители Охраны, разнаряженными змеями скользившие сквозь толпу), но достаточно, чтобы слова не затерялись вконец в разговорно-музыкальном шуме. — И приятные новости оказались бы сейчас так кстати...

— Для каждого мир припас информацию, которая ему будет в новость, — с той же степенью отвлеченности откликнулся человек за его спиной.

Удовлетворенно улыбнувшись, Кейлус неторопливо направился в сторону балкона — зная, что спустя время достаточно, чтобы не казаться подозрительным, господин Дэйлион последует туда за ним.

Господин Дэйлион был одним из тех, кто благодаря играм Айрес в великодушие к выходцам из простонародья и любовь к равенству (Кейлусу было прекрасно известно, что равенство сестра признает исключительно с той позиции, что кто-то всегда будет оставаться равнее прочих) пробил себе путь с низов социальной лестницы до самой верхушки. Именно это позволило ему не только обзавестись массой полезных знакомств, но и стать лучшим в нелегком деле главы синдиката наемных убийц. Скрывающимся под маской добропорядочного производителя весьма недурных сигар.

Кто-то счел бы сущим безумием допускать подобную персону ко двору. Но Айрес всегда считала, что таких людей, пока они не представляют опасности лично для тебя, лучше держать поближе. Удобнее будет понять, когда из категории не представляющих

опасности они перетекут в категорию угрозы, требующей немедленного превентивного устранения.

Балкон — полукруглую площадку во всю длину залы, опиравшуюся на колонны, — окутывали чары, слегка регулирующие температуру, так что воздух там был действительно свежим, но не морозным. Падающие снежинки оседали на магическом куполе, создавая искрящийся в бальных отсветах белый козырек; под ним Кейлус и вкушал свое амелье в момент, когда неподалеку от него на перила облокотился человек в черном.

— Есть результаты, — чиркнув о перила вонючей спичкой из металлического коробка, сказал господин Дэйлион, подпаливая сигару.

Ходили слухи, что Охрана опутала весь дворец (как и многие важные государственные здания) хитрыми следящими чарами. Подававшими тревожный сигнал, когда в короткий промежуток времени группой собеседников произносилось сочетание неких слов: вроде «наследник», «королева», «покушение», «проклятие» и других, по отдельности бывших вполне безобидными, но вместе смотревшихся опасно. При их произнесении срабатывал маячок и активировалось заклятие, позволявшее бдительным стражам королевского покоя прослушать ведущуюся беседу — и либо удостовериться, что это обычные досужие разговоры придворных сплетников, либо узнать о готовящемся заговоре. Разграничения между этими категориями Охрана устанавливали сама; а поскольку представители Охраны славились своей подозрительностью, не один сплетник время от времени отправлялся в подвал, дабы верные стражи королевы могли прояснить, не использовал ли тот некий шифр и не являлся ли невинный обмен пересудами на деле обсуждением грядущего переворота.

Надо отдать Айрес должное, это почти отбило у придворных желание сплетничать. По крайней мере, о ней и Гербеуэрте. Правда, Кейлус подозревал, что взамен они с удвоенным ядом отыгрываются на других членах королевской семьи.

Как бы там ни было, они с господином Дэйлионом знали, как вести разговор так, чтобы не привлечь ненужного внимания.

— И? — не глядя на убийцу, спросил Кейлус.

Глядеть не было нужды. Он и так, что увидит — грубоватое симпатичное лицо под темно-серебристой гладью слегка

напомаженных волос, с двумя колючими сапфирами прищуренных глаз, прорезанное морщинами так четко, словно те резцом вырезали по мрамору. Господин Дауд Дэйлион не был стар, но нелегкая жизнь оставила свой след в его чертах. Может, потому он и неизменно облачался в черное — как и сам Кейлус: словно оплакивая того себя, каким он мог бы стать, сложись все немножко по-другому.

— Не совсем то, что ожидалась, — отняв от губ сигару, мерцающую ржавой пламенной кромкой, откликнулся убийца. — Детишки ворковали друг с дружкой так, что мои ребята неловко себя чувствовали во время докладов.

Они стояли так, что в них трудно было заподозрить собеседников. Господин Дэйлион — налегая на парапет грудью в черном бархате, словно любясь расстилающейся перед балконом ночной столицей, Кейлус — поодаль, прислонившись к перилам спиной, небрежно опершись локтями на светлый камень, глядя в другую сторону. И в этот момент он пожалел, что из них двоих именно он стоит к публике лицом.

— Надо же, — пробормотал Кейлус. Залпом допив свое амелье, отставил бокал на перила. — Я-то полагал, там голый расчет.

Господин Дэйлион, как он увидел краем глаза, в ответ слегка пожал плечами:

— Чувства облегчают дело. При таком раскладе отыскать рычаг давления просто.

Отвернувшись, Кейлус зачем-то точным щелчком столкнул бокал вниз. Проследил, как тот падает на пустую площадь перед дворцом (экипажи ждали во внутреннем дворе); машинально определил высоту звона, с которым тот разбился, жалея, что звук вышел слишком тихим — он любил звонкую мелодию бьющегося стекла.

Господин Дэйлион был интересным человеком во многих отношениях. В частности, он был весьма интересным главой синдиката наемных убийц, принимавшим далеко не все заказы. Его бесполезно было просить убрать жену-изменницу или того, кто портит тебе жизнь своей неподкупной честностью, зато его «коршуны» охотно участвовали в разборках одних нечистых на руку чинуш с другими нечистыми на руку чинушами. Господин Дэйлион не принимал заказы на Миракла Тибеля (отшучивался тем, что регулярно ставит на парнишку на арене и не желает терять столь ценный источник дохода),

но недолюбливал королеву, ибо не любил продажность в любом ее виде — в том числе в покрывании продажности.

Кейлус не знал, принимал ли он заказы на голову Айрес, но сомневался. Скорее всего, в таком случае сегодня Дэйлиона не было бы ни на балу, ни где-либо еще. Однако все вышеупомянутые причины подтолкнули Кейлуса просить у него помощи и в таком деликатном деле, как устранение наследника престола, и в том, чем они занимались сейчас. Вряд ли господин Дэйлион так уж хотел видеть на престоле его персону — но к наследнику и любимому племяннику Айрес тирин Тибель он теплых чувств не испытывал, в судьбу и пророчества давно уже не верил, а за требовавшую им с Кейлуса сумму можно было бы похитить парочку иноземных принцесс.

В этом странном мире принципиальный наемный убийца оказался одним из тех немногих людей, на кого можно было положиться.

— И у вас уже есть идеи? — выбравшись из лабиринта собственных мыслей, поинтересовался Кейлус невзначай. — О рычаге?

Господин Дэйлион затянулся, и кончик сигары полыхнул в зимнем сумраке веселой рыжиной:

— А как же.

Этажом выше Гербеуэрт тир Рейоль, не подозревая, как близко от него обсуждаются коварные планы касательно его скромной персоны, молча позволил королеве ввести его в покои, где они обычно занимались.

— Спасибо, — наконец сказал он, нарушив долгое молчание, сопровождавшее их по пути.

— Что увела тебя оттуда? — Айрес слегка похлопала его по руке, которой племянник держал ее под локоток, облитой вишневым бархатом парадного одеяния и атласом белой перчатки. — Брось, мне ли не знать, какой ты затворник.

— И какое у тебя ко мне дело?

— Хотела показать тебе твой подарок.

Герберт в выразительном недоумении оглядел кабинет. Подцепил подвеску, висевшую у него на шее, врученную ему королевой часом ранее — сапфир в рунной оправе на тонкой цепочке, изящный и мощный оберег, отводивший большинство заклятий, стрелы и даже лезвия холодного оружия, если то не было зачарованным.

— Другой подарок, — верно истолковав жест, улыбнулась Айрес. — Не здесь.

Уголки губ Герберта дернулись в намеке на ответную улыбку:

— Лучшим подарком мне будет, если позволишь не возвращаться на праздник. Я бы с большим удовольствием прошелся до библиотеки.

— Сейчас? Зачем тебе туда?

— Снова поискать то, что поможет восстановить утраченный смысл Берндеттовских рун.

Айрес на миг оглянулась через плечо — на просторный кабинет в лакрично-багровых тонах, всю обстановку которого составляли книжный шкаф, стол да кресло. На лакированном паркете подпалинами вырисовывались очертания просторного семиугольника: в этой комнате лишь репетировали ритуал, который мог возыметь силу в единственный день уходящего года, но даже неполной мощи рунного черчения было достаточно, чтобы оставить следы.

— Снова? — в равнодушном недоумении повторила она. — Зачем тебе это? Ты видел записи Берндетта. Магов, лицезревших призыв своими глазами. Рунная формула, заученная тобой, ровно та, что чертил...

— Мне не слишком нравится чертить знаки, смысла которых я не знаю.

Айрес вздохнула с терпением человека, ведущего подобный разговор далеко в первый раз.

— Уэрти, ты не хуже меня знаешь, что это бесполезно, — изрекла она с материнской мягкостью. — Дневники Берндетта, что он вел в процессе изобретения ритуала, сгорели в Великом пожаре. Хвала богам, что он записал формулу призыва в другие свои труды. Жаль, что мы не знаем точного значения изобретенных им рун, но то всего-навсего пара знаков. Сколько раз ты уже пытался их расшифровать?

— До призыва еще есть время. А если я буду точно знать смысл каждого начертанного символа, это повысит шансы провести все успешно.

— Ты и так проведешь все успешно. — Движением, подтверждавшим ее бесконечную уверенность в истинности этих слов, Айрес положила ладонь племяннику на плечо. — Если, конечно, твоя голова не будет в тот момент забита чем-то другим. — Длинные, безупречно обточенные ногти чуть вонзились в красный бархат его

выходной куртки. — Помни: для призывающего не должно быть ничего важнее предстоящей встречи со Жнецом.

— Я помню.

— Это не пустые слова, Уэрт. Ты должен желать этого всей душой. Жнеца — и никого другого.

— Поверь, это последнее, о чем тебе стоит беспокоиться. — Голос наследника престола посеребрил холод. — Я слишком долго к этому шел, чтобы что-либо могло мне помешать.

Королева улыбнулась снова: почти заискивающе.

— До меня дошли слухи, что дракон с твоих земель покидал Пустошь, — прежде чем опустить руку, внезапно сказала она.

В том, как Герберт нахмурил брови, даже Айрес тирин Тибель смогла бы прочесть одно лишь восхитительно естественное удивление.

— Странно. До весенних танцев еще далеко, — рассеянно заметил он. — Быть может, у него нашлись другие дела в горах. Или он просто решил поохотиться подальше от логова. А к чему...

— Дракона видели в небе над Хельмом, — деликатно возразила Айрес. — Было бы очень неприятно, если бы он решил взяться за старое.

— Не беспокойся. Если он начнет приносить неприятности тем, кто живет под моей защитой, я об этом позабочусь.

Холод в голосе Герберта теперь скрывал под своей льдистой кромкой железо, но королева качнула головой.

— После первой же неприятности в народе начнет зреть недовольство. Еще большее, нежели сейчас. Это может стать искрой, с которой начнется пожар восстания, а оно нам с тобой сейчас нужно меньше всего. — Крепко обняв племянника за плечи, Айрес прикрыла глаза. — Пойдем. Хочу кое-что тебе показать.

Герберт не закрыл глаз даже в те головокружительные мгновения, что магия несла их сквозь пространство. Не дрогнув, не пошатнувшись, он приземлился на занесенной снегом брусчатке.

Не дрогнув, позволил королеве отступить на шаг — открывая ему обзор на все, что оказалось перед ним.

— Это давно следовало сделать. Я сочла такую дату... и все прочие обстоятельства... хорошим поводом наконец решиться. — Айрес сжала ладонь, и над ней вспыхнул шарик белого света. Мерцая, он взлетел над их головами; мороз студил воздух, но королева, укрытая

лишь светлым бархатом закрытого платья да жемчужным блеском бисерной россыпи на юбке, не дрожала. — Я думала позвать тебя. Затем решила, что так будет лучше. В одиночку одолеть ее было нелегко, но я не могла рисковать твоей безопасностью... не перед тем, что вскоре тебе предстоит.

Снежинки белыми искрами падали на ее темные волосы, заново присыпали тонкую корочку льда на брусчатке: точно не так давно весь снег на ней растопило чье-то яростное пламя, но затем вода успела застыть. Снежинки падали и на камни, усыпавшие двор драконьего замка, и на то, что лежало поверх них.

На зеленую чешую, под которой больше не сиял золотой огонь.

— Она еще и наседкой была, представляешь? — заметила королева с благостным весельем. — Яйца я уничтожила, конечно. Так что можешь порадовать жителей Шейна, что единолично сразил чудище, досаждавшее им шесть сотен лет. Хочу, чтобы это считали твоим подвигом... В конце концов, твои победы — это и мои победы. А звание драконоборца — отличный подарок, как по мне.

Герберт долго вглядывался в янтарное стекло замершего, замутненного корочкой наледи драконьего глаза.

— О боги, — наконец слабо произнес он.

Айрес засмеялась, вполне удовлетворенная реакцией. Отвернувшись, оставляя за спиной тело драконицы — высокий темный холм, потихоньку заносимый снегом.

Сердечно обняла своего оторопело застывшего наследника.

— Пора назад. Не то замерзнешь. — Айрес тирин Тибель ласково поцеловала висок под бледно-золотыми прядями, вздыбленными холодом воздуха — и в миг заледеневшей крови. — С наречением, дорогой.

Глава 7. Affettuoso

(*прим.: Affettuoso — очень нежно, мягко, томно, страстно, порывисто (муз.)

Эльен заглянул в «детскую», когда последнее нежное ре «Размышления» Массне еще не истаяло в жарком блеске рассыпанного по полу золота.

Ре-мажорная тоника, отстраненно думала Ева, широко и бережно ведя смычок в завершающем движении. Забавно. Ре-мажор звучит в их маленькой сокровищнице — тональность золота для синестетика Скрябина, тональность, в которой старый Барон из «Скупого рыцаря» Рахманинова любовался своими драгоценностями...

— Урок танцев, лиоретта, — мягко напомнил призрак, когда в тишине можно было расслышать лишь потрескивание негаснущего огня.

Ева покорно поднялась со стула. Уложив Дерозе в футляр, погладила на прощание яйцо.

— Я вернусь, — зачем-то сказала она, прежде чем вскинуть футляр на плечо и выйти, плотно прикрыв за собою дверь.

Герберт сказал, что если держать яйцо в нужных условиях, маленький дракончик вылупится и без матери. Слабое, но все-таки утешение. Которое не помешало Еве впасть во вторую за два дня истерику, когда некромант принес весть о гибели Гертруды.

Она сама удивилась, как эта весть выбила ее из колеи. Казалось бы, она знала драконицу всего ничего. И за это «ничего», как выяснилось, успела так к ней прикипеть, что когда схлынула первая постыдная эмоция — облегчение от того, что формулировка клятвы не утянула Герберта следом, — расплакалась и самозабвенно наорала на некроманта. Крича, что это их вина, что она знала, что он не подумал...

Тот даже не отпирался. Стоял, опустив руки, опустив голову, такой покорный, что Еве тут же стало стыдно.

«Я виноват, — тихо возразил Герберт, когда девушка кинулась его обнимать: бормоча слова извинения, твердя, что он ни в чем виноват. — И я искуплю вину. Исправлю то, что еще могу».

Что ж, если они помогут единственному уцелевшему детенышу Гертруды появиться на свет и вырасти дракончиком, который однажды благополучно расправит крылья и взлетит в зовущее его небо — наверное, это и правда немножко искупит их вину. Так что боль Ева топила в занятиях, до изнеможения отрабатывая двадцать четвертый каприз Паганини: она загорелась сыграть виолончельное переложение с тех пор, как впервые услышала его в исполнении Йо-Йо Ма. Дома она пару раз едва не переигрывала руки, заучивая вечно фальшивящее пиццикато в девятой вариации или проклятые децимы в шестой, но здесь всегда холодные мышцы даже не уставали.

Потом, дозанимавшись в своей комнате до ощущения, что пальцы вот-вот начнут кровить, растворив всю тоску в отупелости утомления, Ева шла в «детскую» маленького дракончика. Надеясь, что песни Дерозе могут хоть немного заменить те песни, что он уже никогда не услышит от мамы. О том, что маму он больше никогда не услышит, Ева ему рассказывать не стала. Плакать в обнимку с яйцом тоже, хотя очень хотелось.

Оставалось надеяться, что он еще слишком маленький, чтобы слышать истину в сердцах, как Гертруда. Прорваться в музыку Ева этой истине не позволяла.

Следом за призраком возвращаясь в спальню, девушка уставилась в окно. На дворе медленно гас день, но в еще голубом небе висела вторая луна, бледно-розовая и прозрачная, как истончившийся леденец.

Как Айрес могла так поступить? Без раздумий уничтожить то, чего наверняка даже не понимала, чьей красоты наверняка не могла оценить?..

— Эльен, вы знали, что Герберт боится смерти? — спросила она невпопад: страстно желая поговорить и подумать о чем угодно другом.

— Странная особенность для некроманта, — откликнулся призрак невозмутимо, учтиво раскрывая перед ней дверь. Не позволив ей понять, был это положительный или отрицательный ответ. — Хотя... ты можешь каждый день иметь дело со смертью других, но твоя собственная продолжит пугать тебя.

— Он слишком много имел дело со скелетами. И слишком мало с живыми людьми. — Пройдя внутрь, Ева опустила футляр с Дерозе на пол; раскрыв его, принялась протирать струны и корпус инструмента.

В комнате с яйцом делать это ей почему-то было неудобно: все равно что выносить закулисные тайны на сцену. — С чего он вообще заперся здесь в окружении одной нежити? Помимо всего, что я уже знаю?

— Двух слуг поймали на шпионаже. Вскоре после гибели его родителей. Одного подкупила королева, другого — лиэр Кейлус. Тогда господин Уэрт решил, что вполне сможет обойтись прислугой, которая точно его не предаст.

Ева лишь нахмурилась, скользя мягкой тряпочкой по лакированному дереву.

— Он так хорошо знаком с последствиями смерти, что теперь для него все тлен, — сказала она потом. — Суета и пыль. Все, кроме того, что может его обессмертить. — Закончив с инструментом, она прошлась чисткой по древку смычка. — А самое обидное, что в чем-то он прав. Я вот тоже боюсь умирать.

— Смерть — естественная часть жизни. То, что придает ей смысл. Лишь смерть заставляет нас ценить дарованные нам мгновения.

— Да. Знаю. Слышала. — Убрав смычок на его законное место в футляре, Ева аккуратно опустила крышку: пытаюсь не ассоциировать это действие с тем, что совершают на похоронах. — Но все равно хотела бы, чтобы этих мгновений было как можно больше.

Мысли неумолимо возвращались к Гертруде.

Вообще странно задаваться вопросом, как королева могла так поступить. Если Айрес хотела во что бы то ни стало предотвратить исполнение предсказания — вполне логично, что следом за обещанной Лоурэн спасительницей она уничтожила и обещанное Лоурэн чудище. Герберту королева могла говорить что угодно, но Ева была уверена: отправляясь в замок Гертруды, в первую очередь Айрес руководствовалась именно словами Лоурэн. Отныне ведь чудесно все складывается — Избранная мертва, чудище, которое после ее гибели некому было убивать, тоже. Сиди себе спокойно на троне да лелей дальше тиранические планы.

А им остается лишь осуществить тот план, что Герберт задумал изначально. Разыграть спектакль, где с самого начала мертва не только Избранная, но и убиваемый ею дракон.

Ева не знала, чего Герберту стоит одновременно поддерживать три стазиса — ее, Гертруды и Мелка, — но некромант вновь наведалься в драконий замок еще прежде, чем вернулся с празднования домой. И

теперь законсервированное тело Гертруды ждало часа, когда некромантия и немножко иллюзий ненадолго придаст ему подобие жизни, прежде чем упокоиться навсегда. Уже на дне озера.

— Некоторые вещи просто не созданы для того, чтобы медленно увядать, — проговорил Эльен мягко, возвращая девушку в реальность. — Одни огни загораются, чтобы тлеть медленно и долго, тихо согревая тех, кто вокруг. Другие — чтобы прогореть в один миг яркой вспышкой, оставив за собой пламенный след в истории или чьей-то памяти. Не нам судить, почему боги готовят нам столь разное предназначение и столь разные сроки.

— Мы собираемся использовать ее тело, Эльен, — вырвалось у Ева. Пожалуй, в первую очередь потому, что думать о собственном сроке ей совсем не хотелось. — Гертруды. Поднять ее, чтобы я могла «убить» ее у всех на глазах. — Поднявшись на ноги, она яростно потрянула головой. — Это так... мерзко.

— Вы слишком много значения придаете плотским останкам, лиоретта. — Призрак, явно не видевший в этом никакой крамолы, с легким осуждением качнул головой. — Все религии проповедуют бессмертие души, но отчего-то придают невероятное значение посмертию тела. Здесь, в Керфи, к смерти относятся так, как и должно к ней относиться. Смертная оболочка — только обертка. Фантик для души сродни конфетному. — Заложив руки за спину, он посмотрел в окно, щуря пушистые ресницы. — Вы некогда говорили, что в вашем мире деяния некромантов мнят надругательством над мертвыми. Но ведь мы лишь бережем фантик вместо того, чтобы просто его выбрасывать, позволив бесполезно и бесславно пропасть. Позволяем выполнять то же, что он выполнял, пока наполнение его еще было в нем. Разве это не дань уважения к тому, кто все равно уже нас покинул? Я лично ни капли не возражал бы, если б сейчас в кухне трудился и мой скелет, будь он к тому пригоден. И не думаю, что возражала бы ваша драконица. — Когда призрак вновь взглянул на девушку, этот взгляд будто коснулся ее щеки теплой ласковой ладонью. — Ей это тело все равно уже ни к чему. Если оно может оказать кому-то добрую услугу вместо того, чтобы просто истлевать... помочь изменить этот мир к лучшему, помочь спасти чужие жизни... разве не лучше использовать его с пользой?

Лучшая слышанная мною речь в защиту посмертного донорства, подумалось Еве саркастично.

— А вы, Эльен? — спросила она, высказывая то, что интересовало ее уже давно. — Почему вы решили остаться здесь не только телом, но и душой? Или вам не оставили выбора?

— Оставили. — Дворецкий, усмехнувшись, повернулся к ней — чтобы невесомой рукой слегка погладить по волосам. — А что бы вы с господином Уэртом сейчас без меня делали?

Эта ласка, и взгляд, и тон слишком напомнили ей папу, где-то за гранью другого мира наверняка сейчас оплакивающего уже второго потерянного ребенка; и, не выдержав, Ева обняла призрака за талию, уткнувшись лбом в призрачный бархат сюртука на его плече.

Странное это было ощущение. Будто утыкаешься в пышные шифоновые оборки, под которыми скрыто холодное стекло. Но когда Эльен, вздохнув, по-отечески ободряюще приобнял ее в ответ, так желанная ею поддержка была настоящей.

— Я не тороплюсь за грань, лиоретта, — проговорил призрак, шелестящими прикосновениями поглаживая ее спину. — Уверен, там всех нас ждет нечто потрясающее и потрясающе интересное, но пока я не представляю, как оставлю тех, кому поклялся служить. К тому же я не уверен, что по ту сторону меня ждет теплая встреча.

— Это еще почему? — пробормотала девушка, не поднимая лица.

— Видите ли, исполняя свой долг вассала, я вершил не только благие дела. А Жнец не слишком жалуется тех, кто крадет его урожай, срезая жатву раньше уготованного Им дня. — Когда Ева застыла в замешательстве, Эльен мягко выскользнул из ее рук; отстранился, и девушка увидела его печальную улыбку. — Смерти не нужно жаждать, лиоретта, но и не нужно бояться. Смерть — не недостаток и не ошибка. Она завершает то, чему логично иметь завершение. А бессмертие — не всегда благо.

— Многие бы с вами не согласились, — все еще пытаюсь совместить в сознании картинку уютного заботливого Эльена, к которому она привыкла, с гипотетическим Эльеном-убийцей, возразила Ева. — Герберт, в частности.

— На них не стоит равняться. — Отвернувшись, сцепив руки за спиной, призрак подошел к окну. — В те дни, пока я был еще жив, мне

довелось бывать в Риджии. Мой господин взял меня туда, когда дела свели его с тамошними магами. Помните, кто ее населяет?

— Люди, эльфы, дроу, лепреконы, — машинально откликнулась Ева, как откликалась прежде на их уроках.

— Да. Много больше долгоживущих народов, чем во всех других странах. — Эльен вздохнул. Ева порой удивлялась, как он может вздыхать, если в принципе не способен дышать — но, видимо, призраки сохраняли некую иллюзию дыхания. — В Риджии мой господин встречался с эльфами, и я тоже. Были среди них прекрасные, поэтичные создания, истинные Дети Солнца, как называют их там... но были и те, кто мнил себя лучше людей на том лишь основании, что в отличие от смертных они живут вечно. Дроу, как вы помните, некогда даже развязали войну, стремясь уничтожить людей. Сочли простых смертных недостойными жить подле них, не умирающих, не стареющих. Это так... высокомерно. — Вскинув ладонь, призрак рассеянно выплел пальцами в воздухе витиеватый вензель, явно призванный выразить его безразличное отношение к подобной позиции. — С каких пор бесконечность жизни стала столь важным фактором в столь сложном вопросе? Смертные сотворили столько вечного, столько прекрасного, столько вещей выше и волшебнее себя, чего иной из эльфов и дроу не создаст за всю свою бесконечно долгую жизнь. И сама Риджия... застылая. Отстающая. Лишь сейчас нагоняющая другие страны, ушедшие далеко вперед — по той причине, что в трех из четырех ее королевств вместо стариков, закосневших в устоях трехвековой давности, к власти наконец пришли дети... принесшие с собой свежие мысли, идеи, взгляды. — Оглянувшись, он горестно опустил руку. — Взгляните даже на меня. Я бессмертен, но кто я? Реликт, пережиток прошлого, тень уже ушедшей эпохи.

— Нашли тут пережиток! — Ева, приблизившись, шутливо пихнула его кулачком в грудь, прежде чем чмокнуть в щеку над усами. С Эльеном она давно уже особо не церемонилась, воспринимая его эдаким новообретенным добрым дядюшкой. — Для пережитка вы слишком хорошо танцуете.

— Чем, к слову, нам и следует наконец заняться вместо безусловно приятной беседы.

И они занимались, благо настроение у Евы самую капельку да поднялось. Занимались до самого прихода Герберта, ворвавшегося в комнату без стука, точно надеясь застать их за чем-то непристойным.

Впрочем, по тому, как некромант порывисто заключил ее в объятия, вместо приветствия впившись губами в губы, Ева постановила, что он просто соскучился.

— Эльен, фейр, — бросил некромант потом. Дождался, пока призрак безмолвно ускользнет выполнять приказ, и рывком увлек Еву на кровать.

Странный он все-таки эти дни, мельком подумала девушка, отвечая на непривычно жадные, какие-то голодные поцелуи.

Все трое суток, минувших с известия о гибели Гертруды, Герберт то ходил даже безучастнее, чем в первые дни их знакомства, то вдруг являлся с горящими глазами и страстью в порывистых, каких-то нервных движениях. А еще почти непрерывно работал над чем-то в своем кабинете — Ева даже практиковалась теперь одна. Что в заклетах в тренировочном зале, что в прогулках по воде, на которые она каждодневно вылезала на улицу.

Надо сказать, без Герберта в саду она чувствовала себя неудобно. Внутренний параноик и вовсе время от времени нашептывал, что она ощущает на себе чей-то пристальный взгляд. Хорошо хоть Мэт, пользуясь ситуацией, своими подколками разбавлял обстановку — то предлагал еще и воду в вино обратить, то рассуждал, что Мираклу ни к чему будет нормальное знание экономики, если его будущая женушка откроет в себе талант кормления тысячи страждущих одним жалким багетом. «Ви-идишь, там, на горе-е», — даже пропел демон как-то противным тоненьким голоском: вынудив Еву, от изумления потерявшую равновесие во время тренировочного выпада смычком, искупаться в ледяной воде.

Чего-чего, а знания песен «Наутилуса» она от него никак не ожидала. И зря. Где знания о работе мобильных аккумуляторов, там и до российского рока недалеко; а подглядел ли демон когда-то концерт из Межгранья или просто покопался в Евиной голове, уже не суть важно.

— Как себя чувствуешь? — поинтересовался Герберт, когда утолил свой чувственный голод.

— А я должна чувствовать себя как-то не так? — осторожно уточнила Ева.

— Нет. Но если хорошо, это значит, что все работает. — Вжимая девушку в покрывало, некромант заправил ее выбившиеся волосы за ухо. В льдистых глазах блеснуло непонятное шальное веселье. — Я отрезал тебе доступ к моей энергии, прежде чем вошел.

Ева оторопело замерла.

— Я изменил чары, пока ты спала сегодня, — буднично пояснил Герберт. Действительно, этой ночью она принимала очередную питательную ванну, но для Евы процедура ничем не отличалась от прочих. — Теперь, если лишишься подпитки от меня, ты начнешь питаться от собственного резерва сидиса. Судя по всему, ты ничего не ощутила?

— Нет, — на всякий случай прислушавшись к ощущениям, в некотором замешательстве подтвердила она. — Ничего.

— Как я и думал. — Некромант с задумчивым удовлетворением коснулся поцелуем ее лба. — Переводить тебя на постоянное самообеспечение я пока не рискну, так что завтра повторим привязку на алтаре. Но, судя по всему, на поддержку существования ты тратишь не больше, чем восстанавливаешь — в целом количество сидиса в ауре остается без изменений... Надо еще проверить, как это совмещается с колдовством и с регенерацией. — Вдруг скатившись с нее, он кивнул на планшет, ждавший своего часа на прикроватном столике. — Посмотрим что-нибудь?

Покорно потянувшись за планшетом, Ева покосилась на Герберта.

— А ты как себя чувствуешь? Ты какой-то... странный.

— Я в порядке, — уставившись на подсвечник с волшебными кристаллами, не щуря светлые глаза на белое сияние, без запинки откликнулся тот. Так, точно ожидал вопроса. — В полном. Просто много работы.

Его глаза, вдруг поняла Ева. Что-то с ними не так, но что?

— Какой работы? — она листала папки, выискивая ту, в которой лежала «Волчица», параллельно пытаясь понять, что именно ее царапнуло.

— Сначала дорабатывал чары, чтобы ты не погибла вместе со мной, если что-то случится. Теперь бьюсь над формулой воскрешения.

— И как успехи? — спросила Ева, уже подозревая ответ.

Герберт отозвался не сразу.

— В последний миг от меня всегда ускользает что-то важное. Что-то, что поможет расставить все элементы формулы по местам, — наблюдая, как Ева по традиции устанавливает планшет в изножье кровати, сказал он. — Но я поймаю это. Нужно лишь зайти еще чуточку дальше.

Нотки какой-то одержимой убежденности, скользнувшие в последних словах, Еве совсем не понравились.

— Герберт, только не надо... надрываться ради меня, ладно? Я все понимаю, но ты должен беречь себя. Пожалуйста.

Его улыбка заставила бы ее сердце сжаться, если б только оно могло.

— Я сделал много ошибок. Должен же я наконец и исправить что-то.

— Не сделал ты никаких ошибок! Ты не мог меня спасти, у тебя же клятва, и мы не могли знать, что Айрес в одиночку справится с Гертрудой, и...

Ее заставили замолчать самым бесцеремонным и приятным из возможных способов.

— Не будем об этом, — с мягкой непреклонностью не то попросил, не то приказал Герберт, оторвавшись от ее губ. — Не сейчас. Сейчас я слишком устал, и хочу просто увидеть, как Лоуренс помирится с Хоро. Помирится ведь?

Глядя в его глаза, где в голубом льду чернели узкие точки зрачков, Ева усилием воли заглушила внутренний голос: снова вопивший о том, что происходит что-то катастрофически неправильное. И что ни в коем случае нельзя спускать все на тормозах, и отступать, смирившись с правилами, которые он навязывает, замяв разговор — тоже. Но его бледное, изможденное лицо, на котором лишь глаза горели почти лихорадочно, и правда выглядело таким уставшим...

...и не будет ли это свинством с ее стороны — долбить его расспросами и нравоучениями вместо того, чтобы просто дать отдохнуть...

...и даже если в душе его снова появилась рана, не зарастет ли она скорее, если не пытаться ее ковырять...

...и вообще, об этом с ним поговорить еще успеется, правильно?

— Не скажу, — покорно произнесла Ева, вновь потянувшись к планшету, чтобы нажать на «плэй». Почти ненавидя себя за эту покорность. — Сам увидишь.

Но, как выяснилось позже, внутренний голос ее обманывал редко.

Гром грянул ночью.

Ева привычно лежала без сна. Обычно она коротала ночи в чтениях или занятиях, но теперь Дерозе тихо спал в футляре, а его хозяйка лежала на кровати, созерцая потолок.

С Гербертом они расстались на клятвенном обещании, что этой ночью некромант ни над чем работать не будет, а немедленно отправится спать. Правда, тот на все ее настойчивые просьбы отмолчался, но молчание ведь знак согласия, верно? Не может же Герберт просто оставить все ее мольбы без внимания. Если уж действительно ее любит.

В крайнем случае Ева может просто пойти и проверить, спит ли он, и устроить втык, если не спит...

Если бы, конечно, она еще знала, где находится его спальня.

Дверь неожиданно скрипнула. Ева села на постели — и увидела, что к ней, каким-то образом дотянувшись до длинной дверной ручки, бесцеремонно проскользнул Мелок.

— Ты ко мне в гости? — приветливо сказала она, когда кот целенаправленно вспрыгнул на кровать. — Что, хозяин не гладит?

Тот вместо ответа боднулся ей в руку. На белоснежной морде стыло такое тоскливое выражение, будто только что он чудом сбежал от стаи бешеных псов, и теперь ему срочно требовалось утешение.

Есть все же нечто глубоко неправильное в том, что твоему молодому человеку известно местоположение твоей спальни, а тебе его — нет, размышляла Ева, одной рукой старательно наглаживая молчащего кота по спине, а другой почесывая его под подбородочком. Как и в том, что вы встречаетесь и живете вместе, но спите порознь.

То, что ты зомби, а он — твой некромант, на Евин взгляд смотрелось уже почти естественно.

— И с чего ты так прикипела к этому дурному мальчишке, а? — заметил Мэт, снова возникнув в изножье. — Ума не приложу.

— Свой ум лучше прикладывай к чему угодно другому.

— Зато твой призрак сегодня приятно удивил. — Демон сделал вид, что поудобнее усаживается на резной спинке. — Может, лучше в

него влюбишься? Вот уж дивный романтический герой. Еще и поет.

— Если ты радуешься, что обрел родственную душу, — фыркнула Ева, не сомневаясь, чем Эльен мог приятно удивить кого-то вроде Мэта, — даже если Эльен в самом деле убивал, не думаю, что он получал от этого хоть какое-то удовольствие.

— А, ты о том, что он порой помогал своему господину травить шпионов и убийц, имевших глупость заглянуть к ним на обед? Кстати, чаще в интересах короны, чем с целью самозащиты. Тот господин Рейоль, если ты не знала, заведовал тайной службой Его Величества... хотя того, кто занимал подобный пост, прикончить желали многие, не отрицаю. — Мэт зевнул, явно наслаждаясь ее замешательством — как от обманутых ожиданий, так и от полученной информации. — Нет, что ты. Он на диво здраво рассуждал о смерти, в отличие от твоего обже. Хотя, конечно, ему не хватает кое-каких фундаментальных знаний о науке, которая в вашем мире хоть чуточку приподняла завесу вселенских тайн, но речь все равно вышла симпатичная. Даже трогательная в этой его наивности давно ушедшей старины.

— Можно подумать, ты у нас молод.

— Я иду в ногу со временем, как ты могла заметить. Вернее, парю. В Межгранье, как ты могла понять, туго с твердыми поверхностями. С направлениями, впрочем, тоже.

— Я понимаю Герберта, — даже не думая покусаться на его обезоруживающе широкую улыбку, сказала Ева, решив оставить переосмысление образа Эльена на потом. — Его род занятий... располагает к подобному образу мыслей.

— Нет. Просто он глупый маленький мальчик, который лишь начинает учить самый важный для себя урок. — Вертикальные щели зрачков расширились, поглощая окружавшую их мерцающую синь — и вновь, как когда-то давно, в глазах демона Еве открылась пустая вселенская бесконечность. — Не меняется и не увядает лишь то, что не учится и не растет. Не умирает лишь то, что по-настоящему не живет. Не ощущает боли лишь то, чему нечего терять, нечего терять лишь тому, что не чувствует вовсе. — Соскользнув с изножья, Мэт подплыл ближе; ладонь Евы давно уже замерла на вздыбившейся шерсти кота, неотрывно следившего за незванным гостем. — Он зовет себя избранником Смерти, но не постиг пока всей ее красоты... красоты ее логики, красоты ее схем.

— Схем?..

— Старые травы умирают и гниют, чтобы подпитать собой зеленые побеги. Старые клетки в твоём теле отживают своё и гибнут, чтобы уступить место новым. Если клетка отказывается умирать, она перерождается в опухоль. Эгоизм одной крохотной частички, решившей жить, несмотря ни на что, губит весь организм. — Вкрадчивое многоголосье шелком обволакивало слух, утягивая Еву куда-то в бездонную черноту, расстилавшуюся за его глазами. — Твой призрак прав. Смерть — не дефект рода людского, а орудие эволюции. Существование смерти влечет за собой смену поколений, ваше обновление и перерождение. Старики не занимают место юных, оставляя вам простор для совершенствования. Непрерывное смешение генов, порождающих все новые и новые сочетания, уход в небытие тех, кто несет в себе устаревшую кровь, устаревший образ мыслей — вот что толкает человечество вперед. Вы даете жизнь детям, которые будут лучше вас. Новым идеям, которые они смогут впитать. Новым изобретениям, которые облегчат им жизнь. Новому искусству, на котором они смогут взрасти. И уходите, потому что вы не способны на большее. Но они, которым дана возможность при рождении подняться на ту ступеньку, до которой вы с муками карабкались всю свою жизнь, начать свой путь сразу с нее — смогут. Разве это не прекрасно?

Мелок вдруг с шипением вырвался из-под державшей его руки, зрачки Мэта, вновь сузившись, опустили взгляд на кота — и Ева, лишь сейчас различив обволакивающую разум гипнотическую пелену, раздраженно потрянула головой.

— Скорее очень цинично, — заметила она ершисто, когда Мелок скрылся за приоткрытой дверью.

— Брось, златовласка. В глубине души ты сознаешь, что я прав, — сказал демон. К ее неудовольствию, правду. — Вы так часто воспринимаете смерть благом и нормой в том, что не касается гибели тел, но так смехотворно привязаны ко всему материальному. Вы убиваете старые отношения, чтобы вступить в новые. Вы умираете раз за разом, пока живете. Та, кем ты была десять лет назад, давно исчезла, чтобы уступить место нынешней тебе; ты умрешь еще пару лет спустя, чтобы на твое место пришел кто-то взрослее и мудрее, и встреться ты в двадцать пять с собой в семнадцать, вы не узнаете друг друга. Смерть освобождает, переворачивает страницы, несет новизну. Смерть

— друг ваш, а не враг. Бояться ее может лишь тот, чье существование серо, пусто и похоже на плохую бумагу. Кальку, где ничего не нарисовано — только и просвечивает сквозь чернота, ждущая в конце. Закрась ее яркими цветами, прими как факт, что все конечно, ценя возможность — и конец будет уже не разглядеть, и мысли о нем в голову будут забредать редко, не причиняя дискомфорта. — Когда Мэт вскинул ладонь, Ева решила, что это жест назидания, но нет: достав невесть откуда пилку, он скучаясь принялся полировать неестественно блестящие, точно стеклянные ногти. Не длинные, не острые, но этим странным блеском пугавшие не меньше ведьмовских когтей. — Не смерть презренна, а страх перед ней. Существовать вместо того, чтобы жить. Пытаться любой ценой избежать неизбежного. Цепляться за жизнь вместо того, чтобы умереть, исполнив предназначенное, и с готовностью уступить место другим. Можешь так малышу и передать.

— Сам бы и передал, — буркнула Ева: злясь на себя — за признание его правоты — куда больше, чем на него.

— О, меня он слушать не станет. Хотя он вообще мало кого слушает. Тебе ли не знать. — Театральный вздох Мэт перевел в ленивое дуновение, смахнувшее с обточенных ногтей белую пыль. — Твой бедный Эльен так уговаривал его не нюхать снова эту гадость, так уговаривал...

— Какую гадость?

В том, как Мэт прижал ладонь ко рту, читался ужас настолько фальшивый, что самый паршивый актер сыграл бы лучше.

— Караул, — протянул демон без малейших признаков испуга, — проговорился. Малыш с меня три шкуры спустит, все, умолкаю.

— Мэт, — на удивление спокойно повторила Ева, — какую гадость?

Тот лишь улыбнулся пакостно, прежде чем растаять в полутьме:

— Если правда хочешь знать, можешь спросить сама.

Наверное, с минуту Ева просто сидела, не зная, чего ей хочется больше: прямиком разыскать некроманта или бежать на поиски Эльена. Наконец сознавая, что именно в глазах Герберта показалось ей неправильным.

Зрачки. Узкие, с булавоочную головку, не реагирующие на свет зрачки того, кто принял что-то, чего принимать не следует.

Нет, нет, неужели в ее жизни снова...

Все же определившись с приоритетами, Ева вскочила с кровати. Не без труда вспомнив, что бегать по всему замку в поисках призрака необязательно, схватила с прикроватного столика колокольчик, который Герберт специально зачаровал для нее — и, огласив комнату отчаянным звоном, бросила кусок поющего железа обратно на стол, кусая губы.

Не волнуйся, сказал он ей когда-то — очень, очень давно, пока Ева рассказывала ему про своего умершего брата, в нашем мире тоже есть...

— Эльен, — без обиняков выдохнула девушка, когда спустя вечность ожидания удивленный дворецкий, откликнувшись на магический зов, заглянул в ее дверь, — Герберт принимает наркотики?

Застывшая поза и виноватое молчание призрака ответили ей лучше любых слов.

— Я пытался его остановить, — удрученно произнес Эльен, так и не пройдя внутрь. — Он даже слушать отказывался. Единственный раз в жизни пригрозил меня отпустить. Упокоить.

— Зачем ему это?!

Возможно, во всех других случаях вопрос был бы глупым, — но Герберт казался ей последним человеком, который мог желать забыться или гнаться за эйфорией.

— Чтобы заглянуть туда, куда в здравом уме он заглянуть не способен. — Стоя на пороге, глядя в сторону, призрак с несчастным видом сцепил перед собой опущенные руки. — Звездная пыль... расширяет сознание. Придает сил. Отбивает желание спать. Помогает ему работать. До того он принимал ее лишь несколько раз... когда дорабатывал ту формулу, которая помогла поднять его кота. И вас. — Эльен снова взглянул на нее: светлые глаза, как и голос, окрашивало выражение оправдания. — Он делает это не для удовольствия. И у него железная воля, лиоретта. Другие, приняв несколько доз, впали бы в зависимость на всю жизнь. Он же, добившись успеха в том, чего хотел, больше ни разу не притронулся к этой... к подобным веществам.

Ева неподвижно смотрела на дверь.

Перед глазами стояло бледное, неестественно бледное лицо Герберта. На миг сменившееся лицом Лешки. И Мелок прибежал будто в испуге...

...нужно лишь зайти еще чуточку дальше...

— Лиоретта?

Не говоря ни слова, Ева рванула к двери.

— Лиоретта...

— Где он?! — прорычала Ева ему в лицо, застыв на расстоянии четверти шага. — В спальне? В кабинете? Говори!!!

— В кабинете. — Эльен невольно попятился, освобождая проход. — Лиоретта, он не велел его тревожить, он...

Без лишних слов проскользнув в оставленную им щель, Ева помчалась по замковому коридору к лестничному колодцу — в сопровождении стремительной световой цепочки поочередно вспыхивающих кристаллов, всегда опережавших ее на шаг.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ОТ 06.12:

— Не хочу тебя тревожить, златовласка, — изрек Мэт, пока она бежала вверх по лестнице, — но поскольку мы оба заинтересованы в том, чтобы малыш прожил подольше, тебе стоит поторопиться.

— Я не могу бежать быстрее, — огрызнулась Ева, перескакивая через две ступеньки, радуясь, что в текущем состоянии можно не беспокоиться о дыхании. — Что с ним?

— Ну как, — рассеянно откликнулся демон, летя рядом с ней, даже не думая двигать ногами, — он, конечно, мальчик умный, и мнит себя эдаким последователем Заратустры... ах, старина Фридрих, презабавный был малый... но иногда даже его ума на что-то не хватает, и даже если душой он сверхчеловек, то телом, увы, человек самый обычный. Когда его ума не хватает, он, как ты уже поняла, прибегает к стимуляторам определенного рода. Если принятая доза не помогла найти решение, он ее увеличивает, а если и это не помогает, увеличивает снова. И если в какой-то момент решение так и не найдется, а новая доза случайно окажется больше той, что человек может относительно безболезненно вынести...

Ругнувшись — и на сей раз ругательством отнюдь не музыкальным, — Ева припустила к кабинету еще скорее, чем до того, хотя скорее казалось уже невозможным. Благо лестница за речь Мэта успела закончиться, и теперь от Герберта девушку отделял только еще один длинный коридор.

Стрельчатые арки, проносившиеся над головой, для нее почти сливались в одну. Какого черта эти замки строят такими огромными?

Только бы не опоздать, только бы не опоздать, только бы...

— Герберт! — рывком опутив ручку, она толкнула дверь и ввалилась внутрь.

Он сидел за тем же столом, за которым когда-то Ева помогала ему лечить изрезанные ладони. Откинувшись на спинку, прикрыв глаза. Руки на подлокотниках, брошенное перо валяется на раскрытой странице книги для записей, рядом — крохотная деревянная шкатулка, похожая на табакерку.

— Герберт?..

Ева подошла ближе. Хотела подбежать, но страх и зловещая безмятежность открывшейся взгляду картины замедляли шаги.

— Герберт...

Табакерка скрывала под откинутой крышкой черный, на свету чуть отливавший серебром порошок. Открытую страницу всю исчеркали торопливыми, неряшливыми, обрамленными кляксами записями. Формулу, начертанную последней, перечеркнули столько раз, что лист прорвался насквозь. Несколько вырванных, скомканных листов валялись на полу сбоку от стола — рядом с кучками пепла, оставшимися от тех, что не только вырвали, но и спалили, расцветив подпалинами темный дощатый пол.

Аккуратно переступив через пепел и бумажные комья, оттягивая момент истины, Ева наконец оказалась подле его кресла.

Герберт казался спящим. Лишь кожа, бледная до какой-то снежной белизны, да синие губы указывали, что это не просто сон. И дыхание: редкое, неритмичное, едва заметное.

Ее сердце не екнуло. Руки не похолодели.

Но что-то глубоко, очень глубоко внутри завопило от ужаса.

— Нет, нет, нет, нет! — Ева яростно тряхнула его за плечи. Не дождавшись реакции, отчаянно, наотмашь хлестнула по щеке, про себя прося прощения. — Не смей, слышишь?! Проснись!

Спустя еще три пощечины он все же приоткрыл непонимающие, рассеянные, сонные глаза.

— Ева?

Слово прозвучало так неразборчиво, будто к языку его подвесили валун. Отсутствующий взгляд с трудом фокусировался на ее лице.

— Я здесь, — лихорадочно выпалила она, вглядываясь в тусклые, будто выцветшие глаза, — я здесь, будь со мной, слышишь? Эльен! —

бешеный крик зазвенел под бесстрастно-белым беленым потолком. — Герберт, позови Эльена, слышишь?!

Она не знала, послушался тот или нет. Знала лишь, что по-хорошему ей стоило подумать обо всех возможных последствиях прежде, чем бежать, и позвать призрака с собой. Но тогда ей было немного не до того.

Зато увидела, как он плавно, как в замедленной съемке, тянет руку к ее лицу — и, так и не донеся, бессильно роняет обратно на узкий кожаный подлокотник.

— Я... я не могу, — полуразборчиво, бессвязно прошептал Герберт, — не могу найти. Ты... страдаешь. Я страдаю. А если найду, ты уйдешь. Уйдешь.

— Что найти?

— Оживить. Тебя. Айрес... не знает...

Пауза, разделявшая слова, сорвалась в молчание. Блеклые ресницы сомкнулись, вновь отдавая своего владельца во власть сна, в любую секунду способного обернуться вечным.

— Дыши! — Ева бесцеремонно отвесила ему новую пощечину, выдернувшую его из черноты близящегося забвения. — Дыши! Смотри на меня, на меня, понял? Не смей умирать! Тем, что умрешь, ты меня не спасешь!

Он смотрел. Покорный и тихий, как провинившийся ребенок, бледный и хрупкий, как фигурка из льда или сахара, красивый и печальный, как ангелы с фресок Мелоццо да Форли. Неожиданно уязвимый, неожиданно незащитный: настолько, что это было бы трогательно, не будь ситуация до безнадёги страшна.

Он, еще месяц назад казавшийся ей напыщенным и самоуверенным, он, которого она — дура, не смотревшая на него так, как смотрит сейчас — не так давно презрительно называла женоподобным...

— Тебе... очень плохо? — спросил Герберт хриплым шепотом, с трудом удерживая глаза открытыми.

Значит, так все было с Лешкой? Только рядом не было никого, кто напоминал бы ее брату дышать, кто вырвал бы его из удушающей хватки смертельного сна? Или был, но не удосужился этого делать, или просто не знал, как помочь — в отличие от Евы, зачем-то неоднократно постфактум искавшей инструкцию в интернете? Ох, что

же делать... Заставлять дышать, вызвать «скорую», не давать уснуть до приезда медиков — это твердили все инструкции по помощи при передозировке; но здесь-то звонить некому, и наркотик иномирный, с незнакомым землянам действием, и «скорой» она никогда не дождется...

— Нет, — сказала Ева, в тысячный раз проклиная себя самыми страшными проклятиями. За истерику, которую позволила себе несколько дней назад. За все недозволительные, непростительные слова, которыми сама же подтолкнула его на этот путь. — Мне не плохо, Герберт. Совсем не так, как тебе сейчас. Послушай... если Айрес не знает, как меня спасти, тогда уже будем решать, ладно? Вместе мы что-нибудь придумаем. Обязательно.

— Возможно, я просто... недостаточно стараюсь. В глубине души стремлюсь к неудаче, — неожиданно четко и связно пробормотал он. — Знаю, что может случиться, если ты будешь жива. Свободна. И боюсь. — Глаза под полуприкрытыми веками дрогнули, отводя взгляд. — Трус. Подлец. Слабак.

Она удивилась, с какой ненавистью — к себе — выплонулись эти тихие, бессильные слова.

— Да ну, что за глупости. Зачем бы тебе это?

Он вновь посмотрел на нее. Цепляясь взглядом за ее лицо, как вцепляется в веревку падающий в пропасть.

Уголки синих губ дрогнули в призрачной, блеклой улыбке:

— Хорошо, что иногда ты такая глупая...

В следующий миг он перестал улыбаться. И смотреть на нее.

И, судя по воцарившейся в комнате абсолютной тишине, дышать.

— Герберт! — она снова тряхнула его, но он так и остался безответным, безвольным, закрывшим глаза. Будто спящим. — Нет, Герберт, не засыпай! Только не засыпай, ты же...

— Лиоретта!

Обернувшись, Ева увидела Эльена, неслышно скользнувшего в оставленную открытой дверь. Почему-то метнувшегося не к умирающему господину, а к камину на соседней стене.

— Эльен, слава богу! Помогите, он...

— Прячьтесь, — отрывисто велел призрак, надавив на один из прутьев каминной решетки. — Немедленно!

Ева непонимающе смотрела, как одна из дубовых панелей, обшивавших стены, открывается на манер двери, маня бесцветной тьмой таившегося за ней каменного коридора.

Ну конечно. Какой же уважающий себя замок без потайных ходов.

— Эльен, что...

— Королева в замке! Она идет сюда!

Часть Евы — часть, и без того рыдавшая в ужасе от происходящего, не желавшая бросать возлюбленного при смерти — замерла, как маленький грызун, заслышавший рядом подозрительно знакомое и предвкушающее шипение. Но другая часть — удивительно и омерзительно расчетливая, которой резко стало не до возлюбленных — моментально сообразила, что к чему.

И, к счастью, телом управляла именно она.

В застывшем, размывшемся страхом времени Ева схватила со стола книгу для записей, позволив перу свалиться на пол. Сгребла с пола комья испорченных листков.

Перепрыгнув через пепел, метнулась к потайному ходу.

— Зайдите поглубже. Сидите тихо, — шипящей скороговоркой приказал Эльен, когда она забежала под полукруглые каменные своды, тянувшиеся далеко вперед. Повторно нажал на рычаг, хитро замаскированный под банальную часть камина. — Я найду вас, когда все закончится.

Дубовая панель бесшумно вернулась на место, оставляя Еву в абсолютной темноте. В которой тем ярче выделялось крошечное световое пятно, расположенное примерно там, где с внешней стороны панели украшали рельефно вырезанные цветы.

Смотровой глазок.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ОТ 10.12:

Ева понимала, насколько разумнее было бы последовать совету Эльена и уползти подальше от места, к которому стремительно приближался ее страшнейший враг. Но в этот миг та ее часть, что где-то в душе продолжала рыдать в страхе за умирающего возлюбленного, перехватила контроль — и просто не дала ей уйти.

С чего она вообще решила, что королева пришла помочь? А если нет? Если что-то прознала о планах племянника, и вместо помощи лишь расхохочется злорадно над его агонией... что ж, в таком случае

Еве останется только надеяться, что нынешнее состояние и уроки Герберта дадут ей некоторое преимущество в сражении.

Только вот дождется ли он конца сражения...

Стиснув зубы так, что они грозились раскрошиться, комкая в руках бумажные листки, держа под мышкой утащенную книгу, девушка опустилась на колени. Прильнула к глазку, глядя, как Эльен, успевший склониться над Гербертом, в непритворной панике хлопает его по щекам.

Спустя миг она услышала, как кто-то, появившийся на пороге за пределами ее видимости, мелодично выдохнул:

— Боги...

Айрес тирин Тибель появилась в поле зрения буквально несколькими секундами позже, и во второй раз Ева увидела свою убийцу. Прошедшую мимо в грациозной сосредоточенной спешке, в простом черном платье, искрящемся каплями тающих снежинок, с растрепанной темной вуалью волос, не забранных королевским венцом. Похоже, королева сорвалась с места, не тратя время даже на то, чтобы набросить плащ.

Перед столом она на миг притормозила. Кажется, глядя на пепел у своих ног. Конечно — нужно же оценить обстановку и сделать выводы прежде, чем получишь официальное объяснение произошедшего. Можно понять, почему эта женщина была хорошим правителем.

Вернее, была бы, не перегибай она палку в некоторых пунктах.

— Ваше Величество! — отступив от кресла, Эльен склонился в торопливом поклоне. Он не стал изображать удивление: чары замка всегда оповещали дворецкого о прибывших гостях. — Господин Уэрт...

— Замолчи.

Спаси его, пронзая ногтями бумагу в сжатых кулаках, думала Ева, когда королева склонилась над племянником, заслонив его собой. Ева не знала, что она делает: видела лишь движения руками и отблески серебристого сияния, по всем книжкам сопровождавшего магию исцеления. Спаси, и я даже прощу тебе свою отнятую жизнь...

Свою, но не Гертруды.

Когда в тишине послышался громкий, жадный, как у утопающего вдох — от облегчения она едва не выпустила из рук черновики формулы, чуть не стоившей Герберту жизни.

— Тише, дорогой. — Женщина, убившая ее, погладила ее возлюбленного по волосам так ласково, как с Евой никогда не обращалась родная мать. — Я с тобой.

— Тетя?.. — ужас, с которым Герберт должен был выдохнуть это, отлично замаскировался под изумление. — Как ты... тут...

— Тебе грозила смерть, Уэрти. Я всегда узнаю, если Жнец подступит к тебе слишком близко. — Королева повернулась к Эльену, и мимолетную нежность в лице сменило ледяное выражение, отлично знакомое Еве по лицу ее племянника. — Так ты справляешься со своими обязанностями, слуга? Так присматриваешь за моим наследником?

— Простите, Ваше Величество.

— Я сам, — хрипло послышалось со стороны кресла, — не велел беспокоить...

— Тише, Уэрти, тише. — Как только Айрес отвернулась, в голос ее моментально вернулись воркующие нотки. — Ты опять принимал эту дрянь? Зачем теперь?

Ева не видела лицо Герберта, но по движениям золотистой макушки угадала: тот смотрит на опустевший стол. Затем на пол, где не осталось ничего, способного выдать, чем он занимался на самом деле.

Умница, Ева. Хоть что-то ты сделала правильно.

— Она... сказала, что не любит меня. Я хотел написать ей... письмо... получалось ужасно, я сжег все черновики, и...

— Хорошо, что я не знаю, кто она, — сдержанно откликнулась Айрес. — И лучше не говори, чтобы я ее не убила. — Обвив руку племянника вокруг своей шеи, королева помогла ему встать. — Пойдем, глупыш. Поставим тебя на ноги.

— Ваше Величество, если вам что-нибудь понадобится, я...

— Воду, настой рейнсуна, вытяжку дютрина и порошок турефни, — холодно бросила королева Эльену, бережно ведя спотыкающегося Герберта к выходу. — Призвала бы свои из замка, чтобы ты и дальше мог бездействовать, но не уверена, что они преодолеют защитные чары невредимыми.

Дворецкий вперед них метнулся в коридор, оба представителя королевской семьи выбрали следом, и комната опустела.

Ева еще долго сидела, не смея шелохнуться. Наконец, надеясь, что королева не караулит за порогом, а дубовая панель приглушит шорох ее движений, тихо-тихо поднялась с колен.

Перекинув бумажный ком в одну руку, пальцами нащупывая в непроглядной тьме сухую каменную стену, сложенную из грубых булыжников, она двинулась по тайному ходу. Осторожно делая каждый шаг, надеясь, что туннель в какой-то момент не переходит в лестницу, о первую же ступеньку которой она расквасит себе нос — и невольно заслонила глаза рукой, когда впереди вспыхнул свет.

— Трогательные семейные отношения, правда? — Мэт повыше поднял старинный медный фонарь, услужливо подсветил серые стены и ровный пол, сложенный из гладко обтесанных каменных плит. — Я подумал, что свет тебе не помешает.

— Он ненастоящий, — глядя на фонарь, слабым голосом проговорила Ева. — Он не может ничего освещать.

— Но ничто не мешает мне сотворить в твоей голове иллюзию освещения, м? — демон приглашающе качнул фонарем: за круглым стеклянным окошком переливался и клубился ровный белый свет, дрожа жемчужными отблесками на стенах. Чертовски убедительными, надо сказать. — Не бойся, златовласка, никакого подвоха. Твоя сломанная шея не в моих интересах.

Поколебавшись, Ева все же двинулась дальше. Стараясь не задумываться над тем, насколько достоверна творимая демоном иллюзия освещенного коридора и как она коррелирует с коридором настоящим.

— Светильник смутно знакомый, — отойдя достаточно далеко от входа, с сомнением проговорила она. На всякий случай все равно вполголоса.

— Он работает на душах заблудших детей, — доверительно сообщил Мэт, вынудив девушку на миг остановиться.

— Только не говори, что ты еще и «По ту сторону изгороди» видел.

— Нет. Зато ты видела.

Прежде чем продолжить путь, Ева хмыкнула, оценив иронию подобного реквизита. Действительно: фонарь из сказки про мальчиков, потерявшихся где-то между жизнью и смертью...

— Ты же заглянул в голову королевы, верно? — по ассоциативному ряду вернувшись к тому, что осталось по другую сторону дубовой панели, спросила она.

— А как же, — неторопливо паря спиной вперед, освещая ей путь, откликнулся Мэт.

— Как она узнала?..

— На малыше висит ее маячок.

— Но чары ведь разрушают все...

— Айрес как-никак самая могущественная колдунья страны. К тому же этот маячок активируется, только когда владелец при смерти. До того он будто не существует, и охранные чары его попросту не замечают.

Ева смотрела, как мерцает звездными искрами иссиня-фиолетовый бархат его сутаноподобного сюртука.

— Почему тогда она не переместилась прямиком в кабинет?

— Все те же охранные чары, златовласка. Будь это возможно, такой возможностью давно воспользовался бы любой маг-убийца. Думаю, колдунья такой силы пробила бы ограничение, но перемещение все равно вышло бы слишком нестабильным. Слышала, что она говорила про зелья? Тот случай, когда проще своими ножками. — Мэт рассеянно улыбнулся. — В домашних туфельках бежать по снегу от самых ворот, конечно, то еще удовольствие, но чего не сделаешь ради любимого племянника.

— И она ничего не заподозрила? Не найдет нас... меня, Дерозе, яйцо?

— Даже вздумай она обшаривать весь замок с инспекцией — тайные ходы, твоя спальня и ваша уютная сокровищница заперты магией. Они открываются только малышу и тем, кто ему подконтролен.

Вот так живешь и не знаешь, что даже в свою спальню каждый раз проходишь сквозь магическую защиту, подумала Ева отстраненно, следя за приближением показавшейся впереди лестницы. Вернее, не совсем живешь.

— А если она прикажет Герберту их открыть?

— Она не злоупотребляет клятвой, ты же помнишь. Не в ее интересах настраивать малыша против себя... окончательно, по крайней мере.

Подойдя к лестнице, Ева посмотрела на убегющую вниз спираль ступенек и узкого колодца. Не решившись проверить, насколько все же реальный тайный ход соответствует картинке, которую Мэт проецирует в ее сознание, села подле первой ступеньки, прислонившись спиной к стене.

— Скажи, она тоже считала, что Гертруда — чудище из пророчества? — спросила она, когда демон без всякого удивления завис посреди густого мрака лестничного пролета. — Поэтому и убила ее?

— Все-то тебе расскажи. — Демон скорчил до жути смешную умильную рожицу. — Даже если предположить, что за беглый визит в ее голову я узнал так много — раскрой я вам помыслы врага, это испортит все веселье.

— И просить тебя подсмотреть что-либо в ее мыслях, конечно же, бесполезно.

— Конечно. Это жульничество, а я ратую за честную игру. Что это за история, где героям заведомо известны коварные планы злодея?

Ева отложила на пол книгу, бросив сверху бумажный ком:

— А ведь тебе вроде бы положено быть на нашей стороне.

— У меня всегда одна сторона. Своя собственная. — Аквамариновое мерцание его глаз разгорелось ярче. — И тебе бы сейчас не о Гертруде беспокоиться.

Ева в ответ молча обняла рукам колени.

Она знала, что должна беспокоиться о Герберте. Что общество королевы для него не безопасно, даже если та явилась исключительно чтобы помочь. Но в опустевшей, выгоревшей, выжженной всеми переживаниями последних дней душе сейчас не осталось место для волнения.

Только для бездумной энергосберегающей пустоты.

— Жаль мне тебя, златовласка. — Мэт, как-то незаметно оказавшись рядом, оставил фонарь на пол. — Тяжело тебе приходится. Ты не заслужила всего, что на тебя свалилось.

— Придержи свою жалость при себе, — вяло отозвалась Ева, глядя на яркий белый круг несуществующего света.

— Не выносишь, когда тебя жалеют?

— Терплю, когда мне сострадают. Сострадание может помочь, но жалость унижает.

— Считаешь, я не способен на сострадание? — Мэт сел рядом, почти скопировав ее позу; в голосе его прорезалась неожиданная задумчивость. — Да... может быть. Может, я и не способен на человеческие чувства, однако подобие их определенно испытываю. — Ева не смотрела на него, но краем глаза заметила, как тот повернул голову, всматриваясь в ее лицо. — Знаю, ты мне не веришь. Но я правда хотел бы тебе помочь.

Она лишь фыркнула устало. И, наверное, из-за усталости это вышло как-то не слишком убедительно.

— Ты помогла малышу, и могла бы помочь еще многим... словами, делами, музыкой. Указывать путь тем, кто заблудился, светить тем, кому холодно и темно. Но мир безжалостен, и он всегда норовит утопить свет во мраке. Так уж в нем заведено — даже день всегда сменяет ночь, даже солнце для вас раз за разом тонет в черноте. А ведь и сейчас, за гранью жизни, ты любишь ее... эту странную, жестокую, непостижимую штуку. Достойна прожить ее, как немногие достойны. — Тонкие бледные пальцы коснулись ее плеча: теплые, настоящие, до странного ободряющие. И не поверишь, что тоже иллюзия. — Разве ты не хотела бы прекратить все это? Твои страдания, его страдания? Не хотела бы снова действительно жить?

Что-то в звучании его голоса заставило Еву посмотреть на него. Почти невольно.

В свете иллюзорного фонаря глаза напротив мерцали голубыми кристаллами. Затягивая в колдовскую глубину, растворяя сомнения в блеклом призрачном свете, завораживая безмятежным беспамятством.

— Он готов пойти на смерть, лишь бы спасти тебя. Но разве это справедливо — чтобы вы платили такую страшную цену за то, что твое по праву, то, что отняли у тебя обманом? — мягкий, без капли настойчивости или вкрадчивости голос почти пел, чисто и мелодично, как струна скрипки или хрустальный бокал. — Твоя судьба должна была сложиться совсем иначе. Тебя лишили права прожить ее так, как было тебе предначертано. Так должен ли платить за это тот, кто любит тебя и кого любишь ты? Должна ли ты платить за это своим отчаянием? Ты должна быть с ним, обнимать его без того, чтобы твои руки несли ему холод, принадлежать ему — по-настоящему. Чувствовать вкус пищи, волнение в крови, чувствовать, как колотится и сладко замирает сердце в минуты блаженства. Дышать полной

грудью, смеяться и плакать без оглядки, жить долго, полно, счастливо... Разве ты не достойна этого? — узкая, бледная, сухая рука деликатно и сочувствующе накрыла ее ладонь. — Разве вы с ним не достойны счастья?

Что-то внутри нее кричало, требуя заткнуть его, вскочить, бежать. Очень слабым, очень далеким голосом — подавленным сиянием его глаз, усталостью и картинками, так ясно стоявшими в памяти.

Бледное лицо умирающего Герберта, табакерка на столе, вырванные листы на полу...

— Ты правда можешь меня оживить?

Собственный голос — слабый, робкий, неуверенный — она услышала словно со стороны.

— Легко. И не попрошу многого. — Мэт, улыбаясь, слегка сжал ее пальцы. — Для меня моя свобода значит все. Для тебя — потребует сущего пустяка.

В этом же нет ничего страшного, думала Ева, глядя на его улыбку, такую приятную в своей милой мальчишеской невинности. Всего лишь сказать «да». Выслушать, что он предложит. Отказаться, если цена покажется неуместной.

А если уместной, просто предусмотреть в договоре пункты, которые обычно пишут мелким шрифтом...

...а потом голос разума, все это время тщетно пытавшийся до нее докричаться, все-таки докричался.

Вспомнив, кто сейчас сидит рядом, осознав, о чем она только что на полном серьезе задумалась, Ева моргнула. Отпрянула, выдернув пальцы из-под его руки, стряхнув наваждение отрезвляющим ужасом.

Почти все истории о сделках с демонами, которые она знала, заканчивались одинаково. Что бы тебе ни предлагали, каким бы умным ты себя не считал, как бы хитро ни пытался их обмануть, в итоге всегда выигрывает другая сторона.

Сказки, кончавшиеся иначе, в конце концов оставались просто сказками.

— Ну да. Конечно, — глядя в потустороннюю фосфоресцирующую синь, теперь не казавшуюся манящей, сказала Ева. — Ясно, зачем ты ко мне явился ябедничать. Может, еще и лично его к этому подтолкнул?

Он снова ничуть не огорчился. Даже улыбаться не перестал.

— Не понимаю, о чем ты.

— О том, что Герберт даже слушать про сделку не станет, и ты прекрасно об этом знаешь. Зато его нынешнее состояние подозрительно удачно позволяет тебе манипулировать мной. — Она резко скрестила руки на груди. — Даже не надейся, Мэт. Я никогда не заключу с тобой сделку. Никогда.

Демон рассмеялся, и в смехе, даже не подумавшем раскатиться эхом под гулкими каменными сводами, вновь скользнули привычные безумные нотки.

— Смешные вы, люди, — весело заметил он потом. — Так часто бросаетесь словом, значения которого просто не способны понять. Смертным не представить безграничности и вечности того, что за ним стоит... никогда. — С не тающей улыбкой на бледных губах демон поднялся на ноги, а затем и над полом. — Как знаешь.

На сей раз он исчез мгновенно, будто в фильме сменился кадр. Следом, еще пару мгновений подразнив Еву иллюзией света, исчез и фонарь.

Оставляя ее подле лестницы, ведущей вниз, в холодной удушающей темноте.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ОТ 14.12:

— Вот так, — сказала Айрес, когда третий целебный раствор колдовством по капле переместился в кровь ее племянника, живительной силой растекаясь по венам. Встав с края постели — несуразно большой, занимавшей едва ли не треть просторной спальни — заботливо поправила одеяло, под которым лежал Герберт. — Знаю, сейчас ты чувствуешь себя почти хорошо, но не вздумай этим воспользоваться и пойти... заниматься чем-либо.

— Прости, — тихо произнес наследник престола. — Моя смерть сильно бы тебя подвела.

— Глупыш. Твоя смерть не подвела бы меня, а убила. — Айрес ласково потрепала его по светлой макушке. — У меня есть только ты, Уэрти. Твои родители, твой брат, твой дядя — все оступились, отвернулись. Или готовы к этому в любой момент. Только ты... и наше королевство. — Под пристальным взглядом Герберта королева заправила за уши его взъерошенные волосы. — Значит, твоя зазноба тебя отвергла? Поверить не могу.

— У нее возникли... другие интересы, — после секундного колебания откликнулся тот.

— Романтические, надо полагать?

— Я же не Мирк, чтобы быть вне конкуренции.

— Ты лучше. — С улыбкой, отблеском тепла играющей на губах, Айрес склонила голову набок. — Кто она?

— Можешь не беспокоиться. С этим покончено. Ты же знаешь, я не умею прощать.

— Я должна знать. Хотя бы постфактум.

— Не хочу, чтобы ты... смотрела на нее косо, — после секундной заминки заметил некромант осторожно. — Ты ведь сама говорила...

— И все-таки.

Непроницаемыми, почти остекленелыми глазами Герберт уставился на пламя, лизавшее дрова в камине за изящным изгибом стана в черном бархате длинного платья.

— Я отдам тебе ее письма. На следующем уроке. Они все расскажут лучше меня.

Айрес, удовлетворенная компромиссом, кивнула.

— В конечном счете это к лучшему, Уэрт, — проговорила она. — Больше никто не сможет отвлечь тебя от того, что действительно важно.

Герберт вновь взглянул на нее.

Никто бы не назвал этот взгляд оценивающим. Даже та, кого он оценивал и за чьим лицом так внимательно следил.

— Иногда я сомневаюсь, — медленно произнес он, — стоит ли мне делать то, что действительно важно.

Никто бы не смог сказать, что замешательством королева пыталась скрыть досаду. Даже если к нему действительно — четвертью тона, едва заметным диссонансом, теряющимся за полнотонными аккордами деликатности, удивления, понимания — примешался оттенок расчетливости.

— Я не могу и хочу тебя заставлять. Ты же знаешь. — Айрес вновь села, и складки юбки темнотой стекли с белоснежных простыней. — Это должен быть твой выбор. Я не имею ни малейшего желания принуждать тебя к тому, что так для тебя опасно. — Тонкая ладонь с ухоженными перламутровыми ногтями накрыла пальцы некроманта, слегка подрагивавшие поверх одеяла. — Могу сказать

одно: если ты сделаешь это, если тебе удастся... а у меня нет ни малейших сомнений, что удастся... ты докажешь всем, как они заблуждались. Всем, кто сомневался во мне, всем, кто осуждал, недооценивал и предавал тебя, всем, кто отзывался недобрым словом о нашей семье. — Другая ладонь коснулась его щеки, все еще мертвенно бледной. — Ты не одобряешь иные из моих методов, я знаю. Но в день, когда ты призовешь Жнеца, в них не останется нужды — никто не посмеет ни роптать, ни восстать против Его избранных. Мы одержим полную и безоговорочную победу... во всех сражениях, что ведем сейчас, и во всех, что нам предстоит вести.

— Но если я этого не сделаю, ты погибнешь.

В ответ на это отстраненное замечание Айрес долго молчала. Чуть сжав не улыбавшиеся больше губы, изучая взглядом его лицо.

— Не думай об этом, — очень, очень мягко произнесла она наконец. — Желание помочь мне — последнее, что должно тобою двигать. — Погладив его по скуле, королева решительно встала. — Спать. Немедленно.

Герберт покорно принялся расстегивать пуговицы рубашки, всем видом выражая абсолютное смирение и желание немедленно отправиться ко сну — и опустил руки сразу же, как Айрес вышла, движением пальцев затушив все светильники и пригасив сияние того единственного, что остался гореть. Долго лежал, вслушиваясь в тишину.

Лишь когда чары оповестили его, что за гранью видимого открылась и закрылась дверь в замковых воротах, а женщина, заменившая ему мать, исчезла в ночной дымке, позволил себе прикрыть глаза.

— Эльен, ко мне. Сейчас же.

Эльен пришел, когда Ева уже потеряла счет времени. Принеся с собой самый настоящий свет — в виде фонаря, с которым когда-то она прогуливалась по саду с Мираклом.

— Королева изволила удалиться, — доложил призрак. Белые отблески кристалла в плетеной стеклянной оправе мешались с голубыми: чтобы не сидеть во тьме, Ева призвала волшебный смывок. — Господин велел привести вас к нему. — В слабой улыбке

сквозила вина, заставившая девушку устыдиться за то, что расстались они на ее крике. — Думаю, таково и ваше желание?

Выпустив смывок из пальцев, Ева захлопнула книгу, лежавшую на коленях. Надеясь убить время, она пробовала читать записи Герберта (играть она по понятным причинам не решилась); но те состояли сплошь из магических формул без всяких разъяснений или комментариев, и в таком виде по большей части остались для нее китайской грамотой.

— Отведи меня, — встав и прижав книгу к груди, тихо попросила она.

После спуска по лестнице они оказались в другом коридоре, разветвляющемся в две стороны, но Эльен уверенно провел ее к выходу. На сей раз потайная дверь маскировалась под спинку платяного шкафа, ведя напрямик в комнату, где Ева до сей поры не была.

В спальню Герберта.

Пробравшись сквозь услужливо раздвинутые Эльеном вешалки, с которых свисали рубашки, жилетки и куртки, щекотавшиеся мягким бархатом, она ступила на пол, смягчивший шаг пушистым темным ковром. Герберт молча проследил за этим с кровати: он сидел в полурасстегнутой рубашке, откинувшись на поднятые подушки, сложив руки поверх натянутого по пояс одеяла.

— Спасибо, Эльен, — сказал он почти безразлично. — Оставь нас.

Прежде чем приблизиться, Ева огляделась. Сине-голубые тона. Огромная кровать с простым прямоугольным изголовьем; помимо нее и шкафа здесь был только камин да прикроватная тумбочка. Идеальный порядок, отсутствие каких-либо изысков, безликость без малейших намеков на личность владельца — таким мог бы быть гостиничный номер.

Что-то подсказывало ей, что спальню для сына отделал или выбрал покойный господин Рейоль. А после его смерти Герберт просто не решался здесь что-либо поменять.

— Твои записи, — когда за Эльеном захлопнулась дверь, Ева бережно положила книгу в кожаной обложке на тумбочку. — Я забрала их. В потайном коридоре еще остались вырванные листы, но не думаю, что они представляют ценность.

Герберт молчал. В комнате властвовала полутьма, лишь каминное пламя и единственный настенный светильник с притушенным светом разгоняли мрак; в этой темноте белое лицо некроманта казалось куда более призрачным, чем у его удалившегося дворецкого.

— Прекрасный романтический момент, не находишь? — присев на край кровати, продолжила Ева. — Ты, я, полутьма, твоя расстегнутая рубашка и твой недавний передоз.

Тусклые глаза внимательно следили за каждым ее движением. Слух, должно быть, за каждым словом — ее, шутившей, чтобы не начать кричать.

— Я говорил, Айрес может знать, как тебя оживить, — произнес Герберт наконец. — Я лгал.

Это прозвучало негромко и не покаянно. Пусть даже Ева знала, что покаянием это и являлось.

И, как ни странно, не вызвало у нее ни удивления, ни горечи, ни злости.

— Не думаю, что ей это известно. Не думаю, что кому-либо в этом мире это известно. — Отблески пламени сепией золотились на его щеках. — Я просто хотел... придать тебе стимул.

Наконец определившись с тем, что вернее всего выразит ее реакцию, Ева пожала плечами.

— Наверное, в глубине души я всегда это знала.

В тусклости его глаз мелькнуло нечто живое. И очень, очень удивленное.

— И все равно помогала мне?

— Если кто-то и способен меня воскресить, это не Айрес. Это ты. А такая, как она, в любом случае не должна сидеть на троне. И жить бы, может, не должна, но это не мне решать. — По домашней привычке скинув туфли, чтобы забраться на кровать с ногами, Ева села на пятки: рядом с ним, поверх одеяла. — Не делай так больше. Пожалуйста.

— Я не жалею, — сухо откликнулся Герберт. — Ни о чем.

— Мы найдем способ оживить меня без такого риска.

— Сейчас я не уверен, что этот способ вообще существует.

К сухости всплеском эмоций примешалась горечь.

— Ты говорил, что все равно не можешь меня оживить, — стараясь ощущать то же спокойствие, которое прозвучало ее голосе,

напомнила Ева. — Так почему сейчас расстраиваешься?

— Я вряд ли смогу провести ритуал, но вывести для него формулу — другое дело. И если не справился я, вряд ли справится кто-то другой.

Это прозвучало без гордыни, без хвастовства. Простой, безнадежной констатацией факта.

— Ты работал над ней всего ничего. К тому же тебя отвлекает вся эта возня с пророчеством.

— Я умею разграничивать работу и все остальное. Ни эмоции, ни жизненные неурядицы не могут мне помешать. Если я не нашел решение, вложив столько усилий...

Когда он осекся, Ева настороженно и пытливо наклонилась вперед.

— Что?

В лице, в которое она всматривалась, поочередно сменились сомнение, задумчивость — и непроницаемая, пугающая мягкость.

— Нет, — выбираясь из-под одеяла, едва слышно ответил Герберт. — Ничего.

Он лежал одетый, только босой. Встав на колени рядом, близко, словно в танце, бережно взял ее лицо в ладони: всматриваясь в него так, будто никогда раньше не видел.

— Что? — повторила она.

Не ответив, он склонил голову. Закрыв глаза, прижался лбом к ее лбу.

— Ты ведь знаешь, что я люблю тебя?

Вопрос, который в другой момент заставил бы ее улыбнуться, сейчас вынудил сглотнуть ком в горле — столько в нем звучало отчаянной, безнадежной, прощальной нежности.

— Что ты делаешь? — зачем-то прошептала она, глядя на пушистый ореол его размытых близостью ресниц.

— В верхнем ящике кристалл для связи с Мирком. Визит Айрес пересидишь в тайном ходе. — Тихие, невпопад слова отозвались тревогой в не бьющемся сердце. — Когда все успокоится, попросишь Мирка забрать вас к себе. Тебя, яйцо... он сможет вас защитить.

— А почему ты не сможешь? — ее пальцы перехватили его запястья. Не отстраняя их — просто держась. — Герберт, в чем дело?

Он не ответил. Лишь до слуха донесся глубокий, судорожный выдох, смешанный с шелестом неразборчивых слов — словно вырвавшиеся отзвуки беззвучной, про себя читаемой молитвы.

Молитва...

...«смерть и любовь моя перед моим лицом», — воспоминанием пропело в ушах.

Мигом отпустив держащие ее руки, Ева зажала его губы ладонью прежде, чем они успели коснуться ее собственных.

— Ты что... правда... Обмен?

Она сумела вымолвить только это. Но то, с какой досадливой обреченностью Герберта отстранился, подтвердило, что он понял вопрос.

И ясно указало, каким был бы ответ.

— Ты что, правда хотел совершить Обмен? Обменять мою жизнь на свою? — Ева пихнула его в грудь так яростно, что некромант, пошатнувшись, невольно с колен сел на пятки, опустив руки. — Совсем спятил, идиот?! Думаешь, мне нужна жизнь такой ценой?

— Моя жизнь, если подумать, не так уж дорого стоит.

Услышав отстраненные, без тени эмоций брошенные слова, она толкнула вновь — в плечо, злясь едва ли не больше, чем в день, когда он ее ударил. Вдохнула, пытаюсь взять себя в руки; запоздало вспомнила, что в текущем состоянии дыхательная гимнастика ей вряд ли поможет.

И что ему на это сказать? Напомнить, что он значит для нее? Что от него слишком многие зависят, что он еще не отыграл свою роль — хотя бы в готовящемся восстании? Это он и так прекрасно знает.

И это его не остановило.

— Если не ценишь свою жизнь, цени то, чего вместе с ней лишаешься, — сказала она вместо этого.

— Что?

— Все, что ждет тебя там.

Некромант перевел взгляд в направлении, указанном ее сердитым кивком — на окно, где за незадвинутыми шторами молчала бесснежная ночь.

— Черноту? — уточнил он вежливо.

— Красоту. Море гребаной красоты. Слишком прекрасной, чтобы вот так легко от нее отказываться.

— Закаты, звезды, луна? Рассветы, цветы и горы? — сарказм его улыбки резал лезвием по живому, словно пытаюсь шрамом оставить в ее сознании слово «бесполезно». — Неравное соотношение красоты и всего остального.

А я должна его убедить, глядя в прозрачный холод его глаз, подумала она отчаянно. Должнадолжнадолжна. Чтобы больше не делал глупостей. Чтобы можно было не бояться за то, что он сам причинит себе больший вред, чем все наши враги.

Как можно быть одновременно настолько умным и настолько глупым?..

— Нет. Не только. — Она помолчала, вспоминая аргументы, припрятанные на кромке сознания. Найденные когда-то для себя: бессонными ночами, в которые она задавалась вопросами слишком безнадежными и взрослыми для девочки-подростка. — Не будь в мире красоты, ты даже не знал бы, что есть все остальное. Красоты отношений. Красоты поступков. Красоты слов.

— И был бы куда счастливее. Не с чем было бы сравнивать.

— Идиот, — повторила Ева, как никогда понимая Динку с ее извечным «дурилка». — По мне так это единственное доказательство того, что если кто-то нас создал, он нас все-таки любит. Иначе стал бы он дарить нам все это?

Да... будь здесь Динка, она бы наверняка сумела вправить ему мозги на место. Так же, как вправляла Еве. Так же, как наверняка вправила бы Лешке, будь у нее больше времени. Но сейчас старшей сестры здесь нет: только она, Ева.

И пусть из них с Гербертом больше лет не ей, сейчас она — за старшую.

— Какой смысл жить там, где красота беззащитна перед день за днем торжествующим злом? Где добряков чужие беды терзают не меньше собственных, а негодяи и мздоимцы, перешагивая через них, пируют на костях? Где благие побуждения оканчиваются ничем, где большая часть твоих начинаний терпит неудачу, где даже твои успехи ничтожны в сравнении с масштабом истории? — он сидел напротив нее, сложив руки на коленях — словно на японской чайной церемонии, с которой никак не вязалась его злая улыбка. — Ты у нас так невозможно любишь жизнь. Не я. Но этот мир настолько зол, что из

нас двоих убил именно тебя. Не логично ли восстановить справедливость? Поменять нас местами?

— Логично найти другой способ...

— Нет другого способа. Нет. И оттягивать неизбежное я не хочу. — Жесткость, проступившая в его взгляде и чертах, пиццикато дернула в душе струну отчаяния. — Восстание прекрасно пройдет без моего участия. Айрес сделала ставку на меня — и без меня потерпит крах, и войны не будет, и вам с Мирком даже пророчества не понадобятся. В конце концов, он изначально планировал проверить все без моего участия, и я слишком хорошо знаю своего брата, чтобы в нем сомневаться.

Возможно, еще пару недель назад в ответ на это Ева снова бросила бы презрительное «трус». Но за эту пару недель она успела изучить его достаточно хорошо, чтобы ясно понять: сейчас он уговаривает не ее — себя. Чтобы не растерять решимости на то, что считал нужным сделать.

Возможно, еще пару недель назад Ева в третий раз повторила бы «идиот». А потом подробно растолковала бы, почему. Но за эту пару недель она успела изучить его достаточно хорошо, чтобы знать: каким бы импульсивным ни был этот его порыв, он ничего не делает, не подумав. Так просто отрезвить его не выйдет.

Вместо этого она сказала:

— Эгоист.

Его улыбка поблекла лишь самую капельку.

— Забавное утверждение, учитывая обстоятельства.

— Это все не ради меня. Ради тебя. Такое — всегда ради тебя, тебя самого! Потому что тебе плохо. Потому что тебе не страшно покончить со всем. — Последнее она почти выплюнула. — Вам плевать на тех, кто вас любит. Тех, кто умрет вместе с вами.

— Никто из вас не пострадает. На случай гибели владельца у охранных чар замка существует резервный источник энергии. Эльен и Мелок начнут черпать силу оттуда же. Окажутся привязаны к его стенам, правда, но это ничего, — пояснил Герберт с убийственным хладнокровием. — Право прохода сквозь мои заклятия для тебя вплетено в руны на оправе рубина, так что...

— Я имела в виду другое.

Забавным выходил этот разговор. Он, который собственные слова обращал в первую очередь к самому себе. Она, которая обращала свои слова больше к мертвому брату, чем к живому возлюбленному — высказывая второму то, что не решилась и не успела сказать первому.

Слова, вспарывавшие так и незажившие раны. Слова, оставлявшие взамен то, что помогало их затягивать.

— Брось, — помолчав, изрек он небрежно и устало. — Друзей у меня нет. Семьи, можно считать, тоже. Ты знаешь меня всего ничего, Миракл шесть лет жил со мной в ссоре и не умер. Не настолько я хорош, чтобы...

— Я твой друг. Я! И твой брат, и твой дворецкий, и даже твой кот! Что будет с нами, когда тебя не станет? Что мы должны чувствовать, когда ты унижаешь и уничтожаешь то, что мы любим? — не дождавшись, да и не ждав ответов, она вонзила ногти в собственные коленки, обтянутые шерстью узких брюк. Не зная, не оставляет ли синяки, тут же стираемые регенерацией. — Говоришь, твоя жизнь недорого стоит? Если ты настолько глуп, что не понимаешь этого сам, напоминаю — для меня ты бесценен. Разве я — пустое место? Все мы? Разве мы не стоим того, чтобы ради нас вместо грязи видеть красоту?

Он разомкнул губы. Ничего не сказав, сомкнул вновь.

Повисшую тишину разбил звук, с которым открылась дверь: явив Мелка, висевшего на длинной ручке, цепляясь когтями за медную резьбу. Герберт проследил, как кот деловито и целеустремленно направляется к кровати; уставившись перед собой застывшим взглядом, долго гладил питомца за подставленным ухом, когда тот бесцеремонно сел между ними.

— Значит, Любовь и Красота? — сказал некромант затем. — Вот и все, что есть стоящего в этом несправедливом, невыносимом мире?

— Да. Все, — сказала Ева. — А разве этого мало? — подавшись вперед, она коснулась коротким поцелуем его рта, словно проводя тактовую черту. — Мы будем жить. Оба. Вместе. Только так.

Герберт снова помолчал. Перехватив Мелка под меховой живот, поднялся с постели.

Слегка пошатываясь, бесцеремонно выставил обиженного кота за дверь.

— Только так, — вернувшись, повторил он — прежде чем начать новый такт, потянувшись к ее губам.

В конечном счете полурасстегнутость его рубашки все же исполнила не только декоративную функцию. В какой-то миг заставив Еву пожалеть о том, что у них обоих слишком хороший самоконтроль.

Она просто не могла позволить себе пойти до конца. Не сейчас, когда на доньшке создания тихо таилась настойчивая мысль, что это будет неправильно. Он слишком хорошо это знал.

— Ты останешься со мной? — спросил Герберт, когда они лежали рядом в рубашках, расстегнутых далеко не «полу», а Ева расслабленно водила кончиком пальца по его груди.

— Конечно. — Она вырисовала на гладкой коже басовый ключ: коротким некрашеным ногтем с белым пятнышком, похожим на улыбку, начальной завитушкой знака обведя место, которое недавно целовала. Рубин в ее импровизированном декольте, очерченном сползшим с плеч шелком, бросал на руку отблески мерной багряной пульсации. — Если хочешь. Коротать эту ночь одной мне точно будет куда менее приятно.

— Эту ночь, — странным эхом откликнулся Герберт.

По тону угадав, что он ожидал другого ответа, Ева недоуменно повторила про себя вопрос.

Запоздало осознала, что тот мог подразумевать под собой нечто куда глобальнее, чем совместную ночевку.

— А ты... ты что, имел в виду...

— Тш. Не бери в голову. — Притянув к себе ее голову, Герберт устало поцеловал ее висок. — Хочешь поспать?

Она понимала, что это весьма топорный способ перевести тему. Закончить разговор, который ему не хотелось продолжать. И понимала, что по уму это не лучшая стратегия — откладывать то, о чем рано или поздно им все равно придется поговорить, но сейчас она просто не знала, что сможет сказать.

В конце концов, до ее гипотетического возвращения домой еще так далеко, а после всего произошедшего ей и правда так хочется уснуть...

— Да. — Устроив голову у него на плече, Ева закрыла глаза. — Хочу.

Во сне она почему-то долго бегала по тайным ходам замка Рейолей, пытаясь найти выход из лабиринта запутанных туннелей. И всякий раз, когда впереди мерещился конец пути, все заканчивалось

очередным тупиком и темнотой, в которой даже смычок мерцал блеклым умирающим светом.

В одном из тупиков, уютно сидя на воздухе, ее ждал Мэт. Не сказавший ни слова, но Еве и так прекрасно было известно, что он мог бы сказать.

— Никогда, — снова ответила она, не дожидаясь вопроса.

— Не сейчас, — с улыбкой поправил он. На диво отчетливый и реальный для сна. — Я понял.

Глава 8. Martellato

(*прим.: Martellato — буквально «ударяя молотом», отрывистая игра с резким, сильным извлечением звуков (муз.)

Утром следующего дня покой столичного особняка Тибелей — миниатюрная копия сказочных замков с припудренными снегом острыми башенками по углам — нарушил требовательный стук массивного дверного молотка.

Дверь распахнул дворецкий, едва стихли отзвуки яростных ударов металла по металлу. Возрился на того, кто стоял на широком крыльце, очищенном от грязи, льда и снега до того скрупулезно, что там вполне можно было бы устраивать чаепития, не мешай тому зимний мороз.

— Миракл здесь? — осведомился Герберт.

На пару секунд опешив от визита столь высокопоставленного гостя (особенно спустя столько лет после того, как тот в последний раз переступал порог дома кузена), слуга торопливо склонился в поклоне.

— Тир Гербеуэрт! Господин в Белой зале, но я доложу...

Не дослушав, Герберт бесцеремонно перешагнул порог — охранные чары безропотно пропустили того, кто часто пересекал их в прошлом. По хорошо знакомому пути по лестницам и анфиладам направился к брату.

Миракл коротал предобеденный час в тренировке по фехтованию, в одиночестве танцуя со шпагой посреди пустой залы. Череду выпадов прервал звук открываемых дверей — и, увидев Герберта, за спиной которого маячил едва поспевший за визитером дворецкий, юноша замер.

— Гербеуэрт, — переведя дыхание, по возможности чопорно доложил слуга, пока некромант стремительно приближался к кузену, опустившему руку со шпагой, — тир Рейо...

Окончание имени одного из величайших родов Керфи проглотилось в суеверном ужасе: когда наследник престола, вытащив из кармана черный платок, по всем правилам старинных дуэльных традиций швырнул его брату в лицо.

— Миракл Тибель, — отчеканил некромант, — мне известно, что ты посягнул на честь и расположение особы, которая мне небезразлична.

Тот, окаменев, долго смотрел на лучшего когда-то друга. Смотрел все время, пока кусок шелковой ткани неторопливо падал к его ногам.

Без колебаний поднял платок с пола.

— Никогда не думал, дорогой братец, — бесстрастно заметил Миракл, выпрямляясь, — что ты можешь настолько потерять самообладание. Вкупе с самоуважением.

— Скажи, тебе мало было одного предательства, что ты решил подкрепить его другим?

Стоя посреди зала, позолотой оттенявшего белизну мрамора, Миракл Тибель расхохотался.

— Оставь нас! — это относилось к слуге, и без того уже пятившемуся за порог. — Кто бы тут говорил о предательстве! Ты и правда бросаешь вызов мне? Ты — мне?

Иными вечерами в зеркалах по стенам отражались танцующие гости и радостная бальная суэта. Сейчас там виднелись лишь два брата, волками глядевшие друг на дружку...

Ровно до тех пор, пока повисшую между ними тишину не разбил стук плотно притворенных дверей.

— Переигрываешь, — сквозь зубы отметил Герберт, вмиг прекратив злобно сверкать глазами.

— Напротив. Театральные подмости требуют большей экзальтации, а подслушивающие под дверью подобных тонкостей не заметят, — вполголоса откликнулся Миракл: так, чтобы на сей раз точно расслышали лишь они двое. — Зато уже сегодня слухи будут гулять по всей столице. На радость сам понимаешь кому.

По мнению слуг, в этот самый миг слетавшихся к залу стайкой птиц, жадных до крошек свежих сплетен, появление наследника престола и правда вышло эффектным. И пусть и визит, и линия поведения обоих участников маленького представления были согласованы заранее по магическому кристаллу — для всех, кроме них двоих, то была полнейшая, пугающая, будоражащая неожиданность.

Об их сговоре не стоило знать ни одной живой душе. Неживая, в данный момент сосредоточенно водившая смычком по струнам — очень далеко от славного города Айлена, — была не в счет.

— Так куда ты собираешься? — немногим ранее спросила Ева, лежа на алтаре в библиотеке.

Герберт не ответил. Не сразу — слишком занят был тем, что сосредоточенно взрезал себе руку.

Когда на пол с пальцев закапала кровь, прикрыл глаза.

Ева ничего не почувствовала. Как не почувствовала ранее, когда в качестве утренней зарядки Герберт вынудил ее сотворить щит, пару атакующих заклятий и помахать смычком: чтобы проследить, как на этоотреагирует магический резерв. Выяснилось, что с поддержкой ее существования расходуется он куда быстрее, чем когда Ева привязана к постороннему источнику, что сильно ограничивало ее боевой потенциал. Пришлось поверить некроманту на слово и, проследовав за ним в библиотеку, лечь на алтарь для повторного ритуала привязки.

Если отрубить доступ энергии было просто, то возобновить ее подачу — куда сложнее.

— Вызвать Мирка на дуэль, — по всей видимости завершив ритуал, произнес Герберт наконец.

Ева уставилась на его невозмутимое лицо.

— Айрес поняла, что я неровно дышу к кому-то. — Некромант отбросил окровавленный нож на столик с инструментами, взамен него взглядом подняв в воздух бинт и ножницы. — Я не назвал имени возлюбленной, но якобы уже успел благополучно с ней порвать. Придется разыграть еще один спектакль.

— Под названием «Дневники Вампира в стиле фэнтези, или один брат увел девушку у другого»? — закончила Ева, смекнув, что к чему.

— Это будет нам на руку. Если Айрес разглядела это чувство, могла понять и то, что мы с Мирком примирились. Дуэль ясно даст понять, что это не так. — Выждав, пока рана сама собой перебинтуется, Герберт позволил ножницам опуститься обратно на стол. — К тому же, надеюсь, он поможет мне раздобыть мифические письма моей зазнобы... к слову, можешь вставить.

Хмыкнув, Ева села на темном камне. Отогнав шальные мысли о том, какое применение этому алтарю влюбленная парочка наверняка нашла бы в любовных романах.

Впрочем, в тех же романах на алтарь она непременно ложилась бы раздетой, что помимо придания ситуации определенной

пикантности создавало бы не менее определенные неудобства.

— А что за резервный источник энергии ты вчера упомянул? — спросила она, сложными путями пронесшись по приятным и неприятным воспоминаниям о вчерашнем вечере.

— В стены замка вмурованы кристаллы-ловушки. Они улавливают и впитывают часть магической силы, что выплескивает владелец. — Опустив замотанную руку, Герберт подступил ближе к алтарю. — Бывают еще материалы, впитывающие магию, определенные виды дерева и камня... но они далеко не так эффективны.

— Забавно. В нашем мире в книжках и фильмах призраки часто бывают привязаны к конкретному дому.

— Как я понял, в вашем мире многие магические принципы угадали верно. Пусть порой и не совсем точно. — Опершись на камень здоровой ладонью, Герберт осчастливил ее прощальным поцелуем. — Я ненадолго.

Прежде, чем он отвернулся, Ева удержала его за рукав.

— Знаешь, когда я упражнялась последние дни... в саду... — стесняясь потенциальной паранойи, все же произнесла она, — мне казалось, кто-то за мной наблюдает.

К счастью, Герберт к ее словам отнесся максимально серьезно.

— Кто?

— Не знаю. Я никого не видела. Но мне так казалось. — Ева встревоженно поерзала на жестком камне. — Если перебраться через садовую ограду, это возможно, так ведь? Особенно если у тебя подозрная труба или что-то в этом духе... и ты скроешься под чарами, или артефакт поможет тебе слиться с деревом или стеной, как сделал этот парень, Тиммир...

— На стенах висит охранный контур, оповещающий меня о проникновении. Хотя его при желании можно обойти.

— Твой контур да можно обойти? — хмыкнула она, запоздало вспоминая, что секретарю лиэра Кейлуса это прекрасно удалось.

— Я специально поставил на стены не самый сильный. Чтобы милые люди, время от времени желающие меня убить, не пугались и пролезали в сад, где их уже ждало нечто посильнее. И посмертельнее. — Герберт нахмурился. — Но все ярусы сада, кроме первого, окружают чары, препятствующие обзору извне... если,

конечно, кто-то не изобрел артефакт, способный их пробить. Смогли же «коршуны» наложить на меня маячок.

Ева вспомнила странный мерцающий монокль, который когда-то видела у помилованного ею Тиммира Лейда — и по коже ее наверняка пробежал бы холодок, не будь она и без того холоднее некуда.

— Думаешь, снова «коршуны»? Или другие посланцы твоего дядюшки?

— Не знаю. Но лучше быть вдвойне осторожной. — Герберт успокаивающе погладил ее по волосам. — Не волнуйся, в замок никому не проникнуть. Здесь ты в безопасности. Просто не выходи наружу без меня, ладно?

Провожать себя Герберт запретил. Так что Ева провожала его взглядом, стоя у окна тренировочного зала. Провожала, пока далекая фигурка в синем плаще не растаяла в воздухе у самых ворот; и лишь тогда, пытаясь не прислушиваться к голосу неясной тревоги, отступила от широкого подоконника.

Выволочив на середине зала стул, с некоторых пор всегда ждавший в углу, потянулась к прихваченному футляру с Дерозе.

Оставалось надеяться, что предчувствия в кои-то веки ее обманывают. И Ева знала отличный способ, который мог помочь ей забыть обо всем, о чем хотелось забыть.

— Так что там с письмами? — по-прежнему вполголоса уточнил Герберт.

— Тебе нужны послания от девы, сперва благосклонно принимающей ухаживания, а затем отвергающей опостылевшего поклонника, я правильно понял?

Безопаснее было бы обсудить все по кристаллу, но от продолжительности магической связи напрямую зависела тяжесть головной боли, которую суждено было после откатом ощутить Герберту. Поскольку последствия ночной передозировки и без того давали о себе знать (тот же перенос в столицу из дому дался ему куда тяжелее обычного), детали решено было обсудить при личной встрече. Все равно среди бдительных слушателей нового акта их семейной драмы магов не было, а любые тайком пронесенные артефакты защита поместья размагичивала, так что можно было не бояться, что кто-то услышит больше положенного.

А то, что время от времени с крика братья переходили на злое пониженный тон — так пожелания скорейшей мучительной смерти лучше не выкрикивать, а шипеть.

— Магией подделать не могу. Она заметит, — сказал Герберт, будто оправдываясь. — Девушка должна быть реальной. Знакомой. А у меня со знакомыми лиореттами, заслуживающими доверия, сам понимаешь, не сложилось.

— Но она может возжелать поговорить с лиореттой. Дабы убедиться, что ты не лжешь.

Упомянуть имя королевы оба не решались. Подальше от греха.

— Думаю, вызывать лиоретту к себе для приватной беседы она всяко не станет. Скорее дождется ближайшего бала, а тот нескоро. Письма и дуэль успокоят ее... хотя бы на некоторое время. — Герберт помолчал, будто размышляя над собственными словами. — Особенно если меня действительно серьезно ранят.

— Или нас обоих. — Кивнув, Миракл набрал воздуха в грудь. — Да как ты смеешь заявляться сюда и оскорблять меня под собственной крышей?!

— Так же, как ты смеешь посягать на то, что я обрел впервые после стольких лет страданий, а тебе совершенно ни к чему! — возвестил Герберт — так же громко. — Красавчик с арены, любимчик публики, несносный спесивец! Привык срывать все плоды, до которых можешь дотянуться?

Переведя дыхание, оба покосились на резные белые двери.

С той стороны царила тишина. Но тишина эта была настолько убедительно, старательно тихой, какой может быть только тишина, сохраняемая затаившими дыхание людьми.

— Все же дрянная драма у нас получается, — признал Герберт свистящим шепотом.

— Сойдет. — Миракл поудобнее перехватил шпагу. — Я правда казался тебе несносным спесивцем?

— Можешь считать это почти исключительно художественным вымыслом.

Усмехнувшись, Миракл рассеянно выплел кончиком шпаги витиеватый вензель, рассекая воздух над подом.

— Письма можно организовать, — изрек он, — но лучше поручить это тому, кто способен хоть отчасти включиться в игру.

Сестра Кроу подойдет?

Герберт с сомнением вскинул брови.

— Кроу Соммит? Твой командир по арене? Думаешь...

— В последнее время я частенько осчастливливаю Соммитов визитами. Ищейки Охраны наверняка об этом знают. У них вся семья в деле, и дочь тоже. — Его полушепот зазвучал почти деликатно. — Я посвятил... моих сторонников в то, что ты на одной с нами стороне. Без подробностей. Чтобы тебя, знаешь ли, в процессе восстания случайно не атаквали вместе с ней.

— Только вот с ней справиться будет непросто.

— Поэтому, когда все начнется, тебе лучше держаться от нее как можно дальше. — Выразив недобрую сосредоточенность коротким движением шпаги, точно подсекая ногу невидимого врага, Миракл серьезно взглянул на кузена. — Мне бы не хотелось сражаться с тобой по-настоящему. Если она отдаст тебе такой приказ.

— Не бойся, — откликнулся тот прохладно и отстраненно, — если даже я окажусь рядом, у меня припасен план, как этого избежать.

— О котором мне, полагаю, лучше не знать.

— Есть секреты слишком важные, чтоб раскрывать их хоть кому-то.

Удовлетворенно кивнув, Миракл прокашлялся перед завершающей репликой.

— Ни слова больше! — патетически возвестил он, для остротки резко отбросив руку со шпагой в сторону. — Завтра, в три, на перекрестке перед Дьоккским лесом. А теперь изволь убраться отсюда немедленно!

Отвесив напоследок насмешливый поклон, Герберт направился к дверям.

Когда он вышел в зал, анфиладой примыкавший к оставшемуся позади — горничные уже встревоженной птичьей стайкой упорхнули кто куда, а дворецкий с непроницаемым видом стоял у дальнего окна.

Герберт не задержался в столице ни минутой дольше, чем того требовало дело. Особняк Миракла не мог похвастаться такой защитой, как замок Рейолей, но ограничения на магические перемещения входили в большую часть охранных чар всех жилищ аристократов. Пришлось возвращаться в сад, белый и скучный, и идти к кованым воротам вдоль фигурно стриженных кустов, припорошенных

белизной поверх зелени, ровными рядами тянувшихся вдоль аккуратно расчищенных дорожек; а за воротами, распахнувшимися перед ним, выпуская гостя, Герберт тут же сотворил заклинание, призванное вернуть его за стены замка Рейолей.

Тут-то его и ожидал сюрприз.

Ева искренне желала, чтобы ее интуиция периодически давала осечки.

К сожалению, на пакостные фокусы судьбы чутье у нее было до прискорбного превосходное.

Она очень старалась утопить тревогу в занятиях, но мысли о «коршунах», вполне способных вновь поджидать Герберта где-то на пути к брату, не давали толком сосредоточиться. Разыгрываясь, балуя звонкую акустику зала тягучими бархатными звуками, Ева то и дело косилась на окно.

Поэтому она не пропустила момент, когда стекла внезапно задрожали от чего-то, ударившего в них отблеском ослепляющей белизны, а до слуха донесся гул далекого взрыва.

Ре-мажорное арпеджио оборвалось на вопросительном восходящем фа-диезе.

Торопливо опустив Дерозе на пол, Ева подбежала к окну.

Несколькими садовыми ярусами ниже пылали настезь распахнутые ворота. На брусчатой дороге чернело копотное пятно. Дюжина фигур в черном окружила фигурку в синем плаще: фигурку, чью светлую макушку Ева разглядела даже в цветастом мареве заклятий, которыми вернувшийся Герберт отбивался от потенциальных убийц.

Смычок выпал из пальцев, вцепившихся в выглаженный старостью каменный подоконник.

— Лиоретта! — Эльен ворвался в зал, пока Ева стояла, застыв, наблюдая за разворачивающейся внизу схваткой. — Нападение! Ворота... я ощутил...

— Я вижу.

«Коршуны» атаквали со всех сторон, магией и холодным оружием, медленно сжимая кольцо. Черные тени — всего три — раскидывали щупальца, защищая хозяина, и пока Герберту удавалось обороняться, но Ева знала: долго он не продержится. Слишком много

противников, наверняка принявших в расчет прошлую свою ошибку. Слишком он еще слаб после вчерашнего.

Решение пришло мгновенно. За миг до того, как пальцы — почти сами собой — рванули оконный шпингалет.

— Лиоретта, — вымолвил призрак, когда Ева настежь распахнула створки и вскочила на подоконник, — что вы...

Окончания фразы она — сделавшая шаг вперед, в полете выплетая заклятие левитации — уже не слышала.

Спускаться по лестнице было бы слишком долго.

За секунду до приземления Ева притормозила, ловя под подошвами туфель спружинивший воздух. Мягко опустившись на снег, не примяв его, метровыми прыжками наискось устремилась через сад к развороченным воротам.

Прости, Герберт, думала она, перемахивая лестницы между ярусами за один шаг. Стремительно приближаясь к месту сражения, овеянному дымом, озаренному разноцветными вспышками, окруженному пляшущими искрами и сполохами заклятий. Я помню, ты велел оставаться в замке. И если бы хотел моей помощи, уже призвал бы меня к себе.

Но я не могу оставаться в стороне, когда тебя хотят убить.

Щит она призвала загодя. Как и смычок. И со стороны «коршунов» было крайне неосмотрительно не ожидать нападения со спины — но, судя по тому, как лихо она отшвырнула в стороны троих убийц, расчистив путь к цели, и вправду не ожидали.

Даже странно, как все оказалось легко.

— Все-таки пришла, — констатировал Герберт, когда она, проскочив между услужливо расступившимися тенями, нырнула под прозрачный пузырь его щита.

— Думаешь, я могла тебя бросить?

— Нет. Не думал. — Некромант запустил руку под плащ; Ева думала, он вытащит нож, но в руке его оказался широкий металлический браслет, окутанный голубым мерцанием. Снаружи, за пределами маленького клочка дороги, защищенной тенями и пузырем волшебного барьера, продолжало что-то вспыхивать и грохотать, но Герберт был убийственно спокоен. — Убери щит, он тебе больше не нужен.

— Снова убьешь их Мертвой Молитвой? — без раздумий подчинившись, спросила она.

— Нет. Есть идея получше. — Герберт разомкнул браслет: дутое кольцо, испещренное рунами. — Дай руку.

Ева послушно (ситуация не располагала к оспариванию ни приказов, ни просьб) вложила свободную ладонь в его пальцы. Позволила ему задрать рукав рубашки, чтобы защелкнуть браслет на запястье.

Она не сразу поняла, что именно не так. Осознала лишь, что произошло нечто ужасающе неправильное — и, продолжая слышать треск и взрывы заклятий, ощутила себя оглохшей. Впрочем, миг спустя затихли и те, заставив ее с тревогой воскликнуть беспомощное короткое «а». Чтобы понять: нет, со слухом все в порядке, просто «коршуны» почему-то прекратили атаковать.

А еще смычок — сам, без ее на то желания — пропал из пальцев опущенной руки.

Герберт начертил рунную вязь на ее лбу еще прежде, чем тени и щит исчезли. Прежде, чем магией наведенная маска спала с его лица. Прежде, чем светлые волосы потемнели, радужки с голубого сменили цвет на бронзовый, а на глазах взрослеющее лицо растянула незнакомая ей улыбка.

— Безмерно рад знакомству, лиоретта, — сказал Кейлус Тибель, подхватывая ее, почему-то падающую, на руки: за миг до того, как Ева провалилась во тьму.

Они растаяли в воздухе первыми. Следом один за другим исчезли «коршуны». Вместе с последним растворилась иллюзия дыма, пламени и следов от взрыва на целехонькой брусчатой дороге.

К моменту, как Герберт — настоящий Герберт, сломя голову выбежавший из леса, получивший тревожный сигнал на половине пешего пути до замка от лесной глуши, где его выкинул с чего-то давший осечку перенос — помчался по мосту через реку, сражаться было уже не с кем.

— Как по нотам, — заключил Кейлус Тибель, материализовавшись с долгожданным трофеем посреди собственной гостиной.

Господин Дэйлион, ждавший в кресле, лениво стряхнул серые хлопья с сигары в бронзовую пепельницу. Остальные «коршуны» из замка Рейолей переместились кто куда, но их главарь, руководивший операцией издалика, принял любезное приглашение лиэра Кейлуса заглянуть на хорошо выдержанный рэйр.

Все равно на сей раз они проворачивали дело, для которого алиби им было ни к чему.

— Рад, что на сей раз мои ребята не подвели.

Уложив бесчувственную девчонку на аквамариновый бархат кушетки (помимо отсутствия клаустро Синюю гостиную от Золотой логично отличала превалирующая цветовая гамма), Кейлус проверил, надежно ли держится блокирующий браслет. Убедившись, что тот сам собой уменьшился точно под худенькое запястье новой владелицы, отметил, что руки у нее и правда музыкальные, пусть и маленькие. Изящные, красивые, с хрупкими тонкими пальцами. Подушечки левой жесткие, мозолистые — струнные... но синяк под подбородком, характерный для фиола, отсутствует. Скорее всего, сизэлла.

Что ж, когда она проснется, можно попробовать уточнить верность догадки. Хотя, если она из той же породы, к которой принадлежали ее предшественницы, вместо ответа он услышит весьма красноречивые пожелания сделать с собой нечто не слишком приличное — и противоестественное даже для него.

— Миленькая, — одобрил господин Дэйлион, глядя на беззащитное бледное личико. Длинные волосы девчонки шелковистой пшеничной вуалью накрывали легкую белую рубашку, ноги в узких штанах и домашних туфельках мокли от тающего снега; в колдовском сне она казалась совсем юной, безобидной и невинной, что котенок... но во сне мало кто кажется иным. — Кто бы мог подумать, что дюжина моих ребят полегла из-за эдакой фитюльки...

План и в самом деле оказался хорош. Припасти браслет, блокирующий магию и обладающий еще парой весьма полезных свойств. Дождаться, пока круглосуточное наблюдение доложит, что мальчишка отлучился. Наложить вблизи замка чары пространственного искажения, при попытке магического перемещения к замку перебрасывающие тебя подальше в лес — чтобы законный хозяин по возвращении не смог поспеть домой раньше, чем спектакль подойдет к концу. Спрятаться под ложной личиной. Разыграть

нападение, выманив влюбленную девчонку из замка: охранные чары обязаны были оповестить об атаке не только некроманта, но и его дворецкого, тот вряд ли мог не сообщить об этом драгоценной гостье, а та в свою очередь вряд ли могла остаться в стороне (в конце концов, от этого зависела и ее нежизнь). Подманить поближе, надеть браслет, ретироваться прежде, чем придется столкнуться с взбешенным наследником престола — и вот он, результат, мирно спящий на кушетке.

Близкий и реальный до запоздалой дрожи в руках.

— Вы знаете мое отношение к гибели и страданиям невинных, господин Тибель, — выпустив в потолок дымную струйку, горчившую воздух сырым ароматом земли и мха, невзначай заметил господин Дэйлион. — Я буду следить за вашими дальнейшими действиями.

— Она уже мертва, если вы не заметили.

— Вы поняли, что я имею в виду. Не в ваших интересах переключиваться в разряд персон, на которых я принимаю контракты. — Убийца затянулся, обращая серость сигарного кончика золотом. — Насчет того, к какому разряду теперь относить вашего племянника, придется поразмыслить. Может, и к лучшему, что предыдущее покушение успехом не увенчалось... но уверенным, что он не двуличная маленькая гадина, действовавшая исключительно из властолюбия, я быть не могу.

— А сейчас на меня, стало быть, не принимаете? — отметил Кейлус, немало удивленный.

— Нет. Хотя желающие были.

— С чего такая честь?

— Знаю, кто составляет ваш штат прислуги. Да и пьески ваши хороши... только не те, что на танцульках оскомину уже набили. Те, откровенно говоря, пошлы и бездарны до невероятия. — Широко улыбнувшись, глядя в его помрачневшее лицо, господин Дэйлион затушил сигару о резное бронзовое доньшко. — Люблю, знаете, иногда по вечерам слушать, как дочка что-нибудь из вашего раннего наигрывает. Или поет. — Неторопливо поднявшись с кресла, мягкой пружинистой походкой убийца направился к дверям. — Надеюсь, вы осуществите то, что хотите.

Мутный взгляд Кейлуса проследил за ним до самого выхода.

— Все хотел спросить, какой вам в этом интерес, — сказал он, когда господин Дэйлион уже взялся за круглые медные ручки.

Тот, как и следовало ожидать, оглянулся. Замер, в какой-то равнодушной задумчивости постучав указательным пальцем по гладкой, побуревшей от времени меди.

— У меня неплохое чутье на перемены ветра, лиэр. С недавних пор ветер дует в сторону смены власти, — буднично откликнулся он. — Я не прочь увидеть на троне новое лицо, и при одних обстоятельствах на этом еще и заработаю, тогда как при других — нет. Король из вас, откровенно говоря, вышел бы паршивый, зато ненависти к сестрице с лихвой хватает, чтобы ее уничтожить. А место ее, с пророчеством или нет, в конце концов займет сильнейший, так я считаю. — Колючие сапфиры его глаз смеялись над собеседником обезоруживающей прямолинейностью. — Сталь, связи и поддержка многих, знаете ли, надежнее слов на какой-то старой бумажке.

Если Кейлус и был разочарован услышанным, то ничем этого не выказал.

— И поэтому вы не принимаете контракты на Миракла, — лишь констатировал он, точно разгадав давно не дававшуюся шараду.

— Думаю, мне зачтется этот маленький реверанс. В свое время. Скромное участие в нелегком деле революции, быть может, тоже... особенно если правильно его подать. — Взгляд убийцы окрасил веселый блеск. — Бывайте, лиэр Тибель. Еще увидимся.

Прежде, чем за ним затворилась дверь, Кейлус еще успел увидеть, как ждавший в галерее Тим (так уж сложилось, что его секретарь брал на себя некоторые функции дворцового) жестом предложил гостю следовать за ним.

Помедлив достаточно, чтобы они успели удалиться, вновь подхватил на руки свой драгоценный приз.

— Пойдем-ка, — сказал он, одарив спящую девушку зловещей в своей нежности улыбкой. — Для тебя приготовлено ложе поуместнее.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ОТ 25.12:

Ева сидела на сцене. Впереди, меж бесконечными рядами заполненных кресел, убегала вдаль зеленая ковровая дорожка Большого Зала Консерватории; позади затих оркестр, между коленей

уже ждал Дерозе, готовый отозваться бархатистым голосом струн... но когда Ева попыталась вскинуть смычок, то не смогла этого сделать.

Потому что смычка в пальцах не было, зато вместо него кисти сковывали наручники.

Зрители в зале начали перешептываться. Потом свистеть. Когда Ева подняла взгляд, то с ужасом увидела, что глаза у них светятся голубым; обернулась на оркестр, снова встретив знакомый демонический фосфор вместо радужек и белков — и над черным фраком и бабочкой дирижера узрела знакомое мальчишеское лицо.

— Я уже говорил тебе, что ты сердобольная дурочка? — лениво постукивая палочкой по пульту, произнес Мэт сочувственно.

Из кошмара Ева вынырнула резко, точно из удушающей водной глубины. Осознав, что лежит на чем-то твердом и весьма неудобном, глядя на незнакомую серость мозаичного потолка, повернула голову.

Воспоминания о последних событиях нахлынули одновременно с тем, как она встретила спокойный взгляд мужчины, стоявшего рядом, вытирая окровавленный ланцет.

— Поразительно, — сказал он. — Я знал, что мальчишка гениален, но не догадывался, насколько. — Придирчиво оглядев лезвие на свет, он убрал инструмент в бархатный футляр, напоминавший пенал-сверток. Почти такой же, какой Ева привыкла видеть на столике в библиотеке Герберта. — Признаться, я надеялся упокоить тебя и поднять заново, привязав к себе. Но эта вязь... — взгляд мужчины устремился на то, что многим мужчинам было бы вполне естественно разглядывать при виде нагой девушки, но Ева знала: он изучает рунный узор на оправе рубина, пульсировавшего в ее груди вместо небьющегося сердца. — Столь филигранно и сложно, что страшно притронуться.

Запоздало осознав, что она лежит на алтаре, полностью обнаженная, Ева судорожно села. Съежилась на холодном камне, прижав к груди плотно сомкнутые колени, лихорадочно оглядывая место, в котором очутилось.

Оно чем-то напоминало рабочий кабинет Герберта, только выдержано было сплошь в серости и серебре. Даже алтарь, занимавший самый центр просторной комнаты, кажется, был аккуратно вытесан из серого мрамора.

— Держи. — Отступив назад, мужчина взял с кресла подле стола нечто из золотистого шелка, перекинутое через спинку. Не приближаясь, кинул ей; Ева машинально поймала, не сводя дикого взгляда со своего тюремщика. — Должен сообщить, что помимо чар, полностью блокирующих магию, на твоём браслете чары Ломирье. Так называемое «заклятие куклы». Мне достаточно сформулировать мысленный приказ, и ты застынешь на месте, безвольная, словно шарнирная фигурка. То же самое случится, если попробуешь предпринять что-либо, угрожающее безопасности обитателей этого дома... или пересечь границу территории, обозначенной мною как дозволенную к прогулкам. — Он улыбнулся, и от улыбки этой его красивое лицо сделалось на диво неприятным. — Впрочем, в твоём распоряжении целое крыло. Поверь, для прогулок вполне достаточно.

Набросив платье на колени и плечи, прикрывшись им, словно полотенцем, Ева на миг посмотрела на свою руку.

Дутое серебряное кольцо слегка мерцало на кисти. Теперь уже не голубым, а зеленым: той зловещей ядовитой зеленью, какой часто в фильмах раскрашивают колдовское пламя или злую магию. И когда Ева попыталась призвать смычок, все усилия оказались тщетными. Попытка сотворить усыпляющее заклятие, вычертив рунную цепочку под прикрытием золотистого шелка и едва слышно выдохнув нужную формулу, тоже успехом не увенчалась.

Блокировка магии, значит. Плохо. Очень плохо. Еве жутко хотелось проверить, насколько правдивы и другие услышанные ею слова, но сперва...

— Кейлус Тибель? — уточнила она, кутаясь в платье.

Мужчина с непроницаемой улыбкой склонил голову набок.

— Стало быть, ты меня знаешь?

— Я изучала семейное древо Тибелей, — безнадежно откликнулась девушка. — Учитывая некоторые обстоятельства, догадаться несложно.

Лиэр Кейлус кивнул. Какое-то время молча наблюдал, как она озирается, ища пути к отступлению.

Комната явно находилась то ли в замке, то ли в усадьбе. За темным окном не было видно ни зги. Даже если она вскочит и каким-то образом разберется с противником, что дальше? За дверью же наверняка дежурит кто-то вроде стражников... или нет? Их может не

быть лишь в одном случае: если милейший лиэр Кейлус целиком и полностью полагается на браслет.

Хотя он в принципе никогда не остался бы с ней наедине, если б тот не защищал его абсолютно надежно. И блефовать вряд ли стал бы.

— Где же крики? — осведомился ее собеседник, прервав затянувшееся молчание. — Бесполезные попытки сбежать или освободиться? Осыпание меня отборной бранью?

— Как будто мне это поможет. — Ева украдкой дернула браслет правой рукой. Как и ожидалось, тот сидел на кисти левой так плотно и недвижимо, будто намертво врезался в кожу. — Впрочем, если вы так хотите, могу придумать вам парочку красочных эпитетов.

Он снова улыбнулся. Разглядывая ее, точно некий любопытный экспонат за музейной витриной.

— Надо же, — изрек он. — Обычно в ситуациях, чем-то их не устраивавших, иномирянки на эпитеты не скупились. Не могу сказать, что они были красочными, но емкими — вполне.

— Могла бы еще послать вас в некое место, куда никогда не заглядывает солнце, — припомнив рассказы и намеки Эльена, которыми тот не преминул прояснить одинокое семейное положение почтенного лиэра Тибеля, вежливо предложила Ева, — но если ходящие о вас слухи правдивы, вы и так там регулярно бываете.

Разум постфактум завопил о том, что оскорблять (пусть даже самым корректным тоном) подобным образом подобную персону, да к тому же состоящую в родстве с королевой, взорвавшей голову предыдущей хамке-попаданке — не самое разумное решение. Но Кейлус Тибель в ответ лишь расхохотался.

— Так котенок умеет щерить зубки. Мило. — Смотав футляр с инструментами, завязав узлом атласный шнур, он кинул тихо звякнувший сверток на огромный письменный стол, где царил симпатичный художественный хаос. — Может, все же Уэрти тебя и прикончил? Он остроты в свой адрес не жалуется... к тому же мертвой тобой куда легче управлять. Хотя нет, у малыша кишка тонка. Айрес, верно? — прочтя ответ в ее лице, все с той же улыбкой Кейлус оперся ладонями на столешницу, присев на край. — Должен сказать тебе спасибо за Тима.

Ева ничем не выдала, что понимает, о чем речь. Слишком занята была прикидками, когда лучше попытаться вылезти в окно: сейчас, не

дожидаясь развития событий, которого вполне могло ей не понравиться — или когда ее (теоретически) оставят одну.

Хорошо хоть лиэр тактично держался поодаль. А, может, опасно?..

— Ты ведь его пощадила, — продолжил Кейлус. — Я знаю, что это ты. Уэрти бы не пощадил. И был бы прав — во многом сейчас ты здесь из-за этого.

— Я все равно ни о чем не жалею, — честно буркнула Ева, отогнав мысли о том, как сейчас позлорадствовал бы Мэт.

Может, и злорадствует.

— Даже о том милом мальчике из книжной лавки? Которого ты так неосторожно загипнотизировала во время такой неосторожной прогулки? — заметив, как она напряглась, Кейлус с видимым удовольствием перебрал пальцами по звонкому дереву. — Коршуны господина Дэйлиона выведали немало, пока наблюдали за вашими с Уэрти экзерсисами в саду, но без того бедолаги я не мог быть уверен в том, куда их посылать. А он оказался кладезем полезной информации... поверь, мне очень не хотелось его убивать.

Ее убийственный взгляд, отразивший боль и ненависть, всколыхнувшиеся в душе, явно вызвал у него одно лишь веселье. И от обличительной тирады, уличающей собеседника в гребаной психопатии и желающей ему поскорее занять место в аду рядом с такими же кровожадными ублюдками, Еву удержали две вещи: осознание того, что это абсолютно бесполезно — и повторное воспоминание о том, чем закончила предыдущая хамка-попаданка.

Впрочем, у Евы перед той несчастной было по меньшей мере одно неоспоримое преимущество.

— Дайте-ка угадаю, — произнесла она вместо всего, что так просилось на язык. — Вы жаждете получить корону. За мой счет.

— Можно и так сказать, — легко согласился Кейлус.

— И вас не смутило, что у меня нет огненного меча?

— Волшебный меч — дело наживное. Учитывая, что один отряд «коршунов» вы с Уэрти благополучно упокоили подле истока Лидемаль... подозреваю, вылазку туда вы предприняли не просто так, верно?

Умен, сволочь, глядя в темные глаза, смеявшиеся над ней медным блеском, подумала Ева тоскливо. И почему другим попаданкам

достаётся нормальный гарем из влюбленных эльфов, а ей — какой-то извращенный отбор женихов?

— Если помните, в пророчестве истинный король должен возложить на мое чело обручальный венец. Считаете, у народа не вызовет удивления ваша смена, хм, предпочтений?

Кейлус, ничуть не смутившись, ласково склонил голову.

— Как твое имя, кошечка?

— Ева, — поколебавшись, сказала она — сочтя представление не столь большой ценой за то, чтобы больше не слышать из его уст обращений на тему семейства кошачьих.

— Оденься, Ева. — Лицо его осталось неизменно улыбчивым, но в глазах блеснул нехороший металл. — Ты моя гостя. Гости не должны испытывать дискомфорт, который сейчас испытываешь ты.

Она покосилась на платье, в которое продолжала кутаться, словно в обычную тряпку. Из мягчайшего шелка, расшитое серебром и капельками хрусталя, явно стоившее, как чья-то годовая зарплата. Достойное принцессы.

Платье от врага, которому она предпочла бы любые лохмотья. И не только по этическим соображениям.

В мире, где существует магия, даже от платья можно ожидать любой пакости.

— Предпочла бы ту одежду, в которой вы притащи... я прибыла сюда.

— Прошу прощения, но ее уже уничтожили. — Лиэр демонстративно отвернулся, глядя в окно. — Оденься. Не хочу тебя принуждать.

Ева уставилась на его спину, облитую черным бархатом серебром расшитого сюртука. На атласную ленту, низким бантом перехватывавшую до лопаток достававшие темные кудри.

На затылок, так соблазнительно подставленный под удар. К примеру, тяжелым подсвечником с магическими кристаллами, так кстати сиявшим на каминной полке.

Провоцирует на атаку? Провоцирует. Не иначе.

Но она ударит лишь тогда, когда он не будет этого ожидать.

Торопливо натянув платье через голову, Ева соскользнула с алтаря, позволив широкой юбке опасть до поля мягкими искристыми складками. Кусая губы, нервно пытаясь коситься одновременно себе

через плечо и на фигуру у стола, попробовала застегнуть мелкие скользкие пуговички сзади, чтобы шелк перестал соскальзывать с предплечий — и замерла, когда враг, незаметно оказавшись близко, скользнул ей за спину.

— Позволь мне.

Когда его пальцы аккуратно убрали ей волосы с шеи, собрав их на одну сторону, перекинув через плечо — струна напряжения, и без того натянутая ту же некуда, звонко лопнула.

Резко развернувшись, Ева устремила сжатый кулак по направлению к точеному носу лиэра. Моментальным, очень уверенным движением, прерванным за какой-то сантиметр до цели.

Не по ее воле.

— Заклятие куклы. Не забывай, — спокойно напомнил Кейлус, когда Ева застыла, способная только моргать. Перехватив ее пальцы, чуть-чуть не доставшие до его лица, опустил ее покорную, безвольную руку: так просто, точно та и правда принадлежала кукле. — Спадут сами собой спустя пару минут. Но если попробуешь вновь выкинуть что-либо из нежелательных действий, история повторится, и мне для этого не нужно быть рядом. — Ее взяли за плечи, вновь отвернув лицом к окну: заставляя безмолвно проклинать чертову магию и собственное тело, неспособное ей сопротивляться. — Возвращаясь к твоему вопросу — народу совершенно необязательно знать, что связывает нас помимо церемонии обручения. И связывает ли. Но, поверь, мои предпочтения весьма разнообразны... в приоритете точно не дерзкие маленькие девочки, однако, если хочешь, могу сделать для тебя исключение. — Чужие руки, застегнув верхнюю пуговицу, скользнули ниже, неторопливым поглаживанием прочертив по обнаженной спине линию от плеч до талии. Двинулись выше: чужая ладонь легла ей на шею, чужие пальцы убрали волосы за ухо, чужие губы обожгли кожу на виске вкрадчивым выдохом тихих до интимности слов. — Хочешь?

Если бы Ева могла, она бы сглотнула. Вдруг вспомнив, как вела себя с Гербертом во время их давней, смешной, глупой войны, отчетливо и тоскливо понимая, что тот никогда не был ей настоящим врагом. И никогда не сделал бы того, что причинило бы ей настоящую боль.

В отличие от человека, в чьих руках — в прямом и переносном смысле — она пребывала теперь.

— Так хочешь? Говори, не стесняйся. — Теплые пальцы, слегка пощекотав изгиб подбородка, лаской скользнули к ямке меж ключицами — и Еву не оставляло ощущение, что ласка эта в любой момент может перейти в удушье. — Губы после активации заклęcia отпускает раньше всего.

— Нет, — выдохнула Ева. Желая только одного: чтобы Кейлус Тибель прямо сейчас оказался как можно дальше от нее. — Не хочу.

Висок согрел смешок. Тихий и легкий, как прикосновение пальцев к клавишам на пианиссимо.

— Как я и думал. — Отстранившись, лиэр преспокойно вернулся к ее пуговицам. Судя по скорости продвижения от верхней к нижней, одевать женщин ему и правда было далеко не впервой. — Я не хочу, чтобы ты считала меня врагом. Не в моих правилах делать с людьми то, чего они не желают сами.

— Видимо, по вашему мнению ваш племянник просто мечтает поскорее отправиться к праотцам.

Внутри Ева тут же отвесила себе подзатыльник, мечтая, чтобы заклęcie снова заморозило ей неумный длинный язык, но Кейлус продолжил методично и уверенно застегивать бесконечный пуговичный ряд:

— Как раз об этом я и хотел поговорить. Хочу предложить тебе сделку.

Она промолчала. Зная, что условия изложат и без ее вопроса.

— Ты права. Мне нужно падение Айрес. Мне нужна ее корона. А тебе, если не ошибаюсь, нужен Уэрти, живой и здоровый.

— И что вам нужно от меня? — все же не выдержала Ева: когда, закончив с пуговицами, в невыносимом гнетущем молчании Кейлус откинул светлую копну ее распущенных волос — расчесанных, как она внезапно осознала — с плеча за спину.

Чтобы, судя по ощущениям, заплести их в косу.

— Не противься. Будь со мной, пока не исполнится, что должно. Помоги осуществить то, что я хочу. — Проникновенный голос почти гипнотически сочетался с движениями его пальцев, переплетавших длинные пряди методично и любовно, как иные дети возятся с новой куклой. — Как только это осуществится, я отпущу тебя. К Уэрти,

который твоими стараниями и покорностью благополучно останется жив. Откажись, и клянусь: я посажу большую часть своего состояния на услуги «коршунов», которые будут следовать за ним неотступно. Каждый день. Каждый миг. Куда бы он ни направился. — Это прозвучало не угрозой: простым будничным обещанием. — Тебя больше не будет рядом, чтобы прикрыть его спину, пока он вершит Мертвую Молитву, а больше из близких у него нет ни одной живой души. И рано или поздно...

Речь завершилась многозначительной недоговоркой — за миг до того, как чужие руки наконец перестали ее касаться.

— Оставляю тебя поразмыслить над этим предложением. — Кейлус отступил на шаг. Ева, невидящим взглядом смотревшая в окно, не видела этого, но услышала. — Надеюсь, к ужину ты дашь ответ.

Не оборачиваясь, она слушала, как Кейлус Тибель удаляется по направлению к двери, чтобы завершить разговор глухим щелчком замка.

Понимая, что игры окончательно и бесповоротно кончились.

С момента ее гибели и вплоть до сегодняшнего дня ей ни разу не грозила реальная опасность. Даже когда, казалось бы, они с Гербертом скользили по грани. Но отныне позволить быть себе упрямым, задиристым, взбалмошным ребенком — непозволительная роскошь.

Этого врага нужно не задирать, не жалить, не пробиваться к мягкому сердцу под ледяной броней. Убивать: без прелюдий и без осечек.

К счастью, Ева подозревала, что может ей в этом помочь.

Тим заглянул в Золотую гостиную получасом позже, когда Кейлус, сидя за клаустуром, довольно мурлыкал себе под нос, записывая новый романс.

— Ваш племянник, — доложил секретарь. — Он ждет на крыльце.

— Ты не пустил его в дом? — не отрываясь от нотного листка, уточнил Кейлус.

— Как ты и велел.

— Молодец. — Перо аккуратно опустилось в чернильницу, чтобы, скользя по краю, вернуться к нотным строчкам. — В других обстоятельствах непременно пригласил бы его на чашечку фейра, но

не сейчас. Передай, что я слишком занят новым произведением, и буду занят таковым в ближайший месяц. Ни в коем случае не переступай порог.

Кивнув, Тим тихо прикрыл дверь. Вернувшись в холл мраморными лестницами и коридорами, щедро обставленными всяческими безделушками вроде ваз и гнутых бархатных скамеечек, вновь подошел ко входу в особняк, острыми белыми башенками возвышавшийся над окружающим столицу лесом.

— Я сожалею, тир Гербеуэрт, — сказал Тим, отворяя двери, которые до того весьма нелюбезно захлопнул прямо под носом у визитера. — Господин не может вас принять.

Некромант стоял на крыльце. Спокойный, бледный, в том же синем плаще, в котором немногим ранее наведалься к брату.

— Я не буду лгать, что прощу вам содеянное, — очень тихо произнес Герберт, — но если отпустите ее, возымеете шансы остаться в живых.

Тим в очень естественном изумлении вскинул брови:

— Не имею ни малейшего понятия, о чем вы, тир Гербе...

— Я не собираюсь играть с вами в игры. — Голос Герберта не повысился ни на йоту, но интонации его способны были ужаснуть даже того, кто в принципе мало восприимчив к интонациям. — Я пришел за тем, что он забрал у меня. Я верну ее, хочет он этого или нет. Скажи ему впустить меня, или я сниму охранные чары и войду сам. Но когда я переступлю этот порог, ничего хорошего вам ждать не придется.

К несчастью, Тиммира Лейда это не убедило. Он был не робкого десятка, слишком верил в своего хозяина и слишком хорошо держал себя в руках.

— Вынужден сообщить, что любая подозрительная магическая активность в нашем доме, равно как и взлом защиты поместья, подаст сигнал в штаб городской стражи, расположенный в столице, — невзначай, почти равнодушно заметил он. — Если вам так хочется поднять напрасный шум, не сомневаюсь, что Ее Величеству будет крайне любопытно узнать, зачем вы взломали защиту имения вашего дяди.

— Сдадите меня — умрете сами.

— По-прежнему не понимаю, что вы имеете в виду. Но даже если господин Кейлус замешан в чем-либо противозаконном, полагаю, ему оправдаться будет проще, чем вам. — Юноша почти сочувственно воззрился на бесстрастное лицо наследника престола. — Магический почерк на мифической вещи, якобы отобранной у вас, укажет не на него. А плачевной судьбы предметы вашего спора, каким бы он ни был, это не отменит. Разрешите?

Когда, откланявшись, Тим вернулся к своему господину, тот стоял у окна, сложив за спиной перепачканные чернилами руки: наблюдая, как его племянник, выдавая свое бешенство разве что скоростью шага, почти бегом удаляется по заснеженной яблонево́й аллее.

— Он вернется, — сказал Тим.

— Знаю.

— И попытается вызволить ее.

— Знаю.

— И не удивлюсь, если сможет.

— Посмотрим.

Поколебавшись, Тим подошел ближе:

— Если ты расскажешь королеве, кого он прятал в своем замке, он утянет тебя за собой. Ты правда этого не боишься?

— Нисколько. — Кейлус обернулся, явив веселую до легкой безуминки улыбку. — Доказать факт пребывания девчонки в моем доме будет куда сложнее, чем его причастность к ее созданию. А в самом крайнем случае... — не обращая никакого внимания на мрачное лицо своего секретаря, он вернулся к инструменту. — Что ж, иногда и погибнуть не жалко. Смотря, кому перед смертью ты успеешь здорово испортить жизнь и кого заберешь с собой.

Глава 9. Cantabile

(*прим.: Cantabile — певуче (муз.)

Служанка заглянула в комнату с алтарем, когда Ева напряженно размышляла над тем, что же ей делать теперь.

— Господин велел проводить вас в вашу спальню, лиоретта, — мелодично отрапортовала девушка в простеньком платье из зеленой шерсти.

Ева, готовившаяся к визиту лиэра Кейлуса, удивленно взглянула на пришлицу. Почему-то она была уверена, что хозяин дома сохранит ее прибытие в тайне даже от слуг.

Помедлив, все же прошла в любезно распахнутую дверь — неся за спиной ножны с Люче, видимые только ей.

Про полезные свойства волшебного клинка, полученного от гнома, она вспомнила еще в процессе разговора с милейшим лиэром Кейлусом. И, как только убедилась, что милейший лиэр не собирается возвращаться туда, где ее оставил, прикрыла глаза.

...«ты можешь призвать ее к себе, где бы ты ни была»...

— Люче, — прошептала Ева, вспоминая рапиру, оставленную в спальне замка Рейолей.

В следующий миг, еще не открыв глаз, она ощутила в пальцах теплую кожу ножен.

С облегчением воззрившись на материализовавшийся клинок, Ева перекинула ремень через плечо, разом почувствовав себя защищенной. Рапира казалась приветом из оставшегося вдали замка, приютившего ее в этом недружелюбном мире. Как будто ее прислал Герберт, велел держаться и скорее возвращаться к нему.

Что ж, теперь она вооружена и (Ева очень на это надеялась) опасна. Потому что колдунство гномов, неведомое и недоступное людям, вполне могло оказаться сильнее колдунства, державшего ее в плену.

Сразу обнажать клинок она не стала. В конце концов, она располагала ограниченным числом попыток им воспользоваться, и одну из двух попыток следовало оставить на большое представление, которое они так долго репетировали с Гербертом. При всем уважении к

злодейским способностям лиэра Кейлуса на чудище из пророчества он никак не тянул; так что следующий час Ева провела в попытках освободиться мирным путем. Сперва попробовала вылезти в окно, за которым тремя этажами ниже расстился заснеженный сад. Оконные створки охотно распахнулись, позволив ей выглянуть наружу и в неверном вечернем освещении кое-как обозреть старинный особняк с острыми башенками по углам, окруженный просторным садом с извилистым льдистым прудом, поросшим ивами по берегу, и стеной заснеженного хвойного леса.

К несчастью, выхода во двор Ева не заметила. Видно, окно открывало вид на задний двор, а вход располагался на другой стороне. Зато этажом ниже маняще белел перилами балкон — да только при попытке перелезть через подоконник Ева застыла истуканчиком перед ним, не в силах шевельнуть и пальцем. Повторив эксперимент трижды, неизменно получая один и тот же результат, Ева решила двинуться в противоположном направлении. Дверь комнаты спокойно открылась, выпустив ее в светлый, увешанный картинами коридор без всяких признаков не только охраны, но и кого-либо вообще. Так что Ева спокойно добежала до выхода на лестницу, располагавшегося в другом конце от вершившего коридор тупика; и следующее ограничение сработало, лишь когда она спустилась на первый этаж, чтобы пройти сквозь просторный зал с дверьми по обеим сторонам, и попыталась выйти в арку, соединявшую зал с чем-то вроде картинной галереи.

Кейлус не соврал. Проход в другое крыло ей был заказан. А выход из дома, похоже, располагался именно там. Рискнув ткнуться в незапертые комнаты, Ева обнаружила столовую и бальную залу — неизменно пустые, создававшие ощущение, что в доме кроме нее обитают разве что призраки. Впрочем, ее стремление вылезти из тамошних окон успехом снова не увенчалось, а кричать «помогите» на весь пустующий сад Ева не рискнула. Ей представлялось маловероятным, что ее призыв а) услышит кто-либо и б) услышит кто-то, кто захочет помочь, при этом не задавая лишних вопросов.

Посему Ева вернулась в комнату с алтарем, решив как следует поразмыслить над первоначальным планом. Там-то ее и застала служанка, за которой теперь девушка настороженно следовала. Даже постучавшаяся, прежде чем войти — та еще насмешка над Евиным положением.

— Как тебя зовут? — вышагивая по бежевой ковровой дорожке мимо ваз с цветами, пестревших на туалетных столиках, осторожно поинтересовалась Ева у шедшей впереди прислуги.

— Юми, лиоретта, — на удивление охотно откликнулась та, на миг оглянувшись.

Она была рыженькая, конопатая, с милым наивным личиком. Не старше двадцати. И поскольку личико это показалось Еве довольно добродушным, она решила прибегнуть к другому потенциально освободительному методу.

— А я Ева. Правда, мой... друг называл меня скорее Йевва, но иномирные имена непросто выговаривать. — Ева искренне понадеялась, что ее тяжелый вздох вышел не слишком театральным: особенно если учесть, что переживания, излияние которых он предвлял, были совершенно искренними. — Он, наверное, сейчас с ума сходит. Во всяком случае, я потихоньку схожу. Как он все это переживет? Я бы, может, тоже не пережила, если б уже не была мертва...

Если служанка и заинтересовалась чужими любовными перипетиями и трагической историей разлученных влюбленных, должной тронуть нежное девичье сердце, то ничем этого не выдала.

— Если ты не знаешь, Юми, меня держат здесь силой, — решив рискнуть, продолжила Ева. Так мягко, как только была способна. — Меня похитили. Разлучили с тем, кого я люблю. Я ваша пленница. Не думаю, что тебе нравится помогать своему господину...

— Господин Кейлус не велел мне обсуждать с вами что-либо, — перебив ее, учтиво, но непререкаемо откликнулась девушка.

— Послушай, ты же не...

— Ваша комната, лиоретта. — Толкнув от себя одну из дверей, девушка склонилась в поклоне, предлагая гостье переступить порог. — Если желаете переодеться к ужину, я помогу вам. В противном случае позвольте удалиться.

Глядя на ее лицо с опущенными глазками, за покорностью словно прятавшее нерушимый стальной барьер, Ева безнадежно качнула головой.

— Нет. Не желаю.

Оставшись в одиночестве — Юми пообещала вскоре вернуться, дабы препроводить ее в столовую, — она заперлась на ключ, любезно

оставленный в замочной скважине. Пнула резные стенки гардероба, гостеприимно распахнувшего дверцы напротив камина. Яростно расшвыряла по комнате подушки с огромной постели, золотившейся парчовым покрывалом посреди комнаты в нежных кремовых тонах.

Больше не колеблясь, выдернула из-за спины рапиру, тихо светящуюся зачарованным лезвием.

Сперва Ева попробовала клинком разбить браслет, попутно не отрезав себе руку. Без магии волшебного оружия, управлявшего ее движениями, все скорее увенчалось бы именно последним. С ней же все усилия просто вышли безрезультатными. Зато нападение на одно из умопомрачительной красоты платьев, нашедшихся в гардеробе, вышло превосходно — рукоять привычно потянула за собой руку, чтобы лезвие десятком ловких движений бывалого фехтовальщика изорвало зеленый бархат в ошметки. Да и вскочить на подоконник, чтобы атаковать раму предварительно открытого окна, на сей раз удалось без труда. Вот когда Ева нацелила рапиру на балкон, расположенный наискось, то тут же снова застыла (и хорошо, ибо без левитации достать дотуда было бы непросто); но в сравнении с тем, что наблюдалось в комнате с алтарем, это был несомненный прогресс.

Может, и получится, думала Ева, собирая обрывки изумрудной ткани, разбросавшиеся по ковру. Один ментальный контроль против другого ментального контроля. Если обездвиживающие чары браслета запоздают хотя бы на пару секунд, если сработают, когда лезвие уже достигнет цели...

Стоило бы, конечно, придержать рапиру в ножнах до момента нападения, чтобы то вышло совсем уж неожиданным. Но без зловредного артефакта на кисти все вышло бы намного проще, и не попытаться избавиться от него Ева не могла. Значит, придется просто выбрать для нападения удобный момент — например, когда Кейлус будет мирно спать.

Все равно до момента, как клинок должен вернуться в ножны, у Евы оставались еще целые сутки.

— Попала ты в передрагу...

Она почти обрадовалась, когда, обернувшись, увидела на кровати Мэта.

— Так и знала, что ты и сюда пролезешь, — буркнула она, скрывая облегчение.

— Да брось, разве ты мне не рада? — демон весело следил, как она запихивает изрезанную ткань в подушки, пряча следы своих экзерсисов в наволочках. — Смотрю, ты настроена воинственно.

— Ничего другого не остается.

— Даже если ты вдруг сможешь убить гостеприимного дядюшку, что дальше? Да, чары на браслете могут рассеяться с его смертью. А могут и не рассеяться. Особенно если браслет зачаровывал не он.

— Как только он умрет, все станет проще. Герберту уже никто не будет угрожать. — Вскрабкавшись на постель рядом с вежливо подвинувшимся Мэтом, девушка сунула ножны между матрасом и изголовьем. Завернула Люче в длинный лоскут, оставшийся от юбки; когда рапира присоединилась к ножнам, набросала сверху подушки. — Ладно, на самом деле ему будет угрожать много кто... и что... но только не Кейлус. А там он придумает что-нибудь, чтобы вытащить меня отсюда.

— Каким образом?

— Не знаю. Вот ты передашь ему весточку, что его дядюшка мертв, и он сразу меня и вытащит. Ты ведь не откажешь?

Мэт лишь рассмеялся звонко и пакостно.

— Все может быть куда проще, — сказал он, прежде чем Ева успела спросить, как следует истолковывать этот смех. — Сделка — и я вытащу тебя отсюда.

Она села напротив, мрачно скрестив руки на груди.

— Я уже говорила тебе, что думаю по этому поводу. Мой ответ не изменился.

— Если ты не забыла, малыш каждые три дня обеспечивал тебе целебные процедуры в виде питательных ванн. Как думаешь, сколько ты протянешь без них? И что начнет происходить с твоим бедным мозгом, когда он не получит подпитку?

— До следующей плановой ванны у меня как минимум два дня. Нужно всего-навсего выбраться отсюда прежде, чем они истекут.

Это вышло произнести даже более уверенно, чем она сама надеялась. Да только Мэта, судя по вежливо-сомнительному изгибу бровей, все равно не слишком убедило.

— Ну-ну, — прежде чем исчезнуть, изрек он: с тем же многообещающим скептицизмом, с каким, должно быть, это

междометие произносил бывший регент в клетчатом пиджачке, поигрывая ложечкой в чашке с черным кофе.

Когда за ней вернулись, Ева покорно проследовала за служанкой в столовую. До ночи она твердо решила быть паинькой.

Вытянутый зал был выполнен в приятной бело-шоколадной гамме. Длинный стол — накрыт на одного. Хозяина дома сидел во главе, но при ее появлении тут же поднялся; жестом, исполненным бесконечного эстетизма, промокнул губы белоснежной салфеткой с монограммой «К. Т.» — и, отодвинув стул по правую руку от себя, предложил пленнице сесть.

— Рад, что ты ко мне присоединилась, — с любезностью, которой трудно было ожидать от тюремщика, сказал он, когда Ева безропотно опустилась на обитое шелком сидение. Вернувшись на место, вновь взялся за вилку и нож. — Предложил бы разделить трапезу, но, боюсь, твое прискорбное состояние самую капельку служит этому помехой.

— Боюсь, что так, — проглотив искреннее пожелание достопочтенному лиэру подавиться и немедленно скончаться в страшных муках, смиренно произнесла Ева.

Нож, отрезавший кусок от мяса с гарниром, напоминавшим зеленое картофельное пюре, на миг замер в длинных пальцах.

— Какая покорность. С чего вдруг?

— Бывают ситуации, когда сопротивление бесполезно, — невинно потупившись, сказала Ева. — Покорность разумнее.

С нежно-розового, умело непрожаренного мяса взгляд темных глаз медленно поднялся на нее.

— А ты умеешь держать себя в руках, как посмотрю, — заметил Кейлус спокойно и проницательно. — Твои предшественницы редко удосуживались втягивать коготки. Даже когда это было катастрофически необходимо. — Аккуратно прожевав мясо, он вновь отложил приборы, сложив их на тарелке по всем зазубренным Евой правилам этикета. Взялся за резной бокал, в котором светлым гранатом краснело местное вино. — Уэрти не поведал тебе о наших интересных взаимоотношениях с предыдущей иномирной гостьей, твоей соотечественницей?

— Его дворецкий рассказывал, что та рассматривала его в качестве потенциального жениха. И о том, что закончилось все ее взорванной головой.

На самом деле Ева готова была сказать что угодно, лишь бы милейший лиэр сегодня отправился спать без опаски, и мирное поддержание беседы казалось ей куда уместнее, чем угрюмое молчание. Впрочем, она понимала, что чрезмерная покорность Кейлуса Тибеля насторожит не меньше, чем упрямая злость, а то и больше. Так что чуть позже собиралась позволить себе умеренно проявить то, что клочкотало у нее внутри: полагая, что милейший лиэр еще даст ей для этого далеко не один повод.

— В качестве жениха она рассматривала не его одного. Впрочем, при дворе гуляет несколько иная версия событий, нежели имевшая место быть в действительности. — Поверх бокала изучая ее лицо, Кейлус сделал глоток. — Видишь ли, мне не повезло оказаться в прискорбной близости от прорехи, из которой лиоретту выкинуло в Керфи. Как благородный человек, не стесненный в средствах и лишние комнаты в доме, я предложил бедняжке крышу над головой, пока она не обретет свое место в этом мире. — Усмешка, скривившая угол его губ, горчила досадой не хуже эспresso. — Прежде, чем я сплавил ее на руки владыке Дольских земель, она умудрилась своими капризами довести до истерики всех горничных, которые ей прислуживали, испортить мой инструмент и известить всех сторожевых собак.

— А собак-то как и за что? — спросила Ева, поймав себя на невольном возмущении. С неудовольствием осознав, что рассказу удалось заинтересовать ее не меньше отыгрыша безропотности.

— Она разбила вазу, стоявшую, подозреваю, больше всех денег, что она видела за жизнь. И, испугавшись, что я буду недоволен, свалила осколки в пищевые отходы, которыми слуги подкармливали псов. Как бы я ни презирал магию, с тех пор в защите дома полагаюсь исключительно на нее, благо пару лет назад приветил в особняке тех, кто обеспечивает мне превосходную охрану.

Где-то я это уже читала, подумала Ева, тоскливо вспоминая свою оставшуюся дома библиотеку. И ведь тогда решила, что это до жути глупо, неправдоподобно и жестоко по отношению к животным...

Интересную информацию касательно презрения достопочтенного лиэра к магии она решила приберечь для позднейшего осмысления.

— Также мне примерно сотню раз пришлось вежливо просить лиоретту не мешать мне работать, пятьдесят — выслушивать намеки,

что из нас вышла бы превосходная супружеская пара, десять — оставлять лиоретту разочарованной в пикантных ситуациях, которыми наверняка воспользовались бы другие, и пару раз выкидывать из своей постели в весьма интересно неодетом виде, — продолжил мужчина задумчивым перечислением. — После же меня в отместку поспешили ославить на всех углах похотливым мерзавцем, непрестанно осаждавшим неприступную крепость чести бедной девушки, пока та не сбежала от меня к порядочному человеку. После такого изъясления благодарности, признаться, зрелище ее взрывающейся головы доставило мне немалое удовольствие.

Ева помолчала, пытаюсь по-новому уложить в голове уже известные факты. Под таким углом история, услышанная от Эльена, смотрелась весьма любопытно — и совсем иначе.

Впрочем, Кейлус вполне мог и приврать, дабы вызвать ее расположение. Хотя, учитывая его прямоту во многих других вещах...

— Бедная девушка, — наконец определившись с ответом, Ева с четко выверенной грустью качнула головой. — Ей бы стоило просто смириться, что вы, как говорят у нас, играете в другой лиге.

— О, тут ты не совсем права. И не в одном аспекте. — Глаза, не сводившие взгляда с ее лица, блеснули даже как-то задорно. — Некоторые женщины, знаешь ли, только и мечтают исцелить страдающие души тех, кто погряз в своих заблуждениях касательно постельных предпочтений. И уверены, что заблуждаются они лишь потому, что до сих пор не встречали достойной особы прекрасного пола. Я же принципиального различия между мужчинами и женщинами не нахожу и не делаю — но той девице, разумеется, и в голову не пришло, что подобная личность может не привлекать меня по причинам, никак не связанным с ее женской природой. — Кейлус лениво поднес бокал к губам, чтобы вновь пригубить свое вино — и Ева впервые заметила, насколько они с Гербертом похожи, если сделать скидку на контрастно различный окрас. — Откровенно говоря, в вопросах выбора партнера меня куда больше волнует внутреннее, нежели внешнее, и то, что у него в голове, нежели то, что между ног.

Ева порадовалась, что не может краснеть. Во всяком случае, изучающий взгляд милейшего лиэра наводил на мысли, что ее провоцируют, и совершенно сознательно. Желая посмотреть на реакцию и сделать выводы.

В более живом состоянии на подобные заявления Ева могла отреагировать куда более красноречиво — но сейчас радовать своего тюремщика возможностью узнать о ней что-то помимо того, что ей хотелось показать, не собиралась.

— Весьма любопытная и, пожалуй, здравая позиция, — лишь сдержанно произнесла она, вновь опуская глаза.

Ответом ей было короткое насмешливое «ха». И тихий хрустальный «дзинь», с которым Кейлус Тибель щелкнул пальцами по краю бокала.

— Так что ты решила? — спросил он затем.

— Я помогу вам. Я не буду сопротивляться. Только поклянитесь, что не тронете Герб... Уэрта, — старательно глядя на белоснежную скатерть, откликнулась Ева: готовившаяся к этому вопросу с момента, как села за стол. — Желательно магической клятвой.

— Я согласился бы на это лишь при условии, что ты также обязуешься выполнить обязательства со своей стороны. Но для этого с тебя придется снять браслет, а ты в таком случае наверняка попробуешь вытворить какую-нибудь глупость, так что придется нам верить друг другу на слово. — Краем глаза она увидела, как Кейлус Тибель чуть склонил темноволосую голову к плечу, облитому бордовым шелком рубашки. — Откуда столь похвальное смирение?

— Я уже сказала. Иногда покорность разумнее. А вы привели весьма убедительные аргументы, почему в данном случае она точно будет разумнее.

Опустошив бокал до дна, Кейлус выразительно приподнял его на уровень глаз. Лишь тогда Ева заметила скелет в костюме лакея, поспешивший отделиться от стены подле камина. Ну да, Кейлус ведь тоже некромант... пусть, кажется, и пользующийся даром куда реже Герберта.

Впрочем, у него наверняка и силенок не так много, чтобы позволить себе целый дом мертвых слуг.

— Забавно, — изрек мужчина, когда скелет аккуратно, не пролив ни капли, наполнил его бокал из темной бутылки, слегка бликующей в отсветах ажурной медной люстры. — Когда я выстраивал планы на твой счет, я предполагал, что ты окажешься копией предыдущей. Думал, что прикончу тебя сразу, как ты исполнишь предназначенную тебе роль, и не был уверен, что у меня хватит терпения не сделать это

раньше — ибо умертвить подобное определенно милосерднее, чем позволить ему публично позориться и досаждать окружающим. И, кажется, ошибался. — Проследив, как скелет возвращается на место, чтобы вновь застыть экстравагантным элементом декора, новый глоток Кейлус сделал как будто с сожалением. — Даже обидно, что мы не встретились раньше. Я бы не отсиживался в безопасности, пока тебя убивали... хотя бы потому, что не мог позволить себе такую роскошь, как поднять тебя, удержав разум и душу.

Ева невольно вскинула голову.

— С чего вы...

— При всей гениальности Уэрти сомневаюсь, что он нашел тебя после того, как твое сознание успело умереть. Даже он вряд ли мог оказаться сильнее основополагающих принципов некромантии и работы человеческого тела. А поверить, что он по чудесному совпадению обнаружил тебя ровно в минуты, отделявшие твое убийство от твоей окончательной смерти, довольно трудно. — Глядя на девушку, с трудом удерживавшую на губах возражения и опровержения, Кейлус усмехнулся. — Думаешь, я не понимаю, на что ты рассчитываешь? Прикинуться покорной, дожидаться, пока Уэрти придет за тобой... благородный принц, спасающий свою прекрасную возлюбленную. И коварный злодей будет повержен, и сказка закончится тем, чем обязаны заканчиваться все сказки. Но если ты и правда его полюбила, мне тебя жаль. Знаешь девиз Тибелей?

— «Победа превыше всего», — вспомнив уроки Эльена, отрапортовала Ева в тихом бешенстве.

— Точно. Девиз нашей проклятой семейки. Пусть Уэрт носит имя другого рода, но наша порода передалась ему вместе с кровью. — Явно забавляясь при виде злости, проступающей в ее лице, Кейлус вновь коснулся губами края бокала. — Тибелей нельзя любить. Для нас всегда есть только цель. Все остальное — то и те, через кого можно переступить на пути к ней.

— А вас, стало быть, любить можно и нужно.

— Что ты. Я не исключение. Хоть и стараюсь быть как можно менее... тибелистым. — В том, как мужчина взглянул на нее, возвращая бокал на стол, читалось почти искреннее сочувствие. — Для него ты всегда будешь на втором месте, кошечка. Средством

достижения цели. Средством получения трона. Он никогда не полюбит тебя... не так, как ты хочешь и, возможно, заслуживаешь.

Еве хотелось многое сказать ему. И про Миракла, и про Обмен, и про то, что он ни черта не знает о своем племяннике и вообще последний, кто имеет право его судить. Но все это было совершенно излишне и грозило весьма неприятными последствиями; поэтому она лишь молча смотрела, как Кейлус Тибель возвращается к ужину, стынушему на фарфоровой тарелке.

— Вы правда думаете, что все будет так просто? — осведомилась она с издевкой, когда тот дожевывал последний кусок. — Что стоит заполучить меня, как Айрес волшебным образом исчезнет с престола, чтобы вы могли с комфортом устроиться на вакантном месте?

Прежде чем потянуться к салфетке, Кейлус пожал плечами.

— У меня есть свои осведомители. В самых разных кругах. Включая окружение моего племянника... другого племянника. Не думаю, что Миракл откажется от плана по свержению дорогой тетушки. Не думаю, что ты не сделаешь то, что напророчила тебе Лоурэн. Не думаю, что Айри сможет вам противиться. Все грязную работу сделают за меня. — Он прижал к губам тонкую ткань со своими инициалами, вышитыми золотой нитью по ослепительной белизне. — Мне останется лишь позволить вещам произойти своим чередом, после чего в нужный момент скромно выйти из тени, представившись твоим законным мужем. Даже если не коронуюсь сам, вашими стараниями Айрес падет, а народ будет в сомнениях, так ли уж законно короновать Мирка... или Уэрта. С радостью посмотрю, как дорогие племянники вцепятся друг другу в глотку.

— В нашей стране в таких случаях говорят «собака на сене», — сказала Ева, в душе очень злорадно расхохотавшись и порадовавшись, что осведомители милейшего лиэра не в курсе некоторых немаловажных обстоятельств. — Или «ни себе, ни людям».

— В нашей стране предпочитают «ни некроманту, ни земле, ни богам», но общий смысл ты уловила верно.

— Хотите сказать, вы не желаете править? Готовы довольствоваться тем, что подложили свинью другим?

Кейлус лишь странно блеснул глазами, прежде чем, отложив салфетку, подняться из-за стола.

— Моя спальня на одном этаже с твоей. Третья дверь слева от лестницы. Гостиная, где я обычно работаю, прямо под ней, этажом ниже. Захочешь побеседовать или попытаться разбить мне голову — думаю, ты найдешь меня там, — вежливо поведал он, помогая Еве отодвинуть стул. — Впрочем, как ты уже поняла, я не слишком люблю, когда меня беспокоят во время работы. Так что если услышишь звуки музыки, радушный прием не гарантирую. — С учтивостью истинного джентльмена ей подали руку. — Юми за дверью, она отведет тебя обратно в спальню.

подавив желание врезать ему по насмехающемуся лицу, Ева встала. Сама, демонстративно проигнорировав услужливо предложенную ладонь. Тут же отвернувшись, двинулась к дверям из столовой.

Осененная внезапной догадкой, задержалась у самого порога.

— Это ведь вы пустили в народ слух о пророчестве, верно? — сопоставив кое-какие простые факты, произнесла она.

Ускользающая улыбка Кейлуса послужила ей определенно утвердительным ответом.

— Буду счастлив побеседовать вновь, лиоретта, — сказал он, прощаясь элегантным сценическим поклоном. — Всегда рад вывести из себя умного человека.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ОТ 30.12:

— Не хочешь прочесть письма? — поинтересовался Миракл, прервав висевшее в гостиной тяжелое молчание. — Вдруг попросят процитировать особо дорогие сердцу строки.

Герберт не ответил. Сидя в соседнем кресле, он черкал что-то в книге для записей, что недавно составляла Еве компанию во время прятков в тайном туннеле.

— Как знаешь. — Отхлебнув из бокала рэйр, которым Эльен решил подсластить им горькие события, Миракл с наигранным весельем щелкнул пальцами по пачке писем, лежавших на столе перед ними. — Только помни, что сочинить все это за день не слишком-то легко. Жаль, если все усилия пропадут втуне.

— Прочту. Потом. — Не сводя взгляда с формул, ломаными строчками покрывавшими плотную желтую бумагу, Герберт закусил

кончик пера. — Не знаю, кто окружал дом дядюшки защитой, но она сильнее, чем я ожидал.

— Настолько, что даже ты не сможешь ее взломать?

— Думаю, смогу. Подняв тревогу. Но, откровенно говоря, мне уже все равно. — Стальная сосредоточенность, серостью обесцвечивавшая его взгляд, не сулила Кейлусу Тибелю ровным счетом ничего хорошего. — Когда я войду в этот дом, живых там в любом случае не останется.

— Мертвая Молитва? Не думаю, что это хороший вариант.

— Он заплатит. И все, кто помогает ему, тоже.

Миракл лишь вздохнул тяжело. Перевел взгляд с брата на Эльена: дворецкий как раз вошел в комнату, неся новую бутылку взамен опустевшей.

— Эльен, хватит, — сказал юноша, пока призрак молча наполнял его бокал. — Я не про питье.

Тот, ловко приподняв горлышко, оборвав янтарную струю без малейших признаков неряшливых капель, поднял недоуменный взгляд.

— Лиэр?..

— Хватит ходить с видом, будто ты снова наблюдаешь собственные похороны.

Эльен даже не попытался чем-то замаскировать скорбь, светившуюся в лице не хуже белых бликов просвечивающих сквозь него кристаллов.

— Это ведь моя вина, лиэр. Я должен был удержать ее, я...

— Посмотрел бы я на того, кто попытается встать между нашей милой лиореттой и ее целью. Вернее, на то, как быстро он перестанет там стоять.

— Успокойся, Эльен, — бросил Герберт сухо. — Твоей вины в этом нет.

— Господин...

— Поверь. Будь это не так, не уверен, что ты уже не был бы упокоен.

Судя по тому, как смиренно призрак склонил голову, довод подействовал.

— Есть другой вариант, — сказал Миракл, когда Эльен удалился прямо сквозь дверь. — Дядюшка не знает, что мы заодно. Возможно, он впустит меня, и я...

— Он неохотно принимает гостей с тех самых пор, как стал единоличным владельцем дома, если ты помнишь. И не думаю, что он впустит кого-либо в свой дом, когда есть шанс обнаружить там ее.

Миракл печально поболтал бокалом, признавая его правоту.

— Давай сперва отыграем завтрашнюю дуэль, Уэрт. Потом что-нибудь придумаем. — Улыбка юноши, не слишком старавшаяся замаскироваться под искреннюю, вышла немного кривой. — Посмотри на это с положительной стороны... целых пару дней никто не будет тебе мешать заниматься делами. Снова одинокая холостяцкая жизнь, да здравствует свобода, ура.

Герберт, вновь уткнувшийся в тетрадь, шутку явно не оценил.

— Она не мешала.

— Странно. Я думал, все прелестные лиоретты смертельно оскорбляются, если ты не ставишь их в центре своей вселенной. — Новый глоток Миракл сделал с довольно-таки грустным видом. — Где все дела могут подождать ради очередного вашего свидания, которых, конечно, должно быть не меньше двух в день.

— Ты поэтому до сих пор не женат?

— Я человек занятой, как ты понимаешь. А обижать и причинять боль не хочу.

Герберт рассеянно кивнул; лицо его не особо вязалось с лицом человека, услышавшего и осознавшего сказанное собеседником.

— У нее свои дела. Своя цель, — сказал он вместо ответа. Явно не сумев мыслями уйти далеко от фразы, прозвучавшей в диалоге намного раньше. — Своя семья, свой мир... В том-то и проблема. — Почти стеклянный взгляд оторвался от чернильных строк, чтобы замереть на жарком узоре красного и черного, вытканном углями в гаснущем камине. — Даже если я верну ее, даже если верну ее к жизни... рано или поздно я ее потеряю.

— Успокойся. Пока никто не знает, как открывать прорехи в другой мир с нашей стороны, никуда она от тебя не денется.

— Говорят, риджийские маги знают.

— Мы не в Риджии. И ей об этом знать необязательно.

— Нет. Если она хочет вернуться домой... если есть шанс, что это поможет ей вернуться... я обязан ей сказать. — Бледные пальцы сжали перо с такой силой, что то грозило переломиться. — И отправиться с ней в Риджию, чтобы узнать, правда ли это.

— Не знаю, утешит ли это тебя, но Риджия сама отправится к нам. Их делегация собирается в Керфи незадолго до Жнеца Милосердного. Думаю, смена власти их не остановит... если все сложится благополучно, конечно. — Перегнувшись через ручку кресла, Миракл похлопал брата по плечу: так сочувственно, как только мог. — Успокойся, Уэрт. Если она тебя любит, она тебя не оставит. Если не любит, значит, она того не стоит.

Тяжелый взор, которым юношу наградили в ответ, весьма выразительно обозначил все, что его обладатель думает по поводу столь примитивного взгляда на ситуацию.

Впрочем, такой взгляд все же был определенно лучше, чем когда чьи-то глаза больше всего напоминают цветные стекляшки.

— Иногда ты все-таки такой болван, — проговорил Герберт какое-то время спустя, прежде чем с усталой благодарностью отложить тетрадь и потянуться к письмам.

— Я расценю это как «спасибо».

Ева выскользнула из спальни, когда стрелки часов на камине сошлись в верхней точке циферблата, ознаменовав начало нового дня.

Люче пряталась сзади, в руке, крепко прижатой к пуговицам на спине. Впрочем, Ева видела, что огненное мерцание рапиры все равно пляшет на стенах, и маскировка выходила так себе; но вернуть оружие обратно в ножны теперь, когда у Евы осталась лишь одна попытка обнажить клинок, было невозможно.

Оставалось лишь воспользоваться им.

В любезно указанных ей покоях Кейлуса никого не оказалось. Ловушки, которой она ожидала, тоже — лишь просторная комната в изумрудных тонах с широкой кроватью под балдахином, изобилующая бархатом и резными завитушками, покрывавшими немногочисленную мебель. Вообще имение было обставлено со вкусом: даже пейзажи и натюрморты в рамах, украшавшие темные коридоры, бликуя краской в отблесках сияющего лезвия, притягивали взор. В обители Кейлуса магические кристаллы почему-то не вспыхивали сами собой, и Ева впервые заподозрила, что автоматически они загорались лишь в замке Рейолей, где Герберт похимичил с «настройками».

Странно, неужели Кейлусу силенок не хватило даже на то, чтобы нормальное освещение дома устроить? Или для него это почему-то

дело принципа — как можно реже прибегать к магии?..

Спускаясь по серой лестнице на второй этаж, без труда различая ступеньки, Ева мантрой повторяла себе, что не должна колебаться. Если верить гному (а пока его слова не расходились с истиной), отобрать у нее Люче, даже если она провалится, никто не сможет. Если не провалится — спасет и себя, и Герберта. И убийство того, кого она собиралась убить — самозащита, не более. Даже в суде такое оправдывают.

Еще спускаясь, она услышала музыку.

Обрывки мелодий, какого-то начинающегося и постоянно прерывающего наигрыша переливались в серой мгле, сопровождая ее на пути к месту, где определенно находился Кейлус Тибель. Сперва Ева решила, что в ожидании ее визита тот оставил гостиную открытой — когда она приоткрыла дверь, отделявшую лестницу от коридора к жилым комнатам, фортепианный наигрыш послышался так отчетливо, будто инструмент стоял прямо за порогом.

Но когда девушка проскользнула в образовавшуюся щель, то увидела лишь очертания худощавой фигуры, сидевшей на полу.

Тиммир Лейд слушал обрывки творимой музыки, прислонившись спиной к двустворчатым дверям. Тем самым, что были нужны Еве. Из одежды — рубашка, штаны да мягкие домашние туфли; одна нога согнута в колене, другая расслабленно лежит на тянувшейся по паркету ковровой дорожке. В замочной скважине рядом с его макушкой торчало что-то, похожее на ключ с круглой малахитовой рукояткой, слегка светящейся во тьме.

Звуки музыки, как с удивлением поняла Ева, доносились именно из нее.

Заметив ее, парень повернул голову. Щурясь — лицо его отчетливо подсвечивала рукоять ключа, — воззрился на пришлицу.

— Он не хочет, чтобы я подслушивал, — как ни в чем не бывало пояснил юноша. Так просто и приветливо, точно они были старыми приятелями; негромко, но с силой достаточной, чтобы заглушить фортепианные переборы и чужой голос, поверх них без слов мурлыкающий отрывки музыкальных фраз. — Не любит, когда слушают то, что еще не закончено. К тому же после того, как ты поставила мне блок, я рискую свалиться с новым приступом, так что обычно Кейл заговаривает дверь. Пришлось прикупить в магической

лавке вот эту штучку. — Вражеский секретарь легонько щелкнул пальцами по светящейся рукоятке «ключа». — Правда, сегодня он оставил дверь открытой. Думаю, ждал тебя.

Ева, совершенно сбита с толку и этой встречей, и дружелюбностью приема, подошла ближе.

— Свалиться с приступом? — непонимающе переспросила она, крепче сжимая за спиной пальцы на кожаной рукояти.

— Так ты не знала? Хотя, если б знала, все могло сложиться совсем иначе. — Юноша издал негромкий смешок. — Твой блок несовершенен. Вызывает приступы, обмороки... особенно когда пытаешься вспомнить то, что заблокировано. Я свалился с одним, когда слушал, как Кейл сочиняет. Так мы и узнали о тебе. — Он приветливо улыбнулся. — Не знаю, известно ли это тебе, но я Тим. Тиммир Лейд, секретарь Кейлуса.

— Известно. — Ева смотрела на него сверху вниз, сжигаемая досадой от воспоминаний обо всех промахах, которые допустила и которые в итоге привели ее сюда. — Все-таки надо было дать Герберту тебя прикончить.

Тим лишь плечами пожал. Мол, может, и надо было, не спорю.

— Что там у тебя? — он заинтересованно кивнул на марево, разливающееся за Евиной спиной. — Тот самый огненный меч?

Вместо ответа она выбросила руку вперед. Устремив сияющее лезвие ему в лицо. И не знала, что служит тому причиной — то, что в действительности жизни Тиммира Лейда пока ничего не угрожало, то, что Кейлусу было на него плевать, или то, что Люче в самом деле оказалась сильнее чар на браслете — но на сей раз она не застыла куклой.

— Впечатляет, — признал юноша. Судя по его лицу, золотое острие, застывшее в десятке сантиметров от его глаз, действительно скорее впечатлило его, чем испугало. — Не поделишься, где такой взять? Тоже хочу.

— Если ты не боишься, зря. Не уверена, что этот ваш замечательный противомagический браслет тебя спасет, если я соберусь тебя прикончить.

— У тебя доброе сердце. Ты пощадила меня один раз, не убьешь и в другой.

От осознания правдивости этого ответа Ева почти скрипнула зубами.

А ведь как просто, наверное, сейчас было бы взять его в заложники... и тогда она будет ничем не лучше того, кого хочет убить. Не говоря уже о том, что Тиммир Лейд не пробуждал в ее душе столько тьмы, чтобы у нее хватило духу пронзить его сердце.

Грозить тем, чего ты никогда не сделаешь, в той же степени опасно, в какой глупо.

— Нет. Тебя не убью. — Пальцы сжали рукоять рапиры так крепко, что она почти слышала, как проминается под ними мягкая кожа. — Если не встанешь у меня на пути.

— Встану, если захочешь убить его. — Чуть повернув голову, Тим кивнул на двери. — Потому я и здесь. Подозревал, что ты попробуешь.

Какое-то время они молчали: сидящий юноша и девушка, грозящая ему заговоренной сталью. Вместе слушающие, как волшебный ключ оглашает темный коридор отзвуками музыки, создаваемой за дубовыми дверьми.

— Почему ты ему служишь? — устало вымолвила Ева потом. — Ты не похож на мерзавца. И то, что ты говорил под гипнозом... — кончик рапиры чуть опустился: лишь для того, чтобы не загораживать ей лицо собеседника. — Ты ведь не можешь не понимать, что он творит зло.

— Понимаю, — просто ответил Тим. — Он и сам это понимает. Но я понимаю и то, что им движет. — В голосе прорезалась печаль, словно дублирующая разливающиеся в воздухе аккорды. — В нем больше добра, чем он думает сам, и я обязан ему слишком многим, чтобы его оставить. Не говоря уже о других причинах, куда более личных. — Мажор, вдруг проглянувший за минором, лишь подчеркнул боль и горечь, звучавшую в звуках до того. — Знаешь, как я стал его секретарем?

— Не особо интересовалась, — сказала Ева, машинально вслушиваясь в звучащее за дверьми. — И, признаться, не особо интересуюсь.

За исключением отдельных оборотов то, что она слышала, пока казалось скорее какофонией, нежели музыкой. Странные, неправильные гармонии аккомпанемента. Вдруг зазвучавшие пустышки параллельных квинт в среднем регистре. Напряженная

резкость тритонов и малых секунд в сменившем их наигрыше, запевшем в верхних октавах, партия голоса, вклинившаяся ниже как будто невпопад...

Конечно, рано было судить по урывкам отдельных тактов и голосов, не слыша целого — но Ева начинала подозревать, почему сочинения Кейлуса Тибеля не находили понимания у слушателей.

— Моя матушка служила горничной в доме королевского советника по финансам. Мне было пятнадцать, когда ее заподозрили в краже, которой она не совершала. Ее избили кнутом до полусмерти и вышвырнули вон, и имели на то полное право. Спасибо ныне действующим законам. — Голос Тима был таким спокойным, что Ева поняла: все переживания по этому поводу у него отболели давным-давно. — Я тогда еще не работал. Заканчивал школу. Сбережений у нас не было никаких — я ходил в платную частную школу, все деньги, которые могли бы у нас быть, ушли на оплату обучения. А матушка умирала, и чтобы достать деньги на ее лечение, я пошел воровать. Залезал в дома, «щипал» прохожих на улицах... неплохо поднаторел в этом деле, пока она шла на поправку. Ей говорил, что работаю по вечерам. Не врал, в принципе... В конце концов она выкарабкалась, но увечья, которые она получила в той экзекуции, были слишком серьезные, чтобы она могла жить без лекарств. Не говоря уже о том, чтобы работать. Не говоря уже о том, что после той истории ее не взяли бы ни в один приличный дом, а участи поломойки в каком-нибудь грязном притоне я ей не желал. Так что я продолжал свою «подработку», пока однажды не решил пощипать знатных господ перед оперой, а Кейлус не поймал меня за руку, когда я вытащил у него из кармана кошелек. — Он хмыкнул, словно находя в этом что-то чрезвычайно веселое. — Так и познакомились.

— Хочешь сказать, он дал работу карманному воришке? — уточнила Ева, лишь теперь понимая, почему милый мальчик-секретарь так бойко лазал по стенам замка Рейолей.

— Сперва, естественно, хотел сдать страже. Но я когда представил, что отправлюсь на каторгу, а матушка одна останется... В ногах у Кейла валялся, чуть ли не сапоги лизал, умоляя простить. И в итоге выложил, почему мне на каторгу никак нельзя. Он мне велел его к себе домой отвести... возжелал на мою «больную матушку» посмотреть. Не верил сперва, понятно. — В речи, до того неотличимой

от речи Герберта или самого Кейлуса, все больше проскальзывали простые интонации мальчишки из низших сословий. Видно, воспоминания о тех временах все же были слишком живыми. — Другой бы и слушать не стал, а он отправился в наши трущобы. Развлечения ради, наверное. Как убедился, что я не врал, попросил рассказать, как мы дошли до жизни такой. Потом расспросил, что я умею, и вместо поездки к страже предложил хорошего целителя для матушки и работу для меня.

— А в дополнение к работе, надо полагать, некоторые особые услуги, — брезгливо добавила Ева. — Никак не связанные с кражами.

В ответ на нее взглянули с такой сдержанной холодностью, что выражением лица Тима на миг напомнило ей Герберта.

— Он не брал ничего, на что я не соглашался бы сам, — в речь юноши мигом вернулось выверенное благородство. — Наверное, если бы потребовал силой, ради матушки я бы переступил через гордость. Но не уверен. — Глаза, смотревшие на нее снизу вверх, сделались суровыми. — Он спас меня. Как почти всех в этом доме. Взамен не требуя ничего, кроме преданности.

— Что значит «всех в этом доме»?

— Почти, — повторил Тим. — Юмилия... та горничная, что прислуживает тебе... ее родители умерли в рудниках. Владели отличной сетью лекарственных лавок, но слишком громко выражали недовольство методами Ее Величества. Юми отпустили, да только все имущество семьи конфисковали, а от дочери «неугодных» все шарахались, как от заразной. Потом Юми замолвила словечко за нашу экономку — та работала на ее родителей, бежала из дому, когда за ней пришли из Охраны... повар отсидел пару месяцев в подвалах Кмитсверской тюрьмы — служил одному генералу из аристократов, там и сгинувшему, а всех слуг арестовали вместе с хозяином... Еще с нами живет пара ренегатов из Охраны. Не выдержали прелестей своей работы, а уволиться оттуда по причине того, что не хочешь пытать людей — только ногами вперед. Теперь они охраняют Кейла... не на публике, естественно. Но спасибо им и за твой браслет, и за защиту нашего дома. — Юноша следил за ее лицом: внешне расслабленно, однако взгляд оставался цепким. — Почти за каждым — история, в результате которой он стал вне закона. Или пострадал от него. Но обрел защиту и дом здесь. Кто-то, как Юми, при других

обстоятельствах жил бы лучшей жизнью, чем жизнь горничной, не спору; а кто-то — много худшей. И это в любом случае лучше тюремных застенков или смерти на рудниках.

Благородный лизер Кейлус Тибель, защитник униженных и оскорбленных? Смешно.

— Ты лжешь. Просто хочешь, чтобы я прониклась твоим прекрасным господином. Чтобы играла на вашей стороне.

Тим улыбнулся с таким снисхождением, будто к нему вдруг подошла пятилетняя сестренка и на полном серьезе попросила выгнать чудовище из-под кровати. Хотя, возможно, в этом мире чудища под кроватью вовсе необязательно означали плод богатого детского воображения.

— Я понимаю, как тебе хочется верить, что он порождение зла. И все же, надеюсь, вскоре ты откроешь глаза достаточно широко, чтобы увидеть, что это не так.

— И зачем это ему? — скептицизмом в Евином голосе можно было бы крошить лед.

— Он говорит, это его хобби. Коллекционировать в своем доме тех, кто так или иначе пострадал от его сестрицы. Мол, ценит хороших слуг, и сентиментальность тут ни при чем, ибо все они ничего для него не значат... кроме меня. — То, как Тим качнул головой, ясно выразило его вежливое сомнение в данном постулате. И вовсе не на свой счет. — В одном он прав: из нас действительно вышли хорошие слуги. Мы все обязаны ему жизнью или большим, чем жизнь. Этим он купил нашу верность надежнее, чем ее могли бы купить любые деньги... или страх. — Он прислушался к тишине, воцарившейся в коридоре, отражавшей молчание инструмента в гостиной. — Похоже, закончил.

— Я тебе не ве...

— Помолчи пару минут, хорошо? В конце он обычно играет то, что получилось. — В словах снова прорезалась усталость, с которой взрослый может просить ребенка не пытаться изрисовать фломастером вот эти ценные бумаги с очень ценной работой. — Потом можем продолжить, но сейчас я хочу послушать... думаю, тебе это тоже должно быть интересно. Если, конечно, ты действительно музыкант.

Сдержав язвительность, Ева все же устремила взгляд на светящийся ключ, желчно выжидая, когда оттуда снова польется то, что Кейлус Тибель считал музыкой.

Вначале в хрупком, трогательном фа-диез миноре зазвучало вступление: кружево высоких триольных переборов, словно сплетенное светом, одиночеством и трепетной болью живого сердца. Их переливы — пронзительные, щемящие, поразительно гармонично звучащие диссонансы — спустились вниз обреченным вздохом, воспарили обратно к верхним регистрам робкой надеждой на счастье и, истаяв на вопросительной паузе, зазвучали вновь уже в басах.

Чтобы над ними — странным, рваным ритмом, живым и болезненным, как чье-то сбивчивое дыхание — сильно и нежно запел мелодию ромansa голос с влекущей хрипотцой.

Ты знаешь два пути — я знаю третий,
Путь, озаренный пламенем пожаров,
По волоску над бездной — в полусвете
Звезды во мгле и лезвия кинжала...

Ева застыла, не видя того, на что смотрит, не веря тому, что слышит. Забыв, где она, забыв, кто играет и поет за закрытыми дверьми.

Забывая саму себя.

Она не знала, насколько точен перевод, обеспеченный переводческой магией. Не знала, что в первую очередь благодарить за этот перевод, сохранявший красоту рифмы и ритма — магию или собственное сознание. Но то, что она слышала, завораживало; и все, что так странно слушалось разобранном на части, соединилось чарующе органичным целым. Резкость созвучий, непривычная прихотливость интонаций, причудливость гармонизации и модуляций — то, что прежде казалось неправильным, теперь слышалось единственно верным. В музыке, переплетенной с пением нерушимой ажурной вязью, далекое мешалось с близким, понятное — с непостижимым, зов — с предупреждением, насмешка — с мольбой, страсть — с печальной отстраненностью прощания; и этот голос, голос ангела за миг до падения...

Так мог бы петь Люцифер, в последний раз оглядывая рай перед изгнанием.

Мой путь отмечен выжженной травой,
Но я смеюсь — кому по нраву стоны?
Ты не найдешь меня среди героев.
И среди павших. И среди влюбленных.

Я странник Между. Эхо. Сон и пламя.
Танцор на грани вымысла и были.
Но я коснусь — горячими губами,
А не бесстрастным ветерком от крыльев.
Ты не успеешь удержать виденье,
И песню тени — не живым подслушать.
Я появлюсь, как призрак, на мгновенье,
И ускользну, забрав на память душу.

Мелодия от куплета к куплету набирала силу, обрастала шлейфом голосов, вбирала в себя новые регистры и тембры. Одинокое фортепиано звучало так, словно за дверьми пел под властью дирижера целый оркестр — в нем слышалась пронзительная лазурь безмятежности и яростное пламя, рушащее судьбы, черный металл отчаяния и чистое золото невинных мечтаний, звон осколков кровавого стекла, на которых кто-то с улыбкой танцует вальс, и залиvistый смех над собственной болью. Оно рассказывало о любви и потерях, о счастье, которого можно коснуться рукой, и вечности, ждущей тебя в конце пути; о непролитых слезах и словах, что не прозвучали, обо всем, что когда-то было тебе бесконечно желанно, и том утраченном, что так хотелось бы вернуть, но чему никогда не суждено сбыться. И в проигрыше Ева, не выдержав, дернула ручку, приоткрывая двери на щелочку: желая убедиться, что это морок, колдовство, попытка задурить ей голову, что в действительность поет волшебный ключ в замочной скважине...

Что угодно. Кто угодно.
Только не человек, которого ей нужно убить.
Лиловым ветром в волосы подую,
Погладит щеку шелк туманной пряди...
В стилетной вспышке стали — околдую.
В кровавом вихре танца — жар объятий.

Путь крови, и надежды, и обмана.
Ночные битвы. Ранние дороги.
Не ангелы — служители тумана,
И сумерек, и Вечности в итоге.

Музыка звучала из комнаты. В щелку виден был Кейлус Тибель, сидевший на широкой банкетке за расписным золоченым

инструментом. И руки, ласкавшие клавиши, порхавшие над ними — черными там, где у рояля были белые, белыми там, где у рояля были черные, — определенно принадлежали ему. Как и вдохновенное лицо с полуприкрытыми глазами, сосредоточенное и вместе с тем смягченное, без тени той улыбки-издевки, что трещиной по витражу искажала его красоту.

Как и губы, золотым бархатом лившие голос, хрипотца которого уступила место глубокой кристальной чистоте.

Однажды танец оборвется в бездну,
И некому поймать. И нечем клясться.
И мне не надо белизны помпезной —
Ее так просто сделать серо-грязной...
Ты не подаришь мне любви мгновенье,
А я не врежусь сталью в твое сердце.
Я знаю путь сквозь пламя и сквозь время,
Короткий — вечный — контрданс со смертью.*

Песня взлетела к финальной кульминации — и в трагедии, обрывающей голос, как неизбежно обрывается земной путь, свет восторжествовал над тьмой, красота над мраком, вечность над забвением. Прощаясь, ветром в крыльях одинокой птицы пели фортепианные пассажи, прощаясь, хрустальными цветами распускались в мелодии трели, прощаясь, победными колоколами разливались в аккомпанементе аккорды; и музыка окутывала собою все, билась в сердце вместо пульса, без остатка заполнила душу, забирая оттуда все до капли.

Забирая все, чтобы взамен оставить гораздо больше.

За миг до того, как стихли финальные ноты, Тим — лишь сейчас Ева осознала, что все это время юноша напряженно следил за ней — мягко, но непреклонно притворил двери.

Когда в коридоре воцарилась тишина, в которой лишь болела вывернутая музыкой душа да потихоньку исчезал ком в горле, оба долго молчали.

— Это... это правда написал он?

Вопрос прозвучал так хрипло, словно привычный голос Евы ушел в эфемерное заграние следом за голосом, певшим только что. И пока отказывался возвращаться.

— Естественно. И стихи тоже. — Быстрым гибким движением поднявшись с пола, Тим аккуратно, абсолютно неслышно вынул из замочной скважины светящийся ключ. Сунув его в карман, погрузив коридор во тьму, отступил от дверей: так, чтобы не помешать кому-то выйти из комнаты, но остаться преградой между входом и Евой. — Еще одна причина, по которой я всегда буду на его стороне.

Девушка посмотрела на свою опущенную руку, в пальцах по-прежнему сжимавшую Люче.

Потом — снова — на закрытые двери.

Она понимала, почему музыка Кейлуса Тибеля не пользовалась популярностью. Просто эту дерзкую, необычную, опередившую свое время красоту мог понять скорее тот, кто жил в двадцать первом веке. Тот, кто рос, когда уже родились и прославились Шостакович, Свиридов и Шнитке.

И лишь немногие из тех, кто обитал в местном аналоге века эдак девятнадцатого. В лучшем случае.

Кейлус вышел из гостиной парой секунд позже, озарив коридор полоской света из комнаты — и стынувшей в лице усталой счастливой опустошенностью того, кто только что отдал всего себя чему-то бесконечно любимому. При виде Евы тут же, в секунду, уступившей место ядовитой насмешливости, которую она уже привыкла наблюдать.

— Какая встреча, — изрек Кейлус. — А я как раз закончил...

В миг, когда взгляд темных глаза скользнул по Евиной руке к рапире, золотое лезвие метнулось мимо русых кудрей Тима: оказавшегося всего на полшага левее, чем было необходимо для живого щита. Остановилось, почти коснувшись острым кончиком горла замершего мужчины.

Со смесью ужаса и торжества Ева поняла, что остановилось оно по ее собственной воле.

— Вижу, беседе ты все же предпочла вариант, в котором разбиваешь мне голову, — без тени испуга констатировал Кейлус, когда волшебный клинок пощекотал ему кожу под подбородком. — Тим, в сторону.

— Кейл...

— В сторону. С этим я прекрасно разберусь сам.

Когда юноша, поколебавшись, отступил на пару шагов с яростью, приглушенно полыхающей в глазах — на периферии зрения Ева заметила две тени, возникшие в темной глубине коридора. Определенно человеческих очертаний. Те самые типы из Охраны?..

Что ж, весь вопрос в том, кто окажется быстрее. Она и Люче — или они.

Закрытие, просыпавшееся на Еву снопом фиолетовых искр, рапира разбила одним легким круговым движением. Впитав искры в лезвие, на миг полыхнувшее ярче, тут же вернулась обратно, к горлу потенциальной жертвы — девушка и глазом моргнуть не успел.

Надо же. Оружие гномов и такое умеет. Хотя, если у Миракла есть заговоренный и отражающий магию плащ...

— Вот, значит, каков твой обещанный Лоурэн клинок. — Кейлус Тибель знаком остановил своих людей, уже готовых устранить угрозу. — Спокойно. Она не опасна.

— Ошибаетесь, — процедила Ева, неотрывно глядя на него, глаза в глаза.

— Ты не убила Тима. Дважды. И только что не убила меня, когда тебе представилась прекрасная возможность. Значит, не сможешь убить вовсе.

— Да ну?

Когда мимолетная мысль, передавшаяся рапире, потянула руку за подавшимся вперед лезвием, по шее мужчины алой нитью скатилась кровавая капля — но тот даже улыбаться не перестал.

— Буффонада, кошечка. Я знаю, как работают волшебные мечи, и знаю, как работает твой браслет. Если б ты правда хотела нанести мне что-то посерьезнее этой царапины, одно из двух: либо я уже был бы мертв, либо — что скорее — ты бы уже стояла статуей.

Стоя с вытянутой рукой, устремив рапиру туда, где под тонкой белой кожей бился живой пульс, Ева до неоощуемой боли стиснула зубы.

Кейлус Тибель заслуживает смерти. Заслуживает. Он пытался убить Герберта. Он убил мальчишку из книжной лавки. Он похитил ее. А все, что она видела и слышала только что, наверняка было подстроено. Срежиссированно. Сыграно, как пьеса в театре.

И музыку, вывернувшую наизнанку ее душу, написал вовсе не он.

— Браслет зачаровывали не вы. Значит, с вашей смертью чары не разрушатся. Просто убив вас, я не слишком много выиграю.

...но даже если написал ее не он, только что он сыграл ее так, что ей хотелось плакать. И спел, как, должно быть, пел Призрак Оперы.

Как выяснилось, в конечном счете все представители королевской семьи были гениями. Каждый — в своем.

— Отпустите меня, — сказала Ева, уперев рапиру ему в кадык, едва заметный на гладкой шее. — Немедленно.

Не может тот, кто заслуживает смерти, нести в себе столько света и огня, сколько звучало в его голосе и в его игре.

— Не то что?

— Не то я убью вас. А потом, если смогу, всех присутствующих. Ваша смерть мне, может, даст и не слишком много, зато вы с ней очень многое потеряете.

— Не сможешь, — повторил мужчина. — По многим причинам.

— Хотите проверить?

— Изволь.

Пару бесконечно долгих секунд Ева смотрела, как плещется насмешка в его темных глазах.

Вот сейчас. Пожелать убить его — и Люче исполнит желаемое. Наверняка исполнит. Обезглавит врагов. Обезопасит Герберта. Сделает все гораздо проще. Даже если в конце концов они с Евой проиграют типам из Охраны, второй раз Еве все равно не умереть.

...и убьет не только врага, но и всю ту красоту, что рождалась под его пальцами и на его губах. Изрежет неизвестное полотно Да Винчи. Сожжет непридуманную пьесу Шекспира. Изорвет в клочки ненаписанную сонату Бетховена. Сделает то же, что сделала Айрес, уничтожив музыку в сердце Гертруды.

Если не хуже.

Всего один короткий укол...

В миг, когда Евины пальцы окутала зеленоватая дымка, за долю секунды до того, как девичью руку обвил невидимый хлыст, рывком оттягивая ладонь в сторону, выдергивая лезвие из раны, рапира скользнула вперед коротким косым движением. Вперед и вниз.

Куда ниже, чем было нужно. Или выше. Как посмотреть.

Когда Ева без сил повисла на незримой петле, магией захлестнувшей кисть, Кейлус Тибель недоуменно дотронулся до

своего пронзенного плеча: так, словно только что его коснулся неожиданный поцелуй. Отняв руку от рубашки, на которой по бордовому шелку расплзлось темное пятно, взглянул на пальцы, окрасившиеся алым.

Вновь посмотрел на Еву, задержавшись взглядом на злых слезах, скатившихся по ее щекам.

Не ударила. Не в шею. Не в сердце. Не убила. Не смогла.

Нелепо, неразумно, не...

— Ненавижу, — выпустив рапиру из безвольной руки, выплюнула девушка, прежде чем танцующие искры чужого заклятия погрузили ее во тьму. Не зная, кого ненавидит больше — его или себя.

Тим позволил себе шумно выдохнуть, лишь когда Кейлус подхватил падающую девушку — прежде, чем та успела рухнуть на пол. Скривившись, тут же передал пленницу на руки секретарю, чтобы схватиться за раненое плечо.

— Простите, господин. — Один из двух охранников виновато подступил ближе. — Мы пытались ее обезоружить...

— Ее пальцы должно было парализовать до атаки. Которую браслет в принципе не мог допустить, — добавил другой. — Не понимаю, почему и то, и другое дало осечку.

— Волшебный меч, чтоб его. Видно, защищает владелицу от любых возможностей его потерять. И делает возможным даже то, что в теории невозможно. — Кейлус опустил взгляд на свою ладонь, прижатую к ране. — К тому же девчонка мертва, и многие заклятия на ней просто не могут сработать так, как должно.

— Наша ошибка.

— Нет. Моя. Я ее недооценил... или, если подумать, оценил совершенно верно. — Мужчина поморщился. — Тим, в спальню ее.

— Рану подлечим, — сказал охранник, когда его товарищ склонился над лежащей на полу рапирой, а Тим безмолвно удалился, — а с клинком что делать? Магические оружие не дастся в руки посторонним.

— Оставьте, где лежит. Лиоретта со своей игрушкой сама разберется, как очнется.

Оба охранника — тот, что разглядывал невинно золотившееся лезвие, на котором не было ни следа крови, и тот, что стоял рядом —

изумленно воззрились на хозяина дома, глядевшего вслед своему секретарю.

— Вы что, позволите девчонке снова взять ее в руки? — вымолвил один. — После такого?

— Девчонка только что доказала, что не опасна. Не смертельно. И, надеюсь, сама это уяснила. — Кейлус обратил на рапиру взгляд, сделавшийся еще более задумчивым. Прежде чем отвернуться, хмыкнул в такт каким-то своим мыслям. — В конце концов, ей еще предстоит этой шпилькой воплощать пророчество... каким бы образом оно в итоге ни воплотилось.

(*прим.: стихи Марка Шейдона)

Глава 10. Mosso

(*прим.: Mosso — одушевленное, живое исполнение)

Ровно в три Герберт и Миракл стояли на перекрестке, предварявшем въезд в окружавший столицу лес.

По иронии судьбы место дуэли располагалось не столь далеко от загородного имения Тибелей, унаследованного Кейлусом. По традиции секундантом был назначен человек, хорошо знавший и хорошо относившийся к обоим; таковым стал Кроу Соммит, теперь с несчастным видом державший в руках две затрапезные шпаги без всяких признаков магии. Еще парочка свидетелей — из числа главных придворных сплетников — стояла поодаль, жадно внимая бесплатному представлению.

— Не желаете примириться? — безнадежно осведомился Кроу, по щиколотку утопая в снегу, подметая плащом белый наст на придорожных сугробах.

— Нет, — хором ответили оба Тибеля, застыв друг против друга с крайне убедительной холодной злобой на лицах.

Кроу с несчастным видом сдул со смуглого лица смоляные волосы, отпущенные до подбородка. Посмотрел на стену леса перед ними так, точно надеялся, что оттуда вот-вот выйдет кто-то, кто прервет это безобразие.

Его, имевшего к заговору в пользу Миракла самое прямое отношение, братья посвятили в фиктивность дуэли — что не отменяло того, что капитану будущего короля по арене все это совершенно не нравилось. Но, в конце концов, это лишь помогало Кроу убедительно отыграть свою роль.

— Поскольку выбор оружия всегда за вызываемой стороной, — молвил он, так и не дождавшись появления кого-нибудь, кто завершит дуэль до ее начала, — схватка пройдет на мечах. — Кроу покосился на некроманта. — Уэрт, ты уверен, что хочешь драться с чемпионом арены? Если я помню, ты не слишком... м... твои силы немножко в другом.

— Отец учил меня владеть не только Даром, — отчеканил тот. — И брат некогда тоже.

— В чем теперь невероятно раскаивается, — бросил Миракл презрительно.

— Мелочен даже в этом.

Прервав перебранку раздачей оружия, взамен приняв от братьев сброшенные плащи, Кроу отступил, встав подле свидетелей.

— Разойдитесь на позиции. Начинаем на счет «три», — сухо отчеканил он, вскидывая ладонь на уровень глаз, пока братья отступали друг от друга ровно на пять шагов. — Раз, два...

Когда рука в черной перчатке опустилась, дуэлянты сошлись вновь, и лезвия шпаг серебром вспороли морозный воздух.

Первые удары брата Герберт и правда отразил весьма умело. Несмотря на то, что в атаке тот ему не подыгрывал. И успел отразить только их — прежде, чем из снежного вихря соткалась фигура, появление которой пришлось одновременно кстати и некстати.

При виде новоприбывшей Кроу поспешил склониться в низком поклоне. Впрочем, не настолько низким, насколько вышли раболепные поклоны других свидетелей, чьи лица вытянул суеверный ужас.

— Ваше Величество...

Пройдя мимо них, точно не заметив, Айрес — в мехом подбитом плаще, чернотой окутывавшем ее с головы до пят — направилась прямоком к дуэлянтам, так и замершим со скрещенными клинками.

— Помимо того, что дуэли запрещены законом, я не желаю, чтобы один представитель моей семьи проливал кровь другого. — Глаза королевы сияли холодными отблесками отраженного снега. — Мне нет дела, что послужило причиной вашего раздора, но вы разрешите каким угодно другим способом, кроме этого. Уэрт, ко мне.

Поколебавшись, некромант все же опустил шпагу. С равнодушно-надменным, без тени пристыженности лицом прошел мимо брата к Кроу, чтобы отдать оружие и забрать свой плащ.

Следом — к Айрес, следившей за племянником с цепкостью тюремного надсмотрщика.

— Эта дуэль не состоялась. Этой дуэли никогда не было. Лишь по этой причине все присутствующие уйдут отсюда безнаказанными. — Пальцами без перчаток ухватив Герберта чуть выше локтя, другой рукой королева крепко обняла его за талию. — Надеюсь, присутствующие учтут это, прежде чем обмолвиться где-либо хоть словом о том, что здесь произошло.

Под взглядом исподлобья от Кроу, напряженным — Миракла, и опасливым — остальных присутствующих королева и ее наследник исчезли в миниатюрной выюге, рожденной взметнувшимся с земли снегом. Вместо шести фигур оставляя на заснеженном перекрестке лишь четыре.

В следующий миг оба уже материализовались в черно-багровом кабинете королевского дворца, где на полу подпалиной был выжжен семиугольник, оставшийся от экзерсисов, которыми они предваряли грядущий вызов Жнеца.

— Я разобрался бы с ним, — сказал Герберт, когда Айрес, крепко державшая его на время переноса, отстранилась.

— Письма, которые ты обещал отдать мне, — словно не услышав, молвила королева бесстрастно. — Они у тебя с собой?

Запустив руку под плащ, Герберт с готовностью достал из внутреннего кармана пачку сложенных вдвое бумажных листков, перевязанных зеленой лентой:

— Собирался занести тебе после...

— Отлично. В таком случае ты остаешься здесь.

Когда Айрес взяла письма у него из рук, Герберт поднял на нее взгляд, чуть окрасившийся непониманием.

— Внеочередной урок?

— Нет. Поживешь под моим кровом некоторое время. — Королева улыбнулась, словно извиняясь, но в глазах ее извинения не было. — В последние дни ты творил слишком много необдуманных поступков. Пока не протрезвеешь от своей любовной горячки, я вынуждена переселить тебя в место, где смогу лучше за тобой приглядывать.

— Это невозможно.

— Это возможно, Уэрт, и это не обсуждается. Или у тебя есть некие причины, по которым ты не можешь покинуть дом? Подозрительные дела, тайные встречи, которые неудобно проводить, находясь под моим присмотром?

Под пристальным взглядом сузившихся темных очей, способным напугать почти любого обитателя Керфи, Герберт не вздрогнул. И не опустил глаз. И голос его, когда он ответил — после крошечной, почти незаметной задержки — остался совершенно спокоен.

— Никаких дел. Но тебе прекрасно известно, как я ценю одиночество.

— Оно плохо на тебя влияет. — В том, как Айрес склонила голову, читалась непреклонность. — Прости, но я вынуждена это сделать. Чтобы ты не вздумал сбегать куда-то тайком. — Рука королевы сильнее прижала к груди письма, полные лжи. — Силой клятвы твоей повелеваю тебе оставаться во дворце, пока я не разрешу тебе его покинуть.

Герберт стоял, не шелохнувшись. Глядя на нее странно оцепенелым взглядом.

Неотрывно всматриваясь в ее губы, только что воззвавшие к силам его вассальной клятвы.

— Я сниму ограничение, когда сочту нужным, — добавила Айрес после того, как никакой реакции так и не последовало. — Надеюсь, это поможет тебе больше не вступать в неприятности.

— Это было совершенно необязательно, — наконец шевельнувшись, заметил некромант с завидным отсутствием эмоций.

— Прости, но это мне решать. — Когда Айрес коснулась его плеча, это выглядело почти утешающе. — В пределах дворца можешь заниматься чем угодно. Располагайся.

Когда она вышла, оставив племянника одного, Герберт подошел к окну. Медленно, какими-то судорожными толчками выдохнул: опершись руками на подоконник, глядя на заснеженную столицу, на окраине которой томилась в плену та, кого ему отчаянно нужно было освободить.

Даже учитывая, что подобный поворот событий отнюдь не сделал его настолько беспомощным, насколько полагала его заботливая тетя — только что все стало самую капельку сложнее.

Когда Ева вернулась из черноты колдовского сна, то увидела лицо Кейлуса, заботливо склонившегося над ней.

— С пробуждением, — изрек он, выпрямляясь. — Надеюсь, сон помог тебе навести порядок в мыслях. В чувствах, желательно, тоже.

Лежа в постели (хорошо хоть поверх одеяла и одетой), Ева оглядела любезно предоставленную ей спальню. Не обнаружив Люче в зоне видимости, уставилась на Кейлуса.

— Твоя игрушка лежит там же, где ты ее бросила, — без труда разгадав ее мысли, сказал мужчина. — Волшебные мечи не любят чужих рук.

— И вы не попытаетесь ее отобрать?

— Я знаю, что это невозможно. К тому же ты уже наглядно продемонстрировала, что убить тебе не под силу. Видно, рассчитывать на смерть Айрес от твоих рук не приходится, но если она останется жить, это будет, пожалуй, даже остроумнее. — Кейлус довольно-таки равнодушно отвернулся. — Теперь позволь откланяться, мне нужно работать.

Сев, Ева проследила, как он выходит из комнаты. Постепенно, одно за другим, словно нанизывая бусины на нитку, вспомнила события, предвзвешивавшие ее пробуждение. Кровь на рубашке Кейлуса. Его секретаря, сидящего в коридоре. Двоих из Охраны, волшебный ключ в двери гостиной, музыку...

Музыку...

Она колебалась всего секунду. И успела нагнать Кейлуса еще прежде, чем тот дошел до лестницы.

— Зачем это вам? — когда тот обернулся на ее шаги, спросила Ева почти мучительно.

— Что именно?

— «Я хочу падения Айрес». Так вы сказали. Зачем? Зачем вы желаете зла своей сестре? Что она сделала вам? Зачем вам нужен трон? Зачем вам смерть Уэрта?

Кейлус на лихорадочную россыпь вопросов лишь усмехнулся как-то лениво.

— К чему расспросы? — спросил он в ответ, отворачиваясь, чтобы шагнуть на первую ступеньку лестницы, плавно изгибающейся вниз.

Хотела бы и я знать, подумала Ева, спускаясь следом, слушая дробное эхо их шагов. Хотя нет. Я знаю.

Только знаю и то, что все может оказаться куда проще и страшнее, чем мне бы хотелось.

— В моем мире говорят, что гений и злодейство — вещи несовместные. Я не верю, что тот, кем я вас считаю, способен создавать то, что создаете вы.

Ей не хотелось верить, что такой дар дан тому, кто его не достоин. Что красоту, полную света, творит тот, чья уродливая душа таит в себе одну лишь темноту. Если на одну безумную секунду предположить, что все, что сказал ей Тиммир Лейд, правда...

...что все, сделанное Кейлусом Тибелей для других, не просто развлечение скучающего аристократа...

Когда мужчина оглянулся через плечо, одарив ее улыбкой кривой и острой, словно прорезь от бритвы — Еве показалось, что улыбка эта хохочет над надеждой, невольно пробившейся в ее голосе.

— Бедный ребенок. Сколько тебе предстоит еще болезненных открытий... если, конечно, ты просуществуешь достаточно долго, чтобы их совершить. — Кейлус вновь отвернулся, не замедлив шага — лишь положил ладонь на перила, скользя по мрамору точеными пальцами в снежных кружевах манжета. — Позволь угадать: ты у нас веришь, что благие дела обязательно вознаграждаются, а злые люди рано или поздно будут покараны? Смотришь в сточную канаву и видишь там отраженные облака? Любишь мир, считаешь его прекрасным и удивительным?

— Жестоким тоже, — тихо сказала Ева, пока усталый яд его голоса разъедал душу. Заставляя как никогда отчетливо сознавать, насколько старше тот, за кем она следует — и что все смешные детские речи, которые она обращала к Герберту, бессильным прибоем разобьются о стены его цинизма. — Но в нем много прекрасного. И удивительного, пусть это удивление не всегда приятное.

Он лишь рассмеялся негромко. И, к счастью, не слишком зло. Скорее печально.

Так смеются над воспоминаниями о собственных заблуждениях, которые мир давным-давно помог тебе развенчать.

— Людям свойственно идеализировать тех, чьи творения им нравятся, — изрек он, толкая двери на этаж, за которыми вчера Ева увидела его секретаря. — Но правда в том, что мы зачастую недостойны того, что у нас рождается. Как родители бывают недостойны своих детей, так и художники могут быть недостойны своих детищ. И разве это делает наших детей хуже? — пройдя несколько шагов, мужчина услужливо отступил к стене, насмешливо-театральным жестом предлагая Еве подойти к рапире, огнем мерцавшей на ковровой дорожке под миниатюрным прозрачным куполом. Видимо, чтобы не растолковывать всем слугам, что попытка убрать нежданную помеху нормальному проходу выйдет себе дороже. — Наши дети не могут и не должны быть в ответе за наши проступки. А я... Жаль тебя разочаровывать, но я не герой под маской

негодяя. Не благородный мститель, пошедший по темной дорожке во имя торжества света. Я просто человек, со своими страстями, прихотями и пороками. Довольно многочисленными, должен признать. И непогрешимым быть не хотел и не хочу. — Движением пальцев убрав волшебный барьер, Кейлус следил, как девушка поднимает с пола искрящийся магией клинок. — Принятие собственной грешности обеспечивает определенную степень пьянящей свободы.

Сжав пальцами рукоять, Ева бегло посмотрела туда, где в конце коридора за окном белел блеклый зимний день. Еще светло... Значит, время до возвращения в ножны у Люче есть.

Если разговор с Кейлусом Тибелем продолжится в том же русле, возможно, с ее помощью Ева еще сможет неприятно его удивить.

— Я в это не верю, — сказала девушка с безнадежным упрямством.

— Можешь верить, во что тебе угодно. Это, в сущности, не мое дело. — Слова прозвучали не резко, скорее безучастно. Почти одновременно с тем, как Кейлус распахнул двери в гостиную, дневной свет в которой тускло играл на золотой отделке. — Иногда лучше не знать, что за личность кроется за творениями, запавшими тебе в душу. То, что мы слышим, что видим, что читаем — это главное. Не грехи, не мелочные трагедии, не ошибки и прочая нелицеприятная изнанка жизни, которые за этим стояли. Но отделить одно от другого, когда тебе известно и то и то, до неправильного сложно. — Войдя в комнату, он застыл в двух шагах от порога. — Так ты подслушивала.

— Спасибо вашему секретарю.

— И тебе понравилось.

Ёрничать или кривить душой после всего сказанного Еве показалось глупым.

— Да. Очень.

— Ты поэтому вчера меня не убила? — Кейлус по-прежнему не смотрел на нее; лишь рука его поднялась, накрыв место, вчера пронзенное огненным лезвием. — А ведь могла. Я оценил.

— Ваша сестра убила одну мою знакомую. Которая казалась мне воплощением красоты, — откликнулась Ева обреченно. — Я не хочу стать такой, как она.

На этом месте мужчина все-таки взглянул на нее. С пристальностью, которой, пожалуй, Ева не видела в его взгляде

раньше.

— Все хотел спросить, на чем ты играешь, — заметил он внезапно.

Ева в ответ хотела спросить, откуда достопочтенному лиэру вообще известно, что она на чем-то играет. Затем вспомнила, что вряд ли музыкальный гипноз творят те, кто не имеет отношения к музыке, и сдержала неуместные слова на губах.

— Виолончель, — поколебавшись, сухо отрапортовала она. — Это...

— Сиэлла. Так и думал. — Стоя вполборота, Кейлус махнул рукой в сторону местного аналога рояля, ждавшего владельца, мерцающая позолотой отделки на черном дереве. Ева со странной смесью удовлетворения и вины заметила, что раненой рукой мужчина двигает немного скованно. — А как дела с клаустуром?

Подозревая, к чему идет дело, она решительно (и честно) мотнула головой:

— Не слишком.

— Жаль. Впрочем, в крайнем случае я потерплю. — Приблизившись к инструменту, Кейлус откинул черную с золотом крышку, явив взору клавиши. — Сыграй что-нибудь.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ОТ 10.01:

— Зачем? — резонно спросила ожидавшая этого Ева.

— Ты так много поняла о моей натуре, всего лишь послушав, как и что я играю. Не считаешь, что мне интересно было бы сделать ответные выводы?

— Так я все-таки поняла что-то о вашей натуре?

— Это была ирония. А, может, и сарказм. И это не отменяет, что мне было бы крайне интересно послушать, как ты играешь, а за неимением в моем доме твоего родного инструмента сойдет и клаустур. — Темные глаза, искоса изучавшие ее лицо, насмешливо блеснули. — Или твои взаимоотношения с клавишами настолько плохи?

— На это меня не купить. Уж простите.

— Ах, просчет. Обидно, — без особого расстройства развел руками Кейлус. — Ладно, тогда, может, просто в знак доброй воли? Сама понимаешь, мне не так часто выпадает возможность послушать

иномирян. Пусть это будет нашим маленьким шагом к взаимопониманию.

— Судя по направлению наших бесед до этого момента — сомневаюсь, что мы можем его достичь.

— Слова лгут. И разделяют, пожалуй, успешнее, чем сближают. Музыка всегда честна. В ней посредством звуков сердце говорит с сердцем.

Он говорил очень серьезно. С очень искренним видом. Но Еву почему-то не оставляло ощущение, что над ней потешаются.

С другой стороны...

Помедлив, Ева подошла к широкой банкетке, на которой при желании уселись бы двое. Отложив Люче на расписную крышку, закрывавшую деку, под наблюдением Кейлуса опустилась на черное бархатное сидение, чувствуя себя, словно на зачете по общему фортепиано.

Она не рассчитывала получить от игры какое-либо удовольствие. Более того, сомневалась, что его получит сам Кейлус. Но ей было интересно, какие выводы он сделает. Ведь выводы эти — если, конечно, он соизволит их озвучить — скажут о нем не меньше, чем о ней.

— Прошу, — облокотившись на инструмент сбоку, так, чтоб видеть одновременно ее лицо и руки, сказал импровизированный экзаменатор. — Что угодно.

Ева уставилась на клавиатуру, пугавшую непривычной инверсией черноты и белизны. Эх, Динку бы сюда... Она бы сыграла ему и Шостаковича, и того же Рахманинова. Почему-то Еве казалось, что Кейлус Тибель оценил бы его не меньше, чем его племянник. Переслушивая записи сестры, она как-то даже пыталась открыть Динкины старые ноты... например, до-диез минорной прелюдии, торжествующе мрачной и мощной. Соль-диез минорной, печальной, трепетной и порывистой. Этюдов-картин: ми-бемоль минорной, в которой Еве слышалась величественная губительная песнь черного моря в шторм, ля-минорной, где белые чайки плакали над серыми океанскими водами, и даже «Красной Шапочки». Еве почему-то всегда казалось, что в Рахманиновском варианте истории Шапочка в конце концов перехватывает инициативу охоты и теснит злого волка.

Жаль, что Еве не удалось взять с нее пример. И жаль, что фортепианные сочинения Рахманинова Еве был решительно не по рукам, а Дерозе ждал хозяйку слишком далеко отсюда.

Впрочем, если вспомнить, какие прелюдии — композитора, которого она открыла для себя с этюда, окрещенного «виолончельным» — были ей вполне по рукам...

По привычке отерев не потеющие ладони о платье, Ева поставила мысок туфли на педаль. Вскинула руки, надеясь, что память не подведет. Недрогнувшими пальцами погладила теплые костяные пластинки, отозвавшиеся первым робким «си» — и к мелодии, одиноко запевшей под ее правой рукой, почти сразу присоединились аккорды аккомпанемента в левой.

Ровные восьмые повторяющихся созвучий отсчитывали медленное тиканье безжалостного времени. Мелодический голос постепенно спускался книзу всхлипывающими интонациями падающих секунд, надрывными и скорбными, словно ноющая боль, поселившаяся в сердце после потери кого-то очень любимого. В какой-то миг в отчаянном отрицании неизбежного голос взлетел вверх, чтобы повторить все сначала, словно замыкая проклятый круг — и, смирившись с неизбежным, мелодия замерла. Одновременно с тем, как на чуждом тревожном аккорде остановились исправно тикавшие часы-восьмушки, словно обрывая биение жизни.

Финальные ноты прозвучали после зловещего молчания короткой паузы. То были три медленных, глухих, торжественных аккорда, растворяющихся в вечности, певших последнее «аминь» над свежей могилой; и когда они стихли, а Ева, вопреки ожиданиям даже сейчас забывшись в музыке, опустила руки, Кейлус не проронил ни слова.

Не сразу.

— Шопен? — спросил он, когда Ева, не решавшаяся поднять взгляд на его лицо, уже начала мысленно анализировать все свои промахи.

От этого она вскинула глаза почти невольно.

— Откуда вы...

— Я год проучился в консерватории Лигитрина. Помимо того, что тамошнюю Академию Музыкальных Чар основал один из ваших, туда обычно стекаются все иномирные музыканты. Некоторым из них даже повезло свалиться в прореху с нотами. И часто они выписывали на

бумаге свой репертуар, те знания, что принесли в головах... для собственного удобства и просвещения аборигенов. — Кейлус слегка улыбался ее изумлению. — С этой вещью я знаком не был, но угадать стиль нетрудно.

На сей раз его улыбка не была ни насмешливой, ни едкой.

— Да. Шопен, прелюдия ми-минор.

— И почему ты выбрала ее?

— Не знаю. Фортепианный репертуар у меня вообще довольно ограничен. — Отведя взгляд, сцепив руки на коленях в замок, Ева уставилась на рукописные ноты, лежавшие рядом с Люче на крышке, по которой цветами вились золотые узоры. — Но она... чем-то напоминает о вас, мне кажется.

Он не ответил. И когда Ева искоса посмотрела на него, уже не улыбался. Лишь отстраненно и задумчиво уставился куда-то на клавиатуру.

Точно всерьез обдумывал что-то.

— Это очень печально, — рискнула она высказать мысли, при взгляде на ноты контрапунктом сплетшиеся в голове с облегчением, что ее довольно корявенькое исполнение как минимум не вызвало нареканий. Впрочем, настоящий мастер и должен прощать несовершенства начинающих. — Что вашу музыку не понимают.

— А, так ты и об этом знаешь? — отстранившись от лакированной крышки, мужчина отвернулся. — Одно время я пытался писать понятно. То, подо что до сих пор радостно танцуют придворные идиоты. То, что их дочери до сих пор пищат дурными голосами на званых вечерах. И понял, что между популярностью и самоуважением я выбираю второе. Даже тысяча похвал от глупцов не залечит язвы, которые открываются в душе от осознания, на что ты размениваешь себя и свой талант. — Подойдя к окну, он сплел за спиной опущенные пальцы, глядя в сгущающуюся темноту. — Никогда не продавайся, девочка. Что бы ни стояло на кону. В итоге всегда заплатишь большим, чем приобретешь... только понять это сразу вряд ли сможешь.

Есть контакт, подумала Ева, глядя на черный бант в его волосах. И ведь после вчерашнего он все равно не боится подставлять ей спину... Впрочем, сейчас она точно не смогла бы его ударить. Не когда в его голосе за ядом вновь пробилась усталая горькая искренность.

Возможно, сам Кейлус прекрасно это осознавал.

Треклятые манипуляции, треклятая сердобольность, треклятая должность личного эмоционального кочегара треклятой королевской семейки...

— Может, все-таки скажете, зачем вам на самом деле трон?

Обернувшись через плечо, мужчина одарил ее кривой усмешкой:

— Затем, что я кровожадный властолюбивый ублюдок. Такой ответ тебя устроит?

— То, что вы мне сейчас сказали, не слова властолюбивого ублюдка.

Кейлус стоически вздохнул.

— Послушай, кошечка. Я легко мог бы напеть тебе самую красивую песенку из тех, что сумел бы сочинить, но ты не кажешься мне достаточно глупой, чтобы ей поверить. Так что остается тебе лишь принять неприглядную истину.

Еве вспомнилась одна красивая песенка, уже напетая им вчера. «Но я смеюсь — кому по нраву стоны»... Было все подстроено или нет? Пел это Кейлус Тибель или лирический герой, имевший с ним весьма мало общего? И то, что он говорит сейчас — отсутствие всякого интереса к тому, чтобы вызвать ее расположение, нежелание оправдываться и плакать, или тонкая игра, на самом деле призванная завоевать это самое расположение?..

Впрочем, пообщавшись с Гербертом и Мирком, Ева уже могла понять кое-что о породе их семейки.

— Или могу предположить, что вы обманываете сами себя, — вновь рискнула она. — Улыбаетесь, потому что не хотите, чтобы кто-то видел, что вам больно. Пытаетесь казаться страшнее, чем вы есть, потому что быть обиженным, страдающим и сентиментальным куда унижительнее, чем бесчувственным, корыстным и злым. Страдания делают вас слабым, а слабость, по-вашему, унижает, и вы...

— Мы не в тех отношениях, чтобы ты читала мне нотации или проповеди. — Резкость, с которой он отвернулся, лишь подчеркнула еще большую резкость в голосе. — Буду благодарен, если теперь ты все же позволишь мне поработать. Если нечем будет заняться, библиотека через три двери справа отсюда.

Хмыкнув про себя, Ева выскользнула из-за инструмента, забирая с собой мирно мерцающую Люче.

Что ж, отсутствие ответа порой могло сказать больше, чем сам ответ. Если, конечно, это снова не было искусно просчитанной игрой. Но об этом уже стоило делать выводы, опираясь на дальнейшие наблюдения.

Оставалось еще одно, что Еве хотелось прояснить.

— Почему вы презираете магию? — замерев на полпути к дверям, спросила она, пока Кейлус занимал освобожденное ею место.

Подняв пюпитр, раскладывая на нем недописанные ноты, тот слегка пожал плечами.

— Думаю, потому что в юности учился ей пять лет вместо того, чему мне хотелось учиться на самом деле.

Простой ответ, какой мог бы дать знакомый в обычной приятельской беседе, весьма ее приободрил.

— Но разве для мага не естественно хотеть учиться магии? Использовать то, что ему подарено свыше?

— Я не считаю, что обязан пользоваться чем-то при каждом удобном случае лишь потому, что могу, — открывая чернильницу, заметил Кейлус: слегка скабрёзно, будто считывая в собственных словах не совсем приличную аналогию. — Не всем нашим способностям и возможностям можно дать ход. Не всем нужно. Не говоря уже о том, что у всего есть своя цена. — Он макнул черное перо, лежавшее тут же, на пюпитре, в стеклянный флакон с медной крышечкой. — Маги живут дольше обычных людей. Маги сильнее обычных людей. И в довесок к Дару магам нередко достается самомнение, возносящее их выше обычных людей, что я считаю великим заблуждением, ибо вся человеческая гниль свойственна им ничуть не меньше. Кроме того, магия — тот же наркотик. Полагаясь на нее, впад в зависимость от нее, в ее отсутствие ты ощутишь себя ничтожеством, и лишь единицы могут похвастаться такой силой, как Уэрти. Рано или поздно многие... особенно обладая определенным складом характера... понимают, что их резерва не хватает на их нужды, и задумываются, что хотели бы стать могущественнее. А могущество сверх того, что тебе дано, всегда покупается чужой кровью.

— Но вы, к примеру, купили чужой кровью сведения обо мне. Чем это лучше?

— Ничем, — легко согласился он, левой рукой наигрывая обрывок новой мелодии, а правой выписывая первые ноты на оборванных строчках. — Я уже говорил, что я кровожадный ублюдок. — Удовлетворенно кивнув тому, что получается, он несколько досадливо повернул голову, явно желая поскорее завершить разговор. — Коротко говоря, лишь для тех, кто не одарен с рождения, жажда овладеть магическими премудростями кажется сама собой разумеющейся.

— Некоторые, родившиеся без этой одаренности, тоже не слишком жаждут, — пробормотала Ева. Лишь сейчас осознав, что сама не особо привязана к нежданно свалившейся на нее магии.

Когда Дерозе лежал разбитый, у нее будто отняли бесконечно важную часть ее самой. Сейчас, когда у нее отобрали магию, она не ощущала себя беспомощной. И отбери у нее навсегда что волшебный смычок, что Люче, едва ли она сильно расстроится по этому поводу. Ева так и не могла воспринимать магию органичной частичкой себя — скорее каким-то мощным посторонним девайсом, подаренным без ее желания, который обстоятельства вынуждали ее изучать и использовать. Но вне этих обстоятельств она едва ли захотела бы даже читать инструкции по применению.

Пару секунд Кейлус, не моргая, глядел на нее бархатными глазами. Кивнул, словно сделав некие выводы — и, отвернувшись, резко провел по строчке тактовую черту.

— Иди. Хватит разговоров на сегодня.

Не прекословя, Ева наконец вышла, аккуратно прикрыв за собой дверь. Побежала наверх, возвращать Люче в ножны: жалея и не жалея о том, что зря потратила эту попытку.

Почти со стыдом вспоминая, как вчера хотела решить свои проблемы самым простым и ужасных из возможных способов.

Любое столкновение двух разумных людей можно решить переговорами. Ладно, почти любое. И, конечно, добро должно быть с кулаками, но все же убийство — не метод тех, кто играет на стороне добра и справедливости. До сих пор им с Гербертом удавалось решать проблемы без кровопролития (ну, исключая ту, где очень хотели пролить кровь им). Решат и эту.

В конце концов, Ева уже заключила мирный договор с огнедышащей драконицей, приручила одного представителя

королевской семейки и установила вполне нормальные отношения с другим. Значит, сможет поладить и с третьим.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ОТ 07.02:

— Вот и остались мы одни, малыш, — глядя на драконье яйцо, скорбно заметил Эльен, подкидывая дрова в очаг, мерцавший углями в маленькой сокровищнице замка Рейолей.

Сегодня некромант отдал ему короткий дистанционный приказ — «заботься о яйце, пока меня нет». Из чего призрак сделал вывод, что по неким причинам сегодня к ужину его господина ждать не стоит.

Учитывая, с какой целью Гербеуэрт покинул дом днем, его дворецкий очень надеялся, что эти причины не настолько фатальны, чтобы ему пришлось беспокоиться всерьез.

— Совсем как в былые времена, пока лиоретта не явилась, — еще более скорбно добавил дворецкий, расправившись с последним поленом. — Господин, конечно, тогда дом почти не покидал, но за день от него, бывало, и слова не услышишь. Впору было гадать, кто из нас двоих призрак...

В дверь постучали. Когда Эльен открыл, внутрь скользнул Мелок — но, как бы уникален ни был кот главы дома Рейолей, стучать он пока не научился.

— Не советую проходить, — поспешно произнес призрак, прежде чем стоявший за дверью Миракл попытался перешагнуть через порог. — Приветствую, лиэр. Прошу прощения, что не встретил, был занят здесь.

— Ворота открылись передо мной, — заметил юноша без намека на упрек.

— Насколько я знаю, господин включил исключение для вас в охранные чары замка.

— Но не в охранные чары сокровищницы? — не дожидаясь ответа на очевидное, Миракл посмотрел на яйцо, золотившееся в отблесках пламени за спиной призрака. — В кабинете Уэрта не было, подумал, вдруг он здесь. Он с самого утра не выходит на связь.

— Господин Уэрт сегодня не вернулся домой. Я думал, вам лучше меня известно, что с ним.

Призрак и чемпион арены уставились друг на друга, пока Мелок требовательно терся о слегка прозрачные ноги дворецкого в лаковых

туфлях.

— Так Уэрт не вернулся, — обреченно вымолвил Миракл.

— Значит, не вы тому причиной?

— Естественно, нет. Дуэль не состоялась. Ее прервала Айрес. Она же и забрала Уэрта.

— О, боги. — Эльен судорожно выдохнул. — Мне было бы спокойнее, если б сейчас он истекал кровью от вашего клинка.

Миракл собирался ответить, но его прервал звук. Раздавшийся из недр сокровищницы, заставивший обоих уставиться уже не друг на друга, а на яйцо.

По янтарной поверхности которого расплзалась паутина трещин — под аккомпанемент приглушенного стука, с каким кто-то, спавший внутри, настойчиво и упорно пробивал себе путь наружу.

— Лучше бы господину Уэрту вернуться поскорее, — под аккомпанемент ритма, с которым проклевывался в мир вылупляющийся дракончик, только и смог выговорить Эльен.

Глава 11. Duetto

(*прим.: Дуэт, от итальянского Duetto, «двойка». 1) Музыкальное сочинение для двух инструментов или двух голосов с инструментальным сопровождением; 2) ансамбль из двух исполнителей)

— Значит, ты передумала убивать милого дядюшку, — сказал Мэт, пока на следующий день Ева сидела в своей спальне, медитируя на дверь.

— Я пацифист по натуре. Предпочту договориться, — размышляя, уместно ли сейчас сделать вылазку для новой беседы с Кейлусом, рассеянно откликнулась девушка.

— Только вот времени на переговоры у тебя не слишком много. Ванна, помнишь? Ты должна была принять ее сегодня.

Она промолчала. Лишь провела ладонью по ножнам Люче, которую зачем-то взяла на колени, словно кошку.

Ева вернула рапиру в ее законноеместилище вчера. Судя по всему, вовремя. Тем самым отрезав себе последнюю возможность выйти из ситуации нецивилизованным путем: тот единственный раз, который отныне она могла обнажить клинок, тратить на Кейлуса было бы исключительно глупо.

Она очень надеялась, что это был правильный выбор. Не только с моральной точки зрения.

— Не говоря уже о том, что блокатор магии может в конце концов оказать на тебя... не самое положительное влияние. — Демон сидел за ее спиной, но Ева отлично представляла его пакостную улыбочку. — В конце концов, ты существуешь исключительно за счет этой самой магии.

— Не дави на меня, клякса. Я знаю, как работает блокатор.

Узнала это Ева, собственно, вчера. Когда по совету Кейлуса воспользовалась его библиотекой. Перелопатить кучу книг в поисках нужной информации заняло немало времени, но времени у нее было в избытке; наградой ей послужила новость, что блокирующие магию артефакты обычно работают по одному и тому же принципу — запирают ману-сидис внутри объекта, не давая ей выплеснуться. Но

раз внутри Евы магия оставалась, следовательно, никаких катастрофических последствий ей не грозило, верно?

— Теория — одно, практика — другое. Ты во многих отношениях беспрецедентный случай. К тому же до недавнего времени ты не бывала в обстановке, где на тебя воздействуют не самыми безобидными заклятиями... за эти дни твой мозг выключали и включали несколько раз: это и для живого человека не прошло бы бесследно, не говоря уже о тебе.

— Я прекрасно себя чувствую. Не мертвее обычного, скажем так, — поправилась Ева. — И скоро я отсюда выйду.

— А если не сможешь?

— В крайнем случае Герберт меня вытащит.

— А если не сможет и он?

Ева обернулась — глаза Мэта, сидевшего на не примявшемся под ним одеяле, смеялись над ней сиянием жидких васильковых кристаллов.

Естественно, она знала, к чему он ведет. И рано или поздно, наверное, им все равно придется поговорить о цене, которую он назначит в обмен на свои услуги. Хотя бы потому, что Евино любопытство было порядком этим раздражено. А если, подумав, между рано или поздно выбрать «рано» — хотя бы затем, чтобы на досуге хорошенько поразмыслить над мелким шрифтом, который подразумевается в договоре с любым уважающим себя демоном...

— Ты ведь хочешь, чтобы я пошла за тобой в Межгранице? — не дожидаясь продолжения инсинуаций, устало произнесла Ева. — Открыла оттуда проход в этот мир? Выпустила тебя без ограничений, которые накладывает договор с человеком?

Додуматься до этого было не слишком сложно. Особенно после всего, что демон уже говорил ей. И условие было бы даже вполне приемлемым, не знай Ева, что в таком случае ей придется в экстренном порядке эвакуироваться в родной мир — потому что от этого ничем не скованный демон наверняка не оставит камня от камня. А если и оставит, то лишь раскрасив в жизнерадостные кровавые тона.

— Приятно иметь дело с умными людьми. Но нет. — Мэт располагающе улыбнулся под ее настороженным взглядом. — Такова цена твоего воскрешения. За спасение из обители милого дядюшки я потребую куда меньше.

— И чем же?

— Впусти меня в свое тело.

Ее взгляд лучше всяких слов выразил все, что Ева думала по этому поводу.

— Ровно до тех пор, пока не окажешься за пределами этого дома, конечно же, — добавил Мэт. — Я так соскучился по материальности, ужас.

— Хочешь сказать, твое присутствие в моем теле чем-то мне поможет?

— Конечно. Первым делом я избавлюсь от браслета — это мне будет вполне по силам. Потом дойду твоими прелестными ножками до выхода, и вот она, свобода.

— А по дороге к выходу, конечно же, натворишь такого, о чем я даже думать не хочу.

— Все в твоих руках, златовласка. Поторгуйся. Продумай условия и ограничения сделки, — предложил демон вкрадчиво. — Со мной вполне можно договориться... я же не зверь, в конце концов.

— Конечно, не зверь. Ты демон. Это куда хуже. — Отвернувшись, Ева отложила Люче на покрывало рядом с собой. — Договариваться я предпочту не с тобой. И выберусь отсюда сама. Увидишь.

Решительно встав, не оглядываясь, направилась к двери.

Нет уж. Подобный расклад подразумевал столько мелкого шрифта, что почти не оставлял места для крупного. И если Ева всерьез намеревается выпутаться из этой передраги без посторонней помощи — пришло время для дальнейших переговоров с гостеприимным хозяином.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ОТ 09.02:

Кейлус, конечно, вновь обнаружился в комнате с роялем. Когда Ева, вежливо постучавшись, заглянула внутрь, ее одарили взглядом, ясно говорившим: вежливость лиэр Кейлус ценил. Особенно если та исходила от персоны, от которой ожидать невежливости было в общем-то вполне естественно.

— А, это ты, — проговорил хозяин дома, записывавший что-то на нотном листе. Вновь уткнулся в свое сочинение — до боли напоминая Герберта, когда тот увлеченно работал над чем-то. — Можешь зайти. Если не будешь мешать.

Почти неслышно прикрыв за собой дверь, Ева приблизилась. Застыв у Кейлуса за спиной, не решаясь заговорить, какое-то время наблюдала из-за его плеча, как выплескивается на бумагу рождаемая музыка. В этот раз он даже не наигрывал ничего — записывал то, что звучало у него в голове, сосредоточенно и неотрывно, точно рядом не было никого, лишь изредка тихо мурлыкая что-то себе под нос. Впрочем, Ева стояла так тихо, что о ней и правда легко было забыть. Просто смотрела на строчки, покрывающиеся нотами, воспроизводя их внутренним слухом.

Когда Кейлус, проведя двойную черту, оглянулся на нее, она поняла — это действительно был еще один зачет в той системе испытаний, которую необходимо было выдержать для успешного диалога с ее тюремщиком. Зачет, который она сдала.

— А ты умеешь молчать. И слушать. — С ленивой грацией гепарда мужчина выгнул спину, уставшую за время работы. — Пожалуй, теперь я понимаю, почему Уэрти может тебя ценить.

— Это для виолончели? — спросила Ева, глядя на одинокую нотную строчку, тянувшуюся над двойным нотоносцем, предназначенным для партии фортепиано — определить, какой инструмент должен был ее исполнить, по тембру было несложно.

— Для сизэлла и клаустура.

Это бросилось так просто и небрежно, будто Ева, играющая на этой самой сизэле, не могла иметь к этому ровно никакого отношения. Забавно... если подумать, при полном отсутствии какой-либо инициативы с его стороны (единственный ужин и просьба что-нибудь сыграть — ничтожно малая эксплуатация того положения, в котором Ева находилась) Кейлус Тибель завоевывал ее расположение куда успешнее, чем если б его проявлял. Не навязывал свое общество, вынуждая ее саму, добровольно приходить к нему. Не оскорблял приказами, не унижал необходимостью подчиняться. Не пытался ни лебезить, ни оправдываться, ни лгать, выставляя себя в лучшем свете. И связь между ними устанавливал на единственном языке, к которому в данных обстоятельствах Ева действительно могла прислушаться.

Даже если Кейлус прекрасно отдавал себе отчет в том, что делает, Ева не могла не признать — он избрал виртуозную, единственно верную стратегию. Более того, работавшую. Вот и сейчас: было бы так легко льстиво намекнуть, что на новое сочинение его вдохновила

невольная гостя, вызвав в чувствительной девичьей душе бурю эмоций (кому не польстила бы роль музы гения, да еще в семнадцать лет?), — но отсутствие этого намека, повлекшее за собой необходимость домыслов и догадок, зацепило Еву даже больше. Тем более что по чтению нот, записанных почти начисто, выходило нечто столь прекрасное, что ей страстно хотелось услышать это не только внутренним слухом.

— Мне хотелось бы это сыграть, — глядя на ноты, неожиданно даже для себя признала она вслух.

— Мне хотелось бы послушать, — откликнулся Кейлус серьезно и мягко.

— Не предлагаю отпустить меня, чтобы я могла наведаться в замок Рейолей за инструментом, потому что, полагаю, вы все равно не согласитесь. Даже если я честно-честно пообещаю, что вернусь.

— А ты вернешься?

— Нет. Не сразу, во всяком случае, — поправилась Ева. — Сперва избавлюсь от браслета, чтобы в следующий раз заглянуть в гости свободным чело... зомби.

Она не лгала. Понимая, что отпусти ее Кейлус прямо сейчас, и она действительно вернется. Просто потому что ей хотелось, чтобы этот человек был им с Гербертом союзником, а не врагом.

Просто потому что ей хотелось наконец понять, почему же сейчас это не так.

— Даже так? — когда Кейлус подвинулся вправо, на самый край банкетки, глаза его странно блеснули. — Садись.

Ева воззрилась на черный бархат сидения. На мужчину, невозмутимо раскладывавшего исписанные листы на пюпитре так, чтобы не было нужды их перелистывать.

Освобожденного места, пожалуй, и правда хватило бы, чтобы они уместились за инструментом вдвоем. Только вот близость, в которой они в таком случае окажутся, Еву несколько смущала.

— Зачем?

— Как я уже говорил, мне хотелось бы послушать, как это звучит. Третьей руки мне боги не дали, двумя обе партии мне не сыграть. Умеешь читать с листа?

— На фортепиано — паршиво.

— Мелодия несложная. Думаю, справишься. — Его глаза вновь обратили взгляд на нее, и взгляд этот окрашивала какая-то приглашающая насмешка. — Соболаговолите оказать мне эту честь, лиоретта? Раз уж вы сами изъявили желание исполнить мои скромные опусы.

Прости, Герберт, совестливо подумала Ева, опускаясь на банкетку, бедром и локтем чувствуя чужое тепло. На самом деле извиняться было не за что, ибо интерес, который она испытывала к лиэру Кейлусу, по многим причинам был бесконечно далек от любовного; но что-то ей подсказывало, что образовавшаяся картина некроманту вряд ли понравилась бы.

К сожалению, самый быстрый и действенный способ наладить контакт с кем-либо — принять его правила. И играть по ним — до определенного момента.

Правда, когда левая рука мужчины скользнула по ее талии, чтобы, приобняв ее, лечь на басовые регистры, оставив Еве средние — девушка всерьез призадумалась, не наступил ли этот момент только что.

— Что такое? — ощутив напряжение, сковавшее ее спину, пропели ей в шею. Ева сомневалась, что из этой позиции, когда его лицо почти зарывается ей в волосы, Кейлусу хотя бы видна клавиатура — и не сомневалась, что в крайнем случае он вполне сможет играть вслепую. — Никогда не играла в четыре руки?

Да он издевается. Точно издевается. Смеется над ней — и следит за реакцией. Сидеть рядом — еще куда ни шло; сидеть фактически в обнимку, прижавшись друг к другу в близости большей, чем в танце...

Ладно, лиэр Кейлус. Вызов принят.

— Немножко не по моему профилю. Хотя с одноголосием я вполне справлюсь и одной рукой, а опыт игры в три руки со мной точно случится впервые, — очень спокойно откликнулась Ева, избавившись от искушения отпихнуть его и вскочить. Лишь съежилась немного, подавшись вперед, задрав плечи.

Любой преподаватель по любому инструменту убил бы за такую осанку, но в данном случае выбирать особо не приходилось.

— Тебе понравится, — заверили ее с душевной дрожью пробирающим смешком. — Следи за текстом. Вступаешь в десятом такте.

Руки, лежавшие на черных клавишах, приобнявшие ее, заиграли вступление. На шесть восьмых, неторопливое, околдовывавшее лиричной светлой печалью. Не отрывая взгляда от нотных строк, Ева не торопилась поднимать лежащую на коленях ладонь: хотя бы потому, что пока чужие пальцы гладили клавиши по обеим сторонам от нее ровно там, где предстояло заиграть ей — виолончельным тембром вместо настоящей виолончели.

Четыре такта. Три. Два.

Вступила она вовремя, перевивая одинокий солирующий голос с предвкушающе замершими звуками соль-минорного трезвучия, окутанными педальным флером. Педаль тоже нажимал Кейлус, неслышно опуская и поднимая мысок совсем рядом с ее туфлями. Соль минор, тональность виолончельных сонат Шопена и Рахманинова, тональность «Зимних грез» Чайковского... Ева всегда считала ее одной из самых эмоциональных и пронзительных. Если идти по квинтовому кругу*, ля минор — печальный и меланхоличный; ре минор, в котором Моцарт не зря написал свой «Реквием» — безнадежный и торжественный, как поступь рока. Соль же — тональность светлого, щемящего, поэтичного одиночества. И сейчас музыка без слов пела о прощании и любви, о маяке среди моря тьмы и звездах, упрямо и колко сияющих сквозь зимнюю стужу. Левая рука Кейлуса скользила в текучих волнообразных переливах аккомпанемента, пальцы правой звонкой флейтой пели в верхних регистрах, вплетая щемящие трели в прихотливую мелодию, которую Ева выводила в средних; она подозревала, что для ее удобства Кейлусу приходилось перекраивать собственный текст, но кому как не ему было знать, как сделать это с наименьшими потерями в гармониях и фактуре.

(*прим.: квинтовый круг тональностей — система расположения тональностей по принципу возрастания и убывания в них ключевых знаков: диезов и бемолей)

Танец пальцев по клавишам. Ладони, сходящиеся и расходящиеся, почти касаясь друг друга. Музыка, рассказывавшая о расставании и близости, что не убьют ни годы, ни разделивший вас океан...

Она сама не заметила, как за звучанием кантилены забыла и о смущении, и о том, что под пальцами — не ее инструмент, и о странной игре, в которую они оба играли. Осталась та, в которую

невозможно было играть — лишь играть ее. И Ева играла: почти так же свободно, как делала это смычком, не стараясь подчинять мелодию единому темпу, идя за музыкой и ее порывами, естественными, как дыхание. Но каким бы вольным не было ее *rubato**, вторая партия звучала с ним в идеальном единении. Устремлялась вперед, когда псевдо-виолончельное соло, забывшись, летело в порыве страсти или надежды. Чутко замедлялась, когда мелодия трепетно замирала или задумчиво расставляла конец музыкального предложения. Тут же подхватывала инициативу, когда соло, опомнившись, возвращалось к мерному кружению медленного вальса. Порой спорила, перебивая мелодический голос другой темой — и тут же, словно извиняясь, возвращалась к поддержке, окутывая его пестрядью звуков, струившихся прохладной шелковой вуалью, проникавших в кровь и кости, подчинявших подчинением.

(*прим.: Рубато, *tempo rubato* (дословно «украденное время», от итал. *rubare* «красть») — свободное в ритмическом отношении музыкальное исполнение, ради эмоциональной выразительности отклоняющееся от равномерного темпа.)

Три руки ткали один музыкальный гобелен. Два человека, не связанных ничем, даже настоящей враждой, творили одно на двоих волшебство.

Музыка — трехчастная, недолгая, почти классическая по форме пьеска — закончилась как-то слишком быстро. Педаль длила финальный аккорд, даже когда пальцы их уже перестали касаться клавиш; и, слушая, как он истаивает в тишину, Ева почувствовала, как Кейлус выпрямился, слегка скользнув ладонью по ее спине, наконец выпуская ее из полукольца своих рук.

— Недурно для той, у кого другой профиль, — сказал он, сев уже просто рядом.

Ева повернула голову, чтобы увидеть его глаза. Больше не смеявшиеся.

Это испугало ее больше, чем любая насмешка.

— А мы определенно могли бы поладить. — Когда мужчина протянул руку к ее лицу, Ева почти дернулась, чтобы вскочить — но ее лишь слегка, совершенно по-отечески погладили по волосам. — Увы, наши сердца уже заняты... не только музыкой.

В этом снова прозвучала издевка. Немного успокаивавшая, как и этот жест. Да только когда Ева все-таки встала, позволив его пальцам соскользнуть со светлых прядей, она чувствовала себя так, словно предала кого-то.

Отчасти саму себя.

— В своем я уверена больше, чем в вашем, — сухо заметила она, отступив от инструмента на пару шагов. Задним умом осознавая, что это не лучшее замечание для избранной ею стратегии налаживания контакта, но не способная подавить эмоции, грызшие душу за минутное забытье.

Она никогда не ощущала подобной синхронии. Ни с кем. Ни с одним аккомпанировавшим ей концертмейстером — включая того, с кем они уединялись в классе, занимаясь далеко не только камерным ансамблем. И ловила себя на том, что многое бы отдала, чтобы Дерозе сейчас действительно оказался у нее: даже если браслет все еще будет на ее руке.

Играть с человеком, чувствующим тебя так — наслаждение, с которым многие другие и рядом не стояли.

— Как я уже говорил, маленькие мертвые девочки не в моем вкусе. И я слишком ценю того, с кем уже связан, чтобы предпочесть ему даже самый прекрасный в мире дуэт. — В его глазах медными искрами танцевала ирония. — Как и ты, полагаю.

Это было правдиво. Даже синхрония не могла в полной мере заставить Еву проникнуться к лиэру Кейлусу хотя бы симпатией — вместо интереса и желания понять, что она испытывала сейчас. Не говоря уже о том, чтобы радостно забыть Герберта. А еще это было трогательно: наличие возлюбленного, преданность и верность ему — еще одна черта, которую Ева не могла не оценить.

Хотя, будь на ее месте кто-то, не столь адекватно относящийся к факту наличия возлюбленного вместо возлюбленной...

— Странная ты, кошечка. И интерес твой ко мне странный, — сказал Кейлус, каким-то образом угадав часть ее мыслей — если не все.

— А вы, хотите сказать, совсем его во мне не разжигали, — не удержалась Ева.

— Разжигал, — ничуть не смутившись, подтвердил Кейлус. Усмехнувшись чему-то, отвернулся, глядя в ноты. — Просто не

ожидал, что он будет такой... чистый. Как и ты.

Не такой уж чистый, подумала Ева с легким сарказмом. На ее взгляд в этом их дуэте интимности было больше, чем в поцелуе. И слияния душ — больше, чем в постели.

— Значит...

Закончить фразу она не успела.

Профиль Кейлуса утонул в заволочшей комнату сумрачной дымке. Стены поплыли во внезапном головокружении.

Захлебываясь темнотой, волной захлестнувшую ее сознание, Ева еще успела обиженно подумать «за что», — и услышать откуда-то взявшийся голос Динки, сочувственно вздохнувший «дурилка».

ПРОДОЛЖЕНИЕ ОТ 13.02:

Второй вечер своего заключения Гербеуэрт тир Рейоль встречал, сидя на кровати в отведенных ему покоях, приложив пальцы к вискам.

Ночевать в этих покоях ему было далеко не впервой. Когда-то он даже радовался возможности встретить ночь здесь вместо того, чтобы возвращаться домой. Пусть Айрес не дула ему на разбитые коленки, но исправно навещала племянника перед сном. Поправляла одеяло, целовала в лоб, желая приятных сновидений — от матери он привык такого не ждать: господин Рейоль был категорически против «этих ваших девичьих нежностей», а между возможностью быть хорошей супругой и хорошей матерью госпожа Рейоль без долгих колебаний выбрала первое. Однако Айрес тирин Тибель никто, ничего и никогда не посмел бы указывать.

Наследнику рода Рейоль потребовалось пятнадцать лет и изрядная трепка от жизни, чтобы избавиться от своих наивных детских иллюзий, будто где-то есть место, где ему всегда будет безопасно и тепло. И человек, который никогда не сделает ему больно.

— Так ты и в голове решать задачки умеешь, — констатировал Мэт, возникнув в кресле перед камином.

Герберт ничем не проявил, что его услышал. Лишь опущенные ресницы его на миг дрогнули. А, может, то и вовсе была игра света от огня, заливавшего сумраком просторную комнату в любимых королевой багровых тонах; по причине того, что наследник престола сидел совершенно неподвижно, волшебные кристаллы давно уже погасли.

— Все пытаешься взломать защиту милого дядюшки? — не дождавшись ответа, демон непринужденно закинул ногу на ногу. — Ну да, бумажки или их след легко обнаружить, а ментальный взлом в твоём отношении Ее Величество не практикует...

Герберт не откликнулся. Правда, опустил одну руку на колено, по пути махнув ею так, будто перечеркивая нечто написанное в воздухе.

— Не бойся, слезки нет. Не сейчас и не в этой комнате, по крайней мере.

— Я знаю, — процедил некромант, не открывая глаз. — Как ты мог заметить, я немного занят.

— А я думал, тебе будет интересно узнать, как поживает наша златовласка. Но нет так нет.

Даже это не заставило Герберта посмотреть на демона.

— Как она? — просто спросил некромант ровно.

— Сносно, сносно. Твой дядюшка с ней на удивление мил. Порой даже слишком, — доверительно сообщил Мэт. — Да и времени у нее без тебя, как ты понимаешь, не так много.

Герберт снова не ответил. Только рука на колене немного сжалась, впиваясь ногтями в черную ткань брюк.

— Даже если ты решишь свою задачку и взломаешь защиту поместья, — в отсутствие реакции продолжил Мэт, — придется рисковать тем, что твоя дорогая тетушка раскроет твой маленький секрет... но, если хочешь, я могу услужить. Одно слово, и сегодня же она будет свободна.

— Нет, — отрезал некромант, не задумываясь.

— Я и оживить ее могу. Знаешь ведь, что могу.

— Никаких сделок.

— Почему, малыш? Не готов ради любимой оказать мне маленькую услугу?

Вкрадчивостью демонского голоса можно было бы смазывать ржавые замки.

— Не ту, о которой ты попросишь.

— Так весь вопрос в цене? Но ты ведь... хотя нет, знаешь. Вижу. — Он тихо посмеялся — как будто даже с удовольствием от того, что все не будет так просто. — Ладно, упрямец. Могу передать ей привет, если хочешь.

— Сомневаюсь. Не в твоих интересах вселять в нее надежду. — Взметнув ресницы вверх, Герберт все же взглянул в лицо под золотыми кудряшками. Огонь поделил лик Мэта на две половины — и если свет, лежавший на одной, будто подчеркивал его невинность, вторая тонула во тьме, в которой тем ярче сиял дьявольской синью светящийся глаз. — Ты ведь и ей предлагаешь помощь, верно?

Демон только рассмеялся вновь. Уже громко, с таким задором и предвкушением, словно его пригласили поучаствовать в чем-то чрезвычайно захватывающем и приятном.

— Удачи, малыш, — сказал он, прежде чем удалиться в незримое, из которого пришел. — Посмотрим, кто из нас окажется быстрее.

Герберт не шелохнулся, оставшись наедине с тенью. Зато выдох его был шумным, медленным и почти судорожным.

Таким же неподвижным его и застала Айрес, заглянувшая в комнату немногим позже.

— Вижу, не занят. Выпьем фейр? — очень приветливо спросила она: как могла спросить племянника обычная добрая тетюшка, к которой тот заглянул в гости на выходные. — Если ты не против.

Без единого слова поднявшись с аккуратно застеленной кровати, Герберт безропотно направился навстречу королеве, ждавшей его в дверях с улыбкой на лице.

Не в его интересах было показывать, насколько он против. По крайней мере пока.

Ева очнулась от того, что чьи-то пальцы застегивали пуговицы у нее на спине. Вроде бы от этого. Во всяком случае, осознание факта, что она лежит лицом вниз на золотистой шелковой обивке вроде бы софы, пока кто-то застегивает на ней платье, вынудило ее сесть столь резко, словно только что она не валялась в обмороке.

Если, конечно, это был обморок.

Ева уставилась на Кейлуса, стоявшего на коленях рядом с софой: как оказалось, приткнувшейся у стены все той же гостиной с роялем.

— Если ты предположила, что я поспешил воспользоваться ситуацией, дабы беспрепятственно сотворить различные мерзости с твоим ледяным безответным телом, то успокойся: меня не настолько прельщает подобная перспектива, — правильно истолковав мучительно-беспомощное выражение ее лица, скучающе произнес

мужчина, успокаивающе вскинув руки. — Мне просто нужно было видеть рубин. В твоём текущем состоянии, сама понимаешь, не так просто определить, умерла ты с концами или отключилась временно.

Облегчение, отчетливо читавшееся в его лице за скукой, опровергло догадку, возникшую у Евы за миг до падения в черноту. И принесло осознание, которое Еву изрядно повеселило.

Забавно. На миг она успела испытать ощущение, как будто ее предали.

Было бы кому и что предавать.

— Так это... со мной... сделали не вы?

— Не я, — помедлив, покачал головой Кейлус.

Черт.

— И долго я так?

— Пару минут.

— Но тогда что...

Ее прервали звуки фортепиано. Раздавшиеся одновременно с тем, как окрестности вновь размылись в легком головокружении.

Когда Ева посмотрела на рояль, на банкетке за ним сидела светловолосая девушка в черном бархате. Игравшая — внезапно — дондиз минорную прелюдию Рахманинова. Впрочем, само ее появление невесть откуда было не менее внезапным; как и то, что светлая макушка ее казалась подозрительно знакомой.

Когда, резко оборвав музыкальную фразу на середине, девушка оглянулась через плечо, Ева почти задохнулась от удивления.

— Неплохой инструмент, — весело заметила Динка, крутанувшись на банкетке, повернувшись к ней. — Вообще я люблю, когда клавиши полегче, но даже на такой сыграть после стольких-то лет — кайф.

Стоп, она может дышать?..

— ...Ева!

Голос Кейлуса пробился, словно сквозь пелену. Ощущение чужих пальцев на предплечьях пришло вместе с ним: одновременно с тем, как исчезло головокружение, прихватив с собой чувство спершегося от шока дыхания.

Моргнув, Ева уставилась на пустую банкетку. Перевела взгляд на Кейлуса, лишь сейчас прекратившего трясти ее за плечи.

— Что ты видела?

— Неважно, — пробормотала Ева. Осознав, что зачем-то вцепилась в его кисти, растерянно разжала пальцы. — Ее все равно здесь нет. И не могло быть.

— Галлюцинации?

— Видимо, — выдохнула Ева после секундной заминки.

Или же развлечения Мэта. Одно из двух. Хотя нет: Кейлус же рядом, а морочить Еве голову в его присутствии запрещено по договору... значит, и правда галлюцинации.

Что гораздо хуже.

— Скажи, что ты не притворяешься, — не отпуская ее, цепко произнес хозяин дома.

— Хотела б я, чтоб это было притворство.

Ева почти огрызнулась. Огрызаться не хотелось, но в такой ситуации расшалившиеся нервы не особо собирались прислушиваться к доводам сознания, шалившего не меньше.

Кажется, Кейлуса, пытливо всматривавшийся в ее глаза, это убедило лучше чего бы то ни было.

— Хотел бы я тебе не верить. — Наконец отняв ладони от шелковых рукавов, он поднялся на ноги, не сводя взгляда с ее лица. — Уэрти ведь не только энергией тебя поддерживал, верно?

Ева промолчала. Не была уверена, что поведать лиэру Кейлусу про ритуальную ванну — правильное решение.

В конце концов, он тоже некромант, и не самый глупый. А если ему каким-то образом удастся подобрать нужный состав, у Евы исчезал даже тот сомнительный рычаг давления, который появился только что.

— Скажи, — без труда прочитав ее мысли, с мягкой настойчивостью сказал он. Скорее предлагая, чем приказывая. — Ради твоего же блага.

— Я не вправе раскрывать его секреты, — ответила Ева уклончиво.

— Это не только его секреты, но и твои. И тебя они касаются больше, чем его. Хочешь упокоиться навсегда?

— Нет. Не хочу. — Поколебавшись, она все же сощурилась, прямо вглядываясь в темную бронзу его радужек. — А вы хотите?

Пауза, предшествовавшая ответу, была почти незаметной.

— Нет. Это не в моих интересах, — тут же небрежно добавила Кейлус.

— Тогда отпустите меня.

Меньше всего его сузившиеся глаза походили на глаза человека, который способен согласиться на подобное предложение. Но во всех предшествовавших этому реакциях Ева видела достаточно беспокойства за ее персону, чтобы понять — показного пренебрежения к ее судьбе Кейлус выказывает куда больше, чем испытывает на деле. Даже если это и впрямь замешано на чисто деловых интересах.

А, значит, у нее оставался крохотный, но шанс.

— Отпустите, — повторила она. — Если я погибну... окончательно погибну... кому от этого будет лучше?

— Нет. — Он рывком отвернулся, отняв у нее возможность заглядывать ему в глаза: снизу вверх, открыто, непозволительно доверчиво. — Я не упущу такой шанс отомстить.

— Отомстить кому? За что?

Но Кейлус уже отошел к двери, на ходу звоня в колокольчик, который достал из кармана. И слова, явно вырвавшиеся у него спонтанно, бездумно, прояснять не стал.

— Отдыхайте, лиоретта. Юми скоро придет, проводит вас до спальни. На случай новых эксцессов. — Ей поклонились с подчеркнутой, преувеличенной, издевательской любезностью. — Раз вы не склонны к сотрудничеству, я поищу в книгах, что может вам помочь.

Ева молча проследила, как он уходит. Не решаясь последовать его примеру в одиночку (еще упадет где-нибудь в коридоре), покорно дождалась горничную.

К счастью, обошлось без новых приступов.

Когда Юми, препроводив ее до дверей спальни, тихо удалилась, Ева устало опустилась на кровать. Уронила голову на руки, пытаясь понять, что делать в изменившихся обстоятельствах.

Черт. Черт. Черт.

По-другому и не скажешь.

— Так-так, — почти довольный пропел легкий на помине Мэт, проявляясь на подоконнике. — Вот и последствия.

— Твоих рук дело? — подозревая, каким будет ответ, на всякий случай безнадежно спросила девушка.

— Сама ведь знаешь, что нет. — Сидя напротив, демон улыбнулся мрачности в ее лице. — Сестричка рассказывала тебе, что происходит с альпинистами на большой высоте? Считаю, ты сейчас тоже начинаешь страдать от гипоксии. И не только от нее.

— Она пыталась. Я не хотела слушать.

— Люблю время от времени посматривать в горы... презабавные там бывают случаи. Кто-то делился кексом с невидимками. Кто-то начинал советоваться с собственными ногами, куда ему идти. Кто-то раздевался, потому что в минус пятьдесят в куртке ему становилось жарковато. Кому-то мерещилось, что добрый незнакомец поит его чаем, и в благодарность отдавал ему свои ботинки. На высоте семи тысяч метров результат, как ты понимаешь, был довольно печальным. — Будто угадав ее мысли по выражению глаз, угрюмо устремленных в пол, Мэт улыбнулся шире. — Не надумала пойти по легкому пути?

— Нет. Не надумала.

— Жаль, жаль. А то наш малыш, видишь ли, вряд ли успеет к тебе на помощь в ближайшее время.

— Ты видел Герберта?! — Ева вскинула голову, и руки ее, дрогнув, произвольно упали на колени. — Что с ним? Только не говори, что Мирк его на дуэли...

— Я-то лишен такой бесценной неудобной мелочи, как материальное тельце. Так что не обязан сидеть в четырех стенах, — бесцеремонно перебив ее, заметил демон колко. — Дуэль не состоялась. Ее прервала королева.

— Хоть это хорошо, — выдохнула Ева, успевшая нарисовать себе в уме всяческих ужасов.

— И она же потом забрала племянничка во дворец, приказав ему безвылазно сидеть в четырех стенах. Клятвой вассала.

С губ Евы невольно сорвалось что-то среднее между стоном и ругательством, желавшим Ее Величеству Айрес тройной альтерации или хотя бы долгой и мучительной модуляции в тональность несуществующей степени родства.

— Что, так и приказала?

— Увы, формулировка была более точна, — обрубил Мэт, не позволив цепляться за надежду, что Герберту поможет пример их недавнего противостояния. — Малышу из дворца не выбраться, пока

она не сменит гнев на милость. А я сомневаюсь, что это случится скоро.

Осознав, что грызет губы, Ева торопливо разомкнула их, глотнув воздуха для последующих слов.

— У Герберта был план. Как обмануть клятву. Он говорил, что продумал... — судорожно вспоминая, что именно Герберт говорил, рассказывая о своей клятве, она посмотрела на демона почти мучительно. — Он ведь придумал что-то?

Мэт качнул головой. Неторопливо, как движение неумолимого маятника, отсчитывающего минуты до гибели.

— Сожалею.

Осознав, что теперь вместо губ кусает костяшки пальцев, Ева сердито стукнула по колену произвольно сжавшимся кулачком:

— А даже если он и правда придумал, ты все равно мне не скажешь, так? Тебе это на руку. Моя беспомощность. Чтобы ты мог опять завести шарманку про сделку.

— О, женщины. Имя вам несправедливость. — Мэт спланировал с подоконника на пол; фосфоресцирующие глаза мерцали с самым искренним сочувствием. — Кажется, факты говорят в мою пользу. Почему, как ты думаешь, он до сих пор за тобой не пришел? Что на свете могло бы остановить его?

— Дом Кейлуса окружен магической защитой. Он сам говорил. Может, Герберт и приходил уже, просто я не...

— Ты правда думаешь, что такому умнице, как наш малыш, доставила бы проблем какая-то там защита?

Ева хотела ответить «да». В конце концов, на службе у Кейлуса состояли бывшие типы из Охраны, а они свой хлеб ели, можно сказать, прямоком из королевских рук — и уж точно не за просто так. Затем задумалась, хорошо ли с ее стороны сомневаться в собственном возлюбленном, по всеобщему признанию являвшим собою величайшего гения всея Керфи.

Зависнув меж двумя противоположными по сути убеждениями, в ступоре уставилась на цветочные узоры, вившиеся по ковру.

— Скоро тебе станет хуже, — сказал Мэт, наблюдая за сомнениями и размышлениями, калейдоскопом сменявшимися в ее лице. — Предупреждаю.

— Значит, Кейлус поймет, что держать меня в заточении дальше глупо.

— Или попытается подобрать свой метод поддержки твоего тела и мозга в форме. Вполне возможно, даже тогда, когда будет уже поздно. Ты, конечно, и сейчас немножко мертва, но если станешь еще мертвее...

— Я выберусь отсюда. Выберусь. Без тебя. — Рывком отвернувшись, Ева упала головой на подушку, свернувшись калачиком на постели, глядя в стену. — А в замке Рейолей я и сама себе ванну как-нибудь организую. И освобождение Герберта тоже.

Но, слыша тихий понимающий смех, спиной чувствуя чужой выжидающий взгляд, понимала: теперь оптимизма в ней куда меньше, чем было еще пару часов назад.

Глава 12. Estinto

(Estinto — ослабленно, приглушенно, угасающе (муз.)

— Откровенно говоря, с детства мечтал о домашней зверушке, — задумчиво проговорил Миракл, пока дракончик под его наблюдением жадно глотал кусочки печеного мяса, — но полагал, что она будет более... традиционной.

Яйцо последний керфианский дракон пробивал долго. В прошлый раз Миракл удалился, так и не дождавшись его появления на свет — зато, наведавшись в замок Рейолей через день, обнаружил в сокровищнице янтарные осколки вместо яйца и Эльена, пытающегося накормить новорожденного. Тот забился под жаровню, да так, что видны были лишь травянистые отблески чешуи да мерцание кошачьих зрачков.

— Он там с утра скрывается! — пожаловался призрак, опустив руку, уронив мясо на россыпь глухо звякнувших монет. — Я заглянул его проведать, а это... сокровище уже тут. Я и оставлять угощение ему пробовал, все одно не ест...

Застыв за порогом комнаты, Миракл с сомнением посмотрел на жестяную миску в руках дворецкого, полную кусков почти обугленного жаркого:

— Ты уверен, что ему это можно?

— «Монография о драконах» утверждает, что драконьи чада с первых дней питаются жареным мясом. Сырое не едят — родители поджаривают для них, пока не могут сами. — В прямом и переносном смысле махнув рукой на миссию драконокормления, Эльен устало поднялся с пола. — Хотя чихают пламенем они чуть ли не с первых дней.

Миракл посмотрел на жаровню, из-под которой за треском пламени слышалось угрюмое сопение.

— А выйти из комнаты он может? С этой защитой...

— На драконов магические защиты... даже столь превосходнейшая и мудреная, какие творит господин... не действуют. Как и большая часть заклятий.

— Тогда у меня есть идея. — Хмурая морщинка на лбу юноши исчезла одновременно с тем, как в ореховых глазах мелькнул веселый медный проблеск. — У тебя на кухне еще осталась еда?

Спустя время, потребовавшееся для похода на кухню и обратно, они с призраком (следовавшим в некотором отдалении от гостя) приблизились к сокровищнице — и, поставив блюдо с мясом перед открытой дверью, Миракл отошел поодаль.

Спустя время, потребовавшееся, чтобы кто-то, учуявший запах съестного, осторожно прокрался от жаровни до двери, порог тихо переступили маленькие чешуйчатые лапки.

Дракончик был размером с некрупную собачку. Шелковистые бежевые крылья попоной укрывали спину, на которой еще не проклюнулись шипы, огромные — больше, чем у кошки — абрикосовые глазищи подозрительно косились на незнакомцев. Впрочем, Миракл и Эльен занимали позицию терпеливых статуй вдали, и в конце концов усыпленная бдительность проиграла разыгравшемуся аппетиту.

— Но почему он не хотел... — начал Эльен, когда малыш принялся с аппетитом уплетать предложенное угощение, стягивая мясо с блюда на каменный пол. Сам же осекся. — А.

— Звери не слишком жалуют нежить, если ты помнишь. И то, что успело ею... пропахнуть, — подтвердил Миракл, наблюдая за трапезой; глубокий, насыщенный малахитовый цвет чешуи дракончика чудно оттенял белизну мелькающих клычков. — У тебя из рук или из миски, которая в них побывала, он есть не будет.

— И как прикажете заботиться о нем в замке, где на данный момент обитает исключительно нежить?

Поколебавшись, Миракл все же сделал шаг вперед. Не дождавшись реакции, подошел еще чуть ближе. В конце концов его заметили, но не побежали: просто замерли, настороженно сжавшись у края блюда с не дожеванным мясом в пасти.

Когда Миракл, присев на корточки, протянул к дракончику руку, тот заинтересованно вытянул шею. Обнюхал чужие пальцы — и, словно узнав запах того, кому он обязан своим первым в жизни обедом, дружелюбно боднулся об них покатым теплым лбом.

— Кажется, заботиться о нем придется не тебе, — резюмировал Миракл, когда дракончик продолжил безмятежно жевать.

— Не слышу особого энтузиазма в вашем голосе, — заметил Эльен осторожно.

— Маленьким я периодически протаскивал в дом щенят с псарни. Особого понимания у родителей это не находило. Не думаю, что теперь мама с восторгом отнесется к тому, что вместо щенка я притащил дракона.

— Осмелюсь напомнить, лиэр, вы будущий правитель Керфи. Который давно уже волен сам решать, что ему делать и как поступать.

— Напоминай об этом моей маме, да почаще. — Почесывая малыша по чешуйчатому загривку, Миракл вздохнул. — Откровенно говоря, с детства мечтал о домашней зверушке. Но полагал, что она будет более... традиционной.

Ворча от удовольствия, дракончик проглотил очередной кусок. Вскинув голову, как-то подозрительно сморщился.

Миракл успел убрать руку и отпрянуть прежде, чем тонкий, но вполне ощутимый сноп пламени, вырвавшийся из чешуйчатых ноздрей, плеснул ему прямо в лицо.

— Зато с этой зверушкой скука отныне будет старательно обходить вас стороной, — сочувственно проговорил Эльен, пока юноша поспешно стряхивал с плаща огненные искры.

— Это точно, — выдохнул Миракл, удостоверившись, что ему не грозит превратиться в факел.

— А еще драконье пламя обладает воистину легендарными и волшебными свойствами. Если верить слухам, скользящее касание его излечивает отравленные раны, с его помощью гномы заколдовывают и закаляют свои волшебные мечи...

— Если надумаю переквалифицироваться в кузнецы, обязательно учту, — голос Миракла даже почти не звучал саркастично. — Когда они начинают говорить?

— В «Монографии» сказано, около пятого года жизни. И речи их надобно учить, словно обычных человеческих детей.

Миракл молча наблюдал, как наевшийся дракончик деловито топает к его ногам, цокая по камню короткими коготками. Садится на полу, трогательно глядя снизу вверх на новообретенного папу.

Под этим взглядом, слишком преданным для новорожденного, слишком осмысленным для животного, назвать себя его «хозяином» у юноши язык бы не повернулся.

— Кажется, теперь с женитьбой мне точно можно не торопиться, — пробормотал он. — Радостей отцовства на ближайшие лет десять и без того хватит.

На периферии зрения мелькнул белый хвост — и Эльен успел подхватить блюдо с пола прежде, чем притянувшийся на запах съестного Мелок умыкнул то, что не доел новый обитатель замка. Правда, недолговременный.

— Так вы говорите, с господином Уэртом все в порядке? — словно невзначай спросил призрак, возвращаясь к беседе, начатой еще во время вылазки на кухню.

— Мои осведомители говорят, что он во дворце на положении гостя. Но он бы не пропал в гостях вот так, не связавшись ни с кем из нас, верно?

Эльен угрюмо кивнул, отступив подальше от дракончика: тот при его приближении вжался в ноги Миракла, недвусмысленно скалясь.

— А тебе, как и мне, — продолжил юноша, — прекрасно известен рычаг давления, с помощью которого его могут удерживать в гостях неограниченное время.

— Надеюсь, клятва не вынудила его поведать Ее Величеству непоправимо много, — отставив поднос на подоконник, призрак подхватил на руки Мелка: учитывая, как недружелюбно кот присматривался к дракончику и как тот относился к нежити, до прямой конфронтации дело лучше было не доводить.

— Он не знает. Специально не спрашивал.

— О вашем плане и грядущем восстании — нет. Но он может рассказать то, что Ее Величеству знать также было бы весьма нежелательно.

— В таком случае, возможно, даже хорошо, что лиоретта у дядюшки: он своего не упустит. А уж чтобы уступить свое Айрес — скорее удавится, — мрачно заметил Миракл. — Я знаю своего брата, Эльен. Как выяснилось, не так хорошо, как мне хотелось бы, но все-таки. У него обязан быть план... а я в самое ближайшее время нанесу визит во дворец. — Он опустил взгляд, явно размышляя на тему, как дракончик отнесется к обратному путешествию в особняк Тибелей. — Сразу, как мне доложат, что Ее Величество отлучилась оттуда на достаточно долгий срок.

Прижимая к себе кота, принимавшего призрачные объятия с философским равнодушием, Эльен тоскливо воззрился в окно: словно надеясь сквозь зимний мрак разглядеть окна королевского дворца, за которыми тосковал глава дома Рейолей.

— Ах, господин, — молвил он со всей скорбью своей не нашедшей покоя души. — И милая наша лиоретта... Как же вы там?

Когда Юми заглянула в Евину спальню, открывшееся взору зрелище заставило горничную замереть на пороге.

— Лiorетта, — неуверенно окликнула гостью девушка. Не дождавшись ответа, тихо, почти испуганно выскользнула из комнаты.

Вместо нее вернулся уже Кейлус, в свою очередь замерший в дверях.

Сидя на полу среди обрывков бархатной и шелковой роскоши, еще недавно висевшей у нее в шкафу, Ева методично складывала что-то из кривого алого лоскута. Рядом валялись невесть где раскопанные ножницы.

— Что ты делаешь? — приблизившись, осторожно уточнил Кейлус.

— Птичку. Бумажную, — доложила Ева, кивая на пестрые куски ткани, рассыпавшиеся вокруг нее странным подобием конфетти. — Когда сделать тысячу штук, загадаю желание и выйду отсюда.

Кейлус устремил взгляд на лоскутья, узнать в которых птиц могли лишь обладатель очень абстрактного и творческого воображения. Куда более абстрактного и творческого, нежели то, которым обладал Кейлус.

— С тобой все в порядке? — осведомился он, опускаясь на колени рядом: невзначай подбирая ножницы, чтобы спрятать в карман жилета.

— У меня все лучше всех, — слегка заплетающимся языком, очень весело подтвердила девушка. — Я тут, мертвая, взаперти, мой парень, живой, тоже где-то там взаперти, мне надо будет убить уже убитого дракона и победить королеву, которую я не имею понятия как побеждать... а так все в полном порядке. — Тонко, пьяно хихикнув, она рассеянно оглядела рванье, на котором сидела. — А где ножницы? Хотя у меня меч есть, красивый такой... не помню, я тебе его показывала? Им резать будет даже удобнее. Сейчас, найду...

Когда Кейлус, мягко развернув ее к себе, накрыл ладонями ее виски, Ева лишь с доверчивым удивлением посмотрела на него. И продолжала смотреть, пока тот, прикрыв глаза, шептал что-то одними губами — пока ошалелое веселье в ее глазах медленно сменяла трезвая осмысленность.

— Надеюсь, я не зря предпочел этой ночью общество книг по некромантии куда более приятному, — заключил Кейлус, опуская руки.

Проморгавшись, словно после кошмарного сна, Ева осмотрелась. Уставилась на дело рук своих: с расцветающим в глазах ужасом.

— Это что, правда я?.. — слабо выдавила она.

Вместо ответа Кейлус перехватил ее кисти. Повернув ее руки ладонями кверху, коснулся свежих ран на пальцах: неосторожные движения ножницами вкупе с отсутствием отрезвляющей боли оставили на девичьих ладошках кровавую роспись.

— Когда ты только попала сюда, раны затягивались мгновенно. — Отпустив ее руки, Кейлус медленно встал. — Похоже, вместе с твоей магией браслет угнетает твою регенерацию. Со временем все больше.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ОТ 26.02:

Ева воззрилась на браслет, отсроченной смертью мерцавший на запястье.

Ясно. Регенерация была призвана поддерживать ее тело в одном неизменном состоянии. Теперь, когда она замедлилась, Ева потихоньку превращается из почти-живой в почти-мертвую. И первым, конечно же, начинает страдать мозг и ясность мыслей.

Может, в нормальных условиях она бы и протянула без целебной ванны дольше, но при всех сложившихся обстоятельствах...

— И что вы собираетесь делать? — спросила она, не поднимая глаз.

— Посмотрим, насколько малыш Уэрти умнее меня. Вдруг мои методы окажутся не хуже тех, что использовал он. — Ева почувствовала, как на нее насмешливо и пытливо воззрились сверху вниз. — Если, конечно, ты не поступишь как благоразумная девочка и не расскажешь, каким образом тебя удерживали в шаге до превращения в настоящее умертвие.

— Даже если расскажу, вряд ли это вам поможет, — вяло откликнулась Ева, глядя на отблески волшебных кристаллов и

каминного огня в изрезанном шелке. — Я же не знаю, что именно Герберт там намешивал.

Последнее вырвалось у нее случайно, но Кейлус не замедлил воспользоваться промашкой:

— Намешивал? Стало быть, речь о питье? Хотя нет, нет, в твоём состоянии... компрессы? Или ванна?

Ева помолчала. Собрав всю решимость, которая осталась в медленно отчаивающейся душе и тускнеющем сознании, посмотрела на мужчину, державшего ее в плену.

— Отпустите меня, — повторила она, возвращаясь к тому, на чем они расстались вчера. — Если я просто тихо сгнию здесь, я уже никак вам не помогу. И никому не отомщу.

Последние слова, добавленные на вдохновенном наитии, как будто заставили Кейлуса помрачнеть. Хотя, может, Ева уже додумывала себе то, что ей хотелось видеть.

— Я посылал Юми за тобой. Чтобы ты присоединилась ко мне в гостиной. — Ей протянули руку, но Ева, которую не устраивал подобный перевод темы, не торопилась принимать помощь. — Если хочешь, можем продолжить беседу там, — устало добавил Кейлус. — Перед камином препираться комфортнее, чем здесь.

— Здесь тоже есть камин.

— Зато там ты не помешаешь Юми убрать... то, что ты сделала.

Сидеть в окружении свидетельств ее недавнего безумия Еве и правда не слишком хотелось. Так что, стиснув зубы, она все же позволила поднять себя с пола (встать самостоятельно оказалось небольшой проблемой) и препроводить в гостиную: не золотую, с роялем, а синюю, где у камина услужливо ждали два глубоких кресла, а на столике между ними — початая бутылка местного вина и бокал. Ожидаемо — всего один.

— Стало быть, ты просишь дать тебе свободу, — без обиняков сказал Кейлус, когда они сели, первым возвращаясь к прерванному разговору.

Ева протянула руки к огню, собираясь с мыслями. Учитывая ее состояние, это было довольно-таки нелегко. А еще она знала, что не может мерзнуть, но сейчас ей почему-то было холодно: должно быть, снова шалости гипоксии и отмирающих нейронов.

Она умирала. По-настоящему. Чувствуя это отчетливо, как никогда прежде. И страшно ей было, как никогда прежде, даже в замке у Гертруды.

Потому что умирать ей очень, очень не хотелось.

— Я не знаю, зачем вам корона, но чтобы ее получить, вы должны обручиться с девушкой, воплотившей пророчество. — Ева заговорила с максимальным спокойствием, которое оставил ей страх, всепоглощающим сизым туманом клубившийся в душе. — Я не смогу воплотить его с браслетом на руке. И упокоенной — тем более.

— Но сможешь, если согласишься помогать мне. И действовать во имя моих интересов.

— Каких интересов? Сделать вас королем? — она раздраженно следила, как Кейлус наливает себе что-то, весьма подходящее на шампанское. На сей раз в распитии благородных напитков обошлось без прислужников-скелетов, и хотя те все равно не могли ничего подслушать, беседовать тет-а-тет ей было куда комфортнее. — Я знаю, кто должен взойти на трон на самом деле. То, что вы гений музыки, не делает вас гением в играх престолов.

— Благодарю за лесть, но этим меня не подкупить.

— Это не лесть. И король из вас выйдет плохой.

— Из Уэрти вряд ли будет лучше. Он ученый, не правитель. — Глоток Кейлус сделал словно бы в раздумьях: не то над тем, насколько ему нравится опробованное, не то над правдивостью прозвучавших слов. — Хотя дела в Шейнских землях идут неплохо, вынужден признать.

— Это опасные игры, лиэр Кейлус. И ставка в них — жизнь. Не только ваша, — сказала Ева, удержавшись от опрометчивого выпада касательно кое-каких его фатальных заблуждений. — Откажитесь от того, что вы хотите сделать. Если не ради меня, ради себя... и того, кого любите.

— Я оставил Тиму инструкции на случай моей смерти. Он передаст их остальным, — откликнулся мужчина с восхитительной небрежностью. — Даже если со мной что-то случится, моим слугам недолго осталось прятаться. Кто сбросит режим Айрес — ты, Уэрти или Мирк, — уже не суть важно.

— Но Тим любит вас. Что будет с ним, если вы умрете?

Подняв бокал почти на уровень глаз, Кейлус с издевательской проницательностью воззрился на нее поверх хрустальной грани.

— А ты, стало быть, внезапно прониклась пламенным участием к моей судьбе, и вовсе не пытаешься манипулировать мной в собственных интересах.

Под медным взглядом, смеющимся над ней злым саркастичным смехом, Еве захотелось потупиться. Но она не потупилась.

Сейчас она не имеет право на слабость. Ни на нее, ни на экивоки.

— А если мне правда не все равно, что с вами будет? С вами и с музыкой, которую вы больше никогда не напишете?

Ответом ей послужил шуршащий треск пламени; и долгое молчание, которым ее наградили, подтвердило — этого Кейлус не ждал.

Хорошо, что в этом мире не слышали о стокгольмском синдроме. Не то ее вполне невинный интерес, замешанный на столь же невинном восхищении, вполне могли бы растолковать далеко не столь невинно.

— Зачем вам нужен трон? — не дождавшись реакции, снова спросила Ева.

Наконец отвернувшись, Кейлус пренебрежительно махнул рукой с бокалом:

— Я хочу власти.

— Нет, — сказала Ева, не задумываясь. — Ваша сестра хочет власти. Вам нужно что-то другое. Что?

Он смотрел в огонь, пока отражение огня битыми всплесками волновалось на резном хрустале. Отстраненно поднес ко рту, погладив губы полукругом бокальной грани.

Ева уже не ждала ответа, когда эти губы все-таки разомкнулись.

— Я и сам не знал. Не думал. До недавнего момента. — Слова прозвучали так задумчиво, что стало ясно: Кейлус Тибель озвучивает это больше для себя, чем для нее. — Наверное, я просто хочу победить их. Получить то, чему они придают столько значения... отнять то, чего они так жаждут. Чего иные из них заслуживают, наверное.

Глядя на его профиль, высвеченный приглушенным светом кристаллов, мягко позолоченный огнем, Ева снова вспомнила Герберта. Вспомнила заносчивого венценосного сноба, под заносчивостью которого скрывался искалеченный недолюбленный ребенок.

Это воспоминание помогло ей наконец-то сформулировать правильный вопрос.

— Что вам сделала ваша семья, что вы так на нее обозлились?

Тихое шуршание пламени, коловшее слух в отсутствие слов, снова звучало так долго, что Ева почти перестала ждать ответ. Да и странно было бы на самом деле его ожидать.

Он и не ответил. Не сразу.

— Ты могла бы назвать самый счастливый год в своей жизни?

Встречный вопрос вынудил Еву в свою очередь задуматься. Невольно: просто неожиданностью этого вопроса ее застали врасплох.

— В моей лет было пока не так много.

— И счастливыми, полагаю, их не назовешь? — Кейлус усмехнулся ее удивлению подобной прозорливостью, которое Ева не сумела скрыть. — Счастливые дети редко обладают подобной проницательностью... подобным пониманием, впрочем, тоже. — Пояснение прозвучало почти отстраненно, и отстраненность не могла скрыть таившийся в нем комплимент. — Забавно, что несчастья, случившиеся с тобой, либо прививают завидное понимание чужой боли, либо начисто лишают этой способности. Даже не знаю, сочувствовать тебе или нет, ибо ты явно пошла не по второму пути.

Это тоже прозвучало почти отстраненно. И отстраненность не могла скрыть таившееся за словами сожаление.

За нее или за себя самого — не понять.

— А вы знаете? — спросила Ева то, что не могла не спросить. — Самый счастливый год?

Она думала, он снова не ответит.

Она ошибалась.

— Тот единственный год, который я провел в Лигитрине. Когда учился в консерватории. Год искусств, маленьких таверн и молодого амелье, и первого хмельного забытья, и опьянения музыкой, луной и любовью... — улыбка, кривой трещиной проявившаяся на губах, почти скрыла мечтательность, скользнувшую в голосе. — Год, который закончился, когда меня приехала навестить моя милая кузина.

Ева не шелохнулась. И ничего не сказала, даже когда в воздухе повисла пауза.

Просто интуиция шептала ей: в данном случае выжидающее безмолвие — единственно верная реакция.

— В юности мы были с Айри очень дружны. Она умеет быть хорошим другом... когда хочет. — Кейлус качнул бокалом — отраженное пламя утонуло в кремовом вихре взвихрившихся пузырьков. — Я писал ей все время учебы, и звал в гости, и ждал. А когда она приехала, показал ей город, и познакомил со своими друзьями, и повел по тем тавернам, которые успел полюбить сам; и когда мы бродили по ночному Лигитрину, веселые и пьяные... ах, как прекрасен этот город в лунном серебре... рассказал ей кое-что, чего не писал в письмах. И чего определенно никогда не написал бы отцу, потому что знал, что оно не найдет у него понимания. Но Айри, как выяснилось, не нашла ничего зазорного в том, чтобы по возвращении поведать ему это. То, что с одним из товарищей по школьной скамье у нас сложилась дружба куда более близкая, чем обычно складывается меж двумя молодыми людьми, связанными общим делом. — Медь в его глазах плавилась золотом огня, на который он смотрел. — Она потом говорила, что сделала это для моего же блага. Что хотела помочь мне стать нормальным. Что не знала, насколько далеко способен зайти мой отец. Не исключая даже, что она и правда так думала. Но тогда я впервые узнал о ее любимом увлечении... рушить чужие жизни. В том числе для того, чтобы посмотреть, что из этого выйдет.

Ева сидела так тихо, что слышала бы свое дыхание, если б только дышала. Глядя на профиль Кейлуса, четкий, словно чеканка по металлу, она понимала — спугнуть этот момент внезапной открытости будет просто. Еще проще, чем она могла в свое время случайно ранить его племянника. А вот заставить лиэра открыться снова будет задачей, возможно, невыполнимой.

Пока от нее не требовали реакции на слышимое, она предпочитала не реагировать никак.

— Когда я вернулся домой на каникулы, мне объявили, что обратно в Лигитрин я не вернусь. Когда я попытался бежать, решив, что вполне способен прожить самостоятельно, меня поймали в порту и приволокли домой. Следующие месяцы я не мог играть не только потому, что мой отец выбросил из дома мой инструмент, но и потому, что со сломанной рукой делать это несколько неудобно. А еще меня предупредили, что рукой в следующий раз все не ограничится. — Полное отсутствие эмоций, делавшее его голос почти механическим, даже немного пугало. — Забавно: сбежавшему наследнику или

наследнику, позорящему его представления о том, каким должен быть наследник, отец предпочел бы мою случайно сломанную шею. А я сломанной шее предпочел диплом бакалавра магических искусств... все согласно его желаниям, направленным на то, чтобы сделать из меня «настоящего мужчину». Пока он наконец-то не соизволил сдохнуть. — Когда собеседник вновь взглянул на нее, огонь в его глазах больше не казался Еве отраженным. — Ты спрашивала, что мне сделала моя семья? Моя сестра сломала мою жизнь. Так я научился никому не доверять. Мой отец избивал меня до полусмерти, чтобы выбить из меня то, что он считал омерзительным. Так я полюбил причинять и чувствовать боль. Мой кузен, отец нашего прекрасного Мирка, прознав мою слабость, пытался подложить ко мне в постель своего шпиона. Любил быть в курсе каждого чиха тех, кто мог потенциально конкурировать с его любимым сынишкой за право наследования престола. Моя кузина, мать твоего возлюбленного Уэрти, озаботилась распустить обо мне самые омерзительные слухи, которые смогла родить ее ханжеская фантазия, вдохновленная знанием о моих отклонениях. О том, какими словами меня не стеснялся в лицо называть достопочтенный господин Рейоль, говорить не буду, чтобы не ранить твои хорошенькие ушки. Их детишки, насколько могу судить, недалеко ушли от тех, кто породил их на свет. — Отставив бокал, Кейлус налег на ручку кресла, наклонившись ближе к девушке, глядевшей на него расширенными шоком и сочувствием глазами. — Я никогда никого не принуждал. Не заставлял. Не пользовался чьей-то беспомощностью. Скажи, разве я виноват, что не могу выбирать, кого любить? Разве равен тем, кто унижает или насилует неспособных постоять за себя? Разве мои чувства преступнее и грязнее твоих лишь на том основании, что я люблю во всем подобного себе? Разве я заслужил то, что получил — за любовь?

Взгляд и голос его не были требовательными, не были настойчивыми — в них скорее светилась и звучала прохладная мягкость шелка. И это не отменяло того, что он действительно хотел услышать ее ответ.

Она знала, что должна ответить. Знала, что ей хотелось ответить на самом деле. К счастью, эти две вещи совпадали.

Почти.

— Нет, — тихо и твердо произнесла Ева. — Не заслужили. — И, когда в его лице отразилось удовлетворение тем, что в этой твердости не было ни капли лжи, так же твердо добавила: — Но это не оправдывает того, что вы делаете теперь.

Он лишь вновь откинулся на спинку кресла, глядя перед собой, рассеянно переплетая тонкие пальцы.

— Кейлус, отступитесь. Вам не нужно то, к чему вы стремитесь. — Она в свою очередь подалась к нему. — Почти все, на кого вы так злитесь, мертвы. Айрес за вас отомстят другие. А ваши племянники... — она на секунду замялась, осознавая, насколько по-детски прозвучит то, что ей хотелось сказать, — они... хорошие. Я не знала их отцов, но они другие.

— Не факт, что ты знаешь их так хорошо, как бы тебе хотелось, — заметил Кейлус отстраненно, не глядя подхватив бокал.

— Знаю. И вы сами говорили, что дети не в ответе за грехи отцов.

— Те же лицемеры и лжецы, зацикленные на силе, власти и желании вписать свое имя в историю. Только маленькие. — Когда хозяин дома сделал глоток, смачивая вином пересохшие губы, его глаза нехорошо блеснули. — Если ты всерьез собралась со мной спорить, вспомни, что твой любимый Уэрти хочет вонзить нож в спину женщине, которую стала ему второй матерью. Ради того, чтобы занять ее место.

Ева помолчала. И еще помолчала.

Потом, прикрыв глаза от осознания, насколько глупо и рискованно то, что она делает, тихо и размеренно заговорила — чтобы все же развеять кое-какие фатальные заблуждения Кейлуса Тибеля.

Иногда выбраться из тупика можно одним-единственным способом: совершив прыжок веры. Особенно когда только что доверились тебе.

— ...таким образом, как вы понимаете, старается Уэрт совсем не для себя. И, как я подозреваю, даже не для Мирка, — спустя пару минут размеренного повествования о планах Герберта касательно тети, брата и ее самой закончила Ева. — Во всяком случае, не потому что он его брат.

Когда она взметнула ресницы вверх, то с облегчением осознала: Кейлус смотрит на нее без торжества, без расчетливости, без алчности.

Скорее с тем же удивленным вниманием, с каким прежде она выслушивала его.

— Ты бы не сказала мне всего этого, будь это правдой, — после секундной паузы произнес он.

— Представьте себе на минуточку, что я настолько глупа и наивна, чтобы все-таки это сделать.

— Почему?

— Потому что я не хочу, чтобы вы с Уэртом были врагами. Чтобы мы были врагами. — Она откликнулась, не колеблясь. — Враг у нас один. Общий. Логично было бы объединить усилия вместо того, чтобы усложнять нам задачу. Тем самым помогая Айрес восторжествовать.

— Мы и без того не враги. — Задумчивость, с которой он склонил голову, показалась ей хорошим знаком. — Предлагаешь просто снять с тебя браслет и отправить восвояси? А потом смотреть, как племянники торжествуют?

— Они не те, кем вам кажутся. И вы можете доказать им: вы не такой, как они думают. Как все думают.

— И даже я сам. Иначе думаешь только ты.

— Не только я.

— Ладно. Не только ты. — Он вздохнул так тяжело, словно в этот миг думал, как совестно ему обманывать глупых наивных детей. — Хотя, может, вы с Тимом даже правы... в чем-то.

Этот вздох она тоже сочла хорошим знаком. Как и последние слова.

— Только время зря теряешь. — Ева перебирала в уме варианты следующей своей фразы, когда со стороны прозвучало это. Вмешивая в их с Кейлусом разговор мифического, невозможного третьего. — Сама же знаешь, какие музыканты упертые...

Вздрагнув, Ева обернулась.

Он сидел на полу чуть поодаль, обхватив руками длинные, согнутые в коленках ноги. Совсем такой, каким Ева его запомнила: пепельные кудряшки, изможденная бледность мальчишеского лица, пальцы, в которых беспомощно дрожала зажатая сигарета.

— Вечно вы с Динкой играете в миссионеров, — сказал Лешка: с той же едкой горечью, что так часто звучала в его голосе в последние месяцы жизни. — Со мной не помогло. С ним тоже вряд ли поможет.

— Ты мертв, — прошептала Ева.

— Как и ты.

Возражение было справедливым. Настолько, что заставило Еву сглотнуть ком в горле.

— Ты не можешь быть...

Головокружение. Гул. Темнота.

Следующее, что Ева осознала — что лежит в кресле, беспомощно откинув голову на спинку.

Значит, он и правда не был настоящим, отстраненно констатировала девушка, пока Кейлус легонько бил ее по щекам, приводя в чувство. Ожидаемо. И, пожалуй, не менее ожидаемым было то, что какими бы «методами» ни воспользовался Кейлус, пытаясь поддержать ее во вменяемом состоянии, работали они паршиво.

Да только менее печальной ситуация от этого не становилась.

— Снова галлюцинации? — протянул мужчина, когда потерянный взгляд Евы кое-как сфокусировался на том, что реально.

Она посмотрела на голый синий ковер подле софы — пустое место, где только что сидел ее мертвый брат. На Кейлуса, нависшего над креслом.

Даже сквозь дымку угасания, слегка размывающую все вокруг, она различила беспокойство в его лице. Слишком живое и болезненное для того, чтобы быть расчетом.

— Это не помогает. То, что вы нашли в своих книгах, — пробормотала Ева, с трудом вылавливая нужные мысли из туманного моря, которым обернулось ее сознание. — Мне нужен Герберт. Уэрт. Его замок, его... — когда слова стали сбиваться в несвязное бормотание, она замолчала. Больше не стесненная мыслями об унижении, больше не пытаясь ничего объяснить, с мольбой посмотрела в его лицо. — Отпустите. Вам ведь не нравится то, что вы делаете со мной.

Кейлус вглядывался в ее глаза так неотрывно, точно надеялся мыслями достать до самого дна зрачков. Задумчиво, почти мучительно провел пальцами по ее лицу, заправляя за уши растрепавшиеся волосы.

Резко отстранившись, выпрямился — и отвернулся.

— Сиди, — бросил он по пути к дверям. — Юми скоро придет, она тебя проводит.

— Куда?

— Обратно в спальню, конечно.

Больше он не сказал ничего. Но когда он ушел, оставив ее одну, Ева ощутила, будто ее небьющееся сердце заменили сгустком черной пустоты.

Порой прыжок веры помогает выбраться оттуда, откуда выхода нет. Но иногда лишь помогает обнаружить — падать, ломая тонкие косточки собственных надежд, больно, даже когда ты вроде бы разучился чувствовать боль.

Глава 13. Tremendo

(*прим: Tremendo — пугающе (муз.)

Тим вошел в гостиную, когда в окна уже било солнце зимнего полудня, ложась на пол тенями, омывая предметы бледным текущим золотом.

Кейлус сидел за инструментом. Не писал, не играл — смотрел в наступившее утро, держа перо в руке, недвижно застывшей на пюпитре.

— Ты всю ночь так просидел, — сказал Тим. Больше утвердительно, чем вопросительно.

— Поразительная догадливость, — почти неразборчиво пробормотал мужчина.

Под глазами его виднелись тени, лишь чуть менее бледные, чем те, что отбрасывали на ковер ножки клаустура.

— Где еще тебе коротать ночи, в которые ты не удосуживаешься добраться до постели.

— Надо же изредка дать тебе возможность спать поперек кровати, как ты любишь.

— А еще замерзнуть в одиночестве. — Подойдя ближе, Тим посмотрел в почти не тронутый нотный листок. — Вижу, эта бессонница вышла не слишком продуктивной.

Ирония пропала из его голоса так же быстро, как и появилась.

Кейлус рассеянно коснулся кончиком пера последних написанных нот, обводя по контуру группы восьмушек; кончик был сухим, чернила на нем давным-давно высохли.

— Ты ведь принял какое-то решение, — не дождавшись ответа, изрек его секретарь. — По поводу девчонки.

Перо замерло, так и не дойдя до конца такта.

Аккуратно опустилось на пюпитр, чтобы остаться там — выпущенным из пальцев.

— Одевайся, Тим, — проговорил Кейлус негромко и сдержанно. — Отвезешь нашу гостью к замку Рейолей. Уэрта там нет, тебя не тронут.

Тим выслушал поручение без особого удивления.

— Нет? — только уточнил он.

— Он у Айрес. Взаперти. Девчонка сказала, кое-кто подтвердил. — Поднявшись из-за инструмента, мужчина поморщился, выгибая уставшую спину. — Как только ты покинешь замок Рейолей, я постараюсь это исправить. Отправился бы во дворец сейчас, но тогда не поручусь за твою безопасность.

Тим внимательно следил за каждым его движением.

— Значит, ты сдался?

Под взглядом его глаз, цвета моря и серебра, Кейлус резко выпрямился:

— Все равно из меня выйдет паршивый король.

— Отец учил тебя править. Ты сам говорил.

— Пытался. Этому я учился плохо. Как и чему-либо, чему учился у него. — Прежде чем отвернуться, мужчина махнул рукой в жесте, исполненном крайнего пренебрежения. — В ее присутствии под моей крышей я совершенно не могу работать. Пусть Уэрти сам с ней возится.

Глядя, как он делает шаг прочь, Тим вздохнул даже как-то стоически.

— Может, хоть раз побудешь честным? Не столько со мной, сколько с самим собой?

Вопрос заставил Кейлуса, уже направившегося к окну, остановиться. Постоять на месте, будто выбирая между молчаливым уходом — от собеседника и от ответа — и тем, чтобы перестать бесконечно бежать за своими миражами и прятаться за обманами: себя и других.

— Я ошибался, — сказал он, наконец выбрав. — Очень во многом, и не хочу, чтобы она страдала из-за моих ошибок. Она последняя, кто этого заслуживает. Доволен? — Мужчина оглянулся через плечо; досада в голосе почти скрыла бесконечную, невыносимую усталость. — Мне нет нужды мстить. Не тем, кому я хотел. Не так, как я хотел. А она напомнила о том, о чем я и сам думал, но в ненависти своей предпочитал забывать. И была права.

— В том, что из тебя выйдет паршивый король?

— Не только. — Повернувшись обратно к Тиму, Кейлус шагнул к нему. — Я не хочу, чтобы ты остался один, потому что я пошел по неправильной дороге. И шел по ней до конца, как дурак, даже когда

впереди показалась пропасть. Лучше свернуть, пока еще не поздно. — Его пальцы легли любовнику на щеку, скользнули по виску, зарылись в волосы — так же ласково и цепко, как гладили клавиши. — Ведомый тягой к разрушению, я слишком часто забывал, что разрушу не только жизнь Айрес. Не только свою. Больше я этого не забуду.

Тим ничего не ответил. Лишь по тому, как светились его глаза, когда губы Кейлуса коснулись его губ, стало ясно, как рад он слышать то, что услышал.

— Иди, — мягко сказал хозяин дома, отстранившись и отстранив его — спустя мгновения, напоенные счастьем, солнечным медом и теплом предельной откровенности, которую так редко позволял себе Кейлус Тибель. — Отправляйтесь, как только будешь готов. Я пока сниму с нее браслет.

Проследил, как Тим почти вприпрыжку отправляется исполнять приказ — и, дослушав, как затихают вдали шаги, медленно пошел к выходу: исправлять то, что сделал, и предотвратить все, чего сделать еще не успел.

Приди Кейлус Тибель туда, куда направлялся теперь, буквально минутами раньше, он увидел бы, как Ева тщетно зажимает руками уши. Лежа на постели, не ведая о переменах в своей печальной судьбе.

Да только это не помогало не слышать голоса тех, кого слышать здесь и сейчас она никак не могла.

— Вечно носишься со своим ослиным упрямством, — зудел Лешка. В последний раз, когда Ева на него смотрела, он курил на окне, светя острой коленкой сквозь драные джинсы. — Давно бы уже отсюда выбралась, если б не оно.

— Даже думать не смей, дурилка, — говорила Динка. Пару минут назад (а, может, час — Ева не знала) она сидела рядом с кроватью, словно пришла поболтать с маленькой Евой перед сном, как всегда делала в детстве. Теперь от нее остался только голос. — Разве демону можно верить?

Они изводили ее всю ночь. С редкими перерывами. Почти с тех самых пор, как ее вернули сюда, вновь отказав в надежде на свободу и спасение. По мере того, как ночь двигалась к утру, Еве становилось только хуже; что бы ни сводило ее с ума, браслет или оторванность от всего, что было ей необходимо, оно продолжало свою разрушительную работу. В темпе, который Еве совершенно не нравился.

Иногда от призраков оставались одни голоса. Иногда тишина. Но откуда-то Ева знала: теперь они не исчезнут и не уйдут совсем. Пока их не прогонят.

Кто-то. Что-то.

— Подумаешь, демон. Тартини, может, тоже душу дьяволу продал совсем не во сне, что бы он там ни заливал.

— Никаких сделок.

— А с тебя даже душу не требуют.

— Чего бы он ни просил.

— Он ведь уже говорил, что будет просить.

— Цена всегда окажется выше ожидаемой.

— Цена вполне приемлемая.

— Замолчите, — кое-как разлепив губы, выдохнула Ева.

— На кону стоит не так много, чтобы так рисковать.

— На кону стоит все. Умирать — это ужасно, я проверял.

— Ты справишься и сама.

— Ты не справишься.

— Ты спасешься. Ты не умрешь.

— Ты умрешь, ты исчезнешь, ты...

— ЗАМОЛЧИТЕ!

Это она уже завизжала.

Призраки, как ни странно, послушались. И замолчали. Зато вместо слов раздалась музыка — скрипка и фортепиано.

Ми-минорная соната Моцарта, промелькнуло в том ватном коме, который Ева теперь ощущала за своими глазами вместо сознания. Хотя не промелькнуло — проворочалось, вяло, с трудом. Лешка с Динкой, кажется, и правда играли ее, дома, для себя: Лешка два года кланчил эту сонату у своего преподавателя, а тот говорил, что не дорос еще...

— Я бы на твоём месте прислушался к братику. Покойники ерунды не скажут, — резюмировал Мэт. Он сидел в изножье кровати, как на жердочке, и лениво покачивался взад-вперед, как на качелях. — Неповторимый опыт умирания придает мудрости даже галлюцинации.

— Ты не можешь... знать, что они говорят.

Язык подчинялся ей с трудом. Реальность воспринималась рваными цветными осколками, сквозь дымчатый флер сюрреализма.

Так порой чувствуешь себя во сне. Только там свет не бьет в глаза невыносимо и слепяще.

— Я знаю все, что творится в твоей голове. Твои галлюцинации тоже.

Ева посмотрела туда, где был ее мертвый брат и сестра, оставшаяся в другом мире. Комната, конечно, оказалась пуста — лишь Мэт, улыбавшийся, пока она съезживалась в комок на постели, составлял ей компанию.

Скрипка и фортепиано в ушах звучали так громко, что заглушали мысли, отчаянно силившиеся пробиться сквозь туман в голове.

— Глупая. Все еще надеешься, что милый дядюшка тебя отпустит? — участливый голос демона легко перекрыл и музыку, и мешанину беспорядочных соображений. — Счет теперь идет на часы. Еще немного, и никакая ванна тебе уже не поможет. А ведь тебе еще до замка Рейолей надо отсюда добраться...

Смех. Скрежет струн. Фальшь, примешивавшаяся тут и там, терзавшая слух: Лешка редко когда играл так неумело.

Герберт не пришел. Не пришел. Вдруг Мэт прав? Еще немного, и станет слишком поздно, и даже Герберт ей не поможет. Она умрет, или хуже чем умрет — станет монстром, жрущим чужие мозги, как в фильмах; и никогда не вернется домой, и Динку наяву больше никогда не увидит, и родное училище, и маму с папой... интересно, на Эвересте так же ярко солнце светит? Хотя при чем тут Эверест и солнце — совсем все путается...

— Решайся, златовласка. Я могу тебе помочь. Сама знаешь.

Не хочу умирать, поймала Ева единственную мысль, отчаянно ясно бившуюся в клубке спутанного сознания. Не хочу.

Не хочу, не хочу, не...

Эта мысль помогла ей нащупать нить предыдущих размышлений — и, проследовав за ней, сделать тот шаг к краю пропасти, делать который она так не хотела.

— Ты хочешь, — не глядя на Мэта, с трудом фокусируясь на том, что нужно было спросить, произнесла Ева, — несколько минут... в моем теле? И все?

В душе, сломанной еще вчера, растекалась чернота отчаяния, окончательно затапливая бесполезные огоньки глупой веры и глупых надежд. Сменяя простым осознанием простых реалистичных фактов.

Даже если Кейлус и решится ее отпустить, для нее это может быть слишком поздно. Даже если решится. И Герберт за ней не придет. Не

пришел до сих пор, значит, вряд ли придет вообще.

Ситуация зашла слишком далеко, чтобы выбирать себе спасителей.

— Предпочел бы больше времени, но уж что дают. Хотя я могу и в замок Рейолей тебя переправить, если хочешь. — В его голосе не было ни торжества, ни злорадства, одна лишь деловитость. — С ванной помогу, не беспокойся. Состав и пропорции в голове у малыша мне подсмотреть нетрудно.

В конце концов, с чего она решила, что он ей навредит? И все равно до замка — слишком далеко, слишком рискованно. Она скажет это, а пока...

— Мне, наверное, нужно начертить...

— Я уже здесь. В этом мире. Здесь круг и руны мне не нужны, — прошелестел демон, угадав ее мысли. — Всего лишь твоя кровь. Рукопожатие. И поцелуй, когда оговорим все условия.

Ева села на постели. Отупело уставилась на свою ладонь, где не торопились заживать вчерашние порезы.

— Сойдет за кровь? У меня с ней сейчас не слишком...

— Вполне. — В один миг встав подле кровати, Мэт перехватил Евину руку, которую она лишь начала неуверенно тянуть в направлении его искрящихся одежд. Сжал — не слишком крепко, но неотступно. — Обещаю, что помогу тебе избавиться от браслета и выбраться из этого дома. Твои требования.

Мелкий шрифт, Ева, напомнила она себе, чувствуя прикосновение теплых пальцев так убедительно, словно он был материальным: уже сейчас. Мелкий шрифт. Надо оговорить все.

Если б еще не было так тяжело соображать что-либо, не говоря уже о поисках подвохов...

— Пообещай... что покинешь мое тело сразу... в тот же момент, как оно окажется за пределами этого дома. И вернешь мне. Дальше я... я сама.

Вздых его был не раздосадованным. Скорее сочувственным.

— Обещаю.

— Дурилка! Даже если ты выберешься отсюда, как ты доберешься за замка?! Не смей...

Динкин голос, вмешавшийся в разговор, вдруг исчез: растворившись на полуслове, заглухнув в неестественной тишине. Как

и музыка — Ева лишь сейчас поняла, что та уже не крутится ее голове испорченной пластинкой.

Будь она в здравом уме, она наверняка могла сообразить, что без Мэта тут не обошлось. В конце концов, в комнате они были одни, и ничто не мешало ему развлекаться с ее сознанием на любимый свой манер. Или заставить ее не слышать собственных призраков, сейчас заменявших затуманенный разум.

Тогда она нашла в себе силы подумать лишь об одном.

— И пообещай... пообещай, что они не пострадают. Кейлус и Тим, и... никто в доме. — Щурясь от невыносимого света, Ева смотрела в дьявольскую синь глаз, взиравших на нее сверху вниз. — Я не хочу... чтобы они...

— Обещаю, — улыбаясь, сказал демон, — они не будут страдать.

Нет. Нет. Было в этом нечто странное: в этой его улыбке, в этих его словах, но что? Ох, как же тяжело, как же... если бы только так не путались мысли...

Синь почти уступила место черноте.

Судорожно удержавшись на краю обморочного забвения, цепляясь за призрачную ладонь того, кто держал ее пальцы в своих, Ева выкарабкалась обратно в реальность — и лицо Мэта, склонившегося к ней, было так близко, что потусторонний фосфор заслониł собою весь мир.

— Время, златовласка. У тебя его почти не осталось. — Многоголосье, певшее в его словах, успокаивало, звало, уговаривало довериться и уступить. — Сделка?..

Когда Кейлус вошел в комнату, Ева сидела на постели спиной к двери. Лицо, обращенное к окну, гладили солнечные лучи; жмурясь от яркого света, она держала Люче на коленях.

— С добрым утром, кошечка, — как можно небрежнее произнес Кейлус, приблизившись. — Знаю, это прозвучит немного неожиданно, но придется тебе приготовиться к путешествию.

Ева медленно открыла глаза. Глядя на мужчину щелями узких кошачьих зрачков, плещущихся в мерцающей васильковой сини, широко улыбнулась.

Бесполезные серебряные обломки того, что совсем недавно было браслетом у нее на запястье, Кейлус заметил на полу подле кровати безнадежно поздно.

Отшатнулся, когда огненный клинок мгновенным движением выскользнул из ножен, тоже.

...да, приди Кейлус Тибель туда, куда он пришел теперь, буквально минутой раньше, все могло бы выйти совсем иначе.

А сейчас он, расширив глаза, неверяще посмотрел на золотое лезвие в своей груди. На тонкие девичьи пальцы, сжимавшие рукоять волшебного меча, совсем недавно вторившие мелодией его собственным. На бледное девичье лицо, измененное чуждой, слегка безумной улыбкой.

Меч скользнул обратно, освободившись.

Захлебнувшись своим последним вдохом, Кейлус хрипло вымолвил имя того, кто никак не мог его услышать.

— Жаль, жаль, — опустив не запятнавшийся клинок, сказал Мэт, когда он упал — нежным девичьим голосом, оттененным звонким эхом жуткого многоголосья. — Со страданиями было бы куда веселее.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ОТ 08.03:

Немногим позже вышеупомянутых событий во тьме тайного прохода, ведущего из комнат подле королевских покоев в парк за дворцом, скользнул вверх по ступенькам чей-то гибкий силуэт.

Конечно, Миракл Тибель мог войти и через парадные двери. Но что-то подсказывало ему — после несостоявшейся дуэли Айрес позаботилась о том, чтобы его не подпустили к брату на расстояние ближе, чем вмещает в себя комната за надежно запертой дверью. Даже если учесть, что совсем недавно королева отбыла на заседание кабинета Советников, сторожей Уэрта ее отсутствие точно не смягчило бы. Значит, пришла пора воспользоваться черным ходом.

Самым черным.

У постороннего, даже знай он об этом секрете, такой фокус не прошел бы. Магическая защита, отрезавшая посторонним возможность попасть в королевскую обитель, вполне естественно распространялась и на тайные ходы. Но Миракл, как член королевской семьи, являлся одной из немногих персон, которых защита дворца пропускала беспрекословно, а о ходе этом им с Уэртом лично рассказал их царственный дедушка, пока еще был жив. В детстве они даже лазили здесь вместе, азартно выглядывая нечто жуткое в тенях, рождаемых бледным светом редких кристаллов на стенах. Кристаллы

повесили здесь давно, и, в отличие от более современных своих собратьев, они горели постоянно, истощаясь со временем; чары изредка обновляли, но сейчас, как и семнадцать лет назад, свет едва сочился на серый камень. Помнится, Уэрт тогда еще не умел призывать свои тени, и...

Милые сердцу воспоминания прервало то, что в начале восхождения по винтовой лестнице, которая должна была привести его к книжному шкафу в одной из комнат на верхних этажах, Миракл совершенно неожиданно столкнулся с кем-то, спускавшимся ему навстречу.

К счастью, блеклого света хватило, чтобы они узнали друг друга прежде, чем прибегли к мечу и магии.

— Мирк?

— Уэрт! — все еще сжимая в пальцах рукоять своего клинка, изумленный Миракл отступил на шаг. — Что ты здесь делаешь?!

— Лучше скажи, что ты здесь делаешь.

Некромант застыл ступенькой выше брата. Скорее обескураженный, чем обрадованный.

— Тебя навестить шел, зачем же еще. С недружелюбными намерениями меня к тебе вряд ли впустят, играть в дружбу после дуэли было бы глупо — вот и воспользовался известием, что Айрес отлучилась. — Миракл разжал руку почти раздраженно. — Твой черед.

— Я взломал защиту поместья. Кажется. — В призрачном мерцании трудно было понять, лежат под глазами Герберта тени изможденности или просто неверного освещения. — Я иду за Евой.

— Я думал, Айрес велела тебе сидеть под замком.

Уже под конец фразы в голосе Миракла прорезалось сомнение.

— У меня есть для нее сюрприз. Но раньше времени его раскрывать его не стоит, так что пользуюсь отлучкой, как и ты. — Бесцеремонно скользнув мимо брата, Уэрт продолжил нисхождение к выходу из дворцовой мышеловки. — Ты, стало быть, за меня беспокоился?

— И не только, — разрываясь между желанием узнать подробности сюрприза и вывалить собственные новости, вздохнул Мирк.

Ко времени, когда они, пробравшись по длинному обледенелому туннелю под прудом, вынырнули из скрытого люка в полу милой

парковой ротонды (нажав рычаг в туннеле, ты откидывал одну из каменных плит на манер крышки), братья успели дружно поругаться на столь несвоевременное стечение многочисленных обстоятельств, обсудить тонкости кормежки и ухода за драконами и понадеяться, что в отсутствие Миракла его мать не решит сплавить новоявленного питомца в псарню.

— Отвод взгляда? — оценил Герберт, глядя на плащ Миракла, на свету слившийся с окружающей обстановкой, словно мутное стекло. — Неплохо.

— Не хотел, чтобы стражники меня заметили. А когда ты не маг, как некоторые, приходится обходиться артефактами. — Накинув капюшон, тот цепко оглядел белый солнечный сад. Благо вокруг не было ни души. — Сможешь перенести нас к особняку дядюшки?

— Нас?

— Я иду с тобой. Это не обсуждается.

Герберт лишь кивнул устало: сил, желания и времени спорить у него не было.

— Магические переносы здесь не работают. Как и во дворце. Лишь за границей его территории, — коротко откликнулся он. — Как ты пролез в парк?

Мирк без лишних слов двинулся к расчищенной садовой дорожке, уводившей прочь от ротонды: колышущееся прозрачное марево примерно человеческих очертаний, не отбрасывающее тени. Выплетя рунную цепочку, Герберт двинулся следом, дорогой растворяясь в воздухе.

Он не вернул себе видимость, даже когда они перелезли через высокий каменный забор, оказавшись на тихой улочке, застроенной особняками наиболее состоятельной части жителей столицы. Конечно, у посторонних такой фокус снова не прошел бы; но поскольку в данном случае через стену перемахнули два члена королевской семьи, которых Ее Величество рада была (хотя бы внешне) принять в любое время на вполне законных основаниях, то благородные лиэры покинули парк так же легко, как немногим раньше Миракл в него проник.

— Держись за меня.

Подкрепив слова делом, невидимые пальцы Герберта вцепились в относительно видимого Миракла чуть выше локтя. Тот, не

растерявшись, наощупь ухватился за брата — проявившиеся руки в перчатках, высунутые из-под плаща, забавно и пугающе смотрелись отдельно от тела.

Пару мгновений спустя они уже стояли перед крыльцом особняка Кейлуса Тибеля.

Отпустив Герберта, Миракл отступил на шаг:

— Ты уверен, что хочешь войти через главный вход? — осведомился он вполголоса.

Невидимка по соседству с ним молчал.

Миракл уже собирался повторить вопрос, когда царившую в саду тишину битыми стекляшками рассекли напряженные слова.

— Защита ослаблена. Засов с той стороны закрыт. — Ноги Герберта, стремительно шагнувшего к крыльцу, оставили следы на жестком снегу дорожки; в голосе непонимание мешалось с сосредоточенностью того, кто приготовился шагнуть навстречу чему-то, с чем встречаться никому не хотелось бы. — Смерть. Из дома разит смертью...

Миракл, вместо ответа резко откинув полы плаща за спину, чтобы не мешались, взялся за рукоять меча.

Подчиняясь неслышному слову некроманта, брякнул поднявшийся засов. Двери открылись, встречая гостей. Безмятежное солнце, бывшее юношам в спину, пролилось внутрь, ярко очертив их тени на полу.

Скользком, липком, залитом алым полу.

Под сводами пустого холла колокольчиком звенел девичий голос. Фигурка в золотом шелке танцевала в солнечных лучах, косо сочившихся из окон. Евины босые ноги скользили по мрамору — там, где он остался чистым, — между и вместе с па вычерчивая красным по белизне рунную вязь внутри большого круга. Когда чертить стало нечем, она подступила к кровавой границе; макнув пальцы в лужу за пределами рисунка, одним изящным пируэтом вернулась в центр.

— I know you, — пел чистый высокий голос, окрашенный неправильными потусторонними гармониками, — that look in your eyes is so familiar a gleam... А, мальчики! — девушка наконец заметила Миракла и Герберта, медленно проявившегося в воздухе, застыв на пороге. Задорно блеснув синими глазами, поклонилась им, словно танцуя менуэт; выпрямившись, одним уверенным движением

начертала руну прямо перед собой. — Все-таки явились... многое пропустили, но на финальную часть успели.

Тел было не меньше десятка. Горничные, лакеи, другие слуги. Большая часть — неподалеку от дверей, не выпустивших их из ловушки, которой обернулось их убежище. Двое мужчин, когда-то покинувших Охрану — у лестницы, в алой луже, что теперь использовал их убийца вместо палитры. Тиммир Лейд, с удивлением на лице, лежал на ступеньках — он так и не успел ничего понять, когда волшебный меч вонзился ему в спину.

Мертвая тишина, нарушаемая лишь эхом женского голоса, ясно подсказывала: искать в этом доме живых не стоит. Остальные просто не успели добраться сюда.

— Боги, — глядя на все, что освещали насмешливо яркие лучи, прошептал Миракл. — Уэрт, кто... что... это?

ПРОДОЛЖЕНИЕ ОТ 09.03:

— And I know it's true that visions are seldom all they seem... Это, милый мальчик, я. — Повернувшись к гостям, Мэт скромно расшаркнулся окровавленной ножкой. — Детишки, помнится, тебе про меня не рассказывали... как и кому-либо еще. Большое упущение с их стороны. — Критически оглядев получившийся рисунок, он лениво подобрал рапиру, лежавшую за границами круга. — Знай ваш дядюшка, кого притащил в свой дом в нагрузку, глядишь, думал бы быстрее.

Герберт вскинул руку, но заклятие, рассыпавшись синими искрами, бессильно разбилось о невидимую границу, даже близко не достав до демона.

— Тельце мне досталось колдуньи, стало быть, и колдовать я теперь могу не хуже нее. А то и получше. — Воткнув рапиру в центр круга, Мэт насмешливо оперся на нее, словно на трость. — Не бойся, малыш, вас я трогать не буду. Если не станете мешать.

— Ты нарушил условия, — отчеканил Герберт, глядя на золотое платье, тут и там прожженное пропущенными заклятиями и продырявленное ударами тех, кому не хотелось умирать. В частности — представителей Охраны, подле одного из которых валялся выпавший из рук нож. — Еве причинили вред. По твоей вине. Я расторгаю договор.

— Милости прошу. У меня уже другой договор, пока он действует, я останусь здесь. — Мэт прикрыл глаза; сходство с Евой теперь, когда меж девичьих век не плескался синий фосфор, стало еще более пугающим. — Ненадолго, надеюсь.

Миракл, успевший подобраться к барьеру, чуть пошатнулся, налетев на незримую преграду. Рубанул обнаженным клинком по прозрачному куполу: неполное понимание происходящего вполне позволяло ему понять, что тварь в Евином теле нужно остановить.

— Только не говори, что вы были так глупы, чтобы призвать демона, — осыпая барьер стальным градом быстрых экономных ударов, проговорил юноша безнадежно. Лезвие пружинисто отскакивало от воздуха, по которому поползли едва заметные трещины, но трещинами все и ограничилось.

Герберт едва ли его услышал — пальцы некроманта сплетали рунную паутину, язва заклятиями магический щит. Черные тени, соткавшись у Мэта за спиной, бесшумно прошли сквозь прозрачную стенку — девушка, даже не открывая глаз, рассекла их несколькими ловкими движениями клинка, крутанувшись вокруг своей оси.

— Ты начинаешь мне мешать, — заметил демон ровно.

— Ева! — крикнул Миракл, опустив бесполезный свой клинок. Пробить барьер заговоренной стали оказалось не по силам; даже если бы пробил, обратить меч против мгновенно регенерирующей нежити, да еще той, в целости которой ты непосредственно заинтересован, было не самой лучшей идеей. — Ева, не позволяй ему...

— Это так не работает, мальчик. Она вас не слышит. И не услышит.

— Она ни за что не заключила бы с тобой сделку, — процедил Герберт, тщетно пытаясь прорвать нерушимый купол.

— Я намекал тебе поторопиться. Когда сидишь в блокирующем браслете, медленно превращаясь в труп, а прекрасный принц не спешит вытаскивать тебя из клетки, поневоле примешь помощь кого поближе. — Когда линии кровавого круга стали медленно насыщаться колдовской белизной, Мэт удовлетворенно взглянул на них из-под приоткрытых ресниц. — Успокойся, малыш. Получишь ты свою куклу обратно... как только она станет мне без надобности. Может, я даже оживлю ее в благодарность. Смотреть, как она от этого взбесится,

будет куда забавнее, чем просто убить. — В щелях его глаз полыхнула синяя бездна. — Пошли вон. Мне некогда с вами возиться.

Часть потолка — прямо над головой Герберта — рухнула вниз. Едва заметив движение, Миракл бездумно сбил брата с ног, отпихнув в сторону, вместе с ним полетев на пол; прежде, чем оба упали, порыв колдовского ветра швырнул обоих обратно на улицу, за тут же захлопнувшиеся двери.

— Я бы щитом нас прикрыл, болван, — огрызнулся Герберт, вскочив почти сразу, как его ударило спиной о мраморное крыльцо.

— У тебя и без того, кажется, проблем хватало. — Поднявшись на ноги ловко и стремительно, точно кошка, Миракл устался на запертый вход в дом, ставший склепом. — Что за круг? Что он делает?

Некромант, не реагируя, раздраженно махнул руками. Когда двери остались запертыми, шагнул ближе, ощупывая ладонями холодное дерево.

— Теперь так просто не открыть. Запечатал изнутри, ну конечно...

— Что он делает? — повторил Миракл.

— Открывает проход в Межгранье. — Герберт сосредоточенно чертил пальцами в воздухе замысловатые пассы, точно распутывая незримые кружева. — Он войдет туда в Евином теле. В ее теле откроет новый проход — из Межгранья сюда. И обретет свободу.

— Свободу от чего?

— От Межгранья. Демоны не могут сами открывать проходы между мирами, но в телах колдунов, как ты уже убедился, обретают возможность колдовать. Когда он откроет проход с той стороны, то сможет выйти сюда в своей истинной форме. Не ограниченный больше ничем.

— Я, конечно, мало смыслю в магии, но двусторонний проход потребует колоссального количества энергии... — Миракл осекся. — О, боги.

— Именно. Жизненная энергия всех, кого он вырезал, еще разлита в воздухе. Он использует ее, как топливо, потому еще и не закончил. — Герберт бережно и аккуратно крутанул ладонью: казалось, он наматывал на палец призрачную нить. — Собрать ее и вдохнуть в руны — процесс не быстрый.

Выдохнув облачко пара в морозный воздух, Миракл свободной рукой ослабил шейный платок; на тонком шелке блеснула золотом в солнечном свете брошь с гравировкой в виде инициалов владельца.

— Что нам делать?

— В человеческом теле демоны ограничены возможностями тела. Они увеличивают твою магическую мощь... наверняка так он и избавился от браслета, тот просто не выдержал силы, которую сдерживал. Но чтение мыслей, иллюзии — этого он лишен.

— Сомнительное преимущество.

— Лучше, чем никакое. — Герберт рассек воздух жесткой горизонтальной линией, подводя черту чар. — Готово.

Оба посмотрели на двери, понимая: даже если сейчас они войдут внутрь, все может закончиться точно так же, как минуту назад.

— Мы должны как-то вышвырнуть его из тела. Не просто положить на лопатки. — Миракл казался спокойным, как и его брат. — Ты не можешь ее отключить?

— Не могу. Пока в ней демон, у меня нет над ней власти. — Некромант щурился на солнце, бывшее в глаза, равнодушное к происходящему. — Я знаю ее. Она бы не заключила сделку без приемлемых условий. Он должен был предложить ей что-то, что показалось бы ей нормальной ценой, что-то...

Герберт замолчал.

Воззрился на меч, который Миракл по-прежнему держал в опущенной руке.

— Твой клинок заговорен.

— Сам знаешь, — подтвердил Миракл, мудро не тратя время на расспросы.

— На пробитие барьеров тоже.

— Не таких мощных. Сам видел, я его разве что поцарапать могу.

— Если я волею в него побольше силы, пробьет и такой. — На губах Герберта проявилась едва заметная, капельку неприятная, крайне опасная улыбка. — Он ослабил защиту, убив тех, кто ее сотворил. На магические перемещения в том числе... очень кстати.

Когда двери в особняк распахнулись вновь, девичья фигурка стояла в круге, широко раскинув руки. Мерцание Люче, вогнанной в щель между плитами пола, померкло перед звездной белизной, окрасившей колдовские линии; воздух в центре змеился трещинами,

медленно растекавшимися в стороны, ткавшими овал будущей прорехи в пространстве.

Когда мертвые представители Охраны, лежавшие в непосредственной близости от круга, беззвучно поднялись — внутри барьера, подчиняясь силе, которую не могли остановить магические щиты — Мэт скушаяще обернулся через плечо. Небрежно, точно отмахиваясь от надоедливых мух, двинул руками, отшвыривая умертвий от себя: не дойдя до начертанных кровью линий, от невидимого толчка те пролетели через весь зал. Ударившись о стены, затихли, чтобы больше не подняться.

Свою функцию — подарить несколько секунд Мираклу, успевшему вогнать кончик клинка в невидимую преграду, отделявшую их с Гербертом от демона — они все равно уже выполнили.

Миг, и клинок засиял ярче, чем рисунок на полу. Миг, и прозрачный купол пошел трещинами. Миг, и барьер исчез, точно лопнувший мыльный пузырь; Мэт повернулся к тем, кто прорвался внутрь, — но щупальца колдовских теней обвились вокруг его запястья, вновь вынудив отвлечься, защитившись волшебным лезвием.

Когда тени растворились клочьями черноты, Миракла от цели отделял только шаг.

Рапира скользнула по шейному платку, целя в горло. Ловко уклонившись, юноша встретил лезвие плащом, запутав сталь в шерстяных складках. Сшиб противника с ног, сжал его железной хваткой — и упал прямо на Уэрта, уже ждавшего с другой стороны.

Раньше, чем не-Ева успела сотворить что-либо, что помогло бы ей выпутаться из нежеланных объятий, все трое исчезли.

Трещины разрывающегося пространства поблекли и пропали. Белые линии мягко погасли, вернув первозданный и обыденный кровавый цвет. В доме воцарилась тишина... ровно до тех пор, пока внутрь, привлеченные сигналом о вопиюще тревожной магической активности, не ворвались прибывшие стражники.

Один из которых обнаружил среди мертвых, крови и рун кое-что, чего найти там никак не ожидал.

— Все? — напряженно спросил Миракл, когда они с Уэртом сели на обледенелой брусчатке за воротами замка Рейолей.

Некромант склонился над девушкой — Миракл так и не выпустил ее из рук. Бледной, неподвижной, сейчас как никогда похожей на мертвеца. Люче, выпавшая из безвольных пальцев, лежала на подоле поймавшего ее плаща, сердито поблескивая в сером дневном свете: на Шейнских землях, в отличие от столицы, было облачно.

— Да. Я вижу ее ауру. — Бесстрастный, очень уверенный голос не вязался с тем, как дрожащие пальцы Герберта огладили холодный Евин лоб. — Очнись.

Та послушно приоткрыла глаза. Посмотрела перед собой мутным, несфокусированным взглядом — блекло-голубым, без следов дьявольского фосфора.

Так и не увидев того, на что смотрела, снова смежила ресницы, проваливаясь в бессознательность.

— Она слишком долго обходилась без подпитки. — Подхватив девушку на руки, Герберт осторожно выпрямился. Быстрым, граничащим с бегом шагом направился по дороге к замку. — Идем. Пора домой.

Последнее — тихое, трепетное — явно было обращено скорее к Еве, чем к Мираклу. Что не помешало последнему пойти следом, предварительно осторожно сбросив плащ, закутав в него волшебный клинок.

— Дай-ка угадаю, — произнес он, нагнав брата, неся на вытянутых руках объемистый шерстяной сверток; спав с плеч владельца, плащ потерял прозрачность, обратившись обычной тканью. — Меч гномий.

— Верно.

— И ради него-то вы с демоном и связались.

— Должен же у девы из пророчества быть огненный клинок.

— Чисто технически у нее должен быть огонь в сердце.

— Ты не хуже меня знаешь, кого ждет народ.

Переступая через блеклые тени деревьев, косо ложившиеся на дорогу, Миракл вздохнул. Взглянул на приближающиеся башни опустевшего замка.

— Значит, она и правда отдала ему тело лишь до тех пор, пока то не покинет дядюшкин дом, — произнес он.

— Иначе она бы не согласилась.

— И как ты догадался?

— Знаю демонов. Знаю ее. — Герберт бережно приподнял руки, удобнее перехватывая свою драгоценную ношу. — Если он пообещал вытащить ее из особняка, то не соврал. Он и правда собирался вытащить ее — в Межгранье. Если он пообещал покинуть тело, как только то окажется вне дома, то снова не соврал. В Межгранье времени нет, там понятия «как только», «сразу», «немедленно», «в ту же секунду» размыты в бесконечность. Возможность открыть проход у него осталась бы.

— Беспроегрышный вариант.

— Если бы не явились мы — да.

Оставшийся путь проделали молча, пока в дверях не натолкнулись на Эльена, спешившего навстречу долгожданым визитерам.

— Господин! Слава богам! Ваше возвращение осияло эти мрачные безлюдные стены, как солнце осеняет... — когда призрак перевел взгляд на Еву, лежавшую сломанной куклой, сиявшая в его глазах радость сменилась почти ужасом. — А что...

— Ей нужна ванна, — бросил Герберт, не замедлив шаг. — Сейчас.

Проглотив все велемечивые слова приветствия вместе с вопросами, Эльен дернул головой в коротком кивке. Развернувшись, помчался вверх, в буквальном смысле не касаясь ногами пола.

— Ты не думал, что в особняке найдут следы твоих заклятий? — напряженно осведомился Миракл, пока они с братом поднимались на верхние этажи. — Дом наверняка уже кишит стражниками.

— Не сомневаюсь. Именно поэтому я не спешу туда вернуться. За ножнами от ее клинка. — Если Герберту и тяжело было поднимать свою ношу по высоким ступенькам, он ничем этого не выказывал. — Эманации прохода, даже не открытого до конца, перекроют следы всей другой магии. К тому времени, как они рассеются, моих там уже не останется.

— Значит, нашу причастность к... ко всему этому... не обнаружить.

— Нет.

— Хоть это хорошо.

К тому времени, как они поднялись и добрались до ванной комнаты, Эльен уже собственноручно опрокидывал в наполовину заполненный бассейн очередное ведро воды, присовокупляя ее к текущей из крана.

Следующую пару минут Миракл с дворецким наблюдали, как некромант замешивает целебный раствор, опустошая десяток призванных банок и склянок; волшебные ингредиенты окрасили теплую воду поочередно в зеленый, синий, голубой и солнечно-золотистый. Деликатно отвернулись, когда Герберт ножом вспорол на Еве изодранное окровавленное платье, позволив ему тряпкой упасть по соседству с рапирой — Миракл положил ту прямо на пол, рядом с законной владелицей, не решившись вытряхнуть клинок из плаща. С волшебными мечами шутки плохи.

Выждав какое-то время, Миракл осторожно покосился на бассейн через плечо.

Герберт стоял на коленях в воде, держа ладонь на рубине. Багряное сияние, сменившее редкую умирающую пульсацию, пробивалось меж его пальцев, лучами струилось сквозь жидкое золото, укрывшее девушку под водой мерцающей вуалью.

— Тебе нужно возвращаться, — отвернувшись, сказал Миракл отстраненно. — Если не хочешь, чтобы Айрес заметила твое отсутствие.

Герберт отнял пальцы от тонкой кожи, медленно гревшейся водным теплом. Нежно, точно касаясь хрусталя, погладил шелковую щеку, неподвижные губы, длинные волосы, разметавшиеся жемчужными разводами — казалось, кто-то разлил по бумаге светлую краску.

— Уэрт, давай. Разбудить ее ты сможешь и издали.

— Знаю. — Скользя по беспомощно тонкой руке, его пальцы сжали безответные Евины пальцы. — Я вернусь. Обещаю.

Когда некромант выбрался из бассейна, с его штанов — он влез в воду, сняв только ботинки — веселыми струйками побежала вода.

— Присмотри за ней, Эльен, — сухо произнес Герберт, обуваясь. — Будь рядом, когда она проснется.

— И что мне ей сообщить?

— Скажи, что... нет. Это я лучше скажу сам. — Выпрямившись, некромант сжал губы. — Скажи, что Айрес держит меня взаперти. Я приду, как только смогу.

Поклон призрака был почти страдальческим.

— Полагаю, большего мне пока услышать не суждено, — лишь добавил он смиренно.

— Миракл расскажет.

— Потом. Сейчас нужно наведаться домой, — устало откликнулся тот. — Если помнишь, у меня теперь тоже есть за кем приглядывать.

— Могу подкинуть до дома.

— Ты и без того сегодня наколдовался. — Миракл вгляделся в лицо брата: при нормальном освещении лишь отчетливее видны стали его впалые щеки и скулы, заострившиеся, точно их подточили резцом. — До дворца-то сил добраться хватит?

Герберт смерил его взглядом, ясно говорившим: недооценивать его не стоит. Даже брату. Особенно брату.

— Идем, — сказал он, направляясь к двери. Мокрые штаны, казалось, не доставляли своему владельцу ни малейшего дискомфорта.

— Кристалл для связи не хочешь прихватить?

— Слишком рискованно. Если Айрес его найдет, непременно поинтересуется, откуда я его взял.

Обратно спускались и шли снова молча. Возможно, потому что ощущения победы не было. Возможно, потому что эта победа никак не могла исправить того, что ей предшествовала.

Возможно, потому что настоящая битва — оба прекрасно это помнили — им только предстояла.

— Спасибо, — сказал Герберт, когда они вернулись к воротам.

Прекрасно поняв, за что его благодарили, Миракл молча пожал брату руку. Скупно обнял, хлопнув по плечу.

— Значит, Кейлус тоже мертв, — все же произнес он то, что нужно было произнести.

В том, как Герберт пожал плечами, ясно читалось: даже если их дядя действительно мертв, это не слишком его огорчает.

— Если честно, сейчас это меня волнует меньше всего.

— Да, — после секундного колебания согласился Миракл. — Пожалуй. — Помолчав, он потянулся к вороту куртки. — Ладно, увидимся.

Герберт исчез первым. Еще прежде, чем Миракл выправил из-под куртки тяжелый, с пол ладони кристалл, призванный вернуть его домой.

Еще прежде, чем Миракл замер: когда его пальцы, в поисках цепочки скользнув по шейному платку, сообщили владельцу неожиданную и не слишком приятную новость.

Часть платка отсутствовала. Отрезанная тонким золотым лезвием, сегодня чуть не доставшим до его горла. Та часть, на которой красовалась брошь с инициалами «М. Т.».

Мысль о том, где теперь находилась эта брошь, Мираклу Тибелю совершенно не нравилась.

Глава 14. Lugubre

(*прим.: Lugubre — мрачно, зловеще, печально (муз.)

— У меня скверные вести, — сообщила королева племяннику, когда их совместный ужин приблизился к концу.

Во дворец Айрес вернулась уже под вечер. Куда позже, чем обещала. По причинам, о которых несложно было догадаться. Эти же причины угадывались в мрачности ее взгляда и жесткости, тенью легшей на красивое лицо.

Она не торопилась заводить разговор, которого ее наследник ждал. Но неизбежность этого разговора Герберт читал в каждом ее движении, сопровождавшем трапезу.

Естественно, Герберт ничем не проявил своей догадливости, ответив на изречение уместно хмурым взглядом.

— Кейлус мертв.

Не мигая, наследник престола воззрился на королеву через разделявший их стол.

— Не может быть.

— Кто-то устроил резню в его особняке. Убили не только его, но и всех слуг. — Промокнув губы, Айрес аккуратно сложила шелковую салфетку пополам. Затем вчетверо. — Среди которых, как выяснилось, было немало персон, неугодных власти.

— Никак хотели сделать тебе подарок.

Айрес устремила внимательный взор на его равнодушное лицо.

— Вижу, ты не слишком огорчен.

Герберт едва уловимо пожал плечами:

— Тебе прекрасно известно мое к нему отношение. Изображать скорбь лишь потому, что это мой родственник, я не собираюсь. Точно не перед тобой.

— Это верно, — задумчиво согласилась Айрес. Помолчала. — Жаль, я была привязана к нему несколько больше твоего. — Салфетка, уже свернутая в маленький тугой квадрат, недобро сжалась в изящных бледных пальцах — словно в мыслях королевы в этот самый момент они сжимались на чьем-то горле. — Кто бы это ни сделал, он поплатится.

— Есть догадки?

— Есть рунный круг, начертанный кровью. Убийцы пытались открыть проход в Межгранье — подозреваю, чтобы сбить власти со следа. Есть проход, смердящий так, что следы чар толком не разобрать. Думаю, ритуал прервали, хотя разобрать сложно. — По тому, как Айрес тирий Тибель медленно отложила салфетку, стало ясно: то, что она скажет сейчас, важнее всего, что было сказано до того, каким бы значимым оно ни было. — И есть арест.

— Вот как. Кто задержан?

— Мирк.

Рука Герберта, скучаяще тянувшаяся к бокалу с водой, застыла и дрогнула, точно наткнувшись на невидимый лед.

— Миракл?

— Его задержала Охрана. Для допроса. В особняке обнаружили его брошь. С инициалами, прямо в круге. — Под застывшим, замороженным неверием взглядом племянника Айрес подалась вперед. — Сперва Мирк утверждал, что никуда не выходил сегодня, а брошь ему не принадлежит, но кое-кто из Охраны... несколько превысив полномочия, ибо весомых оснований прибегать к досмотру памяти не было, но такое рвение можно понять... заглянул в голову его дворецкому. Сам Мирк, как ты понимаешь, по положению и привилегиям своим неприкосновенен. По крайней мере, пока не найдут более весомых доказательств его виновности. — Вздох Айрес трепетом отразился на лепестках цветов, желтевших в вазах, украшая стол. — Брошь, конечно же, его. Около полудня Мирк покинул особняк, да еще в маскирующем плаще. Вернулся где-то час спустя. Убийства были совершены примерно в то же время.

Все же сомкнув пальцы на тонком хрустале, Герберт плавно, словно двигая рукой сквозь водную толщу, поднес бокал к губам. Глядя в точку, незримо обозначенную где-то на переносице сидевшей напротив женщины, сделал пару очень медленных глотков.

— Плохо дело, — ровно проговорил он наконец, не отнимая бокал ото рта. Лишь чуть опустил ножку, чтобы вода не касалась губ.

— Очень, — усталый голос королевы звучал вполне искренне. — Его арест нужен мне сейчас меньше всего. Это может вызвать ненужные... волнения.

— Я думал, ты будешь рада, учитывая твои опасения на его счет.

— Рада тому, что мне придется уничтожить собственного племянника?

— С собственной сестрой тебя это не остановило. С братом тоже.

Голос Уэрта остался ровным.

По комнате разлилась мгновенная тишина.

— Уэрт, ты же знаешь, как я тоскую по твоей матери, — когда Айрес заговорила вновь, голос ее был легче и нежнее шелка. — По отцу Мирка, поверь, тоже.

— Но ты убрала его, когда возникла нужда.

— Если не веришь в мои родственные чувства, поверь в мою мудрость. Сейчас гибель Мирка была бы совершенно лишней.

— Так велела бы его отпустить.

— Уже. Хотя у меня остались некоторые сомнения в дальновидности этого шага. — Опустив взгляд, Айрес неторопливо оправила манжеты, кружевной пеной окаймлявшей ее тонкие кисти. Перед ужином она облачилась в брюки и рубашку; бордовый шелк лег на талии и груди изгибами, которым завидовали многие юные представительницы столичной элиты. — Если это провокация, организованная лицом, не причастным к Мирку и его... сторонникам, от меня могли этого ждать. Известие, что один наш родственник в кровавой бойне убил другого, не пойдет на пользу репутации нашей семьи, но известие, что я покрываю убийц среди этих родственников, тоже. Мирк пока под домашним арестом.

— Он никак не мог открыть проход.

— Один человек, даже столь искусный во владении клинком, вряд ли в одиночку вырежет целый особняк. Без сообщников не обойтись. К тому же на доме Кейлуса была магическая защита, пробить которую в свою очередь могла только магия.

— Он не убийца. Он этого не делал.

— Я знаю, — изрекла Айрес мягко и успокаивающе. — Кто-то подставил его. Весь вопрос в том, кто и зачем. — Последнее прозвучало столь же задумчиво, сколь недобро. — Если надеялись окончательно запятнать репутацию Тибелей, то избрали самый глупый способ. И плохо представляли себе высоту, с которой нас придется сбросить. Если Мирк... крайне маловероятно, совершенно не его стиль, но все же... хотел использовать это в качестве толчка к восстанию — под домашним арестом ему будет трудно

координировать действия с сообщниками. Охрана прослушивает весь дом, и я велела усилить наблюдение за некоторыми персонами из его окружения, наиболее подозрительными. Со связанными руками действенный переворот не организуешь. — Снова посмотрев на племянника, королева чуть сузила глаза. — Забавно, я думала, в свете ваших недавних... разногласий до него тебе дела тоже не будет. Забыла, что детская дружба никогда не умирает до конца.

Герберт не стал спрашивать то, что спросить было бы не лишним. Лишь поставил на стол бокал, который до сих пор держал у губ.

Вопрос «не обнаружила ли Охрана в доме нечто подозрительное — к примеру, маленького дракона» определенно сам по себе был бы очень подозрительным. К тому же едва ли Айрес не упомянула бы о столь интересной детали, будь она обнаружена.

— Как ваша с Кейлусом? — спросил некромант вместо этого.

По паузе, предшествовавшей ответу, стало ясно — найти и дать этот ответ королеве не менее сложно, чем разгадать головоломку, заданную ей смертью Кейлуса Тибеля.

— Как наша с Кейлом, — все же подтвердила она негромко. Помолчав, откинулась на бархатную спинку стула, глядя на своего наследника из-под приспущенных ресниц. — Я погорячилась, заперев тебя здесь. Можешь вернуться в свой замок, если хочешь.

Перевод темы вышел неожиданным. И удивительно резким. Впрочем, если вспомнить сложные отношения Айрес с ее кузеном, можно было понять, почему она хочет перевести тему так, чтобы не возвращаться более к предыдущей.

Лицо Герберта осталось бесстрастным.

— Правда?

— Судя по всему, что я наблюдала эти дни, любовное безумие тебя оставило. Пока Мирк под арестом, едва ли вам представится возможность довести дуэль до конца. И я прекрасно вижу, как не по душе тебе быть здесь. Сидеть под замком, словно непослушный ребенок... Я лучше кого бы то ни было знаю, как хорошо ты умеешь сдерживать эмоции, и благодарна, что ты ни слова не выговорил мне за все это — но это не может не унижать тебя и не заставлять злиться. В свете создавшейся ситуации последнее, что я хочу — создавать сложности еще и между нами. — Айрес царапнула алым ноготком по

белоснежной парчовой скатерти. — Правда, когда ты под этой крышей, мне не приходится волноваться за твою безопасность.

— Кажется, я неоднократно доказывал, что вполне способен за себя постоять, — напомнил некромант холодно: в ответ получив теплую, слегка извиняющуюся улыбку.

— Прости. Ты же знаешь... сколько бы лет ни было детям, для родителей они всегда останутся несмышлеными малышами. — Королева слегка развела руками, подкрепляя слова и улыбку жестом. — Если закончил с едой, можешь идти хоть сейчас.

— Я никуда не тороплюсь.

Самый пытливый взор и острый слух не уловил бы фальши за этими равнодушными словами.

— Просто я знаю, что к десерту ты все равно не притронешься. А Эльен наверняка уже на стенку лезет от невозможности перекинуться с кем-нибудь словечком. И Мелок соскучился. — Положив подбородок на руки, Айрес огладила лицо племянника даже печальным каким-то взглядом. Она больше не улыбалась. — Уэрт, я не собираюсь удерживать тебя там, где тебе не хочется быть. Я и без того сделала то, чего не должна была делать. Прибегла к рычагу, к которому не должна была прибегать — даже для твоего собственного блага. Твой комфорт, душевный и не только, для меня важнее всего.

— Прямо-таки всего.

— Ладно, столь же важен, как благо страны.

— В это я уже верю.

Когда некромант неспешно поднялся из-за стола, королева опустила глаза, изучая тонкие птичьи косточки на своей тарелке.

Не глядя, как Герберт огибает стол, чтобы подойти к ней.

— Спасибо, — сказал он, склонившись над ее стулом. На миг невесомо прижался сухими губами к гладкой бледной щеке. — Я ценю все, что ты для меня делаешь.

Улыбнувшись, Айрес повернула голову. Коснулась легким поцелуем ладони, которой племянник оперся на ее плечо:

— Люблю тебя.

За тем, как Герберт уходит, она тоже не следила. Сидела, почти мечтательно наблюдая, как легкий сквозняк из приоткрытого окна — королева не любила духоту — щекочет холодом цветочные лепестки.

Корона налагает обязанность следить за многими вещами, которые тебе совсем не по душе. Но не в данном случае.

Не в этот конкретный момент.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ОТ 18.03:

Она дрейфовала в черноте. Тьма окутывала ее черной водой, утягивала вглубь, в бездонную тишину, где не было ничего.

Кроме голосов.

— Ты умрешь, — тоненько шептал один. Не женский, не мужской, не юный, не старый — просто шелест коротких слов, касавшихся слуха погребальным покровом.

— Тебе не спастись, — сказал другой. Тоже без пола, тоже без возраста — просто слог в песне манящего небытия.

— Смирись.

— Сдайся.

— Останься здесь...

Действительно, почему нет? Ведь здесь тишина, и покой, и никакой боли, и никаких тревог. Можно просто зажмуриться и отдаться черноте, раствориться в ее объятиях, потерять себя, чтобы никогда больше не найти.

Себя...

Воспоминания о заключенной сделке пришли разом — вместе с осознанием, кто она.

Распахнув глаза, Ева всплеснула руками. Рассекая черноту, как масло, рванула вверх: к поверхности, которой она не видела, но которую предполагала. В направлении, противоположном тому, куда тянули вкрадчивые голоса чего-то, окружавшего ее, властвовавшего над ней, стремившегося подавить, поглотить...

Она сделала едва ли пару движений, когда сверху показался свет. Отчаяннее засучив руками и ногами, Ева устремила к нему — и за миг до того, как вырваться, уперлась в нерушимую прозрачность льда. Тонкого и чистого, как стекло.

Плыла она, оказывается, вовсе не вверх. Вбок. Лед служил стеной комнаты, которую Ева успела хорошо узнать. Среди золотых тонов за керфианским аналогом фортепиано сидела Динка, за ней стоял Лешка со скрипкой, выводя смычком неслышную музыку. Кейлус облокотился на крышку клаустира, листая Динке страницы — в учаге

Ева с однокурсниками в шутку нарекли эти почетную должность «перевертмейстером». Судя по тому, что в процессе переворачивания Кейлус говорил что-то, отдавая указания, написаны эти страницы были им самим; а, может, просто давал советы, как мастер мастеру.

Все трое стояли к Еве спиной.

Когда Лешка обернулся, она выпустила в черную воду пузырек воздуха, сорвавшийся с губ вместо крика.

Сверкнув синими, без белков глазами, Лешка — то, что им притворялось — улыбнулся ей. Бросив на пол скрипку, с размаху наступил на нее, заставив дерево брызнуть осколками. Со смычком в руке подошел к клаустуру: двое за ним, беззаботно музицировавшие, почему-то не обратили на него ни малейшего внимания.

Смычок вошел Динке в спину, словно нож.

Черные клавиши сделались красными.

Беззвучно крича, захлебываясь темнотой, Ева заколотила кулаками по тому, что не позволяло ей вмешаться. Лед пошел трещинами — не раньше, чем не-Лешка приблизился к Кейлусу. Спокойно перевернувшему очередной нотный листок, будто не заметив, что его ученица упала лицом на пюпитр.

Когда Ева, вырвавшись из темноты, рухнула на золотистый ковер, задыхаясь, наконец-то слыша собственный крик — было уже поздно.

— Ты никого не спасла, глупая, — сказал Мэт: теперь с собственным лицом, издевательски смеющимся. Он стоял над телом Кейлуса, без стога, без вскрика рухнувшего наземь. — Даже себя.

Она сама не заметила, как оказалась на ногах. Сама не заметила, как в руке оказалась Люче. Осознала лишь, что в один миг очутилась рядом с демоном, и пальцы сами взметнулись, направляя золотое лезвие в чужое сердце — если, конечно, у демона могло быть сердце.

Клинок вонзился легко и беззвучно.

Подняв взгляд от места, где сталь вошла в фиолетовую ткань, искрящуюся звездным аметистом, Ева посмотрела на того, кого убила.

Она так и не поняла, от чего проснулась. От звучания голоса, велевшего ей очнуться — или от ужаса, прошившего ее, когда она поняла, что смотрит в мертвые глаза Герберта.

— Тише, — сказал некромант, когда она дернулась в его руках. — Ты дома.

Герберт. Живой. Теплый. Настоящий.

Дома...

Моргнув, привыкая к свету, Ева огляделась. С чего-то ожидая увидеть свою комнату в московской квартирке — с Динкиным пианино, мерцающим компьютерным монитором на столе и подушками с Тоторо, сереющими на диване. Но, конечно, вокруг была только ванная комната, где она так часто приходила в себя после целительного сна.

Нет. Она не дома. Но она в безопасности. И Герберт снова рядом.

Значит, Мэт сдержал обещание...

— Ты же был у Айрес, — немного сонно проговорила Ева. Полулежа на коленях у некроманта, примостившегося на полу, с мокрыми волосами, закутанная в огромное холщовое полотенце: видимо, Герберт только вытащил ее из бассейна.

— Был, — согласился он, прежде чем склониться к ее лицу.

Часы в теплой воде — она всегда была теплой, даже когда Ева просыпалась — сделали свое дело. На сей раз их губы были примерно одинаковой температуры.

— Не представляешь, как я рад, что ты в порядке, — произнес Герберт потом. Пусть даже предшествовавшее словам сказало все лучше них.

Она слабо улыбнулась. Села сама, рядом с ним — просто чтобы убедиться, что она может.

Ни следов галлюцинаций. Если, конечно, это все не одна сплошная галлюцинация. Воспоминания о последних сутках, проведенных в доме Кейлуса, всплывали урывками, словно тающие осколки кошмарного сна.

То, как она заключала сделку, и вовсе почти не помнилось.

— Надо же. Все получилось. — Еще не веря до конца, что ее безумная авантюра увенчалась успехом, Ева плотнее завернулась в полотенце, завязав его на груди. — Расскажешь мне, как я...

Детали сделки просочились сквозь лохмотья памяти одновременно с тем, как увидела Люче. Детали, напомнившие, что Мэт никак не мог доставить ее прямиком в замок Рейолей.

Впрочем, эти мысли отошли на задний план, когда Ева увидела золотое лезвие, мерцающее на шерсти свернутого комом плаща.

Третий раз. Ее клинок покинул ножны в третий раз. Теперь у них всего сутки, прежде чем придется вложить его обратно, или чары

иссякнут. Иначе говоря, добро пожаловать на поклон к гному.

Когда? Зачем?..

— Почему... — растерянность, овладевшая Евой, даже говорить ей толком не дала: теснившиеся в голове вопросы распахивали друг дружку, просясь на язык все одновременно. — Где ножны?

— Остались в особняке Кейлуса, полагаю. — Герберт ответил очень спокойно. Так спокойно, словно самого себя в этот миг убеждал оставаться спокойным. — Не волнуйся, я их верну. Как только чуть уляжется шум, и в особняк можно будет проникнуть незамеченным.

— Я... Мэт... он достал ее? — забыв, что некромант не должен ничего не знать о сделке, она непонимающе, в легкой панике отвернулась от Герберта. Переместилась ближе к Люче: не поднимаясь, ерзая коленками по полу. — Но теперь... как мы теперь?

Ответа не последовало. Один странный, судорожный какой-то выдох. И откуда-то взявшийся ритм, отбиваемый чьими-то туфлями по мрамору.

Ева еще успела подумать, что это Миракл. Или Эльен. Хотя призрак по понятным причинам ходил бесшумно. И, лишь обернувшись, осознала всю несусветную глупость этой гипотезы.

Впрочем, то, что она увидела, казалось еще невероятнее.

Может, она все еще спит?..

Опустившись на колени, в движении проявляясь из воздуха, женщина в алом шелке подхватила Герберта прежде, чем тот успел повалиться набок. Обняла, словно собираясь баюкать перед сном.

Заглянула в лицо некроманта — бледное, с кровью, медленно прочерчивавшей щеку от ноздрей, с полуприкрытыми глазами, в которых еще читалось мучительное изумление.

Был, сказал он минутой раньше. Был в гостях — в плену — у Айрес. А теперь здесь, отпущенный на волю. Ведь это так умно: поймать птишку, посадить в клетку, заставив истоскаться по тому, с кем она никак не могла повидаться в заточении — а потом отпустить, чтобы посмотреть, куда она тебя приведет...

— Бедный, маленький мой глупыш, — молвила Айрес тирин Тибель. В голосе ее звучала печаль. — К сожалению, любовное безумие тебя все-таки не оставило. Иначе сразу бы проверил, все ли в порядке с защитой замка... и не внес ли в нее кто-нибудь изменения, пользуясь твоим отсутствием, чтобы иметь возможность войти

незамеченным. — Коротко, едва слышно вздохнув, женщина следила, как ее наследник засыпает: с чуть приоткрытым ртом, так и не успев ничего сделать или сказать. — Знал бы ты, как я надеялась, что ошибалась.

Когда отступивший шок вернул ей способность двигаться, Ева среагировала, не думая. Одной рукой схватила Люче, другой на автомате выплела руны, выставив щит — и рванула вперед. Атакованная королева не отпустила племянника, даже не встала: только приподняла одну руку, едва заметно шевельнув пальцами.

О том, что лучше было призвать смычок, Ева подумала, лишь когда Люче беспомощно полыхнула, отскочив от вражеского барьера. В тот же момент, как ее собственный щит пошел трещинами — всего от пары разбившихся об него заклятий. Айрес тирин Тибель не зря слыла самой могущественной колдуньей Керфи.

У смычка, в ближнем бою пробивающего магические щиты, оставался хоть малюсенький шанс нанести удар.

Впрочем, выпал бы ей этот шанс, узнать Еве было не суждено.

Третье заклятие заставило ее барьер исчезнуть. Четвертое — швырнуло через всю комнату на стену, сопроводив удар стеклянным звоном. Точно, на стене ведь было зеркало... Где Эльен? Как Айрес стала невидимой? Как прошла через закрытую дверь ванной? Хотя с магией-то...

Глупо, глупо, глупо...

— Ну здравствуй, героиня, — сказала Айрес тирин Тибель, когда Ева упала на пол — и прежде, чем упала обратно во тьму, из которой так недавно вырвалась.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ОТ 19.03:

Когда Ева открыла глаза, положение почти не изменилось. За исключением того, что Герберт исчез, королева сидела не на полу, а на низком табурете, а вместо светлой ванной вокруг была полутемная каморка с каменными стенами.

— Добро пожаловать в Кмитсвер, — любезно произнесла Айрес.

Кмитсверская Королевская тюрьма. Судя по отсутствию окон — ее подвал.

Вотчина Охраны Народного Покоя...

Ева, лежавшая у стены — будто стену, у которой она вырубилась, во сне просто заменили на другую вкупе со всем помещением —

привстала на руках. Посмотрела на дутые медные полосы, окольцевавшие ее запястья, окутанные зловещим зеленым мерцанием.

Здесь для нее не пожалели сразу двух блокирующих браслетов. Хотя хватило бы и одного.

Когда попытка призвать смычок ожидаемо не увенчалась успехом, Ева села. Не утруждаясь взять одежду, лежавшую на грубых каменных плитах, которыми здесь вымачивали пол (в тюрьму ее, похоже, приволокли голой, не удосужившись оставить даже полотенце), уставилась на женщину, следившую за каждым ее движением.

Спросила то единственное, что сейчас ее волновало.

— Где Герберт?

Страх почему-то не было. Не за себя.

— Гербеуэрт, — поправила Айрес мягко. — Во дворце. Снова. Чувствует себя вполне сносно. — Королева — она все еще была в брюках — изящным до отточенности движением положила ногу на ногу. — Я пообещала, что тебя не тронут, пока он ведет себя разумно. Вассальной клятвой не предусмотреть и не оговоришь всего, так надежнее. — Склонив голову, она задумчиво качнула остроносой лакированной туфелькой. — Он ведь рассказал тебе о клятве, полагаю?

— Он не в тюрьме?

Это вызвало у Айрес намек на улыбку.

— Ты думала, я отправлю в Кмитсвер своего наследника? Которого люблю, как собственного сына?

— Даже когда он предал вас?

Ева сама не знала, откуда у нее силы задавать вопросы так спокойно. Откуда в ней вообще взялось спокойствие, позволившее сейчас ощутить облегчение — хотя к этому ситуация располагала меньше всего.

Герберт в порядке. Это главное.

— Я тоже предала его. И предавала. Не раз. — Лицо королевы — даже в тусклом свете единственного блеклого кристалла, вмонтированного в потолок, Ева видела, как она красива — едва уловимым полутонem окрасила грусть. — Я это заслужила. — Помолчав, Айрес чуть наклонилась вперед. — Полагаю, тебе интересно, как ты сюда попала.

Ева пожала плечами.

Ее и правда это не слишком волновало. Сам факт попадания — вот что было важно. И то, как отсюда выбраться.

Что-то ей подсказывало: эта задачка будет посложнее той, которую ей пришлось решать в особняке Кейлуса Тибеля.

— Эта история с самого начала казалась мне подозрительной. Звездная пыль, письма, дуэль... не в стиле Уэрта, — великодушно пояснила Айрес. — Я давно заподозрила, что меня водят за нос. Полагала, что после нескольких дней разлуки Уэрт первым делом поспешит повидаться с тобой. Велела Охране следить за ним. Решила сама нежданно нагрянуть в гости — на случай, если он пригласит тебя к себе. — Она снова качнула ногой; блеклый свет бликами скользнул по черной коже, обнимавшей ее стопу, и высокому каблуку. — Честно говоря, не думала, что найду тебя так быстро. Надеюсь, что застану его одного, и уйду, пока он не заметил. Но вышло иначе.

Злодеи любят все объяснять, вспомнила Ева отстраненно. Чтобы ты понял, какие они изобретательные. Чтобы они могли в полной мере ощутить торжество, когда ты будешь валяться в грязи у их ног — моля о пощаде, осознавая все величие их ума, всю грандиозность их планов.

Только вот при взгляде на Айрес тирин Тибель Еве все меньше верилось, что перед ней тот злодей, каким Ева ее считала.

— Значит, Уэрт где-то прятал тебя, — сказала королева. — Тебя не было в замке, когда я туда приходила... без него.

— И Эльен вам не помешал? — спросила Ева почти равнодушно.

— Он всего лишь призрак. Ему не дано чувствовать такие вещи. — Айрес вновь улыбнулась. Тонко, ускользающе: лишь едва заметное движение кончиков губ. — Я взломала защиту из-за ворот. Потом прогулялась по замку невидимкой. На всякий случай.

Стало быть, про яйцо Гертруды спрашивать точно не стоит. Если Айрес до сих пор его не нашла — значит, и не найдет.

Пока о нем не узнает.

— Что с Эльеном?

— Когда вас забирали, заламывал руки и плакал. — Это прозвучало почти иронично. — Полагаю, следит за замком, как обычно. Мне нет нужды его трогать. Заставить Уэрта упокоить его было бы слишком жестоко — он проявлял лояльность роду, которому клялся служить, не более. Еще есть вопросы?

— Есть. Почему я... здесь?

Она хотела сказать «жива». Поправилась лишь в последний момент, и, возможно, в итоге не совсем правильно сформулировала вопрос.

Но Айрес, конечно, поняла все и так.

— Уэрт любит тебя. Если я просто тебя уничтожу, он меня возненавидит. По многим причинам это было бы совершенно лишним. Пока ты полезнее в качестве залога его покорности. — Щурясь, королева обняла колено ладонями, сплетенными в замок. — Забавно. За него ты явно беспокоишься больше, чем за себя. Даже за его дворецкого беспокоишься больше, чем за себя.

— За себя, если честно, я вообще не беспокоюсь.

Наверное, это — последний ее вопрос и осознание того, насколько он уместен — и являлось причиной Евиного спокойствия. Помимо чудовищной усталости, потому что за последние дни она пережила слишком многое, чтобы эмоционировать еще и теперь. В квартире у них стоял электрощиток, при чрезмерной нагрузке выбивавший пробки — мера предосторожности; видимо, у эмоций тоже есть свои пробки, и с появлением Айрес в замке Рейолей их вышибло напрочь.

По уму ее, Евы, сейчас не должно существовать.

Тот факт, что она все еще мыслит и говорит вместо того, чтобы валяться где-то кучкой пепла, уже позволял не вдаваться в панику.

— И не боишься меня?

— Вы и так меня убили. Боли я не чувствую, пытать меня не выйдет. Вы могли бы меня испепелить или аннигилировать как-нибудь иначе, но тогда я просто не очнулась бы. — Ход собственных мыслей Ева изложила так рассудочно, словно доказывала теорему у доски. — Судя по первой нашей встрече, вы не из тех людей, которые захотят поглумиться над врагом, прежде чем с ним покончить. Разве что после. Если вы не лжете и с Уэртом все в порядке, беспокоиться особо не о чем. Но в ваших интересах было бы скорее запугать меня, чем успокаивать, так что в этом плане я вам верю.

На сей раз улыбка королевы была благосклонной. И даже будто поощряющей. Забавно... как бы Кейлус Тибель ни ненавидел свою сестру, у них наблюдалось немало общих черт. Интонации. Взгляд. Неуловимое сходство черт.

Изысканный аристократизм, сквозивший в каждом движении.

— Здравомыслящая. Воспитанная. Храбрая. Любящая, — резюмировала Айрес задумчивым перечислением. — Начинаю понимать, почему Уэрт выбрал тебя. — Она откинулась чуть назад: уже без улыбки. — Возможно, сложишься все иначе, я была бы даже рада видеть тебя рядом с ним.

Ева подумала, что могла бы сейчас снова призвать Люче. Если, конечно, Айрес еще ее не уничтожила (хотя вряд ли волшебный клинок можно так просто уничтожить). Могла бы снова попробовать нанести удар, если, конечно, браслеты ей позволят. Снова безуспешно, учитывая, что сейчас она даже щит наколдовать не сможет. Но смысл? Скорее она просто любезно передаст оружие в руки представителей Охраны, как только ее обезоружат.

Так же просто и обидно, как в первый раз.

Все уроки оказались насмарку. Все, чему ее учили. Все, к чему ее готовили. Роль спасительницы Керфи оказалась ей не по плечу. Ей дали волшебный меч, ей дали волшебный дар, но на деле она осталась той же, кем пришла: Евой Нельской. Семнадцать лет, виолончелистка, студентка третьего курса музыкального колледжа.

Бесполезной, слабой, обычной глупой девочкой...

— Зачем ты пришла? — под глаза Айрес, неотрывно всматривавшейся в ее лицо, легли усталые тени. — Все было так хорошо. Мне не приходилось причинять ему лишней боли. Не больше, чем любой родитель причиняет ребенку — для его же блага. Теперь ты заставляешь меня делать то, чего он мне не простит.

— Он и без меня многого вам не простил, — пробормотала Ева, все же потянувшись за одеждой: просто чтобы не чувствовать себя настолько беззащитной.

— Так было нужно. Он понимал, почему я сделала то, что сделала. Но ты... — Айрес смотрела, как Ева, не поднимаясь, одевается; ей выдали длинную хлопковую рубашку, похожую на ночнушку. — Скажи, будь на его месте кто-то другой, ты бы так же кинулась в его объятия? Просто потому, что в его жилах течет королевская кровь, просто потому, что он богат, красив и носит титул? Просто потому, что он может занять то место, которое теперь занимаю я?

Натянув рубашку на ноги, Ева подняла взгляд на женщину, сидевшую в противоположном конце ее камеры, преграждая выход.

Странно. Она должна была ненавидеть эту женщину — за все, что та сделала с ней. С Гербертом. С Мирком. С Кейлусом... и Тимом, и другими людьми, служившими в особняке, где Ева вынужденно гостила. Но в этот миг она видела не злую королеву — утомленного человека, которому совсем не нравилось то, как далеко все зашло. Родителя, которому не доставляет удовольствие необходимость отбирать у ребенка сигареты, чтобы тот не коптил этой дрянью свои легкие.

Айрес тирин Тибель ничего не имела против нее. Ничего личного. Просто так вышло, что Ева Нельская представляла собой угрозу, а с угрозами правительница Керфи разбиралась оперативно и без сантиментов.

За исключением случая, когда в категорию угрозы перекочевал ее любимый наследник.

— Я не собиралась кидаться в ничьи объятия. Даже бороться с вами не собиралась, — признала Ева устало. — Я просто хотела жить. И вернуться домой.

— И все еще хочешь?

Вопрос был задан неожиданно цепко. Именно поэтому Ева не стала на него отвечать. Даже взгляд отвела — чтобы тот ничего не выдал.

Впрочем, для Айрес ее опущенный взгляд сам по себе наверняка вышел весьма красноречивым.

— Возможно, убивать тебя было ошибкой с моей стороны, — вымолвила королева отрешенно. — Нужно было просто познакомить вас. Позволить ему оттаять. Позволить ему влюбиться... а потом посмотреть, как ты его оставишь. Ради того, что тебе важнее. Разбив его сердце вдребезги. — Краем глаза Ева видела, как безупречно очерченные губы — в полутьме они были алыми, как лепестки красного шиповника — изогнула усмешка. — Это преподало бы ему урок.

— Такой же, как вы преподали Кейлусу?

Спрашивать это явно не стоило. Но Ева все же спросила.

Она не видела глаз Айрес, но почти кристаллизованное внимание, с которым на нее посмотрели после этих слов, ощутила кожей.

— Как интересно, — сказала королева. — Ты, стало быть, успела познакомиться со всеми мужчинами нашей семьи? Не отрицай. Уэрт

не хочет править, он мог стараться только ради брата. И о Кейле рассказать тебе не мог — просто не знал.

Ева промолчала. И не подняла взгляд.

Если королева захочет влезть к ней в голову, она узнает все сама. До тех пор ни в чем признаваться Ева не собиралась.

— Если тебе интересно, я правда хотела сделать Кейла сильнее. Достойным носителем нашего имени. Кто знал, что мой дорогой дядюшка окажется... таким. В какой-то степени это оказалась весьма поучительная история. — Не дождавшись реакции, Айрес снова подалась вперед. — Смотрю, между вами сложились очень... доверительные отношения. Кейл ненавидел жаловаться. Даже тем, кого хорошо знал.

— И все еще ненавидит, насколько я могу судить.

По степени тишины, воцарившейся в каменной клетке, Ева поняла: только что она произнесла самое неправильное из всего, что произносила за весь разговор.

— А, — прошелестела Айрес, вынудив ее поднять взгляд. — Так ты не знаешь.

Как бы Ева ни была утомлена, как бы ей ни хотелось не верить в то, что органично вытекало из последних фраз — считать их смысл труда не составило.

— Кейлус... мертв?

Это спросилось неуверенно. Почти жалобно.

Когда Айрес кивнула, Ева ощутила, как каменный пол под ней качнулся.

Люче. Без ножен. И абсолютный провал в памяти касательно всего, что следовало за сделкой с Мэтом. Но Мэт же обещал... а что именно он обещал? Нет, она не могла заключить договор, не подумав о безопасности Кейлуса; не могла, не...

— Не может быть. — Слова сами сорвались с сухих губ облетевшей канифолью, пока Евины глаза невидяще смотрели в полутьму. — Когда я сбежала, он был... он должен был быть...

— Ты была в его доме. Он выкрал тебя у Уэрта. Чтобы отомстить мне.

Айрес не спрашивала. Это вообще было не в ее характере, спрашивать. Она была достаточно — даже дьявольски — умна, чтобы не утруждать себя вопросами.

Ева ничего не сказала. Говорить не требовалось.

— Ты его убила.

Даже будь это вопросом, Ева не знала на него ответа. Но тот, который подозревала, нетрудно было считать в ее лице.

Воцарилась очень, очень долгая тишина.

— Скажи только одно, — произнесла Айрес затем. — Как и за что?

— Я не хотела, — выдохнула Ева на автомате, — я... я не могла, я...

— Ладно. Полагаю, у нас еще будет возможность это обсудить. — Нехорошее обещание в голосе Ее Величества напугало бы Еву до дрожи, не будь ей в этот момент абсолютно не до того. — Какая ирония... обещанная Лоурэн спасительница виновна в кровавой расправе над моим братом и жертвами моего режима. Общественность была бы счастлива. Как жаль, что предъявление тебя общественности неизбежно повлечет за собой массу ненужных вопросов, да и Уэрт опять же не оценит. — Улыбка, стывшая на губах королевы, была острее и холоднее зазубренной льдинки. — Может, еще подскажешь, откуда на месте убийства взялась брошь Мирка? Разом избавила бы меня и себя от стольких хлопот.

— Мирк?..

— Он под домашним арестом, чтоб ты знала. За убийство Кейлуса, которое, как выяснилось, совершила ты. А я ломаю голову, как бы разрешить эту неудобную ситуацию без вреда для Миракла. Но ты не помнишь, верно? — изучив муку в ее лице, Айрес удовлетворенно кивнула. — Вырезать целый особняк... такое нежный цветочек вроде тебя мог совершить разве что в умопомрачении. Что, чары, которыми тебя подняли, имеют побочные эффекты? Или ты все же сумела призвать тварь из Межгранья?

Ева отупело смотрела, как шевелятся ее губы. С трудом улавливая смысл того, что ей говорили, все еще отказываясь принимать этот смысл до конца.

— Почему? — спросила она, уцепившись за возможность не думать о том, о чем думать ей совершенно не хотелось. — Почему вы не пользуетесь возможностью покончить с конкурентом?

Она не надеялась всерьез, что Айрес ответит. В конце концов, та в свою очередь задала ей немало вопросов, на которые не получила

ответов. Пусть даже в большинстве случаев ответов у Евы не было.

Но, возможно, Айрес поняла это достаточно ясно, чтобы ничего от нее не ждать.

— Не собираюсь делать из него мученика. Мученика в свою очередь легко сделать символом восстания, а помимо Мирка на роль нового владыки Керфи найдется немало претендентов. — Королева пояснила это с той же интонацией, с какой часто говорил Герберт: утомленная интонация взрослого, растолковывающего нечто очевидное неразумному ребенку. — Оковы страха держат народное возмущение в узде, лишь пока давление на эти оковы не слишком высоко. То, что назревает сейчас — лавина, готовая сойти с гор. Оно не связано с жизнью и судьбой конкретного человека. Его смерть скорее станет тем, что поможет этой лавине сорваться вниз, нежели тем, что ее удержит. — Неторопливо встав, Айрес шагнула к ней; камень гулко пел под ее каблуками. — Быть королевой, девочка, значит не просто сидеть на троне. Не просто устранять всех, кто тебе неуютен. Это значит понимать, кого можно устранить без вреда для системы, а с кем потеряешь больше, чем приобретешь. И люди — не овцы, которые покорно поверят в любую байку: лишь в очень убедительную. Байка «благородный Миракл Тибель устроил резню в особняке родного дяди» к таковым не относится.

Прав был Герберт, отстраненно думала Ева, глядя на колени королевы, приближающиеся к ней. Народная любовь предоставляет тебе немаловажные привилегии. Бетховена, несмотря на все высказывания в адрес властей, тоже не мог тронуть император... хотя Бетховен не был ни настоящим революционером (разве что в музыке), ни претендентом на трон.

Впрочем, то, что Мирк таковым являлся, делало ситуацию еще сложнее.

Какой бы благовидной ни была причина, сложить два и два, что двигало Айрес тирин Тибель в вопросе его устранения, людям труда не составит. Самым простым людям. Самым недалеким — каковых большинство в любом мире.

— Вскоре баланс сил изменится. Вскоре он уже не будет представлять угрозы. А пока мне куда удобнее противостоять Мирку, чем кому-либо другому. — Присев прямо перед ней, одним коленом коснувшись сухого камня на полу, королева небрежно сложила руки на

другом. — Я знаю его. Знаю его образ мыслей. Знаю, что он не сделает решающий шаг, пока не будет уверен, что переворот пройдет с минимальным количеством жертв. При текущем раскладе, к несчастью, жертв будет много... хотя твое появление, полагаю, могло бы серьезно изменить ситуацию. Но все сложилось так, как сложилось. — Темные глаза королевы — цвета обесцвеченных, выбуренных временем розовых лепестков — впивались в Евины зрачки, препарировали душу, путали мысли. — Он дарит людям надежду. Надежда помогает им мириться с тем, с чем в ином случае мириться многие не стали бы. Отними у человека надежду — он обратится в неконтролируемого загнанного зверя. Оставь ему надежду, позволь лелеять до той поры, пока тебе это выгодно — и получишь рычаг управления.

— Так же, как сейчас вы сделали его из меня, — закончила Ева непослушными губами.

Айрес едва заметно склонила голову в знак подтверждения.

— Эти вещи понимают немногие, — сказала она. — Поэтому я никак не могу уступить трон таким милым наивным детишкам, как вы.

Удар, хлестнувший Еву по щеке, вышел мгновенным: она даже не успела поднять руки, чтобы защититься. Когда же попыталась — перед вторым ударом, по другой щеке — ощутила знакомое чувство беспомощности, обернувшее тело безвольной куклой.

Здесьние браслеты не позволяли ей даже постоять за себя. Не то что напасть.

— Это за Кейла, — сказала королева тихо, когда Ева повалилась набок. — Мне будет его не хватать.

Больно, конечно, не было. Даже обидно почти не было. Если все правда обстояло так, как сказала Айрес, Ева заслужила наказания куда худшего.

Если б только ее не наказывала та, от кого принимать кару за гибель Кейлуса было почти абсурдно.

— Вы сломали ему жизнь, когда он доверился вам, — едва шевеля неповоротливым языком, выговорила Ева. — Вы убили родную сестру. Вы покончили с родным братом. И после этого вы говорите...

— Не тебе меня судить, девчонка. Никому из вас. — Айрес поднялась на ноги одним стремительным гибким движением. — Я причинила Кейлу немало боли. Но я имела на то право.

— На каком же основании?

— Я — его семья. — Правительница Керфи одарила прощальным взглядом пленницу на полу: с высоты своего роста, с величием истинной королевы, с прямым и тонким станом, облитым алым шелком, точно кровью. — Только мне решать, как, кому и когда в моей семье умирать.

Тяжелая, без окошка дверь, по цвету неотличимая от стены, отворилась и закрылась сама собой. Почти бесшумно. Табурет Айрес милостиво оставила — круглый, трехногий, изящный, дивно неуместно смотревшийся в грубой темной камере.

Когда к ней вернулась способность двигаться, Ева медленно села. Прислонилась спиной к стене.

Долго сидела, не решаясь сделать того, что следовало сделать.

— Мэт, — все же выдохнула она наконец.

Ответа не было так долго, что Ева уже не чаяла его услышать. И презирала себя за то, что в глубине души этому рада.

— Я уж думал, ты никогда этого не сделаешь. — Она ожидала увидеть, как демон привычно Чеширом проявляется в воздухе, но в ушах лишь веселым шелестом прозвучало знакомое многоголосье. — Жаль, теперь не выйдет поболтать в любое время, как в старые добрые времена.

— Почему? — оттягивая неизбежное, спросила Ева вяло.

— Малыш разорвал договор. Теперь меня слышишь только ты. Только когда позовешь. Иначе пробиться в твой разум будет трудновато.

Разорвал договор...

В какой-то степени это уже служило подтверждением того, что Еве хотелось — вернее, дико не хотелось — узнать.

— Тогда почему ты еще здесь?

— Ты впустила меня. Я был частью тебя. Ты — якорь, который держит меня здесь. И останешься таковым, пока существуешь.

Вот и мелкий шрифт, Ева. Еще один.

— И ты знал, что так будет, когда мы заключали сделку?

— Просто умолчал об этом приятном дополнении, — мурлыканье демона прозвучало почти вкрадчиво. — Полагаю, ты меня звала не для еще одного договора. Хотя, учитывая обстоятельства, это было бы кстати.

Ева прикрыла глаза, словно надеясь в темноте спрятаться от того, что сейчас услышит.

— Айрес сказала правду?

— Чистейшую.

Тьма перед глазами сделалась абсолютной. Всепоглощающей, как черная дыра.

— Значит, целый особняк? Кейлус? Тим? Все слуги?

Слова выговорились ровно, льдистыми шариками упав в тишину.

— Ага. — Подтверждение прозвучало задорно, улыбочиво, очень непринужденно. — К слову, милый дядюшка как раз шел тебя освобождать. Чтобы ты не думала о нем слишком плохо. — Участливый вздох раскатился в ее голове шуршанием мертвой листвы. — Жаль, припозднился.

Ева открыла глаза. Сидя на голом холодном полу, уставилась на свои сложенные на коленях руки.

Как наяву чувствуя стекающую с них кровь.

— Да ладно, не вини себя, златовласка. — Она почти ощутила, как ее дружески хлопнули по плечу. — И поумнее тебя попадались в силки, если тебя это утешит. И в состоянии куда более здоровом.

Ева уже не слушала. Слушала, но не понимала того, что слышит.

Кейлус. Тим. Все слуги.

Кейлус. Тим. Все...

...все, все — ее руками, ее мечом, ее глупостью, ее...

Когда тишину разбили чьи-то рыдания, Ева даже не сразу поняла, что это плачет она.

Потом она долго кричала, как ненавидит его и себя. Добивалась ответа у издевательской тишины, билась в дверь, будто это могло помочь. В кровь сдирала о камень костяшки пальцев, желая ощутить боль — что-то, что позволило бы отвлечься, зацепиться за реальность, спастись от вины, расцветающей всепожирающим огнем. В какой-то миг обнаружила себя над обломками табурета, в слепой ярости разбитого о железо, отделяющее ее от свободы.

Погасшая истерика лишила сил разом, точно кто-то перерезал нитки, державшие ее на ногах.

Спасительница вся Керфи замаралась в крови невинных с головы до ног. А теперь даже сделать ничего не может. Лишь сидеть в плену

да благодарить королеву за расчет и любовь к племяннику, да ждать приговора от той, кого ей полагалось свергнуть. Как иронично.

Как... справедливо.

Осев на пол, сжавшись в комок, Ева зажмурилась: позволяя поглотить себя демонам, никак не связанным с Межграньем.

Если в этой истории злой королеве суждено победить — возможно, Еве лучше смириться и не мешать. Пока из-за нее все не стало еще хуже, чем сейчас. Из-за нее и так уже пострадали слишком многие.

Скверная из нее вышла героиня. И сказочка ее оказалась не сказочкой вовсе.

Что ж, в одном ей точно стоило взять пример с Айрес тирин Тибель.

Признать, что она сполна заслужила полученное.

Глава 15. Libero

(*прим.: Libero — свободно, смело (муз.)

Неожиданные гости, явившиеся к Мираклу Тибелю в предрассветный час истекающей ночи, пожаловали как нельзя вовремя.

Правда, свое счастье он оценил далеко не сразу. Хотя бы потому, что на момент визита Миракл сидел перед камином в бывшем отцовском кабинете, пребывая в сосредоточенных размышлений о сложившейся прискорбной ситуации, — и потому, что вместо приветствия ему бесцеремонно стиснули горло удушающим захватом.

— Тише, лиэр, — очень дружелюбно проговорили сзади, когда юноша, хрипя, вцепился в держащую его руку. — Это лишь чтобы вы осознали — желай я вас прикончить, вы уже были бы мертвы.

Сгруппировавшись, Миракл умудрился подцепить нападавшего за плечо. Резким движением перекинув его через низкую спинку кресла и собственную спину, застыл над мужчиной в черном, распластавшимся на ковре.

— Господин Дэйлион?

— Рад встрече, — непринужденно поздоровался убийца. — Если мои слова вас не убедили, можете оглянуться.

Когда Мирк обернулся, за его спиной обнаружились двое «коршунов». Мирно подпиравшие собой стену кабинета, не спеша вступаться за своего главаря.

— Я прихватил кое-что, что помешает Охране нас подслушать. Можем говорить без опаски. — Пока Миракл молча разглядывал клювы черных масок, не блесневших в ярком свете люстры, господин Дэйлион вскочил: с ловкостью, которой от него едва ли могли ожидать многие. — Но радиус действия у этой штуки ограниченный, так что сильно далеко отходить не советую.

Миракл повернулся обратно. Изучил крупный серебряный кругляш с рунами, сверкающий искристым маревом наведенных чар — убийца на миг вынул его из внутреннего кармана куртки.

Минувший день выдался для Миракла Тибеля не самым легким. Сперва был арест — на диво оперативный, но он все же успел

подготовиться. Затем путешествие до Кмитсверской тюрьмы в знаменитой черной повозке Охраны (тем более знаменитой, что немногие из видевших ее доживали до возможности о ней рассказать). Следом — допрос, на котором Мирк (к великой своей досаде) сперва избрал не совсем верную стратегию. Недооценил наглость Охраны, вломившейся в память его прислуги.

Как бы там ни было, он знал: иных доказательств, кроме броши, у властей нет и быть не может. Айрес оправдала ожидания, не решившись упечь его в казематы Кмитсвера из-за столь нелепой — для каждого, кто слышал о Миракле Тибеля — причины. Скорее всего, и арест его был организован прежде, чем королева оказалась в курсе дела. Правда, в домашнем аресте и прослушке, колдовской сетью опутавшей дом, хорошего тоже было мало; но с этим Мирк собирался разобраться в ближайшее время.

Видимо, не только он.

— Я думал, прослушивающие чары Охраны не блокируются, — изрек юноша наконец.

— На меня работают очень головастые ребята, — откликнулся господин Дэйлион, почти любовно похлопав себя по куртке. — Тир Гербеуэрт уже имел возможность в этом убедиться. И многие другие, к их сожалению.

— Как вы сюда пробрались? Мимо Охраны? Сквозь защиту моего дома?

— Я не зря беру такие деньги за свои услуги, лиэр Миракл. К тому же ваша матушка немножко помогла.

— Моя... мама?

— К ней проникнуть было попроще, чем к вам. А я предоставил ей залог моей преданности. — Убийца лениво достал из кармашка — на сей раз наружного — часы на цепочке. Посмотрел на циферблат. — Поскольку мы идем точно по расписанию, то...

Еще один гость даже не соткался из воздуха: возник подле главаря «коршунов» в один миг. Точно кто-то мгновенно подменил картину комнаты, где было четверо людей, другой — где их было уже пятеро.

Принцип работы перемещающих кристаллов, благодаря которым Миракл Тибель в последнее время частенько навещался в замок Рейоль, был прост. Они поставлялись в комплекте с «маяком», медным браслетом, который ты оставлял дома; дальше требовалось сжать

кристалл в руке, представить место, где хочешь очутиться, и скоординировать «вперед». Чтобы вернуться, достаточно было сказать «домой», и кристалл переносил тебя обратно к маяку (или, если дом находился под магической защитой с блокировкой переноса извне, в максимально приближенное к нему место). Кристаллы позволяли быстро и с комфортом путешествовать тем, кто был лишен Дара; правда, их хватало всего на одно путешествие — туда и обратно, — а стоили они весьма недешево, так что позволить эту роскошь себе могли далеко не все.

Новоприбывшая, конечно, могла позволить себе гораздо большее. И удивило Миракла вовсе не это.

— Лиора Тибель, — с насмешливой почтительностью склонил голову убийца.

— Сейчас я не вдова лиэра Тибеля, господин Дэйлион. Не хозяйка дома. И даже не мать Миракла.

— Хорошо, госпожа полковник Тибель.

— Так-то лучше. — Мирана Тибель, неизменно поражавшая незнакомцев статью военной выправки, смерила сына острым взглядом медово-карих очей. Шапка коротких пшеничных кудрей, едва прикрывавших уши, чудно гармонировала с цветом ее мундира, расшитого серебром по золотистой шерсти. — Время пришло, Мирк.

Многие полагали: тот факт, что лиора Мирана Тибель являлась командиром Пятого магического дивизиона, не мог полностью устраивать Айрес тирин Тибель. С другой стороны, в армии Ее Величества было еще четыре дивизиона магов, а дальше командования Пятым амбиции Мираны Тибель не простирались. Вернее, тщательно подавлялись королевой — той совсем не хотелось давать матери своего конкурента власть над большим количеством войск, нежели семь десятков боевых магов. Не будь поведение Мираны Тибель безукоризненным, не достанься ей должность командира Пятого дивизиона еще прежде, чем Айрес пришла к власти — вряд ли бы ей предоставили даже ту маленькую власть, которой она располагала сейчас.

Поговаривали, что при иных обстоятельствах за эти годы лиора Тибель вполне могла бы дослужиться до Советника по военным делам. Во всяком случае, до солидной должности при нем. Но это говорили неизменно тихо — чтобы не слышали слуги той из Тибелей, в чьих

интересах было держать остальных Тибелей как можно дальше от солидных должностей.

— Защита моего дома блокирует все виды магических перемещений, — сказал Мирк, глядя на мать с некоторым сомнением. — Кристаллами в том числе.

— Я уже говорил, лизэр. На меня работают очень головастые ребята. — Убийца сдвинул рукав куртки, демонстрируя скрытый под ней медный браслет. — Усиленный маяк. Я принес его с собой, госпожа полковник перенеслась к нему...

— ...а если переноситься к нему, кристалл пробивает защиту, — закончил фразу быстро смекнувший Миракл. — Любопытно. Полагаю, вы будете против привлечения ваших «ребят» к более легальной деятельности?

— Кто я такой, чтобы отказать Его Величеству. Если предложат достаточно, — невозмутимо откликнулся господин Дэйлион, доставая сигару и спички. — При новой власти все будет иначе. Я предпочту идти с ней в ногу, нежели оказаться под ее тяжелым сапогом.

Пока убийца непринужденно прикуривал, словно они удалились в этот кабинет для мирной беседы после светского ужина, Миракл снова посмотрел на мать.

— Будь любезна, поясни, что происходит.

— Ты и сам все прекрасно понял, — сказала Мирана Тибель.

— Кроме крошечного нюанса, с какого момента наемные убийцы стали частью плана. Все, что я сейчас услышал, свидетельствует именно об этом.

— С момента, когда часом ранее господин Дэйлион пожаловал в мой дом. Давно не принимала мужчин в своей спальне в столь урочный час, и не планировала. Но для такого мужчины, пожалуй, сделаешь исключение. — Лиора Тибель держалась так прямо и сдержанно, словно с минуты на минуту готовилась ринуться в бой. — Мирк, пора действовать.

— Действовать сегодня в планы никак не входило.

— Айрес ясно дала понять, что планы придется скорректировать. — Мирана Тибель шагнула к сыну; взгляд «госпожи полковника» был прямым и пронзительным, как стальное лезвие. — Она убила собственного брата, чтобы подставить тебя. Она усилила

слезку за всеми нашими сторонниками. Она зажимает нас в клещи. Мы должны действовать — раньше, чем действовать уже не сможем.

Миракл ничем не выдал своих мыслей по этому поводу.

— Ты полагаешь, она убила Кейлуса? — уточнил он бесстрастно.

— А кому еще требовалось так тебя подставлять? — Миракл Тибель даже фыркнула слегка. — Она презирала его. Его дом обслуживали те, кто ее милостью сгнил бы на рудниках. Я не удивлена, что она расправилась с Кейлусом. Удивлена лишь, что обставила все так... грубо.

Миракл ничего не сказал. Лишь заложил руки за спину, посмотрев на окно за плотно задернутыми гардинами; двое «коршунов» обрамляли его живыми колоннами.

Утром Миракл Тибель не успел и не счел нужным объяснять матери, почему просит ее на время приютить дракончика в своем доме. Сказал «на всякий случай». И хорошо, что та согласилась забрать «зверюшку» без лишних вопросов — найди ту Охрана, вломившаяся в его особняк, дракончику было бы не жить.

Забавно, какую роль в итоге сыграло это отсутствие объяснений.

С одной стороны, сейчас вроде бы настал самый подходящий момент, чтобы поведать правду о смерти Кейлуса Тибеля. С другой — Миракл не был уверен, что момент такой уж подходящий.

Что этой правде вообще стоит быть поведанной.

— Дэйлион вытащит нас отсюда, — продолжила госпожа полковник. — Мы принесли еще один кристалл, для тебя. Сможешь перенестись прямо отсюда, Охрана ничего не заметит. Все, кто нам нужен, ждут в доме Соммитов. «Коршуны» помогли перенестись и им.

— Я не доверяю «коршунам».

— Я доверяю. Он принес клятву Эйф. Поклялся своей жизнью. — Миракл Тибель выразительно кивнула на убийцу, скупающе облокотившегося на каминную полку. — Убедительное доказательство лояльности, как по мне.

Миракл воззрился на мужчину, покуривавшего у камина, словно происходящее вообще его не касалось.

— С чего вы нам помогаете?

Не размениваясь на показные колечки, господин Дэйлион выдохнул густую дымную струю.

— Как вам сказать, лиэр Тибель, — это прозвучало слегка неразборчиво в силу того, что убийца не удосужился вынуть сигару изо рта. — В силу некоторых причин я питал к вашему дяде слабость даже большую, нежели ту, что питаю к вам. Его гибель очень меня огорчила... и послужила тревожным сигналом, что у Ее Величества окончательно растворились границы дозволенного. Не хочу стать следующим, кто попадет под ее размахнувшуюся руку.

— Вы помогли похитить мою суженую.

Прежде чем привести этот довод, Мирк выдержал короткую, едва заметную паузу. По вполне понятным причинам.

Но кое-какие вещи стоило прояснить сразу, даже если вещи эти были весьма сомнительными.

— А, так вы, стало быть, в курсе. — Впервые за последние минуты убийца взглянул на собеседника с искренним интересом. — Ничего личного. К тому же, простите, не знал, что вас связывают столь тесные отношения. Буду иметь в виду.

Это прозвучало ровно с той долей насмешки, чтобы Миракл Тибель мог считать между строк обет молчания. Обо всем, чего посторонним знать не полагается.

Господин Дауд Дэйлион умел хранить молчание — особенно за разумную цену.

— Тем более повод поспешить, — удовлетворившись коротким кивком собеседника, означавшим «мы друг друга поняли», продолжил убийца. — Учитывая, что девчушка находилась в особняке на момент резни, а среди жертв ее нет... трудновато будет ее прикончить, если подумать... вы не хуже меня знаете, где она сейчас может быть.

— Один из наших людей доложил, что она в Кмитсвере, — подтвердила Мирана Тибель.

— О, да у вас и в Охране затесались свои люди?

— Не столь высоко, как нам хотелось бы.

— Она в Кмитсвере? — Миракл резко вскинул голову. — А Уэрт?

— Во дворце. Кажется, он не покидал его с момента вашей дуэли. Но, зная Айрес, за него тебе стоит беспокоиться в последнюю очередь.

Слушая каждое слово с маской спокойной задумчивости на юном лице, Миракл сосредоточенно качнулся с мысков на пятки.

— Мы так и не заручились поддержкой Зимнего полка. И Золотого батальона, — сказал он неторопливо, вслух взвешивая

доводы за и против. — Когда начнется бунт, королевская гвардия и Охрана...

— Зато мы заручились поддержкой лучших убийц королевства. — В том, как Мирана Тибель скрестила руки на груди, читалось почти нетерпение. — Ты хотел подавить сопротивление короны нашей доминацией. Но у нас и так хватит сил, чтобы одержать верх.

— В кровавой резне.

— Жертвы в любом случае неизбежны. Цепные псы Айрес будут сражаться за нее до конца. Даже осознавая, что дело заведомо проигрышное. Даже когда она будет в наших руках. Я уже говорила тебе.

— Меня не псы Айрес волнуют.

— Волнения уже начались, Мирк. Слухи бегут по столице. Люди знают, что брат королевы мертв. Люди слышали, кого в этом винят. Люди видели повозку Охраны у твоего дома — среди бела дня. И не все знают, что ты вернулся домой. В этот самый миг у Кмитсвера собираются недовольные. — Мирана Тибель положила руку сыну на плечо. Тяжелую руку, державшую тебя с неженской цепкостью, пока в глазах командира Пятого магического дивизиона неженским хладнокровием блестела сталь. — Мы можем оседлать эту волну. Разогнать. Воспользоваться ее силой. Или упустить ее — и милостиво позволить всем, кто поднял ее, разбиться ни за что. Ты не хуже меня знаешь, как Айрес расправляется с недовольными.

Миракл оглянулся на господина Дэйлиона, безмолвно и терпеливо задымлявшего воздух. Думая об иронии того факта, что даже судьбы королевств порой решает случайность. Одно стороннее вмешательство в филигранную партию, где никто не допускал и вряд ли допустил бы ошибку; одно неосторожное дуновение в сторону карточного домика, одна нечаянно задетая карта, незапланированно выпавшая из основания...

Оставалась еще одна вещь, которую стоило прояснить сразу.

Пусть вопрос, что Миракл собирался задать, был весьма провокационным, его нельзя было не задать.

— А вы не думали, господин Дэйлион, что убийство Кейлуса могла совершить его вынужденная гостья?

Он должен был услышать ответ сейчас. Чтобы затем этот ответ не всплыл в самый неподходящий момент. Ведь этот ответ мог идти

вразрез с версией, которой Мираклу Тибелю предстояло придерживаться во имя общего блага.

Лицо убийцы прочертила снисходительная усмешка — и по этой усмешке его собеседник уже понял, что сейчас услышит.

— Эта фитюлька-то? Безоружная? Да у нее духа не хватало моих ребят убить, куда уж там устроить массовую резню. — В том, как господин Дэйлион пожевал кончик сигары, читалась почти озадаченность. — Блокирующий браслет на нее при мне нацепили, девчушка Кейлуса даже поцарапать не могла... А к чему вопрос, лиэр?

— Не мог не спросить. Учитывая темные обстоятельства этого преступления. — Равнодушно отвернувшись, Миракл мягко снял руку матери со своего плеча. — Не хочу, чтобы кто-нибудь, прознавший о похищении, сделал неверные выводы.

— Я видел достаточно, чтобы не допустить подобной ошибки. За пределы узкого круга меня и моих ребят информации не выйти. Ни к чему это.

Под выжидающими взглядами визитеров, своим приходом ознаменовавшим начало новой эпохи, Миракл на миг прикрыл глаза. Смирясь со всем, о чем ему пришлось умолчать, и всем, о чем ему предстоит солгать — даже родной матери.

Бывают вещи, которым придется навсегда остаться в тени, чтобы беспрепятственно зажечь свет.

Обстоятельства смерти Кейлуса Тибеля определенно оказались из таких.

— Даже псы Айрес не пойдут против воли богов. И отступят перед угрозой более страшной, чем мы. — Когда Миракл Тибель заговорил, в голосе его звенела холодная решимость короля. — Нам нужен мой брат. И та, о ком пророчила Лоурэн.

— Он во дворце. Она в Кмитсвере, — резонно напомнил господин Дэйлион. — Ни туда, ни туда моим ребятам не проникнуть.

— Значит, возьмем Кмитсвер штурмом.

— Это будет хорошим отвлекающим маневром, но основной удар нужно нанести по дворцу, — резко произнесла Мирана Тибель. — Если хотим одолеть и захватить Айрес, распылять силы — не лучшая идея.

Когда Миракл улыбнулся, его улыбка — мягкая, рассеянная, слегка пугающая — лучше всяких слов напомнила: даже лучший из

Тибелей в сердцевине своей остается Тибелем.

— Если я хоть немного знаю свою тетю, распылять и не потребуется.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ОТ 25.03:

Ева не знала, сколько времени прошло, прежде чем она обзавелась сокамерницей. Отчасти потому, что в каменной клетке без окон и часов течение времени в принципе отследить сложно. Отчасти — потому, что Еве в принципе не было дела до всего, творившегося за пределами ада внутри нее. В камере успел погаснуть свет, оставив ее в крошечной тьме, не рассеиваемой мерцанием браслетов; потом, после нескольких часов — или целой ночи, или целого дня — вспыхнуть вновь.

Как бы там ни было, в какой-то момент Ева услышала шум. Открылась дверь, и стало слышно, как кто-то безостановочно и очень бодро выкрикивает то, что в этих стенах выкрикивать было весьма неразумно.

— Долой кровавую королеву!

Когда Ева открыла глаза, то увидела, как двое в черном, определенно являвшиеся представителями Охраны, зашвыривают ее в камеру соседку.

— Свободу и... уй! — ударившись о каменный пол, девчонка (лица Ева не видела, но голос определенно был девчачий) на миг задохнулась от боли. Вскочив, как неваляшка, метнулась к закрывшейся двери, чтобы приняться сосредоточенно избивать ее кулаками. — Свободу Мираклу Тибелю! Корону Мираклу Тибелю! Долой тиранов, власть достойному!

Поорав еще, в конце концов девчонка замолчала. Отступив, обернулась; удовлетворенно потряхивая отбитыми ладонями, встретила взглядом с безучастно наблюдающей Евой.

— Привет. Бианта, твоя новая подруга по несчастью, — сообщила она. — Ты здесь за что?

Она была рыжей, веснушчатой, очень милой. Младше Евы. В тюремную одежду переодевать ее не стали — оставили в рубашке и штанах, и почему-то босоногой. Видимо, на случай припрятанных в ботинках магических сюрпризов.

Разглядев новоприбывшую, Ева вновь закрыла глаза.

— Я здесь, потому что я убийца.

Правда сказалась просто. До страшного просто. До жути спокойно.

За минувшие часы Ева успела пройти все круги ада. От безболезненной скорби лимба — до ледяного озера на самом дне, куда теперь медленно вмерзала ее душа.

— Ты убила кого-то из Охраны? Людей королевы?

— Я убила хорошего человека. Много хороших людей.

Судя по повисшему в камере молчанию, среди которого отчетливо слышалось недоверчивое «хм», ей не поверили.

— Не такого уж хорошего, — едва уловимо прошелестело в сознании. — И убила не совсем ты.

Гребанный демон. Так и будет теперь время от времени играть роль ее внутреннего голоса?

— Я лучше внутреннего голоса. А ты безумно скучная, когда куksiшься. — Мэт шумно зевнул. — Послушай, ты была все равно что под кайфом. Почти сошла с ума. Даже суд в вашем мире смягчает наказание, если убийца психически неадекватен. Почему бы тебе не признать...

Судорожно жмурясь, Ева воспроизвела в памяти начало «Пробуждения» Форе. Когда мелодия зазвучала в ушах, благополучно заглушив ненавистный голосок, снова посмотрела на сокамерницу.

— На твоём месте не очень умно кричать здесь то, что ты кричала, — вяло сказала Ева. Скорее затем, чтобы за разговором не слышать Мэта, чем из искреннего интереса.

Она не собиралась искать себе оправдания. Не собиралась слушать того, кто услужливо отыскал их за нее. Когда твоими руками свершилось то, что свершилось, что никак и ничем не исправить — оправданий быть не могло.

А ведь Кейлус хотел ее освободить.

А ведь Кейлус верил ей...

— Ничего, я недолго здесь просижу. Папа меня вытащит. — Усевшись, девчонка мстительно подышала на ладони. Видимо, в камере было довольно холодно, просто Ева этого не чувствовала. — Раз войска по всему городу, назревает что-то крупное. Но это ей так с рук не сойдет.

— Что не сойдет? Кому?

— Королеве, кому еще! Всем ясно, что это повод, чтобы Миракла казнить. Нашли дураков! — Девчонка, пылавшая негодованием до кончиков огненных волос, взглянула в Евино непонимающее лицо. — А, тебя здесь вряд ли новостями балуют... в общем, Кейлуса Тибеля вчера убили. Брата королевы, ну того, который композитор. А стража обвинила в этом лиэра Миракла, потому что в дом Кейлуса какую-то вещь его подкинули — я сама от папы слышала. Мой папа стражник, а его знакомый коллега лично место преступления осматривал, вот и...

— Я слышала, — сказала Ева тихо.

— Ну вот. Только и кошке понятно, что Миракл тут ни при чем! Но Охрана, конечно, тут же его повязала. — Бианта азартно тряхнула кудряшками. — Со вчерашнего вечера только и разговоров, что об этом. Даже в лавке, куда я за хлебом зашла. И папа едва на ужин успел заглянуть — стражникам сверху приказ спустили, сказали патрулировать улицы днем и ночью. Разгонять подозрительные группы людей. Стрелять на поражение при необходимости. Но папа, естественно, стрелять не будет. — В том, как девчонка заерзала на ледяных камнях, тщетно пытаюсь устроиться поудобнее, читалось легкое беспокойство. — Папа сказал, если дело дойдет до восстания, он сам баррикады поможет строить. Может, и строит уже...

Опасения Айрес были не напрасными, констатировала Ева отстраненно. Так королева солгала про домашний арест, и Миракла все же упекли в Кмитсвер? Или нет? Разговоры в булочной вовсе не обязаны быть достоверными, но...

— А тебя за что схватили?

— Мы с ребятами вместо уроков пошли на Кмитсверскую площадь. Только там уже были гвардейцы, разгоняли таких же, как я. Ну я и швырнула в их командира во-от такущий камень! Жалко, не попала.

— Зачем?

— Надоело бояться. Терпеть все, что творится. Не говорить то, что думаю. Они зашли слишком далеко. — Взгляд девчонки сделался будто даже снисходительным. — Ты вот хоть раз видела лиэра Миракла?

От воспоминаний о прогулках по саду Рейолей Еве сделалось почти больно. Будто воспоминания о прошлой жизни... жизни, где Ева еще не знала Кейлуса Тибеля, жизни, где Ева еще не была убийцей.

...Кейлус, Тим, все слуги...

— Видела.

— И я видела. Мы на арену, когда он играл, раз десять ходили. — Прерывистый вздох Бианты был почти мечтательным. — Он же такой... такой... и выигрыш свой всегда больным и сиротам отдает! А они его в тюрьму! Разве можно так?

Глядя на ее слегка покрасневшиеся щеки, Ева едва заметно качнула головой.

— Вряд ли твой папа хотел бы, чтобы ты ходила на площадь, — помолчав, сказала она. — И оказалась здесь.

— Меня здесь скоро не будет. И королевы на троне тоже.

Глядя в ее беззаботное лицо, Ева даже капельку ей позавидовала. Такой уверенности. Такому бесстрашию. Такой наивной детской вере, что все обязательно будет хорошо, а это — увлекательное приключение, вносящее приятное разнообразие в твои скучные будни, только и всего; возможность побыть героиней истории, которые ты привыкла разве что читать.

Такому непониманию, с чем действительно ты столкнулась.

Подумать только, еще совсем недавно Ева была на нее похожа...

— А ты маг, я смотрю, — с любопытством глядя на браслеты, резюмировала Бианта.

— Маг, — коротко подтвердила Ева.

— И ты здесь правда за убийство?

— Не только.

Не дождавшись дополнительных пояснений, Бианта едва слышно фыркнула. Улеглась на пол, закинув руки за голову так, словно под ней был уютный диванчик.

— Ладно, молчунья. Я думала, ты тоже захочешь скоротать время повеселее, но нет так нет.

Ева, не ответив, вытянула ноги. Откинув голову, прижавшись затылком к стене, закрыла глаза, возвращая себя в черноту.

Меньше всего на свете ей сейчас хотелось веселиться. Беззаботно болтать с кем-либо — тоже. И не потому, что окружающая обстановка меньше всего располагала к беззаботной беседе. Не пристало веселиться во время собственной казни.

Едва ли Бианте захотелось бы с ней болтать, знай она, из-за кого в какой-то степени здесь оказалась. Но каяться перед незнакомкой Ева

тоже считала излишним.

Какое-то время прошло в ожидании неизвестности. Иногда девчонка бормотала что-то себе под нос. Иногда мурлыкала обрывки какого-то назойливого мотивчика. Иногда вскакивала и начинала ходить туда-сюда — выдавая, что нервничает все же больше, чем хочет показать.

Дверь открылась, как раз когда Бианта направлялась к выходу, во время очередного ее круга по камере.

Ева наблюдала, как двое охранников уводят настороженную девчонку, попутно засыпавшую свой почетный эскорт вопросами.

Ни переживать, ни чувствовать что-либо сил не было.

— Что-то мне подсказывает, больше мы ее не увидим, — прокомментировал Мэт.

— Я тебя не звала.

— Входить по приглашению всегда приятнее, но находить лазейки — моя специализация. Особенно когда твой разум ничем особо не занят.

— Может, ее отпустят.

— То, что на данный момент я просто голос в твоей голове, не делает меня идиотом. Тебя, к слову, тоже.

— Убирайся, — сказала Ева: стараясь не думать о том, о чем и правда давно задумалась сама.

Не в интересах Айрес распространять информацию об Избранной среди подданных. И вряд ли королева могла быть уверена, что Ева будет об этом молчать.

Если к ней подсадили соседку — скорее всего, знали, что та все равно уже никому и ничего не расскажет.

— Считай меня воплотившейся детской мечтой. Многие детишки мечтают о воображаемых друзьях.

— Я нет.

— Тогда тем более цени: я воплотил то, о чем ты и не мечтала.

Стиснув зубы, Ева заглушила непрошеного собеседника музыкой в голове.

Бианта все же вернулась. Нескоро. Лишь после того, как в камере снова погас свет.

Ева сощурилась, когда дверь открылась, впустив в черноту широкую золотую полосу. Потом закрылась; свет, заливавший

спутанные рыжие лохмы, разметавшиеся по камню — девчонка упала лицом вниз, словно мешок с соломой, — уполз вбок, сужаясь до крохотной нити. Исчез вовсе одновременно со стуком железа о косяк.

Какое-то время Ева слушала хриплое дыхание, нарушавшее мертвенный покой окружающей тишины.

Все же подползла ближе, нащупывая путь сквозь безучастный безнадежный мрак.

— Бианта, — негромко позвала она, когда вместо камня пальцы ощутили прохладные шелковистые кудри.

Хрип перешел во всхлип. Следом — в судорожный сбивчивый шепот.

— Папа...

Ева села рядом. Ощувив, как Бианта вцепилась в подол ее рубашки, неуверенно протянула ладонь, чтобы погладить девчонку по голове. Просто не могла оставить ее вот так: одинокой, плачущей.

Когда та, рыдая, уткнулась в ее колени, Евины пальцы на миг соскользнули с мягкой пряжи чужих волос. Коснулись руки, стиснувшей ее подол, словно спасительную соломинку.

Еве казалось, она уже ничего и никогда не почувствует. Лишь до тех, пока она не осознала — руки сокамерницы выпачканы в чем-то слишком липком, чтобы быть слезами. И — едва заметного мерцания браслетов хватило, чтобы это разглядеть — слишком темном.

— Папочка, помоги, пожалу...

Ева сидела неподвижно, даже когда девчонка затихла. Лишь бессильно отняла руку от кудрявой макушки, пока мерные выдохи грели ее ноги даже сквозь грубую ткань рубашки.

Она не знала, за что поплатилась Бианта. Может, за все, что кричала своим тюремщикам. За камень, не попавший в командира королевских гвардейцев. За то, что ее отец был стражником, который сейчас мог и правда строить баррикады, или отказаться стрелять в бунтовщиков — не зная, что его дочь вовсе не в школе.

Знала одно: она не должна закончить так.

— Ну давай. Скажи, что это тоже из-за тебя. Зарыдай и умри с горя.

— Может, и умерла бы, — пробормотала Ева едва слышно. — Если б могла.

— Банально. — Мэт издал театральный вздох, тяжелый, как камень Сизифа. — Твои страдания никого не воскресят. И никому не помогут.

Ева промолчала. Не собиралась спорить, особенно когда на ее коленях спала умирающая девчонка.

Да только слова демона все равно упали на лед ее личного ада жгучими колючими звездами.

...никому не помогут...

Положив холодную ладонь на теплый затылок Бианты, Ева слушала чужое дыхание, метрономом отмерявшее время, утекающее сквозь пальцы.

Может, она и виновата в том, что эта девочка пошла на Кмитсверскую площадь вместо уроков. Но не она создала мир, в котором детям за брошенный камень воздается смертью под пытками.

Мир, который должен быть разрушен.

Ева вдохнула и выдохнула. Просто затем, чтобы вспомнить, каково это — дышать. Ощутила разлитый в воздухе тошнотворный кровавый металл.

Ощутила, как ползут по льду трещины, сквозь которые прорывается незамутненное огненное сияние чистого гнева.

То, что сделала Ева, не искупить ничем. Мертвых не вернуть никому, даже некромантам. Спасенные жизни не уравновесят отнятых, как ни старайся — ведь спасение кого-то не воскрешает уже ушедших. Но пока ты существуешь, в твоих силах сделать хоть что-то, чтобы другие жили долго и счастливо.

Кейлус умер, потому что хотел свергнуть Айрес тирин Тибель. Ева умерла, потому что Айрес верила: она, Ева Нельская, представляет собой угрозу. Угрозу, способную изменить ход той битвы, которую королева Керфи вела со своими собственными подданными.

Герберт верит в то же.

Ева его не подведет.

— Злюкой ты мне нравишься больше. — В шелесте, прибоем раскатившимся по сознанию, Еве послышалось удовлетворение. — Не благодари.

— Не надейся, клякса. Я тебя ненавижу.

— Брось нерационально тратить эмоции. И мерить меня по скучным человеческим меркам. Это все равно что ненавидеть молнию,

испепелившую твою любимую березку. — Ева почти видела, как Мэт устраивается поудобнее, готовя попкорн для предстоящего зрелища. — Для ненависти у тебя есть куда более подходящий объект. Куда более уязвимый.

— Еда ли Айрес можно назвать уязвимой.

— Более уязвимой, чем бесплотный голос в твоей голове.

Ева посмотрела во тьму, на невидимый выход из каменной клетки.

Айрес не оставит ее гнить здесь вечно. Хотя бы потому, что вечность в блокирующих браслетах Ева никак не протянет. Значит, за ней придут. Возможно, довольно скоро.

И тогда...

Опустив голову, тыльной стороной ладони Ева вытерла мокрые Биантины щеки: бережно, как касалась ее Динка, когда сидела у постели больной маленькой сестры.

...тогда Ева сделает все, чтобы помочь живым выжить, а мертвым — спать капельку спокойнее.

Глава 16. Vittorioso

(*прим.: Vittorioso — победоносно (муз.)

Когда Айрес вошла в комнату своего наследника, тот стоял у окна, глядя на дворцовую площадь.

Обычно, выглянув из этого окна в это время суток, обитатель дворца обнаружил бы пестрядь толпы, струящейся по своим делам, разбавляя белизну снега на брусчатке, блеклых небес и домов вокруг. Нынче фонтан Трех Львов (гордость столицы) окружала лишь синева мундиров королевской гвардии, оцепившей площадь по периметру — на случай, если пламя бунта, очагами вспыхнувшее в городе, доберется сюда.

— Тебя радует это зрелище? — спросила Айрес.

Герберт, наблюдавший за военными, сцепив руки за спиной, даже не обернулся.

— Не слишком.

Королева подошла ближе. Через плечо племянника посмотрела на свою армию.

— Скажи, ты и правда хочешь моего падения? Или пытался таким образом примириться с Мирком? Или отомстить мне за все, за что ты считал нужным?

Взгляд ее был устремлен вдаль, голос пел мягко и почти задумчиво, — но угадать за этой мягкостью вкрадчивость, с которой касаются живой игрушки хищные когти, труда не составляло.

Некромант долго молчал.

— Я не хотел твоей гибели, — отозвался он затем. — Никогда.

— Но видеть меня на троне тоже не хочешь.

— Я не смогу с тобой бороться. Ты об этом позаботилась.

Это прозвучало почти иронично. Насколько иронично в принципе могут звучать слова того, кто выжег в себе уже все чувства, даже от ненависти оставив один лишь пепел.

— Я не хотела, чтобы все зашло так далеко. — Айрес сказала это еще мягче прежнего. — Я надеялась, ты останешься на моей стороне добровольно.

— Ты здесь из-за Евы, верно?

Ладонь королевы, уже тянувшаяся к его руке, замерла.

— Учитывая сложившуюся ситуацию, — продолжил Герберт мерно и спокойно, точно ведя абстрактный исторический диспут, — не в твоих интересах оставлять все, как есть.

— Я должна вывести ее из игры. Так или иначе. — После секундного колебания пальцы Айрес все же легли племяннику на плечо, касаясь с бережной цепкостью, точно удерживая напуганную пичужку. — Уэрт, поверь... она не стоит тебя. Не стоит того, чтобы ты страдал из-за нее.

— Это не тебе решать.

— Я знаю, ты едва ли со мной согласишься. Знаю, какую неизлечимую рану тебе оставляю, отняв у тебя то, что так тебе дорого. Поэтому пришла предложить компромисс.

На этом месте Герберт все же обернулся. Посмотрел на тетю очень ясными, очень холодными глазами.

Когда Айрес заговорила, в его радужках по-прежнему было бесстрастное горное небо.

Лишь эта бесстрастность и выдавала, насколько услышанное его поразило.

— Давай условимся, — изложив все, что ей хотелось изложить, проникновенно проговорила королева. — Если она не согласится, я верну ее тебе... на том условии, что никто не узнает, кто она, а вы останетесь в стороне от всего, что связано с бунтовщиками. Если же она согласится, ты примешь мою правоту.

Герберт молчал. Стоял, не опуская взгляда, точно в лице Айрес надеялся разглядеть ответ на некий незаданный вопрос.

Впрочем, после услышанного немудрено было обзавестись вопросами — такими, которые он не задал бы никогда.

— Мне нужен ответ, Уэрт. Скажи это. — Ласковые нотки почти скрыли настойчивое, угрожающее обещание. — Скажи, что если она согласится, оправдав мои ожидания, ты не будешь препятствовать мне действовать так, как я считаю нужным.

Когда Герберт опустил глаза, любой сторонний наблюдатель расценил бы это капитуляцией.

— Не буду. Но она не согласится.

Слова упали в тишину, звеня уверенностью, как глухо и непреклонно звенит клинковая сталь, — и Айрес печально улыбнулась

в ответ.

— Ох, Уэрти, — сказала она. — А я-то думала, ты уже знаешь, на что способны люди во имя собственной жизни.

Дверь в камеру открылась, когда Еве снова вернули свет.

К тому времени она уже достаточно хорошо разглядела, что сделали с Биантой, чтобы встретить пришедших готовой к бою. Призыв Люче стоило приберечь на встречу с Айрес, но без боя отдавать сокамерницу охранникам для новых пыток Ева не собиралась. Даже если бой окажется провальным.

Вместо охранников на пороге она увидела Айрес.

— Пойдем. — Королева снова была в красном; гранатовый бархат простого, будто домашнего платья подчеркивал бледность бесстрастного лица. — У меня к тебе предложение.

Ева посмотрела на Бианту, лежавшую по соседству на полу. Девчонка так и не просыпалась — вернее, не приходила в себя.

Поднявшись на ноги, не слишком торопясь, подошла к выходу.

За порогом оказался каменный коридор. Чистый, прекрасно освещенный, со множеством дверей по обеим стенам. Айрес сопровождали четверо охранников, что утвердило Еву в мысли сперва выслушать предложение, каким бы оно ни оказалось. Хотя бы затем, чтобы выгадать более удачный момент для атаки.

— Иди, — сказала королева, когда двое людей в черных мундирах двинулись вперед по коридору, задавая направление.

Меря босыми ногами гладкие плиты пола, Ева слышала, как позади шуршит по серому камню бархат королевской юбки. Айрес тирин Тибель не решилась подставлять Избранной свою спину.

Это ободряло.

— Смотрю, ваши подданные восприняли арест Миракла не слишком хорошо, — сказал Ева, пока они оставляли позади одну дверь за другой.

Внимательный взгляд королевы она ощутила затылком.

— Пообщалась с сокамерницей? — в голосе Айрес послышалось прохладное вежливое любопытство. — Если решила позлорадствовать, учти: во время этого разговора мои войска уничтожают бунтовщиков, забаррикадировавших Кмитсверский район. Сотни людей умирают и умрут. И это твоя вина.

В коридоре было тихо. Слишком тихо. Ничто не нарушало тишину, кроме звуков их шагов. То ли не обошлось без магии, то ли узники за закрытыми дверьми уже не могли ни стонать, ни кричать, ни ломиться наружу.

Несколько часов назад последние слова королевы заставили бы Еву рыдать. Сейчас — лишь плотнее сжать кулаки.

— Миракл правда в Кмитсвере?

— Сейчас тебя это должно волновать в последнюю очередь.

Ева промолчала: стараясь не поддаваться страху, вынуждавшему мысли метаться встревоженными мотыльками.

Если бы ее хотели уничтожить, могли сделать это прямо в камере. И вряд ли стали бы говорить о каком-то предложении. От Айрес, конечно, всего можно ожидать, но...

Дойдя до изгиба коридора, заворачивавшего за угол продолжением камер, они направились прямо: вверх по лестнице, выводившей из подвала. Поднявшись на два пролета, свернули в другой коридор — тоже без окон. Еву привели к еще одной лестнице, по той — к еще одному проходу, отгородившемуся от тюремных застенков массивной железной дверью.

Когда они наконец достигли пункта назначения, Ева не сразу поняла, что ей напоминает зал, озаренный исключительно искусственным светом, выполненный в виде чаши-амфитеатра. Пять рядов узких скамей ступенями спускались книзу, где посреди маленькой круглой «арены» виднелся серый камень-алтарь. И вспомнила, что обычно представляли собой подобные сооружения, лишь когда Айрес велела охранникам «оставьте нас».

Анатомический театр.

— Здесь было спасено немало жизней, — проговорила королева, когда охранники выскользнули за двери, которые привели их сюда; они с Евой остались одни, разделенные алтарем. — Одна наглядная демонстрация, как то или иное проклятие или ранение воздействует на людской организм, позволяла видевшим ее исцелить десяток. Одна демонстрация, как та или иная болезнь разрушает нас изнутри, делала возможным спасти сотни.

— Даже если те, на чьем примере это демонстрировали, были еще живы, — вспомнив рассказы Миракла, закончила Ева.

Айрес только улыбнулась — и, глядя на эту улыбку, Ева поняла: правильная, красивая, очаровательная улыбка может пугать больше самой жуткой гримасы.

— Наивным детям не понять понятия блага для большинства. Но, как бы ни хотелось детям это отрицать, жертвовать бесполезным меньшинством — единственный способ достичь чего-то по-настоящему великого. — Отвернувшись, королева почти мечтательно воззрилась на верхние ряды. Зал был пуст; «арену», где они стояли, выстелили лакированным паркетом, крутые лесенки между рядами блестели темным деревом, люстра с магическими кристаллами щеголяла золотыми завитушками. Даже стены и потолок отделали резными панелями, будто в уютном домашнем кабинете. — Разве не лучше отбросам общества, все равно обреченным на смерть, своей гибелью принести пользу невинным, что продолжают жить?

«Люче» Ева прошептала, не задумываясь. Слишком соблазнительно маячил перед ней затылок королевы. Слишком врезалась в память нечеловечность ее улыбки. Слишком много всего поднималось в душе от кошмара слов, что она говорила.

Когда рука ее осталась пустой, Ева повторила призыв. Почти в голос. Снова безрезультатно.

От ощущения пустоты в пальцах внутри всколыхнулся липкий холод.

Нет, неужели...

— Вижу, ты больше не рвешься в бой. — Обернувшись, Айрес почти удовлетворенно воззрилась на Еву, оцепеневшую от ужаса. — Мы с Уэртом поговорили по душам. И заключили небольшую сделку. Все, что ты сейчас услышишь, я делаю ради него.

Время. С тех пор, как Мэт вытащил клинок из ножен, прошло куда больше одного дня. Никто не удосужился зачехлить Люче прежде, чем этот день истек. Может, кроме Евы никто и не мог. Чары, наложенные на рапиру, иссякли, и волшебный клинок обернулся простым куском железа.

Теперь Ева абсолютно беспомощна.

— Зачем я здесь? — спросила девушка, почти не услышав последних фраз: скорее затем, чтобы потянуть время, чем по любой другой причине.

— Потому что мне нужен алтарь, чтобы вернуть тебя к жизни.

Мысли, несущиеся в направлении лихорадочного обдумывания плана сопротивления, вдруг с разбегу разбились об осознание прозвучавшего.

Моргнув, Ева неверяще уставилась на женщину по ту сторону алтаря.

— Я знаю, как тебя воскресить. И готова это сделать, — произнесла Айрес мягко. — В обмен на то, что после этого ты незамедлительно вернешься в свой мир.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ОТ 03.04:

— Это невозможно. — Слова сорвались с губ без раздумий, помимо воли. — Я не могу вернуться. Вы не можете знать, как меня оживить. Герберт говорил...

— Я могу многое, девочка. Даже Уэрти неведомо все, на что я способна. Разглашать границы своих возможностей — не слишком разумное решение, лучше предоставить противникам пребывать в пагубном неведении. — Опершись ладонями на алтарь, Айрес бесстрастно и безжалостно впивалась глазами в ее глаза. — Прорехи между мирами открываются с определенной периодичностью. Как ты уже могла убедиться, узнать, когда и где они откроются, мне несложно. Существует заклинание, которое заставляет прореху работать в обе стороны. Очередная прореха возникнет через несколько часов. Я могу сделать так, что она позволит тебе пройти обратно в свой мир.

Ева осознала, что судорожно, непонимающе комкает в пальцах подол рубашки.

Лжет. Наверняка лжет. Но зачем? И хотя бы часть этой лжи — безусловная правда: что королева может вычислять появление прорех, ей и Эльен когда-то говорил, и по логике вещей напрашивается...

— Зачем это вам?

— Ты должна исчезнуть. Уничтожить тебя, когда Уэрти так тебя любит, значит навсегда объявить ему войну. В другом мире ты не будешь представлять для меня угрозы. — Палец Айрес неторопливо, чуть слышно постукивал ногтем по камню. — Это компромисс ради него. И того, чтобы он остался на моей стороне.

Зачем ей лгать? Зачем предлагать то, чего она не собирается делать? Издевки ради? Нет, не до издевки ей, когда в столице бунт... Айрес тирин Тибель нужно каким-то образом разобраться с Избранной, избавиться от нее раз и навсегда — прежде, чем факт ее

существования станет известен всем, прежде, чем ее обнаружат в подвалах Кмитсвера. Прежде, чем эта весть подольет в пожар восстания топливо надежды, что в данной ситуации будет уже не рычагом управления — бумерангом, бьющим того, кто его отпустил.

Если на один миг предположить, что все это всерьез...

— И Герберт... Уэрт... согласился на это?

— Конечно нет. Он не верит, что ты согласишься его оставить. — Когда Айрес выпрямилась, золотые нити, окантовывавшие ворот королевского платья, блеснули в свете люстры едва заметным переливом. — Ты заставила его свернуть с уготованной тропы. Я хочу, чтобы он на нее вернулся.

— Хотите, чтобы я бросила его?

— Его. Восстание. Все это.

— А если я откажусь?

Айрес тонко улыбнулась.

— Зависит от обстоятельств. Но, как я уже говорила, ты должна исчезнуть.

Учитывая, что королева только что вещала об «отбросах» — спрашивать, каким образом ей полагается «исчезнуть», Ева сочла глупым.

— А как же рычаг управления и надежда?

— Я предлагаю тебе. Один раз, — произнесла Айрес, проигнорировав вопрос. — Забудь о Уэрте, и я верну тебе жизнь. Забудь обо мне, и я помогу тебе вернуться домой.

Наверняка какая-то проверка, думала Ева лихорадочно. Даже если принять во внимание условия, она никак не могла ожидать от Айрес подобной щедрости. Или это не щедрость? Что мешает королеве сказать племяннику, что Ева благополучно вернулась домой, а в действительности просто смести в совочек оставшийся от нее пепел? Но тогда не было никакого смысла вести Еву сюда и разыгрывать весь этот спектакль в пустом зале...

А если это проверка, чего от нее ждут?

— Если я соглашусь, — помедлив, молвила Ева, прощупывая почву, — вы позволите нам с Гербертом увидеться... после моего воскрешения?

— Если ты согласишься, ты отречешься от него. Не думаю, что ему будет приятно видеть тебя после этого. — Айрес чуть склонила

голову набок, глядя на девушку цепким птичьим взглядом. — А ты, стало быть, готова отречься?

— Вы же все равно не позволите нам быть вместе.

— Как я уже говорила, зависит от обстоятельств, — откликнулась королева ускользающе. — Но даже если я позволю вам воссоединиться, как ты представляешь ваше будущее? Ты мертва. Ты не можешь сделать его счастливой. Не будучи мертвой.

— Если вы действительно его любите, ради него вы должны бы...

— Моя снисходительность к нему не безгранична. Не говоря уже о тебе. Даже если я милостиво подарю ему твою жизнь — если вы не расстанетесь сейчас, расстанетесь позже. — Айрес скрестила руки на груди; их разделял алтарь, расстоянием нивелируя разницу в росте, но королева все равно взидала на собеседницу сверху вниз. — Ты не из тех, кто готов пожертвовать всем ради любви. Одного взгляда на тебя хватит, чтобы это понять. Ты — не часть нашего мира, и не готова ею стать. То, что ты оставила по ту сторону, тебе важнее того, что ты обрела здесь. Если я неправа, скажи, что это не так. Скажи, что будешь покорной ради его блага, скажи, что никогда его не оставишь... или соглашайся уйти, пока я не передумала.

Треклятая тибельская проницательность, подумала Ева тоскливо. Мимолетом, ибо в основном ее мысли занимали совсем другие соображения.

О том, какого ответа от нее ждут.

— ...ловушка...

Слабое эхо Мэтовского голоса потонуло в море догадок, штормом бившихся в сознании.

Скажешь, что королева неправа, вымолишь право вернуться к Герберту — останешься рычагом давления. Вдруг на это Айрес и рассчитывает? Сыграет в великодушие, будет держать Еву в добровольных заложниках — и повяжет племянника по рукам и ногам. Ею, Евой, и ее «свободой». А на деле, может, королеве и не под силу осуществить предложенное: просто она знала, что Ева на это не согласится. Ни одна порядочная любящая девушка не согласилась бы.

Ни один здравомыслящий человек, знакомый с Айрес тирин Тибель, тоже.

Ева почти не играла в шахматы. Плохо умела просчитывать наперед чужие действия, видеть ловушки, разгадывать ход мыслей

противника. И сейчас дико жалела, что не училась.

Что будет с Гербертом, если сейчас она откажется?

Что с ним будет, если она согласится?..

Еще миг невидимые весы, на каждой чаше которых покоился один из возможных вариантов ответа, балансировали в равновесии.

— Ладно. Идет.

Груз лихорадочных соображений лег на одну из чаш одномоментно.

Лицо Айрес не выразило ничего.

— Стало быть, ты соглашаешься.

— Да. Я хочу жить.

Она не знала, правильно ли считала чужие ожидания, которые теперь пыталась обмануть. Но услышанное слишком уж располагало к тому, чтобы Ева топнула ножкой и сделала все, дабы разрушить нарисованный королевой портрет.

Что ж, Ева ее удивит. Хотя бы затем, чтобы посмотреть, что будет дальше. Да и цветасто расписаться перед Айрес в вечной любви к ее племяннику Ева все равно бы не смогла.

Не перед ней.

— Мнится мне, ты лжешь, — произнесла Айрес негромко. — Скажешь сейчас что угодно, лишь бы воскреснуть. Обрести свободу, перехитрить меня. Но мне не нужно что угодно. Мне нужна правда.

Только выпусти меня отсюда, думала Ева, глядя в темные глаза, пытаюсь прочесть в них хоть что-то. Увидишь, какой правдивой я могу быть.

— Это и есть правда. — Она судорожно сцепила опущенные руки. — Вы сами сказали: я здравомыслящая. Я не боец. Не революционер. Мне вас не победить. И я хочу вернуться домой. Это выгодная сделка.

— И жизнь, стало быть, для тебя важнее любви.

Если уж играть, то играть до конца.

— Никакая любовь не стоит того, чтобы за нее умирать.

На губах королевы обозначился призрачный улыбки, — но Ева не могла понять, довольной или злой.

— Странно. Обычно влюбленные девочки так возвышенно максималистичны.

— Любовь и здравомыслие плохо совместимы. — От напряжения, с которым Ева пыталась считать реакцию собеседницы, почти болела голова. — Мы с ним знаем друг друга несколько недель. Думаете, я променяю дом и жизнь на мальчика, которого знаю всего ничего?

Собственная ложь прозвучала до боли легко, скальпелем резанув душу.

— Он бы променял, — заметила Айрес отстраненно. — Свою жизнь на твою.

От воспоминаний о Герберте, беззвучно шепчущем слова Обмена, Еве на миг захотелось расплакаться. Покаяться во лжи. Упасть Айрес в ножки и просить милости для них обоих.

Потом она вспомнила другого Герберта — насмешливого, готовящего ее к роли спасительницы всея Керфи, — хмельную исповедь Кейлуса и Бианту, оставленную в каменной клетке.

— Моя психика не настолько искалечена, чтобы за такой короткий срок намертво прикипеть к первому встречному.

Улыбка Айрес осталась такой же призрачной.

— Каламбур, — констатировала она бесстрастно. Вновь отвернувшись, вскинула голову к верхним рядам. — Полагаю, ты услышал достаточно.

...воспоминание о том, что в этом мире существуют чары невидимости, пришло слишком поздно. Как и понимание, что зал, где они с Айрес разыгрывали этот спектакль, может быть не пустым.

Когда в тишине послышались шаги, аккомпанементом сопровождавшие появление Герберта, пока он спускался вниз по крутой лесенке между рядами, — где-то глубоко внутри Ева закричала от леденящего ужасом осознания.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ОТ 04.04:

Обвели вокруг пальца, как ребенка. Просчитали, как по нотам. Просчитали даже то, что Ева попытается просчитать Айрес в ответ.

Забыв, что у той опыта несравнимо больше.

— Ступай, Уэрт, — произнесла королева. — Тебя проводят обратно во дворец.

Под немигающим колючим взглядом Герберта Ева отчаянно подалась вперед:

— Герберт, я...

— Полагаю, отныне говорить вам не о чем. — Слова королевы сковали Евины губы колдовской заморозкой, оставив возможность разве что нелепо мычать. Гребаная магия! — Иди, Уэрт.

Достигнув нижний ступеньки, некромант сошел на лакированный паркет.

— А что будет с ней?

Голос его не выражал ничего, даже холода. На Еву он не смотрел.

— Не все ли равно? — Айрес говорила без намека на торжество, скорее утомленно. Лицемерие высшего порядка. — Как ты мог убедиться, она не стоит ни твоего доверия, ни твоего беспокойства.

Герберт перевел взгляд на Еву, застывшую в растерянном оцепенении. Глаза его были голубыми и льдистыми. Такими же, как в день их знакомства.

Что теперь? Кинуться ему на шею? Попытаться промычать, что все это было ложью? Глупо, как же глупо все вышло...

Звук распахнувшихся дверей прогремел в тишине, как выстрел.

— Ваше Величество...

— Кажется, я велела нас не беспокоить, — не оборачиваясь, бросила Айрес вошедшему охраннику.

— Бунтовщики прорвали оцепление. Они штурмуют тюрьму.

Страх, полутонем прорезавшийся в этих словах, порадовал Еву, даже несмотря на всю плачевность ситуации.

То, как медленно королева повернулась к вестнику, не предвещало ничего хорошего: ни для вестника, ни для окружающих.

— Кучка бунтовщиков прорвала военное оцепление? — уточнила она спокойно до леденеющей крови.

— С ними стражники, Охотничий полк и Пятый магический дивизион, — отрапортовал охранник, и Ева заметила, как поблескивает нервный пот на его лбу. — Должно быть, каким-то образом узнали, что вы с наследником здесь.

— Миракл?..

— Лиора Мирана возглавляет своих магов, но лиэра Миракла с ними нет.

— Значит, он ищет обходной путь. Если уже не нашел. — В зловещей задумчивости Айрес развернулась обратно к алтарю. — Ничего не попишешь... Выйди, Уэрт. Тебе не нужно на это смотреть.

Судорожно пытаюсь разобраться в происходящем, Ева точно поняла лишь одно. Избранная должна исчезнуть. Прямо сейчас.

Любой ценой.

— Выйди, — повторила королева. — За тобой присмотрят.

Герберт остался недвижим. Как и Ева, попытавшаяся рвануть мимо алтаря к выходу и обнаружившая, что ноги будто примерзли к полу.

Трижды гребаная магия!..

Глядя на племянника, Айрес чуть пожала плечами:

— Как хочешь.

Ева пыталась убежать. Призвать щит или смычок. Сделать хоть что-то. Но могла лишь стоять, наблюдая, как в тянучкой длящемся времени королева вскидывает руки, чтобы забрать у нее жизнь. Снова. Даже то, что от нее осталось.

Если только не...

— Сделка?..

Шепот Мэта в ушах искушал, как спасительная паутинка, предлагающая путь спасения из ада.

Они оговорили возможные условия, пока Ева сидела в темнице, готовясь к королевскому визиту. Условия, которые помогли бы ей избавиться от браслетов и защититься от Айрес. На сей раз — в здравом уме и твердой памяти, на самый крайний случай. Как бы ей ни претило договариваться с тем, кто уже окунул ее руки в кровь. Но сейчас, даже перед лицом гибели, Ева поняла: она не готова ответить «да». Кто знает, сработают ли на демона ограничения, если проговаривать условия заранее.

Она не готова снова оплатить свое существование чужой жизнью. Тем более если следующим, кого она может обнаружить мертвым, когда очнется, будет Герберт.

Неужели конец? Нет, все не может закончиться так — так просто, так безжалостно...

...так жизненно...

Огненная сфера взметнулась вокруг ядовитой зелены. Еве потребовался миг, чтобы осознать: пламя, призванное обратить ее в пепел, встретило купол магического щита.

Понять, кто его поставил, было нетрудно.

— Все еще дорожишь ею? — чуть повернув голову, поинтересовалась Айрес у племянника. Колдовской огонь не гас, сиюсь добраться до Евы, жадно облизывая прозрачный защитный пузырь. — После того, что услышал?

— Неважно, что я услышал. Важно, что я знаю. И что чувствую.

В голосе Герберта, как и в лице, стыла прохладная бесстрастность снежной белизны, — и это не погасило светлый сполох надежды и любви, вспыхнувший в Евиной душе ярче любого пламени.

Не купился. Не поверил. Не предал ее.

Только вот...

— Жаль. — Королева не опустила рук. Если она и была разочарована, то не выказала этого ни жестом, ни тоном. — Силой клятвы твоей повелеваю тебе — убери щит.

Ева, ожидавшая этого, закрыла глаза перед неизбежностью.

Вот теперь точно конец...

Течение времени размылось в остром желании жить, в жадном наслаждении последними моментами существования. Поэтому осознание, что ничего не происходит, пришло к Еве несколько запоздало.

Лишь когда голос Айрес — изумленный, с прорезавшимся нажимом — прозвучал вновь:

— Силой клятвы твоей повелеваю тебе — убери щит и упокой эту девушку!

Робко приоткрыв глаза, Ева воззрилась на огонь, по-прежнему пляшущий в метре от ее лица. Посмотрела на непонимающее лицо королевы.

На Герберта.

Некромант улыбался. Той неприятной, пугающей улыбкой, что Ева когда-то имела счастье так часто наблюдать. Зеленые сполохи, сквозь которые Ева взирала на окружающий мир, придали этой улыбке лишь больше зловещести.

Воспоминания о том разговоре, когда Ева узнала о вассальной клятве, всплыли в памяти сами собой. Одновременно с догадкой, каким невозможно простым образом можно ее обмануть.

...«после того раза я как следует продумал возможные методы сопротивления»...

— Прости, тетя. — С какой-то театральной ленцой подняв руку, Герберт похлопал себя по уху. — Глухота. Ничего не слышу.

Дальнейшее произошло стремительно и одновременно, как тиканье секундной стрелки.

У дверей послышался булькающий вскрик охранника, безмолвно следившего за происходящим. Зеленый огонь исчез — уступив место щиту, сотканному вокруг самой Айрес. Над головой королевы разноцветьем затанцевали искры от разбившегося заклęcia. По рядам анатомического ряда, кольцом окружая «арену», заскользили люди в черных одеждах и до боли знакомых птичьих масках.

Легкой танцующей походкой, точно выходя на очередную игру, Миракл перешагнул через тело охранника. Оставив позади «коршуна», держащего наготове окровавленный клинок, отсалютовал тете собственным клинком: блестящим, чистым и стальным, как глаза обоих взбунтовавшихся Тибелей.

— Айрес тирин Тибель, — проговорил Миракл, — от имени народа Керфи я требую твоего отречения от престола.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ОТ 05.04:

Айрес ответила стрелой из арбалета, ржавым огнем полыхнувшего в ее руках, Миракл ловко отбил болт лезвием меча, — и Ева, которую наконец отпустила магическая заморозка, поспешно скакнула к первому ряду скамей, подальше от центра боевых действий.

«Коршуны». Коршуны, которые явно помогают Мираклу... нет, лучше об этом не думать. Если Ева дождется конца этой заварушки, ей все логично объяснят.

Во всяком случае, она очень на это надеялась.

Когда она взобралась на зрительские места и обернулась, Герберт уже был рядом.

— Если хочешь что-то мне сказать, не отворачивайся, — произнес он. — Я читаю по губам.

Сказать Еве хотелось многое. И не только сказать. Но поскольку момент был несколько неподходящим, она ограничилась тем, что протянула к нему руки: запястьями вверх, демонстрируя ненавистные блокаторы.

— Можешь избавить меня от браслетов? Я хочу помочь!

Герберт посмотрел вниз, на арену, где разверзся магический ад. Резали воздух огненные стрелы, фейерверками разлетались искры и

пестрые вспышки, разбиваясь о щиты королевы, «коршунов» и Миракла — видимо, его прикрывал кто-то из убийц; для боя с таким количеством участников «арена» явно была маловато.

— Ты уверена, что им нужна твоя помощь?

— Ты будешь с ней сражаться. Тебе нужна.

Герберт не стал ни отговаривать ее, ни спорить. Просто положил ладони на браслеты, чтобы кончиками пальцев расчертить рунами светящуюся медь, одними губами выпевая заклятие.

Едва ли каждому магу было под силу снять с нее блокаторы. Но в том, что ему под силу, Ева не сомневалась.

Кусая губы от нетерпения, краем глаза она следила за схваткой. Их с Гербертом окружал барьер — один на двоих, — но их атаковать никто не пытался. Айрес было немного не до того. «Коршунам», видимо, просто без надобности. Кто-то из убийц пытался пробить купол королевы заклятиями издали, другие атаковали в ближнем бою, уворачиваясь от града огненных стрел (скорострельность магического арбалета могла дать фору пистолету). Лакированный паркет пузырился и обугливался, одна из скамей разлетелась в щепки, задетая промахнувшимся заклятием. Один «коршун» лежал на лесенке между рядами, другой повалился на пол на глазах у Евы: Айрес, зажатая врагами у алтаря, умудрялась давать достойный отпор, даже несмотря на десяток противников разом. На прозрачный пузырь обрушивались атаки земляных шпаг, водных хлыстов, воздушных мечей — всего изощренного арсенала магических орудий; Миракл помогал обычным стальным клинком, скользя вокруг противницы в смертоносных пируэтах.

Глядя, как ее жених ускользает от вражеского огня, уворачиваясь с каким-то балетным изяществом, Ева могла понять, почему видевшие его на арене готовы были отдать за него жизнь. Да только это не отменяло серьезных сомнений в благополучном исходе боя. Особенно учитывая, что уже три «коршуна» пали жертвой королевских стрел и проклятий, щедро раздаваемых врагам из-под прикрытия.

Едва ли самую могущественную колдунью Керфи можно одолеть в честном бою. Но...

Блаженное ощущение пустоты на запястьях сопровождалось щелчком, почти потонувшим в звуках сражения.

— Они все равно сейчас нам понадобятся, — сказал Герберт, сняв разомкнувшиеся медные кольца. Зеленое мерцание активного режима уступило место нейтральному голубому. — План такой...

Минутой позже сквозь купол королевы скользнули теневые щупальца. Вступление в бой некроманта сильно осложнило Айрес оборону. Стремительно крутанувшись на каблуках, она умудрилась расстрелять все черные отростки, норовившие обвиться вокруг ее ног и запястий, но это стоило ей разом нескольких пропущенных ударов, одновременно обрушившихся на мерцающий пузырь. Щит, не выдержав нагрузки, мигнул и исчез — всего на секунду, если не меньше; один из «коршунов» успел скользнуть внутрь, но не успел увернуться от встретившего его огненного болта.

Когда он упал, колдовская защита восстановилась, а Айрес, разобравшись с врагом, повернулась в сторону Миракла — острие огненного болта почти уткнулось Герберту в грудь.

— Если хочешь победить, убив его, — сказал некромант, стоя под королевским щитом, — сперва придется убить меня.

Ева, успевшая соскользнуть со зрительского ряда обратно на «арену», замерла: на грани притупленного ужасом слуха различив, как Миракл кричит коршунам прекратить атаку. Еще бы, когда возникал риск задеть не только королеву, но и его брата...

Венценосный идиот! Когда он сказал «я ее отвлеку», Ева никак не думала, что отвлекающим маневром послужит это!..

— Уэрт, отойди, — держа палец на спусковом крючке, процедила Айрес сквозь зубы.

— Хватит. Сдайся. Отступись. — В лице Герберта не было ни намека на страх. — Ты многое сделала для нашей страны. Для меня. Но ты должна уйти, прежде чем уничтожишь все, чего достигла.

— Под моим началом Керфи станет мировой империей. Под моим началом мы станем легендой. Под вашим — останемся обитателями плодородного клочка земли, одного из десятка таких же.

— Под твоим началом мир станет кровавой пустошью, наша страна — родиной жестоких ублюдков, а наш народ — армией выроdkов, уничтожающих все живое. Я не собираюсь принимать в этом участие. — Герберт подался вперед. — Если ты выбираешь войну, стреляй.

Болт, сотканный из того же ржавого огненного мерцания, что и королевский арбалет, оставил обугленное пятно на его белой рубашке. Две безликие тени ждали за границами купола, застыв по соседству с убийцами, которым явно не нравилось такое соседство, — и Ева не понимала, почему они просто ждут. Держа в одной руке блокатор, а в другой — волшебный смычок, ласкающий пальцы прохладной твердой водой, девушка не осмелилась сделать то, что должна была сделать: лишь молилась, чтобы никто из атакующих не вздумал нарушить приказ бездействовать.

Если что-то заставит Айрес вздрогнуть, если рука ее случайно дернется...

— Как только я сдамся, меня уничтожат. Ты это понимаешь?

В голосе королевы, к ее чести, страха тоже не было. Ни капли. Один лишь прохладный интерес.

— Я не хочу твоей смерти. И не допущу ее, если ты докажешь, что способна вести себя разумно. Что ты все еще человек.

— Да ну? И ради меня ты в одиночку выступишь против любимого брата и его новых друзей?

— Если понадобится. — Герберт почти улыбнулся. — Я со многим способен справиться в одиночку. Ты хорошо меня обучила.

— После всего, что я сделала?

— Ты остаешься тем, кого я когда-то любил. И кто на свой странный манер любит меня.

Уголок губ королевы дрогнул в намеке на горечь.

— В последний раз говорю, Уэрт: отойди.

Ответом ей был голубой лед в бесстрастных некромантских глазах.

Айрес глубоко, с неожиданной несдержанностью выдохнула. Взяла арбалет чуть выше — туда, где в ворота Гербертовой рубашки виднелась трогательная ямка между худыми ключицами.

Ева отчаянно взмахнула рукой.

Ударив по прозрачному куполу, невидимая струна раскатила по залу мелодичное «дзинь». Одновременно с тем, как щупальца черных теней потянулись к женщине, угрожавшей их господину.

Одновременно с тем, как королева разжала пальцы, выпуская арбалет из рук.

Когда Айрес повернула голову на звук, Герберт запустил руку в карман штанов, в один шаг сократил разделявшее их расстояние — и дутая медная полоска, защелкнувшись на запястье королевы, заискрилась зеленью блокирующих чар. Дождавшись, пока Айрес переведет взгляд обратно на племянника, Ева подскочила к исчезнувшему щиту; второй браслет скользнул на женскую кисть, обрамленную гранатовым бархатом, охотно и легко. И замкнулся, не встретив сопротивления.

Вот и все.

Неужели все?..

— Кто тронет ее, будет иметь дело со мной. — Герберт обвел взглядом присутствующих, застывших хищниками в засаде. Встретившись глазами с Мираклом, предупреждающе сощурился. — Ко всем относится.

— Желаю удачи в сражении с моими войсками, — сказала Айрес. — Капитулировать я им не прикажу. Даже не проси.

Ожившие тени истаяли клочьями черноты, словно подводя черту под случившимся.

Нет, внезапно поняла Ева, глядя на лицо Айрес: совсем не похожее на лицо человека, только что потерявшего все. Нет, Айрес тирин Тибель никогда бы не сдалась так просто.

Никогда, не будь у нее запасного плана.

— Уэрт, ты же понимаешь, чем проще всего закончить все это, — негромко молвил Миракл, не торопясь опускать клинок. — Если она умрет, ее солдатам не за кого будет сражаться.

Ничего еще не закончено. Ева осознала это так отчетливо и ясно, будто кто-то нашептал ей это суфлером. Может, и нашептал: в конце концов, Мэт прекрасно умел подделываться под любой голос, включая ее собственный.

Сейчас Айрес лишь взяла передышку перед... чем?

— Они будут сражаться за режим, при котором им так хорошо и вольготно жилось. За то, чтобы власть досталась кому угодно, кроме тебя, при котором все будет совсем иначе. Но ты не хуже меня знаешь, что заставит их склонить головы. — Герберт выразительно кивнул в сторону Евы, благоразумно отступившей от королевы на пару шагов. — Вернее, кто.

— Уэрт...

— Или ты, благородный освободитель, намереваешься занять трон, убив свою беззащитную, сложившую оружие тетю? Тогда нам с тобой не по пути.

Миракл смотрел на брата, не мигая. Ева не думала, что теплый ореховый тон его глаз способен разить таким холодом.

Несравнимым с глазами Герберта, что раскрывали вглядывающемуся в них объятия льдистой бездны.

Медленно, медленно мятежный Тибель опустил меч:

— И что прикажешь с ней делать?

— Я поправил ограничение на браслетах. Она не может покинуть этот зал. Оставь с ней охрану из числа твоих новых друзей, — Герберт одарил «коршунов» взглядом, далеким от приязни, — потом переведем ее в один из наших особняков — я настаиваю, чтобы с ней обращались достойно. Если она случайно погибнет, у тебя появится одним врагом больше. Учитывая обстоятельства, сам понимаешь, насколько это нежелательно. — Более не устаивая вниманием никого из присутствующих, некромант протянул Еве руку. — Ева, идем.

Не задавая вопросов, покорно подбежав ближе, чтобы вцепиться в его ладонь, Ева позволила повести себя к выходу из зала. Не зная, чей взгляд так ощутимо и зло сверлит ее спину — Айрес или Миракла.

Ох, так просто это не кончится...

— Ты уверен, что у вас все получится? — негромко поинтересовался Миракл вдогонку.

Учитывая, что по техническим причинам Герберт никак не мог его услышать, Еве пришлось дернуть некроманта за рукав, вынудив обернуться.

— Абсолютно, — откликнулся Герберт, когда его брат повторил вопрос. — А тебе, полагаю, еще нужно триумфально освободить узников из камер. Вперед, герой, довершай революцию. Мы займемся своей частью.

— Мне полагается еще триумфально объявить о пленении королевы. Народу, жаждущему ее крови. И помочь моей матери подавить сопротивление ее войск.

— Не беспокойся, минут через пять всем станет немного не до того. Особенно если ты сможешь произнести подобающую случаю воодушевляющую речь. Воодушевляющие речи, если не ошибаюсь — конек истинных королей.

Сарказм в этом прощании был почти неуловим.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ОТ 06.04:

За дверью в зал их ждали еще несколько охранников. Таких же мертвых, как тот, что остался в анатомическом театре. Пока они проходили мимо, Ева старательно смотрела прямо, — что было довольно-таки нелегко, если ты хотел не запачкать босые ноги в кровавых лужах на полу. Наверное, после всего пережитого да при виде такого количества мертвецов, сверлящих потолок остекленелыми глазами, ей полагалось впасть в истерику; но чувства, притупленные всем кошмаром последних дней, просто отказывались реагировать. И даже когда тела остались позади, Ева какое-то время молчала.

Слишком многое нужно было спросить. Слишком многое хотелось понять.

— Я снял чары, но говори громче, — посоветовал Герберт. — Такие вещи не проходят бесследно, ближайшую пару часов я буду слышать хуже обычного.

— Как ты... это...

— Усовершенствовал одну заковыристую формулу. Свел все к трем рунам, которые можно вычертить, прежде чем прозвучит непосредственно приказ. Научился читать по губам, чтобы Айрес не заподозрила подвоха. — Разбивший объяснение смешок оставался Еве непонятен, пока Герберт не продолжил: — Бедный Эльен. Он, конечно, любит поболтать, но даже ему в то время пришлось несладко.

О том, что интересовало ее больше всего, Ева смогла заговорить, лишь когда коридор привел их к маленькой полутемной лестнице, вьющейся куда-то вверх. Задав, пожалуй, не самый актуальный в данный момент вопрос.

— Ты же понял, что все это... там, в зале... была игра, правда?

Впрочем, актуальность смело можно было считать понятием относительным. И сейчас услышать ответ Еве было безумно важно: даже несмотря на факты, ясно обозначившие отношение некроманта к произошедшему.

— Мне приятно, что ты считаешь меня идиотом, но я больше бы в тебе разочаровался, прояви ты самоубийственную честность. — Герберт не смотрел на нее, опережая ее на ступеньку, ведя за собой — но то, что он не отпускал ее руки, успокаивало лучше чего бы то ни было. — Глупость страшнее лицемерия.

— Тогда, выходит, я бы Айрес как раз и обыграла.

— Ты пыталась. К сожалению, шансы изначально были неравны. Таких милых девочек, как ты, Айрес ела на завтрак со своего придворного дебюта.

Хвала адекватности и редкостному пониманию венценосного неидиота. Одной проблемой на повестке дня меньше. Об остальных — во всяком случае, обо всех одновременно — Ева предпочитала не думать.

Больше шансов не сойти с ума.

— Жаль, твоя сокамерница немного не в той кондиции, чтобы оценить всю романтику момента, когда Миракл до нее доберется, — донеслось с задворок сознания. — Прекрасный принц явился вызволить ее из логова зла...

— Что будет дальше? — собственным голосом заглушив демона, определенно являвшегося в этой беседе третьим лишним, спросила Ева. — Куда мы?

— На крышу. Учитывая, что происходит вокруг тюрьмы, сейчас это единственный безопасный способ выбраться отсюда.

— А почему мы не остались с Мираклом?

— У него свой план действий. У нас свой. Все получится, лишь если каждый выполнит свою задачу. И о нашей задаче «коршунам» лучше не знать. — Остановившись, Герберт все же выпустил ее ладонь: чтобы открыть люк, в который уперлись закончившиеся ступеньки. Интересно, не здесь ли Миракл пробрался в здание?.. — Часть правды, полагаю, им уже известна, но чем меньше людей будет знать всю правду, тем лучше.

На крыше, длинной и плоской, было снежно и светло. После дней во тьме Ева зажмурилась, до того ударила по глазам яркость белого облачного неба. Откуда-то доносились крики, хлопки и шум, обещавший неприятное зрелище битвы под тюремными стенами; это вконец спутало мысли, и без того кричащие и расталкивающие друг дружку.

— Айрес сдалась не просто так. Я уверена, — пробормотала Ева, забыв, о чем они говорили прежде. Босые ноги ее стояли на притоптанном у люка снегу, почти не чувствуя холода; отпечатки разномастных ботинок подтверждали теорию о том, каким обходным

путем воспользовался Миракл сотоварищи. — Наверняка у нее в запасе какой-нибудь коварный план.

— Пока на ней блокаторы, особо бояться ее не стоит. С этого дня она будет под арестом, за ней установят круглосуточную слежку. Я сам за этим прослежу. — Закрыв люк, Герберт не торопясь выпрямился. — Знаешь...

Он не дрожал, стоя в зимней стуже в одной рубашке, но Ева видела мурашки на его руках.

— Что? — в повисшей паузе спросила она. Отчасти затем, чтобы не слушать отзвуки сражения, которого она пока не видела, но в красках представляла.

В том, как Герберт посмотрел на нее, сквозила печаль.

— Все же актриса из тебя до боли хорошая.

Несмотря на всю неуместность обстановки, несмотря на то, что Ева знала, как сейчас выглядит — неумытая, со спутанными волосами, в невзрачной тюремной рубашке, — оправданиям и извинениям она предпочла объятие.

Каким бы он ни был понятливым, услышанное не могло его не ранить. Хотя бы из-за невысказанной ею правды, о которой он не мог не задумываться. Но одна правда — что Ева не была и никогда не станет частью его мира — не отменяла другую.

Правду, что — Ева внезапно поняла это с болезненной ясностью — являлась единственной непреложной истиной, за которую она могла держаться, чтобы не упасть в бездонную кровавую черноту всего, через ей пришлось и придется пройти.

— Я люблю тебя, — обхватив его тонкими руками, серьезно глядя на него снизу вверх, сказала Ева. — Ты же мне веришь?

В наступившей вдруг тишине, нивелировавшей холод, растворившей отзвуки того страшного, что перемалывало людей за пределами их маленького мирка, ограниченного кружком утоптанного снега под ногами — на миг все стало далеко и неважно. Все, кроме слабой улыбки Герберта, разбившей зиму в его глазах, и теплой ладони, коснувшейся ее наверняка чумазой щеки.

— Тебе одной, пожалуй. — Отстранившись, он обнял ее за плечи: так, точно это ее, а не его сейчас жег мелкой дрожью беспощадный мороз. — Идем, нужно выбираться отсюда.

Как выяснилось, когда они подошли к краю крыши, Кмитсверская тюрьма строилась в три этажа, в виде буквы П. Ева с Гербертом выбрались из правого корпуса; сбоку и сзади к тюрьме примыкали жилые дома, отделенные от нее широкой улицей, перед зданием расстилалась просторная площадь, куда бедная Бианта решила прогуляться вместо уроков. И если окружающее море черепичных крыш, пыхтевших белым дымом из труб, выглядело умиротворяюще, то творившееся на площади — нисколько.

Ева смотрела, как на снегу, расцвеченном багрянцем, выжженном чернотой, бушует шторм восстания. Что-то горело, что-то взрывалось, пугающей пестротой сверкали следы отраженных и свершившихся чар; люди сталкивались, чтобы упасть или пройти дальше, отбросить противника или позволить ему перешагнуть через себя. Сине-черный массив у тюремных стен — видимо, люди королевы — заплескивала разномастная толпа, наседающая с улиц, силясь прорвать последнюю линию обороны. Ева выделила среди бунтовщиков золотистые мундиры магов (понять, что это маги, было нетрудно, если принять во внимание колдовские барьеры и волшебное оружие в руках), но понять что-либо еще в месиве сражения было невозможно.

Кмитсверская площадь наполнилась народом, и сейчас этим народом двигало одно желание: уничтожить того, кто стоял напротив.

— Мы должны их остановить, — прошептала Ева, когда отступивший ужас от увиденного вернул ей способность говорить. — Герберт, мы должны их остановить! Ты говорил, я могу это сделать? Но как...

Крылатая тень напозла на крышу за миг до того, как недоговоренный вопрос повис в воздухе.

Огненная струя ударила по королевским гвардейцам метким золотым плевком. Шипастый хвост небрежно метнулся в пролете, сшибив пару дымоходов — те брызнули кирпичом, словно коричной крошкой.

Ева задрала голову в момент, когда над площадью разнеслись исполненные ужаса вопли «дракон!».

За секунду, требовавшуюся для вспоминания, что Гертруда мертва — зрелище летящей над площадью драконицы, сверкавшей мшистой чешуей даже в бледном пасмурном свете зимнего дня, успело почти ее обрадовать.

— Я собирался освободить тебя. Так или иначе. Большой мертвый дракон мне бы в этом пригодился, — сказал Герберт. — Теперь пригодится для другого.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ОТ 24.05:

— Но она же больше не может... или может?..

— Изрыгать пламя? Нет, не может. Не будучи безмозглой мертвой марионеткой. — Некромант следил, как драконица, оставившая площадь позади, медленно разворачивается. — Немного заклятий. Немного иллюзий. Если ты забыла, я не только с костями возиться умею. Не волнуйся, мятежники не пострадали... серьезно.

Когда он выплел в воздухе рунную паутинку, вторая струя не-совсем-драконьего пламени подпалила крышу тюрьмы на противоположном корпусе. Золотой огонь весело взметнулся к блеклому небу.

Под крики, в которых помимо «дракона» угадывалось «бегите», «убить» и «Лоурэн», драконица поднялась выше. Избегая взвившегося к ней роя стрел, колдовских и не только — от самых сообразительных из собравшихся внизу, — полетела дальше, с шумом взрезая воздух перепончатыми крыльями.

— Вот так шоу, — одобрил Мэт. — Кто бы мог подумать, что наш малыш некропиромант...

— Герберт, ты решил исполнить пророчество сейчас? — сдавленно произнесла Ева, в полной мере осознав происходящее.

Ну конечно. Обе стороны прекратят вражду, а лучше — объединятся перед угрозой извне. Угрозой, предвещенной величайшей предсказательницей Керфи, угрозой, не делающей разбора между мятежниками и теми, кто лоялен власти...

По крайней мере в теории.

— А ты против?

Проводив поднятую драконицу тоскливым взглядом (называть ее Гертрудой Ева не смела даже в мыслях), девушка посмотрела на воюющую толпу. Ожидаемо увидела, что та прекратила воевать. Пока кто-то в страхе вглядывался в небо, а другие атаковали крылатого монстра из арбалетов и магических светящихся луков, третьи позорно бежали. Иные из солдат королевы стреляли вверх наравне с бунтовщиками; другие, разбив строй, не хуже оппонентов бросились

врассыпную. Ожидаемо, учитывая, что удар «чудища с Шейнских земель» пришелся по ним.

Иронично, учитывая, что тот, по чьей милости их товарищи на самом деле лежали на земле живыми (уже нет) факелами, тоже явился из Шейна.

Хватит, Ева. Даже если не все люди королевы кровожадные ублюдки — лучше они, чем невинные горожане. А какое же это выйдет чудище, если его атака на столицу не оставит после себя ни единой жертвы?

— Герберт, но Люче...

— Я знаю, что с ней. Наколдную иллюзию огня. Вогнать ее Гертруде в подмышку, полагаю, тебе будет нетрудно. Остальное я сделаю сам. — Подхватив Еву под локоток, Герберт повел ее к противоположному краю крыши. — Теперь нам действительно пора.

— К озеру?

— Прямо отсюда к нему не перенестись. Охранные чары запрещают. А вот с соседней крыши — легко. Надеюсь, левитировать не разучилась?

Когда они взобрались на поребрик, за которым ждала пустота и недолгое падение на уличную брусчатку, и синхронно взмыли в воздух, — Еве вспомнилось, как когда-то, безумно давно, они пили фейр и смотрели «Ходячий замок».

— Вот сейчас тебе точно только стильного серого костюмчика не хватает, — пробормотала она, пока они плавно перемахивали через широкую улицу, над бежавшими по ней перепуганными людьми.

— А еще сердцеедства и позерства.

— По-твоему, броситься грудью к Айрес на прицел, призвать мертвого дракона и устроить весь тот спектакль, что мы устраиваем — не позерство?

— Суровая необходимость, не более. Лучше возьми пример с Софи и прими перепуганный вид, подобающий первому совместному полету.

Ева почти улыбнулась.

Было что-то пугающее в том, что в данной ситуации, когда на оставленной за тюремной площади лежали умирающие люди, они способны шутить.

С другой стороны, когда многие твои чувства свелись к душевной анестезии, лучше шутить, чем рыдать.

На конек крыши, скатывающейся к жилым этажам припорошенной черепицей, они приземлились неслышно. Хотя бы по причине того, что ступни их так и не коснулись его поверхности.

— Жители Айдена!

Голос Миакла, громогласно летевший откуда-то со стороны тюрьмы, раздался эхом, словно он вещал в микрофон. Впрочем, Ева не сомневалась, что у магов и на этот случай припасен колдовской аналог.

— Вовремя, — одобрил Герберт, балансируя на воздухе. — Если не будет слишком велеречив, успеет вдохновить толпу прежде, чем все разбегутся, и достаточно, чтобы она не пропустила основное представление. До озера отсюда недалеко.

Перенос прошел без осечек. На сей раз Ева даже не покачнулась, когда их ноги коснулись снега у набережной, отгородившей столицу от озерных вод гранитным парапетом.

Озеро, куда впадала река Лидемаль, действительно не успело замерзнуть. Лишь у краев лед сковал воды, отражавшие серость низкого неба. Крупные льдины дрейфовали по жидкому стальному зеркалу мутными стекляшками, дальний берег угадывался лишь по обрамлявшим его горам — отсюда они казались не больше ногтя.

— Стой здесь, — велел Герберт. — Сейчас вернусь.

Ева оглянулась на ряд невысоких разномастных домов, тянувшихся вдоль берега, фасадами выходя аккурат на набережную. Если б их обитатели вздумали выглянуть из окон, от любопытных взоров Еву скрыл бы ствол раскидистой ивы, нависшей над парапетом, и ее ветви, струившиеся вниз серебристым льдом.

Но все-таки...

— А если кто-нибудь увидит, как я терпеливо дожидаюсь здесь дракона, он ничего не заподозрит?

— Посмотри на себя. Полагаю, догадаешься сама.

Когда некромант исчез, Ева опустила взгляд на собственные руки: не увидев ничего, кроме заснеженной брусчатки.

Надо же. Даже не заметила, как ее заколдовали.

Но, в конце концов, должны же треклятые чары невидимости хоть раз сыграть не против нее...

— Касательно твоей зубочистки у меня есть предложение получше иллюзий.

— Даже слушать не собираюсь.

— Я ее загубил, мне ее и чинить. — Мэт вещал со смиренностью кающегося грешника. — Брось, златовласка. Знаешь же, что лично против тебя я ничего не имею. Всей душой за вас болею.

— У тебя нет души.

— Если б была, рвалась бы от сопереживания.

— Разве что на крестражи.

— Можешь с чистой совестью проигнорировать мой бесценный совет, но хотя бы выслушай.

К моменту, когда вернулся Герберт, Ева ждала у заснеженного парапета, мучительно пытаюсь забыть все, что сейчас услышала.

— Попутно разнес пару башен королевского дворца и подпалил центральный рынок, — доложил некромант, протягивая Еве рапиру. Невесть каким образом угадав выражение ее невидимого лица, насмешливо вскинул освободившиеся руки; он успел набросить плащ, за что Ева была ему искренне благодарна — теперь ей, не мерзнущей, было не так больно на него смотреть. — Не волнуйся, никто не пострадал. Я следил.

Она кивнула, забыв, что ее не видят. Уставилась на Люче: золотое мерцание зачарованного лезвия уступило место обыденному стальному блеску. Лишь по рукояти и угадывалось, что это тот же клинок.

Уже то, как просто Герберт держал его в руках, ясно намекало — по-хорошему самое время прибегнуть к гарантийному ремонту, если гномом тот предусматривался.

— Так чары правда иссякли, — обреченно констатировала Ева.

— Даже так управляться с ней легче, чем с обычным оружием. Но потому ее и смогли оттащить в королевскую оружейную. — В словах Герберта она не услышала особого сожаления — и хотела бы тоже его не испытывать. — Я мог бы наколдовать полную иллюзию меча, но так будет... честнее. И в чем-то проще.

Ева вспомнила то, что ненадолго вытеснило встревоженное удивление.

Еще секунду информация — слишком странная, чтобы быть ложью, слишком своевременная, чтобы не нуждаться в проверке —

балансируя где-то на кончике языка.

— Я знаю, что это звучит бредово и ему нельзя доверять, но Мэт говорит, что гномьи клинки заколдовывают драконьим пламенем, дом матери Миракла неподалеку отсюда, в нем спрятан детеныш Гертруды, и он может помочь нам частично восстановить чары на Люче.

Ответом на эту скороговорку — свалившую в кучу то, что демон пару минут раскладывал по полочкам с терпеливой дружелюбной убедительностью свидетеля Иеговы — послужил тяжелый взгляд. Настолько тяжелый, что впору было почти пугаться.

— Говорю же, бред, — добавила Ева, пытаясь оправдать себя нервным смешком. — Детеныш Гертруды ведь все еще в яйце, в твоём замке, верно?

— Каким образом Мэт с тобой говорит?

Еще прежде, чем некромант уронил последнее из слов, медленных и весомых, как стальная дробь, — Ева вспомнила, сколько всего случилось с момента их двойной разлуки. И что толком обсудить случившееся им было немножко некогда.

— Ты ведь знаешь... что мы заключили сделку?

Задать этот простой вопрос оказалось куда сложнее, чем на одном дыхании выпалить конспект демонских советов.

Короткое, невыразительное движение, которым Герберт склонил голову чуть вперед, Ева расценила как кивок.

— Он теперь в моем сознании. Всегда. Из-за того, что я его впустила. — Под колючим взглядом некроманта, устремленным в прозрачную пустоту на месте ее лица, Ева почему-то опустила глаза. — Если не врет, пока я не умру окончательно.

Если разобраться, глаза она опустила вовсе не почему-то. Боялась, что Герберт если не словами, то взглядом подтвердит факт, который она прекрасно знала сама. Тот факт, что Ева Нельская не только убийца, но и беспросветная дура.

Однако когда бледные пальцы коснулись ее невидимого плеча, в этом не было и тени осуждения.

— С этим мы разберемся позже, — просто сказал Герберт. Сухое обещание в его словах успокоило Еву лучше любых цветастых утешений. — Драконье пламя, значит...

Задумчивость, с которой некромант посмотрел на пеструю линию домов, вполне красноречиво закончила невысказанную мысль.

— Только не говори, что ты ему поверил!

— Едва ли гномью сталь способен расплавить чих маленького дракончика. Если не поможет, по крайней мере не навредит, — заметил некромант рассудительно. Посмотрел в небо над столицей. — Дракону все равно нужно еще полетать над городом... чтобы не осталось незнающих.

Когда Герберт бесцеремонно отобрал у нее едва врученную рапиру, Ева не стала возражать. Даже мысль, что поблизости действительно может находиться новорожденный (или нововылупленный?) детеныш Гертруды, не вызвала у нее никаких эмоций.

Позже. Если это правда, она почувствует что-нибудь позже. Наверняка.

Пока она слишком устала.

— Придется тебе еще подождать. Тебя в дом Мираны защита все равно не впустит. Скорее всего, — добавил Герберт, пряча клинок в складках плаща.

На сей раз некромант пошел пешком. Притаившись за ивой, Ева следила, как тот удаляется, чтобы степенно подняться на крылечко симпатичного кирпичного домика за кованой оградой — ни дать ни взять коттедж с Тисовой улицы. Еще немного, и из окна порхнет полярная сова.

Кажется, матери Миракла за жизнь пришлось проделать долгий путь. Если в таком доме и могла обитать аристократка крови, то явно не слишком состоятельная.

Ева не знала, что Герберт сказал дворецкому. Или тому, кто открыл вместо него. Видела лишь, что дверь распахнулась, и спустя некоторое — очень непродолжительное — время некромант преступил порог.

Еще спустя некоторое — чуть более продолжительное — время дверь распахнулась снова.

Когда Герберт двинулся обратно к иве, даже из своего укрытия Ева заметила, как при движении из-под его плаща пробивается солнечное сияние.

— Часть силы той, что без числа творит добро, всему желая зла, — благодушно возвестил Мэт.

— Не льсти себе, клякса, — безошибочно угадав, куда он клонит, сказала Ева устало.

— Да ладно тебе. Признай, даже смерть Кейлуса на пользу делу пошла. Не обернись все так, как обернулось — сколько б еще твой женишок и людишки под его началом ковырялись с восстанием?

Слова ожидаемо хлестнули бичом по кровоточащей душе. Картинка из давнего сна — когда Ева кричала, пока Мэт на ее глазах убивал Динку и Кейлуса — всплыла в памяти сама собой. Хотя нет, не столь давнего: с тех пор, как она в последний раз очнулась в ванной замка Рейолей, прошло всего-то дня три...

Сколько правды было в том кошмаре? Чего Ева не помнит и не вспомнит — она надеялась — никогда?

— Не смей. Говорить. О Кейлусе. — Жмурясь, она прижала ладони к вискам. Собственный голос, глухо-стальной, как струна под сурдиной, едва пробился в ушах сквозь музыку, погребаящую демона под нотным шумом. — Пошел вон.

Когда она открыла глаза, Герберт уже стоял перед ней. Протягивая рапиру на вытянутых руках, вопросительно вглядываясь в гримасу на ее лице.

— Неладно с внутренним демоном, — процедила Ева, отвлекаясь от мысленного воспроизведения яростной темы первого виолончельного концерта Сен-Санса. Взяла Люче — не удивляясь, что клинок снова переливается огнем, лишь чуть тусклее, чем раньше. И как она раньше не замечала, что он цвета драконьего пламени?.. — Идем. Хочу поскорее с этим покончить.

Герберт мягко развернул ее лицом к озеру:

— Пойдешь ты. Я отступаю за кулисы. Не волнуйся, буду недалеко.

Ева посмотрела на дрейфующие льдины. На серость вод, начинавшуюся там, где заканчивались все намеки на твердь — пусть даже не земную.

Волнения она не чувствовала. Ни капельки. Скорее просто... констатацию. О, так сейчас произойдет то, к чему мы готовились — не более.

— Значит, все по плану? — просто уточнила она.

— Все по плану. — Герберт отступил на шаг. — Когда увидишь дракона, прыгай на лед. Иди к центру озера. Остановишься, когда он

начнет пикировать.

Он тоже не называл Гертрудой то, что сейчас под его чутким руководством громило столицу. Это делало все немножко легче.

Ева оглянулась на некроманта, чтобы временно попрощаться, — но вместо этого охнула:

— Что с тобой?!

Угадав, куда направлен ее взгляд, тот почти недоуменно вскинул ладонь к лицу. Посмотрев на красные пятна, расплывшиеся на подушечках — следы от багряной дорожки под носом, — задумчиво растер кровь между пальцами.

— Просто плачу за то, что поднял как-никак дракона. И раскидывался всем тем, чем сегодня раскидывался. — Герберт скуп, но обнадеживающе улыбнулся. — За меня не беспокойся.

Больше он не сказал ни слова. Просто растворился в воздухе: то ли ушел в невидимость, то ли перенесся туда, откуда можно с удобством режиссировать финальный акт разворачивающегося действия.

Впрочем, дополнительные указания Еве не требовались.

Ждать пришлось недолго. Дракон прошелестел над ивой мшистой погибелью: так низко, что ветер под его крыльями просыпал снег с ветвей.

Отряхнув с плеч белую пыль, Ева проследила, как немертвое создание лениво взмывает все выше над озером, улетаая к дальнему берегу. Вскарabкалась на скользкий гранит; спорхнула на лед, в полете активируя левитацию. Белая корка казалась достаточно прочной, чтобы идти по ней без магии, однако Ева предпочла подстраховаться.

Видимость вернулась к ней тут же — и зрелище Люче, плывущей в воздухе, перестало казаться таким диким.

Не слишком-то они с Гербертом конспирировались, если подумать. С другой стороны, даже если кто-то их заметил, едва ли он сумеет сделать из увиденного достоверные выводы. Да и не все ли равно, что скажет один случайный свидетель? Куда важнее будет то, что увидят сотни, и совсем не случайных.

Кстати, о них...

Шагая по воздуху, ради собственной уверенности перепрыгивая через темные трещины, обернувшие ледяную корку дрейфующим

белым витражом, Ева оглянулась. Без удивления увидела, как набережная заполняется людьми.

Ева успела отойти достаточно далеко, чтобы не различать лиц. Судя по цвету одежд, в основном то были гвардейцы — под предводительством Миракла, готовые отразить атаку чудища, когда то повернет обратно к городу. Наверное, еще стражники. Кто-то из простого народа, кто посмелее. И сейчас все они смотрели на тонкую фигурку в тюремной рубашке, бредущую по воде с росчерком огненного клинка в опущенной руке.

Спасибо Айрес — помогла сделать зрелище еще драматичнее.

Как просто, оказывается, сотворить легенду, подумала Ева, ступая над нервно дрожащей водной рябью. Пусть скептики потом пробуют доказать, что хрустальная туфелька не могла подходить одной-единственной девушке во всем огромном королевстве. Или что меч куда сложнее вогнать в камень, чем вытащить. В людской памяти остается складная красивая сказка; сказка, в которую так легко — и так хочется верить людям, голодным до сказок и красоты...

Мертвый дракон заложил круг. Неторопливо развернулся, поворачивая обратно к городу.

...истинная власть там, где вера. Деньги работают до тех пор, пока люди верят, что они чего-то стоят. Корона работает до тех пор, пока люди верят, что голова под ней неприкосновенна. Кнут работает до тех пор, пока люди верят, что им не пережить удара. Какой же властью тогда обладает любой спектакль: заставляющий верить в то, чего никогда не было, и сопереживать людям, которых никогда не существовало? Хотя бы ей самой. Не Еве Нельской — избранной из пророчества Лоурэн, незаметно занявшей ее место.

Сплошной фикции, если подумать.

Ступая по тонкой воздушной кромке, отделявшей ее босые ступни от воды, Ева замедлила шаг. Вскинула рапиру высоко над головой, будто привлекая внимание — пока озерная тишина размывала отголоски толпы за ее спиной, оставшейся на далеком берегу.

Сложив крылья, дракон плавно спикировал вниз.

Сделав последний шаг, Ева замерла.

Еще неделю назад ее могло испугать осознание, что под ногами ждет жидкая ледяная бездна. Теперь куда важнее казалось ироничное

осознание, что сейчас она отыгрывает главный концерт своей нежизни. Пусть даже в руках рапира вместо смычка.

Пусть даже зрители при всем желании не добьются выхода на бис...

Над самой кромкой воды, разбегавшейся волнами от крылатого вихря, дракон замер — будто насмешливо разглядывая букашку, кинувшую ему вызов. Чешуйчатая морда осталась такой же, какой Ева ее помнила. Только глаза, горевшие фальшивым золотом, были пустыми и бессмысленными, без следа гипнотической драконьей ворожбы.

Прощай, Гертруда.

Прощай, власть Айрес тирин Тибель.

Прощай, милая, маленькая, безвестная Ева Нельская...

Прежде, чем из недрогнувших ноздрей чудища с Шейнских земель вырвалась струя ненастоящего пламени — не оглядываясь на публику, затаившую дыхание в партере далекой набережной, Ева расчеркнула рапирой стылый хрустальный воздух и приготовилась к прыжку.

Да будет легенда.

Глава 17. Magnifico

(*прим.: Magnifico — блестящий, великолепный, величавый (муз.)

О помолвке объявили на балу в честь коронации Его Величества Миракла тирин Тибеля.

В других обстоятельствах Ева подумала бы, что очутилась в сказке. Огромный зал, полный золота, музыки и цветочного дурмана. Праздничная белизна мрамора, расцвеченная витражами под потолком, разноцветьем шелка и бархата — на гостях, и алыми штандартами по стенам — в цветах королевского герба. Прекрасный принц приглашает тебя на танец. Даже лучше: принц может так и не добраться до трона, но к руке юного короля гарантированно прилагается корона.

— Отлично держишься, — тихо сказал Мирк, когда они с Евой сошлись в очередном па, сплетая шагами кружево еще одной легенды. О прекрасном молодом монархе, который вернет в Керфи светлые деньки легитимности и свободы, и его иномирной возлюбленной — едва не погубленной коварной черной королевой, но все же сумевшей вырваться и воплотить великое пророчество.

Начало этой легенде они положили еще там, на берегу озера. Сразу после того, как ледяные воды сомкнулись над телом Гертруды, а Ева, приводнившись на гребень одной из расходящихся волн, пошла назад. Она не стала ждать, пока волны уймутся — не хотела смотреть, как драконицу, успевшую стать ей другом, поглотит льдистое забвение.

Когда она подошла к берегу, толпа ликовала. Затем удивленно притихла — в те мгновения, пока Ева без лишних слов бросалась в объятия Миракла — и возликовала еще пуще. Еве даже разговаривать ни с кем не пришлось: она просто обмякла у Мирка на руках, изображая обморок. После такого трепетной деве почти положено упасть в обморок.

Естественно, толпа заметила, каким нежным был поцелуй, которым Миракл Тибель коснулся щеки бесчувственной девушки. И как бережно он нес ее в дом своей матери, услужливо предложившей принять усталую гостью. И, конечно, Миракл не стал скрывать, кто эта поразительная особа, спасшая столицу от разбушевавшегося чудища. Так что на другой день по стране уже неслась, обрастая

подробностями, история о том, как Миракл Тибель и его верный брат прятали обещанную Лоурэн героиню от соглядатаев королевы; о том, как в процессе прятков между спасенной и спасителем ожидаемо зародилось нежное чувство; о том, как королева все же обнаружила угрозу своей власти — и незамедлительно организовала предлог для ареста Миракла, а его возлюбленную бросила в Кмитсвер, где та должна была ждать казни (чего еще она могла там ждать?).

Волнения в столице улеглись еще раньше. Когда появился дракон, большая часть королевских войск забыла про бунтовщиков — куда актуальнее стало либо убить огнедышащую тварь, либо укрыться от нее в местечке понадежнее. Когда же многочисленные очевидцы разнесли по городу весть о сбывшемся пророчестве, большая часть большей части посудила, что идти против смутьянов — одно, а против судьбы — чревато. Особенно когда против вас весь город (а потенциально и вся страна), королева повержена, многие из командования бесславно дезертировали, а дракон спутал все карты и посеял неразбериху везде, где можно ее посеять.

Таким образом к исходу дня королевские войска уже скандировали на дворцовой площади хвалу новому монарху. И в целом все прошло по плану, не считая предшествующих плану событий.

Настолько по плану, что Еве трудно было в это поверить.

— Осталось немного, — подбодрил Мирк, когда очередной поворот танца свел их лицом к лицу.

Видимо, на Евином лице в этот момент отражалось все, что она вот уже неделю старательно прятала. По крайней мере, на публике.

Протянув к партнеру руку, затянутую в белый атлас, Ева бросила беглый взгляд на цвет керфианского двора. Лица, следившие за одинокой парой посреди зала, платья и костюмы сливались в единое пестрое море. Совсем как зрители в зале, когда смотришь со сцены.

При желании Ева всегда могла найти среди зрителей маму с папой. Или Динку. Но желания у нее не было. Она еще лет в тринадцать поняла — лучше играть не кому-то конкретному, даже не помнить о ком-то конкретном. Лучше беседовать музыкой напрямую с Вечностью.

Сейчас она тоже легко могла бы найти среди лиц одно.

И тоже отчаянно не хотела.

— Осталось самое сложное, — пробормотала Ева.

В других обстоятельствах, возможно, с коронацией повременили бы. Особенно учитывая, что официально Айрес тирин Тибель так и не отрелась от престола. Однако в керфианском законодательстве, как Еве успел поведать Эльен, со времен предыдущей династии существовало нечто вроде вотума недоверия. Айрес собиралась упразднить этот обычай, но не успела. Стоило озаботиться этим пораньше, однако до поры до времени королеву вполне устраивало тихое исчезновение неугодных, способствовавшее запугиванию остальных. К тому же она сделала все, чтобы в число ее Советников входили люди, решительно не способные объединиться друг с другом.

Поскольку часть Советников погибло во время восстания, часть — сбежала в неизвестном направлении, а еще часть поспешила оставить свои должности, Миракл назначил новых. Сразу, как Герберт во всеуслышание отрелся от прав на престол в его пользу. Правда, отречение было недолгим; и, как мельком обмолвилась Мирана Тибель, не всем сторонникам нового короля пришлось по нраву, что в качестве своего преемника он выбрал прежнего наследника. Наследника Айрес.

Другие кандидатуры Миракл даже не рассматривал.

Впрочем, сторонники быстро примирились с мыслью, что это вынужденная мера — до тех пор, пока Миракл тирин Тибель не обзаведется собственными детьми. А учитывая, что по керфианским законам монарх имел право в любой момент изменить решение о наследовании, выбор Герберта можно было считать вполне разумным компромиссом между необходимым и привычным.

— Все будет хорошо, — пообещал Миракл, когда струны зазвенели в торжественном напряжении, ведя музыку к завершению. Действительно: что еще он мог сказать? Ева с Гербертом прекрасно понимали, на что идут, соглашаясь разыгрывать эту сказку.

Танец тоже был сказочным. Они с Мирком скользили среди блестящей мраморной пустоты, организованной придворными, на время «королевского тильбейта» отступивших к стенам. Старая традиция всех балов, где присутствовал Его Величество: дарить королевской семье один танец, который они могли исполнить со своими избранниками, не стесненные близостью подданных.

Во времена правления Айрес этой привилегией не пользовалась. Наследник престола танцевать не любил. Королева никого не выделяла

настолько, чтобы открыто признать фаворитом. Когда дирижер объявлял королевский тильбейт, Ее Величество милостивым жестом предлагала расступившимся придворным вернуться в центр зала — получить удовольствие за нее.

Сегодня королевский тильбейт танцевали впервые за много лет. Сегодня керфианцы впервые за много лет за ним наблюдали.

Ева искренне надеялась, что наблюдаемое им нравится.

— Ну, по-другому оно быть не может, — иронично заметила она. — Если мы все хотим быть и дальше.

Кончики их пальцев соприкоснулись для завершающей фигуры. Сближение, кружение, взгляд глаза в глаза.

С финальной трелью последних тактов Ева отступила на три шага для реверанса.

Аплодисменты были бурными. Ева полагала, что больше льстивыми, чем искренними, хотя как знать. Они приложили все усилия, чтобы увиденное пришлось двору по душе. Королевская мантия струилась по плечам Миракла бархатной волной — не кровью, как платья Айрес, а алым маревом заката; зубцы короны сияли на темных волосах желтыми звездами. Еву окутывало мягкое мерцание парчовой белизны. Платье выбрали простого строгого фасона: без намек на вырез, с пышной юбкой, сдержанно отделанной золотом и янтарными кристаллами. Длинные рукава незаметно переходили в атласные перчатки. Горло закрывал кружевной воротник.

Платье было прекрасно. Платье было не слишком модным, но, как заметила Мирана Тибель, Ева теперь будет диктовать собственную моду — и лучше, если она пойдет вразрез с той, что задавала Айрес. Еще платье было практичным: за атласом и плотной парчой никто не заметит, как холодна скрываемая ими кожа. В нем Ева могла не опасаться случайных прикосновений.

Еще платье выбирала Мирана Тибель, и эта женщина являла собой чуть ли не единственную причину жалеть, что из двух братьев Ева предпочла не коронованного. Свекровь ей досталась бы мировая. И не потому, что после Айрес любая свекровь покажется ангелом во плоти.

А теперь самое интересное...

Аплодисменты стихли, когда сиятельная публика поняла, что они с Мирком не собираются уходить, выжидая чего-то в центре зала. Это

вызвало у Евы фантом знакомого ощущения под ложечкой — оно всегда терзало ее на сцене в короткую паузу между приветственными овациями и первыми звуками виолончели. Волнение уходило, стоило смычку коснуться струн, но не раньше.

Овации перед этим представлением были куда бурнее тех, которыми Еву встречали обычно. Это самую капельку сбивало с толку.

— Лиоретта, — зычно произнес Миракл в воцарившейся тишине, — перед лицом богов и людей я спрашиваю: разделите ли вы со мной тяготы трона и бремя короны?

Придворные ахнули. Оставалось лишь гадать, насколько наигранно. Этого следовало ожидать — любому было ясно, что еще должен сделать Миракл тирин Тибель, чтобы развеять последние сомнения в законности своей коронации.

Формулировка керфианского предложения руки и сердца Еве сразу после ознакомления показалась забавной. Особенно королевского. Здешние короли могли жениться по любви, но вот объясняться в этой любви им приходилось донельзя формально. Нет, сперва у девушки (почти всегда) спрашивали согласия наедине, и там вполне можно было обойтись без церемонных фраз, — но потом ритуал требовалось повторить на публике, чтобы тут же совершить обручение.

Здесь невольно задумаешься, прежде чем радостно выпалить «да». Хотя, может, это в какой-то степени честно: намекнуть девушке, что супружеская жизнь выстлана не розами.

— Мой король, — сказала Ева, приложив максимум усилий, дабы звонкость ответа не вытеснила из голоса нежность, — я пойду с вами одной дорогой до тех пор, пока не оборвет ее Жнец.

Наверное, она могла и просто выпалить «да». Она ведь иномирянка, ей можно не знать положенного ответа. Вышло бы искренне, простодушно, даже трогательно. Но Еве не хотелось, чтобы уроки Эльена пропали даром — и не хотелось, чтобы ее сравнивали с предшественницами, не озабоченными местным этикетом. Пусть сравнивать все равно будут.

Под аккомпанемент возобновившихся оваций Мирана Тибель шагнула вперед: из первого ряда зрителей к королю, ждавшему мать.

Госпожа полковник — в бархате цвета гречишного меда, под теплый оттенок ее глаз, с топазовым венцом в коротких пшеничных

кудрах, с характером и чертами острыми, как осока — внушала восхищенный трепет. Стук ее каблуков по мрамору пел звоном спускаемой тетивы. Пять дней назад она сменила полковничий мундир на сюртук Советника по военным делам, но ради коронации сына облачилась во фрак. Ева поразилась, что такое — женщина в брюках и фраке — допустимо при королевском дворе, да еще в «отсталом» для землян мире. Оказалось, вполне: различия в гендерной политике давали о себе знать.

Приблизившись, госпожа Тибель с торжественной медлительностью сняла с себя венец. Без единого слова протянула его Мираклу. Еще один важный ритуал в обручальной традиции керфианцев: этим соблюдалась преемственность поколений, а заодно подтверждалось, что семья жениха одобряет грядущий союз. Будь отец Миракла жив, он сам бы поднял диадему с волос жены, чтобы передать в руки сына.

Мнение родителей невесты, что характерно, никого не интересовало. Даже будь они здесь и будь они против, с момента обручения девушка имела полное право уйти из родного дома и жить под крышей жениха. В этом мире табу на близость до брака не существовало.

— Венцом, лежавшим на челе моей матери, — сказал Миракл, поднимая диадему над Евиной головой, — беру с тебя зарок стать моей.

Украшение деликатно скользнуло в волосы. Золотые дужки, лежавшие на живой теплой коже, приятно согрели Евину, неизменно прохладную. Ева почти видела, как сверкают солнечные топазы в обрамлении старого золота; как уместно они дополняют высокую прическу, как хорошо смотрятся с молочно-золотым платьем.

Это было очень важно — какую драгоценность из своей коллекции мать жениха пожертвует для невестки. Это несло в себе послание, и в данном случае оно считывалось предельно ясно. Диадема, которой увенчали лоб Евы, некогда украшала прическу матери Айрес. Это был венец, в котором к алтарю шла сама Мирана.

И это был венец королевы.

...«венец обручальный на чело ее король истинный возложит»...

Эта мысль одновременно всплыла в стольких головах, что почти прозвучала вслух. И от осознания, что ее роль в этом представлении

подходит к концу, Еве сделалось немного жутко.

Оставалось последнее.

Когда ладони Миракла легли ей на плечи, Еве очень хотелось просто закрыть глаза, смирившись с неизбежным. Но трепетные влюбленные девы так себя не ведут. Сказки не заканчиваются тем, что прекрасный принц целует невесту, пока та стоит безответной статуей.

Поэтому Ева улыбнулась и подалась навстречу, обвивая руками шею своего венценосного жениха.

Поцелуй был долгим, но целомудренным. Просто прикосновение одних сжатых губ к другим. Едва ли кого-то могла смутить подобная сдержанность. Самые подозрительные придворные сплетники должны были понять причины: влюбленные не хотят выставлять свои чувства напоказ. Особенно лиоретта, такая юная, такая милая в своей сдержанной скромности.

О главной причине — с зимними глазами и бледным солнцем, путающимся в волосах, смотревшей на них из передних рядов гостей — Еве думать не хотелось.

Зал взревел, тепло на ее губах исчезло, чужая ладонь соскользнула с плеча на локоть, чтобы подхватить ее под руку — и это безумие наконец закончилось.

Во всяком случае, самая постыдная его часть.

— Вы ни крошки не съели, лиоретта, — заметил добродушный господин Соммит, когда от танцев перешли к ужину, а Евина тарелка пережила уже третью перемену блюд в девственной чистоте. — Я понимаю, это безумно волнительное событие для юной девушки... да и последствия заточения... но поверьте, кушать необходимо. При вашей-то фигурке! Будете голодать, еще лишитесь чувств прямо у алтаря!

— Моя религия вынуждает меня поститься. — Ева скромно опустила глазки, изучая скатерть, расшитую шелковыми цветами. — До наступления лета я ем лишь после захода солнца, и лишь когда никто не видит.

Господин Соммит (богачейший фабрикант страны, отец ближайшего сподвижника Миракла и непосредственный участник заговора), сам едва влезающий во фрак, озадаченно подкрутил усы:

— Ваша религия? Выходцы из вашего мира рассказывали о ваших верованиях, но я не припомню, чтобы в какой-либо из них

присутствовали столь строгие ограничения. Разве что...

— Я последовательница пастафарианства, — строго и серьезно проговорила Ева, давно продумавшая ответ на подобные вопросы. — Очень молодая религия. Мои предшественники вполне могли о ней не знать, потому что на тот момент она не существовала.

В деликатные особенности ее состояния не были посвящены даже близкие сторонники нового короля. Никто, кроме Герберта, Миракла, его матери — и еще одной персоны, которую беседа искренне забавляла. Во всяком случае, Ева поймала на себе его пристальный взгляд, и в колючих сапфирах глаз Дауда Дэйлиона таяла насмешка.

Главу «коршунов» Еве представил сам Миракл. Теперь они сидели за одним длинным столом с королем. По понятным причинам Ева не питала к господину Дэйлиону теплых чувств: без его помощи ей с высокой долей вероятности не пришлось бы выбираться из застенков Кмитсвера.

С другой стороны, без него она бы с высокой долей вероятности так оттуда и не выбралась бы.

— Вот как, — уважительно закивал господин Соммит. Слегка нахмурился, отчего его лощенное лицо стало похоже на сморщенную картошку. — Надеюсь, у вас с Его Величеством не возникает... недопониманий на религиозной почве?

— У меня нет никаких сомнений в существовании Жнеца, Садовника и других великих богов вашего мира, — незамедлительно откликнулась Ева. — Я питаю искреннее уважение к вашему верованию. Полагаю, ближе к свадьбе я и сама приму его. Но не так просто сразу отречься от своего бога... — Она подняла глаза, одарив собеседника проникновенным и уместно печальным взглядом. — Вы понимаете, полагаю.

Господин Соммит растроганно заверил, что понимает. Да и вообще, религия — последнее, из-за чего двум влюбленным сердцам стоит ссориться.

Заметив умиленные перешептывания тех, до кого донеслись обрывки их разговора, тонкую ухмылку господина Дэйлиона и одобрительный взгляд Мираны Тибель, Ева подумала, что быть королевской невестой у нее определенно получается лучше, чем спасительницей всея Керфи. С другой стороны, в данном случае два этих понятия были примерно тождественны.

Да хранит ее Макаронный Монстр.

Ева на миг представила себя с дуршлагом на голове. Осознала, что улыбается: искренне, от детской, дурашливой мысли, которых она не позволяла себе так давно.

С тех пор, как она очнулась в подвале Кмитсверской тюрьмы, она почти успела забыть, каково это — дурачиться и улыбаться. Не потому, что так требует роль. На миг возникла шальная мысль достать телефон, включить что-нибудь вроде Gangnam style и показать местным аристократам, как надо веселиться на танцполе — и смотреть, какими круглыми глазами на все это будет глядеть Герберт... Но мобильник давно у гнома, и даже будь сейчас гаджет спрятан у нее за подвязкой, Ева никогда бы так не поступила.

Потому-то сейчас она и сидит там, где сидит.

Воспоминания о последней встрече с гномом всплыли по ассоциативной цепочке, — и Ева перестала улыбаться.

— Подожди здесь, — попросила она Герберта, когда они подошли к разрушенному храму, поправляя сумку на плече. Ту самую, с которой когда-то давно она сбегала из замка Рейолей. — Хочу поговорить с ним одна.

Некромант без возражений замер; лесной полумрак и снег, запорошивший хвойную россыпь, отражались в его глазах бликами на темной синеве. Прислонившись плечом к холодному камню, посмотрел на ножны с рапирой — он сам не видел их, но знал, что именно Ева держит в опущенной руке.

— Ты уверена в этом?

Ножны Еве принесли на другой день после восстания. Она не спросила, откуда. Думать, что Герберту пришлось идти за ними в особняк Кейлуса, не хотелось. После недолгих раздумий она вернула клинок в его законноеместилище — и сказала некроманту, что теперь хочет с ним сделать.

— Мы получили меч обманом. Меч мне больше не нужен. Пусть хоть сейчас все будет честно. — Евина пальцы с сожалением сжались на теплой коже. Она успела привязаться к Люче, несмотря ни на что. — Ей лучше вернуться к создателю.

Некромант только плечами едва заметно пожал.

В последние дни он на удивление мало с ней спорил. Ева надеялась, потому, что в последние дни им немножко не до того — и

не по другим многочисленным причинам, так и просившимся на ум.

— Я буду здесь, — коротко сказал Герберт.

До каменного круга Ева дошла быстро, стараясь не смотреть по сторонам. Скелеты из-под снега вроде не выглядывали — наверное, останки «коршунов» забрали коллеги, чтобы достойно похоронить. Но проверять, действительно ли их там нет, Еве не хотелось.

— Навевает воспоминания, да?

Мечтательный голосок Мэта заставил Еву застонать:

— А я-то надеялась, ты самоликвидировался...

С того дня на озере демон не докучал ей ни разу. Звать его Ева не пробовала, но лелеяла мысль, что их связь каким-то образом разорвалась.

Напрасно.

— Я демон немножко иной породы. — К ее удивлению, Мэт узнал отсылку. Хотя, учитывая, в чьей голове он сидел... — Нет, просто не хочу лишний раз портить тебе жизнь.

— Да ну?

— Ладно, не жизнь. — Демон благодушно вздохнул. — Это вышла веселая заварушка, но перед следующим весельем... В общем, с моей стороны будет разумным дать тебе немножко отдохнуть.

— Ты и разумность? Вы, оказывается, знакомы? — Ева шагнула в круг разноцветных камней, чуть поблекших под блестящей присыпкой инея. — Вынуждена тебя разочаровать: никакого «следующего» я не планирую по крайней мере в ближайший век.

— Жаль, жаль. — Особого сожаления, впрочем, Ева не услышала. — А мне вот что-то подсказывает, что грядет веселье похлеще минувшего.

— Например?

Демон промолчал.

Чертыхнувшись про себя, Ева закрыла глаза, нащупывая невидимую дверь.

Хуже всего, что она думала о том же. Пусть Мирк на днях будет коронован, пусть Айрес Тибель (уже не тирин) содержится под неусыпным надзором стражи в одном из загородных поместий королевской семьи, пусть на руках ее магические блокаторы — Ева не верила, что все закончилось так просто. И не могла понять, откуда

нужно ждать подвоха, отчего плохие предчувствия еще больше отдавали паранойей.

На этот раз костяшки ударили по камню почти сразу. Наверное, потому что Ева уже точно знала — дверь тут есть. Отстранившись от проявившейся в воздухе арки, она терпеливо дождалась, пока резные створки откроются, выпуская в мир старого знакомого.

— А, это ты, — голос гнома прозвучал скучающе, но мшистые глаза под рыжими кудрями недобро блеснули. — Если пришла просить, чтобы я снял чары с ножен, учти — за прошлый обман цену назначу двойную.

— Приветствую. — Ева на вытянутых руках протянула собеседнику рапиру. — Я пришла извиниться. И вернуть ее.

В том, как гном смерил взглядом свое творение, явственно читалось презрение — и вовсе не к Люче.

— Стало быть, она тебе больше не нужна? — сухой яд в голосе не помешал маленьким пальцам незамедлительно вырвать оружие из Евиных ладоней. — Попользовалась, теперь и выбросить можно?

— Не выбросить. — Ева смотрела на зачехленный клинок с искренней грустью. — Я... испортила ее. Она больше не приходит на мой зов. Не делает все за меня. — Хоть в чем-то Мэт не обманул: драконье пламя и правда восстановило чары лишь частично. — Но я возвращаю ее не поэтому. Просто... она ведь живая, верно? И мы с ней сделали все, что от нас требовалось. Теперь она будет просто лежать без дела. Скучать. Я ведь даже из ножен ее больше вынуть не могу. — Ева примирительно развела руками. — Вот и подумала, что ей лучше вернуться к вам, чтобы вы смогли ее... вылечить.

«Починить» в применении к Люче она сказать не смогла. Даже не потому, что гному такое отношение к его детищу наверняка понравится больше — просто Ева и правда воспринимала рапиру живой.

— И... это вам, — прибавила она, доставая из сумки то, с чем прощаться ей было еще грустнее. — Честная плата за вашу работу. Извините, что пыталась обмануть.

Гном уставился на предлагаемый ему планшет.

Выражение искреннего недоумения на его лице частично компенсировало Еве горечь грядущей утраты.

— Сначала жаль было честно расплатиться одной своей игрушкой, а теперь без нужды жертвуешь другую?

Ева просто кивнула.

Это решение далось ей даже тяжелее, чем расстаться с клинком, подарившим Мираклу корону. Но за последний месяц она стала немножко по-другому смотреть на многие вещи — и то, что при первой встрече с гномом казалось невыносимым лишением, сейчас выглядело простой справедливостью. Фото (Ева отфоткала напоследок все — от Герберта и замка Рейолей до королевского дворца) все равно лежат на карте памяти и док-станции. Как и музыка. И записи Динкиных концертов.

Если у них с Гербертом однажды снова появится время и возможность для совместного досуга, они найдут, чем заняться кроме просмотра аниме.

— Игрушки — это просто игрушки. Есть вещи поважнее, — честно сказала она. Настойчиво дернула планшетом, предлагая гному взять подношение. — Люче очень нам помогла. Чтобы мы сделали все, как надо. И вы нам помогли.

Гном искристыми глазами изучил ее лицо. Задумчиво качнулся с носков на пятки и обратно, утопив мыски сапог в снежной пороше. Снова посмотрев на рапиру, нехотя кивнул — точно отвечая на неслышные Еве слова.

Резко отвернулся.

— Жди здесь, — бросил он, скрываясь за дверью в Потусторонье.

Растерянная Ева прижала планшет к груди. Какое-то время послушно топталась на месте, размышляя, что бы это значило.

— Да ничего особенного. Просто пошел посоветоваться с сородичами, какую из тысячи мучительных кар для злостных обманщиков лучше выбрать.

— Ты все об одном, — отмахнулась Ева — демон уже даже не раздражал. Краем глаза увидела Герберта — тот выглядел из-за храмовой стены, встревоженный ее долгим отсутствием; помахала рукой, давая знать, что все в порядке.

Наверное, гном просто решил принести сломанный мобильник. Для обмена на работающий планшет. Действительно, зачем ему бесполезный кусок пластика, металла и микросхем?..

Поэтому, когда представитель маленького народа вернулся, вместо телефона неся все те же ножны, из которых выглядывала знакомая светлая рукоять — Ева не сразу поняла, как к этому относиться.

— Дарю, — вручая ей клинок, коротко молвил гном. — Чары восстановлены. Ограничений на ножнах больше нет. Используй с умом.

Ева взяла. От замешательства не сразу сообразив, что произошло нечто из ряда вон выходящее. Воззрилась на подарок: теплая кожа, словно впитавшая солнце потустороннего мира, грела пальцы. Правой руки — левая все еще некрепко сжимала планшет.

Ева перевела ошалелый взгляд на дарителя.

— За что?..

— Скажем так, обманом меня уже не удивить. А вот чистосердечием — возможно. — Гном небрежно сунул руки в карманы камзола, точно отогревая от зимней стужи. — Она ковалась для тебя. Вдали от хозяйки она заскучает больше, чем лежа без дела рядом с ней.

Растроганная Ева даже не нашла слов. Просто смотрела на рапиру, пока ее не застал врасплох звук щелкающего затвора.

— Портрет на память, — снисходительно пояснил гном, опустив до боли знакомый мобильник. Полубовался картинкой на сенсорном экране; с будничностью того, кто знаком с подобной техникой всю свою жизнь, заблокировал смартфон и сунул в карман. — Вы с ней хорошо смотрите.

Ева удержалась от желания попросить у него гаджет на пару дней. Для изучения магических методов починки — едва ли в мире гномов располагался аналог Савеловского рынка, где торговали сменными аккумуляторами.

— Так вы, — лишь робко уточнила она, — смогли его...

— Мы недаром считаемся лучшими мастерами всех миров. — Гном бесстрастно отступил к двери. — Удачи.

Миг, который он отворачивался к каменной арке, для Евы растянулся тянучкой мучительных колебаний.

— Неужели просто за то, что я проявила честность?

Вопрос полетел в бархатную спину обитателя Потусторонья, вынудив его замереть в шаге от медленно бледнеющего прохода.

— Она и правда живая. Я не вправе ее неволить. — Гном не смотрел на нее, но в словах Еве почудилось странное сочувствие. — Она привязалась к тебе. Она заинтересована в твоей безопасности. И она тебе еще пригодится.

Дверь истаяла в пустоте, стоило гному исчезнуть в мареве за порогом. Оставив Еву наедине с зимним лесом, белесым полумраком и тишиной, хрустевшей чьими-то тихими шагами по снегу.

— Странная щедрость, — прокомментировал Герберт, подойдя к ней.

— Ты все слышал?

— Почти.

— И что думаешь?

Некромант посмотрел на следы, оставленные гномом на льдистой белизне.

— Думаю, что жизнь долгая, и волшебный клинок любому человеку в ней может еще как пригодиться. — Приобняв ее за плечи, Герберт мягко повел Еву назад, к ручью в низине и телепорту в столицу. — Не бери в голову.

Ева кивнула. Не хотела портить редкий вечер, что они могли провести вместе, страхами и домыслами. Но она достаточно хорошо знала Гербеуэрта тир Рейоля, чтобы понять: он-то в голову взял все. Еще как.

...«она тебе еще пригодится»...

Недавние слова Мэта, вторящие этому предсказанию, зловещим эхом прозвучали в ушах — и Еву пробрал холод, никак не связанный с морозом.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ОТ 20.07:

— ...лиоретта?

Вернувшись мыслями из заснеженного леса в дворцовый зал, убранный цветами и шелком, Ева сфокусировалась на том, кто сейчас к ней обращался.

— Раз я здесь не единственный, кто не заинтересован в десерте, — невозмутимо проговорил господин Дэйлион, — хотел пригласить вас подышать свежим воздухом. Духота здесь жуткая.

Она посмотрела на Миракла, сидевшего во главе стола — Ева устроилась по его левую руку. Очень хотела посмотреть на Герберта,

сидевшего по правую, но вовремя вспомнила, что разрешения ей положено спрашивать не у него.

Дождавшись от свежееиспеченного короля лаконичного кивка, позволила убийце учтиво отодвинуть свой стул и, приняв руку в черной перчатке, прошествовала к выходу.

— Удивлен, что вы согласились, — хмыкнул мужчина, когда они миновали лакеев и дежурных гвардейцев, а Евина юбка зашелестела по розовому мрамору галереи, ведущей к зимнему саду.

— Мы удалились слишком открыто, чтобы это могло вызвать кривотолки, — пояснила Ева сквозь зубы, скрытые очаровательнейшей из улыбок. — К тому же я не отказалась бы прояснить некоторые моменты.

— К вашим услугам.

— Нет, ваши услуги мне точно не потребуются.

Господин Дэйлион лишь посмеялся. Коротко, грубовато — его голос, щекочущий нервы вкрадчивой хрипотцой, всегда звучало грубовато, — но добродушно.

Удивительно добродушно для убийцы.

Оттягивая момента откровения, Ева смотрела на оконные витражи, расцветивавшие кремовую стену. В цветном стекле запечатлели картины из жизни великого основателя династии Тибелей, но темнокудрый юноша на витражах, остро напоминавший Миракла, никак не ассоциировался у Евы с тем самым великим Берндеттом, сумевшим призвать саму Смерть.

Вернее, самого.

— Совсем мальчишка здесь, — безошибочно угадав ее мысли, с отеческой снисходительностью заметил господин Дэйлион. Скучающим взглядом скользнул по стеклянному рисунку — на нем крылатого Берндетта осеняло белое сияние, которое Ева узнала даже на витраже. — По магическим меркам в тот день он только из пеленок вылез. Говорят, даже на свои тридцать не выглядел. А уж если тир Гербеуэрту удастся провернуть свое дельце... В двадцать три для старичков из Ковена ты вообще младенец, пускающий пузыри.

Евины шаги сбились с того размеренного ритма, что отбивали по мрамору ее невысокие каблучки.

— Какое дельце? — как можно небрежнее спросила она.

— Бросьте, лиоретта. Уж вы-то знаете получше меня. — Убийца не смотрел на нее, но даже голос его заставил Еву ощутить себя ребенком. Ребенком, который категорически отрицает свою причастность к пропаже конфет, припасенных к приходу гостей, неловко пряча за спину измазанные шоколадом руки. — Слух в высших кругах гуляет уже с месяц.

Может просто блефовать. Прощупывать почву, подумала Ева, притормаживая напротив очередного витража. Насколько она поняла, подготовка к ритуалу проходила в обстановке строжайшей секретности. Ни Герберт, ни Айрес не собирались афишировать грядущий подвиг — мало ли что могло пойти не так.

— Уэрт не из тех, кто болтает о своих планах, — туманно откликнулась она, не раскрывая карты раньше времени.

— Зато его наставница вполне может. Особенно если это в ее интересах.

— Зачем бы это Айрес?

Глядя в окно, по которому разливалось белое сияние хрустальных люстр, господин Дэйлион заложил руки за спину: Ева отняла свою уже давно.

— Свернуть назад, пока никто не знает, что ты вообще собирался шагать по этой дорожке — одно. Свернуть назад, признав перед всеми собственную трусость — другое. Особенно когда помимо такого таланта боги отвесили тебе такого гонору. — Слова звучали абсолютно равнодушно, без намека на оскорбление. — Учитывая, что призыв Жнеца был едва ли не последним способом удержать на голове лиоры Тибель падающую корону...

Сучка, без всяких угрызений совести выругалась Ева про себя. Играть на слабостях, прекрасно тебе известных, отрезать все пути отступления, заставлять родного племянника рисковать жизнью, чтобы ты могла усидеть на троне...

Любящая тетушка, ничего не скажешь.

Учитывая события последних недель, они с Гербертом давно не поднимали тему ритуала. Ева даже подзабыла о нем, если честно.

А, может, просто надеялась, что это Герберт о нем подзабыл.

— Тогда логичнее было бы объявить это во всеуслышание, разве нет?

— Вряд ли бы наследнику это понравилось. Вот украдкой пустить слух, который вполне могла пустить и не она — совсем другое дело. — Лицо, рубленый профиль которого даже Еве внушал нечто вроде суеверного уважения, чуть повернулось в ее сторону. — О ритуале знал кое-кто еще, кроме королевы и ее племянников... правда, он не особо любил болтать с придворными сплетниками.

Понять, о ком речь, было нетрудно.

Думать о Кейлусе Еве хотелось еще меньше, чем о самоубийственной затее Герберта. Так что она старательно уставилась на витраж напротив.

— Не припомню в житии Берндетта такого эпизода, — сказала она. На картине, сложенной холодными стекляшками, коленопреклоненный двойник Миракла — в белом, как везде — держал на руках юношу в черном.

Судя по крови, пятняющей мантию основателя династии и одежду незнакомца, и общему сходству витража со скорбящей Мадонной Микеланджело, объятия были отнюдь не любовными.

— Странно, юные особы его обожают... хотя да, вы ж в нашей стране чужая. С вашей дрессировкой и забыть немудрено. — Укол Ева решила простить. Хотя бы за то, что господин Дэйлион великодушно повелся на ее неловкий перевод темы. — Это Гансер. Ближайший сподвижник и лучший друг старины Берндетта. Университеты тогда еще не построили, так что они учились у одного учителя. По старинке.

— Он умер?

— В точку.

— Почему?

— Берндетт убил его.

Ева потрясенно воззрилась на линии, складывавшие печальное лицо Берндетта Тибеля, и облако золотых осколков, обрамлявших лик мертвого юноши.

Об этом Эльен ей и правда не рассказывал. В Евину «школьную программу» краткая биография Берндетта, конечно, входила, — но призрак считал, что период после ритуала куда важнее того, что ему предшествовало.

До этого момента Ева была с ним солидарна.

— Они вроде как вместе работали над ритуалом, — продолжил господин Дэйлион. — Тем самым. Выводили правильную формулу,

подбирали руны, чем там еще маги занимаются... Но это, сами понимаете, работенка была почти непосильная. Выматывала тело и разум. Так что в один прекрасный момент Гансер сошел с ума и набросился на Берндетта, а тот совершенно случайно заколол своего друга ритуальным кинжалом. — Убийца достал из кармана портсигар. — Ужасно грустная история.

Скепсисом, звучащим в этом заключении, можно было бы отравить лошадь.

Как ни странно, Ева его разделяла.

— Берндетт ведь был магом, — сказала Ева, пока ее собеседник зажигал «вечную спичку», бесцеремонно чиркнув ею по гранитному подоконнику под витражом. — Неужели он не мог нейтрализовать этого Гансера какими-то чарами? Вместо того, чтобы тыкать в него ножом?

Подпаливая сигару вонючим оранжевым огнем, господин Дэйлион усмехнулся:

— Моя дочурка, когда слышала эту историю, подобными вопросами не задавалась, а сразу захлюпала носом.

— Я читала слишком много детективов, чтобы просто хлюпать носом.

То ли в этом мире тоже писали детективы, то ли магический переводчик нашел слову достойный аналог, — но улыбка, скользнувшая по лицу убийцы, была почти довольной.

— Если вас интересует мое мнение на этот счет, то давайте представим... чисто теоретически... что есть некий талантливый и честолюбивый юнец. Он планирует открыть великий ритуал, а потом с его помощью стать королем. Сыграть на том, что он единственный из людей, кого удостоили чести служить божественным сосудом. И есть у этого юнца друг и соратник — потому что ритуал слишком сложен, чтобы сдюжить с ним в одиночку. Друг такой же талантливый, но далеко не такой честолюбивый. — Господин Дэйлион небрежно повел рукой, обводя лицо Берндетта дымным контуром; дым приятно веял черносливом, но Ева все равно была благодарна, что курили не в ее сторону. — В конце концов наши приятели выводят нужную формулу. Поскольку пробовать ее в деле смертельно опасно, а мертвый на трон не сядет, то пробы честолюбивый юнец великодушно доверяет своему другу. А когда все проходит успешно, получается, что в планы

будущего короля Керфи совершенно не вписывается еще один человек, побывавший вместилищем бога... да еще и первым в истории.

— А, может, вы просто судите всех по себе. Не все, знаете ли, используют своих друзей в качестве подопытных кроликов.

Возразила Ева скорее из неприязни к собеседнику, чем из чего-либо еще. Она свела слишком близкое знакомство с семейством Тибель, чтобы не понимать — если яблочко действительно недалеко падает от яблони, то прародитель этого семейства едва ли мог быть белокрылым ангелом.

Будь она уроженкой Керфи, данная мысль наверняка показалась бы ей кощунственной. В конце концов, подобная теория пятнала светлый образ освободителя страны с ног до головы. Но сейчас Еву куда больше волновала судьба потомков Берндетта, чем сомнительность его присыпанной пылью веков персоны.

— И мы возвращаемся к тому, зачем я выдернул вас на эту маленькую прогулку. Что-то мне подсказывает, лиоретта, что вы меня не жалуете.

— С чего бы это. — Ева оглянулась, убеждаясь, что гвардейцы стоят слишком далеко, чтобы их услышать — и все равно понизила голос почти до шепота. — Вы пытались убить Уэрта. Вы похитили меня. И вы слишком много знаете.

— А вы, естественно, опасаетесь, что я использую эти знания против вас.

— Мне трудно навредить больше, чем мне уже навредили.

— Чего не скажешь про ваших друзей?

Ева выразительно промолчала — и господин Дэйлион вздохнул даже как-то разочарованно.

— Думал, вы окажетесь смышленнее. — Ее снова подхватили под руку. Докуривая на ходу, неуклонно повлекли в сторону зимнего сада. — Вы правда полагаете, ваш жених позволил бы мне гулять по этому дворцу, не будь у него рычагов давления?

Еве хотелось сказать, что рычаги давления — это про Айрес. Затем вспомнила, что за улыбчивостью Мирка скрывался все-таки Тибель — и король.

Он не так глуп, чтобы оставлять рядом с собой возможную угрозу. И не так безобиден.

— В таком случае вам стоит лучше контролировать свой тон, — бесстрастно проговорила она вместо этого. — Особенно когда речь заходит о моем женихе.

— О, уж простите пожилому человеку маленькую слабость. — Особого раскаяния в этом извинении Ева не различила. — Я знаю, когда меня могут услышать посторонние. Лучше некоторых.

Ответить Ева не успела: галерея привела их в зимний сад, и препираться при посторонних точно было небезопасно.

Сад раскинулся за двустворчатыми дверьми, на которых вырезали дуб почти в натуральную высоту, и под магическим куполом с регуляцией осадков и температуры. Прозрачный мерцающий барьер, выглядевший куда эффектнее любой стеклянной крыши, слегка присыпало снегом, но это не мешало колючим зимним звездам наблюдать за теми, кто прогуливался по мраморным тропинкам при ярком свете парковых фонарей. Серебряные кроны странных деревьев с белыми стволами слегка мерцали на фоне черных небес; листья в форме звезд падали на сиреневый папоротник и клумбы, пестревшие рыжими тюльпанами. Ева уже навевалась сюда с Мираклом, поведавшим, что это любимые деревья риджийских дроу — семена для этого сада подарили еще его прапрапрадедушке, когда керфианцы подписали с дроу какой-то старый договор. Миракл даже сказал, какой, но Ева успела забыть.

Что ж, все лучше банальных пальм.

— Зачем мы здесь? — осведомилась Ева устало.

Вместо ответа убийца стряхнул сигарный пепел прямо на садовую дорожку. Махнув кому-то рукой, негромко окликнул:

— Али!

Обернулись сразу несколько сиятельных персон, беседовавших среди деревьев или ворковавших в каменных ротондах, увитых синим плющом. Но обращение было адресовано девушке, которая любовалась на рыбок в круглом пруду чуть впереди.

Быстро подобрав юбку длинного платья, интриговавшего глубоким вырезом на корсаже, девушка направилась к ним. По ее пружинистой походке становилось ясно — побежать ей не дают лишь правила приличия.

— Тоже решил прогуляться, па? — приблизившись, незнакомка сверкнула лучезарной улыбкой и белизной мелких зубов в обрамлении

некрашенных губ. Обратила юное, очень симпатичное лицо к Еве — и тут же смущенно откинула за спину темный локон, выбившийся из прически. — О... лиоретта.

Такую прическу (четыре тонкие косички, сплетенные на затылке, удерживая распущенные волосы) за сегодняшний вечер Ева видела не раз. А ранее видела в подвалах Кмитсвера — у Айрес. Логично, что придворные дамы следовали моде, заданной королевой; но Еве почему-то стало легче от мысли, что больше никто не будет брать пример с Айрес Тибель.

Еще она видела такие же глаза, похожие на осколки сапфира. У того, на чью руку сейчас опиралась ее рука.

Только его глаза не светились такой невинностью.

— Знакомьтесь, лиоретта. Аларена, моя дочь, — сказал господин Дэйлион. — Слыхали б вы, как она поет.

— Я польщена, лиоретта.

Судя по восторженному взгляду, которым девушка сверлила ее лицо, это была не просто учтивая фигура речи. Конечно, теперь любой керфианец почтет за честь быть представленным деве из пророчества Лоурэн — и будущей королеве.

От осознания, насколько жестоко они обмануты, Еве иногда хотелось истерически расхохотаться.

— Хотя, возможно, лиоретта дала бы твоим способностям более строгую оценку, — продолжил убийца. — Лiorетта у нас тоже музицирует.

— Почла бы за честь спеть для вас, — мечтательно выдохнула Аларена.

— Может, даже удосужится как-нибудь тебя послушать. Ей вроде тоже нравятся твои любимые пьески... те, которые писал наш знакомый Тибель. Правда, лиоретта?

Ева едва удержалась от того, чтобы зажмуриться.

Так прогнать неуместные воспоминания было бы проще.

— Было бы интересно, — глухо подтвердила она.

— Так жаль его, — печально проговорила Аларена. — Я лично не знала лиэра Тибеля, но музыка у него была чудесная. Папочка нас так и не познакомил. Жаль, что теперь уже никогда...

Ева очень старалась, чтобы диминуэндо ее настроения не отразилось на ее лице — но судя по тому, как Аларена осеклась, его

все равно заметили.

— Впрочем, не буду вас задерживать, — невпопад закончила девушка, отступая в сторону. — Вы ведь сюда не ради меня пришли.

— Если сейчас вернешься за стол, еще успеешь к мороженому, — ласково посоветовал господин Дэйлион.

Чмокнув убийцу в щеку — как чмокает всякого любимого отца всякая любящая дочь, — Аларена прошуршала мимо них, подметая мрамор синим бархатом длинного шлейфа.

Не угадала, девочка, подумала Ева, провожая ее взглядом. Поймав себя на этой мысли, с усталым удивлением поняла: только что она смотрела на свою ровесницу, как на кого-то много младше.

Убийство — очень эффективный способ взросления.

— Я в жизни всякого повидал, лиоретта, — мягко проговорил господин Дэйлион, когда их уже никто не мог услышать. — На моей памяти пролилось слишком много крови, чтобы я позволил своей дочери увидеть хоть малую ее толику. Она не должна жить в мире, который готовила для нее Айрес тирин Тибель. Не должна жить в мире, где ее дорогой папа — убийца. — Наконец шагнув вперед, он неторопливо повел Еву к пруду, зеркалом черневшему в обрамлении гранитных берегов. — Можете не волноваться: у меня много своих маленьких секретов, в разглашении которых я совсем не заинтересован. Если ваш жених и правда тот, кого пророчила Лоурэн, я последний, кого ему стоит бояться... и первый, кого стоит бояться его врагам.

— Потому что ваша дочь должна жить в мире, где на троне сидит мудрый истинный король? — почти без иронии предположила Ева. Очень стараясь думать исключительно о том, что слышит и говорит сейчас.

— Миракл — многообещающий парнишка. Лишний раз на рожон не полезет, но своего не упустит. Арена, знаете ли, многое показывает.

Мимо прошел рыжеволосый мужчина в зеленом мундире капитана городской стражи. Встретившись с Евой беглым взглядом, он уважительно склонил голову.

Застыв над водной гладью, по которой разбегались круги от золотых рыбьих хвостов, какое-то время Ева мучительно вспоминала, где видела его лицо.

Точно. Отец Бианты, рыжей девчонки из застенков Кмитсвера. После коронации Миракл незамедлительно приставил к награде тех, кто помог ему короноваться — и этого человека в том числе. Капитан отказался стрелять в безоружных горожан, бастовавших против ареста любимейшего из Тибелей; а потом не только помог этим горожанам строить баррикады, но и поднял своих людей на подмогу. Только вот не учел, что его дочь в тот день решит прогулять школу, и папина весточка с приказом отправиться в безопасное место ее не застанет. Или не смог предположить, что люди королевы будут пытаться убить ребенка.

Просто потому, что отец этого ребенка, судя по его подрывной деятельности, мог участвовать в заговоре в пользу Миракла — и проговориться при дочери о чем-нибудь важном.

Черт, сегодня все в этом гребаном дворце напоминает о том, о чем она предпочла бы не вспоминать никогда! Как бы вернуться к той жизни, где в категорию «забыть на веки вечные» попадало только лицо ее мертвого брата? Или хотя бы просто к жизни...

...нет, вот об этом тоже лучше не вспоминать.

— Спроси, — очень вовремя и очень вкрадчиво пропело в ушах. — Пока есть возможность.

Рука в белой перчатке почти непроизвольно выскользнула из-под руки в черной.

Сделав вид, что ее крайне заинтересовали обитатели пруда, Ева присела на гранитный бортик.

— Что спросить? — едва шевеля губами, сквозь зубы уточнила она.

— Сама знаешь, — Мэт почти мурлыкал. — Кое-что поинтереснее трогательных баек старого волка, который очень хочет убедить тебя, что он вылез на свет в овечьей шкурке.

— От волка слышу.

— Простите? — вежливо переспросил господин Дэйлион.

— Нет, ничего. — Глядя, как рыбки неторопливо скользят в водном хрустале, Ева оперлась ладонью на полированный гранит. — Это я... сама с собой.

Она действительно знала. Вопрос, крутившийся на языке еще в витражной галерее, удивительно легко всплыл в памяти.

Наверное, потому, что об этом думать было не так болезненно, как обо всем остальном.

— А все-таки, — не оборачиваясь, проговорила Ева, — чисто теоретически... если Берндетт хотел устранить конкурента, зачем было делать это кинжалом?

Краем глаза она видела, как господин Дэйлион подносит недокуренную сигару к губам. Не дождавшись ответа, чуть повернула голову.

В лице убийцы, окутанным дымкой, сглаживавшей прорези морщин вокруг его рта, она прочла поощрение.

— Маги располагают другими способами убийства. Куда менее заметными, — продолжила Ева, подстегнутая выражением его глаз. — Не будь на теле Гансера ран, можно было бы сказать, что он умер, пытаясь призвать Жнеца. Подтвердило бы твое могущество и твою исключительность, раз тебе призыв удался.

— Берндетт утверждал, что когда Жнец нисходит в своего Избранника, он дарует ему неуязвимость. Лишь на время ритуала, но тем не менее. — Кончик сигары, которую господин Дэйлион насмешливо жевал уголком рта, выписывал в воздухе серые вензеля. — Бога, сами понимаете, убить не так просто. Ни магией, ни сталью его не взять. Даже в человеческом воплощении.

— Вам виднее.

— Однако если б я... чисто теоретически, само собой... вдруг решился напасть на Избранника в момент ритуала...

— Вы и об этом задумывались?

— Любопытная была бы задачка, только и всего. Не каждый имеет возможность прикончить бога. Но, к счастью тир Гербеуэрта, я прагматик, а не фанатик. — Склонившись над прудом, старый убийца ввинтил сигару в бортник, расцветивая темный гранит пепельным пятном. — Так вот вздумай я напасть на Избранника в момент ритуала, я бы сделал ставку на магическое оружие. Не на Дар — на заговоренную сталь. Не из нашего мира.

— А у Берндетта...

— Кинжал ему ковали гномы. Теперь он хранится в королевской сокровищнице. Великая реликвия Тибелей, как-никак.

Ева вспомнила о Люче, ждущей чего-то в ее постели.

Ощутила тот же холод, что изморозью сковал душу после свидания с гномом.

Нет, они определенно слишком долго не говорили с Гербертом о ритуале. И о многом другом.

Хорошо, что еще не поздно.

Глава 18. Lamentoso

(*прим.: Жалобно, горестно (муз.)

— Держалась молодцом, — сказала Мирана Тибель, когда в конце бесконечно долгого вечера они с Евой наконец остались вдвоем.

В гостиной дома, где мать Миракла провела свое девичество и куда вернулась после смерти мужа, было тихо и тепло. Комната поразительно напоминала свою хозяйку — в светлых тонах, строгая, но приветливая. Аскетизм обстановки разбавляли уютные мелочи вроде сухих цветов в пестрой вазе и плетеный коврик у камина, на котором сейчас мирно сопел маленький дракончик.

— Спасибо, — серьезно поблагодарила Ева.

— Я думала, будет хуже.

Ева не обиделась на небрежную усталость в голосе. За время, проведенное в этом доме, она уже успела понять — редкая скупая похвала Мираны Тибель стоит тысячи комплиментов придворных льстецов. К тому же, в отличие от них, Мирана Тибель знала всю подноготную «невестки».

Проникаться к Еве пламенным восхищением или горячей любовью поводов у нее не было.

— Я старалась, — сказала Ева с той же серьезностью.

Дракончик зевнул. Положив морду на лапы, лениво приоткрыл глаза, косясь на женщин в креслах по обе стороны от него; под травянистыми веками блеснуло абрикосовое золото солнечных радужек.

— Хотела бы я, чтобы все это скорее кончилось. — Мирана взяла с крохотного высокого столика чашку с фейром. Тени под ее глазами — сейчас, когда госпожа полковник смыла косметику, их было отчетливо видно — почти спорили оттенком с сизым вечером за индевеющим окном. — Но не могу отделаться от мысли, что ничего не кончится, пока Айрес дышит.

Нагнувшись, Ева погладила дракончика по теплему кожистому загривку. Он лишь вчера перестал прятаться под диванами и избегать их общества — до того охотно ластился только к Мираклу, из-за чего Ева не преминула пошутить про молодого отца-одиночку.

— Вы ведь тоже не верите, что она могла просто так сдаться?

— Конечно нет. Сам факт ее отказа от отречения это подтверждает. — Мирана сдержанно пригубила свой фейр. — Но змея, которой вырвали зубы, кусаться не может.

— Не вырвали, — напомнила Ева тихо. — Скорее забинтовали.

Если уж Мирану Тибель, отвечавшую за охрану свергнутой королевы, не успокаивал тот факт, что Айрес сидит в блокирующих браслетах под домашним арестом — это означало, что у Евиных нехороших предчувствий есть вполне законные основания. А это странным образом обнадеживало.

Знание, откуда ждать угрозы, увеличивало шансы благополучно ее избежать.

— Пока я жива, она не снимет эти наручники, — сказала женщина. — И не перекинется словечком ни с кем, кто мог бы ей помочь... с чем бы то ни было.

— В нашем мире монархов, которые отказывались отречься, высылали из страны.

— Чтобы за границей, где некому их остановить, им удобнее было искать себе новых сторонников? — поверх чашки Мирана бесстрастно следила, как Евины пальцы почесывают млеющего дракончика под подбородком. — Здесь я хотя бы могу обеспечить, чтобы она и на милю не приблизилась к трону.

Ева всерьез поразмыслила, стоит ли говорить то, что ей хотелось сказать. В итоге сочла, что Мирана Тибель не из тех, кто морщится от присыпанных солью ран.

Скорее уж из тех, кто немедленно заковывает раны в сталь, чтобы никто и никогда не смог ее задеть.

— Мне жаль, что так вышло, — произнесла она. — С вашим мужем.

Бледные губы над золоченой фарфоровой кромкой едва заметно усмехнулись.

— На первых порах я часто представляла, что сделаю с Айрес, когда Мирк займет ее место. Яд был бы самым разумным, но я всегда его презирала. В изобретениях проклятий, происхождение которых не раскроет Охрана, я не слишком сильна. Убить в открытую... дуэль меня устраивала, но пятнать репутацию сына было бы последней глупостью. К тому же я не была уверена в победе, а оставить Мирка

одного никак не могла. — Держа чашку одной рукой, Мирана отстраненно подперла голову другой. — Обратиться к Дауду тоже было бы подло, но я рассматривала это как вариант. Уже тогда полагала, что за бывшую королеву цена выйдет меньше, чем за правящую.

— А это действительно так? — отметив это фамильярное «Дауд», спросила Ева.

— Действительно. Я уточнила. Ради интереса. — Не поднимая головы, госпожа полковник сделала еще один сдержанный глоток. — Правда, теперь он не возьмется за это даже по такому знакомству, как наше. Слишком просто.

— Но Айрес охраняете вы, как-никак. Не думаю, что вашу систему защиты преодолеть так уж просто.

— Когда охранник и заказчик — одно лицо, шанс того, что система защиты совершенно случайно окажется ослаблена, разочаровывающе велики. Но Дауд пообещал, что не будет отказываться, если контракт предложит кто-то еще. Тем интереснее.

Ева слабо улыбнулась. Улыбаться широко от мыслей о чьем-то убийстве она не могла.

Даже если речь шла об убийстве Айрес.

— Если ее убьют, Гербер... Уэрту это не понравится, — озвучила она кстати пришедшую мысль. — Наверное.

Мирана пожала плечами. Без лишних пояснений. Возможно, тоже не знала, одобрит ли Гербеуэрт тир Рейоль убийство дорогой тети — после всего, что та сделала с ним, с его братом и его любимой девушкой.

Ева не была уверена, хочет ли это знать.

— Вы думаете, что не победили бы ее? — перелистнув разговор на несколько реплик назад, переспросила Ева.

— Я думаю, сейчас в Керфи нет мага, способного победить ее. По крайней мере в честном бою один на один.

— Даже если считать Уэрта?

— Даже если считать Уэрта. — Взгляд, который госпожа полковник изучала ее лицо, сделался неожиданно цепким. — Ты знаешь, что Айрес взяла с него клятву вассала?

— Могла бы спросить у вас то же. Но теперь надобность в этом отпала.

— Могла бы догадаться, что я знаю. Буду считать, я очень похожа на человека, который легко допустит в свой дом виновного в гибели любимого мужа.

Ее сарказмом можно было бриться.

— Вдруг Миракл просто ничего вам не рассказал, — вымолвила Ева, на миг задумавшись о странностях генетики. Во всяком случае, из двух братьев Тибель на госпожу полковника куда больше походил тот, с кем ее не связывали кровные узы. — Ни сейчас, ни тогда.

— Он мог не рассказать чего-то отцу, но не мне. — Фарфор тихо звякнул о лакированное дерево, когда Мирана аккуратно вернула чашку на стол. — У клятвы есть одна любопытная особенность: она не возымеет силы, если вассал сильнее «сюзерена». Сильный маг подчиняет более слабого, но не наоборот. Со времен Берндетта не рождалось некромантов столь сильных, как Уэрт. Мне нужно пояснить, что из этого следует?

— Когда Айрес взяла с него клятву, Герберт был совсем маленький. И, естественно, не так силен, как сейчас. Что происходит, если вассал «перерастает» сюзерена? Может, его клятва вообще уже потеряла силу?

Мирана рассеянно посмотрела на полупустую чашку.

— Насколько я знаю, клятва не может быть разорвана, покада «сюзерен» жив. Или покада он сам не сочтет ее исполненной. О последнем, как ты понимаешь, речи не идет. — Она обвела стриженным ногтем парчовый узор на ручке кресла. — На самом деле вопрос любопытный. Вассальная клятва не изучена так хорошо, чтобы я могла на него ответить.

Герберт, легкий на помине, вошел в комнату секунду спустя: в компании Миракла, вымотанного не меньше матери. Оба уже избавились от парадных одежд, вернувшись к простым привычным штанам и рубашкам — и оба изумленно застыли у порога.

— Герберт-младший уже не против женского общества, — сказала Ева, правильно истолковав устремленные на нее взгляды. Ласково потрепала дракончика чуть позади рога на лбу, там, где у собаки были бы уши. — Дети так быстро растут, ах.

Услышав драконью кличку, Герберт-старший привычно поморщился.

Назвать малыша Гербертом было идеей Миракла. Дескать, иномирное имя как нельзя лучше подходит дракону. Но Ева подозревала, что новоявленному королю просто нравится всякий раз наблюдать за тем, как закатывает глаза любимый брат.

— Я думал, драконы не жалуют нежить, — сказал Миракл, глядя, как его питомец блаженно щурится под теплыми девичьими пальцами: огонь и драконья шкурка согрели Евины холодные ладони. — Эльена он на дух не переносил.

Он не обижался, что Герберт-младший не спешит вскакивать навстречу хозяину. При некоторой схожести повадок дракон все же не был собакой — и Миракл мудро не привыкал считать за преданного щенка существо, что лет через тридцать будет смотреть на него с высоты замковой башни.

— Она не нежить, — голос Герберта прозвучал чуть резче, чем можно было ожидать. — Я поймал ее в шаге от грани, не за ней. — Некромант ожесточенно нацелил палец на стул в углу — миг спустя тот уже стоял у камина, ровно между двух кресел. — То, что ее сердце не бьется, не значит, что она мертва.

— Хорошо, хорошо. Я забыл.

— Забыл, что пациент скорее жив, чем мертв? Любопытно, — заметил знакомый голосок. — Хотя сказочным королям не свойственны предубеждения против поцелуев с мертвыми девушками. Даже если те не бегают на своих двоих, а благонадежно лежат в гробу.

Ева молча выпрямилась.

Надо сказать, Мэт вел себя на удивление примерно. Почти не надоедал, да и вообще голос подавал редко — даже учитывая, что теперь находить лазейки для бесед ему было не так легко. Как будто чувствовал вину... или просто знал, что впереди грядет нечто крайне интересное — и это знание позволяло ему не скучать.

К сожалению, Ева была не настолько наивна, чтобы верить в первое.

— Кажется, нас можно поздравить, — сказала она.

— Хотя по некоторым версиям у сказочных принцев не возникало проблем и с чем-то похлеще поцелуев.

— Вроде все прошло вполне неплохо, — сказала она.

— Полагаю, если керфианцам вдруг не хватит простой помолвки, с консумацией брака он тоже не оплошает. Мирк же ответственный

мальчик, привык все доводить до конца.

— Во всяком случае, я не совсем опозорилась, — сказала она.

— Уже хочу посмотреть, как наш малыш будет держать свечку. В конце концов, в процессе что-то может пойти не так, не бросит же он «свое создание» в такой...

Зажав руками уши, Ева во весь голос запела один из образчиков отечественной попсы.

— Не обращайтесь внимания, — вымолвила она, когда в голове воцарилась та же тишина, что разлилась по гостиной. — Треклятая магия снова шалит.

Мирана сделала новый глоток из чашки, вернувшейся в ее сухие пальцы: всем своим видом выражая, что в последнюю минуту не произошло ровным счетом ничего, стоящего ее реакции.

Матери Миракла не сказали о госте, которого она приютила в своем доме вместе с Евой. И Ева очень старалась не реагировать на происки внутреннего демона, но получалось не всегда. В итоге периодические странности ее поведения списывали на несовершенство Гербертовой магии: мозги мертвецов — или почти мертвецов — загадочная штука, в конце концов.

Музыка действовала безотказно. Чем противнее и навязчивее был мотивчик, тем быстрее Мэт замолкал. Герберт логично объяснял это тем, что навязчивой песне проще заполнить сознание, не оставляя демону пространства для маневров, но Ева подозревала, что у Мэта просто наличествовал какой-никакой музыкальный вкус.

— Надеюсь, при риджийцах вы все проявите себя не хуже, — заметила Мирана сдержанно.

— Когда они приезжают? — тщетно пролистав свой внутренний календарь, смущенно спросила Ева.

Песня, отвратительно прилипучая, крутилась в голове, — но даже Агутин лучше, чем демонические остроты.

— Через три дня.

Ева удержалась от вопля «уже?!». Просто с несчастным видом смотрела, как новоявленный король Керфи, опустившись на колени подле камина, чешет блекло-травянистый живот своего ручного дракона, пока тот заинтересованно пытается скусить с его рукава малахитовую запонку. Немудрено, учитывая, что любовь к драгоценностям и их пению в драконах просыпалась еще в яйце.

О том, что ей придется обманывать не только керфианцев, Еву известили вскоре после бунта. Риджийские Повелители возжелали встретиться с правителем Керфи для переговоров, еще когда на троне сидели Айрес, — и не стали переносить встречу после того, как корона Тибелей перекочевала на другую голову.

Успешно обмануть керфианцев — чудовищная ответственность. Успешно обмануть посольство соседней страны, отношения с которой сложно назвать дружественными — ответственность вдвойне чудовищная.

— Полагаю, ты это и так знаешь, — продолжила Мирана, — но на встрече с риджийскими послами тебе лучше не проявлять свои... певческие таланты.

— Если бы были просто послы. Как их Повелители не боятся лично приезжать?

— Потому и приезжают, чтобы показать, что не боятся, — заметил Миракл отстраненно. — Они договорились с Айрес — а теперь со мной, — что с ними прибудет большой отряд охраны из личной гвардии. И, если верить слухам, сами могут за себя постоять. Эй, так делать нельзя, — строго добавил он, выдирая рукав из острых драконьих зубов.

— Гвардия им не поможет, если здесь их окружит армия, предварительно отрезав возможность магического перемещения. Ожидать такого от Айрес было бы логично.

— Насколько я знаю, у них есть интересные игрушки. Помимо подчиняющих ошейников. — Сидя на стуле, откинувшись на высокую спинку, Герберт скрестил руки на груди. — Они изобрели парные волшебные кольца. Владелец одного сможет откуда угодно призвать владельца другого, и никакие чары кольцам не помеха. Пока их Повелители сидят за столом переговоров, кто-то в Риджии будет неусыпно их страховать. Как только произойдет нечто подозрительное, их моментально вернут на родину.

— Значит, надо всего-навсего первым делом отрубить им руки.

К моменту, когда трое Тибелей воззрились на Еву в шокированном молчании, она и сама задумалась, с чего стала мыслить а-ля Мэт.

— Чуть что, так сразу я, — голос демона прозвучал тихо, словно сквозь испорченный приемник. — А немертвое существование, застенки Кмитсвера и прочее веселье последнего месяца, конечно,

никак не могли привить тебе черный юмор и некоторую долю здравого цинизма, благодаря которым теперь от твоей тошнотворной положительности хотя бы не сводит зубы.

— Не волнуйся из-за риджийцев. Если будешь держаться, как сегодня, все не так страшно. Мирку придется тяжелее. — Мирана предпочла деликатно сменить тему. — Но через шесть дней Жнец Милосердный, и там на вас с ним будет смотреть вся столица... и не только столица.

— Люди съезжаются со всего Керфи, — невыразительно подтвердил Миракл.

— Есть на что посмотреть. Новый король. Будущая королева. Риджийцы — среди них эльфы и дроу, та еще диковинка. И, возможно...

Госпожа полковник осеклась, — но все прекрасно поняли, какое событие должно было завершать перечисление.

— Я вас оставлю, пожалуй. Утомительный вышел день. — Когда Ева с Мираклом уставились на Герберта, отстраненно глядящего прямо перед собой, Мирана поднялась на ноги. Проходя мимо сына, на миг коснулась ладонью его темнокудрой макушки. — Я горжусь тобой.

Три коротких слова грели лаской не меньше, чем опущенный взгляд из-под пшеничных ресниц. Больше, чем пламя за каминной решеткой.

Хотела бы Ева когда-нибудь услышать это от своей матери, и увидеть, как на нее смотрят так.

Почти забытые мысли о доме царапнули почти забытой болью. За минувшие дни Ева испытала много разнообразной душевной боли, и неведомые ранее сорта затмили тот, с которым она прожила большую часть жизни.

Добавлять ко всем своим кровоточащим ранам еще одну она не собиралась.

— Скажи, ты не передумал? — без обиняков спросила Ева, как только за хозяйкой дома затворилась дверь.

— Ты о чем?

Она знала, что Герберт знает. Хотя бы потому, что, не глядя на нее, безошибочно понял, к кому обращен вопрос.

— О ритуале.

Некромант встретил взгляд Миракла. Тот сидел на полу, открыто изучая его лицо, следя за реакцией; рука, гладившая Герберта-младшего, застыла на мшистой чешуе.

Повернул голову.

— Настолько не веришь в меня?

Зима в его глазах была еще холоднее обычного. Усталый февральский холод, который тем больше кусает за щеки ночью, чем чувствительнее его тронула днем подступающая весна.

Ева не просила прощения за все, что ему пришлось видеть сегодня. Что придется видеть ближайшие месяцы. Они все знали, на что идут. Но Ева думала, что из них троих именно Герберт — тот, для кого этот спектакль будет самым мучительным. Ей, в сущности, поцелуи с другим не доставляли особого дискомфорта: просто потому, что не вызывали ни малейшего эмоционального отклика — кроме ощущения бесконечной неловкости за то, что Мираклу приходится целовать труп, и не по собственному желанию.

Ладно, по собственному. И не совсем труп.

— Верю, — сказала она. Перед глазами стоял витраж из дворца, где мальчик, так похожий на ныне живущих Тибелей, убивал лучшего друга. — Но слишком много дурных предзнаменований, чтобы я могла этого не бояться.

— Например?

— Неважно. Просто... я не хочу, чтобы ты это делал.

— Как и я.

Герберт вновь посмотрел на брата, лишь сейчас подавшего приглушенный напряжением голос.

Сжимая пальцами предплечья, уставился на вензеля каминной решетки.

— Я думал над этим.

— И? — сказал Миракл, не дождавшись пояснений.

В те секунды, что некромант медлил с ответом, даже огонь трещал тише.

— И склоняюсь к выводу, что есть другие способы вписать свое имя в историю. — Герберт небрежно закинул ногу на ногу. — В конце концов, я переживу тебя лет на двести. Если за это время не добьюсь чего-то более грандиозного, чем уже добился, раскрою карты о своем скромном вкладе в твоё воцарение. Летописцы будут в восторге.

— Не надейся, зазнайка. — Миракл восхитительно скрыл облегчение за ироничным фырканьем: оно проявилось лишь в том, что пальцы его вновь заскользили по драконьему боку. — Без тебя в соседней могиле мне будет скучно, так что я укажу особый пункт в своем завещании. Специально для «коршунов».

Ножки Евиного кресла закрипели по паркету, когда его обитательница стремительно встала.

Бесцеремонно забравшись на худые, не слишком удобные для этого колени, Ева прижалась губами к другим, теплым, родным губам — и прежде, чем Герберт закрыл глаза, февраль в них сменился мартом.

Все. Никакого ритуала. Никакого риска. Никаких кошмарных предчувствий о том, чему отныне не суждено оправдаться. И ей даже не пришлось уговаривать, давить, молить, плакать, снова читать душеспасительную проповедь.

Она его не потеряет. Никого больше не потеряет.

— Если хотите, я тоже могу выйти, — где-то очень далеко сказал Миракл, — но не думаю, что мама одобрит подобное использование ее кресел, даже если бы там сидел я.

— Я рад, что к своей коронации ты сохранил столько невинности, чтобы полагать, что твои родители использовали все предметы в доме исключительно по их прямому назначению, — откликнулся Герберт, на миг прервавшись.

— А, значит, если в другой раз я решу воспользоваться для этих целей твоей кроватью вместо своего неудобного королевского ложа, ты будешь не против. Учту.

— Можно я сегодня вернусь с тобой в замок? — выпрямившись, спросила Ева. Глаза ее сияли. — Эльен будет рад.

В тайну немертвой Избранной не посвятили никого, кроме нескольких особо избранных лиц. А потому истинное положение вещей скрывалось даже от слуг. Ева честно перебралась в новый дом, роль ее горничной играла Мирана (иначе при облачении дорогой гостии в непривычные платья служанок ждал бы сюрприз), а подносы с едой из уважения к ее вере приносили в комнату после захода солнца, где Ева исправно аннигилировала провизию специально разученным заклятием.

Ванны она принимала в прежней обители, раз в три-четыре дня, как и раньше. Но все равно скучала по замку Рейолей и милому призраку, с которым теперь почти не виделась: Герберт забирал ее для процедуры под покровом ночи и возвращал до рассвета.

— Не в первую ночь после такого счастливого события. Сегодня скомпрометировать тебя перед случайными свидетелями было бы особенно неуместно. К тому же у меня есть дела. — Склонив голову набок, Герберт покосился на брата. — Тебе, полагаю, теперь придется ночевать не в отцовском доме, а в тетушкином?

— Теперь он мой. И, к слову, моей прелестной невесте рано или поздно предстоит тоже перебраться во дворец.

Ева резко обернулась:

— До свадьбы?

— А. В твоём мире, кажется, это не слишком одобряют. Но у нас поощряется, если молодые люди до брака опробуют... свою совместимость. Во всех планах. — Под ее взглядом Миракл неловко развел руками. Смущенный, сейчас он мало походил на солнцеликого короля, с которым они танцевали тильбейт. — Естественно, об этом речь не идет. Но спать в одной постели... рано или поздно... придется. Иначе пойдут слухи.

В шуточки Мэта разом добавилась только доля шуточки.

— Когда до этого дойдет, тогда и поговорим, — сказала Ева.

Похолодание в воздухе она ощутила еще прежде, чем вновь увидела лицо Герберта.

Наверное, если б сейчас некромант посмотрел в окно, иней расцвел бы не только на стекле, но и на шелковых обоях вокруг рамы.

Не смотри на меня так, хотелось сказать ей. Ты знал, на что идешь. Ты знаешь, что это фальшь, фокус, не более.

Она не смущалась. Ее совесть была чиста. Если на то пошло, когда они с Кейлусом играли в три руки, это вышло куда интимнее, чем все публичные нежности с Мираклом.

...Кейлус...

— Я бы с радостью никогда не поднимал эту тему, раз это настолько портит вам настроение, — молвил Миракл, не совсем верно истолковав затянувшееся молчание, — но по некоторым причинам это будет несколько проблемати... эй, плюнь! Да что с тобой делать! Плохой дракон!

Часом позже, запершись в гостевой спальне, Ева сидела на полу, чертя руны над очередным подносом с недоступным ей ужином.

— Спать с законным женихом ты не собираешься, я понял. О, женское коварство. — Она почти видела, как за гранью видимого Мэт иронично кривит ту иллюзорную маску, что заменяла ему лицо. — Предложи хоть малышу. Поцелуй тебя, конечно, не оживил, но вдруг все дело в том, что поцелуя недостаточно.

— Не знала, что ты у нас веришь в сказки, — когда поджаристый бифштекс начал рассыпаться пеплом, сказала Ева.

— Выборочно. Поцелуй истинной любви — бред для маленьких девочек. Активные телодвижения, заставляющие кусок отравленного яблочка вылететь из горлышка Белоснежки, у которой губы совсем не случайно красны, как кровь — по мне выглядит вполне правдоподобно.

— Меня никто не травил, если ты забыл.

— Попробовать стоит. Других альтернатив у тебя все равно нет.

— Появятся.

Ева смотрела, как обращаются в пыль мясо и гарнир из синего горошка, фрукты, сладкое, хлеб. В другое время ей стало бы грустно: потому, что она не может их попробовать, или потому, что она уничтожает трапезу, которая могла бы спасти пару нищих, замерзающих где-то в зимней ночи, за пределами ее уютного прибежища.

Сейчас у нее и без того хватало поводов для грусти.

— Ты надеешься на это с первого дня в Керфи. Пока не появились.

— Просто Герберту было немного не до того. И есть.

— Ты правда думаешь, что он сидит без дела все время, пока ты здесь играешь в почти коронованную особу?

Ева промолчала.

Ей не хотелось думать об этом. Даже задуматься о том, что она может навсегда остаться такой, как сейчас, никогда больше не ощутить биения своего сердца, никогда не согреть чужие ладони в своих — вместо того, чтобы заставлять других терпеть ее холод — значило упасть в печальную бездну, сравнимую с той, куда она погрузилась в казематах Кмитсвера. За этим, чего доброго, еще последовали бы

мысли о доме, а они точно пришлись бы некстати. Проблемы нужно решать по мере их поступления.

Но не думать она не могла. Особенно с подначки того, кто если и щадил ее, то весьма выборочно.

— Он отказался от мысли призвать Жнеца. Во всяком случае, у тебя есть основания так считать. Следовательно, у него появилась новая цель, — продолжил демон вкрадчиво. — В прошлый раз, если помнишь, его одержимость твоим воскрешением кончилась не слишком хорошо. Просто потому, что ему не хватило силенок. Ему, сильнейшему в своем роде. Ты правда думаешь, что сейчас что-то измени...

Зажмурившись, Ева запела строчки слащавого любовного куплета: оставаясь наедине с теми поводами для грусти, которые были более актуальны.

Странно с ее стороны вообще слушать убийцу Кейлуса. Не говоря уже о том, чтобы вступать с ним в диалог. В другой раз стоит прогнать его сразу, как подаст голос.

...убийца Кейлуса...

Когда Ева открыла глаза, перед ними был черный пепел на серебре. Спустя секунду и тот исчез, оставив от еды пустые, слегка заляпанные тарелки.

В последнее время ей свойственно уничтожать все, к чему она прикасается.

Ева уставилась на свои руки, тихо и безвредно сложенные на коленях, поверх мягкой юбки домашнего платья.

Даже Мирана не знала, что поселила в своем доме убийцу. Для нее Ева была просто милой, смышленной и полезной — при всей своей в общем-то бесполезности — девочкой. И до недавнего времени Еве было некогда думать об этом... пока она не сделала почти все, что от нее требовалось, и роль ее не свелась к красивой кукле, которой нужно всего-то не открывать рот, когда не следует.

У нее и сейчас хватало забот. Но они больше не могли отвлекать от кое-каких простых жестоких истин.

Рывком поднявшись с узорчатого ковра, Ева встала и вышла: надеясь, что госпожа полковник еще не спит.

Завтра ей предстоит новый день, полный фальши и лжи. Как и послезавтра, и много дней после него. Чтобы пережить их, она обязана

сделать что-то, исполненное искренности и истины.

Хотя бы для нее самой.

— Покои для риджийцев приготовлены, Ваше Величество.

Подняв голову от стопки докладов и документов от нового Советника по финансовым делам, Миракл тирин Тибель хмуро возрился на своего сенешаля.

— Восточное крыло, как вы и велели, — прибавил юноша, стоя посреди королевского кабинета. Было видно, как он смущен — с непривычки: сенешаль Айрес сбежал во время бунта, и нового придворного распорядителя Миракл выбрал из числа тех, кого предложили на эту должность главные его сторонники, Соммиты. Парень происходил из незнатной семьи (Миракл всецело одобрял стирание сословных рамок) и пока ни разу не оплошал, даром что был немногим старше своего короля.

Вот бы этот король тоже не оплошал. Особенно в самый неподходящий момент.

Хотя в его случае любой момент будет неподходящим.

Миракл опустил глаза на строчки, полные фактов и чисел, сплетающихся в сложную схему податей, расходов и доходов. Сложную для многих, но не для него.

Проблемы были. Естественно. Проблемы есть всегда. Восстановить Большой Совет, чтобы в принятии решений государственной важности снова участвовали все сословия (этого от него и ждали). Проредить машину власти от прикормленных Айрес взяточников (этого от него тоже ждали). Разобраться, кто из несчастных, умирающих на рудниках, сослан туда за длинный язык, а кто — за кровь на руках (на самом деле от него ждали массовой амнистии, но Миракл не собирался освобождать головорезов просто потому, что тем посчастливилось дожить до смены власти).

Но, не считая некоторых аспектов, королевство досталось ему на блюде. Слаженный, в общем-то прекрасно работающий механизм. Учитывая, какая часть бюджета тратилась на армию и флот — если урезать расходы, в которых без подготовки к войне больше не было необходимости, и перераспределить ресурсы... Налоги можно снизить — незначительно, но народ встретит это с восторгом. При нынешнем состоянии казны это не повлияет на уровень жизни ни при дворе, ни за

его пределами. Появится пространство для торговых маневров и новых вложений. Можно даже подумать о том, чтобы простить долг Ильдену — страна, когда-то собиравшая с Керфи дань, теперь сама немало им задолжала. А в обмен, естественно, потребовать кое-какие важные уступки с их стороны. Например, пересмотреть не слишком выгодный контракт на экспорт минерального сырья...

Самой Айрес — когда она, девочка двадцати лет отроду, унаследовала страну от его деда — после коронации пришлось куда тяжелее.

— Прекрасно, — сказал Миракл. — Прием в честь прибытия?

— Шестьсот гостей разместятся в тронном зале. Для гвардейцев приготовлен отдельный стол. Музыканты найдены, цветы заказаны, семь перемен блюд согласованы.

— Подарки для гостей?

— Все согласно вашим пожеланиям. Кузнецы, ювелиры и маги трудятся, не покладая рук. Будут готовы завтра.

— Я не рад, что им пришлось работать в такой спешке, но слышать это приятно.

Айрес тоже готовила риджийцам подарки. У Миракла нашлась не одна причина на то, чтобы их заменить. Первейшая из них — та, что он лучше кого бы то ни было знал: любые дары Айрес Тибель таят в себе отраву.

— Все прекрасно понимают причины ваших указаний, Ваше Величество.

Миракл посмотрела на семиугольник, образованный подпалинами на паркете. Сенешаль держался за его границы, суеверно не решившись переступить колдовские линии.

Кабинет, где совсем недавно Айрес готовила Герберта к ритуалу, которому теперь не суждено состояться, заливал бесцветный свет зимнего дня.

Он не раз думал, почему Айрес пригласила риджийцев с таким расчетом, чтобы те застали День Жнеца Милосердного. И находил лишь одну причину: успешный вызов стал бы превосходной демонстрацией силы. Испугать тех, на кого ты собираешься пойти войной — может сыграть тебе на руку, особенно если по вражеской армии разнесутся слухи о том, что на стороне твоих врагов даже боги. А если к тому же поколебать их веру в своих богов...

В конце концов, Четверо ни разу не соизволили явиться риджийцам лично.

На это Айрес и рассчитывала? Или?..

— Надеюсь, я и сам верно понимаю эти причины, — пробормотал Миракл, вновь утыкаясь в бумаги.

То, что первыми с ним встретятся монархи страны, отношения с которой у Керфи были весьма натянутыми, его не радовало (благодаря Айрес все страны относились к ним с опаской, но Риджия издавна славилась тем, что реагировала на опасения). Как и то, что среди гостей будут Евины соотечественницы — сразу две, если шпионы не обманывают. Его подданные охотно списывали причуды прелестной королевской невесты на иномирное мышление, однако других иномирянков обмануть будет не так просто. Хотя своему королю и своей прекрасной спасительнице керфианцы в любом случае поверят охотнее, чем чужеземцам из дикарской, враждебной страны.

Остается надеяться, что эта ясноглазая девочка так сильна, как кажется. Достаточно сильна, чтобы сделать все, чего — Миракл это понимал — у него не было права от нее требовать.

Причин, чтобы сломаться, у Евы имелось в избытке. Больше, чем у кого бы то ни было из живущих. Хотя бы потому, что к живущим она уже относилась весьма сомнительно.

Но если она сломается — какой бы момент для этого она ни выбрала, в ее случае он также будет самым неподходящим.

День был холодным и светлым. Обесцвеченным белизной.

День был тихим. В столице он отвлекал людским гомоном, но здесь, за городской чертой, лишь чуть слышно скрипел снегом под ногами.

Какое-то время Ева стояла у переплетения чугунных вензелей на тяжелых воротах, вглядываясь в сад по ту сторону. Почти незнакомый — прежде она видела его совсем с иного ракурса.

Ладонь в перчатке легла на обледенелый металл, казалось, помимо воли.

Ворота загородного имения Кейлуса Тибеля поддались легко, точно стража забыла возобновить магическую защиту. На деле заклятия надежно стерегли мертвый особняк от мародеров — просто для Евы сделали исключение.

Наверное, она предпочла бы никому не говорить, куда идет. Однако она была не в том положении, чтобы действовать без объяснения причин; да и не вышло бы у нее ничего без этих объяснений. Поэтому вчера она сказала Миране, что хочет сделать, после чего получила разрешение — и пропуск. Госпожа полковник слегка удивилась, но озаботилась, чтобы маги из стражи вплели в защиту дома еще одно исключение. В конце концов, Ева успела зарекомендовать себя милой доброй девочкой, и это было в ее духе: навестить могилу человека, которого она не знала. Просто потому, что этот человек тоже пал жертвой козней Айрес — и тоже был музыкантом, о таланте которого Ева успела наслушаться от господина Дэйлиона.

Скользнув в щель, Ева зашагала по садовой дорожке, оставляя следы в нечищенном снегу.

В идеальной безжизненной белизне ее темный плащ казался чужеродным. Ее присутствие — лишним. Хотя не настолько лишним, как если бы она дышала, сердце ее билось, а руки не были обгажены кровью тех, кто жил и умер здесь.

Она и сама была наполовину мертва. Почти как дом, к которому она приближалась. Больше, чем любой из бывавших в нем в последнюю неделю.

Больше, чем была, когда сама в него попала.

Дойдя до особняка, Ева прошла мимо парадного входа к левому крылу. Вспомнив указания Мираны, завернула за угол и направилась туда, где в окружении раскидистых дубов темнел ряд надгробий.

На этом фамильном кладбище хоронили далеко не всех Тибелей. Лишь тех, кто принял смерть в этом доме. Остальных ждал королевский склеп и другие кладбища, куда более претенциозные; здесь же снег пушился на простых полукруглых камнях, украшенных только надписями и датами.

Остановившись у того из них, что не успели тронуть ни мох, ни трещины, ни время, Ева посмотрела на гладкий мрамор. На буквы — так подходящее золото по черноте, — складывавшие имя Кейлуса Тибеля.

Она пришла бы на его похороны. Взглянуть в его лицо. Осознать в полной мере, что сделала. Но его тихо схоронили на другой день после бунта, и Еве об этом не сказали. Согласно официальной версии

Кейлуса убили сотрудники Охраны — ныне, увы, покойные — по приказу королевы, решившей избавиться от надоедливого брата и заодно покончить с главной угрозой ее власти, подставив любимого племянника.

Слуг погребли на городском кладбище. Тима, кажется, тоже. Трогательных распоряжений касательно совместных похорон Кейлус не отдавал, и воссоединиться в могиле им не позволили.

Какое-то время Ева смотрела на белые прожилки мраморного узора, расползавшиеся по камню, словно трещины в черном льду.

Опустилась на колени: прямо в снег.

— Он сам виноват в том, что случилось, — прошелестело в ушах.

Ева не ответила. Не была даже уверена, что есть, кому отвечать. Это с равным успехом мог быть не Мэт, а та маленькая, подленькая часть ее, которой очень хотелось найти себе оправдания.

Она ожидала, что могила будет отличаться от прочих. Увидеть вскопанную, еще не осевшую землю. Или хотя бы грязь на снегу. Но зима уравнила всех, и метель погребла Кейлуса под той же ровной холодной белизной, что и его предков, умерших века назад. Просто еще один камень. Просто еще одно имя того, кто когда-то смеялся и дышал.

Там, под землей, под снегом, под черным с золотом камнем лежит убитый ею человек.

В это верилось с трудом.

— Это была не ты. Тебе не в чем себя винить.

В это верилось с трудом. Но верить было необходимо. Думать, что это просто камень, никак не связанный с тем, кто заставлял ее душу петь в унисон с его душой, было бы слишком легко. Слишком милосердно — к себе.

Последнее, чего Еве хотелось — щадить себя.

— Я этого хотела. Когда-то. — Она смотрела на равнодушную белую порошу. — Я хотела, чтобы он был мертв.

Лешкина могила поросла земляникой и ландышами. Ева всегда думала, что брату бы это понравилось. Когда летом они пропалывали участок от сорняков, спелые ягоды давились под каблуками, заглушая запах ладана, который мама жгла на жестяных крышках стеклянных подсвечников. Они всегда зажигали свечи, когда его навещали.

Интересно, чем по весне порастет могила Кейлуса.

— Я хотела убить его. Собиралась его убить. Теперь он убит. Моей рукой. Моим клинком. Как я и представляла... тогда, когда еще не знала его. — Она коснулась снега расправленной ладонью. Слегка, но когда убрала пальцы, на белизне все равно остался отпечаток. — Он мертв, потому что я слишком хотела жить. Существовать. Делать то, что делаю теперь.

Его рука больше никогда не выведет финальной черты в последнем такте законченной пьесы. Его инструмент больше никогда не заплачет под его пальцами.

Она убила больше, чем человека. Она убила все, что он еще должен был подарить миру. Всю музыку, все песни, все улыбки и слезы, рожденные его заслугами и виной, его страданиями и любовью, его дурными и благими делами, складывавшими его суть. Его темной мятежной душой, которая едва ли могла попасть на небеса, над которыми он смеялся.

За такое не могло быть прощения.

Ева смотрела на отпечаток своей ладони — единственное свидетельство того, что кому-то есть дело до последнего пристанища Кейлуса Тибеля.

Она хотела, но не могла плакать. Слезы — тоже милосердие к себе. От слез становится легче.

Облегчать свою вину каким бы то ни было образом — роскошь, на которую Ева не имела права.

— Твои страдания ничего не изменят, — сказал Мэт. — Ты уже ничего не сделаешь.

— Чтобы исправить случившееся — нет. — Встав, она отвернулась, оставляя могилу позади. — Но кое-что для него сделать могу.

Она хотела бы, чтобы эта могила осталась позади навсегда. Это тоже было малодушно.

Двери в особняк открылись так же охотно, как прежде ворота. Холл встретил пугающей чистотой: лишь бурый круг, испещренный рунными знаками, темнел на белом мраморе. Ева не знала, почему его не стерли. Наверняка, сперва оставили как улику, а потом всем стало не до того.

Ноги сами двинулись в нужном направлении.

В Золотой гостиной заметны были следы обыска. Клаустур стоял открытый, ноты валялись на полу — на желтоватой бумаге виднелись отпечатки чьих-то грязных подошв.

Тихо закрыв крышку инструмента, Ева села на пол. Бережно взяв один из разбросанных листков, как могла, воспроизвела в голове написанное.

Отложив в сторону, взяла следующий.

Когда — час или вечность спустя — она вышла, прижимая к груди последнее законченное сочинение Кейлуса Тибеля, собранное ею страница за страницей, остальные аккуратной стопкой лежали на осиротевшем клаустуре.

Даже некроманты не могли заставить мертвецов жить. Зато музыка — могла.

Глава 19. Ripieno

(*прим.: Ripieno — в инструментальной музыке эпохи барокко обозначение игры всего оркестра; то же, что tutti (муз.)

— Альянэл из рода Бллойвуг, Повелитель дроу, Владыка Детей Луны, — возвестил герольд.

В наступившей тишине, вязкой, как жидкая канифоль, не было слышно шагов тех, кто вошел в зал. Не могло быть — даже если бы их не приглушала ковровая дорожка, которой выстлали проход от дверей к тронному возвышению. Но шуршание их одежд и легкое звяканье доспехов звучали вкрадчивой песней не случившейся войны.

Первым на золотую ткань, расшитую алыми астрами, шагнул знаменосец. К удивлению Евы — человек. К еще большему удивлению — девчонка, на вид почти подросток. Она несла королевский штандарт, крепко сжимая лакированное древко; над ее темноволосой макушкой реял звездный венец и луна, вышитая серебром на черном шелке, и роза, заключенная в круглый бледный лик любимицы поэтов.

За девчонкой следовали гвардейцы в легкой, гибкой, черной с серебром броне. Желтые глаза на молодых лицах сияют драконьим огнем, кожа — серый пепел, волосы — сгущенный звездный свет.

Их Повелитель шел в центре процессии, окруженный бдительной охраной и сиятельной свитой. Бархат его длинного плаща ниспадал на алые астры; чернильные складки со сливовым подбоем скользили по дорожке, словно струи ночной тьмы, затмевающие солнечный свет. За ним тенью, шаг в шаг, ступал молодой мужчина в мантии колдуна — второй и последний человек в делегации. Длинные русые волосы свободно падали на темно-серый шелк, кожа казалась бледной почти до болезненности.

— Добро пожаловать, Повелитель Альянэл, — сказал Миракл, когда дроу расступились перед тронном, чтобы их Повелитель мог приблизиться к королю Керфи. — Я рад нашей встрече.

Правителей соседней страны он приветствовал на риджийском, на котором говорил бегло и безупречно, лишь с легким певучим акцентом. Как вскользь упомянула Мирана, ее сына готовили к правлению основательно, так что Миракл свободно изъяснялся на пяти основных

языках этого мира. Ева не знала ни одного, но переводческой магии было все равно, с какого языка переводить — с керфианского или риджийского.

Правителей соседней страны они встречали у подножия тронного возвышения, пока у стен волновалась и перешептывалась пестрая придворная толпа. Так гласил этикет: послов король встречает на троне, но с другими королями он равен. Заставлять их смотреть на тебя снизу вверх — оскорбление, а то и недвусмысленная угроза.

Иногда Ева думала, как бы риджийцев встретила Айрес. Особенно если вспомнить ее намерения.

— Да хранят звезды тебя, Миракл тирин Тибель, — сказал Повелитель Альянэл, пожимая протянутую ему руку. — И твою прекрасную невесту. — Глаза дроу скользнули вправо, на лицо Евы, стоявшей подле жениха. — Лиоретта Йевва... молва о ваших подвигах донеслась даже до наших земель. Как и о вашем происхождении.

Его глаза тоже напомнили Еве о канифоли. Тот же яркий янтарь, в котором можно увязнуть и пропасть. Плащ и королевский венец в волосах — то были единственные детали в его облачении, выдававшие, что это одежды короля; но не будь ни венца, ни плаща, ни гвардии кругом, Ева все равно поняла бы, кто перед ней.

— Я польщена, — проговорила Ева, — но не уверена, что мои подвиги стоят такой громкой молвы.

Естественно, дроу прекрасно понял ее слова. Переводческой магии снова было все равно, на какой язык их переводить.

— Надеюсь, лиоретта, вам доставила удовольствие встреча с соотечественницей?

Ева слабо улыбнулась.

Дроу оказались четвертой и последней делегацией риджийцев, которую они с Мирком приняли сегодня. Как-никак Риджия включала в себя четыре королевства, и вваливаться всей гурьбой было бы странно. Сперва король Керфи поприветствовал лепреконов, следом людей, затем эльфов.

Надо сказать, из всех волшебных народов дроу произвели на Еву наибольшее впечатление. Лепреконы очень походили на гномов — такие же маленькие и рыжие, разве что без гипнотической зелени в глазах, присущей обитателям Потусторонья. Люди ожидаемо не отличались от людей, разве что одевались как ролевики. Эльфы до

скучного смахивали на толкиеновских, и не на веселый народец из Ривенделла, а на утонченных обитателей Лориэна — светловолосые, в струящихся одеждах, с лучезарными очами на прекрасных молодых лицах. Разве что их король выбивался из общего ряда.

Повелитель Дэнимон, Владыка Детей Солнца, был плодом союза эльфа и человеческой девы, и темные кудри типичного человеческого мальчишки странно смотрелись над его типично эльфийским ликом. Его супруга, Повелительница Кристаэль, и та больше походила бы на эльфийку — если б не кинулась Еве на шее с типичной непосредственностью типичной попаданки.

Когда-то Кристаэль звали Кристиной. Она родилась в Питере и попала в этот мир за пару лет до Евы. Она встретила Дэнимона, тогда еще принца, в первый же вечер своего пребывания в Риджии. Они поженились этой осенью. Она боится скелетов, но в Керфи они очень милые. Она любит танцы и мороженое. Ее можно звать Кристой. И все это Ева узнала от нее даже не за ту четверть часа, пока Миракл и Дэнимон беседовали за закрытыми дверьми смежного с залом кабинета, а за первые пять минут с момент знакомства — пока все вокруг, включая Дэнимона и Миракла, вежливо ждали, когда у Повелительницы эльфов иссякнет поток любви к землячке.

Хорошо хоть Ева успела отшатнуться, прежде чем ее чмокнули в ледяную щеку.

— Знакомство с супругой Повелителя Дэнимона ошеломило меня, — честно ответствовала Ева. — Полагаю, нам еще удастся переброситься словечком. — Полагаю, мне не отвертеться, поправились она про себя. Криста всю аудиенцию безостановочно трещала у нее над ухом, рассказывая потрясающую историю своих приключений в чужом мире (типичный попаданческий роман с отважным принцем, любовью с первого взгляда, коварными врагами, похищениями, страдающей девой в темнице и свадьбой в конце), а напоследок посулила, что на вечернем приеме ждет от Евы ответной любезности. — Наверняка она не меньше моего скучает по дому и будет рада услышать, что произошло в нашем мире за время ее отсутствия.

Краем глаза она заметила движение. Еще прежде, чем тишину нарушило тихое «кха-кха». Это девчонка-знаменосец дроу поднесла к

губам кулак, чтобы приглушить ехидный кашель — насколько кашель вообще может быть ехидным.

— Полагаю, в таком случае вы будете рады узнать, что в моей свите прибыла еще одна ваша соотечественница, — сказал Альянэл с улыбкой, призраком насмешки растянувшей его серые губы. — Сноуи, мой знаменосец.

— Снежана, если на русский манер, — добавила девчонка. Провела пальцем по переносице — снизу вверх, будто хотела поправить невидимые очки; тут же опустив руку, согнулась в поклоне. — Безмерно рада знакомству, лиоретта. Польщена быть представленной Вашему Величеству, тирин Тибель.

Она была вся в белом, и ее наряд больше подошел бы мальчишке-пажу, нежели девушке. Поверх рубашки наброшена бархатная курточка, бриджи заправлены в высокие сапоги — бежевая замша капельку разбавляла стерильную белизну. На риджийском девчонка говорила с акцентом, который Ева бы ни с чем не спутала. Особенно учитывая, что «русский» девчонка произнесла с типичным выговором уроженки Московии.

На миг Ева поймала взгляд Герберта, следившего за происходящим из первого ряда, и Мираны, возглавлявшей королевскую гвардию — и взгляды эти были предостерегающими.

Снежана — так ее звали в мире, оставшемся по ту сторону Межгранья. Сноуи — так ее звал Повелитель. Белая Ведьма — так прозвал ее риджийский народ. Девчонка, которую обделили магическим даром при попадании в другой мир. Она начала путь в этом мире пленницей дроу — и с помощью одного лишь ума завершила его знаменосцем короля... и советником, если верить слухам. Неофициальным, конечно: дроу и так были не в восторге от того, что Первым Советником Повелитель назначил человека, а уж иномирянку в качестве министра точно не приняли бы. В конце концов Белая Ведьма и магию получила — в результате какой-то темной истории с убийством другой попаданки, у которой милая девочка Снежана и забрала свой Дар.

Хорошо, что Еве вкратце поведали, с кем ей предстояло иметь дело. Учитывая обстоятельства, с такой особой точно стоило держать ухо востро.

— Соотечественницам Евы всегда будут рады в нашем общем доме, — учтиво откликнулся Миракл. Вновь повернулся к дроу. — Если вы не возражаете, Повелитель, я предпочел бы продолжить разговор с глазу на глазу. Конечно, в сопровождении избранных представителей вашей охраны.

— И моего Первого Советника. — Альянэл указал на колдуна, державшегося за его правым плечом. — Лодберг из рода Миркрихэйр. Вынужден настаивать на его компании.

Не выходя из-за спины Повелителя, колдун учтиво поклонился монаршим особам. Он улыбался — так тонко, что улыбку почти скрыла густая щетина на его щеках.

О Лодберге из рода Миркрихэйр Ева тоже была наслышана. Своим Первым Советником Повелитель дроу избрал правнука Ильхта Злобного, легендарного колдуна, когда-то развязавшего самую кровопролитную войну за всю истории Риджии. Слава богу, внучок не пошел в предка, однако специфический склад ума и амбиции от него, видимо, позаимствовал. Ходили слухи, что колдун он слабый, а в Советники пролез через постель сестры Повелителя: Лодберг всерьез намеревался породниться с королевской семьей, но принцессе подыскали жениха получше. Колдун, впрочем, не особо огорчился и уже через пару дней был замечен в объятиях новой пассии, что многое говорило о его чувствах к той самой принцессе.

Глядя на него сейчас — симпатичного, приветливого, светлоглазого, — Ева никогда не предположила бы, что этот милый молодой человек способен на холодный расчет.

— Не вижу никаких причин для возражений. — Миракл указал на двери в кабинет, уже распахнутые услужливым лакеем. — После вас.

Прежде, чем Повелитель принял приглашения, Ева заметила у него на пальце серебряное кольцо с рунной насечкой: ровно такое же, что блеснуло на руке риджийского колдуна.

Как только за венценосными особами затворились двери, придворные робко обступили тех из Детей Луны, что остались в зале — в кабинет за Повелителем проследовала лишь пара гвардейцев. Дроу держались надменно и довольно-таки холодно, но это не мешало керфианцам пытаться их разговорить, в процессе восхищенно любуюсь чужеземными диковинами. Улыбался и охотно поддержал

беседу лишь один, в бело-красном одеянии — он казался старше остальных, невзирая на столь же молодое лицо.

Помимо пары десятков гвардейцев и колдуна, Альянэла сопровождали пятеро дроу в простых парадных одеждах: те же шелковые рубашки и камзолы без рукавов, что у Повелителя, лишь других цветов. Все мужчины. Среди эльфов затесалось несколько фрейлин Кристы, Повелительница людей также включила в свою свиту представительниц прекрасного пола, но вот лепреконы и дроу прибыли исключительно суровой мужской компанией. Впрочем, Повелитель лепреконов даже личным появлением их не удостоил — он единственный из всех не прибыл сам, прислав посла. Должно быть, для него волшебного колечка не нашлось, а рисковать головой правитель маленького народа не решился.

Чувствуя себя немножко потерянной, сдерживая желание немедленно присоединиться к Герберту, скупающе следившего за дроу у ближайшей колонны, вместо этого Ева направилась к Белой Ведьме. Снежана не двинулась с места и, опираясь на знамя, глядела на нее с какой-то нехорошей пристальностью.

Она не может знать, напомнила себе Ева: пытаюсь избавиться от ощущения, что с каждым шагом она приближается к капкану. Даже если видит мою ауру.

Чтобы маги (а при дворе их было немало) не сделали для себя неприятное открытие, вздумав посмотреть на Избранную магическим зрением, Герберт скрыл ее истинную ауру мороком. Правда, с аурой провернуть такое было непросто — некромант долго объяснял, почему, но Ева поняла лишь, что подделать ауру с нуля невозможно, ибо само колдовство оставило бы подозрительные следы. В итоге Герберт фактически сделал слепок с ауры Мираны, и теперь Еву незримо окутывала его точная копия. По этой причине Ева старательно держалась от госпожи полковника подальше — встань они бок о бок, мог произойти казус.

Впрочем, Герберт успокоил ее, что сама по себе аура постоянно видоизменяется. Потоки силы в человеческом теле волнуются и текут, словно пламя свечи, пусть и подчиняясь некоторым закономерностям, и заметить сходство в любом случае почти невозможно...

— Кто бы мог подумать, — произнесла Ева, чопорно сложив на животе руки в перчатках. — Встреча трех подруг по несчастью в один

день.

— Так вы считаете это несчастьем? — глаза Снежаны, синющие и холодные, изучали ее лицо из-под редкой черной челки. — Надеюсь, вы не против, что я перешла на русский.

Эти глаза странно смотрелись на юном личике и странно сочетались с детской припухлостью бледных щек. Особенно учитывая, что Ева смотрела в них сверху вниз: гостья была ниже нее минимум на полголовы, а под Евиной юбкой сегодня к тому же скрывались каблуки.

— На первых порах точно считала, — осторожно сказала Ева. — И все равно скучаю по дому.

— Но теперь ваш дом здесь. «Да прилепится к мужу своему», если перефразировать Библию. — В словах Снежаны скользнул такой яд, что Еве сразу стало ясно: главную пользу Библии гостья видит в том, что в экстренном случае ею можно растопить камин. — Вы выбирали между двумя мирами и склонились к этому. Стоит ли называть «родиной» тот мир, где для вас не оказалось ничего достаточно родного, чтобы оно перевесило одного человека отсюда?

— Какой милый проницательный ребенок, — сказал Мэт, подав голос впервые за день. — Но я бы на твоём месте не пытался кормить ее с ложечки. Без руки ты вряд ли провернешь вечером то, что хочешь повернуть.

— Родина остается родиной. Всегда, — молвила Ева сдержанно. — Надеюсь, вам понравится в Керфи.

— Аналогично, — очень серьезно откликнулась Белая Ведьма.

— И, надеюсь, вам понравились наши подарки.

Дары ждали риджийцев в покоях, куда дорогих гостей проводили прежде, чем они удостоились аудиенции. Клинки для гвардейцев, инкрустированные самоцветами кинжалы — для Советников, корона для Повелителя, магический амулет для колдуна. Кажется, для Белой Ведьмы тоже что-то приготовили, но детали Ева забыла.

— Они великолепны. — Тон девчонки остался прохладным. — Хотя для меня лучшим подарком послужило бы разрешение посетить вашу библиотеку. Некромантия крайне меня заинтересовала, а в Риджии, сами понимаете, трудно достать добротные трактаты по той области магии, которую на ее землях не практикуют.

— Вы ведь не некромант.

— Я маг. И ученый. Меня интересуют все подразделы магической науки. — Девчонка держалась равнодушно, как счетная машинка, но в интонации Ева услышала примесь раздражения: не то тем, что какой-то подраздел науки по невероятной оплошности судьбы остался вне пределов ее досягаемости, не то Евиной непонятливостью. — Единственной книгой, в которой я нашла что-то, похожее на научные выкладки, оказались «Исследование посмертия» Шамблера.

— О. — С этим трактатом Ева и сама была хорошо знакома. «Исследование» занимало почетное место на полке одного из шкафов в библиотеке Рейолей, и оттуда Ева почерпнула немало информации об умертвиях — в далекие времена их с Гербертом холодной войны. — Так вы читали Шамблера?

Отстраненно глядя на двери, за которыми беседовали два короля и у которых лично дежурила Мирана Тибель, девчонка подтвердила информацию кивком.

В воздухе разлилось долгое молчание, разбивавшееся на отзвуки отдельных диалогов, жужжащих в стороне.

— И что думаете? — сказала Ева, пытаясь поддержать беседу. Сама не понимая, зачем: просто невежливо и глупо казалось переброситься с соотечественницей всего несколькими фразами.

— В данный момент я думаю о бритве Оккама.

Ева воззрилась на собеседницу в ожидании пояснений.

Ответный взгляд показался ей до обидного стоическим.

— Вы пытаетесь понять, при чем тут бритва Оккама, — уточнила девчонка, — или незнакомы с данным методологическим принципом?

— Боюсь, и то, и другое.

— Бывает. — Вид у Белой Ведьмы сделался скучающим. — Если упрощать оригинальную формулировку монаха-францисканца Уильяма из Оккама, жившего в четырнадцатом веке и потому изъяснявшегося довольно пространно, данный принцип гласит «не умножай сущности без необходимости». В современной науке под бритвой Оккама обычно подразумевают тезис «простейшее объяснение всегда лучшее».

— Понятно. — Ева предпочла проигнорировать подтекст, сквозивший между строк: «это знает и первоклассник, но чего еще ждать от блондинки вроде тебя». — И при чем здесь эта самая бритва?

— Ваша фамилия случайно не Нельская?

Когда Ева приоткрыла рот, пытаясь поймать хоть слово в безмолвной растерянной пустоте, затопившей ее мысли, взгляд девчонки сделался еще снисходительнее.

— Ваша сестра. Дина «Эленвэ» Нельская. Киберспортивный комментатор. У меня есть... был... плакат с подписями русских талантов, и ее в том числе, — сказала Снежана. — Я геймер... была в том мире, вернее. Среди русскоязычных комментаторов Эленвэ мне нравилась больше всех. Особенно в паре с Сервелатом. Хотя не суть. — Она удовлетворенно пригладила челку. — Я с первой минуты думала, почему ваше лицо кажется мне знакомым. Перебирала самые невероятные варианты. А все куда проще — оно действительно мне знакомо. Эленвэ выкладывала в твиттер ваши совместные фото... не говоря уже о том, что вы очень похожи.

Этот гребаный мир тесен, как хроматическая гамма, подумала Ева потрясенно. И не только этот.

— Можешь намекнуть ей, что подобные речи лучше начинать со слов «элементарно, Ватсон», — заметил Мэт. — Раз уж она питает явную слабость к тому, чтобы ослеплять окружающих блеском своего недюжинного интеллекта.

— Я... даже не знаю... такое совпадение просто нереально.

— Воистину. Никогда не думала, что увижу сестру Эленвэ при таких обстоятельствах. И в такой роли. — Взявшись за древко обеими руками, Белая Ведьма привалилась к нему, словно к поручню в метро. — Слышала о вашей схватке с драконом. Огненный меч, пророчество, победа над злой королевой... очень оригинально.

Ева уставилась, пытаясь понять, говорит она искренне — или очень изощренно издевается.

— Видимо, в нашем мире вы читали не слишком много фэнтези, — осторожно предположила она.

— На досуге я предпочитала кодить.

— А, так вы программист?

— Училась на ВМК МГУ. Попала сюда прежде, чем перешла на третий курс. — Снежана избегала смотреть ей в глаза, фокусируя взгляд где-то в районе Евиного плеча. — Ах, да, и поздравляю с грядущей свадьбой. Невероятная удача: прибыв в чужой мир, так стремительно устроить свою судьбу. И с таким комфортом.

Она держалась донельзя серьезно, говорила серьезно, смотрела серьезно — как человек, который в жизни не читал ничего, кроме учебников по программированию. Даже если бы кто-то из придворных понял, о чем они говорят на незнакомом языке, никто не посмел бы обвинить ее в неучтивости.

Лишь в чем-то едва уловимом, четвертью тона примешивавшемся в ее слова, Ева улавливала гнусный смех тролля — достаточно умного, чтобы прятать бородавки и зеленую шкуру под эльфийским капюшоном.

— Кристине повезло не меньше.

— Статистика, говорящая в вашу пользу, не делает вашу удачу менее невероятной. — Белая Ведьма пожала плечами. — Видно, девушкам из нашего мира свойственно находить ключи к королевским сердцам и простые дорожки к трону. Во всяком случае, тем, кто так же прелестен, как вы. Для меня подобных бонусов уже не осталось.

Сарказм в ровном голосе почти прорезался наружу — и на миг Еве захотелось, истерически рассмеявшись, поведать собеседнице правду. В подробностях, в красках, живописно расписав самые милые эпизоды: свою голову, пробитую стрелой Айрес, мертвые глаза Гертруды, опустевшее поместье Кейлуса. Просто чтобы посмотреть, как это невыносимое выраженье исчезнет из ее лица.

Эта надменная пигалица смотрела на нее так, словно знала все на свете. Словно в один миг, где-то после своей лекции о монахе из Оккама, взвесила Еву на невидимых весах — и нашла удручающе легкой. Ведь со стороны она видит то же, над чем и сама Ева наверняка бы посмеялась: девочку-блондинку со смазливym личиком, очередную героиню истории, избитой до зубовного скрежета, красивую дурочку, прошеествовавшую к короне по проторенной штампами сказочной дорожке...

— Зато вы можете греть свою душу тем, что слишком умны, чтобы нуждаться в подачках судьбы, и выбиваетесь из убогого серого большинства, — сказала Ева любезно. — Если, конечно, ваша душа нуждается в том, чтобы ее согревали подобными доводами вместо любых других.

Когда пигалица, сощурившись, попыталась перехватить ее взгляд, Ева уже разворачивалась на каблуках, собираясь лично поприветствовать ближайшего дроу.

Месяц назад мнение незнакомой пигалицы было бы последним, что ее волновало. Сейчас в Евиной душе кровоточило слишком много мозолей, чтобы у высокомерной маленькой засранки вышло не отравить хотя бы одну из них.

Но поскольку Белая Ведьма точно не должна нашептать на ухо Повелителю дроу то, что не понравится Мираклу — к вечернему приему Еве лучше набраться столько терпения, чтобы в полной мере соответствовать поговорке про пульс покойника.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ОТ 07.11

— Не могу не отметить еще один твой талант, — сказал Герберт, когда после очередного танца с Мираклом Ева привалилась к колонне по соседству. — Обычно этому учатся годами.

— Чему? — уточнила она, старательно изображая тяжелое дыхание.

— Умению избегать нежелательных персон в хаотическом бальном движении, где вероятность столкнуться приближается к отметке «обязательно». — Некромант скупой улыбнулся. Кажется, впервые за последние дни, хотя теперь они виделись слишком редко, чтобы Ева могла сказать точно. — Так умело выстраивать свою траекторию в обход риджийцев — заслуживает похвалы.

Прием был в разгаре. Белое золото тронного зала обволакивал бальный дурман. Трон пустовал — Миракл, как и после коронации, предпочел быть ближе к народу. Вон, к слову, и он: беседует о чем-то с лепреконами, умудряясь смотреть сверху вниз без малейших признаков унижительного превосходства. Зеленое пятно представителей маленького народца (лепреконы, совсем в сказках, дружно облачились в мшистое, болотное и травяное) окружала разномастная пестрядь керфианцев; время от времени черными проблесками мелькали дроу, не танцевавшие, но лениво курсировавшие в толпе. Зато среди танцующих то и дело виднелся летящий шелк эльфийских одежд и бархат — людских.

Даже людей из Риджии легко было отличить от керфианцев. Если керфианская мода приближалась к викторианской, то риджийцы одевались так, будто ограбили съемочную площадку «Игры Престолов».

— Они нас не услышат? Магией, имею в виду, — добавила Ева вполголоса.

Она избегала риджийцев даже не потому, что ей не слишком хотелось вновь выслушивать колкости Белой Ведьмы или восторги Повелительницы эльфов. Просто ей совершенно не улыбалось в который раз рассказывать прекрасную ложь о своих злоключениях в чужом мире — и чем меньше соотечественницы услышат от нее, тем меньше вероятность, что они случайно обнаружат невидимые керфианцам белые пятна.

— Они не рискнут колдовать здесь. Охранные чары в зале среагируют, и тетя Мирана крайне этим заинтересуется. — Герберт повернулся к ней, привалившись плечом к колонне; алый бархат его выходной куртки растекался по светлому мрамору, словно кровь на снегу. — Как ты?

Он не касался ее. Не смел. И больше не улыбался — тоже не смел.

Но в его взгляде Ева прочла столько, сколько не выразила бы ни одна улыбка.

— Устала, — признала она. — Немного.

Хорошо, что в ее состоянии ей не грозят кровавые мозоли на пальцах. Ева давно не занималась так отчаянно и яростно, как в последние дни — и давно так не радовалась, что ей не требуется сон.

— Если ты сошлешься на головную боль и уйдешь, никто тебя не осудит.

Она промолчала. Опустила голову, пряча глаза, чтобы поправить черные перчатки, гармонизировавшие с кружевной отделкой платья из шуршащей тафты: сегодня Мирана облачила ее в голубое, под цвет глаз.

Она сама не знала, почему никому не сказала о том, что хочет сделать. Никому, кроме Миракла да скрипачей на помосте, сейчас выводивших мелодию очередного танца. Может, Мирана о чем-то догадывалась — учитывая, что Ева спрашивала, где и когда она может найти придворных музыкантов, а потом попросила отвезти ее во дворец за пару часов до аудиенции (как раз пока те не закончили репетировать). Впрочем, госпожа полковник ничего не сказала, а музыканты не смели отказать будущей королеве. Хотя они вроде даже отнеслись к ее затее с одобрением.

Вот Герберту она почему-то не решилась объяснить, почему пока не может уйти. И чего ждет Дерозе в том самом кабинете, где днем вели приватную беседу королевы и короли. Собственно, это было первой причиной, по которой Ева вынуждена была просить разрешения у короля: виолончельный футляр — не та вещь, которую можно спрятать незаметно.

Вторая причина — ей не хотелось своей выходкой случайно его опозорить.

— И на твоём месте я бы сделал это прямо сейчас, — добавил Герберт, пока она старательно тянула скользкий чёрный шелк, так и норовивший сползти ниже локтя.

— Ещё час-другой я вполне...

— У меня есть все основания думать, что Советник Повелителя дроу идет к нам не просто так.

Когда Ева вскинула голову, бежать было уже поздно.

— Да хранят вас звезды, тир Гербеуэрт. — Лодберг из рода Миркрихэйр приблизился к ним неторопливо и пружинисто, словно кот. — Вот и вы, лиоретта. Долго же пришлось вас искать. Удостоите меня одним танцем? Если, конечно, наследник меня не опередил.

Надеясь, что выражение ее лица сделалось не слишком подозрительным, Ева воззрилась в серые глаза колдуна. Там искрились бальные отблески, мягкое веселье — что угодно, кроме угрозы или корысти. Благородное лицо с правильными чертами могло принадлежать рыцарю, другу, мудрому кудеснику из сказок — никак не придворному интригану.

Он казался удивительно мил. Слишком мил для того, чтобы это могло быть правдой.

— Кажется, — встрял Мэт, — настал момент, когда малышу было бы уместно в кои-то веки повести себя, как порядочный принц, и спасти прекрасную деву от чар злого колдуна.

— Наследник не жалуется танцы, — сказала Ева, поглядев на Герберта почти с мольбой.

— Даже если б жаловал, с моей стороны было бы оскорблением отобрать у гостя один из немногих танцев с лиореттой, что судьба может ему подарить, — голос Герберта сделался таким отстраненным, словно его устами вещал призрак, давно и надежно утративший какой-

либо интерес к презренным мирским делам. — Если, конечно, лиоретта расположена танцевать.

Типичный Герберт. Даже тут не поступился своей драгоценной нелюбовью к публичным увеселениям.

Еве вдруг стало обидно. Что он делает? Проверяет ее? Хочет, чтобы она сама нашла в себе силы соврать — в очередной раз?

— Лiorетта расположена. — Губы разомкнулись почти против воли, пока пальцы с тем же самоволием ложились в протянутую ладонь колдуна. — Разве могу я отказать, если сам наследник счел бы это оскорблением?

Лицо Герберта осталось бледным и бесстрастным — и, вышагивая рядом с иноземцем туда, где мужские и дамские туфли сплетали паутину фигур и па, Ева мельком подумала, что перегнула палку.

Герберту приходится тяжелее, чем ей. По многим причинам. Не стоит ждать от него защиты там, где ей куда проще защититься самой.

— Благодарю, — сказал колдун, когда они заняли место среди сиятельной толпы, раскланивавшейся по завершении очередного танца. — Не думал, что вы согласитесь.

Ева вопросительно вскинула брови:

— Почему же тогда вы меня пригласили?

— Решил, что это самый простой и надежный способ поймать вас для разговора. — Лодберг улыбнулся. Ева заметила, что он часто улыбается — и эта улыбка как нельзя лучше шла к его располагающему образу. — Утром нам не удалось перекинуться словечком, а вечером вы стали досадно неуловимы.

Она пожала плечами — очень естественно.

— Просто не подозревала, что вы жаждете моего общества.

Музыканты заиграли энедетт: неторопливый, на четыре доли, без перемены партнера. Почти идеальный для беседы. Можно было бы подумать, что Лодберг заглянул в программу танцев, чтобы подобрать подходящий — если бы она существовала.

— И о чем же вы хотели поговорить?

— Видите ли, лиоретта, — начал колдун, пока они, соединив расправленные ладони, медленно обходили друг друга, — я в каком-то смысле являюсь... специалистом по иномирянам. Я помогал Снежане, когда она только начинала путь в этом мире. Я помогал Кристе, когда она попала в затруднительное положение. И хотел бы помочь вам.

— Каким образом?

Лодберг закужил ее под рукой; ловко перехватив ее пальцы в финальном повороте, повел ее вперед степенным, уверенным шагом. Танцевал он хорошо.

— Насколько мне известно, в эту область магии керфианцы не углублялись, но я долго изучал прорехи между мирами. Я открыл заклятие, которое позволит вам увидеть тех, кого вы любите. Друзей. Родных. — Следующая фигура вновь развернула их лицом к лицу — чтобы Ева смогла недоверчиво заглянуть в светлые, очень цепкие глаза. — Полагаю, на родине у вас остался кто-то, кого вы не отказались бы проведать.

За серым туманом его радужек пряталось что-то, недоступное ей. За маской участливости — намерения, которые ей очень хотелось бы разгадать.

У услуг всегда есть цена. Особенно когда их предлагает незнакомец. И с каждым новым тактом Ева уверялась в мысли, что Лодберг из рода Миркрихэйр не похож на человека, который может продешевить.

— Это... щедро, — сказала она, прощупывая почву.

— Будь вы в другой ситуации, я бы сделал еще более щедрое предложение. Но, полагаю, вы в этом не заинтересованы.

Она отметила, как спокойно и просто это было озвучено. Никаких многозначительных интригующих ноток. Просто голый факт.

Едва ли Первый Советник Повелителя дроу встречался с демонами, но если бы встретился, еще вопрос, кто бы кому преподавал пару уроков грамотного искушения.

— Не говорите обиняками, Советник. Вы не можете знать моих интересов.

— Это верно. — Глаза колдуна блеснули почти весело. — Зато я знаю, как вернуть вас домой.

Ева порадовалась, что новый переход вынудил ее отвернуться. Она неплохо владела собой — но не настолько, чтобы эта новость не отразилась на ее лице эмоциями, которые ей совсем не хотелось показывать.

«Я знаю, как вернуть вас домой». Фраза отдалась в голове потрясенным эхом, на миг заглушив и музыку, и бальный шум, разбилась на осколки слов, словно витражи на стенах вокруг.

...«вернуть вас домой». Вот так просто. То, о чем она не осмеливалась даже задумываться, вдруг без спроса подают ей на блюдечке.

...«домой»...

— Оп-па. — Мэт даже присвистнул от удовольствия.

Либо это проверка гнусной и бессовестной ложью — либо предложение слишком щедрое, чтобы Еву могла не ужаснуть предполагаемая цена. Прекрасно. И еще прекраснее то, что Ева прекрасно знала, как должна на это реагировать: никак. Будущая королева Керфи и счастливая невеста не могла думать о том, чтобы отказаться от магии, порвать с Его Величеством Мираклом тир Тибель и упорхнуть обратно в Москву, к своей скучной обыденной жизни в скучном обыденном мирке.

Или...

— Во всяком случае, я изобрел ритуал, который теоретически позволяет пройти через прореху с этой стороны. И выйти в том мире, что вы покинули, — как ни в чем не бывало продолжил Лодберг, когда они снова развернулись друг к другу. — Не знаю, известно ли это вам, но при должном мастерстве можно вычислить место, где откроется...

— Где откроется очередная прореха из нашего мира в ваш. Знаю. — Ева вскинула руку, чтобы их пальцы окошком соединились над головой. — Вы сказали «теоретически». А практически?

...в конце концов, пока никто не говорил, что это билет в один конец. Может, это и не так. И в любом случае ей семнадцать, а по ту сторону прорехи у нее остались люди, по которым она не может не скучать. Она юная особа, полная противоречий. Даже если это простая проверка, едва ли она провалит ее, выказав свою заинтересованность.

Страшно, что она так долго играла в те чувства, которых не испытывала, что уже боялась проявить настоящие.

— Практически мои опыты не увенчались успехом, — ничуть не смутившись сказал колдун, пока они сходились и расходились, меняясь местами через кружево легких и изящных восьми шагов.

— Что делает ваше предложение не настолько щедрым.

— Видите ли, этот мир не отпускает того, кто успел пустить в нем слишком длинные корни. И вернуться может лишь тот, кому есть, куда возвращаться. Я бы даже сказал, к кому возвращаться. Но все мои подопытные выбирали остаться здесь. Там их ничто не держало.

А ты с чего-то уверен, что мне есть, к кому возвращаться, подумала Ева, пытаюсь разобрать хоть что-то за непроницаемым дружелюбием на его лице. Из чего можно сделать вывод, что Белая Ведьма насплетничала тебе про мою сестру.

Ева тоже читала Динкин твиттер. И прекрасно помнила, как часто та выкладывала фото счастливых сестер Нельских, сопровождаемые сердечками и подписями вроде «зависли в океанариуме с сестренкой, люблю ее».

— Снежана тоже была среди ваших подопытных?

— Была, — легко подтвердил Лодберг.

— Она сирота?

— Насколько я знаю, в том мире у нее остался отец, но у них были не слишком хорошие отношения.

— И ни одной подруги? Друзей? Вещей, от которых она не смогла бы отказаться? — Ева не могла представить, чтобы геймера и программиста прельстил мир без компа и интернета. Динку бы точно не прельстил. — Хотите сказать, она просто добровольно выбрала магию и почетную должность знаменосца?

— Она выбрала меня.

Тихий ответ почти слился с голосами скрипок. Или как их там называли местные — сути это не меняло.

Так вот чьи объятия утешили тебя после расставания с принцессой дроу, думала Ева, пока они бок о бок скользили по белому мрамору, сиявшему отблесками кристаллов и оконных витражей. Неожиданно. Или очень ожидаемо — если посмотреть с другой стороны.

В одном Белая Ведьма была права: они и правда безошибочно находили дорожки к трону. Только вот далеко не всегда прямые и легкие.

— В каждом из миров есть много прекрасных вещей, ради которых стоит жить, — продолжил колдун, отступая для завершающей фигуры. — Здесь. Там. Просто жить. Но в конечном счете люди всегда привязывают нас легче и надежнее всего. — Он поклонился, не опуская головы, и его неотрывный взгляд пробрал Еву почти до мурашек. — Думаю, вы можете это понять.

Приседая в реверансе, она вспомнила далекий, очень далекий вечер, когда Герберт задал ей простой и такой многогранный вопрос.

...«ты останешься со мной»?..

— Почему вы предлагаете мне это?

Ева не замечала людей и эльфов вокруг, расходящихся для отдыха или заступающих в центр зала для нового танца. И не сопротивлялась, когда ее подхватили под руку, увлекая куда-то: наверное, вернуть Герберту или проводить к Мираклу. В голове теснилось слишком много мыслей, догадок и лихорадочных соображений, чтобы задумываться о таких вещах.

Сейчас они были просто еще одним маленьким потоком в великосветском море, старавшимся не пересечься с другими.

— Не верите, что я просто хочу помочь?

— Увы, Советник. Такой подарок, как безосновательная вера, дается далеко не всем. Если и дается, то прискорбно легко теряется.

Лодберг засмеялся. Коротким, очень приятным смехом, в нужной степени бархатистым и звонким.

— Считайте это подкупом. — Он прокладывал путь сквозь толпу с небрежной легкостью. Те, кто замечали их приближение, торопились расступиться, но многие гости были слишком заняты беседой — и тем не менее колдун пробирался вперед так уверенно, что Ева ни разу не задела чей-то неаккуратно выставленный локоток. — Я заинтересован в том, чтобы наладить хорошие отношения с вами и вашим женихом.

— Или с моим женихом через меня.

— Читайте, как вам угодно.

— По-вашему Миракл будет вам благодарен, если вы поможете его невесте сбежать в другой мир?

— Истинно любящий вас будет благодарен, если я помогу вам обрести счастье. Вне зависимости от того, является ли вашим счастьем он — или дом. — Притормозив мягко, как швартующаяся лодка, колдун наконец выпустил ее руку. — Кажется, Криста, у меня для тебя подарок.

Ева запоздало повернула голову, прекратив вглядываться в его четкий профиль в тщетных надеждах узреть подсказки о происходящем.

Повелитель дроу, Повелительница людей и Повелители эльфов поприветствовали ее калейдоскопом улыбок, включавших в себя пестрый спектр эмоций: от расположения до почти откровенной хищности.

— Все любопытственнее и любопытственнее...

Ева почти видела, как Мэт в ее голове устраивается подобнее.

— О, это ты! — Криста немедленно перехватила ее опущенные руки. Она перешла на «ты» еще на дневной аудиенции, если слово «перешла» применимо в случае, когда говорить «вы» даже не пробовали. — Так рада снова тебя видеть! Весь вечер тебя ищу!

Феноменальная доброжелательность этой девушки валила с ног.

— Она только недавно сетовала, что ее прекрасная соотечественница неуловима, как дым, — сказал эльфийский правитель. Как ни странно, из всех встретивших Еву улыбок его казалась наиболее человеческой — и одновременно нейтральной, под стать бесстрастному лунному серебру его одежд. Учитывая, что Дэнимон стоял плечом к плечу с Повелителем дроу, облаченным в ночной бархат, зрелище выходило и вовсе фантастическое.

— В менее поэтичных выражениях, — добавила Белая Ведьма.

Она тоже была тут как тут. И, возможно, Еве только почудилось собственничество в том, как она немедленно шагнула к Лодбергу, чтобы уцепиться за рукав его мантии тонкими пальчиками.

— К счастью, из сетей Лода не ускользнуть даже дыму, — произнес Альянэл.

— О, твой Первый Советник как никто умеет расставлять сети, — фыркнула Повелительница людей, юная и смуглая королева Навиния.

Лепреконы весь вечер держались особняком, сбившись в кучку, как и гвардейцы дроу. Эльфы и люди предпочли слиться с толпой. Но эти шестеро выглядели вместе так органично, как не могли выглядеть люди (и не совсем), объединившиеся просто потому, что их окружали чужаки. Они выглядели... дружно. И явно были большим, чем просто соотечественниками и коллегами по короне.

Ева внезапно ощутила себя куда более одинокой, чем могла чувствовать себя просто девушка из другого мира, потерявшаяся среди чужих лиц.

— Надеюсь, теперь-то мы услышим от тебя твою потрясающую историю? Пожалуйста, мне так интересно! — Криста воодушевленно сжала ее ладони в своих; Ева даже сквозь перчатки ощутила, как тепла ее кожа, разгоряченная танцами и бальной духотой. Рукава белого платья Повелительницы эльфов подметали пол, золотые локоны обрамляли голубоглазое лицо, точеное, как скульптуры Венеры. — Как

вы встретились с Мираклом? Как вам удалось свергнуть его тетушку? И как ты только смогла убить дракона?

— О последнем подробнее, если можно, — пропела Навиния. Высокая, гибкая, с водопадом черных волос, прижатых к голове серебряной сеткой, в облегающем солнечном шелке, она казалась противоположностью Кристи — и не менее ослепительной. — Я слышала, вы владеете огненным клинком... как и я. Хотела бы услышать захватывающую повесть о том, как одно из опаснейших созданий нашего мира удалось одолеть кому-то, кто с детства не упражняется в боевой магии и владении мечом.

Вокруг сама собой образовалась почтительная пустота. Кажется, другие гости с интересом наблюдали за беседой, но встретиться с ними глазами казалось невозможным — взгляды придворных были осторожными, как лесные зверьки, готовые спрятаться при малейшем признаке опасности. Ева подумала, что их компания, должно быть, фантастически смотрятся со стороны: дроу, эльф, колдун, королева и три попаданки, одна из которых — зомби с демоном в светлой головке.

Даже жаль, что о последних пунктах никто не подозревает.

— Это очень долгая история. Боюсь, здесь слишком шумно, чтобы я могла рассказать ее до конца, не сорвав голос.

— И правда, Вини. — В том, как Альянэл коснулся плеча Повелительницы людей, сквозило нечто почти интимное. — Полагаю, у вас еще будет возможность побеседовать с лиореттой в более благоприятной обстановке.

Перед балом Повелитель дроу скинул королевскую мантию, зато простой серебряный венец, в котором Ева видела его днем, сменил другой: изящное переплетение шипов и серебряных ветвей, державшее крупный аметист — подарок Миракла. Но еще днем Ева подумала, что дроу не потребовались бы символы королевской власти, чтобы выглядеть королем.

Альянэл из рода Бллойвуг держался, как держится тот, кто властен и не сомневается в этой власти. Прямой и статный, как клинок, он выглядел старше Миракла — не столько лицом, прекрасным в своей нечеловеческой неправильности, сколько тем, что в этом лице читалось. Во взгляде, обращенном на Еву, веял призрак насмешки; но за этой насмешкой, за вкрадчивой тигриной угрозой, читавшейся в

каждом его движении, она видела того, кто испытал в жизни очень многое, и большей частью из этого была боль.

Возможно, все это Еве лишь казалось. В конце концов, она не назвала бы себя знатоком человеческой натуры. Но она слишком недавно общалась с человеком, за насмешкой и повадками утонченного хищника прятая искалеченную судьбу.

Это напомнило ей, зачем она на самом деле здесь. Все еще.

— Рада, что вам понравился подарок, — сказала Ева, наблюдая, как в гранях аметиста пляшут белые блики. Это помогало отвлечься от инсинуаций колдуна: она чувствовала его взгляд на своем лице. — Мне говорили, что Дети Солнца и Дети Луны равнодушны к музыке. Скажите, это правда?

По тому, как Альянэл изогнул изломанную белую бровь, Ева поняла, что вопрос застал дроу врасплох. Немудрено — лишь для нее самой он органично вытекал из предыдущего высказывания.

На одном из уроков с Эльеном Ева задала призраку много вопросов о сказочных народах, пытаясь понять, насколько реальность отличается от фэнтезийных представлений. И не преминула спросить, действительно ли пение эльфов завораживает смертных. Как оказалось, особые, магические эльфийские песни и правда могут заморозить; но куда больше Дети Солнца и Дети Луны любили другие песни, и пели их исключительно для собственного удовольствия.

Тогда это показалось ей забавным. Не более.

Три дня назад воспоминание об этих словах обернулось маячком, подмигнувшим, чтобы указать Еве верный путь.

— Мы более музыкальны, чем люди, пожалуй, — подтвердил Дэнимон, когда Повелитель дроу промедлил с ответом. — Мы любим петь. Любим слушать звуки пения.

— А просто музыку?

— Любая музыка — песня, — наконец произнес Альянэл. — Но струны поют ее без слов.

Ева могла бы сказать то же.

Это последней каплей упало на весы ее решимости, придав сил для того, что ей хотелось — и нужно было сделать.

— Тогда, если разрешите, я вас оставляю. — Евины ладони мягко выскользнули из пальцев Кристи. — И даже если не разрешите.

— Острая аллергия на любовь к музыке?

В вопросе Снежаны вновь прозвучали отзвуки тролльского смешка, но в этот раз Ева встретила взгляд Белой Ведьмы спокойно.

— Я сама музыкант, — сказала она, прежде чем отвернуться. — И у меня есть для вас свой подарок.

— Серьезно? — голос Мэта прозвучал так кисло, что перед глазами отчетливо представилось его кривящееся личико. — Сбежать из компании прежде, чем они по-настоящему покажут зубки? Да ладно, ты правда хочешь упустить такое...

— Я здесь не для того, чтобы развлекать тебя. Или их. Сгинь.

Она почти не помнила, как дошла до кабинета. Ей даже показалось, что двери распахнулись сами собой: Ева просто не заметила лакеев, беспрепятственно впустивших внутрь будущую королеву.

Когда она вернулась в зал, неся в руке расчехленного Дерозе, кажется, кто-то посмотрел на нее недоуменно. Может, и нет — она направилась к помосту для музыкантов, не глядя ни на кого. Точно так, как выходила на сцену.

Финальный такт очередного танца растворился в шелесте реверансов и поклонов, аплодисментах и гомоне слов. Опустив смычок (древко изгибалось высокой дугой, как у лука, на старый земной манер), старый скрипач, занимавший место концертмейстера, встретил Евин взгляд.

Отложив семиструнную скрипку, встал, чтобы выволочь в центр помоста заранее приготовленный стул.

Шагнув на возвышение, Ева развернулась к залу, по которому изумленными волнами расходилась тишина.

— Я хотела бы преподнести нашим гостям еще один дар, — глядя поверх голов, сказала она. Громко, как только позволял непослушный голос. — И... и почтить память человека, который погиб, чтобы мы могли быть сегодня здесь.

Позади музыканты раскладывали на пюпитре ноты, начертанные ее рукой. Еве не доводилось раньше переключать фортепианную музыку для струнного квартета, но это переложение она написала за одну ночь.

Конечно, Кейлус бы сделал это лучше. Потому что был старше. Потому что был гением. Потому что это было его сочинение.

Ева надеялась только, что он простит ей огрехи.

— Я не знала Кейлуса Тибеля. Но узнала его музыку. — Эта ложь выговорила труднее, чем любая другая. — Его смерть не только помогла нам восстать против гнета Айрес Тибель. Она лишила нас величайшего, возможно, композитора из тех, которых знал этот мир. Которых я знала. Здесь и сейчас я хочу проститься с ним самым уместным способом из тех, что мне подвластен.

Не обращая внимания на рокот перешептываний и смешков, она села. Устроив Дерозе между коленей, в складках юбки, стянула перчатки, бросив их прямо у резных деревянных ножек. На миг встретила взглядом с золотыми глазами Повелителя дроу: он шурился там, где Ева его оставила, и что-то говорил Лодбергу. Кажется, насмешливо.

...«я знаю, как вернуть вас домой»...

Ева вытерла ладони о голубую тафту — и лица в зале исчезли. Со всеми лишними мыслями, растворившимися в светлой пустоте, которую могло заполнить только одно.

Кто из великих говорил, что после тишины лучше всего невыразимое выражает музыка?..

— Кейлус Тибель, — сказала она в никуда, даже не пытаясь подражать зычному голосу конференсье, но понимая, что объявить это необходимо. — Романс для сизеллы и клаустура.

Они уже репетировали. Сегодня утром. Всего раз. Но вместо струнного вступления Ева все равно услышала звуки фортепиано: то, как его играл сам Кейлус.

Это ей не забыть даже на том свете.

Вступила она, конечно, вовремя — как в мертвом сейчас особняке, когда выводила ту же мелодию на черно-белых клавишах, — и виолончельное соло вознеслось над переливами струнного аккомпанеента легко и пронзительно. Не так вольно, как если б Еве аккомпанировал тот, кто без единой репетиции пел с ней в едином ритме, но достаточно, чтобы не вызвать недовольства творца. Мелодия звучала мерно и свободно, как взволнованное дыхание: взмывая в шальной надежде, замирая от щемящей боли, околдовывая бессловесными, лучшими на свете чарами.

В этом зале Ева была единственной, кто знала, как на самом деле должна звучать музыка Кейлуса Тибеля. Единственной, кто мог исполнить ее так, как ему того хотелось.

Если другие не понимали ее прежде — она заставит их понять.

Растаял помост. Исчезли музыканты за ее спиной. Растворились в темноте перед закрытыми веками стены тронного зала, цветы, гости, риджийцы. Остались Дерозе и Ева, и звуки скрипок, помогавшие ей ткать картины из нот и света, что еще остался в ее душе, и тьмы, которая прежде была ей неведома, и крови, которую роняло ее разодранное виной сердце. В непроглядной ночи путеводный маяк рассыпал золотые лучи по темным волнам — обещая, что как бы ни было сейчас одиноко и больно, все обязательно будет хорошо. Ускользал в зимний шторм тот, кого приходилось отпускать навсегда. На берегу, над гребнями из морского льда плакала девушка, и простирала бледные руки к горизонту, и молила того, кто уходит, вернуться к ней, но ей отвечали только звезды, колко сияющие сквозь мрак.

Тогда, вечность назад, в их первый и последний дуэт, Ева не вполне осознавала, о чем он. Но осознавала сейчас — то, что не могла понять и выразить, даже потеряв брата. Вырывая музыку из тех глубин души, которые не открывала никому, которых просто не существовало раньше, она играла, как никогда прежде; играла так, словно прощалась не только с чужаком, которому уже никогда не сможет сказать «прости», а с другом, миром, самой жизнью. Той жизнью, что осталась по ту сторону границы миров, которую Ева уже не могла вернуть, даже вернувшись — потому что прежней ее больше не существовало. И маяк пронзал несокрушимую полночную мглу, и уходящий оглядывался, чтобы одарить последней улыбкой все, что отныне оставалось позади, и девушка отступала от края ледяной бездны, утягиваемая теплом, светом, неумолимой и милосердной судьбой, в которой рано еще ставить точку...

...далеко, где-то в ином мире, девушка на помосте в последний раз провела смычком по струнам — вторившим ее неизбывной печали и бесконечной любви к тому единственному, в чем всегда продолжит жить Кейлус Тибель.

Темнота, в которую Ева вернулась из тех краев, куда унесла ее музыка, еще миг звенела неестественной тишиной.

Аплодисменты сперва показались ей тихими. Секундой позже стало ясно: нет, они оглушительные. Настолько, что даже кажутся приглушенными.

Открыв глаза, Ева неуверенно, словно после сна, поднялась на ноги. Заученно, не думая о том, что делает, поклонилась. Мельком увидев растроганные, задумчивые, иногда заплаканные лица, шагнула с помоста: опустошенная, выпитая музыкой до дна, до последней капли.

Прежде чем заводной куклой, на автопилоте зашагать к выходу, ослабшей рукой неся Дерозе сквозь расступающуюся толпу, она посмотрела туда, где в последний раз видела Повелителя дроу.

Когда Альянэл из рода Бллойвуг чуть склонил голову, встречая ее взглядом, где таяло выражение бесконечно далекое от насмешки, Ева без намека на удовлетворение поняла — подарок принят.

Глава 20. Divisi

(*прим.: Divisi — указание для участников ансамбля, предупреждающее о разделении партии на несколько самостоятельных голосов (муз.)

Белая Ведьма нашла ее на балконе.

Ева стояла, опершись на перила, так и не выпустив из пальцев гриф Дерозе, и смотрела, как за прозрачной стенкой магического купола, растворяясь в ночи, падает снег.

— Мои поздравления, лиоретта, — сказала Снежана, прислонясь к каменному парапету. — Вы нашли едва ли не единственный не предусмотренный нами способ, как нас впечатлить.

Ева не повернулась в ее сторону. Лишь удостоверилась зачем-то, что шпиль Дерозе упирается в щель между гранитными плитами, выстилавшими пол.

— А милый ребенок продолжает приятно удивлять, — заметил Мэт. — Если уж она смогла пролезть мимо гвардейцев госпожи полковника...

Ева вышвырнула его из сознания так же жестко и легко, как минутой раньше. И еще минутой раньше. Демону очень хотелось поделиться с ней бесценными комментариями о произошедшем, — но Еве не меньше хотелось побыть по-настоящему одной.

Сейчас заглушить голос в голове было проще, чем когда-либо. Наверное, потому что в ушах все еще звучала знакомая мелодия: словно на балкон доносилось эхо романса, до сих пор гулявшего под сводами тронного зала.

— Я сказала охране, что хочу побыть одна.

Балкон был пуст. К моменту, когда Ева пришла сюда, здесь прохладждалось (в прямом и переносном смысле) с десятков человек, благополучно пропустивших ее выступление, — но поскольку ей очень хотелось побыть одной, Ева с несвойственной ей категоричностью обеспечила себе одиночество. Так что гвардейцам у дверей был отдан приказ всех выпускать и никого не впускать.

Она сама не знала, почему почти не удивилась, что на Белую Ведьму правила не распространялись.

— Трудно отказать важному гостю из страны, с которой ваша страна очень хочет наладить дружественные отношения и который несет важное послание от Повелителя. Особенно если он умеет подобрать правильные аргументы. — Снежана налегла на камень грудью: пажеский костюмчик скрадывал ее фигуру, обточив ее почти до мальчишеской. — Повелитель Альянэл просил передать свое почтение и благодарность.

— Значит, вам понравилось.

— Ничего не смыслю в музыке. Но Алья и Лод смыслят. Им понравилось. Я им доверяю.

Голос девушки прозвучал прохладно, однако Ева улыбнулась прямоте ее слов.

В усталом опустошении, все еще владевшем ею, все равно не было места ни злости, ни колкостям.

— Я рада.

Снег над ними повисал в воздухе, оседая сверху искристым белым навесом. За границей охранной магии, окружившей балкон хрустальной стеной, мороз белил крыши и брусчатку, вился инеем на стеклах. Здесь колдовство удерживало снаружи и мороз, и ночь, не давая им затопить уютный и хрупкий людской мирок, вытеснить теплый свет, который обитатели дворца поддерживали вопреки воле темного холодного мира.

— Алья сказал, у вас... очень добрая музыка, — после долгого молчания произнесла Белая Ведьма. — Лод как-то сказал, что человек раскрывается в музыке. Слова могут обмануть. Поступки могут обмануть. Музыка идет из души и лгать не может. — Она тихо, как-то неловко хмыкнула. — Иногда я рада, что мне этот риск в любом случае недоступен.

Ева крепче сжала в пальцах смычок: тот лежал на парапете, но Ева не решалась его отпустить. Удержалась от желания красноречиво отодвинуться подальше — перчатки она забыла на помосте, и скрыть холодные руки было нечем.

— Эленвэ жаловалась, что вы никогда не играете вместе, — сказала Снежана, не дождавшись ответа. — Всегда думала, почему ее сестра упускает возможность, за которую многие бы отдали... многое. Видимо, вы просто предпочитали играть в другом плане.

— Не люблю компьютерные игры. Бесполезная трата времени, как по мне.

— У игр можно многому научиться. Если смотреть в суть. К примеру, один из величайших законов жизни я усвоила в Doom.

— И какой же?

— Если перед тобой закрываются все двери и положение кажется безвыходным, где-то поблизости обязательно отыщется открытая вентиляция. — Белая Ведьма почти мечтательно созерцала россыпь особняков вокруг дворцовой площади, расцвеченную окнами, прорезанную освещенными улочками. Снежная ночь размывала фонари, делала их призрачными и зыбкими, словно заколдованные огоньки, какими в сказках злые духи заманивают путников в болото. — Взгляд на звездное небо и наполненный музыкой слух перед сном — это лучше, чем все твои снотворные снадобья.

Ева не сразу поняла, к чему это. Лишь одновременно со следующими словами сообразила, что собеседница цитирует.

— Это из другой игры. В бисер, — хмыкнула Снежана. — Я бы посоветовала вам прочесть Гессе, но здесь достать его будет трудновато. Математика и музыка, вам бы понравилось. — Заложив руки за спину, собеседница наконец повернулась к ней. — Поскольку я ничего не смыслю во втором, зато неплохо разбираюсь в первом, в благодарность за блестящее выступление могу устроить обмен опытом и прочесть вам еще одну лекцию.

— Я уже уяснила, что такое бритва Оккама, — заметила Ева сухо.

— На сей раз не по философии. По математике. Если точнее, о проблеме решения-проверки, она же проблема Кука-Левина. — Снежана чуть наклонила голову; лицо ее ушло в тень, прячась за черными прядями. — Она входит в список так называемых «задач тысячелетия». Важнейшие задачи, которые никто так и не смог решить. Полагаю, вы о них не слышали.

— Не слышала, — подтвердила Ева, тщетно пытаясь понять, куда она клонит.

— Проблема Кука заключается в том, что на проверку любого решения уходит меньше времени, чем на решение самой задачи. Пока никому не удалось найти такую задачу, которая решалась бы быстрее, чем проверялась. Кто найдет, получит вечную славу и миллион долларов в придачу.

— Неплохо. И что, неужели это так сложно?

— Как ни странно. Хотя, возможно, я стала на шаг ближе к этому. — Снежана опустила руки. Облачко пара, сорвавшееся с ее губ, мгновенно растаяло в полумраке. — Извините за это.

К моменту, когда Ева осознала смысл последних слов, Белая Ведьма уже подалась вперед.

Ева отдернула пальцы почти в тот же миг, как их накрыли чужие. Живые. Теплые.

Почти.

Черт, черт, черт...

— Простите, не люблю, когда меня трогают малознакомые люди, — произнесла Ева так надменно, как только позволяла легкая паника. Только не показывать волнения, не показывать, что это вообще стоит внимания, что она... — Я что-то замерзла. Мне пора...

— Ты мертвые, верно?

Ева отступила на шаг, за Дерозе, щитом отгородившего ее от иноземной девчонки с холодными глазами — и паника, путавшая мысли в отчаянный клубок, уступила место звонкой пустоте.

— Не понимаю, о чем вы.

— Твоя аура. — Белая Ведьма не улыбалась, не насмехалась, не торжествовала; нотки снисходительного превосходства, к которым Ева успела привыкнуть, и те исчезли из ее речи. — У меня эйдетическая память. Я хорошо запоминаю все, что связано с визуальными образами. Твоя аура — точная копия ауры капитана королевской гвардии. Ты очень не хочешь, чтобы кто-то касался твоей кожи. Ты не ешь на людях. Да, об этом обмолвились. И Лод следил, как ты дышала, когда танцевала... и волновалась. Вернее, не дышала. А я следила за этим утром, когда ты злилась.

Ева почти ощущала, как каждый довод камнем падает на крышку ее метафорического гроба.

— Ты не краснеешь и не потеешь, — продолжила Снежана, скрестив руки на груди, неотрывно следя за Евиным лицом. — Конечно, тебя умело накрасили и хорошо напудрили, но...

— И все? — заставив себя фыркнуть, Ева чуть вскинула руку с виолончелью, готовясь к стратегическому отступлению. — Этих сомнительных оснований достаточно, чтобы выдвинуть абсолютно дикую догадку?

— ...и чуть раньше я сотворила заклятие, которое понизило температуру вокруг нас достаточно, чтобы из твоего рта пошел пар.

Застыв вполоборота, Ева безнадежно поздно осознала, зачем минутой ранее Белая Ведьма прятала руки за спину.

Даже не ощутила. Смешно — и естественно. У Евы теперь вообще не слишком хорошие отношения с чувством холода. И охрана вряд ли встревожится: на балконе и без того действовали температурные чары, а Белая Ведьма лишь внесла в них легкие, наверняка очень аккуратные изменения...

— Бритва Оккама. Если в стране некромантов ты встречаешь нечто подозрительное, самый простой ответ — тот, что в этом замешана некромантия. — В том, как Снежана склонила голову, сквозило почти сочувствие. — А ведь Лод мне не верил. Здешние маги вообще свято убеждены, что существование разумных умертвий невозможно. Слишком привязаны к вере в необратимость и предначертанность. В душу, богов, судьбу и прочее. Зато я подобрала ответ еще утром... и убила на проверку куда больше времени, чем на решение. Жаль только, до Математического института Клэя отсюда далековато.

Ее слова по-прежнему обращались дымкой, уносившейся к снежному козырьку над их головами. Которой не было в начале их беседы.

Это Ева тоже осознала безнадежно поздно.

Она стояла, опустив смычок, сжимая виолончельный гриф до неощутимой боли. Не в силах повернуться обратно — и шагнуть к дверям тоже.

Смутно понимая, каким образом Белая Ведьма прошла долгий путь от темниц дроу до места за спинкой трона.

— Дай-ка угадаю. Свержение злой королевы прошло не так благополучно, как это обычно описывают?

Свет из зала стучался в витражные окна, проливаясь на гранит снаружи россыпью алых и золотых цветов. По ту сторону фигурного переплета кружилась бальная пестрота; за ними лгали, интриговали и признавались в сердечных тайнах, но здесь, на каменном пятачке между миром живого тепла и колючей зимней ночью, было только молчание.

Ева не знала, что говорить. И надо ли.

— Не хочешь, не отвечай. Мне достаточно знать, что я права. — Белая Ведьма с удивительным равнодушием оперлась спиной на темный камень, дугой опоясавший балкон. — Мне жаль, что тебе не повезло.

Все усилия, вся игра, все тщательно выстроенные баррикады притворства — все разрушилось за секунды. Из-за одной не в меру пытливой пигалицы, которая не верила в очевидное. Или, напротив, слишком верила.

Наверняка керфианцы бы тоже смогли свести концы с концами. Заметить то, что не так трудно было заметить. Если бы хотели — и если бы глаза им не застилало пророчество и блеск королевского венца в ее волосах.

Едва ли они поверят чужеземке, даже вздумай та открыть им глаза. Но Ева отчетливее прежнего ощутила бездну, над которой балансирует.

С отношением керфианцев к смерти немертвая Избранная — еще полбеда. Не считая того факта, что Миракл будет самую малость скомпрометирован пристрастием к мертвечине. Но если кто-нибудь узнает про Кейлуса и Гертруду...

— Мне нечего отвечать, — сказала она, все-таки отвернувшись.

Шаг в сторону дверей дался с таким трудом, будто виолончель в руке обернулась куском мрамора: все силы уходили на то, чтобы сохранять оскорбленное непонимание в голосе и спокойствие в лице.

— Я искала тебя не для того, чтобы поглумиться. Хочу показать тебе твою сестру.

Ева очень хотела не слушать. И не останавливаться. Но все равно услышала.

И все равно остановилась.

Когда она обернулась, медленно и мучительно, словно двигаясь сквозь лед, Белая Ведьма доставала из кармана круглое зеркальце и серебряную табакерку. С какой-то театральностью выложив все это на парапет, открыла крышку, под которой явно прятался не табак.

— Мне понадобится пара капель твоей крови, — сказала она, достав что-то, похожее на угловатый белый камушек. — И пара минут твоего внимания. Больше ничего.

— А потом вы с Лодбергом пустите мою кровь на опыты, — тихо закончила Ева.

— Если верить тебе, твоя кровь ничем не отличается от моей.

— Но ты мне не веришь.

— Святые ежики. — Снежана на миг прикрыла глаза: будто не хотела, чтобы Ева увидела, как та их закатывает. — Шантажировать твоего короля было бы бесспорно увлекательно, но начинать с этого долгосрочные плодотворные отношения двух стран — едва ли хорошая идея. И твоя кровь нам точно в этом не поможет. — Отвернувшись, девушка провела рукой по поручню, на котором остался светлый круг. — Ну оглашу я правду, и что? Вряд ли меня вообще станут слушать. Даже если послушают, едва ли жителей страны некромантов твое состояние напугает в достаточной степени, чтобы непоправимо вам навредить. Зато отношения с нами точно испортятся безнадежно, а мы достаточно упорны в намерении восстановить достойное положение Риджии на мировой арене, чтобы бездарно провалить первые же переговоры с соседями.

Ева следила, как белый камушек, оказавшийся мелом, ловко расчерчивает темный камень, добавляя в круг шестиконечную звезду.

Ей следовало уйти. Но вместо этого она почему-то смотрела, как Белая Ведьма почти не глядя разрисовывает звезду рунными закорючками.

— В таком случае тебе вообще не стоило об этом заикаться, не считаешь?

— Я сторонник принципа, что почти любая проблема решается, если озвучить ее словами через рот. У тебя есть проблема. Мы могли бы ее решить. — В сумраке глаза собеседницы казались почти черными, провалами выделяясь на белом лице. — Некроманты не могут воскрешать мертвецов... по-настоящему. Иначе бы тебя уже воскресили. Зато мы с Лодом с удовольствием поломаем голову над этой задачкой.

Ева знала, что что поддерживать этот разговор не стоит, но последнее прозвучало настолько неожиданно и абсурдно, что она все же спросила:

— Зачем?

Снежана покосилась на нее, стрельнув саркастичным взглядом из-под челки.

— Я понимаю, что об этом легко забыть, особенно глядя на то, что я делаю сейчас, так что на всякий случай напоминаю — я маг. И

ученый. Научный интерес, прелесть свершения первого по-настоящему фундаментального открытия на моем новом поприще, благодарность короля Керфи за спасение его прелестной невесты... сплошные бонусы.

Конечно, скептически подумала Ева. Настолько скептически, что даже не была уверена, что это ее мысль. Возможно, она просто услышала отголосок веселья Мэта.

Справедливости ради, определенный смысл в доводах имелся. Если Белая Ведьма магией заменяла программирование, которым занималась дома — человека с таким складом ума, каким от Снежаны разило за версту, должна прельщать возможность покопаться в устройстве столь интересного объекта, как не-совсем-мертвая-девочка-из-легендарного-пророчества. И починить то, что в нем сломано.

— Даже если... подчеркиваю, даже если бы ты была права, керфианские маги теоретически тоже вполне способны...

— Я не знаю, на что способны керфианские маги. Но я знаю, на что способна я. И Лод. Он прекрасный целитель, сестра нашего Повелителя — тоже. Эльфам подвластна животворящая магия, какая людям и не снилась. Если кто-то и может решить твою проблему, это мы. — Последнюю руну Снежана вывела с той же решимостью, с какой ставят точку в конце сочинения. — А пока небольшой аванс, чтобы не выглядеть голословной.

Мел отправился в табакерку. Вместо него Белая Ведьма извлекла тонкую жемчужную шпильку. Умно: с ножом ее бы сюда точно не пустили, призвать его значило бы всполошить охрану, зато шпилька на вид была достаточно остра, чтобы эффективно пустить Еве кровь.

...почти такими же Динка закалывала волосы перед концертом.

Лицо сестры само собой всплыло перед глазами. Вместе с осознанием (куда более острым, чем шпилька), что за возможность снова увидеть ее Ева готова отдать куда больше, чем кровь.

Я не могу тебе верить, подумала она, пока Белая Ведьма демонстративно покачивала серебряную безделушку между пальцев. Конечно, не могу.

Но...

Шпиль Дерозе вновь уперся в пол, знаменуя капитуляцию.

— Что именно... и, главное, каким именно образом... ты хочешь мне показать?

...в конце концов, едва ли пара капель ее крови откроет риджийцам богатые возможности для манипуляций. Магия крови у местных магов, конечно, была в ходу, но в Евином состоянии ей мало что может навредить. О том, чтобы у Снежаны не осталось материала для опытов, она позаботится.

Если подумать, она ничего не теряет.

Правда, Ева снова не была уверена, что последняя мысль принадлежит ей. Просто потому, что Мэт уже слишком долго вел себя непривычно тихо.

— Я порежу тебе палец. Заставлю прижать его к стеклу и сосредоточиться на образе того, кого ты хочешь увидеть. После чего прочитаю заклинание, и твоя сестра отобразится здесь. — Шпилька тихо и глухо стукнула по зеркальцу, возложенному в центр рунной звезды. — Ты увидишь, где она сейчас. Что делает. Звук не будет — к зеркалам, как ты могла заметить, не приделывают динамики. Считай это односторонним звонком по зазеркальному скайпу.

— Но она меня не увидит.

— Нет.

— И поговорить с ней я не смогу.

— Микрофон в зеркало, как ты могла заметить, тоже не встраивают. Это лучше, чем ничего.

Ева качнула виолончель, словно трость.

Заметив, что она колеблется, Белая Ведьма опустила руку со шпилькой.

— Мне в свое время предоставили выбор. Вернуться домой или остаться, — сказала она с внезапной откровенностью. — Я осталась. В нашем мире у меня все равно не было ни одной живой души, которой бы мне по-настоящему не хватало. Там я была большим чужаком, чем здесь. — Снежана уставилась на зеркало, отражавшее зимнюю черноту. — Если там у тебя есть те, кто тоскует без тебя, по кому тоскуешь ты... ради кого ты готова рискнуть и довериться подозрительным незнакомцам из чужой страны... ты счастливица. И должна это ценить.

В ее лице проявилось нечто, чего прежде Ева не замечала. Нечто... человеческое.

Наверное, именно это послужило причиной того, что Дерозе аккуратно, бережно, как убаюканный ребенок, опустился на пол. Даже

несмотря на то, что его хозяйка прекрасно осознавала — только что она выслушала не самую тонкую манипуляцию.

— Я ценю, — сказала Ева, пристраивая смычок на корпусе. — Так это все-таки путешествие в один конец. То, о чем говорил Лодберг.

— Время в наших мирах течет по-разному. Учитывая, что сама по себе прореха работает исключительно в одну сторону, Земля явно стережет свои границы. У нас нет магии — и не должно быть. Неизвестно, что вообще с тобой будет, если ты вернешься: прореха наделяет нас Даром по пути сюда, и мы с Лодом предполагаем, что на обратном пути она его отбирает. Возможно, заодно стирает память обо всем, что случилось здесь. Чтобы уж наверняка. — Снежана пожала плечами. — В любом случае без магии тебе просто не удастся отыскать прореху, чтобы вернуться, а вероятность того, что ты снова провалишься случайно, ничтожна... если верить в то, что мы вообще приходим сюда случайно.

Это звучало достаточно неутешительно, чтобы сейчас Ева предпочла не думать об этом всерьез.

— А ты веришь?

— У меня нет достаточно убедительных доказательств в пользу какой-либо из моих теорий. — Белая Ведьма протянула ей ладонь. — Руку.

Вместо того, чтобы подчиниться, Ева просто приблизилась и отобрала у нее шпильку.

— Инструкции можешь не повторять. — Серебряное острие вошло в кожу легко, как иголка. Бесцеремонно бросив украшение к ногам, Ева сдавила кончик указательного пальца, выдаивая непослушную кровь; быстро, пока рана не затянулась, коснулась зеркала — внизу, у самой оправы, чтобы не закрывать обзор. — Начинай.

Хмыкнув с легкой примесью уважения, Снежана легко коснулась ее кисти.

Ева сощурилась, думая о сестре.

Знакомый смех светлым перезвоном раскатился в ушах. Само собой всплыло в памяти насмешливое и любовное «дурилка». По зеркальцу, скрывая Евино бледное лицо, блеклым мерцанием расплзся колдовской перламутр.

Расступился, заменяя отражение настоящего чем-то другим.

Динка сидела на кухне. Не съемной, родной, за столом, где дети четы Нельских обедали и ужинали все свое детство: еще втроем. Сжимая одной рукой кружку (персональную — она всегда береглась в шкафу специально для Динки), оживленно жестикулируя другой, сестра что-то оживленно рассказывала маме, занявшей место по соседству. Сбоку папа, седеющий и уставший, меланхолично переправлял в рот вечернюю трапезу, пока в окне за тюлевой занавеской угасал закат.

Картинка не казалась ни печальной, ни мелодраматичной. Обычный семейный ужин. Ничем особо не отличавшийся от тех, когда у четы Нельских было две дочери, а не одна.

Ничем, кроме того, что мама курила.

Ева смотрела в крохотные, почти неразличимые в зеркальце лица. До боли узнаваемые. Знакомые настолько, что она легко могла дорисовать их выражения.

К курению мама относилась резко отрицательно, запрещая себе сигареты так же строго, как детям. Но к алкоголю она относилась еще хуже. Поэтому, когда после смерти сына перед Еленой Нельской встал вопрос, чем снимать стресс, она выбрала сигареты. Позже Ева думала, что маме стоило поразмыслить насчет психиатра и антидепрессантов, однако для Елены Нельской словосочетание «визит к психиатру» остро ассоциировалось со смиренными рубашками и уютными палатами с решетками на окнах, чего она никак не могла себе позволить. Она даже самой себе не могла признать, что не справляется: хотя бы потому, что у нее оставались другие дети, которые в ней нуждались.

Первый год после Лешкиной смерти — ровно столько продлилась мамина зависимость от сигарет. Бросила она моментально, без помощи жвачек и заменителей, на одной только воле — по той же причине, по которой не обратилась к психиатру. Динка как-то раз обмолвилась, что мама слишком за них волнуется, чтобы позволить себе бросить дочерей, умерев от рака легких.

Ева взгляделась в подоконник, прикрытый прозрачным тюлем. Там вот уже пять лет стояла Лешкина фотография, вставленная в рамку сразу после похорон. Теперь рядом виднелась другая рамка: отсутствовавшая, когда Ева завтракала на этой кухне в последний раз.

В маленькой зазеркальной картинке разглядеть подробности не представлялось возможным. Но Ева и без того догадывалась, чье фото дополнило кухонную экспозицию.

Рука дрогнула непроизвольно — одновременно с губами.

Еще один их ребенок ушел, оставив после себя только фотографии. Даже если официально Ева — пока — просто пропала без вести. Бросил их наедине с тем, что приходится топить в сигаретах, душеспасительной Динкиной болтовне и ужинах, которые изо всех сил притворяются обычными, за которыми вы так стараетесь убедить себя, что жизнь продолжается, что все идет, как прежде — кроме того незначительного факта, что вам никогда больше не собратся за этим столом впятером...

Когда по стеклу пробежала колдовская рябь, стирая тех, от кого Еву отделяла пропасть большая, чем Вселенная, зеркало отразило ее жалкое сморщенное лицо.

Рыдания прорвались миг спустя. От воспоминаний плохих и хороших, разом хлынувших в сознание. От мыслей о том, что она неблагодарная тварь. От того, что за сегодняшний вечер Ева испытала слишком много, чтобы теперь это могло не прорваться наружу.

— Эй...

Оклик Снежаны донесся словно из-за границы миров: будто Евина душа осталась там, на маленькой кухне в бетонной коробке спальной новостройки.

— Они же вроде неплохо держатся... мне показалось. — Чужая рука неуверенно, почти пугливо коснулась ее плеча. Белая Ведьма могла похвастаться многими талантами, но мастером утешения точно не была. — Твои родители?

Ева провела по зеркалу тыльной стороной ладони, стирая кровь. Нашарив шпильку у подола юбки — марево в глазах мешало видеть, — вытерла ее о тафту: тщетно пытаясь справиться с тем, что судорожными всхлипами рвалось из груди и холодом заливало щеки, словно вместо слез на них таял снег.

Даже в такую минуту думает о безопасности. О вещах, которые позволяют ей еще некоторое время не выйти из роли. Узнала бы ее вообще Динка: лживую, расчетливую, отвечающую ударом на удар?..

...убийцу...

— Я хочу помочь. Правда, — молвила Снежана, когда Ева всучила ей шпильку. — Подумай о том, чтобы поехать с нами. Обставим все так, что ты отправилась в Риджию послом. Налаживать деловые связи. Керфианцы пойму...

— Что здесь происходит?

Три слова, прошуршавшие ледяной крошкой на ветру, осушили Евины слезы лучше любых утешений.

Силуэт Герберта разбивал надвое полосу света из открытых дверей.

— Простите, тир Гербеуэрт. — Быстро вернув в карман ритуальные атрибуты, Белая Ведьма рукавом стерла мел. — Я показала лиоретте ее родных, и она... растрогалась.

— Показали?

— Заклинание, основанное на формуле Дэлира. Усовершенствованное так, чтобы пробивать барьер между мирами.

Тон Снежаны вернулся к нейтральному градусу профессора за кафедрой, под конец дня изнемогшего от бестолковых студентов.

— Это правда?

Ева не видела лица некроманта: слишком било по глазам сияние из коридора за его спиной. Но безошибочно поняла, что вопрос адресован ей.

Кивнула скорее потому, что сейчас у нее не было сил говорить.

Следующие секунды она наблюдала, как Белая Ведьма уходит — безошибочно угадав момент, когда ей лучше удалиться. Герберт повернул голову ей вслед, провожая знаменосца дроу долгим взглядом.

Может, и хорошо, что Ева не видела его глаз. Сейчас в них наверняка читалось то, что кислотой могло разьесть если не кожу, то душу.

— Что случилось? — когда двери закрылись, Герберт одним широким шагом переступил через виолончель, лежавшую посреди кратчайшего пути к ее владелице. — Что ей нужно от тебя?

На этом месте стоило сказать ему все. А еще лучше — чуть раньше. Но Ева просто смотрела на грязное белое пятно, оставленное на камне колдовской звездой.

— Зачем ты ушла? Миракла там осаждают поклонники твоего новоявленного таланта. Страстно желают выразить восхищение.

Вопрос прозвучал не так требовательно, как предыдущие. Герберт явно постарался подбавить в голос ноток, более подходящих разговору с любимой девушкой, только что плакавшей на твоих глазах.

Ударив ровно в рану, кровоточившую в небьющемся сердце даже сильнее, чем тоска по дому.

— Я не заслужила этого. Почестей. Уважения. Восхищения.

Она столько носила это в себе, что наконец сказать это вслух оказалось почти облегчением.

Почти.

Она видела, как дернулся Герберт, сдерживая порыв податься к ней. Балкон королевского дворца, отделявший их от тысячи придворных одной лишь стеной с витражными окнами, был не тем местом, где они могли позволить себе объятия.

— Я знаю, ты считаешь себя самозванкой. Это не так. — Он взял ее за плечи: наибольшая степень близости, которую не зазорно было проявить кузену короля по отношению к его невесте. — Ты исполнила пророчество, пусть не так, как все считают. Ты одолела Гертруду, заключив с ней мир. Твои действия положили конец правлению Ай...

— Мои действия, из-за которых два десятка людей вырезали, как скот. Я не заслужила быть там, на свету, в красивом платье, пока где-то гниют те, кто погиб из-за меня.

— Ева, не надо.

Он пытался поймать ее взгляд, но Ева смотрела в ночь за его плечом.

Снег мелькал и исчезал во мраке. Мгновенно, бесследно. Совсем как человеческие жизни.

— Он погиб. Они все погибли. Из-за меня.

Ей хотелось бы, чтобы от этого стало легче. От слов. От того, что она сделала на помосте бального зала. От того, что теперь, может, музыку Кейлуса Тибеля будут ценить хоть в половину заслуженного. Пусть даже Ева клялась себе не пытаться облегчить вину.

Но все это не меняло свершившихся фактов. И не могло поднять Кейлуса из могилы, чтобы тот услышал сегодняшние аплодисменты — в его честь.

— Подумай лучше обо всех, кого ты спасла нашей победой. К тому же Кейлус был не из тех, о ком стоит жалеть.

Ева повернула голову так резко, что Герберт почти отшатнулся:

— Он был не таким, как ты думаешь.

— Он хотел меня убить. Если ты забыла.

В словах снова зашелестели отзвуки ледяной метели.

Ева вдруг осознала: они говорят о Кейлусе впервые с того дня, как ее выкрали из замка Рейолей. Герберт ничего не спрашивал о ее заточении в дядином особняке. Никогда не видел Кейлуса таким, каким его видела она, — как сам Кейлус никогда не пытался смотреть на племянников другими, непредубежденными глазами.

Пока Ева ему не помогла.

— Он не знал тебя по-настоящему. Он и себя-то толком не знал. — Ева зажмурилась. Так легче было объяснить все, что требовалось объяснить: не под взглядом знакомых глаз, с каждым словом становившимся все более колючим. — Он... он был гений. И я была в его власти, но он не делал ничего, что бы причинило мне боль, он...

— Судя по тому, как ты его защищаешь, он делал разве что нечто весьма тебе приятное. — Ладони, лежавшие на ее предплечьях, сжались так, что узкие рукава жалобно затрещала по шву. — Ну да, в отличие от меня дорогого дядю вряд ли могло смутить, что его новая игрушка немножко не жива. Как я мог забыть.

Ева вздрогнула. Словно могла чувствовать боль, с какой его пальцы вонзились в кожу под голубой тафтой.

Она никогда не задумывалась, как Герберт должен интерпретировать то, что она сделала сегодня. Ее странное — для него — отношение к человеку, державшему ее в плену. Но даже если б задумалась, предположила бы какую угодно трактовку, кроме этой.

Свести все, что случилось, все, что она чувствовала, к такому... к такому...

...банальному, низкому, грязному...

— Подумай еще раз, — очень, очень тихо произнесла Ева, открывая глаза, — что ты сейчас сказал.

Она не знала, что Герберт увидел в ее лице. Пожалуй, не хотела знать.

Но тиски на ее плечах ослабли.

— Прости. Я не хочу ссориться. Тем более из-за него. — Некромант примиряюще погладил ее руку: большим пальцем, коротким, незаметным движением. — Я просто хочу, чтобы ты поняла

— твое стремление видеть в людях лучшее не всегда применимо. Не всегда помогает. Перестань винить себя за то, что сделала не ты, с человеком, по которому не скорбит никто, кроме тебя.

...тем более из-за него...

Ева слышала, как тщательно он пытается смягчить голос. Как искренне хочет помочь. Понимала, как трудно все это дается ему, вынужденному наблюдать, как она играет в любовь рядом с другим, а сегодня еще и выразила другую, неподдельную любовь — не к нему. Понимала, что ей нужно успокоиться и объяснить, что это любовь не к личности, не к телу или душе, что музыка и ее создатель ни разу не тождественны. И, наверное, не пытаться доказать, что и создатель все же был не так плох: во всяком случае, не сейчас.

Жаль только, он выбрал последние слова, которые могли бы ее успокоить.

— Снежана предложила мне уехать с ними в Риджию. Они знают, как вернуть меня домой. Может, узнают даже, как воскресить.

Она пожалела о сказанном еще прежде, чем угасло последнее слово. Потому что это сказалось не только затем, что Герберт должен был это знать — затем, что ей хотелось причинить ему такую же боль, как только что он причинил ей.

Она ожидала изумления. Гнева. Вопросов. Но он лишь побледнел так, что из них двоих куда больше стал походить на мертвеца.

— Так ты все-таки хочешь вернуться.

Слова тоже прозвучали мертво. Безжизненно, глухо, как из-под крышки гроба.

Отозвавшись безжалостным напоминанием о том, насколько они правдивы.

— Она... Герберт, она показала мне родителей. Сестру. Им плохо без меня. — Наплевав на возможных наблюдателей, Ева сжала его пальцы своими: желая уже не ранить, а донести то, о чем рано или поздно им все равно пришлось бы говорить. — Я никогда не говорила, что останусь здесь.

О последней фразе она снова пожалела. Это было жалкое, глупое оправдание, сорвавшееся с языка прежде, чем Ева успела его сдержать.

Снова поздно.

— Ты говорила, что никогда не ударишь меня по больному. Ты — моя боль. Стала ею. — Герберт смотрел на нее прямо и безнадежно:

так, должно быть, осужденный смотрит на палача. — Значит, я не стою того, чтобы выбрать меня?

— Герберт, ты... ты не... ну почему ты сводишь все к однозначности?

— Потому что это так. — Ладонь, иссеченная паутиной белесых шрамов, накрыла ее губы прежде, чем Ева успела ответить. — Я знаю, что ты скажешь. Ты уже говорила когда-то. Нельзя сводить все к чему-то одному, мы не можем существовать ради единственной одержимости, даже если это любовь... но я отдал бы тебе все, включая жизнь. Ты могла в этом убедиться.

В словах звучала такая болезненная, скупая, трогательная нежность, что Еве снова захотелось плакать.

— Если бы от меня требовалось умереть за тебя, — сказала она, как только его опущенные пальцы позволили ей говорить, — я бы умерла.

— Если ты готова умереть за меня, почему не готова для меня жить?

— А если ты готов, почему бы тебе не уйти со мной?

Это ни разу не приходило ей в голову. Она так упорно убегала от мыслей о доме, что ни разу не доходила до первого перекрестка, разбегавшегося в стороны не только вариантом «я покидаю его навсегда».

Это тоже сказалось сгоряча, не подумав.

Это был единственный раз за весь разговор, когда Ева не пожалела о сказанном.

Снег падал сквозь ночь, отмеряя секунды.

— В твоём мире нет магии, — наконец сказал Герберт. Взгляд его сделался беспомощным, как у ребенка. — Как я... без нее?

Тоненькая струна надежды, едва успевшая протянуться в ее душе, лопнула болезненно и звонко, осыпавшись серебряной пылью в терпеливо ждущую черную бездну.

— А как ты можешь требовать от меня отречения от всего, что мне дорого, если сам к нему не готов? — Ева резко подалась назад, сжимая его руки. Отступила на шаг — в чудовищную, беспросветную усталость. — Мне семнадцать, Герберт. Ты немногим старше. Мы не можем быть уверены, что это... то, что между нами... что это навсегда. Что оно стоит того, чтобы ради этого отказаться от

всего остального. Если я останусь, а потом случится то, о чем сейчас мы не хотим думать... у тебя будет твоя родина, твоя магия, твой брат. А что будет у меня?

— Музыка. Магия. Мой брат.

Еве хотелось возразить, но она поняла, что куда больше хочет просто завершить этот разговор. Который все равно никак не мог завершиться на ноте, которая устроила бы обоих — хотя при данном раскладе ни одна возможная нота не могла устроить даже ее саму.

Ей все равно придется убить часть себя. Вырвать из сердца то, что не могло не оставить рану, которая никогда не заживет до конца.

Пожалуй, при таком раскладе потеря памяти и правда будет благом.

— Давай... закроем тему. Больше не будем об этом. Сейчас. Тебе надо подумать. Мне надо подумать. — Развернувшись на каблуках, Ева вернулась к брошенной виолончели. — В любом случае сперва мне нужно ожить.

— А потом, стало быть, ты счастливо со мной распрощаешься.

Дерозе встал на шпиль, стальным острием царапая гранит — пока его хозяйка искала поддержки в родном ощущении струн и дерева под пальцами.

— И ты обвиняла меня в том, что я трус? Ты, которая боится поверить в себя и в меня?

— Герберт, я... я тоже не хочу ссориться.

— Тогда скажи, что ты не привязала меня к себе лишь затем, чтобы бросить.

Это было до горечи, до ярости несправедливо.

— Я не хотела этого. Привязывать тебя. Привязываться самой. Именно поэтому. Просто не смогла иначе.

Много позже Ева понимала: все случилось так, как случилось, потому что они были достаточно изранены, несдержаны и глупы, чтобы собрать бинго из самых неудачных возможных ответов. Немногим позже она думала, где могла бы сдержаться, проявить отсутствующее терпение, повернуть все иначе.

Но сейчас она сказала то, что сказала — и это повисло между ними молчанием острым, как нож.

— Я польщен, — отстранившись от парапета, молвил Герберт безразлично.

Ева не знала, зачем он идет к ней. Ударить, обнять — она приняла бы любой вариант.

Только не то, что он пройдет мимо, глядя сквозь нее.

— Герберт...

— Не буду более обременять тебя своим присутствием. — Он даже головы не повернул. — Полагаю, так тебе проще будет перешагнуть через меня навстречу тому, что ты действительно любишь.

— Герберт!

— Тише, лиоретта. Вы же не хотите, чтобы при дворе пошли слухи? — он все же обернулся. Слегка поклонился — на прощание; алый свет, льющийся сквозь витраж, обволакивал его кровавой пеленой, укрывал лицо непроницаемой маской, сотканной из теней и равнодушия. — Приятного вечера.

Ева рванула к нему.

Треск тафты она услышала прежде, чем осознала: бальные платья не предназначены для того, чтобы бегать. Во всяком случае, если ты не хочешь завершить этот забег растянувшейся на земле, наступив на подол собственной юбки.

Она даже не могла подставить руки, смягчив удар. Лишь успела повернуться так, чтобы не рухнуть на Дерозе, но все равно услышала треск дерева. Смычок, выскользнувший из пальцев, запрыгал по граниту к стене; голова стукнулась о камень одновременно с плечом — жестко, с размаху, с бесконечно странным ощущением отсутствия боли от удара, скрючившего бы любого человека невыносимой мукой.

Стеклянные цветы закружились в глазах тошнотворной каруселью.

— Гер...

Когда она с трудом приподнялась на локте, Гербеуэрт тир Рейоль, не сбившись с мерного шага, уходил в сияющий свет по ту сторону балкона: оставляя позади ее, ее мольбу и ее крик.

Двустворчатые двери затворились, бросив Еву в багряной полутьме.

— И-и снято, — резюмировал Мэт. — Спасибо, это было увлекательно. Немного переборщили с драмой, как по мне, но в целом пойдет.

Она села. Кусая дрожащие губы, уставилась на трещины, прочертившие верхнюю деку.

Накрыв их ладонью, срывающимся шепотом зачала заклинание целостности — просто потому, что это было единственным, что она могла сейчас сделать.

Магия может почти все. Может даже склеить то, что было разбито. Вдребезги. Не единожды.

Только никакая магия не срастит бесследно то, что связало их с одиноким мальчиком, избранным Смертью — то, что они разбили сейчас.

Айрес Тибель, недавно утратившая право называться Ее Величеством, встречала полночь за чтением.

Поместье, что ей выделили, было далеко не самым роскошным имением Тибелей, — но куда роскошнее тех условий, в которых коротали остаток своих дней другие свергнутые королевы. Обычно эти условия включали в себя солому, крыс и склизкий камень, а не мягкие кресла, книги и бокал хорошего спиртного.

Когда дверь в гостиную, где бывшая правительница Керфи проводила дни в непривычном безделье, почти беззвучно отворилась, она сидела с ногами на софе, уютно подобрав под себя босые ноги. Тонкие пальцы листали страницы, время от времени ногтем отчеркивая сомнительные или важные фразы.

Услышав чужие шаги, она вскинула голову — и тень улыбки коснулась ее бледного лица, не тронутого ни помадой, ни пудрой.

— Я все думала, когда ты придешь, — захлопнув книгу, сказала Айрес.

Задержавшись на пороге, поздний гость окинул взглядом комнату. Убранство отдавало деревенской романтикой: светлые тона, некрашеное лакированное дерево, много хлопка и других тканей, от которых легко отвыкнуть во дворце.

Даже растрепанная, готовящаяся ко сну, утратившая свой безукоризненный и беспощадный лоск, опальная королева смотрелась здесь неуместно.

— Я не знал, стоит ли приходить.

— Боялся, что тебе будут не рады? — Айрес одними глазами указала на место подле себя. — Садись.

— Думаю, ты уже отдала мне достаточно приказов.

Глядя в бесстрастное лицо племянника, Айрес сплела пальцы так, словно собиралась молиться.

— Я хотела защитить нас обоих. Думала, что делаю то, что нужно сделать. Я сожалею. — Непривычное выражение так смягчило ее черты, что сейчас мало кто узнал бы в этой женщине королеву, наводившую ужас. — Сядь. Прошу.

Помедлив, Герберт прикрыл дверь: так же тихо, как прежде провернул дверную ручку.

Даже в заточении Айрес Тибель не отказалась цветов своего дома. Складки длинного платья стекали по молочной обивке софы, как вода, отражающая багровый закат — бывшая королева аккуратно подобрала юбку прежде, чем племянник сел рядом.

— Будем считать, мы квиты, — сказал Герберт, когда долгая тишина зазвенела осколками, на которые било ее тиканье часов. — Хочу, чтобы ты знала: я никогда не хотел твоей...

— Тебе не нужно передо мной оправдываться. — Повелительный жест, призвавший его к молчанию, тоже странно смотрелся в этой комнате. Все керфианцы, приближенные ко двору, привыкли видеть его на тронном возвышении. — Ты имел право сделать то, что сделал. Я прекрасно помню, кому обязана тем, что сейчас я сижу здесь, а не отчитываюсь перед богами о своих грехах. И ты всегда останешься моим наследником. Тем, кому я рада. — Айрес ласково заправила за ухо золотистую прядь, падавшую на его острую скулу. — Не хочу говорить о прошлом, только о настоящем. Как там Мирк, справляется?

Герберт смотрел на женщину, заменившую ему мать, предавшую его — не раз. Лицо его утратило все краски, кроме голубой бездны, открывавшейся в его глазах.

Выслушав все, что прозвучало в его молчании, Айрес накрыла ладонями изрезанные руки, сжатые в кулаки.

— Значит, риджийцы все-таки предложили иномирной глупышке свои услуги по возвращению домой?

Его удивление выразилось лишь в том, как слегка расширились его зрачки.

— Мне говорили, что сегодня прием в честь прибытия риджийских делегаций, — устало пояснила бывшая королева. — Я знаю, что риджийцы открыли, как можно отправить гостей из иного

мира на ту сторону прорехи. И не сомневалась, что они попытаются поманить этим твою глупую девочку. — По браслетам, окольцовывавшим ее узкие запястья, колдовской зеленью змеилась блокирующая вязь. — Насколько уязвимее и сговорчивее станет Мирк, если его королева, дева, обещанная Лоурэн, боготворимая нашим народом, окажется в руках его врагов. Не исключая, что они правда ей помогут... чем-то. Позволят повидать родных и друзей — им это подвластно, насколько мне известно. Привяжут к себе, чтобы легче было лепить из нее свою марионетку. — Айрес вздохнула: так тяжело и прерывисто, будто воздух вокруг горчил. — Бедная дурочка. А она, конечно же, попалась на крючок?

Герберт отвел взгляд, словно пустой бокал на столике подле софы внезапно стал самой интересной вещью на свете.

— Они угроза, Уэрт. Теперь ты видишь сам. — В голосе королевы глухим колокольчиком звенела печаль. — Кто-то должен показать им, что нас стоит бояться. Что мы не позволим безнаказанно забирать то, что принадлежит нам. Вот почему я пригласила их в канун Жнеца Милосердного... я надеялась, что вместе у нас получится. Все еще надеюсь.

Некромант сидел недвижимо и безответно, как сломанная кукла.

— Ее не в чем винить, глупыш. — Айрес обняла племянника за сутулые плечи. — Она призналась, чего хочет, еще в день восстания. Когда я предложила ей то же, что предложили они. Тебе тоже не в чем себя винить: ты поверил, что она лгала, потому что очень хотел поверить. — Ласковые руки покачивали его, как ребенка, словно пытаясь убаюкать боль, пульсирующую в остекленелом взгляде. — Жаль только, она причинила тебе ту боль, от которой я так старалась тебя уберечь. Но я знала, что это закончится так. Как и ты.

— Я не мог знать.

— Уэрт, ответь честно... не мне, себе. Почему ты так и не вывел заклятие, что вернуло бы ее к жизни?

Усмешка Герберта вышла кривой, как зазубренное лезвие:

— Видимо, потому что вопреки твоим утверждениям и папиным надеждам я не так умен и велик, как Берндетт.

— Глупыш. Именно так. В этом мире нет вещей, которые были бы выше твоих сил. — Короткий поцелуй ободряющей лаской коснулся его макушки. — Нет, ты не сделал этого, потому что в глубине души

всегда знал, что на самом деле держит ее рядом с тобой. И знал — она оставит тебя, как только перестанет в тебе нуждаться. Переметнется к тому, с кем ей будет проще. Веселее. Привычнее. К тому, с кем... или туда, где. — Бледная ладонь, обрамленная багряным шелком и колдовским серебром, скользнула по спутанным золотым волосам. — Мне тяжело говорить это, но не все готовы мириться со всем тем, что делает тебя тобой.

За окнами, не прикрытыми гардинами, медленно плыли в небе две луны: снегопад сдался перед стужей, разогнавшей тучи, обратившей небо черным хрусталем со звездным напылением.

— Ты не обязан ее отпускать. Если тебе так этого не хочется. — Впервые за всю беседу Айрес пропустила в слова вкрадчивые кошачьи нотки. — Пока она зависит от тебя, она не сможет уйти.

— Раз она хочет уйти, пусть уходит. — Герберт вдруг улыбнулся. — Ты права. Я забыл, что делает меня мной. Зато пытался стать тем, кто все равно недостаточно хорош... дурак.

Если б в этот миг он мог себя видеть, он бы заметил: в его улыбке скользнул тот же фирменный яд Тибелей, что он привык наблюдать в лице покойного дяди. Тот же, что когда-то отвращал Еву от них обоих.

Тот же, что мог напугать стороннего наблюдателя до дрожи.

— Спасибо. — Некромант отстранился. Выскользнув из материнских объятий, встал. — Я сделаю то, что должен сделать. Все, что должен сделать.

Айрес смотрела, как расправляются его плечи: знаком, что ее наследник готов вернуться в мир, ждавший за границами ее уютной тюрьмы.

— Если ты спасешь ее, ты ее потеряешь.

— Она мне не нужна, — отворачиваясь, сказал Гербеуэрт тир Рейоль, Избранник Великого Жнеца. В глазах его ледяной бирюзой стыла зима. — Мне никто не нужен.

Две луны за окном безмолвно наблюдали, как открывается и закрывается дверь, ставя точку в его коротком визите.

Айрес Тибель, недавно утратившая право называться Ее Величеством, смотрела вслед племяннику — и на губах бывшей королевы играла улыбка темнее, чем самая темная и студеная ночь.

Глава 21. Silenzio

(*прим.: silenzio — безмолвие, молчание, тишина (муз.)

О том, насколько все плохо, Ева узнала следующим вечером, когда в ее спальню без стука влетел Мирк.

— Что ты ему сделала? — выдохнул он, не дожидаясь, пока резко оборванная мелодия затихнет, запутавшись в бархатных складках кроватного балдахина.

Ева не вылезала из-за инструмента почти весь день. Порой жалея, что не может стереть пальцы в кровь; а даже если б могла, не ощутила бы боли. Даже музыка не сумела до конца отвлечь от воспоминаний о вчерашнем. От мыслей. От сожалений.

От мучительных раздумий о том, о чем сейчас думать точно не стоило.

...«я знаю, как вернуть вас домой»...

Ева в замешательстве опустила смычок, задев им парчовую обивку стула:

— Я не...

— Уэрт сегодня явился во дворец. Велел приготовить все, что нужно для ритуала. Хочет, чтобы Айрес была там, «ведь она заслужила это увидеть». — Его сжатые кулаки обливала кожа тонких перчаток; Мирк даже не скинул плащ, и снег с его сапог сыпался на ковер осколками тающей глазури. — Он призывает Жнеца.

Ева не сразу поняла: этот странный жалобный звук, похожий на стон перетянутой струны, смешавшийся с отголосками Апокалиптики, слетел с ее губ.

...она боялась и ждала вечернего визита. Не Миракла, конечно. Боялась заглянуть Герберту в глаза и увидеть там то же, что стыло в них перед их прощанием. Боялась, что не сумеет сказать «прости». Боялась, что снова сорвется и вместо «прости» скажет нечто совсем иное, потому что в глубине души еще злилась — за ревность, за несправедливость обвинений, за то, что даже не подумал протянуть руку ей, упавшей, корчащейся на полу.

В один миг все это стало до глупости, до слез неважным.

— Я знаю, это ты. Только ты смогла отговорить его. Только ты могла толкнуть его обратно.

— Я... не хотела, — прошептала Ева. Не желая оправдываться, просто сейчас это было единственным, что она могла сказать.

— Верю. — В голосе Мирка скользнуло то, что никогда раньше не проявлялось в нем под этой крышей — холодная властность короля Керфи. — Тем не менее я очень хочу знать, почему за один вечер мой брат снова превратился в того заносчивого засранца, с которым я имел несчастье видеться последние шесть лет.

Будь ответ не таким болезненным, Ева бы даже подчинилась. Такому Мирку сложно было не подчиниться. Но она просто сидела, глядя в его лицо, расплывавшееся в полумраке невнятным светлым пятном.

Странно. Она ведь даже не плакала.

— Твоя мама... Мирана сможет отправить меня к нему? Сейчас?

Собственный вопрос даже она расслышала с трудом.

К счастью, Мирк все понял и так. К еще большему счастью — вместо пыток новыми расспросами просто отвернулся к двери.

— Я узнаю.

Вместо всех иных возможных слов прозвучал лишь стук, с каким дерево соприкоснулось с деревом, оставляя Еву в одиночестве.

— Если ты волнуешься, что утратишь память об этом мире, — сказал Мэт, нарушив тишину, впервые за день воцарившуюся в сознании, — можешь не волноваться.

— Сейчас это последнее, что меня интересует, спасибо.

— Вот с магией там паршиво, сама понимаешь. Но память останется при тебе. Можешь утешить малыша тем, что до конца жизни будешь плакать в подушку, вспоминая его прекрасное личико.

— Тебе-то откуда знать?

— Я демон или кто?

Ева смотрела на дверь: не видя ничего, кроме лица Герберта, с каким он говорил, что отказывается от призыва. Насмешливого. Человечного. Это было всего лишь этажом ниже, всего несколько дней назад.

Как мог один вечер, один час, один разговор перечеркнуть все, к чему они шли так долго?..

Госпожа полковник вошла в комнату, как на плац, даже в домашних туфлях чеканя каждый шаг.

— Мирк мне сказал, — кратко отрапортовала Мирана. Жестом — коротким движением двух пальцев, словно приглашая на бой — велела Еве приблизиться. — Полагаю, Эльен угостит меня фейром, пока вы с Уэртом беседуете по душам.

Ева не стала говорить почти-свекрови, что той не стоит утруждаться. Не стала даже зачехлять Дерозе. Просто отложила виолончель на кровать и как была шагнула к двери: не побежав лишь потому, что Мирана Тибель на ее глазах не бегала никогда.

— Если вы с Уэртом уладите этот вопрос, к слову, я буду благодарна, — заметила госпожа полковник, пока они спускались на первый этаж. — Организовывать подобное мероприятие — та еще морока. Об одной охране риджийцев придется знатно поломать голову.

— Я постараюсь, — пообещала Ева глухо, пока деревянная лесенка скрипом аккомпанировала их шагам.

— Они ведь должны наблюдать за всем из первых рядов, — продолжила Мирана, на ходу застегивая плащ. — Ритуал проходит на площади Одиннадцати богов. Там же каждый год устраивают традиционное празднество в честь нового года. Король следит за всем с балкона Храма Жнеца, другие почетные гости довольствуются помостом на площади.

Ева не знала, зачем ей это рассказывают. Лишь когда они вышли в раннюю зимнюю ночь, встретившую их искристой стужей, поняла: госпожа полковник всеми силами пытается отвлечь и развлечь почти-невестку. А, может, не прочь отвлечься сама.

Она не могла не печалиться о возможной судьбе мальчика, бывшего братом ее сыну. Как и о возможной судьбе сына, если тот потеряет брата — снова.

Перемещения Ева почти не заметила. Прикосновения Мираны, обхватившей ее холодное запястье мозолистыми пальцами, тоже. Неприятные ощущения в теле, сопровождавшие короткий полет сквозь скрученное пространство, просто растаяли в тех, что терзали душу.

— Хотя жаловаться дроу будет не на что. Помост выстроен перед самой трибуной, — как ни в чем не бывало продолжила госпожа полковник, стоило ночи вновь утвердить вокруг незыблемую тьму вместо зыбкой круговерти красок и форм. — Но там будет уйма

народа. Даже если их потянет к риджийцам праздное любопытство, а не враждебность, это сулит... проблемы. Сможешь открыть или придется стучать?

Ева посмотрела на ворота замка Рейолей.

Нет, она не будет плакать. Не до того сейчас.

— Тебя ждут, — услужливо подсказал Мэт.

— Едва ли, — пробормотала она.

— А ты проверь.

Калитку Ева потянула неуверенно, но та и в самом деле поддалась. С другой стороны, чары защищали замок и его обитателей куда надежнее засова.

Только вот бдительный Эльен, как и его хозяин, ни за что бы не оставили его поднятым случайно.

— Некромантия, — хмыкнула Мирана, когда Ева отступила в сторону, предлагая спутнице пройти первой; вытянула ладонь — над пальцами вспыхнул язычок белого пламени, разогнавший сумерки. — Хорошо, что от твоего... положения есть и прок.

Ева не стала разъяснять ситуацию. Пусть думает, что все дело в магии.

Снег захрустел под подошвами, когда они двинулись по нерасчищенной дороге к замку: его очертания таяли в ночи, лишь светлячками мигали окна да снег на крышах светлыми линиями ложились на тьму более плотную и густую, чем чернота колючего воздуха.

— Королевская семья тоже будет на балконе? — спросила Ева на полпути, глядя, как мимо проплывают серые призраки деревьев, присыпанных снежным пеплом.

— Там будет король. И королева. — Мирана шла рядом, плечом к плечу. — Это не ложа на арене, это храм. Служители Жнеца пускают только тех, на чьем челе лежит корона... и кто верит в нашего бога. Для тебя, полагаю, сделают исключение.

Ева запоздало подумала, что госпожа полковник не озаботилась сменить обувь на более подходящую для прогулок по снегу. Пусть даже недолгих. Затем поняла, что есть в их прогулке нечто странное — будто ритм, в котором похрустывала белизна под их ногами, звучал как-то неправильно.

Подумала еще — и, мельком оглянувшись, поняла: нет, не почудилось. Просто Мирана Тибель не оставляла следов на пышной белой кромке, покрывшей брусчатку на дороге к замку Рейолей.

Что ж, ожидаемо, что новый королевский Советник по военным делам владеет левитацией получше некоторых.

Из тьмы, ждавшей их впереди, выплыл крохотный огонек — тоже льдисто-белый. Дрожа, двинулся им навстречу, и, без труда догадавшись, что это значит, Ева все-таки побежала.

Минутой позже она уже кинулась на призрачную шею Эльена.

— Тише, лиоретта! Фонарь... но и пусть с ним. — Растроганный призрак обнял ее в ответ, кое-как удерживая в пальцах громоздкий стеклянный светильник. — Если я и уроню его, ваш приход все одно озарил это место ярче любого света.

— Ох, Эльен. — Отстраняясь, Ева поняла, что улыбается. — Я скучала.

Губы под закрученными усами одарили ее ответной улыбкой. Искристой, привычной, ободряющей — которой Еве так не хватало сейчас и все дни безумного маскарада, каким обернулась ее жизнь.

— Лиора Тибель. — Эльен поклонился другой гостье, скорым шагом подошедшей к ним. — Благодарю, что не только помогли доставить к этим стенам главную их драгоценность, но и явили свой сиятельный лик, коего я не имел счастье созерцать долгие и тоскливые годы...

— ...но сноровки в медовых речах за эти тоскливые годы явно не растерял, — закончила госпожа полковник. — Здравствуй, Эльен. Полагаю, Уэрт дома.

— В рабочем кабинете. Ждет вас. — Враз погрузнев, призрак отвернулся. — Вернее, вас, лиоретта. Лиора Тибель, вы не будете возражать, если...

— ...если детишки поговорят вдвоем? Ничуть. — Тяжелый вздох Мираны смешался с шелестом снега. — Все, что я могла сказать своему племяннику, я уже сказала днем. Увы, для моих доводов Уэрт был и остается слишком упрямым ребенком.

Больше не сказалось ни слова. Но пока они пересекали внутренний двор, Еве казалось, что неощутимый ею мороз с каждым шагом становится колючее.

Он не отступил, даже когда их шаги — уже их — эхом зазвенели в болезненно знакомом холле.

— Дорога мне известна, — сказала Ева, пока они поднимались по каменной лестнице; цветы на стенах распускали лепестки серые, как меланхолия. — Вам, полагаю, со мной не по пути.

— Я велел подать фейр в голубую гостиную, как только заклятие известило меня о гостях. — На площадке второго этажа Эльен учтиво открыл Миране дверь, за которой ждал длинный коридор. — Лиора Тибель, не сочтете ли оскорблением...

— Я помню, где голубая гостиная. — Та переступила порог размашисто, словно на полу не темнела деревянная планка, а зиял огненный провал. — Можете перекинуться словечком, если не подозреваете меня в том, что я стащу у Уэрта любимую вазу.

Эльена к восхитительной привычке госпожи полковника угадывать его предложения, видимо, уже привык. Во всяком случае, к Еве он повернулся без малейшего удивления.

— Всего пара слов, прежде чем вы подниметесь к нему, лиоретта, — сказал призрак, пока стрельчатые арки глухо перекатывали удаляющиеся шаги. — Он любит вас. Он страдает, потому что любит вас. Он хочет, чтобы вы пришли. Значит, хочет быть переубежденным.

Ева смотрела в светлую зелень его глаз. Светильники на стенах едва заметно просвечивали сквозь них — словно белое солнце искрилось через источенное морем бутылочное стекло.

— Вы уже помогли ему выбраться из черноты одиночества. Если кто-то может сделать это снова, то только вы. — Призрачные пальцы колко коснулись ее руки, сжав беспомощно опущенные ладони. — Жизнь и посмертие приучили меня выговаривать лесть и ложь легко, но я не лгал, когда говорил, что вы ярче любого света.

— Даже если это я толкнула его обратно? В черноту?

Пауза перед ответом была почти незаметной.

Но все-таки была.

— Даже если это вы.

Пауза была, но Ева, не опутившая взгляда — как бы тяжело это ни казалось, — не увидела в глазах напротив того, что ожидала. Осуждения. Боли.

Даже удивления.

— Он ничего не говорил. Но сопоставить факты нетрудно, — сказал Эльен, без труда прочтя немой вопрос в ее лице. Разжав пальцы, отступил на шаг. — Идите.

Повторять не потребовалось.

Когда Ева поднялась на первую ступеньку из тридцати, оставшихся до важнейшей, возможно, беседы в ее нежизни, ей было уже не холодно.

— Как будто тебе впервые проповеди читать, — заметил Мэт в такт ее страху, пока она как могла растягивала отнюдь не бесконечную лестницу.

— Не те, от которых зависит так много.

— Да ладно тебе. Извинишься — ты это вроде умеешь, в отличие от некоторых. Напоешь песенку о неземной любви — можешь буквально, это ты тоже вроде умеешь. Людям иногда свойственно пускаться в сложные танцы там, где нужен забег на короткую дистанцию, но у тебя с этим вроде тоже проблем нет.

— А тебе-то какой интерес?

— Просто подбадриваю соседа по голове. С соседями, знаешь ли, лучше дружить. А то оглянуться не успеешь, а поутру найдешь в своих тапках что-то липкое и белое, и хорошо если это окажется зубной пастой.

Стиснув зубы, Ева подступилась к дверям на этаж — и, провернув ручку, принялась отмерять последние шаги до момента истины.

Не могло же все, что они строили неделями, сломаться от нескольких фраз. В самом деле. Она пробивалась сквозь его стены раньше, пробьется снова. Как справедливо заметила Белая Ведьма (тройную альтерацию ей ниже спины), проблемы решаются словами через рот — а поговорить с Гербертом о том, что он и так уже слышал, Еве несложно.

Все получится. Получится.

В кабинет она скользнула без стука, но с негласным приглашением.

Герберт сидел за столом — светлые волосы падают на лицо, рубашка в отблесках кристаллов отливает кладбищенским светом. Перо в левой руке размеренно выводило чернильные строчки в книге, что Ева уже видела — в день, когда нашла некроманта умирающим в том самом кресле, где теперь он работал.

— Все-таки пришла, — сказал Герберт, когда затворившаяся дверь негромко щелкнула замком. — Удачно. Хотя в ином случае я заглянул бы сам.

Он даже головы не поднял.

— Герберт, я хотела...

— Я оставил подробные инструкции, как поддерживать твое существование. Раствор, заклятия, руны. Передам их Мирку. Полагаю, он сможет подыскать некроманта, которому можно доверять. — Аккуратно отложив перо, он положил ладонь на желтую страницу под невысохшими чернилами — по-прежнему не глядя на Еву, застывшую по другую сторону столешницы. — Здесь будет записано все, что касается моих исследований воскрешения. Если я успею завершить его до ритуала, я сообщу. Если я не вернусь, найдешь книгу в верхнем ящике стола — у тебя останется доступ ко всем закрытым дверям в этом замке.

— Герберт, послушай...

— Передашь их своим риджийским друзьям. Не сомневаюсь, их блистательные умы и без меня бы справились, но подспорье не мешает. — Он наконец встал, и даже не видя лица, на котором снова лежала маска теней, Ева понимала: не для того, чтобы ее поприветствовать. — Я переведу тебя на подпитку от твоего сидиса. Сейчас. Если что-то пойдет не так, твоя гибель подведет слишком многих.

Вот так. Подведет слишком многих, и точка. Словно Ева случайно провернула маховик времени, вернувшись в те дни, когда она была лишь инструментом, непослушной марионеткой в руках несносного мальчишки...

...это не его слова. Не он. Не Герберт, которого она любит — Гербеуэрт тир Рейоль, гордость семьи, наследник королевы, пустившей в Евин лоб стрелу, отобравшую ее жизнь. Ее Герберт снова спрятался где-то там, внутри, за стенами слоновой кости.

— Герберт, поговори со мной. Пожалуйста. — Она облизнула губы. Машинально, словно те и правда могли пересохнуть от волнения. — Прости меня, я не хотела...

— Замолчи.

Ева замолчала. И даже не сразу поняла — не от растерянности, не от обиды на то, что слово выплюнули, как оскорбление.

От давно забытого ощущения магии, разливающейся под кожей, парализующей губы.

— Не двигайся.

Когда колдовской приказ невидимым льдом лег на руки, ноги, тело, сковывая их, лишая воли, Еве захотелось кричать — но она могла лишь беспомощно ждать, пока некромант выберется из-за стола.

Нет, он не может снова поступать так с ней. Не может действительно вернуться к тому, с чего они начинали.

Не...

— Я благодарен за все, что ты пыталась сделать для меня. Я ценю это. Правда. — Бледные пальцы скупыми скорыми движениями расстегнули пуговицу на кружевном воротнике, обнимавшем ее горло. Двинулись ниже. — Видишь ли, наш вчерашний разговор любезно напомнил мне, что у каждого есть стержень, лежащий в основе его личности. Диктующий то, что ты делаешь, и то, как ты живешь. То, без чего ты больше не будешь собой. Для тебя это не любовь. — Платье спустили с плеч рывком, открывая рубин. — Спасибо, что помогла вспомнить — для меня тоже.

Теплая ладонь накрыла рунную вязь на серебре, окунувшись в багряное сияние, текущее сквозь пальцы. Замерла, когда на его запястье, оголенное задравшимся рукавом, упала холодная капля.

Герберт поднял взгляд. Миг смотрел в неподвижное, застывшее, как у куклы, лицо — лишь с щек, прорезанных мокрыми дорожками, капали беззвучные слезы.

Свободной рукой вытер их: с нежностью, которой Ева не ждала.

— Не плачь. Так будет лучше. Для всех. — В ее глаза, молившие «не надо», он смотрел без стыда, без гнева, без горечи. — У этой истории с самого начала не могло быть другого конца. Просто я оказался достаточно глуп, чтобы позволить себе поверить в иное.

Лучше бы он кричал. Или снова смотрел на нее в холодном бешенстве. Но то, что владело им сейчас, было страшнее.

Смирение. Тихое, равнодушное, отреченное смирение того, кто оставляет позади и бешенство, и горечь, и гнев.

Со всем, что их вызывает.

— Когда я завершу ритуал, я буду свободен от того, что сковывает меня сейчас. После такого невозможно придавать хоть какое-то значение ревности. Страху. Боли. Любви. — Его ресницы опустились

блекло-золотистыми бабочками, скрывая мертвенное, нечеловеческое спокойствие, бледной синью разлившееся во взгляде. — Гербеуэрт тир Рейоль не сумел вернуть тебя к жизни. Полагаю, новый Берндетт сможет.

Его губы почти не шевельнулись, когда с них выдохом сорвались слова заклęcia.

Перемены Евы не ощутила. Только то, как рвется внутри еще одна тонкая струна, никак не связанная с магией.

— Возвращайся к Миране, когда я уйду. Не ищи меня. Не ходи за мной. Не беги за мной. Не зови меня. Это приказ, — сказал Герберт, отняв руку от ее груди. Тыльной стороной ладони вытер новые слезы, успевшие снова залить ей щеки; коротко, почти неощутимо коснулся губами ее лба. — Прости, если сможешь.

Он не отменил приказ, даже отвернувшись. Так и оставил Еву смотреть сперва в его спину, потом — в дверь.

Когда тихие слова, прошелестев в сознании минуту или вечность спустя, наконец обрезали магический поводок, вернув ей и движения, и голос — Ева рухнула наземь куклой с оборванными ниточками. Вскочила, побежала, пытаясь крикнуть, остановить, удержать — и, подчиняясь запрету, рухнула вновь.

Лазейки. Нужно найти лазейки. Лазейки есть всегда...

— Окей, — сказал Мэт, — должен признать, все прошло чуть больше не по плану, чем я думал.

...и, не найдя в выжженной душе ни сил, ни чувств, ни надежды — ничего, кроме пепла, черного и колкого, как звездная пыль, Ева закрыла лицо руками, чтобы скрючиться на дощатом полу.

Наверное, у этой истории и правда не могло быть иного конца. Особенно если учесть, как истории любят закольцовываться, с безжалостной иронией заглатывая зубастой пастью финала собственный хвост.

Просто глупым в ней с самого начала был вовсе не Герберт.

Глава 22. Apotheosis

(*прим.: apotheosis — апофеоз (муз.)

Когда за ней пришли, Айрес сидела перед зеркалом, глядя, как в отражении ее руки сплетают тугие темные пряди.

— Мы сопроводим тебя на площадь, — сухо сказала Мирана, переступив порог королевской спальни. Двое гвардейцев бдили за ее спиной, еще четверо ждали за дверью. — Ритуал начнется на закате, мы будем там загодя.

Солнце праздничного дня било в стекла косыми лучами, путалось в волосах королевы, ложившимися в тонкие косички с шуршанием тихим, как трепет крыльев мотылька. Лицо королевы отражалось бледной, гладкой стеклянной маской, и не изменилось, когда в зазеркалье ее глаза нашли лицо Мираны Тибель.

— Минуту, — мягко сказала Айрес. Не оборачиваясь, не ускорив мерных движений, будто прическа ее сейчас была куда важнее того обстоятельства, что по истечении часа ее племянник может испустить последний вздох.

Возможно, так оно и было.

Возможно, не только сейчас.

Мирана следила за солнечными бликами, плясавшими в черном шелке ее волос.

— Оставьте нас, — сказала госпожа полковник.

Если приказ и пришелся гвардейцам не по душе, они ничем этого не выказали. Королевская гвардия — не то место, куда могут попасть игнорирующие субординацию.

— Я не знаю, что ты задумала. Знаю одно, — сказала Мирана Тибель, когда они с бывшей королевой остались наедине. — Сделаешь что-то, в чем я увижу хоть намек на опасность для Мирка — я тебя убью.

Айрес вновь нашла в зеркале ее глаза; оттенок их был теплее, чем у Миракла, но выражение нивелировало разницу. Во взгляде Мираны не было ярости, не было угрозы — лишь расчетливая, рассудочная ненависть. Давно остывшая, из жгучего пламени, разрушающего себя

и других, перековавшись в острый клинок: изящный, послушный инструмент уничтожения.

— Я учту, — с той же мягкостью пообещала Айрес.

Ее пальцы даже не дрогнули.

— Это не все. Сделаешь что-то, в чем я увижу хоть намек на опасность для девочки — я тебя убью. Сделаешь что-то, в чем я увижу хоть намек на опасность для риджийцев — я тебя убью. Сделаешь что-то, в чем я увижу хоть намек на опасность для Уэрта — я тебя убью.

— Забавно, что в твоем списке он идет лишь четвертым.

— Просто сохранила еще достаточно глупости, чтобы смотреть на тебя как на мать. Глазами матери, которая готова без раздумий пожертвовать многими, но не сыном.

Айрес аккуратно, без спешки закрепила на затылке последнюю косичку из четырех, убирая волосы с лица, позволяя им свободно падать на спину. Алому платью она предпочла черное — зимнее, тяжелое, из плотной теплой шерсти, украшенное лишь мехом на рукавах да серебряной вышивкой на талии. Рубиновый гребень в прическе был единственным, что напоминало о цветах королевского штандарта.

— Я признательна, — сказала бывшая королева, поднявшись с кресла. Накинула на плечи плащ, ждавший своего часа небрежно брошенным на спинку; поправив рукава, не скрывавшие блокаторы на запястьях, взяла с туалетного столика перчатки. — Если ты закончила, то я тоже.

Безмолвно отвернувшись, Мирана потянулась к дверной ручке.

В одном судьба Айрес Тибель не изменилась. Перед ней по-прежнему распахивали двери, вот только теперь — не все.

Впрочем, сегодня ей важна была лишь одна дверь. На волю.

Та, что открывалась в данный момент.

В витражное окно столичного Храма Жнеца тоже стучалось солнце, проливая раскрашенные лучи на белый мрамора, каким еще при Берндетте отделали круглый зал. Витраж светился точно над алтарем — черная плита, отполированная временем и ритуалами, что творили на ней веками — и статуей Жнеца, распростершей каменные крылья над россыпью свечных огоньков. Величайший из сынов Творца не требовал иных подношений, кроме свечей, коими многие поэты

злоупотребляли как символом людских жизней — в день праздника те пылали не только на алтаре и в нишах по стенам, но и на полу, словно в зале с лета заблудилась стая светлячков.

В другое время витраж нарисовал бы на полу скелетов, танцующих меж песочных часов; пары им составляли девы и юнцы, с улыбкой сжимавшие костяные пальцы посланников того, кого в Керфи издавна встречали без страха. Сейчас рисунок, вытянутый умирающим светом, искаженной разноцветью окутывал юношу, застывшего на коленях перед алтарем. Синий печатью ложился на сомкнутые, обескровленные губы, красный — на склоненный лоб, желтый, песком сыпавшийся в часах — на белую мантию, в которой покидал этот храм каждый, надеявшийся повторить деяние Берндетта.

Избранник всегда готовился к ритуалу в одиночестве. Позже, на трибуне, Верховный Жрец благословит его, но главное благословение он мог испросить лишь у того, кто незримо смотрел на него из-под складок мраморного капюшона.

В тишине, которую не нарушали даже отзвуки немой молитвы, шаги Миракла прозвучали немногим резче, чем последовавшие за ними слова.

— В последний раз говорю: отступись.

Герберт не шелохнулся. Даже не отнял переплетенных ладоней от губ, не открыл глаз — только ресницы дрогнули да уголок рта дернулся в легкой досаде.

— Ты правда этого хочешь? Плясать под дудку Айрес? Воплотить амбиции отца? Или просто решил умереть, чтобы о тебе поплакала та, которую ты знаешь едва ли месяц?

— Я не умру. Не имею права.

Слова прозвучали отстраненно, словно говоривший оглядывался на мир из-за черты, за которой многое, смехотворно важное для живущих, не имеет значения.

Поверх плеча брата Миракл посмотрел на кинжал Берндетта, мерцавший у подножия статуи Жнеца.

Зачарованная гномья сталь, которой основатель династии пронзил сердце лучшего друга, которая взрезала его ладонь в день призыва, не затупилась и не поблекла. Смерть Берндетта лишила кинжал владельца, ослабив чары, не позволявшие посторонним завладеть волшебным оружием, но никто не осмелился присвоить реликвию

себе. У некромантов, решившихся повторить призыв, всегда был собственный ритуальный нож. Уэрт больше других имел право выйти сегодня на площадь с кинжалом предка, но между помпезностью и удобством он выбрал второе — и предпочел свой, резавший его руки сотни раз.

В молчании слышно было, как затрещали перчатки Миракла, когда пальцы под ними слишком резко сжались в кулаки.

— Отступись. Прошу. — Мольбы не пристали королю Керфи, но не в этом зале, не в эту минуту. — Еще не поздно. Я сам заткну рот каждому, кто осмелится...

— А я надеялся, что прошлое научило тебя верить в меня чуть больше. — Ладонь Миракла, все еще пытавшегося найти слова, легла на плечо под белой мантией — ее стряхнули одним резким, почти брезгливым движением. — Это. Мой. Путь. Единственный, что всегда был мне уготован. Единственный, что ждет и зовет меня. Хочешь помочь — оставь меня и не смей во мне сомневаться.

Огоньки прогоравших свечей замигали — огарков, почти оплывших, и тех, что лишь обтекали воском, длинные и бледные, как пальцы танцоров на цветном стекле. Это Миракл отвернулся, взметнув королевскую мантию за спиной, хлестнув свечи взлонованным воздухом.

Когда Герберт, оставшись один, все же открыл глаза — почти мертвые, — скелеты улыбались ему.

— Не думала, что однажды увижу танцующих скелетов не в мультиках, — сказала Снежана, с помоста созерцая карнавал, круживший на площади перед храмом живых и мертвых.

К празднику столичные улицы украсили гирлянды с белыми флажками, паутиной тянувшиеся у крыш. Багряным конфетти замерзали на снегу маковые лепестки — ими осыпали крышку гроба, прежде чем на него падал первый ком земли, и ими сегодня осыпали брусчатку городов, городишек и деревенок до самых гор на востоке, до самого побережья. Хрусткое морозное небо накрыло площадь кобальтовым стеклом; одиннадцать храмов выстроились кругом, устремив ввысь покатые купола, схожие в своем многообразии. Цветочные лозы увивали колонны храма Великого Садовода, орнамент

из стрел и копий вился на портике храма Великого Воителя, рунная вязь испещрила капитель храма Великой Ворожеи.

Каждому из них в должный день года на этой площади воздавали хвалы. Но лишь один храм сегодня удостоится визита короля.

— Мультиках? — уточнил Лод.

Он неизменно был рядом. И тоже говорил на русском.

— Это как фильмы. Только нарисованные. Я тебе не рассказывала?

— А, мультфильмы. Не знал, что их так сокращают. — Глядя на девушку, маленькую и смешную в пушистой шапке и громоздком теплом тулупе (на тулупе он настоял сам), колдун мельком улыбнулся. — Ты здесь не так долго, чтобы можно было рассказать мне все.

— В последнее время все чаще кажется, что целую жизнь. — Высунувшись из-за спинки трона, Снежана утащила из-под носа у Повелителя дроу имбирного скелетика. — А тот мир был просто странным сном.

Альянэл снисходительно следил, как девичья ладонь тянется к подносу с традиционными праздничными сладостями — сахарными черепами, пряничными гробиками и надгробиями, горячим вином с молоком и пряностями, белым, как крылья Жнеца. Сласти стояли на столике у каждого из четырех тронов, размещенных на помосте для почетных гостей; позади свите подготовили и кресла, и угощение, но Лод и Снежана предпочли занять стоячие места в первом ряду.

По многим причинам.

Без лишних сантиментов откусив от печенья кусок с глазурным черепом, девушка, в этом мире звавшаяся Белой Ведьмой, а в том, что все стремительнее оставался позади — просто Снежкой, задумчиво оглядела площадь.

Храмы выстроили в том порядке, в каком керфианцы чествовали богов в течение года, и над входом каждого следила за людским весельем статуя того, кому жгли свечи и возносили молитвы внутри. Первый — Творец Изначальный: создатель всего и вся, крылатый и юный, единственный, кого отлили из золота в тон помпезной отделке его обители. В начале круга ждали Великая Мать, приводившая души в этот мир и опекавшая в детстве, и Великий Садовод, хранивший людей в их весну, каждый год пробуждавший мир от зимнего сна. В конце —

Великий Мудрец, старец, которому молились старики и ученые мужи, и Великий Жнец: могущественнейший из сынов Творца, прятанный бесстрастный лик под капюшоном, с острыми крыльями, словно отлитыми из гнутых лезвий ненужных кос. Бог смерти и жизни, приводящей к ней.

Бог, которого сегодня они могут увидеть.

Доедая печенье, тонкое и хрустящее, как корочка льда на осенних лужах, Снежка одарила трибуну в центре площади прицельным скепсисом долгого взгляда.

Место, где когда-то Берндетт Тибель первый — и пока единственный — раз призвал бога, являло собой круглую площадку с невысоким ограждением из серого гранита. Очень похожую на Лобное место, хорошо знакомое всем уроженцам златоглавого города на семи холмах. Даже ступенек, по которым на помост в зависимости от обстоятельств поднимались жрецы, короли и некроманты, было тоже одиннадцать, по числу богов и их отца. Сейчас на ступеньках разместились музыканты, заботливо прикрытые чарами Хитаскира — лишь терморегуляция могла позволить им сидеть на камнях и терзать струны, не рискуя отморозить не только руки без перчаток. Эти же чары укрывали деревянный помост, где восседали риджийские короли, и другой помост — каменный, приткнувшийся между храмами Жнеца и Творца. На нем обычно выслушивали свой приговор преступники слишком важные, чтобы от них можно было тихо избавиться в тюремных казематах. Иные сходили с него живыми, дабы отправиться туда, где доставят неприятности разве что камням на рудниках; иные оставляли на нем жизни — и кровь, в те времена, когда казни свершались не магией.

Учитывая количество гвардейцев, дежуривших вокруг, и одинокое кресло, поставленное посередине, Снежка догадывалась, что за преступница появится на эшафоте сегодня. И едва ли для казни.

— Им пора возвращаться, — сказал Альянэл, щуря янтарные глаза на последние лучи солнца. Оно давно скрылось за домами, клонясь в горизонт, но даже этот неяркий свет мог ранить дроу, привыкших к вечной ночи. — Закат скоро.

Пояснять, о ком он, не требовалось. Троны по обе стороны от Повелителя дроу пустовали: лишь Советник лепреконов ерзал на бархатной подушке, не слишком уютно чувствуя себя на королевском

седалище со спинкой в два его роста. Поставить сидение поменьше керфианцы наверняка побоялись из боязни оскорбить.

— Короля Миракла еще нет, — справедливо напомнил Лод, взглядом указав на пустующий балкон храма Жнеца. — Его... спутницы и виновника торжества тоже. Без них не начнут.

Судя по тому, с каким лицом Альянэл следил за иными из тех, кто танцевал сейчас на площади, его едва ли это успокоило.

Праздник в честь Дня Жнеца Милосердного начался с рассветом и теперь был в разгаре. В обычные дни кульминацией стала бы молитва и проповедь Верховного Жреца, после которой гуляния продолжились до самого рассвета, знаменующего новый год — и завтра на этой площади будут чествовать уже Творца. Сегодня после молитвы им предстоит наблюдать божественный призыв; а пока люди, дроу и эльфы лакомились сластями, смотрели на кукольников, разыгрывавших комические истории из жизни Берндетта, и танцевали вокруг помоста, игнорируя стражников. В этот день слуги плясали с господами, аристократы с простолюдинами — пред Жнецом все были равны, ведь тому не было дела до титулов и благородства крови.

Плясали даже скелеты, которых прихватили на праздник хозяева или привели жрецы-некроманты. По традиции. Иные друг с дружкой, на потеху публике, иные с живыми, если находились охотники и охотницы. Одна, к примеру, сейчас кружила в объятиях гвардейца, усопшего где-то век назад — к празднику его принарядили в новенький мундир его полка, благополучно дожившего до правления Миракла тирин Тибеля.

Даже если бы плащ ее не выделялся солнечным пятном, Повелитель дроу и его советники все равно без труда узнали бы ее венценосную макушку.

— Вيني молодец, — заметила Снежка вполголоса, глядя, как Повелительница людей смеется в костлявых руках немертвого кавалера, провожаемая одобрительными взглядами керфианцев. В посмертье сохраняя все умения ушедшей жизни, танцевали скелеты не хуже, а то и лучше живых. — Если так пойдет, к рассвету можно будет попрощаться с мифом о страшных дикарях-риджийцах.

— Тревожить покой мертвецов для забавы живых — кощунство. Потакать им в этом — едва ли не большее, — бросил Алья вскользь. На риджийском, но в ответ на русский: проводя немало времени в

обществе своих советников, для удобства Снежаны часто говоривших на другом языке, Повелитель предпочел потихоньку осваивать язык, а не оставаться в неведении.

— Тогда почему ты ее не остановил? — цепкий взгляд Лода наблюдал из-под отороченного мехом капюшона.

— Она делает то, что способствует успешному союзу, а я довольно ограничивал ее свободу в прошлом, чтобы делать это теперь. И покада керфианцы не судят нашу веру, я не буду судить их.

Откинувшись на спинку трона, следя за Навинией из-под кошачьего прищура белесых ресниц, Повелитель дроу не мог видеть, как за его спиной Белая Ведьма уважительно отсалютовала ему еще одной печенкой.

Немногие из дроу рискнули смешаться с толпой, зато эльфы и люди веселились вовсю. Дэнимон кружил девчонку в васильковой мантии столичного магуниверситета, румяную от мороза и счастливой возможности танцевать с эльфийским королем. Ее товарки разобрали эльфов попроще, пока супруга Повелителя Детей Солнца улыбалась мальчишке лет пятнадцати, путавшемся в характерном балахоне будущего лекаря. Судя по невероятной, почти сверхъестественной лучезарности этой улыбки, Кристе регулярно наступали на ноги, но она умела держаться с истинно королевским снисхождением к досадным мелочам, когда ей того хотелось.

Снежана снова посмотрела на трибуну, ждавшую Избранника Жнеца.

Лишь Лодберг заметил, как девичьи пальцы шевельнулись, вычерчивая руны.

— С барьером все в порядке. С нашими чарами тоже, — произнес колдун вполголоса, чуть громче праздничного гула. — Я проверял.

— Проверить еще не помешает. — Снежка сосредоточенно плела магическую паутину, прощупывая купол вокруг помоста, выискивая малейшие уязвимости. — Это бог, Лод. Бог смерти. Или некая сущность, по могуществу сравнимая с богом — неважно, она все равно опасна.

— Если у тир Гербеуэрта все получится, надеюсь, твои сложные взаимоотношения с богами станут капельку проще. — Шутка в словах не совсем вязалась с серьезностью взгляда. — Я уже говорил: я прочел все, что смог достать, о Берндетте и его последователях. Независимые

источники. В том числе из других стран. Худшее из всего, что может случиться — смерть призывающего, для зрителей ритуал абсолютно безопасен.

— Читала я в нашем мире о богах смерти. Ничего безопасного применительно к ним быть не может. Надеюсь, местный хоть своим избранникам тетрадь на память не оставляет.

— Ритуал не слишком отличается от призыва демонов. Гексаграмма, которую чертит Избранник, усилена элементом Алджьера — полная формула ведома только некромантам, но в любом случае руны отрежут от мира того, кто будет внутри, и защитят всех снаружи.

— Я помню, в чем суть элемента Алджьера, и все равно предпочла бы наблюдать за этим с задних рядов. Желательно вообще по зеркалу из соседнего города. — Снежка сжала ладони в кулаки: чары, которые они с Лодом наложили на помост (сюрпризом для всех керфианских магов), были на месте, но ее это не успокоило. — Перед кульминацией я активирую дополнительный барьер.

— Как и я.

— Сказал бы вам положиться на местных магов, чтобы вас не заподозрили в подготовке к атаке, — проговорил Алья, ничем прежде не выдавший, что слышал весь разговор, — но предпочту позже разбираться с их напрасными подозрениями, чем с оправдавшимися вашими.

На другой стороны площади по морю праздничной толпы волнами разошлась тишина: словно сам Жнец неожиданно появился вовсе не там, где его ждали.

Снежка следила, как подроспевшая Айрес Тибель восходит на свой помост в окружении конвоиров.

Народ любит глумиться над сверженными королями. Знание, что тот, кто прежде смотрел на тебя с недостижимой высоты, теперь пал ниже и презираем больше нищего в подворотне, пьянит успешнее хмеля. Но Айрес Тибель опустилась в кресло, как на отобранный у нее трон — и в той же тишине, что сопровождала ее выходы к подданным все последние годы.

Даже сейчас, лишенная власти, эта хрупкая красивая женщина вызывала у керфианцев больше священного ужаса, чем возможное явление бога смерти.

— Жители Керфи и Риджии!

Запоздало осознав, что бывший правитель неволей отвлек их от выхода настоящего, Снежка задрала голову.

Миракл Тибель сегодня снова облачился в красное — на белом, как кость, храмовом балконе цвет дома Тибелей смотрелся как никогда тревожно. Вместо синих мундиров гвардейцев короля окружали снежные одеяния жрецов; Впрочем, не следовало думать, что это делало правителя Керфи более уязвимым. По меньшей мере половина служителей Жнеца была некромантами, и грози Мираклу опасность, с ней бы разобрались своими методами.

Тишину сменил восторженный рев.

— Я рад быть здесь, и возрадуюсь больше, когда окажусь среди вас, равный с равными.

Новый всплеск рева был еще восторженнее. Юные магички, напрочь позабыв об эльфах (свита Дэнимона сопровождала своего Повелителя к помосту, дабы занять положенные места), сверлили молодого короля влюбленными глазами; некоторые, кажется, плакали. На миг опустив взгляд, Снежка сощурилась — глаза, в родном мире страдавшие близорукостью, излечили магией не так давно, и ходить без очков Белая Ведьма пока не привыкла... хотя Айрес Тибель все равно сидела слишком далеко, чтобы самый зоркий глаз сумел разглядеть выражение ее лица.

К тому же керфианская Железная Леди никогда не выказала бы, как ненавистна ей неподдельная любовь толпы к тому, кто лишил ее всего.

— Сегодня мы не только славим милость покровителя, что выше нас, — продолжил Миракл; чары легко разносили его голос над площадью, — сегодня, если будет на то Его воля, он явится нам, чтобы взглянуть на нас глазами Его избранника.

Двери храма — как раз под балконом с королевской особой — распахнулись, выпуская наружу маленькую толпу служителей Жнеца.

Хмурясь, Снежка следила, как Верховный Жрец (смешной приземистый человечек с залысинами, слишком упитанный и добродушный, чтобы хоть немного походить на слугу Смерти) шествует к трибуне сквозь почтительно расступающуюся толпу.

Внезапность королевского выхода не удивляла. Иноземных гостей успели посвятить в протокол церемонии — король появлялся среди

подданных лишь после молитвы, напоследок произнося еще одну речь, благодаря богов за уходящий год. На площади висели чары против мгновенного перемещения, дабы не облегчать работу магам-ассасинам (мало ли), но Миракла наверняка впустили в храм с заднего входа.

Удивляло другое.

Снежка покосилась на Лода: чтобы увидеть, как тот — конечно же — в свою очередь смотрит на пустоту по правую руку от короля Керфи.

— И где же прелестная лиоретта? — как всегда озвучив ее собственные мысли, сказал он.

— Ты чудовище, — возвестил Мэт.

Ева, отсутствующим взглядом созерцавшая гобелен на стене, оставила высказывание без внимания.

— Такое зрелище бывает раз в вечность, а ты лишаешь меня возможности увидеть его с вип-мест! Как же помпоны в поддержку любимого малыша? Плакаты? «Оле-оле-оле»?

Гобелен распускал золотые цветы на черной шерсти.

Праведным негодованием демона можно было поджарить попкорн — и это никак не могло убедить Еву встать и пойти туда, где ей по всем возможным соображениям следовало сейчас быть.

«Я не пойду», — сказала она под непонимающим взглядом Миракла. Здесь, в его спальне, в окружении проклятого багрянца Тибелей, подле несуразно огромной кровати, на которой теперь она ждала конца. Этой истории — и, опционально, Герберта.

Она до последнего была уверена, что будет на проклятой площади. Облачилась в дурацкое, белое, почти свадебное платье, щекотавшее руки колючим гипюром — поверх полагалось набросить что-то вроде пальто из теплой шерсти, но оно сейчас валялось в кресле. Накрасилась. Завила волосы в прическу, от которой теперь осталась спутанная грива да разбросанные по кровати шпильки, сверкавшие рядом с ненавистным обручальным венцом. Прибыла во дворец, откуда экипаж должен был торжественно доставить их с Мираклом к храму. Позволила гвардейцам препроводить себя к жениху, завершавшему приготовления к ритуалу, ему противному не меньше, чем ей.

И лишь глядя, как корона золотым блеском венчает его кудри, поняла простую истину, которую должна была понять куда раньше.

«Скажи что хочешь, — продолжила она, пользуясь тем, что собеседник потерял дар речи. — Что я заболела. Что жрецы не пустили меня в храм».

«Почему?» — только и сумел выговорить Мирк.

«Я не смогу на это смотреть».

Она должна была понять это куда раньше — и не могла. Потому что никогда раньше не доходила в мыслях о грядущем до этого момента. Потому что никогда раньше не позволяла себе поверить: то, что она так старалась предотвратить, все-таки случится.

То, о чем ей не хотелось даже думать, может случиться тоже.

«Настолько в него не веришь?»

«Я не смогу скрывать того, что чувствую. Особенно если что-то пойдет не так».

Это было жестоко. Это было трусливо. И это было правдой. Немногие будут смотреть на будущую королеву, когда на трибуне им предложат зрелище куда интереснее — но те, кто будут, увидят совсем не то, чего ожидают. Последнее, что нужно Мирку — сплетни и домыслы жрецов, которым поручили охранять их на том треклятом балконе. Которые наверняка заметят, каким взглядом их почти-королева провожает наследника престола, идущего навстречу смерти: в одном или другом смысле. Тысяча людей увидит, как она закричит или зарыдает, если этим смыслом окажется не успешный призыв бога, а встреча с ним на том свете.

Может, этим оправданием она прикрывала страх. Судя по тому, как обняли ее в молчаливом прощании — крепко, как брат, обнимавший Еву так редко, — даже если это был страх, ее не осуждали. Никто, кроме нее самой.

— Ты это мне назло, верно? Ох уж эти девочки, вечно дуются из-за всяких мелочей! Любимого композитора у нее убили, видите ли...

Оторвав остекленелый взгляд от гобелена, Ева посмотрела в окно: в апокалиптическом небе, синем в зените, алом у черепичных коньков острых крыш, догорал закат.

Бога смерти всегда призывают вместе с тем, как умирает солнце.

Если встать, можно увидеть праздничные улицы, к этому часу наверняка опустевшие. Едва ли найдется в Айдене хоть один человек,

который не захочет одним глазком взглянуть на призыв — даже если он не увенчается успехом. Последний безумец, решившийся на это, умер на площади Одиннадцати Богов тридцать лет назад. Следующего многие могут просто не дожидаться.

Если что-то пойдет не так, скольким людям это испортит праздник? А сколько продолжают плясать и есть сласти, лишь немного взгрустнув по нелюбимому принцу?..

— Лиоретта, вы должны быть там.

Даже повернув голову к двери, Ева не сразу поверила, что услышанное — и увиденное — ей не мерещится.

— Эльен?

Призрак стоял по эту сторону закрытой двери. Без улыбки, без стука, без соблюдения приличий.

— Эльен, что вы тут...

— Давно я не бывал в этих стенах. — Дворецкий сделал два шага вперед, неслышных, как трепет белых флажков за окном. — Я могу покидать замок, если вы забыли.

— Но вы должны быть там сейчас! Если... если Герберт больше не сможет вас подпитывать, ваше существование поддержит замок, но вдали от него...

— Если господин Уэрт больше не сможет меня подпитывать, мое существование потеряет всякий смысл, ради которого его стоило бы поддерживать. Почему вы здесь?

Ева редко видела его лицо, не смягченное приветливостью. Пониманием. Сочувствием. Если подумать, так и вовсе никогда. И сейчас в его глазах не было солнца — лишь прозрачная прохлада талой воды.

Она не хотела, но все-таки опустила взгляд.

— Я не смогу на это смотреть, Эльен. — Она смогла бы месяц назад — но не сейчас, когда их с Гербертом связывает столько, когда у нее не осталось ни капли сил, чтобы держать маску. — Просто не смогу.

— Вы должны. Должны напомнить ему, почему он должен сделать все безукоризненно. Почему он должен выжить.

— Я не уверена, что это... не возымеет другой эффект.

— И это единственная причина?

— Нет. Не единственная. — Она говорила правду. — Но среди этих причин не только страх.

Можно было ожидать, что призрак подойдет ближе. Попробует взять за руку, уговорить, убедить. Но он просто стоял, отделенный от нее, так и сидевшей на кровати, двумя метрами тонкого пестрого ковра: тихий, немой, слегка прозрачный, как тень, которой по сути и являлся. Простым напоминанием, почему она, Ева тоже должна сделать все безукоризненно — если он, отделенный от небытия тонкой ниточкой магии, без раздумий поднес эту ниточку к огню фатального риска, чтобы сейчас оказаться здесь.

Если даже Айрес увидит то, чего так не хочет видеть она.

«Это и ее триумф тоже, — сказал Миракл, когда Ева неловко, тоскливо спросила, правда ли королева будет сегодня на площади Одиннадцати богов. — Я против. Мама против. Но Уэрт прав — она заслужила это увидеть».

— Я бы на твоём месте подумал еще. Над тем, будешь ли ты для малыша стимулом преуспеть или тем источником лишнего волнения, которое ему сейчас совершенно ни к чему.

То, что Мэт вновь безошибочно угадал течение ее мыслей — то, как оно мучительно пыталось развернуться в другом направлении, — Ева не удивило. Ничуть.

Удивило другое.

— Минуту назад ты разыгрывала драма квин, потому что я не хотела там быть. Теперь говоришь то, что может удержать меня здесь.

Она не стала пояснять вслух, к кому обращены ее слова. Знала, что Эльен поймет и так.

Театральность ответного молчания лишь подогрела робкую искру ее сомнений.

— Так ты хочешь, чтобы я пошла туда — или хочешь, чтобы я думала, что ты хочешь?

Все, кто мог ее слышать — призрак и тот, кто был даже более эфемерным, чем призрак, — молчали; и это заставило Еву спустить ноги с кровати, зарыв каблуки в шерсть, красную, как лепестки маков, разбросанные сегодня по улицам Айдена.

— А если на самом деле ты этого не хочешь, то лишь по одной причине: ты знаешь что-то, чего не знаю я. И Герберт тоже.

...ведь Айрес будет там. Хочет быть там. Пусть это просьба Герберта — она должна была быть там с самого начала. Еще прежде, чем восстание перевернуло все, лишив ее возможности наблюдать за ритуалом с балкона храма Жнеца, низвергнув на эшафот для преступников — почти под тем же балконом.

Ева подумала бы, что это иронично, если бы сейчас могла читать иронию хоть в чем-то.

Но ведь о ритуале известно все. Он описан в стольких книгах. Герберт столько прочел о нем, что увидел бы подвох.

Если только...

— Скажем так, — сказал Мэт, — я бы очень хотел на это посмотреть, будь я уверен, что при ожидаемом развитии событий ты не натворишь глупостей, шансы на что крайне малы. А мне твоя голова дорога как память и уютная квартирка.

Открытая вентиляция, подумала Ева. Пальцы сами собой стиснули парчовое покрывало. И закрытые двери.

В эту вентиляцию она могла влезть уже давно. Если б не монстры, что в ней прятались. Нет, этого монстра Ева не боялась: брезговала, ненавидела, презирала — это вставало на пути преградой куда более непреодолимой, чем страх.

Бывают минуты, когда приходится прибегать к услугам даже того, кого ненавидишь. Иначе возненавидишь себя.

— Чтобы ты знал, — сказала Ева, считая необходимым прояснить этот момент хотя бы для себя самой, — помощь от тебя мне нужна меньше всего на свете.

— Что я там говорил о девочках и мелочах?

— А я знаю, что не в твоих интересах говорить мне то, что не коррелирует с твоими планами.

— Планы на то и планы.

— Тем не менее. Ты хочешь увидеть все из первых рядов. Я обещаю не творить глупостей.

— Так это сделка?

Это демон почти промурлыкал.

— Моя. И на моих условиях. Я помогу тебе увидеть то, что хочешь, если поможешь мне. — Ева поднялась, балансируя на каблуках. — Ты заглядывал в голову Айрес. Ты говорил мне однажды. Ты знаешь, почему ей так хочется, чтобы Герберт призвал Жнеца?

Слушая опасную тишину в своей голове, она думала, хватит ли у нее сил стоять на своем, если Мэт захочет сделки совсем иного рода. Слишком мало неба уже оставалось между солнцем и горизонтом.

— Больше, чем любовь к спойлерам, мне чужда разве что бескорыстность, — сказал Мэт наконец. — Но ты уже оказала мне не одну услугу, сейчас взять с тебя все равно нечего, зато финал шоу при таком раскладе обещает выйти куда драматичнее. Да и за любимого композитора за мной должок... как-никак. — В тяжелом вздохе не было ни малейшей нужды, но Ева уже привыкла, что ее внутреннего демона отличает страсть к внешним эффектам. — В королевской сокровищнице есть то, что ответит на твой вопрос.

Ева смотрела в окно: облака пылали так ярко, что цветом сравнились с узорчатой шерстью под ее ногами.

— Ты можешь просто сказать, что...

— Я и так сказал столько, что из демона рискую перековаться в бога. Из машины. Но если спустишься в сокровищницу, обещаю показать, что тебе нужно и где это лежит.

Когда Ева отвернулась от окна, Эльен стоял перед ней.

— Если вы не пойдете на площадь прямо сейчас, — сказал призрак, — лишь впустую потратите время.

— Мне нужен ответ, Эльен.

— Вы опоздаете.

— Если все так, как я думаю...

— Он морочит вам голову. Сбивает с дороги. Это то, чем занимаются демоны. Айрес симпатична мне не больше вашего, но вы не должны...

— Должна. Потому что если все так, как я думаю, мне нужен законный повод прорваться на эту трибуну сквозь армию гвардейцев и жрецов. — Подбрав юбку, Ева без колебаний обошла стороной последнего, кто стоял между ней и дверью. — И более весомый, чем знаменитая взбалмошность иномирных девиц.

— ...золотые поля Твои ждут нас, и когда настанет пора жатвы, не убоимся ее...

Праздничная молитва медленно близилась к десятому песнопению той главы Книги Десятерых, где воздавались хвалы сильнейшему сыну Творца. Кто-то в толпе честно вторил голосу

Жреца, журчавшему над площадью певучим ручьем; кто-то (особенно дети) украдкой оглядывался на кукольников, склонивших головы с тем же смирением, что все вокруг. Во время хвалы Жнецу даже скелеты склоняли черепа, будто по-прежнему могли слушать.

Айрес голос Верховного Жреца всегда убаюкивал, но не сегодня.

На время молитвы она встала — как все, и опустила голову — как все. Она вынуждена была делать это, даже когда эту голову венчала корона, и не собиралась нарушать устои теперь, когда вместе с венцом ее лишили былых привилегий.

Даже интересно, что сделали бы ее тюремщики, реши она остаться в кресле. Наверное, не будь у нее иного пути, кроме мелочной глупой мести, возможности досаждать им одним фактом своего существования — того, что ей позволили существовать, когда из-за нее перестали существовать очень, очень многие, — она бы так и сделала.

Иные пути были.

— ...ибо прейдут счастье и печаль, хула и слава, земля и небо, но не пройдет власть Твоя...

Айрес смотрела на тех, благодаря кому сегодня на балконе храма Жнеца оказалась вовсе не она — смиренный набожный поклон так кстати заставил взгляд упасть на тех, кто совсем не случайно слушал молитву у подножия эшафота.

Мирана Тибель, в песочном плаще в тон мундиру, стояла вполборота: будто за спиной Айрес не дежурили шестеро, готовые вогнать в нее клинки, стоит новому Советнику по военным делам молвить слово. Сегодня площадь охраняли множество гвардейцев — иных Айрес узнала, — но на эшафот Мирана поставила лишь тех, в чьей преданности не сомневалось. Чуть поодаль чернел другой старый знакомый: Дауд Дэйлион даже ради праздника не расстался с цветом, в который облачались его «ребятки». Они тоже слушали молитву, вот только не в толпе — Айрес любопытства ради взглянула на близлежащие крыши Зрением Изнанки (его не блокировали даже браслеты).

Заклятия невидимости не могли скрыть всего.

Аларена Дэйлион также была здесь. Рядом с отцом, где же еще — и на достаточном расстоянии от эшафота, чтобы ее не задело, случись что-то, чего главарь «коршунов» явно ждал. У Айрес только зрел план, как отблагодарить Дауда Дэйлиона за поразительную забывчивость в

том, кому он обязан своим нынешним положением, но страдания его дочери определенно займут в этом плане особое место.

Неподалеку, насмешкой богов, Айрес увидела капитана Шиэля — того, кто первым отказался стрелять в бунтовщиков. Когда он еще был офицером, она лично вручила ему первую награду (у нее была хорошая память на лица). Когда он уже стал капитаном, ей доносили о нем — в последние часы ее правления. Донесли и о том, что схватили его дочь, уже после того, как та побывала в пыточной камере, не рассказав ничего интересного. Охрана давно не советовалась с королевой, у кого и какими методами добывать информацию, если в жилах ее носителя не текла голубая кровь. В дочери капитана городской стражи не текла, и сегодняшнюю молитву капитан Шиэль слушал в одиночестве.

Посоветуйся Охрана с ней, Айрес наверняка бы сказала, что это лишняя трата времени: если сам капитан Шиэль и мог знать что-то о побеге Миракла, дочь под удар он бы не подставил никогда. Использовать Бианту Шиэль в качестве заложницы — здоровой и напуганной — было бы куда уместнее.

В будущем она не забудет, что и самых верных псов лучше держать на очень коротком поводке. Ошибаются все, она не исключение. Без ошибок не бывает уроков: боль и стыд, и желание избежать их, когда хоть раз ощутил их горький вкус — самые надежные помощники обучения.

Айрес знала это лучше кого бы то ни было. Ее покойный зять, так любезно подаривший ей Уэрта, тоже.

— ...ни жизнь, ни смерть, ни сила, ни слабость, ни настоящее, ни будущее не отлучит нас от любви Твоей и Отца Твоего...

Взгляд королевы скользил по шапкам и капюшонам, приближаясь к трибуне, за которой высился помосту для почетных гостей.

Соммиты тоже пришли. Куда же без них — семейства, чье кошель подпитывал восстание. Отец, необъятный, как бочка для амелье, лиэра Соммит, дородная и невыносимо глупая, оба ее сына и дочь, которую так наивно пытались представить возлюбленной наследника трона. Первая любовь Уэрта наверняка тоже сегодня здесь — в отличие от последней. Девчонка должна была появиться на балконе вместе с Мирком, но племянник вышел к народу один.

Айрес подозревала подобный исход — и то, что ее подозрения в который раз оправдались, не могло не радовать. Едва ли присутствие девчонки могло что-то изменить, учитывая, что гномья рапира стараниями Айрес превратилась в обычный кусок железа, но...

Скользнув поверх гранитного парапета трибуны и непокрытых голов жрецов, она сощурилась, глядя на риджийских королей.

Повелитель эльфов с супругой — пара, красивая до приторности — слушали молитву так внимательно, будто их и правда могло интересовать воззвание к чуждым для них богам. Дроу, привыкшие жить во тьме, прятали глаза и лица в тени капюшонов — их Повелитель исключением не был. Королева людей восседала рядом, в раздражающих птичьих цветах своего рода, совсем как ее отец. Айрес до сих пор помнила лицо Лилария Сигюра в тот день, когда он выслушивал гневную отповедь от короля Керфи: разгневанное, беспомощное, забавное — точно цыпленок. Он даже кудахтал так же.

Память все-таки забавная вещь. Сейчас, когда все ее мысли заняты тем, что так скоро случится в настоящем, не преминула вытащить прошлое.

— ...излей милость свою на нас и благоволение свое на потомков наших...

Тот визит риджийцев был недолгим. Айрес было тогда семнадцать, и она точно знала, зачем люди из-за гор прибыли к их двору — чтобы увезти ее с собой, в дикую страну, что равняла женщин с постельными грелками и раздиралась изнутри трехсотлетней войной. Покойный батюшка долго считал, что его дочь лучше всего годится на роль стельной коровы в постели того, с кем Керфи неплохо было бы заключить деловое соглашение. Гордые державы вроде Лигитрина в союзе были не заинтересованы, зато Риджия — очень даже: люди тогда враждовали с дроу, и пара некромантов, прибывших ко двору в свите керфианской принцессы, могла изменить ход этой войны.

Они не учли лишь то, что у керфианской принцессы были совсем иные планы на собственное будущее.

Она начала воплощать эти планы в день, когда доложила отцу, что парочка риджийцев с туманной целью пробралась в его кабинет. Копии документов государственной важности, своевременно подброшенные в покои иноземных гостей, помогли тем покинуть дворец в тот же день — ославленными шпионами, ублюдками, варварами, неспособными

усвоить даже законы гостеприимства. Годы спустя Айрес доложили, что Лиларий Сигюр так остро переживал то унижение, что планирует вернуться в Керфи — в союзе с дроу, во главе атакующей армии.

Жнец срезал его колос раньше.

Забавно. При иных обстоятельствах Айрес стала бы матерью той девочки, что теперь сидит перед ней на троне и правит людьми за горами (пока еще правит). При иных обстоятельствах подле риджийцев стояли бы еще два трона: для Мирка и Кейлуса.

О последнем Айрес бы даже сожалела — так же, как жалеет сейчас.

— ...из тьмы приходим, но покидаем мир в сиянии Твоем...

Вслед за кузеном она вспомнила о других родных. Брате, убитом по ее приказу. Сестре, убитой ее рукой. Она сожалела об обоих: просто не могла поступить иначе. В тот вечер, когда она оставила Уэрта сиротой, Айрес искренне надеялась, что ужин завершится совсем по-другому. До десерта все шло как нельзя лучше, но потом пришла пора того разговора, для которого чета Рейолей и прибыла во дворец.

Конечно, принимая приглашение, они этого не знали.

Странно, но он тоже начался с поминания риджийцев.

«— ...как подумаю порой, что сейчас ты могла бы не сидеть здесь с нами, а чахнуть в Риджии, страшно становится. Слава Творцу, все решилось так, как и должно было решиться, — сказала Инлес Рейоль, в девичестве Тибель, поднимая бокал со сладким амелье, так хорошо шедшем с пирожными. — За тебя, Айри. За то, что ты заняла свое законное место: величайшей королевы, что Керфи знал со времен Берндетта».

«— За то, что нам посчастливилось жить в дни, когда имя нашей страны снова вызывает трепет», — добавил ее муж.

Ответив улыбкой и легким движением бокала — в семейном кругу не было принято чокаяться, — Айрес подумала, что лучшей подводки к главной теме вечера найти будет трудно.

«Вызовет еще больший, когда ваш сын свершит то, к чему мы его готовим», — сказала она.

«Если свершит, — откликнулся Эдрилин Рейоль — с теми саркастичными нотками, что потом Айрес сотни раз слышала в голосе Уэрта. — Третий месяц голова только одним и забита, и это совсем не учебники».

«Спешить некуда, любовь моя, — мягко напомнила Инлес. — Вспомни себя в юности. Думаю, в пору первой любви тебя тоже занимали отнюдь не магические формулы».

«Спешить есть куда, если он хочет войти в историю не просто как еще один сосуд Жнеца, но как самый юный сосуд Жнеца».

«Тебе недостаточно того, что он уже самый юный магистр за всю историю?»

Пора, подумала Айрес тогда.

«К сожалению, я согласна с Лином. Его... увлечение ставит всю затею под угрозу. — Опускаясь на расписанный фарфор, ее вилка чуть слышно звякнула. — Призывающий Жнеца должен не просто желать этого всем сердцем. На этой земле для него не должно быть ничего, что могло бы перевесить его желание стать сосудом. Ничего, что помешало бы ему расстаться с жизнью, пытаюсь этого достичь».

Сестра вздрогнула так, что бисквит с ее вилки упал, измазав кремом скатерть.

«Не напоминай мне о том, что мой сын может умереть. Пожалуйста».

«Вывод любопытный, но безосновательный, — сказал Лин. — Этого условия не найдешь ни в одной книге о призыве».

Ее зять всегда был ученым куда лучшим, чем мужем и отцом. Так же, как Инлес была женой куда лучшей, чем матерью. Так Айрес думала — до того вечера.

То, что случилось потом, она помнила куда отчетливее, чем ей бы хотелось: слишком отчетливо, чтобы воспоминания могло заглушить десятое песнопение Жнецу, неумолимо приближавшее действие на площади к кульминации.

«К слову об этом, — сказала Айрес в день, когда ей пришлось убить родную сестру. — Есть кое-что, что я должна вам рассказать».

И призвала шкатулку.

— Нам нужно внутрь, — без обиняков объявила Ева парочке гвардейцев, тосковавших у двери сокровищницы.

Гвардейцы страдали. Это было видно. Дворец опустел — Ева убедилась в этом, пока бежала по анфиладам верхних этажей к лестнице на нижние. Избранной не пристало бегать, но раз ее не видел

никто из считавших ее таковой, Ева воспользовалась этой привилегией и, стянув дурацкие сапоги, припустила по ступенькам в одних чулках.

Под юбкой все равно ничего не разглядеть.

Все, кто мог сейчас быть не здесь, были не здесь: Еве встретился лишь один дроу, проводивший ее недоуменным взглядом, тосковавший в просторном зале неподалеку от покоев риджийцев с какой-то деревяшкой в руках. В другой ситуации она бы поинтересовалась, что здесь забыл гвардеец Повелителя, но ей было не до того. Сокровищница расположилась на подвальном этаже — еще полчаса назад Ева об этом не знала, но ей достались хорошие гиды: один подсказывал путь в голове, другой за спиной (естественно, Эльен не оставил дорогую лиоретту в сольное распоряжение внутреннего демона). Сапоги пришлось бросить за углом — Ева подозревала, что они ей еще пригодятся, но являться гвардейцам с обувью в руках было как-то некомильфо.

— Мы бы с радостью, лиоретта, — лишь чудом не сбиваясь на подобострастный лепет, откликнулся один, — но если вам не дали допуск, защитные чары сокровищницы...

— Тебя пустит, — сказал Мэт.

— Меня пустит, — сказала Ева. Не удержавшись, уточнила: — Если войти можно лишь с допуском, зачем вообще вы здесь?

— Тр'адии, — грустно пояснил другой, слегка картавивший. Оба были молоды, под стать веселенькой зелени своих мундиров; оба одновременно согнулись в поклоне, отступив от массивной двери, не украшенной ничем, кроме резьбы на бронзовой ручке. — Пр'ошу, лиор'етта.

Прежде чем принять приглашение, Ева мельком оглянулась на Эльена.

— Его тоже пустит, — неслышно заверили ее. — Увидишь.

Дверь поддалась куда легче, чем можно ожидать от куска мореного дерева в десять сантиметров толщиной.

Когда Ева, беспрепятственно переступив порог, услышала сзади стук, с каким дерево вернулось на законное место, призрак действительно стоял рядом.

— Тот же фокус, что с чарами в замке Рейолей, — предположила она, без подсказок догадавшись, что к чему.

— Мы слуги наследника престола. Носители его энергии и его магии. Вы остаетесь его созданием, его мана клубится в вас, несмотря на свершенную им... процедуру. Естественно, наследник имеет неограниченный доступ ко всем помещениям дворца, включая это. — Эльен огляделся: куда небрежнее, чем это сделал бы тот, кто видел королевскую сокровищницу впервые в жизни — или в посмертье. — Мы тоже.

Сокровищница куда больше напоминала музей, чем золотые горы из фэнтезийных фильмов. Вместо одного огромного зала — анфилада просторных комнат, обшитых дубовыми панелями, заставленных золочеными шкафами темного дерева. Некоторые закрывали витрины, пряча содержимое за витражными стеклами; другие открывали взгляду блеск статуэток, кубков, орденов и ваз.

— Тебе в седьмой зал. Радуйся, что не в двадцатый, — добавил Мэт, когда Ева, чуть слышно чертыхнувшись, рванула по скользкому паркету.

Мимо пролетели стеллажи, картины, мечи, тосковавшие на стенах, мантии на подставках, расшитые золотом и камнями. Короны — высокие и громоздкие, похожие скорее на папские тиары, чем на венцы, украшавшие керфианских королей теперь. Сундуки в углу, которым положено было бы пылиться, но драгоценная отделка на дереве сверкала не хуже елочных игрушек.

Ева очень старалась не сбиться со счета, но указание Мэта все равно застало ее врасплох.

— Здесь. Сундук в левом углу. Тот, что поменьше.

Притормозив, по инерции проехавшись пятками в чулках по скользкому паркету, Ева развернулась.

Сундуки обнаружились под портретом какого-то несимпатичного короля. К счастью, на магию здесь полагались больше, чем на навесные замки: если с первым у Евы не возникло проблем, то спешно переквалифицироваться во взломщику она была бы не готова. Под тяжелой резной крышкой розового дерева с пошлыми цветами, похожими на ромашки, обнаружилась груда позолоченного, расшитого жемчугом тряпья.

— На дне.

Когда Ева подняла платье, тлеющая ткань разошлась прямо в пальцах: кто бы ни носил этот наряд, он явно упокоился по меньшей

мере за сотню лет до момента, как его коснулись Евины руки. Она заметила и другие прорехи, оставленные в наряде кем-то, кто рылся в сундуке до нее.

Впрочем, куда важнее было то, ради чего при иных обстоятельствах Ева бы вовсе чихала от пыли, искрившейся в белых лучах волшебных светильников по стенам.

Ева вытащила со дна шкатулку — широкую и плоскую, без малейших изысков. Просто шесть скрепленных вместе кусков дерева, изрезанных рунами. Боковым зрением заметила, как встревоженно шевельнулся Эльен, замерший рядом немой караульным.

— Открывай, — сказал Мэт. — Тебе позволят.

Наверное, Еве полагалось с трепетом опустить шкатулку на колени. Взяться за крышку, державшуюся на порядком разболтанном медном крючке, с нерешительным колебанием. Она почти слышала тревожные звуки струнных, что нагнетали бы обстановку, будь это сцена из фильма.

Вместо этого она просто грохнула ларец на паркет и, почти сорвав крючок непослушными, чересчур торопливыми пальцами, рванула старое дерево вверх.

Не тратя время на изумленное созерцание того, что оказалось внутри, взяла в руки книгу.

Книга была старой. Очень старой. Ева поняла это хотя бы по истрепанной кожаной обложке без единой надписи. Желтые страницы, исписанные ровными чернильными строчками — куда толще тех, на которых при ней писал Герберт, — лишь подтвердили это. Наверное, пергамент, настоящий, кожаный.

Впрочем, Еве куда интереснее было содержание талмуда, зачем-то спрятанного там, где вряд ли бы кто-нибудь ожидал отыскать книгу, чем форма.

Какое-то время она вглядывалась в керфианские строчки — пока магический переводчик подсказывал значение слов, выведенных каллиграфией тонкой, как росчерк ласточкиного крыла.

— Неужели это...

«Это записи Берндетта, — сказала Айрес, когда книга легла на стол по соседству с недоеденным пирожным. Кошунство, один взгляд на которое наверняка заставил бы Верховного Жреца освободить свой

пост куда раньше, чем тот надеялся: трудно восхвалять богов с сердечным приступом. — Дневник, что он вел, когда открыл ритуал призыва».

Но Верховный Жрец этого не видел, и потому сейчас благополучно завершал одиннадцатое песнопение, усыпляя внимание тех немногих, что дослушали до этого момента. Впрочем, все немедленно проснулись, стоило прозвучать финальному «ибо правдиво каждое слово мое», и зааплодировали так ретиво, будто их одарили величайшим откровением в жизни. Айрес не увидела бы Мирка, даже задери она голову, но знала — тот смыкает ладони с тем же рвением. Она сама благодарила за молитвы куда более сдержанно: бурные аплодисменты, по ее мнению, пристали арене, но не этой площади.

Уэрт считал так же.

Двери храма остались открытыми, выпустив жрецов, и не могли движением предупредить о том, что настает главный момент дня. Однако заметить еще одну фигуру в белом, спускавшуюся по храмовым ступеням, было нетрудно.

Уэрта она увидела, лишь когда тот двинулся по освобожденному проходу, сопровождаемый гулом. Золотистые волосы, по традиции непокрытые, падали на ритуальную мантию — Айрес поймала глупую мысль, как сейчас ему должно быть холодно, если от мороза его отделяют лишь тонкий лен церемониальных одежд, похожих на эти нелепые эльфийские хламиды.

Глупым было не столько это, сколько желание это исправить.

«Записи Берндетта сгорели в Великом пожаре», — сказал Эдрилин Рейоль шесть лет назад: не подозревая, что ему не суждено увидеть, как его сын поднимется на трибуну, чтобы войти в историю.

«Это ложь, которую наша семья тщательно хранит уже три века. Тот пожар устроил сам Берндетт, чтобы оправдать потерю записей. Поджег дворец, обвинив врагов короны. — Айрес помнила, как улыбалась потрясению в их глазах. Наверняка слова были немного иными: и самая хорошая память не может удержать всего, но суть оставалась неизменной. — Он передал дневник своему наследнику, когда тот готов был взойти на престол. С тех пор он передается от отца к сыну, от матери к дочери».

Когда Уэрт склонил голову, дабы принять финальное благословение, толпа на площади сомкнулась, отрезая путь назад.

Айрес почти не слышала, что говорил Жрец, вздымая руки к облакам. Лишь догадывалась, как губы Уэрта сжались, когда рукава старика едва не хлестнули его по лицу, и уловила среди воззвания к богу неуместное «окажи ему ту же милость, что явил Ты пращуру его» — Жрец дерзнул немного отойти от обычного «нашему освободителю». Впрочем, и случай был особый: после Берндетта на эту трибуну не поднимался ни один Тибель. Не для ритуала.

Айрес предпочла бы формулировку, не имевшую отношения к их предку. Лгать богу в лицо — не лучший способ завоевать его расположение.

«И что там написано?» — оправившись от потрясения, спросил Эдрилин, приближая тот ужин к своему роковому концу.

Айрес ответила не сразу. Даже несмотря на то, что ждала вопроса. Она прекрасно знала, что последует за ответом — и, понимая, что это глупо (так же глупо, как сейчас волноваться о том, что ее наследник может замерзнуть на пути до трибуны), все равно тянула секунды.

Ответ разнесся над столом в такой же тишине, в какой теперь народ следил, как Жрец кладет ладонь на макушку наследника престола для последнего напутствия.

«Что Берндетт никогда не призывал Жнеца».

— И Айрес хранила его в сокровищнице? — выдохнула Ева, все еще пытаюсь осознать, что именно держит в руках. — Серьезно?

— А кто подумает, что там что-то кроме брюликов? Особенно если шкатулка запечатана так, чтобы ее смог открыть лишь законный король и избранный им наследник, и окружена таким количеством защитных чар, что уничтожить ее можно разве что в Ородруине заодно с содержимым?

Доводы демона звучали разумно. И это не мешало Еве смотреть на дневник с куда большим потрясением, чем если бы она увидела призрака. Призрак, в конце концов, сейчас стоял за ее плечом, глядя на сокровище в ее пальцах ровно с тем же выражением лица.

Своего Ева не видела, конечно, но представить было нетрудно.

— Тайна передавалась от отца к сыну. Или к дочери. Всегда только из уст в уста, без единого стороннего свидетеля, — продолжил

Мэт. — Айрес положено было передать ее малышу, однако у нее были на этот счет другие планы.

— А я могу открыть ларец потому же, почему смогла войти в сокровищницу. — Понимание приходило толчками. — Но Айрес дико рисковала. Если бы Мирк вдруг...

Она осеклась за миг до того, как демон одобрительно цокнул несуществующим языком, подтверждая невысказанное.

— Да, златовласка. Айрес не отреклась от престола. Она остается законной королевой. Мирк — узурпатором. Он не получил бы дневник, даже если б нашел шкатулку. Лишь после ее смерти.

— А Герберт...

— У малыша был неограниченный доступ к библиотеке. Все, что могло бы ему помочь, он искал там. Он верил любимой тете Айри. Он знал, что все дневники Берндетта сгорели в Великом пожаре. Он знал, что успешное проведение ритуала в интересах королевы. Так зачем бы ей скрывать то, что имеет к нему прямое отношение? Можешь представить себе его, роющимся среди тряпок в поисках вещи, в несуществовании которой он полностью уверен?

Так просто, думала Ева, чувствуя под пальцами теплую кожу. Главное сокровище королевского рода хранилось в сокровищнице. И ведь сама бы стала искать нечто подобное (даже знай она о его существовании) в тайнике в спальне, в жутко секретной комнате, спрятанной за книжным шкафом...

Где угодно, только не под тлеющим платьем давно умершей королевы, в сундуке с пошлыми ромашками, в седьмом зале керфианского Эльдорадо.

— Зачем? — спросил Эльен. — Зачем было хранить его в такой тайне?

Ева могла только догадываться, сколько вопросов призрак хотел бы задать на самом деле. Он-то не слышал диалога с гостем в ее голове — вернее, слышал далеко не все.

Но ограничился самым важным.

— Листай до последних страниц, — сказал Мэт. — И я бы на твоём месте поторопился.

Листала Ева недолго: наугад открыла дневник в середине и обнаружила пустоту — дневник был исписан едва ли наполовину. Оставалось лишь перевернуть несколько страниц назад, добравшись

до последней записи основателя правящей династии. Короткой, всего на лист, датированной 480 годом — чуть меньше чем четыре сотни лет назад. Через месяц после воцарения первого из Тибелей: Эльен хорошо постарался, вкладывая в голову ученицы даты и хроники керфианской истории.

Ева прочла запись.

Прочла еще раз — внимательнее. Чтобы убедиться, что не сходит с ума.

Вернувшись на пару страниц назад, пробежала глазами запись, предшествовавшую последней.

Вскоре она уже выскочила из сокровищницы и, не дожидаясь, пока Эльен поспеет за ней — призрак еще дочитывал, на ходу глотая услужливо разборчивые буквы, — выдохнула в лицо кланяющемуся гвардейцу:

— Вы сможете перенести меня на площадь?

— Какую...

— Площадь Одиннадцати богов. Туда, где проходит ритуал.

Она не кричала. Странно, учитывая, что внутри она заходила не криком даже — смехом: на грани истерики, смехом, который заканчивается кровавыми дорожками от ногтей на лице в миг, когда безумный хохот переходит в такие же рыдания.

— Мы... не маги, лиоретта.

Ей хотелось вцепиться ему в воротник, заорать, потрясти за грудки — если бы только это могло помочь.

Почему, ну почему она так и не научилась телепортам?..

— Мне нужен маг. Сейчас.

— Лиор'етта, боюсь, сейчас найти кого-то будет сложно, — сказал картавый, оставшийся за спиной. По голосу слышно было: одно ее слово — и он пойдет точить меч для ритуального самоубийства, так велика его вина за то, что он, убогий, ничем не может помочь прекрасной без-пяти-минут-королеве. — Большая часть пр'идвор'ных магов уже на площади, к тому же к пр'аздникам ее всегда накр'ывают чарами, сбивающими магические пер'емещения, чтобы к кор'олю не подобралась убийца, и... Лиор'етта?

Последнее донеслось Еве в спину, когда она пролетала мимо оставленных за углом сапог, чтобы рвануть по арочному коридору, стелившему под ноги шахматную доску черно-белой плитки. И лишь в

самом конце догадалась обернуться — убедиться, что Эльен, прозрачный от гнева, бежит следом, прижимая дневник к груди.

Вещественное доказательство ей определенно пригодится. Как и свидетель.

— Если ты на выход, на грядущей развилке тебе налево, — услужливо подсказал Мэт. — От дворца до площади бежать пять минут. Должна успеть.

— Покажешь дорогу?

— Еще спрашиваешь.

Не тратя силы на слова, Ева — босиком, как была — пролетела сквозь распахнутую дверь, разветвлявшую в две стороны бесконечную картинную галерею, и повернула налево.

Она успеет.

Ничего другого ей просто не остается.

Первые руны, что Уэрт вычертил в воздухе, сияющими снежинками опустились на мрамор у его ног. Перед этим, кажется, он все-таки посмотрел на балкон, где Мирк наблюдал за ним в одиночестве, — и Айрес снова подумала, что все сложилось как нельзя удачнее.

Толпа еще не затихла. Лишь в миг, когда жрецы покинули трибуну, заняв место на нижней ступеньке лестницы, подарила Избраннику минутку почтительной тишины. Она затихнет позже, хотя тогда в этом молчании уже не будет никакого смысла: гексаграмма отрезала все звуки вне круга тому, кто останется внутри (на самом деле она отрезала еще и звуки из круга тем, кто останется снаружи, но об этом до поры никто не узнает). В момент чтения заклęcia — Айрес знала — все застынут, боясь выдохнуть: жрецы и музыканты, согнанные со ступенек в толпу, знать и чернь, мальчишка в ее короне и глупые дети на помосте для почетных гостей.

Лучше бы они помолчали сейчас. Вместо того, чтобы гудеть встревоженными пчелами, отвлекая Избранника от гексаграммы, которую тот чертил по памяти (ее всегда чертят по памяти). Но Уэрт умел концентрироваться, как никто — и белые линии продолжали расползаться по мрамору, сплетаясь побегами вьюна, обрастая рунами, как листвой. Гексаграмма походила на диковинный цветок: Айрес не видела ее сейчас, однако Уэрт столько раз творил заклęcie при ней,

что она сама заучила наизусть каждое движение, всю последовательность от первой до последней строчки, словно стих или ноты.

Ей положено было знать это. В свое время она долго разбиралась в формуле, чтобы понять, истинная ли она — и не требуется ли внести в нее изменения под благовидным предлогом. К счастью, не требовалось — плетение Берндетта было филигранно сложным, слишком сложным. Даже для нее.

Нож, который Уэрт пока держал в правой руке, тускло блеснул в закатных лучах.

Он не стал брать кинжал Берндетта, хотя имел право — один из немногих. Предпочел свой, «удачливый», с которым проводил все ритуалы с тех пор, как Айрес подарила его племяннику на тринадцатилетие. То, какое лезвие обогрится его кровью во время ритуала, они обговорили уже давно: это было важно.

Его выбор и правда был удачным. Кинжал Берндетта сегодня пригодится ей самой.

Мало кто видел, как она тренируется метать ножи, и этот кинжал тоже.

Айрес смотрела — угадывала, — как слой за слоем ширится рунное плетение.

Будь гексаграмма алой, она походила бы на мак. Цветок смерти, рассыпанный сегодня по улицам Айдена как никогда уместно. Но гексаграмма, в которой должен явиться Жнец, всегда была белой. Даже в тех ритуалах, когда Жнец никак не мог явиться.

«Ты серьезно?» — сказал ее зять в день, когда Айрес пришлось убить родную сестру, в миг, когда он узнал о смысле утраченных Берндеттовских рун.

«Я не сказала бы вам, не требуйся мне ваша помощь. — Она аккуратно вернула дневник в шкатулку. — К моменту ритуала его характер должен быть настроен филигранно. Иначе ничего не выйдет. До недавнего времени, надо сказать, вы и сами неплохо с этим справлялись, но появление в его жизни серьезных привязанностей недопустимо... и, боюсь, к вам он все же привязан больше дозволенного».

«Тебе известно то, что известно, и ты хочешь, чтобы это вышло?»

«Это все, чего он желает. Ты знаешь сам».

«Не такой же ценой!»

Айрес ожидала увидеть ужас в его глазах. В их глазах. Конечно, ожидала. И ей все равно сделалось тоскливо. Глубоко, очень глубоко в душе она надеялась, что ученый в ее зяте и жена в ее сестре возобладают над родителями.

Она была готова к тому, что требовалось сделать, если этого не случится — и сердце ее болело так же, как сейчас, на закате последнего дня года двух лун, пока ее наследник чертил гексаграмму на трибуне, где когда-то их предок разыграл самый прекрасный спектакль в истории Керфи.

«Истинному ученому в радость расстаться с жизнью, чтобы его мечта исполнилась. Чтобы его имя осталось в веках. Первые лекари умирали, чтобы вывести те заклятия исцеления, что сейчас использует каждый деревенский маг. Первые некроманты умирали, чтобы открыть те ритуалы, на которых теперь основано величие нашей страны. Он будет первым из Тибелей, кто действительно это сделал. — Шкатулка исчезла: Айрес была единственной, кто мог призвать ее. — Ты сам этого хотел. Ты сам взрастил в нем это. Он знает, что может расстаться с жизнью на той трибуне. Он к этому готов».

Она произнесла свою речь как могла мягко — и этого, конечно, было недостаточно.

«Айри, как ты можешь говорить такое?»

Она подозревала, как хочется Инлес выплюнуть совсем другое; но сестра, в конце концов, была Тибель, и сдержанность у них была в крови. Вся глубина ее потрясения читалась лишь в глазах, каштановых, сейчас совершенно круглых.

«Ты чокнутая, — сказал Лин. — Ты свихнулась».

«А чего хотели для него вы? После ритуала? Любовь? Семью? Детей? — поднявшись из-за стола, Айрес подошла к окну; в другое время она напомнила бы зятю, в чье лицо он бросает оскорбления, но сейчас он имел на это полное право. — Я единственная, кто действительно его знает. Кто знает, о чем он мечтает. Кто знает, что для него будет лучше. Такие, как он, не могут быть счастливы в простой мирской суете, не могут жить долго и счастливо — зато свет, в котором они сгорают, озаряют мир на века. — За окном стелилась площадь, усыпанная суетливыми горожанами: отсюда, из окон королевского дворца, они казались не крупнее муравьев. — Он и без того не

слишком высокого мнения о людях. Вы представляете, как невыносимо было бы взирать на все это тому, кто видел мир глазами бога, примерившему вечность, как плащ? Спросите у него, что он предпочтет: недолгую жизнь и вечную славу — или смерть в окружении внуков, с женой, рыдающей над его постелью, с забвением, ждущим за чертой. Если вы не знаете, каким будет ответ — я знаю».

Первой встала Инлес.

«Ты больше никогда не увидишь нашего сына, — сказала сестра. — Никогда».

Они с Инлес всегда были похожи, но нрав слишком проявлялся в чертах, чтобы кто-то сторонний мог сделать им подобный комплимент. Сейчас перед Айрес стояло ее собственное отражение — и, глядя в лицо младшей, каким прежде она никогда его не видела, Айрес обреченно поняла: все завершится так, как и должно было.

«Жаль. Я надеялась, что вы поймете. Но так даже лучше. — Она сплела опущенные руки в замок, и голос ее сорвался в шепот. Айрес уповала, что в нем звучит вкрадчивость, а не слабость. — Я — королева. В моей власти забирать то, что должно быть моим. Он мой, он мой вассал, и я заберу его. Хотите вы того или нет».

...они всегда были похожи, но Инлес не была достойна короны. Даже в такой ситуации едва ли Айрес могла бы обезуметь настолько, чтобы глупо, так глупо — не думая о последствиях, не думая, кто ей противостоит, не думая, что ты лишь обычная слабая женщина, в девичестве носившая имя королевского рода, — схватить со стола нож и кинуться вперед.

Заклятие Лина, которым он пытался спасти жену — может, и сына, но это тоже было бы глупо, — Айрес отразила с такой же легкостью, как за секунду до того остановила сердце сестры. С ним все прошло еще легче.

Когда гвардейцы, которых об атаке на королеву оповестили чары, нашли ее рядом с телами, Айрес сама не совсем понимала, почему плачет. Наверное, капелька общей семейной глупости у них все-таки была.

По кому она плакала сейчас, глядя, как Уэрт замыкает круг, чтобы встать в центр, она тоже не совсем понимала. Плакала, как научилась плакать уже давно — без дрожащих губ, без жалобной гримасы, тихими, незаметными слезами, тающими в уголках глаз.

Сотню раз виденным жестом перекинув нож из правой руки в левую, Уэрт провел лезвием по ладони. Кровь окропила серебряное лезвие, белые руны, белые одежды — совсем чуть-чуть.

Когда ритуальный рисунок активировался, засияв ярче, и мальчик в круге раскинул руки, чтобы заклятием призыва вознести Жнецу свою последнюю молитву, Айрес запоздало поняла: теперь она точно не сможет сказать ему «прощай».

Наверное, когда Ева подлетела к площади, без магии ноги ее сбились бы в кровь. Алуо, как выставшие ее дорогу маковые лепестки. Часть пути она пыталась преодолеть прыжками, активировав левитацию — но сознание, занятое чем угодно, кроме концентрации на полете, тянуло ее к земле, а счастливых мыслей Ева сейчас там не отыскала бы при всем желании.

Наверное, в другое время она бы полюбовалась по пути столь дивным зрелищем, как абсолютно пустые столичные улицы. Ни души не было ни на дворцовой площади, ни на широком проспекте, с которого ей пришлось свернуть на улочку поменьше. Даже лавки заперли до завершения ритуала. Это после жители и гости столицы разбредутся кто куда, чтобы веселиться и гулять до утра, и лавочников ждет отличный заработок, но сейчас лавочникам самим хотелось увидеть то легендарное зрелище, что Ева так спешила отменить.

Наверное, встретить ей на этих улицах хоть кто-то, она не преминула бы спросить, не маг ли он. Даже если ее не могли перенести прямо на трибуну, сэкономить пару бесценных минут уже было неплохо — хотя не факт, что она не потратила бы больше на расспросы и объяснения. Она надеялась, что Эльен сможет добраться быстрее, но все оказалось не так просто: летать местные призраки не умели, оставаясь привязанными к памяти о том, как перемещались при жизни, да и срезать путь, проходя сквозь дома, в столице не представлялось возможным. Дома с привидениями для керфианцев были обыденным явлением, но чужих призраков они не жаловали; так что на большей части домов в центре города лежали чары, благодаря которым хозяева могли не беспокоиться о непрошенных привидениях. Когда живешь в непосредственной близости от королевского дворца, ты можешь себе это позволить.

Все это ей путано, зачем-то в подробностях рассказывал Эльен, опережавший ее меньше чем на полшага. Дневник так и оставался у него в руках — отбирать его Ева не порывалась. Не до того сейчас было.

Пять минут — много или нет?..

Зрители толпились уже на подходе: там, где улица лишь приближалась к храмам, где нельзя было бы увидеть ничего, кроме ослепительный белой вспышки, которую так часто и с таким восторгом описывали летописцы. Вспышки, сопровождавшей нисхождение Жнеца, гаснущей лишь в миг, когда он оставляет Избранника. Конечно, керфианцы видели ее только раз, но этого хватило, чтобы теперь все тянули шеи, надеясь увидеть отблеск божественного света и крыльев за Его спиной.

Ева не стала кричать, чтобы они бежали. Просто принялась проталкиваться сквозь толпу — в ярости, что улица привела ее не к Храму Жнеца, откуда просто было бы докричаться до Мирка, а к Храму Садовода, ровно на противоположной стороне.

Если она успеет, бежать не будет нужды. Если не успеет — бежать будет бессмысленно.

— Дорогу! — закричал Эльен, каким-то чудом лавируя между зеваками разной степени разнаряженности и знатности, не теряя дневника — частичная материальность определенно облегчала дело. Позже Ева думала, что стоило отобрать у него дневник и послать вперед, чтобы он мог пройти сквозь толпу, но то было позже — и не факт, что помогло бы. — Дорогу королеве!

Глашатай из призрака вышел не хуже учителя и дворецкого. Даже в этот миг, когда над площадью уже повисла томительная тишина, люди оборачивались — и расступались, толкая недовольных соседей, провожая удивленными взглядами Избранную, отчаянно рвущуюся к помосту.

— Герберт!

Она уже видела его, раскинувшего руки среди сияющих отблесков рунного плетения.

— Герберт, стой!

Ее крик утонул в закате — несмотря на тишину. На нее оглянулись иные из зрителей, и только. Слишком много людей. Слишком большая площадь. Слишком много пространства между ней

и трибуной, которое требовалось преодолеть. Руки... заклятие, он уже читает заклятие — и уже не сможет ее услышать, ведь гексаграмма Берндетта — настоящая гексаграмма — отсекает все звуки снаружи и изнутри; только вот тот, кто внутри, этого даже не поймет...

...«и руна Ройд запирает звук, ибо божественный глас верно не предназначен для смертных ушей»...

Строки из дневника ехидно прыгали перед глазами, пока Ева доставала смычок.

Невидимая струна расшвыряла впереди стоящих, заставив повалиться на соседей. Скелет, попавшийся на ее пути, от удара рассыпался, беспомощно запрыгав косточками по утопанному снегу. Возмущенные крики кругами разошлись по людскому потоку, но Ева продиралась вперед, взрезая воздух волшебным хлыстом. Трибуна, нужно дойти до трибуны, подняться наверх — Герберт заметит ее, увидит и поймет без слов, и остановится, и...

Первыми ее заметили гвардейцы, охранявшие риджийцев — их помост оказался как раз между Евой и трибуной. По лицам людей Мираны Ева поняла, что те решительно не знают, как относиться к ее выходке: будущей королеве дозволялось, конечно, больше других, но не настолько. Вторыми — риджийцы: они сидели к Еве спиной, но крики не могли остаться для них незамеченными. Они стали оборачиваться, когда Ева уже приблизилась — и активировала левитацию, пытаясь перемахнуть через помост сразу на трибуну.

Почти получилось.

Ева не знала, как был устроен этот защитный купол, но она сквозь него провалилась вполне успешно. Упав прямо перед тронем Повелителя дроу, торопливо откатилась к краю помоста: Дети Луны ошетинились клинками еще в момент ее прыжка. Вскочив, на миг встретилась с синими глазами Снежаны — Белая Ведьма следила за ней без удивления, лишь с сосредоточенным прищуром.

— Это ловушка, — все-таки выпалила Ева, прежде чем прыгнуть — уже с помоста, уже видя лицо Герберта, запрокинутое к небу, омытое плеском колдовского сияния. Секунды, считанные секунды...

...эти секунды — несколько мгновений полета до гранитного ограждения, над небольшой прослойкой зрителей между риджийцами и трибуной, над ошарашенными жнецами и лестницей в одиннадцать ступеней — так и остались самыми долгими в ее нежизни.

Что-то сверкнуло за спиной. Кто-то закричал: еще громче, чем кричали от Евиного шествия. Мрамор под ногами Герберта, заклинавшего небеса с закрытыми глазами, треснул с отвратительным, безнадежным звуком разбивающихся надежд.

Гексаграмма вспыхнула светом острее, чем клинки дреу.

Прежде, чем ее отшвырнуло от трибуны, коснуться которой Еве было не суждено, прежде, чем мир затопило сияние, от которого не было спасения, прежде, чем Ева успела понять, что все-таки опоздала — она все-таки увидела белые крылья, взвившиеся за спиной Избранного тем, к кому Герберт так стремился.

И стал свет.

Первая волна была прозрачной, как ветер, сбившей с ног всех, кто еще стоял.

Вторая — медленный, тягучий как патока свет, хорошо знакомый всем, кто хоть раз видел в действии Мертвую Молитву — лавиной катилась по площади, пока не уперлась в незримую преграду, повиснув над трибуной и брусчаткой туманным куполом.

О том, что случилось после, каждый из видевших рассказывал разное. Но крики ужаса, раздавшиеся, когда люди на площади поняли, что скрывает свет, все описывали примерно одними словами.

Первыми кости увидели те, кто поднял головы у самой границы купола. Потом и остальные, встревоженные воплями, осознали — пульсирующий свет, клубившийся в воздухе, белым прибоем ласкает скелеты в праздничных одеждах. Усыпавшие всю брусчатку от трибуны до того места, где неведомое чудо остановило ползущую по площади смерть.

У эшафота Мирана Тибель встала на ноги. Дауд Дэйлион прижал к себе дочь, широко раскрытыми глазами смотревшую на фигуру, сиявшую в центре площади снежной звездой: ее очертания терялись в густом сиянии — оно клубилось в воздухе перламутровыми разводами, словно тающее в воде молоко — но крылья виднелись даже отсюда.

Вцепившись в парапет храмового балкона, Миракл, лицо которого цветом почти сравнялось с мрамором, смотрел на площадь, заваленную останками его подданных.

Мертвая Молитва — сила, что Жнец дарует своим избранникам — заставляла человека истлеть за минуту. Сила, что сопровождала явление

Жнеца в этот мир, за секунды убила сотни, испепелив плоть, обточив до костей тех, кто жил и дышал мгновения назад.

Вопрос, что заставило эту силу остановиться, пришел в головы видевшим почти одновременно.

Никто после не помнил, кто первым оглянулся на эшафот, где осталась свергнутая королева. Кто первым увидел ее, выпрямившуюся на камне, где проливалась кровь осужденных, воздевшую в воздух руки, окутанные серебристой дымкой творимых чар.

Кто первым увидел, что руки эти больше не обрамляют блокаторы, осколками блестевшие у ее ног.

— Не бойтесь, жители Айдена, — молвила Айрес тирин Тибель, держа защитный купол, отделивший людей снаружи от плещущейся в нем смерти. — Та, от кого вы отреклись, не отеклась от вас.

Цвет забытья — черный. Это Ева, до недавних пор с потерей сознания почти незнакомая, за последний месяц усвоила хорошо.

Цветом этого забытья, на пару минут — или часов, она не знала — погрузившего ее в ничто, был белый.

Цветом реальности, куда она вернулась, тоже был белый. Он лежал на брусчатке снегом. Он выглядывал черепами из платьев, еще хранивших тепло тел, недавно бывших живыми. Он клубился вокруг, тянул за руки, гладил по щекам мертвенным холодом, поющим вечную колыбельную, влекущим вечным покоем.

Ева села. Посмотрела на скелеты вокруг — не думавшие танцевать.

Посмотрела перед собой: туда, где на трибуне, от которой ее отшвырнуло первой волной силы, умертвившей половину людей, встречавших День Жнеца Милосердного сегодня на площади, угадывался сгусток крылатого света.

...в год двух лун придет чудище с Шейнских земель, всем и каждому гибель неся...

Свет шептал ее имя.

У реальности и забытья, куда она провалилась, когда ее швырнуло наземь, был общий цвет. Поэтому она не понимала, на что смотрит: на кошмар, который никак не мог стать явью — или явь, обернувшуюся кошмаром.

Она не могла не успеть. Не могла не остановить. Не могла допустить, чтобы случившееся случилось.

Не могла.

— ...лиоретта!

Зов того, кто был не живым, но определенно менее мертвым, чем все вокруг, Ева расслышала не сразу.

— Я боялся, что вас... что вы... что вы тоже.

Большого Эльен, упавший на колени рядом, сказать не смог.

Большого и не требовалось.

— Мертвая Молитва убивает только живых, — сказала Ева глухо. — Мы к ним непричастны.

Происходящее она осознавала отстраненно, точно зритель в кино. Хотя и в кино у нее порой было чувство большей причастности: когда она верила тому, что происходило на экране.

В то, что происходило сейчас, она не верила. Не до конца.

— Мы... — Эльен все еще держал дневник, — мы должны рассказать.

Ева посмотрела мимо трибуны: туда, где сквозь море света, за границей купола угадывались очертания Храма Жнеца, у подножия которого за происходящим следила королева Керфи, так предусмотрительно не отрекшаяся от своей власти.

Значит, у Айрес все вышло.

...когда на троне воссядет та, чье сердце холодно и черно, и ужаса шепот звучать будет не громче, чем шорох листвы...

— А Герберт?

Ее голос тоже звучал едва ли громче, чем шорох листвы — немногим громче, чем потусторонний зов, отступивший, но все еще шелестевший подголосками в полифонии смерти, певшей сегодня на площади Одиннадцати богов.

— Придумаем что-нибудь.

Молчание, предшествовавшее ответу, было долгим. Непозволительно долгим.

Они оба читали, что Берндетт сделал — вынужден был сделать — с единственным Избранником Жнеца, удостоившегося чести стать Его сосудом: до этого дня.

...сердца огнем и клинком чудище дева сразит...

То, куда в конечном счете ведет ее путь, поприветствовавший иномирную гостью стрелой королева в осеннем лесу, Ева поняла на удивление просто. Может, потому что в глубине души поняла это уже

давно: в тот самый момент, когда увидела витражи в королевском дворце и услышала запечатленную на них историю от величайшего убийцы Керфи. Или в тот, когда кузнец из Потусторонья так великодушно вернул ей клинок своей работы — зачарованную сталь, подобную той, что вонзилась в сердце Гансера почти четыреста лет назад.

— Люче, — сказала она.

Кожаная рукоять знакомо и уютно легла в ладонь.

Обнажив золотистое лезвие, бросив ножны наземь — на васильковую мантию, недавно лежавшую на плечах юного колдуна или колдуньи, теперь скрывавшую только кости, — Ева встала. Одновременно с призраком, непонимающе смотревшим на рапиру в ее руке.

— Шкатулка заколдована так, чтобы открыть ее мог лишь законный король и его наследник. Мэт сказал мне. Люди должны узнать. — Она кивнула вперед, мимо трибуны, туда, где живые ждали и заслуживали правды. — Идите, Эльен. Расскажите все. Я позабочусь о нем.

Эльен встал на ее пути прежде, чем она сделала хотя бы шаг.

Даже сейчас, даже когда его противником оказалась она, верный слуга Рейолей возобладал в нем над всем остальным.

— Лиоретта, вы не можете... я не могу вам позволить просто убить его. Я верю, есть возможность...

— Я не собираюсь его убивать. Только вызволить из ловушки. — Ее пальцы сжались крепче, греясь о кожу, еще хранившую тепло дома Мираны. — В этом мире смерть — не всегда точка. Вам ли не знать.

...и жизнью своею заплатит, мир ею купив.

Сейчас смысл пророчества Лоурэн казался таким простым, таким до боли очевидным. Хотя она не была уверена, понимает ли это Эльен.

Зеленые глаза, расширившиеся в болезненном прозрении, подсказали ей ответ.

— Нет, — сказал призрак.

— Вы сами пели мне эти баллады. Слова я помню.

— Это не может быть единственным решением.

— Если оно и есть, у нас нет времени его искать. — Ева мягко толкнула его в грудь. — Идите.

Он не стал обнимать ее на прощание. Как и прощаться. Просто посмотрел долгим взглядом, прежде чем отвернуться и побежать прочь. Может, думал, что успеет сделать что-то раньше, чем она успеет воплотить задуманное. Или что она не сумеет. В конце концов, ей требовалось приблизиться к тому, кто убивал все вокруг, отделенному от нее стеной магии и рун.

Но, делая первый шаг к трибуне, Ева знала: только так все и может закончиться.

Миракл думал, что судьбы не существует. Айрес думала, что ее можно обмануть. Герберт — что судьбу можно расположить к себе, разыграв спектакль, который заставит богов улыбнуться. Похоже, спектакли боги и правда любят не меньше демонов; только вот переписывать их сценарии смертным не дано.

И в минуты, когда боги улыбаются, актерам будет совсем не смешно.

Мирана пришла в себя раньше других.

— Как... — она подступила к самому эшафоту, держа в опущенной руке шпагу, сотканную из серебристого воздуха, — ты...

— Ни одна клетка не удержит меня, если я того не захочу. Я позволила, потому что мой народ не хотел видеть меня свободной. Теперь, когда он нуждается в защите, я не могла остаться в стороне. — Айрес смотрела на людей вокруг: непонимающих, испуганных, зачарованных божественным светом, неспособных даже бежать. Те, кто оказался перед самым куполом, отступили подальше, но и только. — Я не знаю, что пошло не так, но рада, что сумела предотвратить гибель всех.

Она как будто усилила голос чарами — а, может, он сам собой далеко разносился в морозном воздухе, пронизанном страхом и тишиной.

Мирана посмотрела вверх, на балкон. Миракл исчез, но она успела увидеть, как последний из охранявших его жрецов скрывается в храме. Посмотрела на Айрес — без блокаторов, не думавшую ни бежать, ни призывать оружие для расправы со своими тюремщиками.

Многие матери в этой ситуации едва ли смогли бы мыслить ясно, охваченные ужасом за себя и за сына. Многие женщины зарыдали бы в панике — и мужчины тоже. Но Мирана Тибель была воином, а воин, который не способен хранить трезвость мышления в любой ситуации,

редко доживает до повышения в должность Советника по военным делам. Потому сейчас она не волновалась за Мирка, которого охраняли проверенные ею храмовники, и не позволяла думать обо всех, чьи кости усыпали снег на площади. Сейчас ее куда больше интересовало, какую роль в происходящем сыграла Айрес — и почему не воспользовалась этим для побега. Или хотя бы мести тем, кому отомстить ей очень хотелось.

Может, у королевы просто не было сил. Учитывая, кто держал купол на половину немаленькой площади, благодаря которому они все еще дышат.

Против Мертвой Молитвы не существовало блоков. Ни одному магу не удавалось защититься от нее куполом — никогда. С другой стороны, ни один маг — во всяком случае, за немаленькую жизнь и немаленький опыт Мираны Тибель — не был настолько силен, чтобы блокаторы разлетелись на его запястьях без посторонней помощи. Люди вокруг тоже об этом думали: Мирана заметила, как смотрят на свергнутую королеву даже ее собственные гвардейцы.

Благоговение в этих взглядах могло бы ее взбесить, если бы в этот миг Мирана позволила себе чувствовать хоть что-то.

— Что произошло? Почему...

— Наверное, Уэрт ошибся с рунами. Призыв удался, но сила Жнеца прорвалась сквозь гексаграмму. Не знаю. — Айрес стояла на эшафоте, но смотрела сверху вниз тем же взглядом, каким взирала на подданных с тронного возвышения. — Я пойду к нему... постараюсь понять, что случилось. Думаю, мне удастся подойти достаточно близко.

Мирк выбежал из храма одновременно с тем, как Айрес подняла руки чуть выше. Мирана вскинула клинок, но о зачарованную мантию короля не разбилось ни смертоносное заклятие, ни арбалетный болт.

Лишь купол над трибуной немного сжался, отодвинув убийственный свет дальше от перепуганных людей.

— Надеюсь, Жнец скоро покинет его тело. — Кожа королевы выцвела почти добела: сдерживать божественную силу даже ей давалось нелегко. — Вам лучше уйти. На случай, если у меня ничего не выйдет.

— Ты...

— Забирай Мирка и уходи. — Обведя взглядом толпу, она даже улыбнулась немного. — Не бойтесь. Я сделаю все, чтобы сегодня в Керфи больше не оборвалась ни одна жизнь. Мы и так потеряли слишком многих.

Мирана не знала, действительно ли бывшая королева усиливает свой голос чарами.

Как бы там ни было, ушей слушателей он достиг.

Мирана не заметила, кто первым протянул руки к эшафоту. Должно быть, кто-то из тех, кто остался верен Айрес: такие были. Но благоговейное «спасибо, моя королева» она услышала — слова эхом зашелестели над площадью, сперва робко, потом все громче, по мере того как ширился лес рук, благодарно протянутых к женщине, сохранившей им жизни.

Так, должно быть, почти четыреста лет назад на этой самой площади протягивали руки к Берндетту.

Айрес не улыбнулась. Лишь коротко, почти незаметно склонила голову — великодушным, королевским жестом. Оглянувшись на гвардейцев, согнувшихся в поклоне за ее спиной, кивнула и им, точно командуя «вольно».

Когда она медленными, осторожными шагами, словно удерживая на вытянутых руках невыносимую тяжесть, двинулась к лесенке, чтобы спуститься вниз — Мирана поняла, почему Айрес Тибель не собиралась ни убивать их, ни бежать. В этом не было нужды.

Только что свергнутая королева спасла всех заблудших, неблагодарных детей, которых боги определили ей в подданные. Пока новый король беспомощно смотрел, как они умирают.

Только что свергнутая королева благородно рискнула жизнью, чтобы свергнувший ее племянник мог спрятаться под матушкиной юбкой — или фалдами мундира, неважно. Спасти, бежать, отсидеться в стороне, ибо ничего большего он сделать не мог.

Только что Айрес вернула свое королевство без боя.

Мирана посмотрела на сына, сосредоточенно просчитывавшего что-то на ступеньках Храма Жнеца. На Дауда, обнимавшего дочь. На Соммитов, прижавшихся друг к другу в стороне. Если убийца следил за королевой с прищуром кота, готового к охоте, на лице главы семейства Соммит читалось обреченное осознание проигрыша.

Но Айрес не могла знать, что все будет так. Или могла? Даже если это ее рук дело, сейчас они бессильны: им ничего не доказать, не остановить ее, не атаковать без риска для города и его жителей, не обвинить так, чтобы люди не начали роптать...

— Уходите, — повторила Айрес, неотрывно глядя на трибуну, где затерялся в белом свете ее наследник. — Надеюсь, я смогу ему помочь.

— Лжешь, тварь.

Одинокий, полный ненависти голос разнесся над толпой звонко, как пощечина.

Айрес посмотрела на того, кто проталкивался к помосту сквозь сбитых с толку людей — и мысок ее туфли завис над первой ступенькой короткой лесенки.

— Вы подлая, лживая, двуличная тварь, Ваше Величество, — сказал Эльен, поднимая над головой книгу в старой, истрепанной веками коже. — Потому что вы поможете ему лишь одним способом — кинжалом в сердце. И вам это прекрасно известно.

— Если что, именно это я и подразумевал под глупостями.

Ева не ответила. Хотя слышать голос Мэта в кои-то веки было приятно. Всяко приятнее, чем шепот смерти впереди и хруст костей под ногами: она старалась переступить через тех, кому не суждено было сегодня покинуть праздник, но их было так много, что прикрывающая кости одежда почти закрыла собой и брусчатку, и снег.

До трибуны оставалось немного. Едва ли тридцать шагов. Ее отбросило дальше, чем тех, кто стоял на земле — наверное, из-за того, что в момент призыва она весила чуть тяжелее воздуха, — но не настолько далеко.

Очень маленькой, очень трусливой части ее хотелось бы, чтобы этих шагов было больше.

— Ты обещала...

— ...не творить глупостей? Прости, соврала. Скрестила пальцы за спиной. Не говори, что не заметил.

Двигаясь сквозь море влекущего света, Ева думала о странных вещах. Например, что это не так уж плохо — закончить жизнь на фортиссимо. И, наверное, даже в мажоре. Чакона Баха, да и только. В оригинальном скрипичном варианте ее завершала пустая квинта — мажор, минор, дорисовывай сам. Учитывая, что во времена Баха мажор звучал устойчивее, он напрашивался, но маленькой Еве

нравилось дорисовывать минор. Она вообще любила трагедии... когда-то. Их легко любить, когда ты толком не понимаешь, что за ними стоит, а в твоей жизни чертовски мало вещей, по-настоящему трагичных; родители морщились и убегали от страданий и крови на экране или книжных страницах, а она внимала этому взахлеб.

От воспоминаний Ева почему-то улыбнулась — в ситуации, меньше всего располагавшей к улыбкам.

Надо же, какие глупости лезут в голову, когда остаются последние шаги до небытия...

— Ты всерьез думаешь, что эта идиотская затея сработает? — за привычной демонской издевкой сквозила легкая паника. — Ты труп, если забыла. Тебе нечего ему предложить.

— Я попытаюсь.

Вместо ткани и костей ноги ощутили ледяную брусчатку — перед самой трибуной откуда-то возник просторный прямоугольник, чистый даже от снега. Лишь когда он остался позади, Ева поняла: совсем недавно здесь высился помост для почетных гостей.

А у риджийцев, похоже, всегда наличествовал козырь в рукаве...

— Ты ведь не хочешь умирать!

— Смерть — друг наш, а не враг. Ты сам говорил.

Когда-то эти слова казались ей еще одной издевкой. Сейчас — добрым советом.

Интересно, видят ли ее снаружи? Едва ли: крохотная белая фигурка в белом свете, густом, почти непроглядном. Наверняка Айрес заметила, как она пробивалась к трибуне, но это ничего не изменило. Теперь девчонка, из-за которой все планы королевы едва не полетели к чертям, вряд ли могла казаться ей опасной. Айрес позаботилась о том, чтобы Люче превратились в кусок светящегося железа, и ей точно не докладывали о неожиданном гномьем великодушии. Даже знай королева, что клинок, способный умертвить вместилище бога, остался при ней, едва ли это ее взволновало бы: она мерила все немножко другими категориями — и наверняка не думала о дурацких старых песнях. И Ева не походила на девочку, способную убить того, кто любит.

Она и сама не знала, сможет ли сделать то, что должна сделать, если Мэт окажется прав.

— Есть вещи куда хуже смерти. Например, предательство. Эгоизм. То, что я сделала с человеком, которым восхищалась, потому

что не хотела умирать. — Она замерла перед трибуной, запрокинув голову. — Спасибо за урок, Мэт. Тогда я боялась. Теперь — не боюсь.

Фигуру того, кто стоял в центре гексаграммы, не было видно даже отсюда. Все заслоняло белое сияние, которым полыхали границы круга, судорожно пытавшиеся удержать внутри чудовищную силу, пойманную в капкан из крови, заклятий и рун. Лишь крылья — огромные, размашистые, шире не только круга, но и трибуны — теперь можно было разглядеть отчетливо до рези в глазах.

Наверное, если б Ева могла чувствовать хоть что-то, она бы и правда ее ощутила.

Тихий, внезапный смешок раскатился в ушах одновременно с тем, как Ева шагнула на первую ступеньку, перешагнув через разбитые, выпавшие из рук музыкантов скрипки, лютни, флейты.

— Спасибо за веселье, златовласка. — Она никогда не думала, что голос Мэта может звучать умиротворенно — в тон тому, что мерцало в ее душе. — Занятное у нас вышло шоу. Заканчивай его, как считаешь нужным.

Ева снова улыбнулась. Несмотря на все плохое и хорошее, что ей сделали; а, может, благодаря этому, ведь хорошее все-таки было.

Если бы не Мэт, ее — единственной, кому под силу пройти сквозь смертоносный свет, чтобы закончить эту историю совсем не так грустно, как она могла бы закончиться — сейчас бы здесь не было. Как и Люче в ее руках.

— Досмотришь конец из Межгранья, — сказала она, поднимаясь навстречу финалу. — Думаю, там тебя уже заждались.

— Не могу сказать, что соскучился по товарищам.

— Прощай, Мэт.

— Если что, я всегда за то, что шоу должно продолжаться, но...

— Вон. Из моей. Головы.

Когда Евины босые ноги коснулись расколотого мрамора наверху, она не слышала ничего, кроме шепота света: шепота, твердившего, что она сполна заслужила все, что сейчас произойдет.

Жизнь за жизнь. Ее — за жизни всех глупых мальчишек, которых она не смогла спасти. Лешки. Герберта. Кейлуса, лелеявшего в душе обиженного ребенка, которому так и не дали вырасти.

Она чувствовала, как ее зрачки впитывают белизну, выжигавшую все сожаления.

Я хотела вернуться, Дин, подумала она, прежде чем шагнуть за сияющую границу. Правда хотела.

Надеюсь, ты поможешь маме бросить курить.

— Дневник Берндетта, — сказал Эльен, пока сотни глаз вглядывались в книгу, что призрак держал над головой. — Который хранился в королевской сокровищнице, в шкатулке, что может открыть лишь законный король. Который ты хранила. Все это время. Все эти годы.

Лицо Айрес осталось спокойным и уместно скорбным.

— Вижу эту вещь впервые в жизни.

— Берндетт никогда не призывал Жнеца! — чтобы перебить ропот, всколыхнувшийся над толпой после подобного кошунства, Эльену пришлось почти кричать. — То, что все тогда увидели на площади, было представлением, спектаклем, вдохновившим керфианцев пойти за ним, объединиться, сбросить путы! Он видел призыв своими глазами, он сумел воспроизвести его досконально, сплести иллюзию столь блестящую, чтобы ни у кого не осталось сомнений — Жнец действительно снизошел в тело смертного у них на глазах! Он прочел Мертвую Молитву, и даже следившие за ритуалом магическим зрением увидели его окруженным невероятной, несомненно божественной силой... только гексаграмма, которую он чертил, могла удержать внутри силу, дарованную ему богом, но не силу самого бога.

Многие в этот момент смотрели на призрака, на вещь, которую он держал в руках. Но Мирана смотрела на Айрес — только на нее.

Свергнутая королева владела собой лучше, чем кто-либо из живущих, но от Мирану не укрылось, как перед следующим ответом пальцы ее чуть дрогнули: точно в мыслях их обладательница смыкала руки на чем-то призрачном горле.

— Эльен, у нас нет времени на безумные теории. — Не опуская рук, Айрес чинно шагнула на лестницу, чудом не путаясь в длинной юбке, подобрать которую у нее не было возможности. — Твой господин нуждается в помощи, и я...

— Берндетт пытался совершить призыв. Но его держало на этой земле слишком многое, а Жнеца может призвать лишь тот, кто ради столь высокой цели готов преступить через все! Его соратники тоже пытались — и умирали, или сходили с ума, или попытки их оставались

безуспешными... пока Гансер, вернейший его друг, талантливейший сподвижник, не предложил внести в заклятие еще одно изменение. — Призрак открыл книгу с резкостью, не совсем дозволенной при обращении с таким раритетом, как утраченный дневник самой знаковой фигуры в истории Керфи. — Он предположил, что в одиночку с призывом не справиться ни одному смертному. Ты умираешь, если тебе не хватает на это сил, или разум твой не выдерживает прежде, чем ритуал доводится до конца... Но если создать нерушимую ментальную связь между двумя, связь, подобную той, что соединяет некроманта с его слугой... если эта связь будет до последнего держать призывающего в этом мире, ритуал сработает — и прежде, чем совершить свою попытку, Гансер принес Берндетту клятву вассала.

Позже Мирана не раз думала: в тот миг Айрес отдала бы все, чтобы тоже быть Избранницей Жнеца. Только им дана власть упокоить мертвых — или хотя бы заставить их замолчать.

Однако все некроманты, что слышали призрака в тот момент, вовсе не собирались его останавливать.

— Утраченные руны Берндетта. Те, что рисуют в гексаграмме призыва. Их смысл пытались разгадать веками, и он объясняется здесь. В сочетании с магией клятвы они создают связь, что помогает Избраннику завершить призыв, помогает ему держаться за своего сюзерена — даже помимо его воли, ибо все мысли вассала в этот миг должны быть заняты другим. И Гансер был прав: его призыв увенчался успехом... и так Берндетт узнал, что свершивший ритуал в любом случае его не переживет. — Под взглядом пары жрецов, бесцеремонно заглядывавших в книгу через его плечо, Эльен наконец перелистнул дневник до нужной страницы. — «Смертное тело становится Его клеткой. Он не может покинуть ее, пока клетка цела, но ни одно тело не в силах выдержать сущность самой Смерти. Когда кинжал пронзил сердце Гансера, кожа осыпалась с него, словно пыльца с крыльев бабочки — то было лишь начало»...

— Это смешно! — воскликнула Айрес очень, очень искренне. — Не знаю, где ты взял эту фальшивку, но...

— Почерк определенно принадлежит Берндетту, — возразил один из жрецов, изучавший фолиант придирчивым взглядом ученого.

Позже Мирана думала и о том, что это зрелище наверняка немало сместило богов: пародия на научный консилиум, собравшая сотню растерянных слушателей, разворачивающаяся в непосредственной близости от живого бога и останков тех, кому не суждено было дожить до разоблачения величайшей мистификации в истории Керфи.

С другой стороны, бояться им было нечего... до тех пор, пока Айрес держала купол.

— Берндетт далеко не сразу решился сделать то, что сделал. Но промедли он еще немного, и от Гансера осталось бы то же, что от любого, кого коснулась сила Жнеца, — продолжил Эльен. — Он не стал обречь друга на такой конец — и заколол его единственным оружием, что способно навредить божественному сосуду...

— Зачарованная гномья сталь, — сказал Дауд удовлетворенно. Убийца успел вернуться ближе к эшафоту; Аларены Дэйлион нигде не было видно, но нетрудно было догадаться — дочь главаря «коршунов» при первой же возможности была отправлена подальше от опасности, сопровождаемая вернейшими людьми отца.

— ...в качестве которой наше величество, полагаю, использовали бы кинжал Берндетта, призванный из храма. Оставалось лишь приблизиться на расстояние, которого хватило бы для броска. — Взгляд, который Эльен кинул поверх дневника на королеву, замершую у подножия лестницы, был оскорбительнее сотни самых изобретательных проклятий. — Тогда же Берндетт узнал, что призыв сопровождает выплеск смертоносной силы. Он остался цел лишь потому, что перед ритуалом всегда накрывал гексаграмму мощнейшим щитом из тех, что мог сотворить — подозревал, что может сопровождать призыв того, кто дарует своим избранныкам силу для Мертвой Молитвы, и что даже гексаграмма может не сдержать это. Позже он предположил, что защитить от этой силы способен лишь барьер, поставленный тем, кто связан с сосудом вассальной клятвой, его сюзереном... ибо в обмен на гибель вассала тот обретает почти безграничную магическую мощь.

— Сюзерен всегда сильнее вассала, — прошептала Мирана за миг до того, как призрак повторил ее слова.

— ...таков закон клятвы. Если в один миг магическая мощь вассала, вместившего могущество бога, вырастает стократ, сюзерену ничего не остается, как стать настолько сильным, насколько может

стать человек. Это завершённый ритуал Гансера сделал Берндетта самым могущественным некромантом в истории. Это завершённый ритуал Гансера позволил ему играючи разобраться с захватчиками. И не было дня, когда бы освободитель не сожалел о том, что его сила досталась ему такой ценой. — Эльен кивнул на эшафот: осколки блокаторов слегка светились в сумерках, отражая сияние, клубившееся в центре площади. — Повелевать богом, конечно, не выйдет. Даже если ты сильнее всех живущих. Но тебе этого и не требовалось, верно? Браслеты запирают силу мага, не давая ей выплеснуться заклятием, но эта сила непрестанно давит на них, и когда давление вдруг вырастает до немыслимого...

Негромкие аплодисменты, раздавшиеся в молчании, повисшем после многозначительно оборванной фразы, прозвучали резче набата.

— Bravo, — сказал Мирк, неторопливо смыкая ладони, спускаясь по лестнице Храма Жнеца. — Какой изящный план... сделать Уэрта своим вассалом, вырастить так, чтобы он наверняка сумел совершить призыв, пожертвовать тем, кто считает тебя матерью, чтобы получить силу, с которой никто и никогда не сможет тебе противиться. Чтобы троны риджийских королевств опустели, и никто не смог предположить, что в этом виновна ты. Будь расклад немного иным, сегодня ты стояла бы на балконе, а я сидел на помосте для гостей — там, и погиб в те секунды, пока ты с ювелирной нерасторопностью ставила щит. — Король Керфи застыл на первой ступеньке — холодная ярость в лице делала его похожим на Айрес больше, чем когда-либо. — И как ты намеревалась поступить? Сказать, что всему виной ошибка Уэрта? Солгать, что Жнец открыл тебе, что нужно сделать? Убить его со слезами на глазах?

«Я оставляю эти записи тем глупцам из числа моих потомков, что возжелают повторить мой подвиг. Таковые будут, я знаю. — Это основатель династии Тибелей писал с той же аккуратностью, что научные выкладки, хорошо знакомые керфианцам, имевшим доступ к королевской библиотеке; лишь хвостики букв, кое-где срывающиеся неопрятными длинными росчерками, выдавали, чему ему стоила эта аккуратность. — Повторите мой трюк, если будет нужда, но пусть Гансер останется первым и последним Избранником, достигшим этой проклятой цели...»

Мирана, подобравшаяся ближе к дневнику — чтобы не оставить в душе и тени сомнений, — успела скользнуть по странице беглым взглядом, прежде чем напряжение разбил тихий смех.

— У вас не будет правителя лучшего, чем я, — сказала Айрес, отступая обратно на эшафот. — У вас не будет правителя могущественнее, чем я.

Она не стала отпираться. Это делало ей честь. Может, и стоило бы — но теперь, когда откровения Берндетта был в руках тех, к кому не должно был попасть никак и никогда, разоблачение было лишь вопросом времени, а бывшая королева была слишком умна, чтобы этого не понять.

— Мой отец оставил мне страну, на союз с которой соглашались разве что варвары, застрявшие в Имперских временах. Мой племянник получил от меня страну, союза с которой ищут все сильные мира сего, — продолжила Айрес, поднявшись еще ступенькой выше, придерживая юбку: в показательных мучениях больше не было нужды. — После того, что я сделала для Керфи, после всего, что я сделала для вас — вы выберете позера с арены, способного лишь на то, чтобы выйти под аплодисменты в нужный момент? Пожинать плоды, что взрастили для него другие?

— Ты дашь нам могущество и кровь, богатство и пепелища, сытость и страх, — сказал Дауд. — Он даст, пожалуй, меньше первого — но ничто из второго.

— Мой строй работает. Тем, кто верен мне, нечего бояться. Тот, кто согласен со мной, будет счастлив. Я хочу для Керфи величия — это все, что имеет значение. — Королева скрестила на груди тонкие руки, облитые черными рукавами с меховой опушкой, делавшими их еще тоньше. — Я положила на этот алтарь все. Счастье. Семью. Любовь. Сына.

— Он не твой сын, — слова Миракла сыпались чеканной дробью. — Никогда не был и уже никогда не будет.

— Нам обоим была известна его мечта. Я помогла ему ее исполнить. Взгляни на него... разве он не прекрасен? — Айрес смотрела на того, кто ждал освобождения в центре площади, почти любовно; отраженный свет плескался в ее глазах, придавая жуткое сходство со слепыми. — Я сделала это ради того, что выше меня и моих интересов. Ради того, за что стоит заплатить любую цену.

— Я видел кровь невинных, Айрес Тибель. Кровь детей. Я сам проливал ее, — новый голос, прозвучавший на площади, прозвучал с гортанным акцентом жителей загорья. — Ничто в мире не может стоить этого.

Когда Айрес резко повернулась к тем, кто шел к эшафоту сквозь толпу, впервые с момента призыва на лице ее отразилась растерянность.

— Как...

— Мои Советники умнее, чем вам бы хотелось, — сказал Повелитель дроу. Его Советники, легки на помине, шли следом — как и знаменосец, сверкавший синими глазами из-под пушистой шапки, и десяток гвардейцев, одаривших Айрес Тибель очень недобрыми взглядами. — Запрет на перемещения им не помеха.

— Поэтому, к счастью, наши отношения с Керфи не омрачит убийство всего нашего посольства, — сказала Повелительница людей.

— Хотя на сей раз большую его часть мы предпочли оставить во дворце, — сказал Повелитель эльфов, пока его жена сжимала в пальцах лук из искристых зеленых лоз.

— И без своевременного предупреждения от прекрасной лиоретты могли и не успеть, — добавила Белая Ведьма, расчеркнув воздух ледяной рапирой.

Первый Советник Повелителя дроу молчал — и от мягкой, рассеянной улыбки на его губах делалось страшнее, чем от злого золота в глазах дроу.

Позже маги Керфи единогласно сходились в том, что многое отдали бы за рунную формулу с колец риджийцев, позволявшую сбежать даже оттуда, где действовал магический запрет. И в любом случае решение начертать эту формулу на помосте, чтобы оставленный во дворце дроу смог призвать тот в безопасное место — со всем и всеми, кто с ним соприкасался, — было воистину гениальным.

— Наши подданные должны были остаться у той трибуны, — продолжил Альянэл, уже на риджийском. — Мои подданные. Мальчики, которым не суждено было бы вернуться домой. Советники, которые видели мое восхождение на трон. Я, как и вы, очень ценю тех, кто верен мне. Я видел детей рядом с нашим помостом. — Вскинув голову, посеребренную луной в его волосах, он встретился глазами с

Мираклом, свысока следившим за расстановкой сил. — Если вам нужна наша помощь, тирин Миракл, вы ее получите.

Тот кивнул — полупоклоном, серьезным и благодарным.

Айрес смотрела на тех, кто быстро окружал эшафот: дроу и эльфы, «коршуны» и гвардейцы, риджийцы и керфианцы. Люди, в глазах которых не осталось ни капли благоговения — лишь то, что видит с эшафота всякий кровавый убийца.

— Все, что ты делала, ты делала для себя. Для себя одной, — сказал Миракл. Они с Айрес стояли вровень. — И никогда не спрашивала тех, кто верен тебе, чего они желают на самом деле.

— Если ты умен, ты знаешь чужие желания, не спрашивая.

— Или заставляешь их жить твоими желаниями. Не сомневаясь, что их нельзя не разделять. — Коротким, не особо величественным, зато искренним жестом Миракл тирин Тибель указал на площадь, усыпанную костями. — Ты всю жизнь заставляла других платить цену, которую назначала сама. Ты считаешь, имперская корона стоит этого?

Стоя бок о бок с Даудом, Мирана Тибель крепче сжала под своими пальцами воздух, что магия сделала плотнее стали.

Айрес Тибель смотрела на своих врагов, готовых к битве, ждущих знака от единственного, кто сейчас имела право его подать — даже для других королей.

— Если хотите противостоять мне, можете попытаться. Если не боитесь всего, на что я теперь способна. Если не боитесь того, что случится, если мой барьер исчезнет. — Она обернулась к племяннику, прекрасно понимая, почему тот медлит. — И раз уж мы заговорили о лжецах...

О том, что случилось после, каждый из видевших рассказывал разное. В легендах об этом дне гибели Айрес Тибель уделяли не так много внимания: даже несмотря на то, что событие, которому действительно уделяли внимания, рассказчики никак не могли видеть своими глазами.

Истории о смерти тиранов, конечно, греют душу людям, мечтающим о справедливости, — но истории о любви и жертвах во имя нее во все века были куда популярнее.

— Я рад, что тебе под силу взглянуть мне в лицо, дитя, — молвил Жнец.

Белыми были его глаза, белыми, словно меж ресниц его клубились летние облака, сквозь которые пробивалось сияние тысячи звезд. Белыми были крылья, взрезавшие сумерки осколками-перьями дрожащего света — не холодного, не теплого, бесстрастного, ждущего каждого в конце пути.

Ева думала, что не сразу увидит того, кто ждал ее в центре круга. Не была уверена даже, что не ослепнет, оказавшись в эпицентре сияющей бури. Но зрачки привыкли к свету пугающе быстро.

В лице того, кто стоял перед ней, угадывались знакомые черты. В голосе — она не могла сказать, был то шепот или рокот, или хор, поющий в ее сознании, или все вместе — знакомые нотки. Все, что осталось в нем от Герберта — хрупкая златовласая оболочка, слишком маленькая, слишком смертная, так непохожая на мальчика, которого когда-то Ева увидела по пробуждении на алтаре.

Ева не знала, какими словами приветствуют бога, но все слова, что ей следовало бы произнести, заменил тонкий, невольно сорвавшийся крик:

— Ты обещал мне, что вернешься!

Все отчаяние, вся боль разбились о покой, сиявший звездами во взгляде Жнеца.

— Он не слышит тебя, дитя. — Шлейф подголосков тянулся за его словами, точно богу смерти вторили все души, что пожиались им от начала времен. — У немногих хватает сил, чтобы заключить меня в клетку плоти, и быть в этой клетке для меня невыносимо. Сделай, что должно. Освободи из ловушки нас обоих.

Всплеск отчаяния был коротким. Отчаиваться было бессмысленно.

Перед лицом смерти людям свойственно осознавать, как смешны, как неважны те обиды, те чувства, что когда-то не давали покоя — а Ева смотрела в лицо смерти буквальнее, чем кто-либо.

— Освобожу, если можешь сохранить ему жизнь.

Покой, манивший в его глазах, эхом отражался в ней. Наверное, поэтому — только поэтому — она так просто говорила с тем, кто видел, как умирают звезды, планеты, вселенные.

— У всего есть цена. Ты знаешь плату за Обмен.

Ева знала. И торговалась не за то, чтобы жизнь Герберта отдали бесплатно.

Лишь за то, чтобы ей позволили расплатиться бракованной валютой.

— Ты примешь ее от меня?

Жнец склонил голову набок: лицо его осталось бесстрастным, но в жесте читалось многое. Так любопытный мальчишка, еще не знающий, что такое смерть, смотрит на холодного зверька, отказывающегося вставать. Так люди смотрят на непостижимое — то, что очень хотели бы, что давно и безуспешно пытаются понять.

— Не боишься расстаться даже с тем, что осталось от твоей жизни?

— Всем, что от нее осталось, я обязана ему. Все, что у меня осталось, мне не жалко ему отдать. Это справедливо.

Она не колебалась. Она не думала об ответах заранее — просто знала их давным-давно.

Жнец смотрел на нее. Наверное, будь он чуть более человечен — даже сейчас, заключенный в смертное тело, остававшийся бесконечно далеким от смертных, — Ева увидела бы в этом взгляде пытливость.

Керфианцы говорили, что Жнец милосерден, и молили его о любви, но само понятие любви было бесконечно чуждо ему, воплощавшему самую безжалостную силу всех миров.

— Да будет так, — молвил Жнец — и, подступив ближе, Ева закрыла глаза.

Чтобы поразить цель, зачарованному клинку не требовался ее взгляд. Достаточно было мысли.

Она не остановилась, даже ощутив, как лезвие вошло в плоть и кости под белым льном. Она замерла, лишь шагнув к нему так близко, что смогла бы его обнять: вогнав рапиру до основания, до рукояти.

Когда белизна, пробивавшаяся сквозь закрытые веки, померкла, посмотрела на Герберта — как раз вовремя, чтобы успеть подхватить его прежде, чем он упадет.

Слушая тишину, сменившую симфонию смерти под закатным небом, вновь расстелившимся над ними вместо белизны, Ева выдернула клинок из его груди. Сталь зазвенела о камень — ненужная, отброшенная прочь, оставившая на камне багряный след. Посмотрев в застывшие льдистые глаза, уложила Герберта на мрамор: он был тяжелее, чем думалось, глядя на его худобу.

Стоя на коленях, убрала с его лица пряди, растрепанные светозарным ветром. Кажется, среди них появилась пара седых.

В ее памяти пел Эльен — подсказывая все, что ей осталось произнести.

— Путь мой стелется под ноги...

Страха не было. Даже перед кровавым пятном, расплзавшимся по ритуальным одеждам. Даже перед неподвижностью любимого, знакомого лица, к которому Ева склонилась, чтобы завершить все по правилам.

Страху не было места.

— ...жизнь моя позади, смерть и любовь моя перед моим лицом...

Слова Финального Обмена слетали с губ легко: казалось, она твердила их уже не раз. Слова невесомыми бабочками касались других губ — бледных, сухих, покрытых чешуйками кожи, что уже начала умирать, не в силах вынести заключенную в ней вечность.

— ...Пожинающий судьбы, Владыка дорог...

Она почти улыбнулась, думая, в какой ярости будет Герберт, когда очнется. За то, что до самого конца она делала все ему наперекор.

Наверное, потом он поплачет по мертвой девочке, которая так хотела снова стать живой...

— ...прими мою душу взамен его души.

Когда Ева выдохнула в его губы свою последнюю мольбу, они были теплыми — как милостивая чернота, ответившая на ее просьбу объятиями, стершими и любовь, и боль, и кровь на ее руках, и ее саму.

...о том, что случилось после, каждый из видевших рассказывал разное. Сходились лишь в одном: никто не успел тронуть Айрес Тибель, когда та упала на эшафоте, будто один из нацеленных на нее клинков ударил ее в сердце, заставив оборвать начатую фразу. И случилось это почти одновременно с тем, как свет на площади погас, растаяв, как и крылья Жнеца.

О причинах этого позже спорили до хрипоты. Случай был беспрецедентный, и наверняка сказать, что произошло, не мог никто; но Белая Ведьма, в замужестве получившая имя Сноуи Миркрихэйр, в своих воспоминаниях о тех событиях склонялась к тому, что всему виной вассальная клятва, укрепленная утраченными рунами Берндетта. Убей Айрес племянника своей рукой, как Берндетт убил Гансера, она фактически разорвала бы связь по собственной воле — и

смерть Уэрта прошла бы для нее безболезненно, оставив лишь подарок в виде силы, что свергнутая королева так желала. Сердце Гербеуэрта Рейоля пронзил не ее клинок, пронзил, пока клятва еще действовала — и вассал, с которым после ритуала королеву связала ниточка куда прочнее, чем ей бы хотелось, утянул госпожу за собой.

Только за душу Айрес богам никто не предложил выкупа, чтобы сердце ее смогло забиться вновь.

Эльфы, давно имевшие дело с магическими связями и ритуалами вроде эйтлиха, согласились, что это объяснение выглядит правдоподобно. И хотя объединенными усилиями риджийцы и керфианцы наверняка одолели бы Айрес в бою, такой исход устраивал всех. Бой неизменно повлек бы за собой жертвы, а их тот День Жнеца Милосердного и без того принес немало.

Скелеты опознавали и выносили с площади три дня. Хоронили еще дольше.

Насчет дальнейших событий расхождения были куда разительнее. Кто-то говорил, что первым на трибуну взбежал король, и рыдания вырвались из его груди в момент, когда он подумал, что его брат лежит мертвый. Кто-то кривился, что тирин Миракл не из тех, кто открыто проявляет свою слабость, и трибуну огласил лишь его радостный крик — в миг, когда тир Гербеуэрт сел, непонимающе оглядываясь. Кто-то клялся, что к минуте, когда тирин Тибель добрался до трибуны, наследник уже баюкал возлюбленную на руках; кто-то писал, что влюбленных обнаружил героический призрак, раскрывший коварство Айрес Тибель, и он же первым высказал догадку об Обмене...

В любом случае Обмен был единственным, что могло объяснить смерть Айрес Тибель, живого и невредимого некроманта с алым пятном вокруг сердца и рапиру невесты короля, лежавшую рядом с ее телом.

Конечно, слухи были. Как и негодование. Случившееся вскрыло слишком много тайн, которые переворачивали сложившуюся картину с ног на голову. Были те, кто поставил под сомнение легитимность власти Тибелей, ведь Берндетт не совершал призыва, что доказал благоволение Жнеца его роду; им справедливо указали, что призыв в конечном счете успешно свершил тир Гербеуэрт, королевский наследник, доказав благоволение Жнеца более чем убедительно. Были те, кто негодовал, что король скрывал деликатное состояние невесты;

их голоса заглушили другие, восторгавшиеся прорывом некромантической науки, и те, кто не видел в этом состоянии ничего зазорного (в конце концов, лиоретта была скорее жива, чем мертва, и успешный Обмен тому свидетельство). Были те, кто шушукался, что Миракл не заслуживает трона, раз напророченная Лоурэн дева отдала сердце вовсе не ему; но придворные пришли к выводу, что лиоретта попросту влюбилась в брата короля уже после помолвки (девичье сердце изменчиво), а второй ее подвиг лишь подтвердил, что Лоурэн писала о ней, так что корона украшает лоб Миракла совершенно законно.

Что победа над драконом была подвигом из того же разряда, что и величайшее деяние Берндетта, никто так и не узнал. Как и правду об убийстве Кейлуса Тибеля. Это могло бы вызвать слухи, заглушить которые было бы далеко не так просто, — но Айрес Тибель умолкла прежде, чем успела об этом поведать. Кроме нее истину знали лишь король и его брат, а они умели молчать.

И все это меркло в сравнении с тем, какие споры кипели о том, почему тем вечером невеста тирина Миракла, по всем правилам свершившая Финальный Обмен, вместо склепа спала в дворцовых покоях наследника — отнюдь не вечным сном.

Что ее разбудило, Ева не помнила. Помнила лишь нырок из черноты, где не было ничего — ни чувств, ни воспоминаний, ни снов, — и как уставилась перед собой, пытаясь понять, кто она, где она и почему над головой ее висит балдахин, похожий на те, какие пылятся над кроватями в средневековых замках.

Кусочками, словно паззл, сложила рывками возвращающуюся память.

Жнец. Призыв. Скелеты.

Обмен...

Она лежала на несносно мягкой постели, топившей ее в пушистой перине, и думала, что это не слишком похоже на тот свет — и о том, что это могло значит, думать ей совершенно не хотелось.

Если она здесь, значит, Обмен не удался. Если Обмен не удался, значит, Герберт...

...она не сразу не поняла, что не так в глубоком, порывистом дыхании, которым тело отозвалось на отчаяние, всплеснувшееся в душе. И в ощущении тепла, которым окутывало ее одеяло из

мягчайшей шерсти, что Ева когда-либо видела. И в запахах — воск и цитрус, — бивших в нос, и в мерных, едва заметных судорогах, с которыми что-то билось в груди, в ушах, затылке...

...она дышала.

Новый вдох замер в легких — позволяя сполна насладиться чудесными, давно забытыми ощущениями недостатка воздуха и сердца, от возмущения ускорившего ритма.

Она дышит. Ее сердце бьется. Под ее кожей пульсирует кровь: теплая, отдающая это тепло шерсти, что хранила и грела ее в ответ.

Это потрясающее открытие заставило Еву сесть — и увидеть Герберта, молча следившего за ней из кресла подле кровати.

— С пробуждением, — сказал он.

Бледно-золотые пряди, среди которых затесалось несколько серебряных, падали на белый хлопок домашней рубашки. Руки, сцепленные в замок, лежали на коленях, затянутых в темные брюки. Он казался чуть бледнее обычного — и осунувшимся не больше, чем в период одержимой работы над ее воскрешением.

— Как себя чувствуешь?

Ева вспомнила далекое, очень далекое пробуждение на алтаре.

— Следующим вопросом будет «как тебя зовут»?

Ей почти удалось сказать это иронично и не слишком хрипло.

Он не улыбнулся — лишь в глазах Ева увидела то же облегчение, что осветило их в день, когда он впервые услышал ее голос.

— Нет. — Герберт поднялся с кресла. — Через это мы уже проходили.

Ей хотелось задать ему тысячу вопросов. Но она лишь смотрела, как он садится на край постели — пытаясь поверить, что все это не сон, не сладкий обман посмертья, подаренный глупой девочке за самопожертвование.

— Ты жив, — произнесла она, словно слова могли сделать все более реальным.

— Твоими стараниями.

— Я жива.

— Не совсем твоими стараниями.

Глядя на его лицо, выбеленное не усталостью — бешенством, Ева вспомнила о своих последних мыслях перед концом.

Предсказуемый, несносный мальчишка...

— Я предупреждала: если мне потребуется умереть за тебя, я умру.

Его объятия были резкими, безжалостными до нехватки дыхания, до хруста костей, — и это, и легкая боль в миг, когда его пальцы, зарывшись ей в волосы, потянули их назад, заставляя откинуть голову, были прекраснейшими ощущениями в мире.

Она чувствует...

— Сама не хотела жизни, купленной такой ценой, — Герберт выплюнул это с той же яростью, с какой впился в ее губы после следующих слов. — Не подумала, что я буду делать со своей?

— Если ты забыл о существовании слова «спасибо», приму это в качестве благодарности.

Ева выдохнула ответ, когда ей позволили — шепотом, срывающимся от давно забытых ощущений, с какими кружит голову разгоряченная кровь. И это все же заставило его улыбнуться, а ее — услышать щелчок, с каким ключ, подчиняясь нетерпеливому движению его руки, изнутри провернулся в замке.

Благодарить Герберт умел: просто безмолвные благодарности давались ему куда лучше.

...позже выяснилось, что вместо жизни лиоретта утратила Дар — в обмен на воскрешение; и не только Сноуи Миркрихэйр склонялась к тому, что к такому поразительному результату привел Обмен, совершенный нежитью. Пословица «двумя смертям не бывать» бытовала не только на родине прекрасной лиоретты, да и минус на минус в керфианской арифметике тоже давал плюс. Авторитетные керфианские маги пришли к тому же выводу, что и Белая Ведьма: попытавшись отдать свою жизнь, будучи неживой, лиоретта отдала единственное, что у нее было — Дар, ведь на тот момент в теле ее был заключен только сидис, тогда как в нормальной ситуации люди отдают роборэ (видимо, при передаче посредством Обмена один тип энергии благополучно превратился в другой, что ранее не представлялось возможным, но приходилось допускать; в конце концов, для лиоретты сидис приравнивался к роборэ, так что уравнение в целом не нарушалось). Однако чары некроманта сопротивлялись ее упокоению так отчаянно, что вступили в конфликт с энергией Обмена, и эта реакция довершила то, чего так и не смог сделать Гербеуэрт — вернула лиоретту за грань, за которую ее отбросила стрела королевы. В конце

концов, от этой грани ее отделяло очень немногое: ритуал послужил толчком, регенерация в ее теле довершила остальное, и кровь снова побежала по ее венам от затрепетавшего сердца.

Снежана в своих записях сравнила это с восстановлением системы и откатом к сохраненным настройкам при перезагрузке компьютера, но эту фразу поняли немногие.

Лодберг Миркрихэйр предполагал, что связь некроманта с его созданием наверняка тоже сыграла роль. Особенно после того, как этому некроманту удалось призвать самого Жнеца. Даже учитывая, что лиоретту перевели на подпитку от собственного сидиса, она продолжала черпать какие-то силы у своего создателя (то, что она сумела открыть шкатулку, это доказывало). Так что помимо эфемерного чувства ее связывало с некромантом нечто куда более реальное — и еще вопрос, смогла бы она надолго пережить его гибель (Белая Ведьма здесь не преминула поспорить, что гибель внешнего источника питания, от которого лиоретта подпитывалась в фоновом режиме, просто перевела бы ее на полную подпитку от внутреннего, но согласилась, что скорее всего некромант продолжал оставаться для Евы основным энергетическим ресурсом, а ее сидис — резервным; эти пометки также поняли немногие). При данном раскладе, когда лиоретта попыталась отдать свою энергию тому, от кого долгое время подпитывалась этой энергией, это позволило душе уцепиться за незримую ниточку, которая всегда протягивается между умертвием и его хозяином, и не уйти в небытие.

Поэма Эльена Лейера — не только самое известное его сочинение, но и наиболее известное сочинение о том дне, — предлагала куда более романтическое объяснение. Ибо, говорилось в ней, впервые Жнец не просто откликнулся на молитву, прозвучавшую откуда-то с далекой земли, а посмотрел в глаза девочке, что готова была отдать жизнь за любимого — и это тронуло Его; а когда еще бог мог проявить великодушие, как не в день, когда жители Керфи славили Его милосердие?

Споры скептиков и романтиков на эту тему звучали в Керфи еще долгие годы. Но в конечном счете каждый принимал то объяснение, что было ему ближе, а факт оставался фактом: той ночью светильники в спальне наследника не гасли еще долго. И это было хорошо, потому что даже сотни смертей не отменяют торжество жизни.

Особенно той, что обошлась своим владельцам так дорого.

— Это стоило того? — спросила Ева, когда они лежали в обнимку, обводя пальцем шрам на его груди. Место, где рапира пронзила его сердце, казалось почти незаметным: заколдованное лезвие было слишком тонким, чтобы оставить внушительный след. Просто бугорок, бледный на бледной коже, ощутимый кончиками пальцев. — Призыв?

Наверное, это был не самый восхитительный секс. Не слишком долгий. Не слишком изобретательный. Точно не упоительный марафон, который можно было красиво расписать на десять страниц в любовном романе. В конце концов, у них обоих было не то чтобы много опыта. Но он был достаточно хорош, а Герберт — достаточно внимателен, чтобы Ева наконец уверилась: это занятие может быть приятным не только в романах.

— Сотен жертв? — уточнил Герберт сухо.

— Если бы не было жертв.

Рука, лежавшая на ее обнаженной, разгоряченной, влажной спине, задумчиво дрогнула.

— Я видел бесконечность, — сказал он после паузы долгой, как недавний поцелуй. — Я чувствовал, как звезды обращаются в ничто. Был больше, чем вечность, больше, чем вселенная. Я видел тебя, и то, что ты делала, потому что видел все и каждого, но был слишком далеко, слишком... многим, чтобы понимать и помнить, что это значит. Я был Им — и ничтожной частью Его, неспособной действовать, неспособной мыслить. Только наблюдать.

— И это стоило того? Всего, что ты делал, чтобы к этому прийти?

В том, как горько изогнулись его губы, она прочла ответ прежде, чем тот прозвучал.

— Ты стояла.

Потянувшись к нему, чтобы стереть эту горечь с его лица, Ева запоздало поняла, что еще из важных атрибутов ее не-жизни исчезло после Обмена. Ехидные комментарии того, кто едва ли мог оставить происходящее без внимания.

Мысль об этом заставила ее замереть.

— Мэт...

Еще прежде, чем зов остался без ответа, по едва уловимому ощущению непривычной пустоты она поняла: демон исчез.

Что бы ни вернуло ее к жизни — не-жизнь, в которой Ева заключила сделку, позволившую твари из Межгранья поселиться в ее сознании, она честно отдала.

— Ушел? — следя за ее лицом, понимающе сказал Герберт.

— Ушел. — Подтвердив слова поцелуем — без опаски, без стыда, — она отвела седую прядь, липнущую к его мокрому лбу. — Забавно, что ни говори.

— Что именно?

— Я смогла по-настоящему жить лишь тогда, когда в мыслях примирилась со смертью.

Седина в его волосах слегка мерцала в полумраке: звездным серебром, сохранившимся отблеском белых крыльев.

— Знаешь, — сказал некромант, еще недавно бывший мальчиком, отчаянно не желавшим умирать, — я думаю, в этом и есть весь смысл.

Кто-то, наверное, мог не понять, что он имеет в виду — но Ева не была кем-то.

Глава 23. Abschieds-Symphonie

(*прим.: Abschieds-Symphonie — «Прощальная симфония», название 45-ой симфонии Гайдна (нем.). В процессе исполнения музыканты один за другим прекращают играть, гасят свечи на пюпитрах и покидают сцену. В год сочинения симфонии работодатель Гайдна, князь Эстерхази, слишком задержался в своей летней резиденции; музыканты его капеллы, мерзшие и тосковавшие по семьям, не могли самовольно покинуть ее, если не хотели лишиться работы. Симфония оригинально и убедительно намекнула князю, что пора и честь знать)

День, когда по ту сторону прорехи меж миров Ева увидела Москву, настал незадолго до весны.

— Прощаться на всякий случай не буду, — сказал Мирк накануне, когда они сидели в замке Рейолей, собравшись для очередного последнего совместного ужина. — В четвертый раз это может выглядеть немного смешно.

— А вдруг именно в этот раз выйдет, и будешь до конца своих дней жалеть, — почти весело заметила Ева, доскребая со дна тарелки самое восхитительное картофельное пюре, что она пробовала в жизни (правда, дома оно никогда не было зеленым, но эту особенность местный аналог картофеля успешно компенсировал вкусовыми качествами).

Риджийцы долго торговались за право увезти Еву на свою территорию, чтобы организовать ее возвращение на родину со всеми удобствами. Но Герберт на этот счет был непреклонен, а Ева не слишком-то оспаривала его право говорить за нее категоричное «нет». В итоге некромант и Лодберг пришли к любовному соглашению — обменялись кристаллами, с помощью которых поддерживали связь. Маг дроу не забывал исправно анализировать возмущения в магической изнанке мира, вычисляя место и время появления следующей прорехи. Герберт не забывал «брать трубку», когда кристалл требовал его внимания, педантично проверять услышанное и отпиваться зельем от головной боли, изредка злорадно гадая, известен ли его рецепт риджийцам.

Пускай некромант примирился с тем, что Ева его покинет — это не означало, что он проникся любовью к тем, кто ей в этом поможет.

Трещины между мирами всякий раз возникали в абсолютно случайных местах. Что с той, что с этой стороны. Повлиять на это не было никакой возможности: лишь заставить работать в оба конца и надеяться, что эти концы окажутся там, где надо. Снежане в свое время повезло: единственный проход, который Лод зачаровал для нее, вел в Питер. Оттуда добраться до Москвы было бы несложно, но Белая Ведьма такой удачей не воспользовалась.

Еве (как и во многом другом) повезло куда меньше.

Несколько прорех открылись на других континентах или посреди океана — телепорты на такие расстояния были нестабильными, а добраться морем они уже не успевали: возмущения в пространстве выдавали себя не раньше чем за пять дней. Первая прореха, которую Ева в итоге увидела, открыла по ту сторону прекрасный вид на тропический остров с пальмами, вынудив прелестную лиоретту вежливо отказаться от путешествия. Вторая явила взору Тауэрский мост — Ева успела поразмыслить, как будет искать русское посольство и рассказывать там фантастическую историю своей амнезии касательно всего, что случилось после встречи с машиной на пересечении Малой Дмитровки и Страстного бульвара, но в итоге решила дожидаться, пока пункт назначения откроется поближе к исторической родине. За третьей ревел горный водопад — где он находился, ни Ева, ни Снежка так и не поняли, но топить Еву немедленно по возвращении не хотелось никому. Хотя бы потому, что к каждой прорехе ее провожал Герберт, и порой Ева думала, что Аид в его лице потерял очень ценного кадра: Церберу с его появлением точно можно было бы дать отставку.

В последний раз Лодберг вышел на связь три дня назад, чтобы сообщить, что следующая прореха откроется в Ленджийских горах. Таким образом теоретическое Евино отбытие запланировали на завтра — снова, и на четвертый раз это превратилось почти в рутину.

— Будет тебе лишним поводом остаться, — без малейшего веселья откликнулся Мирк, бросив в темноту под столом очередной кусочек мяса в сладком фруктовом соусе. Темнота отозвалась аппетитным чавканьем. — Вдруг совесть не позволит уйти, не сказав «до свидания» несчастному брошенному жениху.

— Мирк, сколько раз говорить, — устало проговорила Мирана, — не прикармливай Герберта со стола.

— Король имеет право время от времени не слушаться маму. Зачем вообще иначе нужна корона?

— Я запланировал на завтра особенный ужин, — жизнерадостно откликнулся Эльен. Он дежурил поодаль, не гнушаясь лично подливать гостям амелье вместо услужливых скелетов — и за тем, как Ева уминает третью перемену блюд, наблюдал с не меньшим умилением, что месяц назад. — На десерт лигитринские персики в шалфеевом меду, а такие кушанья лучше не пропускать...

Подняв глаза, Ева увидела Герберта, ожидаемо мрачного, ковыряющего свое жаркое на фоне камина.

В огромной столовой замка Рейолей они собрались вчетвером, не считая дракона под столом и призрака у дверей. Как ни странно, этого оказалось достаточно, чтобы залу, что когда-то встретила Еву гулкой мертвенной пустотой, заполнила жизнь. Достаточно было даже двоих — с тех пор, как Ева ожила, они с Гербертом неизменно ели вместе, на радость Эльену, которому все же представилась возможность удивить дорогую гостью еще и талантом распорядителя кухни.

Кажется, никто из собравшихся не верил, что повод, в честь которого они собрались, на сей раз может не оказаться пустышкой. Не верили и в первый раз, хотя тогда обстановка за столом была куда более нервной, а после третьей неудачной попытки разуверились окончательно. Наверное, Ева бы злилась, если б не понимала: за этим столом есть по меньшей мере один человек, который принимает эту перспективу всерьез, и с этим человеком им еще предстоит очередной серьезный разговор.

Хотя эти «семейные ужины» ей в любом случае нравились. Тем, что зарождали в ней надежду — это заложит традицию, которая продолжит существование и после ее ухода, и Герберту придется чуть реже ужинать в компании скелетов за дверью и невеселых мыслей в своей голове.

— Если я не вернусь, передайте мои наилучшие пожелания господину Дэйлиону.

— О, к четвертому разу уже «наилучшие пожелания», — хмыкнула Мирана. — В первый, кажется, Дауд вообще не удостоился быть чести упомянутым.

— Может, к пятому разу уже сможешь передать пожелания счастливой жизни в новом браке...

Нож госпожи полковника укоризненно заскрежетал по серебру, резанув мясо куда суровее необходимого:

— Мирк!

— Ничего, мам, семь лет — приличный траур даже по моим меркам. — Ухмылку короля Керфи скрыла белизна столовой салфетки, чопорно поднесенной к губам. — Хотя называть его «папой» не обещаю. Много чести.

Жизнь продолжается, думала Ева, пока скелеты, бряцающая костяными ступнями, уносили грязные тарелки, расчищая место для десерта. Продолжается — и продолжится, даже когда ее уже не будет здесь. Герберт-младший будет расти, чтобы однажды затмить солнце блеском драконьих крыльев, на радость наблюдающей откуда-то маме и своему королю. Люди, с которыми она соприкоснулась, будут влюбляться, жениться, взрослеть и стареть, решать вопросы сердечные и государственные.

Иногда ей было интересно, присоединился бы к ним Кейлус, сложись все немного по-другому. Хотя, если бы сегодня он мог составить им компанию, все сложилось бы сильно по-другому.

С ним Ева тоже попрощалась, всего один раз — но невянувший летоцвет в стеклянном фонарике должен стоять на его могиле и теперь. Когда она попросила у Герберта вернуть ей давний подарок, тот даже не уточнил, зачем: Ева рассказала сама.

Он был не против.

Керфианский двор, естественно, не поставили в известность, что Избранная вскоре их покинет, но после Дня Жнеца Милосердного Ева нечасто появлялась на дворцовых приемах, предпочитая оставаться под крышей замка Рейолей. Учитывая обстоятельства, это осуждали не больше, чем ветреность спасительницы всея Керфи в сердечных вопросах. Еве на слухи и домыслы о ее персоне было немножко квинтово (в плане параллельности). Расстраивался, кажется, только добросердечный господин Соммит — от Мирка Ева часто получала его приветы. Иногда в цветочной форме.

Куда больше ей запомнился привет от Бианты. Коробку пряничных скелетиков, адресованных в замок Гербеуэрта Рейоля, Эльен привез из очередной поездки в Шейн — почту для наследника,

идушую от непроверенных лиц, традиционно оставляли в городском магистрате для проверки. Ева была рада, что коробка не успела сгинуть в аду магических инспекций: к скелетикам прилагалась записка от рыжей девчонки из застенков Кмитсвера, коротко гласившая «Спасительнице от меня и от папы».

Всю коробку они с аппетитом съели на пару с Гербертом за просмотр последнего сезона «Игры престолов» (после эпичного Евиного пересказа предыдущих), и Ева подозревала, что это во многом повлияло на ее великодушный вердикт «не так плохо, как когда-то казалось».

— Раз уж мы заговорили о пожеланиях, пускай Советники Альянэла передадут Повелителю мое почтение. — В том, как Мирк откинулся на спинку высокого стула, пока скелет-лакей переправлял предназначенную ему чашку с серебряного подноса на стол, скользнула величественная небрежность истинно монаршей особы. — Заодно можете ненавязчиво узнать, что он думает касательно одиннадцатой статьи третьей главы договора о создании экономического союза, чтобы до следующей встречи я мог подумать над сотым вариантом правок.

— Раз уж ваши отношения зашли так далеко, могу передать ему заодно и обручальный венец, — предложила Ева, украдкой почесывая Герберта-младшего по теплomu загривку: наевшись, дракончик пришел настойчиво бодаться о ее коленки.

— Если б это укротило его строптивость, я бы подумал. Боюсь, не поможет.

— Жаль. Потрясающая бы вышла пара, — невыразительно произнесла Мирана, с изяществом викторианской леди поднося к губам фарфор, впервые за долгие годы вновь белевший на столе замка Рейолей. — Не встречала людей, которые способны перекоролить моего сына. Возможно, надо было с самого начала искать нелюдей.

— К сожалению, возникли бы небольшие сложности с определением столицы объединенного королевства, и большие — с рапирой Повелительницы Навинии, которую та при следующей встрече попыталась бы заточить о мой хребет.

Пытаясь не подавиться фейром, поверх чашки Ева поймала взгляд Герберта — и перестала улыбаться.

О том, что ее планы касательно отбытия домой остались неизменными, они впервые поговорили на приеме в честь отбытия риджийцев. Крайне оригинальным образом.

— ...исправляю досадную оплошность, лиоретта. Раньше мне не выдалась возможность поблагодарить вас, — сказал Альянэл, когда в сопровождении своего советника и своего знаменосца приблизился к ней, весь вечер державшейся в тени. — Жаль, что сегодня вы без инструмента. Вы больше кого-либо заслужили провести это сборище в праздном отдыхе, но я надеялся на прощание еще раз услышать вашу игру.

Ева уже заметила, что немногие могли без смущения выдержать взгляд дроу. Особенно этого дроу. И тем не менее, склоняя голову, не опустила глаз — потому что впервые за вечер, который она не смогла пропустить, не увидела напротив слепого обожания, скабрезного намека или призрака недавних сплетен.

В тени колонн тронного зала ей было куда уютнее, чем на свету безжалостного великосветского внимания. Там даже бальная духота, теперь вовсю бившая по ноздрям диким коктейлем парфюмов и ароматов цветочных декораций, переносилась как-то легче.

— К сожалению, после Дня Жнеца я уделяла виолончели куда меньше времени, чем требует мой внутренний критик, чтобы спокойно выпустить меня на сцену. Но буду польщена, если однажды мне и моему инструменту посчастливится преподнести Повелителю еще один скромный дар.

Солнце в глазах дроу окрасил насмешливый блеск: кажется, он прекрасно понимал, каким образом последние две недели хозяин замка Рейолей мог отвлекать от виолончели дорогую гостью, вернувшуюся в его обитель.

Справедливости ради, Ева отвлекала гостеприимного хозяина в той же степени. Особенно когда замечала его уставившимся перед собой нехорошо пустыми глазами: призыв Жнеца, смерть и предательство женщины, бывшей ему ближе матери, не могли пройти для него бесследно.

— Не столь скромный, как вы думаете. Пусть и скромнее, чем тот, что вы преподнесли нам в День Жнеца.

— Но этот дар лучше оставьте единственным, — добавил Лодберг. — Второго подобного проявления вашей скромности эта прекрасная страна может не пережить.

Белая Ведьма только рассмеялась. Негромко, совсем не колюче. Ева потом не раз думала, что Снежана, от которой ждешь подвоха, сильно отличается от Снежаны, на которую смотришь непредубежденным взглядом, очищенным концом затянувшегося маскарада.

Под аккомпанемент этого смеха и прозвучал тот злополучный вопрос:

— Тогда, смею полагать, ваше предложение еще в силе?

Выпрямившись, пока сплетники акулами кружили поодаль у приютившей ее колонны, Ева посмотрела на Гэрберта, с которым они весь вечер ненавязчиво старались держаться порознь. С тем же недоумением, что риджийцы.

— Предложение, тир Гэрбеуэрт?... — вежливо уточнил Повелитель дроу.

— Ваши маги говорили, — сказал некромант, глядя в упор — не на него, на Еву, — что знают, как вернуть лиоретту домой.

Слова ударили под дых. Как и этот взгляд. Как и то, что за две недели, минувшие со Дня Жнеца, Еве в голову не приходило поднимать этот вопрос. И она никак не ожидала, что здесь и сейчас его поднимет вовсе не она.

Рано или поздно, конечно, ей бы пришлось об этом подумать. Но в тот момент она была слишком рада всем переменам в своей — наконец-то — жизни, чтобы думать о чем-то кроме настоящего. О чем-то кроме той ерунды, о которой вполне естественно думать семнадцатилетней девчонке, больше не обремененной ни зловещими предчувствиями, ни ежесекундной ложью, ни фальшивым венцом на голове, которую Ева в кои-то веки позволила себя потерять.

— Разумеется, в силе. — Лодберг первым разорвал тягучее молчание, заглушившее для них четверых даже звуки музыки. — Если лиоретта этого хочет.

Выжидающих взглядов риджийцев Ева так и не увидела. Почувствовала. Но не увидела. В тот момент она могла смотреть лишь на одного человека — того, кто так же неотрывно смотрел на нее поверх плеча дроу, облитого фиолетовым шелком не по-королевски

просто скроенной рубашки; читая в глазах, которые она уже не могла ассоциировать с льдинками, немой вопрос. Не зная, зачем ее ответ нужен здесь и сейчас — так внезапно, так резко разрубая идиллию этих двух недель, — но зная, что лжи от нее не примут.

Думать, что из возможных ответов будет ложью, ей не пришлось.

— Лиоретта хочет, — очень, очень тихо сказала Ева.

Она ожидала всего. Гнева. Презрения. Холода. Но Герберт лишь обреченно прикрыл глаза.

Причины этого она поняла гораздо позже.

— Эльен сегодня просто сам себя превзошел, — сказала Ева, когда после ужина они разошлись по спальням, хозяйским и гостевым. Пожелав друг другу доброй ночи так спокойно, словно завтра они с Гербертом не поднимутся еще до рассвета, чтобы переместиться в Ленджийские горы — разделительная черта между Риджией и Керфи, под которой целых триста лет дроу прятались от эльфов и людей. — Как подумаю, что следующий ужин может быть еще лучше — тут и правда начнешь надеяться, что завтра с той стороны прореха откроется где-нибудь на северном полюсе.

Закрывая дверь в спальню, что теперь они делили вдвоем, Герберт промолчал — и, не пытаясь больше подбодрить его фальшивой бодростью, Ева отвернулась. Оставив позади бесконечные просторы темного ковра, упала на кровать по соседству с Мелком: тот лениво следил за вторгшимися людьми, возлежа на хозяйской подушке.

С тех пор, как она вернулась в замок Рейолей, безлика спальня, когда-то походившая на гостиничный номер, стала куда уютнее. К боковине шкафа прислонился футляр с Дерозе. На тумбочке и каминной полке неровными стопками лежали книги: Герберт как-то незаметно приучился читать при ней. Еще одну тумбочку — с Евиной стороны кровати, появившуюся там недавно — завалили ноты: за керфианский месяц ожидания подходящей прорехи она успела разобрать все рукописи Кейлуса, найденные в особняке, и худо-бедно заучить половину. В изножье огромной постели поселился столик, где часто можно было увидеть кружки с фейром и печенье — Герберт поставил его там, когда они возобновили славную традицию совместных просмотров. Планшет обычно жил на том же столике, но

сейчас он занял законное место во внешнем кармане футляра. Ева всегда собирала вещи заранее.

Пока Герберт выкидывал кота из комнаты, сглаживая тому горечь изгнания чесанием за ушком, Ева подползла по бархатистому покрывалу ближе к своему краю. Лежа поперек кровати, коснулась Люче, сиротливо приткнувшись между тумбочкой и деревянным изголовьем.

Она не скучала по Дару. Нисколько. Как и Кейлус, Ева так и не полюбила магию в себе — во всяком случае, ту магию, что здесь принято было таковой называть. Снежана (в мыслях Ева все чаще фамильярно называла ее Снежкой) с Лодом (к этому имени колдуна за три встречи с риджийцами Ева тоже успела привыкнуть) оптимистично предполагали, что это увеличивает шансы на успешное возвращение домой: у того, другого мира отпадет нужда чинить ей препоны, чтобы не пустить на свою территорию чуждое ему волшебство.

По Люче — Ева знала — скучать она будет.

— Пусть ее не кладут на алтарь в каком-нибудь храме. И не вешают в сокровищницу как музейную реликвию, — попросила Ева, когда покрывало по соседству прогнулось. — Хочу, чтобы она осталась здесь. У тебя.

— Пока я жив, так и будет.

Поворачиваясь к нему, Ева думала, что все, наверное, могло бы остаться так, как сейчас. Спальня, что теперь они делили вдвоем. Занятия музыкой днем, пока Герберт вершит управление Шейнскими землями (отныне не только ими). Фейр по вечерам. Ужины с Мирком и Мираной, возможность потрепать за шиворот дракончика и почесать белое пузо Мелка. Если верить Мирку, после ее выступления для риджийцев музыку Кейлуса перестали считать набором неблагозвучных гармоний, но парочка сольных концертов помогла бы закрепить результат — их Еве организовали бы без труда. В крайнем случае она отправилась бы в Лигитрин: поступать в тамошнюю консерваторию и гулять по тем же улочкам, где когда-то Кейлус Тибель провел счастливейший год своей жизни.

Но чем больше кругов наматывали на ее глазах стрелки часов, тем отчетливее Ева понимала — она не принадлежит этому миру. Никогда не принадлежала. Никогда не сможет.

«Что бы ни случилось завтра, спасибо тебе, — сказала Мирана, вслед за сыном обняв ее перед сном. Крепкими, неженскими объятиями, куда более сердечными, чем Ева могла бы ожидать от госпожи полковника в начале их знакомства. — Керфи тебя не забудет. Мы тебя не забудем». И это лишь заставляло увериться: Ева сделала для этого мира все, что могла. Один синеглазый демон, ценивший хорошие шоу превыше собственной выгоды, прибавил бы, что и для этой истории, ведь ей не суждено (нет у нее ни сил, ни возможностей, ни желания) справедливо править или нести прогресс в темные народные массы. Худшее, что Ева может сделать теперь — превратиться в бесполезный придаток. Вроде продолжения культовой классики, созданное Дарт Маусом, движимым Темной стороной и жаждой обогащения...

Ева часто ловила себя на том, что у ее внутреннего голоса проскальзывают интонации Мэта.

Это пугающе не пугало.

— Ты не веришь, что я уйду, — сказала она, сев, чтобы не смотреть на Герберта снизу вверх.

— Я надеюсь. — Он держался, как самурай — прямая спина, руки на коленях; в глазах, что полумрак выкрасил в почти серый, таяла печаль. — Но если сможешь... если получится... я тебя отпущу. Раз ты уверена, что там тебе будет лучше.

Ответ он прочел в ее молчании.

Она хотела обнять сестру и услышать ворчание родителей. Хотела еще не раз выпить с однокурсниками за закрытую сессию и поесть суши. Хотела закончить колледж, вдохнуть запах свежесданного диплома, найти свое имя в списке поступивших в консу — московскую, и никакую другую. Хотела узнать, сядет ли Мать Драконов на Железный Трон. Хотела порыдать в кино над смертью Тони Старка и Капитана Америки (а что четвертые «Мстители» воскресят всех, кто в финале третьих рассыпался прахом под похоронную тишину в зрительном зале, зато взамен упокоят с концами пару «старичков», отжирающих у студии самые большие гонорары, она почти не сомневалась). Хотела снова услышать звук, оповещающий о новых уведомлениях в твиттере. Хотела увидеть любимые витражи в метро. Хотела снова ощутить себя Евой Нельской, студенткой, сестрой и дочерью, не обремененной Избранностью, не

затянутой в круговорот сложных придворных танцев и подводных течений великосветской жизни. Хотела не пачкать одежду кровью каждый месяц: она успела пережить два цикла особых дней, и при отсутствии нормальных прокладок с крылышками это превратилось в кошмар. Лучшее, что ей смог предложить Эльен — толстые куски ткани, которые крючками крепились к особому поясу и протекали невыносимо быстро.

Казалось бы, мелочи. Но из этих мелочей складывалась жизнь, ее жизнь, которую она вернула с таким трудом. И по ту сторону границы миров их оставалось слишком много, чтобы ими можно было пренебречь.

— Иди сюда, — сказал Герберт — и она подчинилась.

На четвертый раз в рутину превратилось все, кроме ночей, которые они теперь тоже делили на двоих. На четвертый раз было не менее больно: от осознания, что завтрашней может уже не быть. Ни одежды, разбросанной прямо по полу, привнося в когда-то безликую спальню еще капельку жизни. Ни касаний, трепетных и требовательных. Ни переплетения пальцев в миг, когда и без того сбившееся дыхание перехватывает от странного ощущения заполненности — там, где в другое время ты и не думаешь ощущать жадную, тянущую пустоту. Ни краски, которую так непривычно было видеть на его бледных щеках, и блеска во взгляде, где вместо льда тихо гас голубой огонь.

Навсегда.

— Ты — единственное, о чем я буду по-настоящему жалеть, — сказала она, лежа под ним, пока звездные пряди в его волосах щекотали ей щеки. Кожа к коже, шрам к шраму: его — от стали, и ее — от серебра и рубина, больше не пульсировавшего в ее груди. — Что я оставлю тебя одного.

Герберт убрал «имплантат» сразу, как убедился, что без рубина его принцесса не обратится в тыкву. Боль в грудной клетке мучила Еву еще с неделю. Всю процедуру она провела в отключке, но когда тебе фактически заново выращивают часть грудины, которую некроманту для вживления рубина пришлось удалить, это не может пройти бесследно. Даже если в деле участвует магия.

— Как-нибудь справлюсь. — Кончики его пальцев тихо гладили ее скулы, губы, лоб: точно он был скульптором, что пытался запомнить

очертания ее лица. — В конце концов, на мне теперь еще Ковен и Звезда Магистров. Хватит дел, в которых можно прятаться от разбитого сердца. Может, в один прекрасный день смогу дописать хоть одну работу, не поплакав над ней.

Ирония почти скрыла боль. Гербеуэрт тир Рейоль, владыка Шейнских земель, которого после смерти королевы, призыва Жнеца и сотворения первого в истории разумного умертвия спешно повысили с поста Восьмой Звезды Венца Магистров до Первой (сделав таким образом самым юным главой Венца и Керфианского Колдовского Ковена за всю историю), все еще редко позволял себе быть уязвимым. Даже перед ней. Даже когда они лежали в постели нагими, когда кто угодно покажется уязвимым.

— Мне кажется, я буду плакать по тебе в каждой ноте. До конца жизни.

— Если будешь меня помнить. Если Мэт не врал.

В первый подобный разговор она тоже плакала — больше плакала, чем говорила. Слезы казались искреннее и уместнее любых слов, звучавших невыносимо фальшиво и наигранно, словно в дрянной мелодраме. В четвертый — уже нет. И мелодрама оставалась такой же дрянной, но сказать то, что она могла не сказать больше никогда, было необходимо.

В конце концов, он же смог объяснить, почему одинокий мальчик, избранный Смертью, еще недавно не желавший и слышать о ее уходе, сам, спокойно (как мог) толкнул ее уйти.

— Не надо, — не дождавшись ответа, сказал Герберт. — Не надо плакать. Тем более до конца жизни. — Перекатившись на край постели, он потянулся к тумбочке. Верхний ящик открылся с легким шуршанием дерева по дереву, почти растаявшим в шуршании углей. — Как ты и говорила, тебе семнадцать. Мне немногим больше. Вероятность, что через год мы не разругаемся в прах, учитывая мой восхитительный характер и твой исключительно кроткий нрав, не слишком велика. Вероятность, что через год ты не затоскуешь по родным и родному миру и не возненавидишь меня за это, тоже. — Достав знакомый пузырек зеленого стекла, он педантично отмерил тягучее темное зелье в серебряную ложку, привычно пойманную из воздуха; жест приправила терпкость разнотравья, примешавшаяся к

вербене, которой всегда пахла его постель. — Я не хочу ломать твою жизнь. Даже учитывая мой восхитительный характер.

Он говорил так просто, будто они обсуждали персонажей очередной просмотренной анимешки. И зная, что ему так же хочется верить в свои доводы, как и ей — пока Герберт поил ее с ложки, отсекая ей вероятность вернуться в свой мир будущей матерью-одиночкой, Ева ощущала горечь, которую не могла заглушить пряная сладость микстуры.

Больше всего на свете Гербеуэрт тир Рейоль боялся двух вещей. Первая — стать таким, как Айрес. Заставлять других жить его желаниями, не считаясь с ценой, платить которую придется не ему. Вторая — снова оказаться преданным: игрушкой, брошенной, как только в ней отпала нужда, опять купившейся на фальшивку. Обменом Ева предоставила самое убедительное доказательство из всех возможных; она может уйти, и это не отменит того, что она любит его — до тошнотворного штампа «больше жизни».

Того, кого любишь, тоже можно покинуть. Так же, как он ушел от нее навстречу Жнецу. В конце концов, он и сам не собирался оставлять родину и магию ради чуждого ему мира.

Ева тоже это понимала.

— Обещай, что будешь счастлива, — сказал он, затыкая пузырек пробковой крышкой.

— Что не будешь одна.

— Что найду кого-то не столь исключительного и венценосного, зато не настолько сноба? — Ева плотнее прижала к груди покрывало. Вся история их взаимоотношений не мешала ей стесняться наготы, света и его взгляда, как только мысли переставала вытеснять эйфория. — Та еще задачка, но постараюсь. — Ее губы были сладкими, когда она провела по ним языком. «Чтобы выпить лекарство, ложку сахара добавь», как пела лучшая в ее мире няня... — И ты... обещай мне.

Говорить было еще горше, чем слушать. Но она знала, что это правильно. Прощание без обид и собственничества. Свобода. Демократия.

Неважно, что сердце, лишь привыкающее заново чувствовать и болеть, идет мелкими трещинами, стоит только представить, что Герберт смотрит так, как сейчас

— не на нее.

— Обещай, что не зароешься снова в свои книги. Даже когда меня не будет рядом, чтобы оттаскивать тебя от работы. — Ей казалось, еще немного, и слова упадут на простыни самоцветами, рубиновыми каплями — цвета крови, которой стоило каждое из них. — Что будешь жить по-настоящему. Что найдешь кого-то вместо...

Изрезанная ладонь зажала ей рот за миг до того, как ее губы все-таки задрожали.

— Я буду проводить с живыми не меньше времени, чем с мертвыми, — сказал Герберт. Голубой огонь в его глазах не допускал возражений. — Это я могу обещать.

Когда ее опрокинули на подушки — падая навстречу запаху вербены и сладости, не имевшей никакого отношения к зельям, Ева закрыла глаза.

Он понял ее, как она понимала его. И оба они понимали слишком много и слишком хорошо, чтобы у их сказки мог выйти тот счастливый конец, на который надеялись все. Включая их самих.

Может, одному из них и стоило оказаться маленьким эгоистичным собственником, — но некоторым историям лучше завершаться, пока они еще достойны стать сказкой о любви, что сильнее смерти.

Эльен провожал их до ворот, пока они шли под сизым небом, сыпавшим гусиный пух густого радостного снега. Шел Герберт, а Ева висела у него на спине, честно стараясь держаться за некроманта без удушения: к отбытию она переделалась в джинсовый сарафан, выжженную дыру в котором заботливо заштопали, и кеды. Естественно, проблема незимней обуви легко решалась переобуванием или магией

— но отказываться от столь роскошного предложения, как покататься на своем некроманте, Ева не могла.

— Буду ждать к завтраку, — неловко произнес дворецкий, открывая им калитку. Снег крупной оседал на волосах Герберта, на плаще, что Ева набросила поверх сарафана и вельветовой куртки, но не на его камзоле: пролетавшие сквозь снежинки кружились в лучах фонаря, озарявшим потенциально последний путь Евы до почти родного моста. — Хотя бы одного из вас.

Ева красноречиво дернула ногами, которые Герберт поддерживал под коленками.

Кеды утонули в снегу, обжегшим ноги в колготках холодом. Не в первый раз — и Ева считала это мизерной платой за прощание с единственным, кто до последних минут в сказочной стране дарил ей только добро.

— Если я не вернусь, присмотрите за ним, — попросила она тихо, потершись щекой о другую, колючую, как тафта, щеку. — Я буду скучать.

Снежинки летели сквозь него, пока ее руки благонадежно обвивали его шею в вычурном кружевном воротнике. Черт все-таки знает, как здесь у призраков работает материальность...

— Я тоже, милая.

Если подумать, призракам не положено было испытывать проблем с голосовыми связками, но Эльен растрогался до хрипоты.

С другой стороны, если вспомнить фильмы ужасов, проблемы призраков с голосовыми связками можно было считать почти профдеформацией.

— И допишите ту поэму, о которой вы говорили.

— Только это и скрасит мою тоску, если сегодня я вынужден буду потчевать лигитринскими персиками не вас. — Ее обняли — едва ощутимо, но Ева знала: объятие было настолько крепким, насколько позволило ему посмертие и фонарь в руке. — Лучше возвращайтесь.

На мосту было темно и тихо: река спала до весны. Из тишины, окутывавшей зимний лес, они перенеслись в другую тишину — стелившуюся к горному утесу, широкому и плоскому, нависшему над покатым склоном, что уходил в бескрайнее ватное поле лежащих внизу облаков.

— Да хранят вас звезды, — сказал Лод, устроившийся на пестром пушистом пледе, точно они с Белой Ведьмой выбрались сюда для пикника. — Пунктуальны, как всегда. Вижу, в Керфи нынче снегопад?

Кусачий ветер высокогорья трепал рукава его выдавшей виды серой мантии.

— Да. — Скинув с плеч виолончельный футляр, Ева бережно опустила его на плед, чтобы сесть рядом. — Нелетная погодка.

— К счастью, тебе и не лететь, — заметила Снежка, доставая из кармана мел.

Здесь, выше облаков, властвовал кристальный холод. Спасал лишь плащ, подбитый чарами и мехом. Рассвет розовым заревом разгорался меж заснеженных горных пиков впереди — красиво до безобразия, точно другой мир желал обставить очередную сцену ухода Избранной, выкрутив драматичность и пафос на полную.

— Надеюсь, теперь нам повезет, — сказала Ева неуверенно.

— Если мои экзерсисы с теорией вероятности не врут, не зря, — загадочно откликнулась Белая Ведьма, рисуя руны на плоском красноватом камне. — Кстати, Криста передает привет. Жалеет, что ты так и не заглянула в гости.

От Повелительницы эльфов на приеме в честь отбытия риджийцев Ева весь вечер скрывалась с истинной виртуозностью (куда там пассажирам Поппера). Просто не имела ни малейшего желания сдерживать обещание и все-таки рассказывать Кристе свою потрясающую историю — особенно после того, как эту историю уже во всех возможных вариациях обсудили все сплетники Керфи.

— Передайте в ответ мои искренние извинения. Можете сказать, что меня посадили под домашний арест за плохое поведение.

— Что-то такое она и предположила. Когда узнала, что вас связывало. — Снежка покосилась на Герберта: сидя по другую сторону от виолончельного футляра, тот безмолвно следил за движениями ее руки. — У нее в анамнезе полный набор стереотипов о некромантах и не слишком приятный опыт привязки магическим поводком. Криста не тот человек, который может отделить объективную реальность от своих проекций.

— Полагаю, на этом месте мне положено посыпать голову прахом, — откликнулся Герберт равнодушно, — но я рад, что из нас двоих для Повелительницы эльфов гнусный садист и труполоб я, а не мой брат.

Лод тихо засмеялся — под его прозрачным смеющимся взглядом Еве снова сделалось не по себе. Этот взгляд всякий раз вызывал в ней не очень приятное чувство, что на них смотрят как на детей, и смотрит вовсе не ласковый дядюшка: скорее забавляющийся директор школы. Он, конечно, заинтересован в лучшей ученице шестого класса, которую можно выставить на доске почета и однажды выдвинуть на медаль, но видит больше ходячий и досадливо разговорчивый табель оценок, чем милого маленького человечка.

«Вы ведь ученый, — сказала Ева с безжалостной прямоотой, когда они с Гербертом прибыли на такую же встречу впервые. — Вам просто хочется, чтобы ваш эксперимент увенчался успехом. Доказать, что это не вы ошиблись в расчетах. Что неудачи связаны с неподходящими подопытными».

Ответом ей был ровно такой же взгляд. Он, да еще поощряющая улыбка — словно ребенок проявил смекалку, не совсем свойственную его нежным двенадцати годкам.

«Даже если так, это не отменяет того, что я желаю тебе добра, — сказал колдун. — Выбор все равно останется за тобой. Ты сама решишь, без чего на самом деле не сможешь жить. Прореха лишь подтвердит это. Или опровергнет».

— Готово. — Возложив зеркальце в центр рунной звезды, Снежка протянула ей знакомую шпильку. Даже когда место встречи позволяло ей притащить с собой ритуальный кинжал, Белая Ведьма предпочитала эффектному разрезу практичный укол. — Ты знаешь, что делать.

Ева знала. Знала и то, почему каждая встреча начинается с того, что ей снова и снова увечат несчастный указательный палец. Ей рассказали про одну девочку, сестру по несчастью, которую Лод когда-то так и не смог вернуть домой: ведь вернуться можно лишь к кому-то, а та девочка слишком быстро и слишком глупо привязалась к сказке, в которую угодила. Чистота эксперимента — если во время очередного ритуала зеркало останется пустым, это раньше прорехи покажет, что в действительности Ева не особо-то и хочет снова увидеть сестру.

«И если я не смогу отказаться... от этого мира... я не уйду?»

«Нет. Просто выйдешь по другую сторону — здесь же. Как будто прошла сквозь арку».

Давний ответ Лода звучал в ушах, пульсируя, как кровь в проколоте пальце, когда Ева прижала его к стеклу — ледяному кусочку розовеющего неба над их головами.

На те мгновения, пока это небо затягивал перламутровый туман, она перестала дышать.

В этот раз они застали Динку в ванной. Красящейся — Ева вдруг задумалась, что ритуал чреват явлением картинки, которой ей совсем не хотелось бы показывать даже Герберту, но за пять раз обошлось. Похоже, готовилась к эфиру: Ева давно научилась отличать

«профессиональный» макияж сестры от каждодневного, хотя в зеркальце было плохо видно. Отсутствие окон не позволяло определить время суток и года, но Снежке хватило и предыдущих попыток, чтобы с серьезным видом поблагодарить Еву за вклад в исследование межмировых временных соотношений. Прежде Белая Ведьма предполагала, что время на Земле стабильно идет где-то в девять раз быстрее, но Динка два раза подряд явилась им в пуховике на заснеженных московских улочках, причем в первый раз — на фоне праздничной иллюминации в виде гигантских цифр «2019». По теории Снежаны между этими попытками в Москве должно было пройти полгода.

Пришлось сделать поправку, что время не просто убегает вперед, а скорее течет с вариативной скоростью, синхронизируясь с параллельным миром в определенных точках. Похоже, единственное, с чем Еве по-настоящему повезло — что очередная точка синхронизации примерно совпала с первой зимой после ее ухода. Скажи риджийцы, что она вернется домой после трехлетнего отсутствия, и это бы сильно поколебало Евину уверенность в том, что возвращаться стоит.

Возможно, поэтому ей ничего не сказали. Пока не выяснилось обратное.

— Есть контакт, — констатировала Снежка, когда Ева убрала руку, вернув в зеркало небо. Проворно вскочила, полами белого плаща коснувшись меловой звезды. — Прореха скоро появится. Оставим вас... по традиции.

Традиция заключалась в том, что риджийцы деликатно отходили поодаль, давая им с Гербертом возможность попрощаться. Но, сидя на плече, сквозь который все равно пробивался холод горного камня, глядя, как бывшая попаданка и колдун отходят к низкорослой сосенке, нависшей над облачной пропастью, Ева — тоже по традиции — понимала: все слова, все, что она могла бы подарить Герберту на прощание, она подарила ночью. Здесь, даже когда посторонние демонстративно повернулись к ним спиной, она не могла произнести ничего, что стоило бы произносить.

Решить, без чего на самом деле она не сможет жить...

— Возьми.

Напряжение в воздухе натянулось так туго, что голос Герберта заставил ее вздрогнуть — точно вместо тихого слова рядом жалобно

взвизгнула лопнувшая струна.

— Возьми, — повторил он, протягивая знакомый голубой кристалл на кожаном шнурке. — Попробуешь связаться со мной оттуда. Если сможешь. Если захочешь. Ева подставила руку: подвеска упала на ладонь, щекоча кожу приятной тяжестью.

Она не стала ни благодарить, ни задавать глупых вопросов. Лишь один — надеясь, что он не такой глупый.

— Почему только сейчас?

— Думал, это ни к чему. Думал, это помешает тебе уйти. Артефакт из нашего мира. Вдруг прореха не пропустит то, что несет в себе магию. К четвертому разу решил, что рискнуть все же стоит. — В лице его стильно то же спокойствие, что в небе над их головами. — Если ты готова на этот риск.

Ева накинула шнурок на шею, заправив под футболку. Не колеблясь — и это распустило в его глазах мягкость, видеть которую было для нее мукой.

— Спасибо, — сказал он, одним до жути затасканным словом ударив еще сильнее.

— Герберт...

— Пора!

Сердце отбило ломкую стаккатную дробь прежде, чем Ева обернулась.

Знакомое марево — неровная прозрачность с человеческий рост — кривило воздух в десяти шагах за ее спиной. Лод под надзором Снежки вычерчивал руны, зависавшие сапфирной паутинкой, тающим кружевом последних чар, что Ева может увидеть в жизни.

Скинув плащ, она торопливо цапнула за ручку футляр.

Марево обернулось голубым: тем же бледным сапфиром, что руны, точно впитав их гаснущий свет. Когда Ева сделала шаг к пятой прорехе меж мирами, открывшейся на ее глазах, колдовские сполохи померкли, — уступив место нежной зелени, дождливым сумеркам и красному кирпичу.

Проход в другой мир завис над землей овальной картинкой в дрожащей рамке жидкого стекла.

Пару секунд Ева смотрела на мост, перекинутый над широкой пешеходной дорожкой, красовавшийся кокетливыми башенками и стрельчатыми проемами в высоких стенах.

— Царицыно, — сказала Снежка — тоном экскурсовода, за которым так удобно было спрятать едва уловимое педальное эхотоски. — Фигурный мост.

— Знаю, — сказала Ева.

Москва. Царицыно. И даже от дома недалеко — до родного Ясенево часа за два-три пешком дойти легко. Кошелек Ева оставила в замке Рейолей, потому что исчезнуть на год и вернуться со всеми ценными вещами было бы еще подозрительнее, чем просто исчезнуть на год. Она сунула остававшиеся у нее рубли в карман сарафана, но для органичности еще одной легенды, которую ей предстоит создать — теперь уже для собственной семьи — предпочла бы прийти домой на своих двоих.

Лучше возможности у нее не будет.

Руки сами опустили наземь карбоновый футляр, чтобы рвануть застежку молнии.

— Держи. За помощь. — Достав планшет, докстанцию и зарядку, Ева всучила их Снежане. — Герберт расскажет, как его заряжать. Полагаю, ты найдешь ему применение.

Рот Белой Ведьмы, большеватый для ее миниатюрного лица, изобразил безмолвную букву «о».

Разум в этом действе почти не участвовал. Разум лихорадочно пытался смириться с мыслью, что шаг за грань, откуда уже не будет возврата, шаг, с которым она оставит позади все, что так не хочет оставлять, все-таки случится. И не когда-то, а прямо сейчас.

...без чего она не сможет жить...

— Найду. — Снежка прижала гаджет к груди бережно, как новую куклу. Улыбнулась: по-детски светло и широко. — Спасибо тебе.

— Время, — сказал Лод, замерший подле прохода, неумолимый, как маятник По.

Набросив на плечи лямки футляра, Ева повернулась к Герберту. Бездна в его лице ясно дала понять — объяснять, что на сей раз открылось по ту сторону прорехи, не требовалось.

— Иди, — сказал он. Без сантиментов, без объятий.

Ева оглянулась на мост. Связавший весну и зиму, горный утес и дорогу в низинке, любовь и все, что звало блудного ребенка по ту сторону дождя.

...без чего она не сможет жить?

— Иди.

Она почти его ненавидела. За то, что так осторожно, так великодушно говорит лишь то, что не могло ее удержать. Почти так же, как себя — за то, что отчаянно, до боли в кулаках, до крови под ногтями хочет быть удержанной.

...не сможет...

— Ну же, — сказал Герберт.

Шепот обескровленных губ звучал страшнее крика.

В прореху Ева врезалась почти бегом.

Она ждала головокружения. Давления. Хоть чего-то. Но переход лишь хлестнул по лицу ливнем, после горной зимы казавшегося теплым. Когда, по инерции пробежав еще немного по пустой дороге, Ева посмотрела назад, там не было ничего, кроме размытого желтого абриса фонарей.

Выбор сделан и подтвержден. Мене, мене, текел, упарсин. Вычислено, измерено, проверено.

Эксперимент завершен успешно.

Она постояла в дождливых сумерках — осознавая, что сделала, или хотя бы пытаясь. Смутно вспомнив, что к ближайшему выходу идти как раз туда, где была прореха, развернулась.

Лишь добредя до пруда, отзывавшегося на песню дождя веселой рябью, поняла: ждать, что следующий шаг вернет ее под рассветное небо, не стоит. История «Ева Нельская» обзавелась подзаголовком «или туда и обратно». Жирной, бесповоротной точкой в конце, подводящей двойную тактовую черту.

Они так и не сказали друг другу «прощай».

Первый шаг с этим знанием дался тяжело, точно вместо плавного откоса плиточной дороги перед ней вздымались последние сто метров вершины Эвереста.

...«хоть представляешь, дурилка, что с тобой будет, если вернешься оттуда»...

Следующие были легче.

Ева шла сквозь сумерки, пахнущие мокрой землей и немного — бензином. Не чувствуя ничего, даже дождя. Шла к сестре. К родителям. Домой.

Если она и плакала, весенний ливень слизывал слезы с ее лица.

Глава 24. Fine

("прим.: Fine — конец (муз.)

Мелодичное бульканье скайпа раздалось, когда Ева всыпала в миску с будущим тестом для печенья первый стакан муки.

— Привет, коть! — Дина Нельская — двадцать девять лет, всемирно известный киберспортивный комментатор и начинающий покоритель горных вершин, в расстегнутой куртке и флисовом свитере с оленями — радостно помахала сестре, сидя на фоне панельной обшивки стены высокогорного приюта. — Рада, что ты дома, как все нормальные люди, а не потеешь на «Щелкунчике».

— Привет, альпинист! — Ева Нельская — двадцать три года, студентка третьего курса МГК им. Чайковского, с осени артистка оркестра Большого Театра — поставила на паузу «Оле More Time, One More Chance», лившую печальные гитарные переборы из колонок ноута. — Ну да, не доросла еще играть в новогоднем спектакле с Рождественским.

— Это пока! Помяни мое слово, в следующем году уже будешь в основном составе.

— Пожалей меня, а? И так после этой сессии хвостатая по правоведению. — Ева села со смартфоном на стул, прикрытый тряпочной сидухой в фиолетовый ромбик. — Вы в приюте, значит?

К вершине Эвереста Динка решила двигаться постепенно. Начала с Монблана, продолжила Араратом, а на этот Новый год сделала себе еще один подарок — Эльбрус. Зимнее восхождение считалось тяжелее летнего, но Динка только отмахивалась «с Эверестом не сравнить».

— Ага! Здесь клево. Горячая вода, даже голову можно помыть. И вон еще какая красота! — сестра отвела мобильник в сторону. Камера продемонстрировала Еве огромное панорамное окно с несомненно потрясающим видом на кавказские хребты, сейчас скрытые вечерней тьмой. — Утром буду здесь пить чаек и рассвет смотреть, завтрак like a sir... фоточек покидаю.

— А само восхождение когда?

— Да пятого, я ж говорила. Пока акклиматизируемся. Сегодня сползали до «Приюта одиннадцати»... ну, еще чуууточку выше, до

четырёх двести. Четырёх тыщ. Метров.

— Я поняла.

— Теперь вот обратно уползли. Скоро будем шампусик открывать.

— Вам не вредно?

— За пять дней протрезвеем, не бойсь. Имеем право на праздничный ужин. Ты там одна еще?

— Ага, — подтвердила Ева бесстрастно. — Печеньки пеку. Оливье уже нарубила, утку запекла, а печеньки забыла...

Динка проницательно воззрилась на ее сверхъестественно беззаботную улыбку.

— Что-то случилось?

Все же никто не знал младшую из сестер Нельских лучше, чем старшая.

— Да не. Ничего серьезного.

— Мама опять брюзжит?

— Да ну тебя! — Ева возмутилась почти искренне. — Созванивались с ней час назад. Она только на тебя дуется. Ты ей тоже позвони, а то она там с ума сходит, представляя твой хладный труп на дне ущелья...

— Позвоню, позвоню. Сразу после тебя. Точно все нормально?

— Точно, точно. — Во всяком случае, точно не собираюсь портить Новый год еще и тебе, прибавила Ева. — Ладно, альпинист, давай позже, если хочешь? А то восемь уже, а у меня тут с десертом еще конь не валялся.

— Окей, я как раз маме пока позвоню.

— Фотки жду.

Нажав «отбой», Ева кинула мобильник на стол. Снова включив музыку (хаотично перемешанные треки из плейлиста в контакте, скрашивавшие готовку и хоть как-то отвлекавшие от пакостного чувства, со вчерашнего вечера поселившегося внутри), вернулась к миске, пока гирлянда ободряюще мигала мятными лампочками с карниза для штор.

Сегодня просторная кухня казалась еще просторнее. Слишком просторной для одного. После смерти бабушки (снос старенькой хрущевки переселил ее в новостройку неподалеку от родительских пенатов) чета Нельских, недолго думая, сселила в освободившуюся квартиру младшую дочь (старшая к тому времени успешно въехала в

дом по соседству — своими, честно накопленными силами). Прочли трогательную речь о том, что пора «вылетать из гнезда», и намекнули, что уж собственной жилплощадью грех не пользоваться для свиданий. Учеба учебой, но на третьем курсе можно и на мальчиков внимание обратить. А то здравствующих пока бабушку с дедушкой очень волнует, что обе внучки даже не смотрят в сторону появления правнуков.

Ева была не против — и, заучивая программу для конкурсного прослушивания в оркестр, мучила соседей уже здесь, в своей персональной однушке. И даже мальчиком обзавелась. Новое жилье, новая работа, новый кавалер. Новый этап в жизни. Шикарно.

Во всяком случае, для родителей и бабушки с дедушкой эта картинка точно вышла шикарной.

Доставая соду из шкафчика, по белой дверце которого летели мазками розовой краски лепестки сакуры (бабушка не смотрела аниме, просто любила Японию), Ева слушала, как проникновенный голос Масасеи Ямазаки сменяет тишина — и в этой тишине полупрозрачным боем часов монотонно звенят щемяще знакомые «ре». Сен- Санс... Тема полночи сегодня, конечно, актуальна, но «Пляска Смерти» не особо подходит новогоднему вечеру. Во всяком случае, в мире, где новый год никак не связан с танцующими скелетами.

Жалко, что в свое время «Пляска» не завалилась у нее на планшете. Герберту бы понравилось.

Имя, которое она запретила себе произносить даже в мыслях, пронеслось за миг до того, как дрогнувшая ложка рассыпала соду по пластиковой столешнице модного кухонного гарнитура.

Кого ты обманываешь, Ева, ехидно пело внутри, пока она тянулась за тряпкой. Запретила, как же. Сколько раз ты запрещала себе это? Сколько срывалась? Сколько доставала то, что лежит сама-знаешь-где?..

Взгляд сам потянулся к среднему ящику тумбочки рядом с раковиной.

...ее успели признать погибшей. Все камеры и видеорегистраторы, которые могли бы зафиксировать ее исчезновение, заглянули ровно в этот момент — видимо, так электроника реагировала на прореху. И несмотря на то, что по крайней мере десяток человек видели, как она растворяется в воздухе, в полиции все

они в один голос показали, что Еву затащили в машину с заляпанными грязью номерами, после чего увезли в неизвестном направлении. Показания, правда, слегка разнились: кто-то грешил на белый джип, кто-то на серый минивэн, но в целом разница была невелика.

Еве становилось почти смешно от мысли, что не только в сказочной стране она успела побывать мертвой и воскреснуть.

Конечно, бюрократическая машина вернула ее к жизни, неохотно выплюнув необходимые документы. И, конечно, ее возвращение — вымокшей до нитки, почти год спустя, в той же одежде, с вещами, но без памяти обо всем, что произошло после ее встречи с машиной — выглядело чертовски подозрительно. Для всех, и для родителей в первую очередь. Но психиатры, к которым Еву пытались отправить, чтобы побороть амнезию и посттравматический шок, до странного легко верили ее честным глазам и лаконичному «ничего не помню». Полиция отказалась искать неведомых маньяков, заявив, что девочка просто воспользовалась случаем, чтобы сбежать из дома, и хорошо что вернулась. Мама, пару дней бушевавшая ураганом в халате, намереваясь обратиться в вышестоящие инстанции, через эту самую пару дней вдруг задумчиво заметила за ужином, что и правда: главное, что Ева вернулась. Так ли важно, откуда и почему? И надо ли тратить на поиски злодеев время и силы, которое они могут провести вместе? Раз уж она в целости, сохранности и даже без следов насилия, ну, не считая шрама на груди...

Динка и вовсе на злодеев плевала с самого начала. Просто радовалась, что может снова обнять свою дурилку и с чистой совестью отобрать у мамы сигареты. Как папа радовался, что может поить воскресшую младшенькую куриным бульоном, пока та оправляется от воспаления легких: прогулка под дождем, да еще после высокогорного прощания, не прошла бесследно...

Выключив вдруг опротивевшую мелодию, споласкивая тряпку под теплой водой, Ева все еще смотрела на средний ящик — где среди открывашек, половников, рулонов фольги и прочей кухонной утвари лежало то, что едва ли можно было отыскать на кухне среднестатистической российской хозяйки. Даже если эта хозяйка не-совсем-среднестатистическая студентка консы и артистка оркестра Большого Театра.

...мир затирает следы. Юлил, подтасовывал факты, подкидывал улики, стараясь залатать возникшую дыру всеми возможными способами. Как мог восстанавливал порядок вещей, так грубо нарушенный девочкой, которая никак не должна была вернуться из сказки, куда ее так грубо отправили.

Мир и правда хранил свои границы — и правду о том, что эти границы существуют.

Интересно, что бы Ева делала, если бы все оказалось не так просто. Если бы окружающие решили копать до конца. Если бы ее упорному «ничего не помню» не верили. Сидела бы она сейчас в палате с мягкими стенами? Или все так же сошло бы с рук — и ей, и несуществующим похитителям? В конце концов, полиция и без всякой магии частенько не любит ловить даже существующих преступников, да и психиатры психиатрам рознь...

Масло, взбитое с яйцами и медом, тихо таяло в миске, когда Ева все-таки открыла ящик: чтобы, вытащив пластмассовую коробку с делениями для столовых приборов, достать из-под нее голубой кристалл на кожаном шнурке.

Так себе тайник. Но она и не дневник Берндетта прячет.

Шесть лет назад, прежде чем позвонить в родительскую дверь, она сунула в горшок с искусственным цветком, украшавший подъездный подоконник, две вещи. Кристалл — и карту памяти, куда заранее сбросила с планшета и телефона всю ценную инфу, включая немногочисленные фото, что успела сделать в другом мире. Естественно, карту она вытащила задолго до того, как отдала планшет Снежке: мысль, куда пристроить гаджет, если все выгорит, скользнула у нее еще во время сборов к третьей попытке. В горшок та отправилась, потому что Ева знала — все ее вещи будут обшарены в поисках возможных зацепок, и лучше позаботиться о том, чтобы этих зацепок не нашли.

Опасения, что за неделю, через которую она смогла забрать свои сокровища обратно, кому-то в кои-то веки понадобится протереть пыль с пластмассовых листьев, не оправдались.

Карта сгорела. Просто не читалась ни одним устройством, превратившись в бесполезный кусок пластмассы. Кристалл, как ни странно, уцелел. Ожидать, что он рассыплется на кусочки или

превратится в пыль, было бы логично, но нет. Артефакт пережил путешествие между мирами в целостности и сохранности.

Телефон, заерзав по скатерти за ее спиной, замурлыкал «стежкой малою заплутала я» — пока Ева смотрела, как зачарованная подвеска качается между пальцев.

Новая работа, новый кавалер, новая жизнь...

...пожав плечами, она бросила кристалл туда, где он точно не будет искушать и мозолить глаза: в мусорку.

Вернувшись к столу, взяла трубку.

— Привет, зай, — сказала Ева. — Ты где? А, ясно... Печеньки пеку. Скоро будешь? Хорошо. Люблю тебя.

И, нажимая «отбой», чтобы вернуться к печенью, которое в эту ночь они будут делить на двоих, точно знала: она сделала правильный выбор.

Глядя, как мятный свет бликует в прохладной кварцевой глубине, Ева почти улыбалась. Лишь теперь понимая, какие чувства вкладывали в свои фирменные улыбки представители одной аристократической семьи.

Наверное, так закончить ее историю было бы правильнее. Оригинальной, конечно, после Льюиса ее было бы не назвать, но тогда в ней хотя бы можно было бы прочесть мораль. Девочка выросла и заземлилась. Вынесла уроки из пережитого в юности и живет дальше — в реальном мире. Кесарю кесарево, сказкам сказочное.

К сожалению, жизнь и человеческие чувства не особо любят правила.

Грани кристалла вжимались в кожу, когда Ева подошла к столу.

Нажав боковую клавишу, вырубив звук, она смотрела на экран, пока тот не погас, оставляя укоризненное уведомление о пропущенном вызове.

Его зовут Миша. Он рыжий, кудрявый, романтичный и юморной. Хороший кулинар, хороший парень, хороший скрипач. Учится на одном курсе с ней. С прошлого года они вместе играют в квартете. Он ничем не напоминает одного венценосного сноба. Наверное, потому Ева и уступила настойчивым ухаживаниям, которыми ее добивались с первого курса.

Вчера он сделал ей потрясающий подарок: обручальное кольцо. Очень быстро, но Миша и так ждал два года, прежде чем дама сердца

соизволила ответить ему благосклонностью, и не хотел давать ей возможность убежать. Он сказал, что с первого взгляда понял — эта потрясающая девушка, похожая на грустного эльфа, станет его женой. Он сказал, что делает это не в праздничную ночь, чтобы в новый год они вступили уже в других отношениях.

В ответ Ева сделала ему не менее потрясающий подарок: сказала, что их отношения были ошибкой. Поняла, что не может и дальше смотреть в его влюбленные глаза, чтобы вспоминать совсем другие.

Понять бы теперь, что с этим делать. Едва ли разрыв хорошо скажется на квартете...

Сев за стол, Ева — в который раз за шесть лет — закрыла глаза, прижав ладони к губам, словно для молитвы.

Что-то общее с эльфом у нее точно было. Например, что за шесть лет внешне она не повзрослела ни на йоту. Смерть и другой мир все же оставили на ней свою печать: пока это влекло одни шуточки Динки на тему, что такими темпами ее дурилке и в тридцать без паспорта алкоголь продавать не будут, но в перспективе грозило еще теми проблемами.

Хотя о перспективах дальше тридцати и более туманных, чем концертмейстерский пульт, Ева предпочитала не думать.

— Привет.

Чтобы сквозь сжатые пальцы пробился тусклый свет — утекающий, как вода, как песок в часах, как все, что уносит с собой былое, — ей не требовалось вызывать в памяти его лицо. Оно и так стояло перед глазами: не стертое ни годами, ни страстным желанием забыть, ни бесконечной голодной пустотой, полной безглазых хищных наблюдателей, лежащей меж гранями двух миров.

— Давно я не выходила на связь.

За окном, приоткрытым на щелочку, сквозь которую в кухню ледяной змейкой вползала морозная свежесть, гроыхнул чей-то нетерпеливый фейерверк. Совсем как когда Ева жила с родителями: наверное, в каждом дворе найдутся веселые чудаки, который начнут праздновать чуточку раньше.

— У нас сегодня праздник. Новый год. Пеку тут печенье и вспомнила о тебе. Представляешь, осталась одна вещь, музыка, которую мы с тобой так и не послушали, а она...

Ракеты, разрываясь прямо напротив ее двадцатого этажа, завывали, засвистели, озаряя разноцветьем обратную сторону полузадернутых штор.

— Если можешь, поговори со мной. Пожалуйста. — За этот срывающийся голос она презирала себя больше, чем за равнодушие, с которым вчера разбила сердце влюбленного в нее мальчишки. — Я... мне тяжело без тебя, я не думала, что это будет так...

Знакомое головокружение повело ее в сторону одновременно с тем, как меж локтей, упиравшихся в маки на хлопковой скатерти, расплылась багровая клякса.

Когда кухня перестала плыть перед глазами, Ева тыльной стороной ладони промокнула кровь под носом. Посмотрела в окно, где в черноте праздничного неба расцветали зеленые «хризантемы».

Бросив потухший кристалл на стол, пошатываясь побрела к раковине.

Она никогда не получала ответа. Давно перестала надеяться, что получит. Даже если кристалл действительно работал, даже если переход не сломал его, оставив одну лишь возможность светиться, за которую теперь Ева почему-то расплачивалась собственной кровью — наверняка ее слова не могли долететь до адресата, тонули в той черноте, где над ними многоголосным хором смеялись безглазые наблюдатели. Но почему-то — в такие минуты, как сейчас, когда фасад счастливой в общем-то жизни давал трещину, из которой вползала в душу холодная удушливая чернота — она вновь и вновь брала кристалл в руки, чтобы наболтать глупые, мелочные послания в один конец. Все равно что говорить с мертвым, всякий раз зарекаясь делать это снова.

Изощренная форма мазохизма?..

Умывшись, Ева посмотрела на миску: мука, напиткиваясь маслом и медом, с каждой секундой приближалась к состоянию неудобоваримых комков.

Все-таки ее истории следовало закончиться в День Жнеца Милосердного. Некоторые истории следует заканчивать строго в определенный момент — тогда в них появляется смысл и красота. Тогда ты не видишь, как сказку сменяет обыденность. Как принц с принцессой бьют посуду и скандалят из-за детей. Расстаются под

грузом быта или по другим причинам, старым как мир, не менее тривиальным.

Порой Ева понимала брата.

В чем-то Лешка закончил красиво...

Качнув головой, стряхивая капли с подбородка, Ева промокнула лицо кухонным полотенцем, оставив на желтой махрушке бледно-розовые разводы.

Красиво. Полный бекар. О чем она вообще думает? Это было ее решение. Она выбрала дом, семью, музыку. Блага цивилизации. Всю свою жизнь. И с этим у нее все хорошо. Все это не может перевесить один-единственный мальчишка, в которого ты влюбилась, когда тебе было семнадцать.

Который, может, уже и думать о тебе забыл.

Привстав на цыпочки, чтобы открыть верхний шкафчик над плитой, Ева достала банку с молотой корицей.

Дыши, Ева. Дыши. Тебе может казаться, что ты сделала неправильный выбор, но ты и сама знаешь: это вредные, ежесекундные всплески, которые ты переживала уже не единожды. О которых ты завтра и не вспомнишь, потому что...

Белая вспышка — куда ярче и ближе, чем любой фейерверк — полыхнула за спиной, когда Ева уже закрывала дверцу, одной рукой прижимая к себе пеструю керамическую баночку для специй.

Она обернулась.

...хотя бы потому, что иногда, бросив историю на скучном или грустном моменте, ты можешь не дожидаться множества других моментов. Которых никогда бы не случилось без других, скучных и грустных.

— Давай сразу перейдем к той части, где ты не думаешь, что это сон, возвращаешь себе дар речи и веришь своим глазам, — сказал Герберт.

Кухню огласил короткий, оглушительный, невыносимый звон — резче колокольчиков, истеричнее литавр. Это банка, выскользнув из пальцев, разбилась о плитку, раскатившись осколками по кухне.

Герберт посмотрел на корицу, душным коричневым облачком осыпавшую пол, Евины пушистые тапочки и пестрые гольфы с совами. По домашней юбке из розового вельвета и футболке, принт на

которой возвещал «today is a perfect day to start living your dreams», поднял взгляд к ее лицу.

— Гексаграмма, которую чертил Мэт. В доме Кейлуса. Через которую он собирался уволочь тебя в Межгранье. Ее скопировали, прежде чем стереть. — По небывалому, невозможно бережному терпению в его тоне Ева четко поняла, какая степень охренения (никаких культурных эвфемизмов) сейчас читается в ее глазах. — Мы с Лодом и Белой Ведьмой... решили сотрудничать, чтобы изучать прорехи. Я предположил, что чертеж Мэта может оказаться полезным. На его основе мы вывели другой. Вплели руны, которыми Лод настраивал проход в этот мир, подобрали заклятие. Создали ритуал, который позволяет открыть прореху сюда. По собственному желанию. К конкретному объекту. Оставалась лишь одна загвоздка: основной принцип прохода на эту сторону остался в действии. Пройти может только тот, кто действительно хочет увидеть кого-то, кто находится здесь, и только к нему. — Скинув с плеча холщовую сумку, Герберт бросил ее на стол, по соседству с кристаллом. Дешевое дерево отозвалось звяком, с каким стучат друг о дружку очень дорогие вещи из очень чистых драгметаллов. — Я собрался не сразу, на мне как-никак Ковен и Шейн. Нужно было найти надежных заместителей и передать дела. Белая Ведьма поднатаскала меня в ваших языках, за иностранца должен сойти. Мне сделали что-то очень похожее на ваши документы. У меня с собой широкий ассортимент зелий и артефактов для ментальных манипуляций. Того, что можно обменять на ваши деньги, я прихватил в избытке. Эльен присматривает за замком и передает привет в самых изысканных выражениях, которые можешь представить, ибо я сломаю язык, пытаюсь пересказать все. Мирк присматривается к заморским принцессам и передает, что он тебя, конечно, любит, но не за то, что из-за тебя на его венценосную голову свалилась острая необходимость обеспечить династию новым наследником. Надеюсь, ответил на все твои «как», «откуда» и «почему».

Ева только чихнула: от корицы, ударившей в нос, когда она наконец вспомнила о такой досадной мелочи, как потребность дышать.

Герберт — почти не изменившийся, лишь волосы отпустивший чуть длиннее — небрежным движением вскинул руку, отбросив за спину тяжелый плащ, так неуместно смотревшийся рядом со стульями

из икеи. Зажег над ладонью язычок белого пламени, так неуместно смотревшийся рядом с электрической гирляндой.

Склонил голову набок, точно прислушиваясь к ощущениям.

Смяв пламя в руке, как ненужный чек, он поднес ладонь к носу:

— Вот как. — След, который оставили на его пальцах кровавые капли, некромант разглядывал почти удовлетворенно. — Стало быть, магия здесь все-таки есть. Только цену требует несравнимо большую.

Ева не знала, какими словами приветствуют возлюбленного из другого мира, шесть лет спустя объявившегося на твоей кухне в спальном районе Москвы — но все слова, что следовало произнести, заменил один хриплый, почему-то оказавшийся самым важным вопрос.

— Ты... ты даже не знал, есть ли в этом мире магия?

— Откуда? Да это было и не важно. — Тонкие, почти музыкальные пальцы, расстегнув серебряную пряжку в виде цветка мака, аккуратно свернули плащ: чтобы перебросить через спинку стула, оставив его владельца в штанах и почти гражданской рубашке. — Я идиот, что не сразу это понял. Но то, что ждет меня здесь, куда важнее. Надеюсь, ждет.

Ева ухватила за столешницу, чтобы не упасть.

Магия. Цена. Головокружение.

Нет, то, что сейчас кружит ей голову и подкашивает ей ноги, точно не имело отношения к ее экспериментам с сеансами ментальной связи. Вдруг оказавшимся не такими уж безответными.

— Я... у меня вроде как молодой человек, — зачем-то сказала она. — Был. До вчерашнего вечера.

— Я предполагал подобную возможность.

Его выдержкой можно было резать металл.

— И что бы ты делал, если бы сейчас он вышел из комнаты?

Улыбка, тенью заигравшая на губах Герберта, получилась очень тибелистой.

— Тебе бы это не понравилось. Но если бы ты сдержала свое обещание и была счастлива, вряд ли бы ты пыталась выйти со мной на связь.

...точно не безответными.

— Так ты слышал меня?

— Не слышал. Но мой кристалл светился. Тридцать шесть раз за два года.

Они стояли, разделенные тягучим молчанием и двумя метрами глянцевого бежевого плитки, на которой вспыхивали весенние отблески следующего залпа «хризантем».

— Я считал, — добавил Герберт.

— И, видимо, не снимал его.

— Никогда.

— И этого тебе хватило, чтобы... чтобы сделать... это?

Хрипотца так и не ушла из ее голоса, когда Герберт наконец шагнул вперед, стирая проклятые два метра, лежавшие между ними последней чертой.

Когда его ладони легли ей на плечи, Ева вдруг поняла: к тому, что в самом ближайшем будущем ей сулил его взгляд, хрипотца придется только кстати.

— А как же доводы «мы разругаемся через год»? Твой восхитительный характер и мой невероятно кроткий нрав?

— Исключительно кроткий, — поправил он. — Люди меняются. Иногда даже к лучшему.

— Ты хоть подумал...

— Я в жизни так много думал, что немного устал.

— Ты...

— Помолчи, будь добра.

— Но...

Фейерверки за окном затрещали, заглушив ее протестующее мычание.

Очень быстро сделавшее диминуэндо, чтобы модулировать в не такое уж протестующее.

— Единственный недостаток живой девушки — приказывать ей замолчать далеко не так эффективно, — сказал Герберт, отстранившись. Подхватив ее за талию, легко посадил на столешницу, где грустило тесто, которому так и не суждено было сегодня стать печеньем. — Хорошо, что есть другие методы.

...в одном Мэт был прав: оказывается, корица идеально подходит к подобным моментам.

5 января 2019 г.

Казань

